INTERNATIONAL JOURNAL OF MEDICINE AND PSYCHOLOGY / МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ

2026, Том 9, № 6

Подписано к публикации: 26.09.2026

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, *доктор психологических наук, профессор*
Члены редакционной коллегии

Агранович Надежда Владимировна (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмурадовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) — доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Прокопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Хаидов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Цахаева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии» включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-3313 (online)
E-mail: ijmp-journal@yandex.ru
Сайт: https://ijmp.ru

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2026

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пильник Е.Н., Загривина Е.В., Дерягина Л.Е., Заславский Д.В., Пятибрат А.О., Рейнюк В.Л.
Оценка выраженности кариопатологии у страдающих акне и практически здоровых подростков в зависимости от содержания тяжёлых металлов в объектах окружающей среды 7-15

Ишутина А.В., Кокоев Э.И., Шакирова Д.М.
Клинико-морфофункциональная оценка восстановления мягких тканей после липосакции и возможности применения очищенных PDRN-препаратов 16-23

Шорина А.В., Фролова А.Г., Хасанов А.Ш.
Синдром профессионального выгорания как профессиональный риск в педагогической сфере 24-31

Малов И.В., Михайлова И.Г., Мухамадеев Н.Н.
Эффективность применения цеолитсодержащего трепела в лечении экспериментального пародонтита средней степени тяжести 32-38

Ильясов А.Б., Насрулаева Х.Н., Алхазова Р.Т., Магомедова З.Ш., Магомедова Р.Г.
Исследование фармакокинетических и фармакодинамических свойств стереоизомеров лекарственных препаратов 39-46

Шумбасова Н.С., Волынова А.М., Илюшова А.А.
Роль гигиены полости рта в патогенезе неинфекционных заболеваний: системный взгляд на проблему 47-53

Тамбовцев С.А.
Роль митохондриальной дисфункции и оксидативного стресса в патогенезе хронической сердечной недостаточности: клинико-патофизиологические аспекты 54-60

Богдашов Д.С., Максимюк Н.Н., Ким А.Е., Шустов Е.Б., Ганапольский В.П., Прошина Л.Г.
Оценка взаимодействия нейролептиков в процессе комплексного лечения пациентов с диагнозом шизофрения 61-73

Гревцова Е.А., Николаева А.Д.
Сравнение йоддефицитных регионов России по уровню патологии щитовидной железы и мерам профилактики 74-80

Маджидова Ё.Н., Каримова Г.Л.
Неврологические синдромы у доношенных детей с задержкой внутриутробного развития: клиническая картина, алгоритм ранней диагностики и стратегия лечения 81-88

Юлдашева Н.М., Убайдуллаева Д.Б.
Структурные изменения диска зрительного нерва и макулы при дистиреоидной оптической нейропатии по данным оптической когерентной томографии 89-94

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С.
Стратегии организации времени пользователей социальных сетей: теоретическое обоснование и разработка авторского опросника 95-101

Тихонова Н.В., Чупина В.Б., Сабанова А.О., Ахмедова А.И.
Формирование профессиональной культуры будущего врача
в контексте социально-гуманитарной подготовки 102-107

Тхагалижокова Л.В.
Классификация кейс-технологий в работе с персоналом организации 108-114

Шкляр Т.Л., Онопченко Е.А.
Семейная идентичность как предиктор тревожности и неуверенности личности 115-122

Бенькова О.А.
Связь между активностью в социальных сетях и одиночеством в юношеском возрасте 123-128

Глебова Н.С.
Половозрастные особенности профессионального самоопределения подростков 129-135

Трусова Е.А.
Специфика профессионального самоопределения выпускников
психолого-педагогического класса 136-143

Грязнова Е.В., Туличев А.А.
Формирование ценностных ориентиров студента-медика в рамках православной традиции 144-148

Жихарев Е.А.
Стратегия снижения когнитивных ошибок врача при принятии
клинических решений в амбулаторной терапевтической практике 149-155

Алиева Д.В., Степанкова В.А.
Взаимосвязь эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников ОВД 156-162

Козырева Н.И.
Особенности формирования образовательных и материальных притязаний
у молодых людей раннего юношеского возраста 163-170

Петрова Т.Э.
Психологическая готовность к совместной деятельности как основа развития
навыков командного взаимодействия старшеклассников 171-178

Пучкова Ю.С.
Личностные предикторы толерантности к неопределённости у курсантов
органов внутренних дел: результаты регрессионного анализа 179-183

Семенова К.Г.
Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций у подростков
как профилактика социально-психологической дезадаптации 184-190

Цветкова А.Л.
Ресурсный подход к анализу динамики совладающего поведения
личности при пролонгированном стрессе 191-199

Максимова Н.Л., Николаева Т.Е., Чавошиан Бенямин, Бахши Али
Семейные установки и эмоциональные коммуникации как фактор
психологического здоровья студентов: кросс-культурное исследование 200-207

Шмакова А.В.
Особенности восприятия невербального поведения как компонента внешнего облика партнера в семейно-брачных отношениях 208-214

Галицкая О.В.
Теоретико-методологические основы изучения психологической безопасности личности в дошкольном возрасте 215-226

Кучер И.В., Воробьева К.И.
Проявление экстраверсии-интроверсии у выдающихся художников прошлого 227-236

Руст А.М., Руст С.А.
Психологические предикторы академической прокрастинации у студентов в условиях цифровизации обучения 237-243

Торрес Гутьеррес Алехандро
Эмоциональное благополучие сотрудников, нашедших ценностно-смысловое значение в своей профессиональной деятельности 244-248

Хрипунова С.В., Орлова Т.А.
Основные аспекты формирования готовности к риску у сотрудников военизированных организаций (на примере подразделений МЧС России) 249-257

Зедиярова А.В., Кожевникова О.В.
Роль осознанности в изменении антропометрических показателей и субъективной оценки внешности у участниц программ психологической коррекции веса 258-265

Адамиди О.В.
Дисфункциональные родительские убеждения в структуре детско-родительских отношений 266-271

Яковлева Е.Н., Липинская В.А., Логинова В.П., Филиппенко Я.Е.
Психолого-педагогические детерминанты финансового поведения личности 272-276

Марин Е.Б., Борисюк Г.А.
Психологические характеристики протестной активности поколения Z 277-283

Гончарова С.С., Ермилова Д.Д.
Особенности психологической сепарации от родительской семьи у взрослых сиблингов в зависимости от порядка рождения 284-290

Довгаленко А.П.
Педагогическая профилактика деструктивных форм проявления массового сознания в детской среде 291-297

Лукашенко Д.В.
Психологическая диагностика цифровой образовательной среды вуза: когнитивная нагрузка, учебная мотивация и психологическое благополучие обучающихся 298-305

Андреева И.А.
Психолого-педагогический подход к подготовке ветеранов и участников СВО к педагогической деятельности 306-312

Миниярова В.А.
Актуализация содержания образования как условие мотивации обучающихся 313-319

Мыльников Е.А.
Анализ феномена коммуникативных барьеров в деловой среде 320-323

Литвиненко Н.В., Демерджи Д.М.
Тревожность как психологический феномен: теоретические подходы и современные представления 324-333

Нуриев Т.В., Егорова И.А.
Эмпирическое исследование ассертивности педагогов и эффективность программы её развития 334-339

Славутская Е.В., Владимирова О.Н.
Учащаяся молодежь о родителях: связь склонности к отклоняющемуся поведению со стилем семейного воспитания 340-345

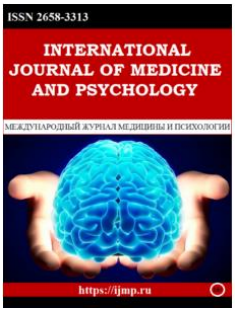
Романова Е.В., Туревская Е.И., Хвалина Н.А.
Развитие мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков в системе дополнительного образования 346-354

Ольшевская Д.А., Киреева Т.И.
Социально-психологические факторы формирования гаджет-зависимости у детей младшего школьного возраста 355-365

Парфентьев М.С.
Социально-психологические факторы самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста 366-373

Шавыкина К.А.
Нейроакустическая стимуляция и доказательная база применения звука для регуляции когнитивных и эмоциональных состояний 374-382

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 616-092.11
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-7-15

[1] Пильник Е.Н.,
[2] Загривина Е.В.,
[3] Дерягина Л.Е.,
[2] Заславский Д.В.,
[2] Пятибрат А.О.,
[1] Рейнюк В.Л.,
[1] Научно-клинический центр токсикологии им. акад. С.Н. Голикова Федерального медико-биологического агентства России,
[2] Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России,
[3] Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

Оценка выраженности кариопатологии у страдающих акне и практически здоровых подростков в зависимости от содержания тяжёлых металлов в объектах окружающей среды

Аннотация: урбанизация сопровождается ростом химического загрязнения окружающей среды, в том числе тяжёлыми металлами, которые способны накапливаться в организме и оказывать генотоксическое и дерматотоксическое действие. Особую чувствительность к их воздействию проявляют подростки, у которых в период полового созревания возможно развитие и утяжеление течения акне на фоне гормональных и метаболических изменений. *Цель* – оценить взаимосвязь выраженности кариопатологии и воздействия тяжёлых металлов у подростков страдающих акне. *Методология.* Проведён анализ данных 595 подростков в возрасте 13-17 лет, проживающих в районах Московской области с различным уровнем экологического благополучия. *Результаты и их обсуждение.* Определена взаимосвязь между показателями количества микроядер в клетках буккального эпителия, концентрацией токсичных металлов в пробах волос, риском формирования акне и тяжестью его течения. *Заключение.* Кариопатологические изменения достоверно чаще регистрировались у подростков с акне, имеющих повышенное содержание тяжёлых металлов в волосах и проживающих на территориях с менее благоприятной экологической обстановкой.

Ключевые слова: акне, подростки, тяжёлые металлы, генетическая нестабильность, кариопатология, микроядерный тест, буккальный эпителий, генотоксичность, дерматотоксичность, экологические факторы

Для цитирования: Пильник Е.Н., Загривина Е.В., Дерягина Л.Е., Заславский Д.В., Пятибрат А.О., Рейнюк В.Л. Оценка выраженности кариопатологии у страдающих акне и практически здоровых подростков в зависимости от содержания тяжёлых металлов в объектах окружающей среды // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 7 – 15. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-7-15

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Pilnik E.N.,***
[2] ***Zagrivina E.V.,***
[3] ***Deryagina L.E.,***
[2] ***Zaslavsky D.V.,***
[2] ***Pyatibrat A.O.,***
[1] ***Reynyuk V.L.,***
[1] *The S.N. Golikov Research and Clinical Center for Toxicology*
Federal Medical and Biological Agency of Russia
[2] *Saint Petersburg State Pediatric Medical University Ministry of Health of the Russian Federation,*
3 Kikot Moscow University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Assessment of the severity of karyopathology in adolescents with acne and practically healthy adolescents depending on the content of heavy metals in environmental objects

Abstract: urbanization is accompanied by increasing environmental chemical pollution, including heavy metals that can accumulate in the human body and exert genotoxic and dermatotoxic effects. Adolescents are particularly sensitive to such exposure, as hormonal and metabolic changes during puberty may contribute to the development and aggravation of acne. *Objective.* To assess the relationship between the severity of karyopathology and heavy metal exposure in adolescents suffering from acne. *Methods.* Data from 595 adolescents aged 13-17 years living in districts of the Moscow Region with different levels of environmental well-being were analyzed. *Results.* The study examined the relationship between karyopathology severity, acne, and exposure to heavy metals as significant environmental toxicants. Signs of latent genetic instability were found more frequently in adolescents with acne, particularly in those with elevated heavy metal levels and living in environmentally unfavorable areas. *Conclusion.* Signs of genetic instability were detected significantly more often in adolescents with acne, especially in those with increased heavy metal exposure and residence in environmentally unfavorable areas, suggesting a possible role of heavy metals in the development and progression of the disease.

Keywords: acne, adolescents, heavy metals, genetic instability, karyopathology, micronucleus assay, buccal epithelium, genotoxicity, dermatotoxicity, environmental factors

For citation: Pilnik E.N., Zagrivina E.V., Deryagina L.E., Zaslavsky D.V., Pyatibrat A.O., Reynyuk V.L. Assessment of the severity of karyopathology in adolescents with acne and practically healthy adolescents depending on the content of heavy metals in environmental objects. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 7 – 15. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-7-15

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 1, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Ускоренная урбанизация сопровождается ростом антропогенной нагрузки на окружающую среду. Основные источники химического загрязнения почвы, воды и атмосферного воздуха крупных мегаполисов представлены промышленными предприятиями и транспортом. Наиболее опасные химические соединения относятся к стойким органическим загрязнителям, в составе которых полициклические ароматические углеводороды, тяжёлые металлы и их соли [1].

Особую опасность указанных химических соединений, в том числе тяжёлых металлов, определяют их выраженные кумулятивные свойства, способствующие постепенному накоплению в организме и развитию неблагоприятных биологических эффектов [13]. Их повышенное содержание связывают с генотоксическими, нейротоксическими, иммунотоксическими и дерматотоксическими эффектами [4].

Будучи важным барьерным органом, кожа является одной из первых мишеней воздействия ксенобиотиков, включая тяжёлые металлы. Наиболее уязвимой группой населения являются дети и подростки, что обусловлено продолжающимся в пубертатном периоде формированием нейроэндокринных и иммунных механизмов адаптации и регуляции. В связи с этим состояние кожи подростков может рассматриваться как один из индикаторов экологического неблагополучия [10].

Одним из наиболее распространённых кожных заболеваний подросткового возраста является акне. Его развитие связано с наследственными, нейроэндокринными, иммунными и метаболическими факторами [6]. Важную роль играет усиленная продукция кожного сала под влиянием андрогенов, особенно на фоне пубертатной гормональной перестройки и стрессовых нагрузок [4]. Также показана взаимосвязь особенностей полового развития подростков с нарушениями метаболических процессов [2, 6].

Материалы и методы исследований

Для определения степени влияния тяжёлых металлов на формирование кариопатологических нарушений, связанных с развитием акне у подростков, проведён анализ медицинской документации 595 подростков обоего пола в возрасте от 13 до 17 лет. Основную группу составили 301 подросток с клиническими признаками акне, контрольную – 294 практически здоровых подростка. В зависимости от возраста обследованные были распределены на две подгруппы: 13-14 и 15-17 лет, с учетом района проживания в Московской области.

Оценку генетической нестабильности проводили с помощью микроядерного теста клеток буккального эпителия, методом соскоба слизистой оболочки полости рта. Клетки буккального эпителия размещали на предметном стекле и окрашивали водным раствором азур-эозина по Романовскому-Гимзе, далее исследовали методом микроскопии [7]. При анализе учитывали микроядра, а также другие ядерные аномалии: протрузию, перинуклеарную вакуоль, насечку, двойное ядро, кариорексис, кариолизис и кариопикноз. Отношение количества микроядер к общему числу ядросодержащих клеток выражали в промилле (‰).

Статистическую обработку данных выполняли с использованием программ Microsoft Excel и Statistica 10.0. Для оценки распределения данных рассчитывали коэффициенты асимметрии и эксцесса, после чего применяли параметрические или непараметрические методы анализа. Межгрупповые различия оценивали с помощью критериев Крускала-Уоллиса, Манна-Уитни, и при нормальности распределения о достоверности судили по значения t-критерия Стьюдента. Результаты представлены в виде среднего значения (M), стандартного отклонения (σ), ошибки среднего (m) и 95%-доверительного интервала.

Результаты и обсуждения

Одним из подходов к выявлению генотоксического воздействия тяжёлых металлов является определение частоты клеток с микроядрами в буккальном эпителии. В качестве критерия генетической нестабильности считали определение более 25 клеток с микроядрами на 1000 исследованных клеток [7]. Анализ результатов микроядерного теста свидетельствует, что у подростков, страдающих акне, признаки скрытой генетической нестабильности выражены в большей степени по сравнению с практически здоровыми сверстниками независимо от пола и возрастной группы. Среднее количество клеток с микроядрами в основной группе превышало аналогичный показатель контрольной группы на 61-75 %, при этом выявленные различия были статистически значимыми.

Рис. 1. Количество клеток с микроядрами в буккальном эпителии у наблюдаемых подростков, ‰, M± σ.
Fig. 1. The number of cells with micronuclei in the buccal epithelium of the observed adolescents, ‰, M± σ.

Результаты анализа уровня кариопатологии в зависимости от концентрации тяжёлых металлов в пробах волос обследуемых подростков свидетельствуют о наличии прямой связи выраженности кариопатологии с концентрацией тяжёлых металлов в пробах волос. При этом подростки с акне и повышенным содержанием тяжёлых металлов характеризовались более высоким количеством клеток буккального эпителия с микроядрами, чем у подростков с нормальным уровнем тяжёлых металлов почти в два раза.

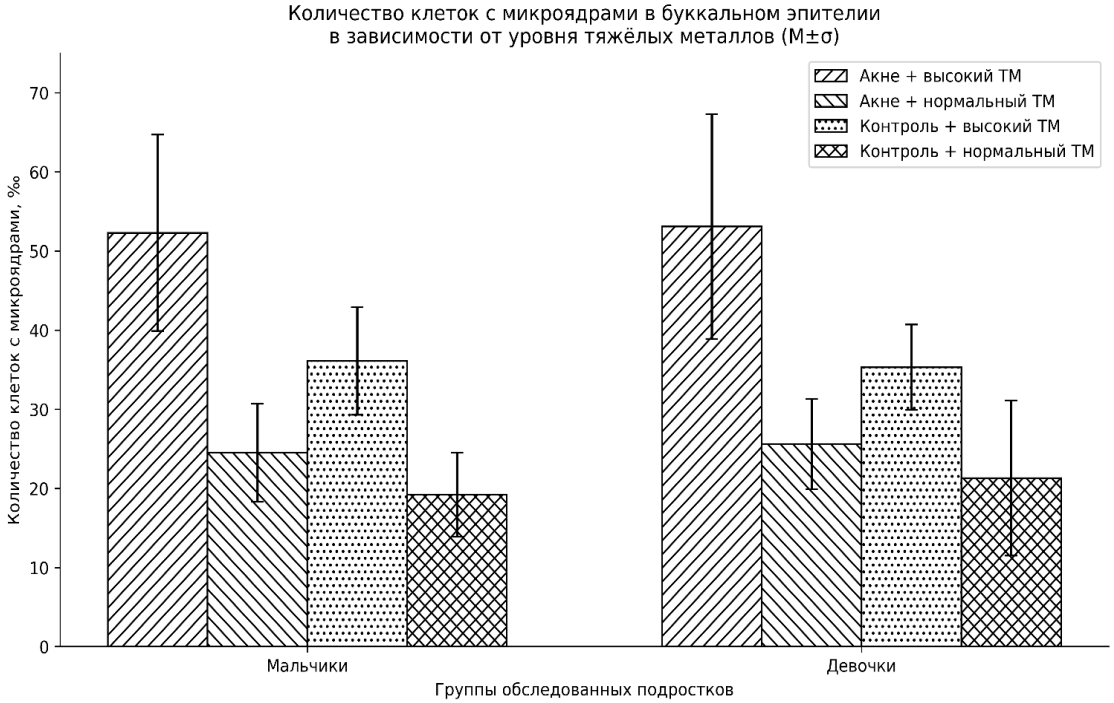

Рис. 2. Количество клеток с микроядрами в буккальном эпителии у наблюдаемых подростков в зависимости от уровня тяжёлых металлов, ‰, M± σ, p<0,005.
Fig. 2. The number of cells with micronuclei in the buccal epithelium of the observed adolescents depending on the level of heavy metals, ‰, M± σ, p<0.005.

При анализе полученных результатов определили, что выраженность кариопатологии была взаимосвязана с проживание в различных по экологическому благополучию районов. Подростки из Подольского и Химкинского районов, отличающихся более высоким уровнем антропогенной нагрузки, характеризовались более высоким количеством клеток с микроядрами, чем подростки, проживающие в Одинцовском районе.

Таблица 1
Число клеток буккального эпителии с микроядрами у наблюдаемых подростков, в зависимости от района проживания, ‰, M±σ.

Table 1
Number of buccal epithelial cells with micronuclei in observed adolescents, depending on the region of residence, ‰, M±σ.

Группы обследованных подростков	Подростки с акне				Подростки контрольной группы			
	Мужской пол		Женский пол		Мужской пол		Женский пол	
	13-14 лет	15-17 лет	13-14 лет	15-17 лет	13-14 лет	15-17 лет	13-14 лет	15-17 лет
Одинцовский район	28,7±8,7*	32,5±6,2*	27,4±9,6*	28,3±7,1*	15,4±8,5	19,7±6,9	18,6±7,2	21,2±9,2
Подольский район	48,4±9,3* #	51,7±8,4* #	52,3±8,4* #	56,5±12,5* #	33,5±7,6 #	34,2±8,4 #	33,8±9,8 #	36,1±11,6 #

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Химкинский район	52,1±11,5* #	63,8±12,3* #	57,8±14,2* #	69,2±16,1* #	29,2±11,5 #	31,4±7,8 #	32,6±11,3 #	34,7±7,9 #

*Примечание: * – различия относительно подростков контрольной группы, проживающих в том же районе, статистически достоверны, p<0,005; # – различия относительно подростков аналогичной группы, проживающих в Одинцовском районе, статистически достоверны, p<0,005.*
*Note: * – differences relative to adolescents in the control group living in the same area are statistically significant, p<0.005; # – differences relative to adolescents in a similar group living in the Odintsovo district are statistically significant, p<0.005.*

Среди подростков, имеющих признаки генетической нестабильности формирование акне определялось в 2-3 раза чаще чем среди подростков без кариопатологии.

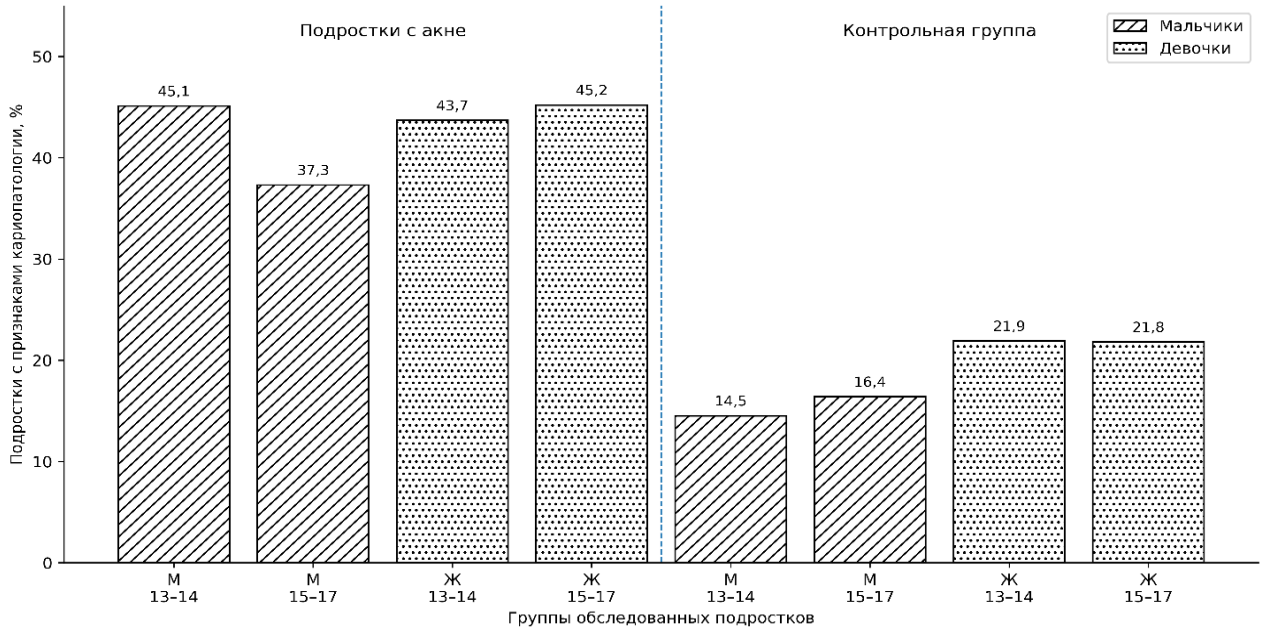

Рис. 3. Структура обследованных подростков по признакам генетической нестабильности, n.
Fig. 3. Structure of examined adolescents according to signs of genetic instability, n.

Результаты анализа признаков генетической нестабильности в зависимости от района проживания свидетельствуют, что кариопатология чаще выявлялась у подростков с акне, проживающих в менее экологически благополучных Подольском и Химкинском районах. В этих районах доля таких подростков достигала 52-54 %. В Одинцовском районе данный показатель был ниже и не превышал 29,1 % у мальчиков и 32,2 % у девочек. Аналогичное распределение также было характерно и для подростков контрольной группы, но была менее выраженной.

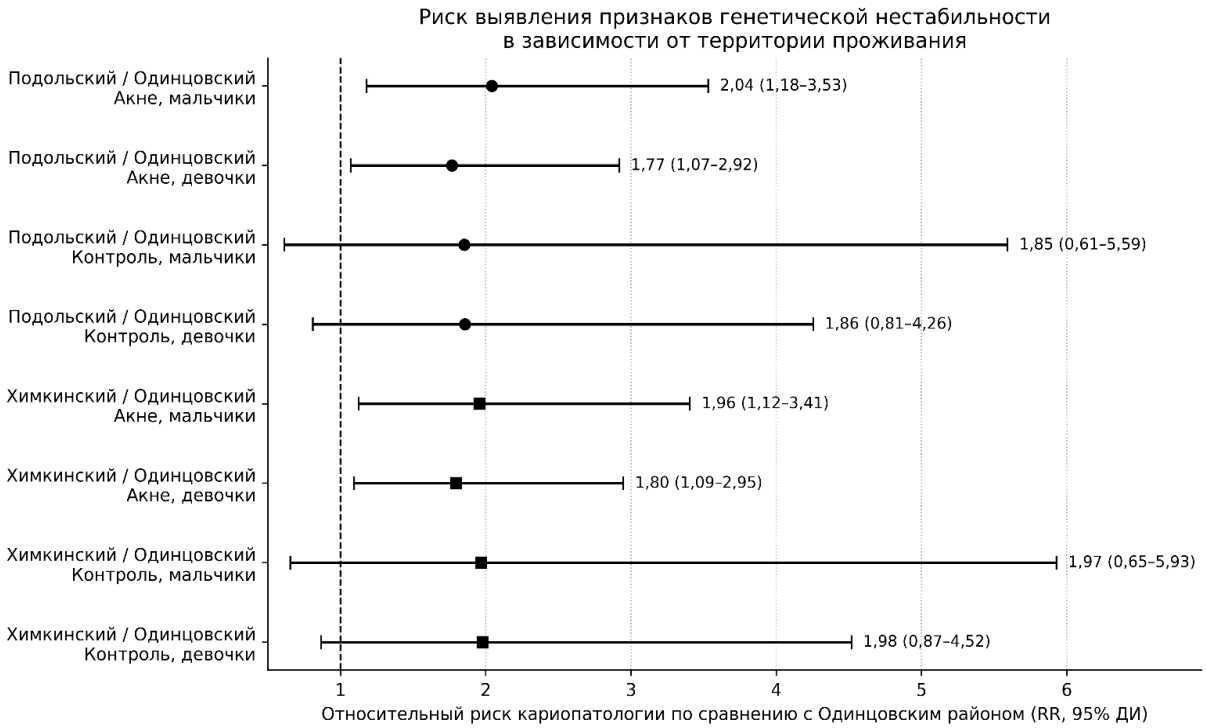

Рис. 4. Распределение подростков с признаками генетической нестабильности в зависимости от территории проживания, n/%.

Fig. 4. Distribution of adolescents with signs of genetic instability depending on the territory of residence, n/%.

Полученные данные указывают на возможную взаимосвязь между наличием акне и скрытой нестабильностью генома, инициированной избытком тяжёлых металлов. Это может свидетельствовать о сочетании генотоксического и дерматотоксического действия тяжёлых металлов в период полового созревания.

Дополнительно была проанализирована тяжесть клинического течения акне по дерматологическому индексу акне (ДИА) в зависимости от наличия признаков генотоксичности. При лёгкой и средней степени акне выраженной зависимости между клиническими проявлениями заболевания и признаками генотоксичности не выявлено. При тяжёлой степени акне связь с генотоксическими нарушениями прослеживалась наиболее выражено. Удельный вес подростков с признаками кариопатологии в данной группе почти вдвое превышал аналогичный показатель среди подростков без признаков генетической нестабильности.

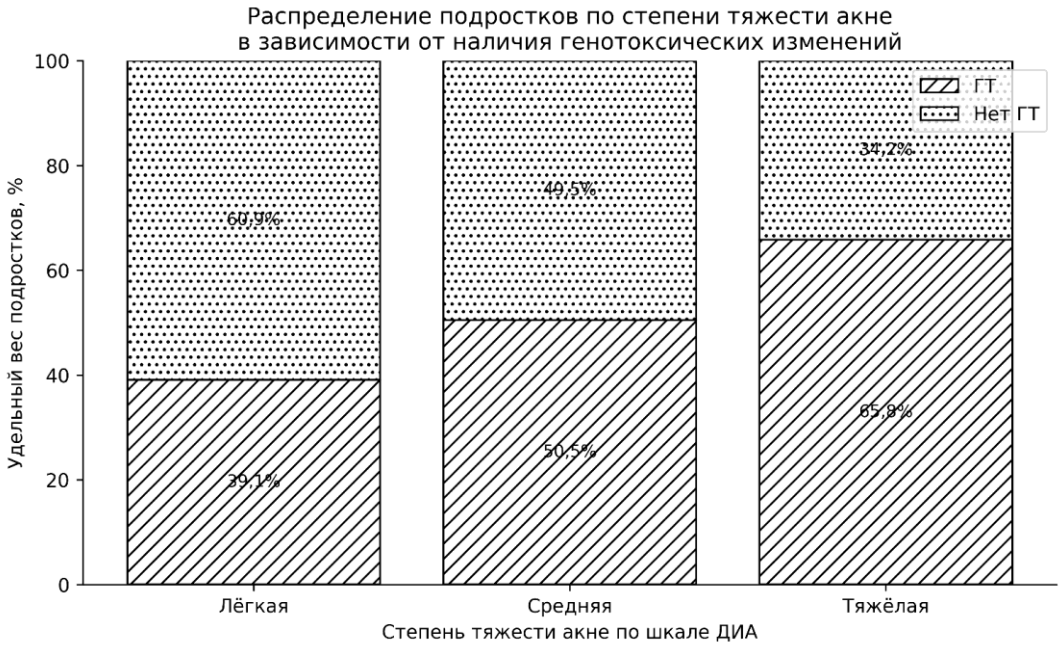

Рис. 5. Характер распределения подростков по степени тяжести акне по шкале ДИА в зависимости от выраженности генотоксических изменений, %.
Fig. 5. Distribution of adolescents by acne severity according to the DIA scale depending on the severity of genotoxic changes, %.

Результаты микроядерного теста, свидетельствуют о более выраженной генетической нестабильности среди подростков страдающих акне по сравнению с практически здоровыми сверстниками. Они демонстрируют увеличение числа клеток с микроядрами на 61-75 %, что указывает на повышение частоты хромосомных повреждений [14]. У подростков из Подольского и Химкинского районов выявлены более высокие показатели количества клеток с микроядрами в буккальном эпителии выявленные по сравнению с более экологически благополучным Одинцовским районом, что согласуется с результатами исследований других авторов [2, 12].

Выявленная связь между формированием и усугублением течения акне и признаками генотоксичности объясняется наличием общих звеньев в патогенетических механизмах повреждения покровных тканей. Тяжёлые металлы способны индуцировать повреждение ДНК за счет оксидативного стресса и образования активных форм кислорода, при этом оксидативный стресс рассматривается как один из ведущих факторов развития воспалительных изменений при акне. По данным систематического обзора и метаанализа представленным Liang Su и соавторами, тяжесть акне ассоциирована с изменением уровней биомаркеров оксидативного стресса, что подтверждает его важную роль в патогенезе заболевания. Следовательно, воздействие тяжёлых металлов задействовано в реализации как генотоксического, так и дерматотоксического эффектов [12, 15].

Особого внимания заслуживает взаимосвязь между тяжестью клинического течения акне и частотой выявления признаков генетической нестабильности. При тяжёлых формах заболевания доля подростков с признаками генотоксичности была почти в два раза выше, чем среди подростков с более легким течением. Это позволяет предположить, что нарастание тяжести заболевания сопровождается усилением процессов клеточного повреждения. Данное предположение согласуется с результатами современных исследований, демонстрирующих, что увеличение тяжести акне сопровождается нарастанием системного воспаления и оксидативного стресса, способных индуцировать цитотоксическое воздействие [9, 11]. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи между формированием и усугублением тяжести клинического течения акне, воздействием токсичных металлов и развитием кариопатологии.

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют, что подростки проживающие в менее благополучных Подольском и Химкинском районе характеризуются большей частотой выявления кариопатологии и более высокой концентрацией токсичных металлов в пробах волос, чем подростки Одинцовского района. Представленный вывод подтверждается выявленными генотоксическими эффектами у 128 подростков с акне и у 55 подрост-

ков контрольной группы, что составило соответственно 22 % и 9 % от общей численности обследованных подростков.. Доля подростков с признаками генотоксичности тяжёлых металлов при тяжёлой форме акне два раза превышала, число подростков без выраженной кариопатологии. Полученные данные позволяют предположить, что тяжёлые металлы играют значимую роль в развитии и усугублении тяжести течения акне у подростков за счёт сочетанного генотоксического и дерматотоксического действия.

Список источников

1. Вертинский А.П. Проблемы загрязнения окружающей природной среды Российской Федерации тяжелыми металлами // Инновации и инвестиции. 2020. № 1. С. 232 – 237.

2. Егорова О.В., Илюшина Н.А. Современные альтернативные методы исследования в генетической токсикологии (обзор литературы) // Гигиена и санитария. 2024. Т. 103. № 9. С. 1056 – 1061. DOI: 10.47470/0016-9900-2024-103-9-1056-1061

3. Малявская С.И., Лебедев А.В., Кострова Г.Н. Уровень оксидативного стресса и нарушения антиоксидантной способности крови у детей и подростков с метаболическим синдромом // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2019. № 1 (161).

4. Николаева В.В. Токсическое действие тяжёлых металлов и мышьяка // Наука и образование. 2025. Т. 2. № 4. С. 447 – 453

5. Ольховская К.Б., Кениксфест Ю.В. Клиническое значение и валидация дерматологических индексов для оценки степени тяжести акне // Фарматека. 2025. Т. 32. № 10. С. 74 – 79.

6. Самошкина Е.С., Балыкова Л.А., Широкова А.А. и др. Метаболический синдром у детей и подростков: современное состояние проблемы. Педиатрия им. Г.Н. Сперанского. 2022. Т. 101. № 6. С. 138 – 145. DOI: 10.24110/0031-403X-2022-101-6-138-145

7. Сычева Л.П. Цитогенетический мониторинг для оценки безопасности среды обитания человека // Гигиена и санитария. 2012. № 6. С. 68 – 72.

8. Baldwin H. Oral Antibiotic Treatment Options for Acne Vulgaris // Journal of Clinical and Aesthetic Dermatology. 2020. Vol. 13. No. 9. P. 26 – 32. PMID: 33133338. PMCID: PMC7577330.

9. Bhoi S., Das K., Meher S. et al. Serum High-sensitive C-Reactive Protein, Interleukin-6 and Malondialdehyde Levels in Acne Vulgaris and Their Correlation With Disease Severity: A Cross-Sectional Study // Cureus. 2025. Vol. 17. No 7. Art. e88405. DOI: 10.7759/cureus.88405

10. Jomova K., Alomar S.Y., Nepovimova E., Kuca K., Valko M. Heavy metals: toxicity and human health effects // Archives of Toxicology. 2025. Vol. 99. No 1. P. 153 – 209. DOI: 10.1007/s00204-024-03903-2

11. Kim H.J., Kim Y.H. Exploring Acne Treatments: From Pathophysiological Mechanisms to Emerging Therapeutic Strategies // International Journal of Molecular Sciences. 2024. Vol. 25. No 10. Art. 5302. DOI: 10.3390/ijms25105302

12. Liu B.M., Hayes A.W. Mechanisms and Assessment of Genotoxicity of Metallic Engineered Nanomaterials in the Human Environment // Biomedicines. 2024. Vol. 12. No 10. Art. 2401. DOI: 10.3390/biomedicines12102401

13. Mustapha L.S., Obayomi O.V., Obayomi K.S. A comprehensive review on potential heavy metals in the environment: Persistence, bioaccumulation, ecotoxicology, and agricultural impacts // Ecological Frontiers. 2026. Vol. 46. No 2. P. 434 – 449. DOI: 10.1016/j.ecofro.2025.10.009

14. Pinto T.G., da Silva Avanci L., de Aguiar G.C., de Souza D.V., Cury P.R., Renno A.C.M., Ribeiro D.A. Is Micronucleus Assay a Suitable Biomarker for Evaluating the Cancer Risk in Professionals Exposed to Antineoplastic Drugs? A Systematic Review // Journal of Applied Toxicology. 2026. Vol. 46. No 3. P. 733 – 753. DOI: 10.1002/jat.4973

15. Su L., Wang F., Wang Y., Qin C., Yang X., Ye J. Circulating biomarkers of oxidative stress in people with acne vulgaris: a systematic review and meta-analysis // Archives of Dermatological Research. 2024. Vol. 316. No 4. Art. 105. DOI: 10.1007/s00403-024-02840-5; Liu B.M., Hayes A.W. Mechanisms and Assessment of Genotoxicity of Metallic Engineered Nanomaterials in the Human Environment // Biomedicines. 2024. Vol. 12. № 10. Art. 2401. DOI: 10.3390/biomedicines12102401

References

1. Vertinsky A.P. Problems of pollution of the natural environment of the Russian Federation with heavy metals. Innovations and Investments. 2020. No. 1. P. 232 – 237.

2. Egorova O.V., Ilyushina N.A. Modern alternative research methods in genetic toxicology (literature review). Hygiene and Sanitation. 2024. Vol. 103. No. 9. P. 1056 – 1061. DOI: 10.47470/0016-9900-2024-103-9-1056-1061

3. Malyavskaya S.I., Lebedev A.V., Kostrova G.N. Oxidative stress level and impaired antioxidant capacity of the blood in children and adolescents with metabolic syndrome. Experimental and clinical gastroenterology. 2019. No. 1 (161).

4. Nikolaeva V.V. Toxic effect of heavy metals and arsenic. Science and education. 2025. Vol. 2. No. 4. P. 447 – 453

5. Olkhovskaya K.B., Keniksfest Yu.V. Clinical significance and validation of dermatological indices for assessing acne severity. Pharmateka. 2025. Vol. 32. No. 10. P. 74 – 79.

6. Samoshkina E.S., Balykova L.A., Shirokova A.A., et al. Metabolic syndrome in children and adolescents: current state of the problem. Speransky Pediatrics. 2022. Vol. 101. No. 6. P. 138 – 145. DOI: 10.24110/0031-403X-2022-101-6-138-145

7. Sycheva L.P. Cytogenetic Monitoring for Assessing the Safety of the Human Environment. Hygiene and Sanitation. 2012. No. 6. P. 68 – 72.

8. Baldwin H. Oral Antibiotic Treatment Options for Acne Vulgaris. Journal of Clinical and Aesthetic Dermatology. 2020. Vol. 13, No. 9. P. 26 – 32. PMID: 33133338. PMCID: PMC7577330.

9. Bhoi S., Das K., Meher S. et al. Serum High-sensitive C-Reactive Protein, Interleukin-6 and Malondialdehyde Levels in Acne Vulgaris and Their Correlation With Disease Severity: A Cross-Sectional Study. Cureus. 2025. Vol. 17. No 7. Art. e88405. DOI: 10.7759/cureus.88405

10. Jomova K., Alomar S.Y., Nepovimova E., Kuca K., Valko M. Heavy metals: toxicity and human health effects. Archives of Toxicology. 2025. Vol. 99. No. 1. P. 153 – 209. DOI: 10.1007/s00204-024-03903-2

11. Kim H.J., Kim Y.H. Exploring Acne Treatments: From Pathophysiological Mechanisms to Emerging Therapeutic Strategies. International Journal of Molecular Sciences. 2024. Vol. 25. No. 10. Art. 5302. DOI: 10.3390/ijms25105302

12. Liu B.M., Hayes A.W. Mechanisms and Assessment of Genotoxicity of Metallic Engineered Nano-materials in the Human Environment. Biomedicines. 2024. Vol. 12. No. 10. Art. 2401. DOI: 10.3390/biomedicines12102401

13. Mustapha L.S., Obayomi O.V., Obayomi K.S. A comprehensive review on potential heavy metals in the environment: Persistence, bioaccumulation, ecotoxicology, and agricultural impacts. Ecological Front-tiers. 2026. Vol. 46. No. 2. P. 434 – 449. DOI: 10.1016/j.ecofro.2025.10.009

14. Pinto T.G., da Silva Avanci L., de Aguiar G.C., de Souza D.V., Cury P.R., Renno A.C.M., Ribeiro D.A. Is Micronucleus Assay a Suitable Biomarker for Evaluating the Cancer Risk in Professionals Exposed to Antineoplastic Drugs? A Systematic Review. Journal of Applied Toxicology. 2026. Vol. 46. No. 3. P. 733 – 753. DOI: 10.1002/jat.4973

15. Su L., Wang F., Wang Y., Qin C., Yang X., Ye J. Circulating biomarkers of oxidative stress in people with acne vulgaris: a systematic review and meta-analysis. Archives of Dermatological Research. 2024. Vol. 316. No. 4. Art. 105. DOI: 10.1007/s00403-024-02840-5; Liu B.M., Hayes A.W. Mechanisms and As-sessment of Genotoxicity of Metallic Engineered Nanomaterials in the Human Environment. Biomedicines. 2024. Vol. 12. No. 10. Art. 2401. DOI: 10.3390/biomedicines12102401

Информация об авторах

Пильник Е.Н., кандидат медицинских наук, младший научный сотрудник, Научно-клинический центр токсикологии им. акад. С.Н. Голикова Федерального медико-биологического агентства России, lderyagina@mail.ru

Загривина Е.В., старший лаборант кафедры дерматовенерологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России

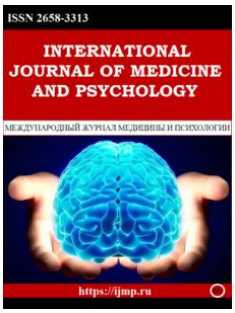
Дерягина Л.Е., доктор медицинских наук, профессор, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

Заславский Д.В., доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой дерматовенерологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России

Пятибрат А.О., доктор медицинских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России

Рейнюк В.Л., доктор медицинских наук, доцент, врио директора, Научно-клинический центр токсикологии им. акад. С.Н. Голикова Федерального медико-биологического агентства

© Пильник Е.Н., Загривина Е.В., Дерягина Л.Е., Заславский Д.В., Пятибрат А.О., Рейнюк В.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)
УДК 617-089.844:616-003.93
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-16-23

[1] Ишутина А.В.,
[2] Кокоев Э.И.,
[1] Шакирова Д.М.,
[1] Московский медицинский университет «Реавиз»,
[2] Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет)

Клинико-морфофункциональная оценка восстановления мягких тканей после липосакции и возможности применения очищенных PDRN-препаратов

Аннотация: введение: статья посвящена оценке раннего восстановления мягких тканей после липосакции и определения возможного места очищенных PDRN-препаратов в постлипосакционной регенеративной поддержке. **Материал и методы.** Использованы обезличенные данные 125 пациентов московской клинической базы, которым в 2024 г. была выполнена липосакция мягких тканей. Оценивали зону вмешательства, выраженность послеоперационного отека, изменение массы тела, состояние кожно-жировой складки и динамику жировой массы в раннем восстановительном периоде через 3-4 недели. **Результаты.** Отек выявлен у 120 из 125 пациентов. Легкий отек отмечен у 113 пациентов, средний и выраженный - у 7 пациентов. При отсутствии отека снижение массы тела составило –1,49 кг, при среднем и выраженном отеке – –1,15 кг. Уменьшение кожной складки в этих группах составило –0,29 см и –0,01 см соответственно. **Выводы**. Ранний результат после липосакции зависит не только от объема удаленной жировой ткани. Отек и состояние кожной складки меняют видимый эффект вмешательства уже в первые недели. Такой подход позволяет точнее оценивать восстановление и объяснять пациентам сроки получения результата. Очищенные PDRN-препараты могут рассматриваться как перспективное направление поддержки мягких тканей, но требуют дальнейшей клинической проверки.

Ключевые слова: липосакция, мягкие ткани, послеоперационный отек, кожно-жировая складка, регенерация, PDRN, полидезоксирибонуклеотиды, постлипосакционная реабилитация

Для цитирования: Ишутина А.В., Кокоев Э.И., Шакирова Д.М. Клинико-морфофункциональная оценка восстановления мягких тканей после липосакции и возможности применения очищенных PDRN-препаратов // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 16 – 23. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-16-23

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Ishutina A.V.,
[2] Kokoev E.I.,
[1] Shakirova D.M.,
[1] Reaviz Moscow Medical University,
[2] I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

Clinical and morphofunctional assessment of soft tissue recovery after liposuction and the possibility of using purified PDRN preparations

Abstract: introduction: the article is devoted to the assessment of early soft tissue recovery after liposuction and to determining the possible role of purified PDRN preparations in post-liposuction regenerative support. **Materials and Methods.** The study used anonymized data from 125 patients of a Moscow clinical facility who underwent soft tissue liposuction in 2024. The intervention area, severity of postoperative edema, changes in body weight, condition of the skin-adipose fold, and dynamics of fat mass were assessed during the early recovery period after 3–4 weeks. **Results.** Edema was detected in 120 out of 125 patients. Mild edema was observed in 113 patients, while moderate and severe edema was recorded in 7 patients. In the absence of edema, body weight decreased by –1.49 kg, whereas in patients with moderate and severe edema the decrease was –1.15 kg. Reduction of the skinfold thickness in these groups amounted to –0.29 cm and –0.01 cm, respectively. **Conclusions.** The early outcome after liposuction depends not only on the volume of removed adipose tissue. Edema and the condition of the skin-adipose fold affect the visible result of the intervention already in the first weeks. This approach makes it possible to assess recovery more accurately and to explain the expected timeframe for obtaining the final result to patients. Purified PDRN preparations may be considered a promising direction for soft tissue support, but they require further clinical verification.

Keywords: liposuction, soft tissues, postoperative edema, skin-adipose fold, regeneration, PDRN, polydeoxyribonucleotides, post-liposuction rehabilitation

For citation: Ishutina A.V., Kokoev E.I., Shakirova D.M. Clinical and morphofunctional assessment of soft tissue recovery after liposuction and the possibility of using purified PDRN preparations. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 16 – 23. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-16-23

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Липосакция остается одной из наиболее востребованных операций в эстетической хирургии. По данным ISAPS за 2024 г., она сохраняет лидирующие позиции среди хирургических процедур у женщин, а по данным ASPS за 2024 г. спрос на липосакцию вырос на 1% по сравнению с 2023 г. [17]. Расширение практики таких вмешательств усиливает значение постоперационного восстановления, поскольку итоговый результат зависит не только от объема удаленной жировой ткани, но и от состояния кожи, подкожной клетчатки, микроциркуляции и лимфатического оттока.

После липосакции мягкие ткани проходят через воспаление, отек, сосудистую реакцию, коллагеногенез и ремоделирование внеклеточного матрикса. Нарушение этих процессов повышает риск фиброза, уплотнений, длительной пастозности и неровности кожного рельефа. В российском обзоре по PDRN отмечено, что восстановление кожи и подкожной клетчатки связано с участием воспалительных клеток, фибробластов, кератиноцитов, эндотелиальных клеток, факторов роста и ферментов [1-3]. Несостоятельность одного из этих звеньев может нарушать заживление тканей.

Полидезоксирибонуклеотиды рассматриваются как один из возможных компонентов регенеративной поддержки мягких тканей. Их действие связывают с активацией аденозиновых A2A-рецепторов, стимуляцией ангиогенеза, противовоспалительным и противоишемическим эффектом. В опубликованных работах описано повышение VEGF, подавление IL-1β, IL-6 и TNF-α, влияние на фибробласты, синтез коллагена I и III типов и реорганизацию коллагеновых волокон [5-7]. Эти механизмы совпадают с ключевыми задачами постлипосакционного периода: уменьшением отека, контролем воспаления, профилактикой фиброза и восстановлением микроциркуляции [8].

При этом применение очищенных PDRN-препаратов после липосакции остается малоизученным направлением. Имеющиеся данные касаются преимущественно ран, рубцов, постпроцедурного восстанов-

ления кожи, акне-рубцов и послеоперационных рубцов, но не формируют отдельного алгоритма для пациентов после липосакции. Не определены оптимальная молекулярная масса, дозировка, сроки введения, кратность процедур и сочетание PDRN с компрессионной терапией, лимфодренажем и аппаратными методами [10-12].

Цель исследования – оценить особенности раннего восстановления мягких тканей после липосакции и определить возможное значение очищенных PDRN-препаратов в коррекции послеоперационного отека, тканевой реакции и качества кожного рельефа.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили обезличенные данные пациентов московской клинической базы, которым была выполнена липосакция мягких тканей в 2024 г. В анализ включались случаи с полной медицинской документацией, указанием зоны вмешательства, объема аспирированной жировой ткани и наличия или отсутствия послеоперационного отека. Из выборки исключались наблюдения с неполными данными, объемом удаленной жировой ткани менее 50 мл, а также случаи, где не была зафиксирована динамика послеоперационного состояния. Такой отбор позволил оценивать не сам факт операции, а связь между объемом вмешательства, выраженностью отека и восстановлением мягких тканей.

Липосакция проводилась под местной тумесцентной анестезией через небольшие проколы кожи. Жировая ткань удалялась канюлей с низким давлением аспирации, что снижало дополнительную травматизацию сосудов и подкожной клетчатки. Объем вмешательства определялся индивидуально с учетом зоны коррекции, толщины подкожно-жирового слоя и клинической задачи. Перед процедурой оценивали окружность тела, локальные жировые отложения, состояние кожи и выраженность фиброзных перегородок. Для сопоставления результатов все случаи были распределены по анатомическим зонам: живот, руки, спина, ягодичная область, бедра, бока и икры.

Послеоперационный отек оценивался по трехуровневой шкале: отсутствие отека, легкий отек, отек средней или выраженной степени с функциональным дискомфортом. Основными оцениваемыми показателями были изменение массы тела, локальная динамика объема тканей, выраженность отека и состояние кожно-жировой складки. Повторная оценка проводилась в раннем восстановительном периоде, в среднем через 3–4 недели после вмешательства. Количественные показатели сравнивались между группами с разной выраженностью отека, а результат операции дополнительно оценивался по снижению массы тела на каждые 50 мл аспирированной жировой ткани. Такой подход позволил связать морфофункциональные изменения мягких тканей с клиническим течением постлипосакционного периода.

Результаты и обсуждения

В анализ включены обезличенные данные 125 пациентов московской клинической базы. Женщины составили основную часть выборки – 123 наблюдения, или 98,4%; мужчины – 2 наблюдения, или 1,6%. Средний возраст пациентов составил 34,4 года, средний индекс массы тела – 22,9 кг/м². Исходная характеристика группы представлена в табл. 1 и использована для оценки раннего восстановления мягких тканей после липосакции.

Таблица 1

Исходная характеристика пациентов.

Table 1

Baseline characteristics of patients.

Показатель	Значение
Общее число пациентов	125
Женщины	123 (98,4%)
Мужчины	2 (1,6%)
Средний возраст	34,4 года
Средний индекс массы тела	22,9 кг/м²
Основные зоны вмешательства	руки, живот, бедра

Послеоперационный отек выявлялся у большинства пациентов. Отек отсутствовал у 5 человек, что составило 4,0% выборки. Легкий отек отмечен у 113 пациентов, или у 90,4%. Отек средней и выраженной степени зафиксирован у 7 пациентов, или у 5,6%. Распределение представлено на рис. 1. Такая структура показывает, что легкая отечность является наиболее частым ранним проявлением тканевой реакции после липосакции.

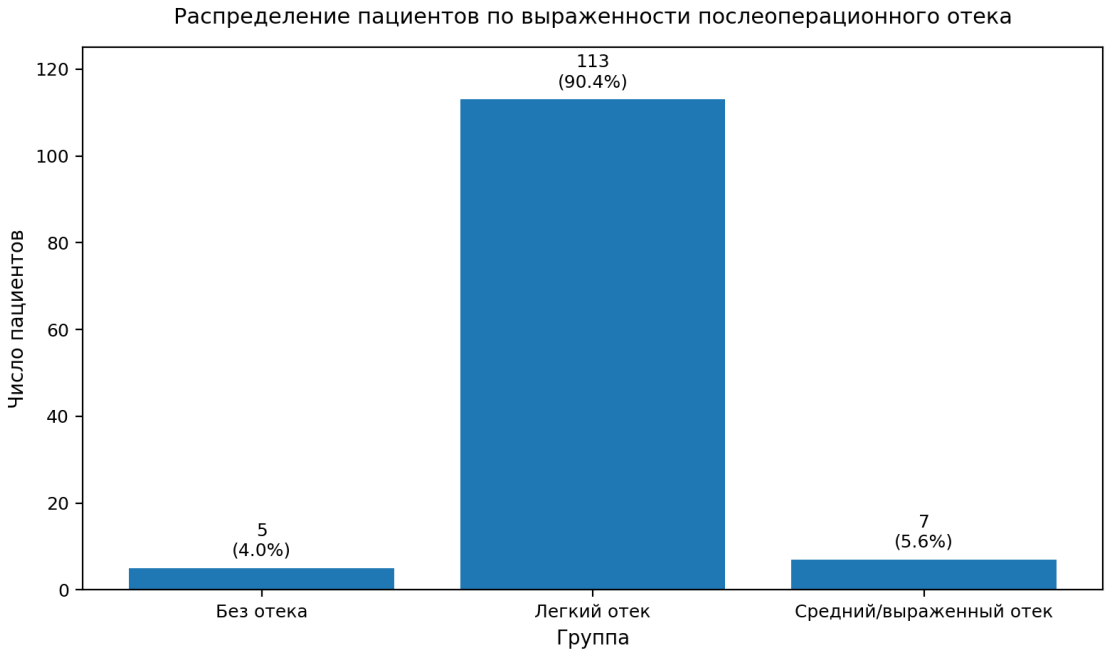

Рис. 1. Распределение пациентов по выраженности послеоперационного отека.
Fig. 1. Distribution of patients by severity of postoperative edema.

По зонам вмешательства чаще выполнялась липосакция рук, живота и бедер. На руки пришлось 59 случаев, или 47,2% наблюдений. Живот и бедра составили по 26 случаев, или по 20,8% на каждую область. Остальные зоны включали спину, бока, ягодичную область и икры. Такое распределение важно для оценки результата, поскольку разные участки отличаются плотностью подкожной клетчатки, выраженностью фиброзных перегородок и скоростью лимфатического восстановления.

Динамика ранних показателей зависела от выраженности отека. В группе без отека среднее снижение массы тела составило –1,49 кг, тогда как при среднем и выраженном отеке - –1,15 кг. Толщина кожной складки уменьшалась на –0,29 см у пациентов без отека и только на –0,01 см у пациентов с более выраженным отеком. Эти данные представлены в табл. 2. Разница указывает, что задержка жидкости может временно маскировать эффект удаления жировой ткани.

Таблица 2

Динамика показателей после липосакции в зависимости от отека.

Table 2

Dynamics of indicators after liposuction depending on edema.

Показатель	Без отека	Средний и выраженный отек
Число пациентов	5	7
Снижение массы тела	–1,49 кг	–1,15 кг
Изменение кожной складки	–0,29 см	–0,01 см
Изменение жировой массы	–1,07 кг	–1,11 кг
Клиническая интерпретация	результат выражен отчетливее	эффект частично маскируется отеком

Свод данных представленных в табл. 2 отражает влияние отека на раннюю оценку результатов липосакции, при этом в группе без выраженного отечного компонента фиксируется снижение массы тела на –1,49 кг и уменьшение толщины кожной складки на –0,29 см, тогда как при наличии среднего и выраженного отека регистрируются значения –1,15 кг и –0,01 см, что свидетельствует о диссонансе между динамикой общей массы и локальных морфометрических показателей и интерпретируется как проявление задержки жидкости в тканях. Изменение жировой массы при сравнительном анализе оказалось сопоставимым и характеризуется значениями –1,07 кг и –1,11 кг, что, в пределах данной смысловой связи, указывает на то, что различия в клинической визуализации результата не обусловлены значительным различием объема удаленного жира, а детерминируются тканевой реакцией в раннем послеоперационном периоде. У 7 пациентов со средним и выраженным отеком фиксируется практически отсутствие изменения толщины кожной складки на фоне снижения жировой массы на –1,11 кг, что на уровне анализа внутренней структуры процесса

предоставляет основание для интерпретации наблюдаемого феномена как задержки жидкостного компонента и изменения плотности кожи. Результат, наблюдаемый в указанной группе, приобретает менее выраженный характер не вследствие уменьшения объема липэктомии, а вследствие тканевой реакции в раннем периоде, проявляющейся в отеке и модификации характеристик подкожной клетчатки. В связи с этим при оценке исходов в интервале 3-4 недели подлежит учету не только динамика массы тела, но и показатели плотности кожи, степень выраженности отека и состояние подкожной клетчатки, при сохранении исходной логики анализа и с учетом специфики рассматриваемого явления.

Практическое значение представленных данных определяется необходимостью раннего ведения пациентов и корреляции клинической динамики с постоперационными проявлениями, при этом отечный синдром зафиксирован в 120 из 125 наблюдений преимущественно в форме легкой степени, что не исключает требования клинического мониторинга, поскольку даже незначительная задержка жидкости способна обусловить изменение толщины кожной складки и модификацию восприятия оперативного результата, в связи с чем необходимость разъяснения сроков восстановления и обоснованного выбора дополнительных методов тканевой поддержки выступает как обязательный компонент лечебно-реабилитационной стратегии, при этом очищенные PDRN-препараты не подлежат классификации в качестве стандарта реабилитации и рассматриваются как средство поддержания состояния кожи и подкожной клетчатки, особенно в условиях отека, воспаления и повышенного риска фиброзирования, а для обоснованной оценки результатов подлежит осуществлению проведение отдельных наблюдений после липосакции, включающих фиксацию динамики отека, состояния микроциркуляции, лимфооттока, изменения плотности тканей и ровности кожного рельефа.

Результаты исследования продемонстрировали зависимость ранней оценки исхода липосакции не только от объема удаленной жировой ткани, но и от выраженности отечного компонента, который модифицирует видимый результат, влияет на толщину кожной складки и способен временно маскировать эффект вмешательства, что находится в согласовании с данными S. Park, где послеоперационный отек рассматривался как фактор, искажающий оценку состава тела после липосакции [18]. В представленной выборке отечный синдром был выявлен у 120 из 125 пациентов, при этом у 7 пациентов степень отека квалифицирована как средняя или выраженная, при отсутствии отека фиксировалось снижение массы тела на –1,49 кг, а при среднем и выраженном отеке величина снижения массы тела составила –1,15 кг, разница между указанными величинами носит небольшой характер, однако интерпретация полученных показателей позволяет констатировать влияние задержки жидкости на раннюю клиническую оценку.

Острецова и соавторы рассматривают постпроцедурное ведение как способ профилактики осложнений после косметологических вмешательств [2]. Храмцова, Плаксин, Соцков и Пономарев описывают восстановление объема мягких тканей при контурных деформациях и дефектах кожи [4]. Ермощенкова и соавторы показывают значение лимфооттока при восстановлении тканей [5]. Davies, Vaghela, Convery, Walker и Murray отдельно указывают на риск инфекционных осложнений после косметологических процедур [6].

В представленном исследовании конвергенция методологических направлений рассматривается как реализация клинической задачи, в рамках которой послеоперационная оценка при липосакции не должна сводиться исключительно к количественной фиксации объема удаленной жировой ткани, а предполагает осуществление комплексной оценки степени выраженности отека, состояния кожного покрова, характеристик лимфооттока, плотностных показателей подкожной клетчатки и вероятности формирования фиброза, при сохранении исходной логики клинической интерпретации. Ограничения исследования фиксируются в размере выборки, составляющем 125 пациентов, во временном интервале наблюдения, составляющем 3–4 недели, и в отсутствии инструментальной оценки лимфатического оттока, что детерминирует необходимость уточнения перечня показателей, подлежащих контролю в раннем послеоперационном периоде.

Программа дальнейших исследований предполагает расширение временных рамок наблюдения с целью фиксации и характеризации фиброзного процесса, динамики отека и параметров микроциркуляции в послеоперационном периоде, что необходимо для полноценной интерпретации восстановительных процессов. Потребность в клинической проверке очищенных PDRN-препаратов в контексте послеоперационного применения после липосакции обусловлена недостаточностью существующей доказательной базы для окончательной оценки их роли в процессах восстановления кожного покрова и подкожной клетчатки.

Выводы

Оценка раннего восстановительного периода после липосакции не может быть ограничена только объемом удаленной жировой ткани, поскольку выраженность отека и состояние кожной складки получают выражение в визуальном результате уже в первые недели и, следовательно, подлежат учету при интерпрета-

ции клинического эффекта. Принятие описанного интегративного подхода обеспечивает возможность более точного обоснования сроков восстановительного процесса перед пациентом и препятствует формированию завышенных ожиданий относительно выраженности оперативного эффекта. Возможность поддержки мягких тканей очищенными PDRN-препаратами рассматривается как предмет предварительной гипотезы, требующей дальнейшей клинической верификации.

Список источников

1. Шевченко Н.А., Комарова Е.Ф., Волошин Р.Н. Применение полидезоксирибонуклеотидов при морфофункциональных нарушениях покровных тканей // Современные проблемы науки и образования. 2025. No 2. DOI: 10.17513/spno.34048

2. Острецова М.Н., Кореневская А., Касихина Е.И., Исматуллаева С.С. Управление постпроцедурным периодом в косметологии: профилактика осложнений и сокращение сроков реабилитации // Медицинский совет. 2022. Т. 16. No 3. С. 80 – 87. DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-3-80-87

3. Буянова Е.Ю., Гутоп Е.О., Калашникова Н.Г., Капулер О.М., Кобаладзе Н.К., Круглик Е.В., Лопаткина М.А., Разумовская Е.А., Рябус М.В., Соколова Е.В., Чеботарева Ю.Ю., Шостак Е.Е. Алгоритмы использования биорегуляционных лекарственных средств для предпроцедурного и постпроцедурного ухода за пациентами в практике врача-косметолога // Пластическая хирургия и эстетическая медицина. 2023. No 3. С. 84 – 92. DOI: 10.17116/plast.hirurgia202303184

4. Храмцова Н.И., Плаксин С.А., Соцков А.Ю., Пономарев Д.Н. Применение методики аутотрансплантации жировой ткани у пациентов с контурными деформациями, дефектами кожи и мягких тканей // Пермский медицинский журнал. 2022. Т. 39. No 4. С. 97 – 107. DOI: 10.17816/pmj39497-107

5. Ермощенкова М.В., Мясникова М.О., Зикиряходжаев А.Д., Галкин В.Н., Старцева О.И., Решетов И.В., Береcток Т.С. Хирургическая реабилитация больных с постмастэктомической лимфедемой верхней конечности // РМЖ. Медицинское обозрение. 2023. Т. 7. No 6. С. 372 – 382. DOI: 10.32364/2587-6821-2023-7-6-6

6. Davies E., Vaghela D., Convery C., Walker L., Murray G. Guideline for the Prevention, Diagnosis, and Management of Acute Bacterial Soft Tissue Infections Following Nonsurgical Cosmetic Procedures // Journal of Clinical and Aesthetic Dermatology. 2021. Vol. 14. No 9, Suppl. 1. P. S29 – S35.

7. Kalashnikova N.G., Jafferany M., Lotti T. Management and Prevention of Laser Complications in Aesthetic Medicine: An Analysis of the Etiological Factors // Dermatologic Therapy. 2021. Vol. 34. No 1. e14373. DOI: 10.1111/dth.14373

8. Косметический пилинг: теоретические и практические аспекты: сборник статей / под общей ред. Е.И. Эрнандес. Москва: Фирма «Клавель», 2003. 214 с.

9. Urdiales-Gálvez F., Escoda Delgado N., Figueiredo V., Lajo-Plaza J.V., Mira M., Moreno A., Ortíz-Martí F., del Rio-Reyes R., Romero-Álvarez N., Ruiz del Cueto S., Segurado M.A., Villanueva Rebenaque C. Treatment of Soft Tissue Filler Complications: Expert Consensus Recommendations // Aesthetic Plastic Surgery. 2018. Vol. 42. No 2. P. 498 – 510. DOI: 10.1007/s00266-017-1063-0

10. Карпова Е.И., Потекаев Н.Н., Мураков С.В., Данищук О.И., Демина О.М. Осложнения контурной инъекционной пластики лица: мировой и российский опыт // Пластическая хирургия и эстетическая медицина. 2019. No 4. С. 54 – 75. DOI: 10.17116/plast.hirurgia201904154

11. Васильев В.С., Корчажкина Н.Б., Михайлова А.А., Наделяева И.И., Васильев С.А., Васильев И.С., Васильев Ю.С., Терюшкова Ж.И., Казанцев И.Б., Васильева Е.С., Котенко К.В. Современные технологии регенеративной реабилитации в лечении пациентов с патологическими рубцовыми изменениями // Хирургия. Журнал имени Н.И. Пирогова. 2021. No 6, вып. 2. С. 7 – 14. DOI: 10.17116/hirurgia20210627

12. Казанцев И.Б., Цуканов А.И., Васильев В.С. Свободная пересадка жировой ткани как способ реконструкции при деформациях губ // Пластическая хирургия и эстетическая медицина. 2020. No 3. С. 60 – 66. DOI: 10.17116/plast.hirurgia202003160

13. Иконникова Е.В., Генслер Е.М. Проблемы инъекционной косметологии: обзор осложнений и методов их коррекции // Медицинский алфавит. 2020. No 6. С. 79 – 82. DOI: 10.33667/2078-5631-2020-6-79-82.

14. Chen J., Potlapalli R., Quan H., Chen L., Xie Y., Pouriyeh S., Sakib N., Liu L., Xie Y. Exploring DNA Damage and Repair Mechanisms: A Review with Computational Insights // BioTech. 2024. Vol. 13. No 1. 3. DOI: 10.3390/biotech13010003

15. Bak S.-U., Jung M.S., Kim D.J., Jin H.U., Lee S.Y., An C.E. Anti-Aging Efficacy of Low-Molecular-Weight Polydeoxyribonucleotide Derived from Paeonia lactiflora // International Journal of Molecular Sciences. 2026. Vol. 27. No 1. 220. DOI: 10.3390/ijms27010220

16. Ciudad P., Bustos V.P., Escandón J.M., Flaherty E.G., Mayer H.F., Manrique O.J. Outcomes of Liposuction Techniques for Management of Lipedema: A Case Series and Narrative Review // Annals of Translational Medicine. 2024. Vol. 12. No 6. 115. DOI: 10.21037/atm-24-165

17. International Society of Aesthetic Plastic Surgery. ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2024. 2025. 86 p.

References

1. Shevchenko N.A., Komarova E.F., Voloshin R.N. Use of polydeoxyribonucleotides in morphofunctional disorders of integumentary tissues. Modern problems of science and education. 2025. No. 2. DOI: 10.17513/spno.34048

2. Ostretsova M.N., Korenevskaya A., Kasikhina E.I., Ismatullaeva S.S. Management of the post-procedural period in cosmetology: prevention of complications and reduction of rehabilitation periods. Medical Council. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 80 – 87. DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-3-80-87

3. Buyanova E.Yu., Gutop E.O., Kalashnikova N.G., Kapuler O.M., Kobaladze N.K., Kruglik E.V., Lopatkina M.A., Razumovskaya E.A., Ryabus M.V., Sokolova E.V., Chebotareva Yu.Yu., Shostak E.E. Algorithms for the use of bioregulatory drugs for pre-procedural and post-procedural patient care in the practice of a cosmetologist. Plastic surgery and aesthetic medicine. 2023. No. 3. P. 84 – 92. DOI: 10.17116/plast.hirurgia202303184

4. Khramtsova N.I., Plaksin S.A., Sotskov A.Yu., Ponomarev D.N. Application of the technique of autotransplantation of adipose tissue in patients with contour deformities, defects of the skin and soft tissues. Perm Medical Journal. 2022. Vol. 39. No. 4. P. 97 – 107. DOI: 10.17816/pmj39497-107

5. Ermoshenkova M.V., Myasnikova M.O., Zikiryakhodzhaev A.D., Galkin V.N., Startseva O.I., Reshetov I.V., Berestok T.S. Surgical rehabilitation of patients with postmastectomy lymphedema of the upper limb. RMZh. Medical Review. 2023. Vol. 7. No. 6. P. 372 – 382. DOI: 10.32364/2587-6821-2023-7-6-6

6. Davies E., Vaghela D., Convery C., Walker L., Murray G. Guideline for the Prevention, Diagnosis, and Management of Acute Bacterial Soft Tissue Infections Following Nonsurgical Cosmetic Procedures. Journal of Clinical and Aesthetic Dermatology. 2021. Vol. 14. No. 9, Suppl. 1. P. S29 – S35.

7. Kalashnikova N.G., Jafferany M., Lotti T. Management and Prevention of Laser Complications in Aesthetic Medicine: An Analysis of the Etiological Factors. Dermatologic Therapy. 2021. Vol. 34. No. 1. e14373. DOI: 10.1111/dth.14373

8. Cosmetic Peeling: Theoretical and Practical Aspects: A Collection of Articles. edited by E.I. Hernandez. Moscow: Firma "Clavel", 2003. 214 p.

9. Urdiales-Gálvez F., Escoda Delgado N., Figueiredo V., Lajo-Plaza J.V., Mira M., Moreno A., Ortíz-Martí F., del Rio-Reyes R., Romero-Álvarez N., Ruiz del Cueto S., Segurado M.A., Villanueva Rebenaque C. Treatment of Soft Tissue Filler Complications: Expert Consensus Recommendations. Aesthetic Plastic Surgery. 2018. Vol. 42. No. 2. P. 498 – 510. DOI: 10.1007/s00266-017-1063-0

10. Karpova E.I., Potekaev N.N., Murakov S.V., Danishchuk O.I., Demina O.M. Complications of facial contour injection plastic surgery: global and Russian experience. Plastic surgery and aesthetic medicine. 2019. No. 4. P. 54 – 75. DOI: 10.17116/plast.hirurgia201904154

11. Vasiliev V.S., Korchazhkina N.B., Mikhailova A.A., Nadelyaeva I.I., Vasiliev S.A., Vasiliev I.S., Vasiliev Yu.S., Teryushkova Zh.I., Kazantsev I.B., Vasilyeva E.S., Kotenko K.V. Modern technologies of regenerative rehabilitation in the treatment of patients with pathological cicatricial changes. Surgery. Journal named after N.I. Pirogov. 2021. No. 6, issue. 2. P. 7 – 14. DOI: 10.17116/shirurgia20210627

12. Kazantsev I.B., Tsukanov A.I., Vasiliev V.S. Free fat grafting as a method of reconstruction for lip deformities. Plastic surgery and aesthetic medicine. 2020. No. 3. P. 60 – 66. DOI: 10.17116/plast.hirurgia202003160

13. Ikonnikova E.V., Gensler E.M. Problems of injection cosmetology: a review of complications and methods of their correction. Medical alphabet. 2020. No. 6. P. 79 – 82. DOI: 10.33667/2078-5631-2020-6-79-82.

14. Chen J., Potlapalli R., Quan H., Chen L., Xie Y., Pouriyeh S., Sakib N., Liu L., Xie Y. Exploring DNA Damage and Repair Mechanisms: A Review with Computational Insights. BioTech. 2024. Vol. 13. No. 1. 3. DOI: 10.3390/biotech13010003

15. Bak S.-U., Jung M.S., Kim D.J., Jin H.U., Lee S.Y., An C.E. Anti-Aging Efficacy of Low-Molecular-Weight Polydeoxyribonucleotide Derived from Paeonia lactiflora. International Journal of Molecular Sciences. 2026. Vol. 27. No. 1. 220. DOI: 10.3390/ijms27010220

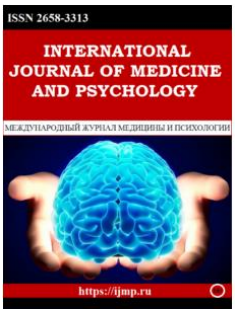
16. Ciudad P., Bustos V.P., Escandón J.M., Flaherty E.G., Mayer H.F., Manrique O.J. Outcomes of Liposuction Techniques for Management of Lipedema: A Case Series and Narrative Review. Annals of Translational Medicine. 2024. Vol. 12. No. 6. 115. DOI: 10.21037/atm-24-165

17. International Society of Aesthetic Plastic Surgery. ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2024. 2025. 86 p.

Информация об авторах

Ишутина А.В., Московский медицинский университет «Реавиз», coolamina@mail.ru
Кокоев Э.И., Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет)
Шакирова Д.М., кандидат биологических наук, доцент, Московский медицинский университет «Реавиз»

© Ишутина А.В., Кокоев Э.И., Шакирова Д.М., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)
УДК 159.923.2
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-24-31

[1] Шорина А.В.,
[1] Фролова А.Г.,
[1] Хасанов А.Ш.,
[1] Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Синдром профессионального выгорания как профессиональный риск в педагогической сфере

Аннотация: профессиональное выгорание педагогов является одной из наиболее острых проблем современной системы образования, поскольку связано с хроническим стрессом, высокой эмоциональной нагрузкой и возрастающими требованиями к профессиональной деятельности. В статье рассматривается синдром профессионального выгорания как профессиональный риск в педагогической сфере. Анализируются основные факторы, способствующие развитию выгорания у педагогов, включая организационные, личностные и социальные детерминанты. Особое внимание уделяется трехкомпонентной структуре синдрома (эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений) и современным моделям его понимания. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований последних лет выявляются ключевые предикторы выгорания в педагогической деятельности, включая ролевую неопределенность, дисбаланс между требованиями и ресурсами, а также личностные особенности педагогов. Предлагаются направления профилактики и психологического сопровождения педагогов для снижения риска развития профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, педагогическая деятельность, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция достижений, профессиональный риск, профилактика выгорания

Для цитирования: Шорина А.В., Фролова А.Г., Хасанов А.Ш. Синдром профессионального выгорания как профессиональный риск в педагогической сфере // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 24 – 31. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-24-31

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Shorina A.V.,
[1] Frolova A.G.,
[1] Khasanov A.Sh.,
[1] Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Burnout syndrome as a professional risk in the educational sphere

Abstract: professional burnout among educators is one of the most pressing issues in the modern educational system, as it is associated with chronic stress, high emotional load, and increasing professional demands. This article examines burnout syndrome as a professional risk in the educational sphere. The main factors contributing to the development of burnout among teachers are analyzed, including organizational, personal, and social determinants. Special attention is paid to the three-component structure of the syndrome (emotional exhaustion, depersonalization, reduction of personal achievements) and contemporary models of its understanding. Based on an analysis of recent foreign and Russian studies, key predictors of burnout in pedagogical activity are identified,

including role uncertainty, imbalance between demands and resources, as well as personal characteristics of teachers. Directions for prevention and psychological support for educators to reduce the risk of professional burnout are proposed.

Keywords: professional burnout, pedagogical activity, emotional exhaustion, depersonalization, reduction of achievements, professional risk, burnout prevention

For citation: Shorina A.V., Frolova A.G., Khasanov A.Sh. Professional burnout syndrome as a professional risk in the pedagogical sphere. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 24 – 31. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-24-31

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В условиях современного общества, отличающегося стремительными изменениями в социальных и экономических сферах, система образования сталкивается с беспрецедентными вызовами. Педагоги испытывают значительную психоэмоциональную нагрузку, связанную с высокой степенью ответственности за результаты обучения, взаимодействие с учащимися и их родителями, а также необходимостью постоянного профессионального развития. В этих условиях проблема профессионального выгорания приобретает особую актуальность как один из ключевых профессиональных рисков в педагогической сфере [1].

Профессиональное выгорание представляет собой синдром, который развивается на фоне хронического стресса и приводит к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов работающего человека. По своей сути, профессиональное выгорание является дистрессом – третьей стадией общего адаптационного синдрома, согласно теории Г. Селье [2]. Впервые понятие «синдром эмоционального выгорания» ввел Герберт Фройденбергер, а позднее К. Маслач описала это состояние как синдром, проявляющийся в физическом и эмоциональном истощении, снижении самооценки, негативном отношении к работе и потере способности к сопереживанию [3].

Особого внимания заслуживает масштаб проблемы выгорания именно в педагогической среде. Как показывают исследования, учителя входят в число профессиональных групп с наиболее высоким уровнем эмоционального выгорания. В Великобритании, согласно отчету Teacher Wellbeing Index, 76% специалистов в сфере образования сообщили о негативных поведенческих, психологических или физических симптомах, связанных с их профессиональной деятельностью, тогда как среди работников других профессий этот показатель составил 60% [4]. Более того, около 30% британских учителей покидают профессию в течение первых пяти лет работы, называя основной причиной чрезмерную нагрузку и бюрократию [4]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в других странах, что позволяет говорить о глобальном характере данной проблемы. В российской науке также сложился устойчивый интерес к изучению организационных и личностных предпосылок выгорания педагогов. Синдром выгорания рассматривается не только как личностная проблема, но и как индикатор неблагополучия в самой организации труда. Исследования показывают, что выгорание является элементом психологической защиты, позволяющим экономить ресурсы психики за счет снижения эмоциональных реакций на негативные внешние факторы. Однако платой за это становится потеря лояльности организации, снижение производительности и формальное отношение к своим обязанностям [1].

Современные исследования расширяют понимание феномена профессионального выгорания. Наряду с классической трехфакторной моделью К. Маслач, включающей эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений, в зарубежной психологии выделяют четырехфакторные модели выгорания, включающие энтузиазм по отношению к работе (обратная сторона выгорания), психологическое истощение, индолентность (безразличие) и чувство вины [2]. Последний компонент особенно важен в контексте педагогической деятельности, поскольку учителя склонны возлагать на себя ответственность за академические неудачи учеников или дисциплинарные проблемы, что усиливает стресс и чувство профессиональной несостоятельности. Значительный вклад в понимание механизмов развития выгорания вносит модель «Требования-ресурсы» (Job Demands-Resources model), которая операционализирует профессиональный стресс как баланс двух категорий факторов. К первой категории относятся требования работы – психофизические, социальные и организационные аспекты, требующие sustained усилий и сопряженные с психофизиологическими затратами. Ко второй – ресурсы работы, которые способствуют достижению целей, снижают психофизиологические затраты и стимулируют личностный рост [5]. В рамках этой модели выго-

рание концептуализируется как результат двух взаимодействующих процессов: истощения, вызванного высокими требованиями при недостатке ресурсов для их преодоления, и мотивационного снижения, связанного с дефицитом ресурсов, поддерживающих профессиональную вовлеченность.

Эмпирические исследования подтверждают применимость модели JD-R к педагогической профессии. Венгерское исследование с участием 327 учителей государственных школ показало значимую положительную корреляцию между требованиями работы (эмоциональная нагрузка, конфликты с коллегами) и показателями выгорания, в то время как ресурсы работы (поддержка руководства, возможности профессионального развития) были отрицательно связаны с выгоранием [6]. Особенно важным оказался социальный аспект: поддержка коллег как на эмоциональном, так и на профессиональном уровне способствовала снижению риска выгорания.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают современные отечественные и зарубежные научные публикации, посвящённые проблеме профессионального выгорания педагогов, результаты эмпирических исследований, представленные в рецензируемых научных журналах, а также нормативно-методические документы и аналитические отчёты международных организаций в сфере образования и психологии труда. В качестве теоретической базы использованы классические и современные концепции профессионального выгорания, включая модель общего адаптационного синдрома Г. Селье, трехфакторную модель К. Маслач, четырехфакторные модели выгорания, а также модель «Требования – ресурсы» (Job Demands – Resources model), позволяющая рассматривать выгорание как результат дисбаланса между профессиональными требованиями и ресурсами личности и организации.

Результаты и обсуждения

Анализ современных научных источников позволяет выделить три группы факторов, способствующих развитию профессионального выгорания у педагогов: организационные, личностные и социальные. Организационные факторы включают чрезмерную рабочую нагрузку, которая объективно превышает временные рамки рабочего дня, высокую степень бюрократизации и отчетности, необходимость постоянного освоения новых технологий и методик, а также недостаточную автономию в принятии решений. Как отмечают исследователи, выполнение несвойственных функциональных задач, хаотичное планирование рабочего времени и несправедливая система оценки труда вносят значительный вклад в развитие эмоционального истощения [1]. Отсутствие возможностей для повышения квалификации и обмена опытом, особенно в территориальных образовательных учреждениях, усугубляет чувство профессиональной несостоятельности, выступая триггером редукции личных достижений.

Важным организационным фактором выступает и так называемый «ролевой стресс», включающий ролевую неопределенность и ролевой конфликт [7]. Ролевая неопределенность возникает, когда педагог не до конца понимает свои должностные обязанности или границы ответственности, что особенно критично в условиях реформирования образования и появления новых должностных функций. Ролевой конфликт связан с необходимостью удовлетворять противоречивые требования со стороны руководства, учащихся, родителей и контролирующих органов. Данные факторы являются сильными предикторами эмоционального истощения, особенно у специалистов с высоким уровнем идентификации себя с профессией. Личностные факторы включают определенные типы акцентуаций характера и личностные особенности, повышающие уязвимость к стрессу. Как показывают исследования, педагоги с перфекционистскими установками и педантичной акцентуацией часто переоценивают степень своего влияния на результаты работы и склонны к многократной проверке данных, что при отсутствии мгновенной положительной обратной связи приводит к фрустрации. Чем выше уровень притязаний и нереалистичных ожиданий от профессии, тем быстрее наступает разочарование. У тревожных акцентуантов высок риск эмоционального истощения из-за постоянного переживания возможных ошибок и санкций со стороны руководства или родителей. Современные исследования также выявляют парадоксальную взаимосвязь: сильная идентификация с профессией педагога может выступать как ресурсом, так и фактором риска. С одной стороны, осмысленность труда и профессиональная идентичность защищают от выгорания, придавая работе ценность и значимость. С другой стороны, когда требования среды противоречат внутренним ценностям педагога, высокая идентификация усиливает стресс, так как специалист воспринимает профессиональные трудности как личную неудачу [8]. Этот феномен особенно актуален в ситуациях, когда педагоги вынуждены реализовывать противоречащие их убеждениям образовательные реформы или использовать методики, в эффективность которых они не верят.

Социальные факторы связаны с характером межличностных отношений в образовательной организации. Исследования показывают, что организационный психологический климат играет существенную роль в поддержании эмоционального и профессионального баланса педагогов. В учебных заведениях, где преобладают напряженность, недостаток поддержки и плохая коммуникация, риск развития синдрома выгорания значительно возрастает [9]. Непрерывный стресс, перегрузки и отсутствие профессионального признания способствуют эмоциональному истощению учителей. Педагоги, длительное время подвергающиеся воздействию такого климата, развивают чувства деперсонализации и снижения профессиональной удовлетворенности.

Поддержка коллег, напротив, выступает универсальным защитным фактором, снижающим уровень деперсонализации и эмоционального истощения [10]. Исследования, проведенные в ЮАР с участием 355 государственных служащих, показали, что поддержка коллег является более сильным буфером против выгорания, чем поддержка руководства [8]. Это может быть связано с тем, что коллеги лучше понимают специфику профессиональных проблем и могут предложить более релевантные стратегии совладания.

Психологические механизмы развития выгорания

Понимание психологических механизмов развития профессионального выгорания необходимо для разработки эффективных профилактических программ. Согласно интегративной модели, развитие выгорания проходит несколько стадий. На начальном этапе наблюдается истощение энергетических ресурсов, проявляющееся в повышенной утомляемости и нарушениях сна. Затем развивается защитное эмоциональное отстранение – педагог начинает дистанцироваться от учеников и коллег, снижая эмоциональную включенность во взаимодействие. На завершающем этапе формируется чувство профессиональной неэффективности, сопровождающееся переживанием собственной беспомощности и бесполезности выполняемой работы. Существенную роль в развитии выгорания играет феномен эмоционального труда – необходимость демонстрировать требуемые профессиональной ролью эмоции, даже если они не соответствуют истинному эмоциональному состоянию. Педагоги вынуждены постоянно проявлять терпение, эмпатию и доброжелательность независимо от собственного настроения и самочувствия. Длительное выполнение эмоционального труда без возможности аутентичного выражения эмоций приводит к истощению и развитию деперсонализации как защитного механизма.

Важное значение имеет и феномен локуса контроля. Исследования показывают, что педагоги с интернальным локусом контроля (убежденностью в том, что результаты их деятельности зависят от собственных усилий) демонстрируют более низкие уровни выгорания и более высокую профессиональную мотивацию по сравнению с педагогами, обладающими экстернальным локусом контроля (склонностью приписывать результаты внешним обстоятельствам) [11]. В исследовании с участием педагогов было установлено, что 62,5% учителей с интернальным локусом контроля проявляют более высокую устойчивость к выгоранию, тогда как среди педагогов с экстернальным локусом контроля этот показатель существенно ниже [11]. Это открытие имеет важные практические импликации: развитие у педагогов чувства ответственности за результаты своей деятельности при одновременном реалистичном понимании границ этой ответственности может служить важным направлением профилактики выгорания.

Нейрофизиологические корреляты профессионального выгорания

Современные исследования выходят за рамки чисто психологического понимания выгорания и изучают его нейрофизиологические корреляты. Особый интерес представляет изучение вариабельности сердечного ритма (Heart Rate Variability, HRV) как объективного физиологического маркера стресса и выгорания. Вариабельность сердечного ритма отражает влияние парасимпатической нервной системы на сердце через блуждающий нерв. Высокая вариабельность сердечного ритма рассматривается как показатель лучшей регуляции стрессовых реакций, тогда как низкая вариабельность отражает активацию симпатической нервной системы («борьба или бегство») и связана с более высоким уровнем стресса и худшими показателями психологического и физического здоровья [4]. Исследование с участием 57 учителей начальных школ продемонстрировало, что самосострадание связано с более высокой вариабельностью сердечного ритма, а самокритика, напротив, с более низкой [4]. При этом самокритика оказалась значимым предиктором деперсонализации – одного из ключевых компонентов выгорания. Самосострадание, понимаемое как способность относиться к себе с добротой и пониманием в ситуациях неудач и страданий, может служить важным внутренним ресурсом, защищающим педагогов от выгорания. Эти данные имеют важное практическое значение, указывая на целесообразность развития самосострадания в рамках профилактических программ для педагогов. Другое исследование показало, что в рабочие дни у учителей уровень кортизола, субъективного стресса и раздражительности выше, а вариабельность сердечного ритма ниже по сравнению с нерабочими днями [4]. Хронический стресс коррелировал с повышенным уровнем кортизола именно в рабочие дни, что

указывает на накопительный эффект профессиональных стрессоров. Сниженная вариабельность сердечного ритма в рабочие дни ассоциируется с высоким уровнем выгорания и может отражать снижение тонуса блуждающего нерва, что, в свою очередь, ухудшает социальное взаимодействие в классе и снижает способность к адаптивным эмоциональным реакциям и стратегиям совладания.

Профилактика профессионального выгорания педагогов

Профилактика профессионального выгорания педагогов должна носить комплексный характер, включая индивидуальные, групповые и организационные меры. Эффективная поддержка качества жизни педагогов требует интегрированного подхода, выходящего за рамки простых изолированных вмешательств и опирающегося на синергию различных уровней поддержки [12].

На индивидуальном уровне основное внимание уделяется укреплению внутренних ресурсов педагогов: развитию навыков саморегуляции, формированию реалистичных профессиональных ожиданий, обучению техникам когнитивной переоценки стрессовых ситуаций. Важным направлением является развитие компетенций самозаботы, включающих способность к автономии и независимости, активный поиск смысла в профессиональной деятельности, а также формирование психогигиенических привычек [12]. Самозабота в контексте педагогической профессии является не дополнительным «бонусом», а необходимым условием поддержания профессиональной целостности и предотвращения эмоционального истощения. Ключевым элементом профилактики на индивидуальном уровне выступает развитие самосострадания – способности относиться к себе с добротой в ситуациях неудач, признавая при этом, что страдания и несовершенство являются универсальной частью человеческого опыта [4]. Исследования показывают, что интервенции, направленные на развитие самосострадания, могут эффективно снижать уровень эмоционального истощения и деперсонализации у педагогов. На уровне образовательной организации приоритетными направлениями являются создание поддерживающей рабочей среды, четкое определение должностных обязанностей, обеспечение возможностей для профессионального развития и справедливая система морального и материального стимулирования. Исследования подчеркивают важность организационного психологического климата: профилактика выгорания включает улучшение климата через психологическую поддержку, эмпатичное лидерство и поощрение сотрудничества [9]. Также необходимо внедрение политики, направленной на поддержку благополучия сотрудников, с учетом таких факторов, как управление рабочей нагрузкой, методы снижения стресса, профессиональный рост и развитие поддерживающей школьной среды [13]. Важным организационным механизмом профилактики является внедрение программ наставничества, где опытные коллеги помогают начинающим педагогам адаптироваться к профессиональной среде, дифференцировать зоны ответственности и вырабатывать индивидуальный стиль деятельности. Эффективность наставничества обусловлена не только передачей профессиональных знаний, но и эмоциональной поддержкой, снижающей чувство изоляции у молодых специалистов. На системном уровне необходимы изменения в подходе к управлению образовательными учреждениями, пересмотр критериев оценки эффективности педагогов, снижение бюрократической нагрузки и обеспечение баланса между профессиональными требованиями и ресурсами. Профилактика психологической нагрузки и стресса среди педагогов должна быть структурирована в соответствии с моделью первичной, вторичной и третичной профилактики [12]. Первичная профилактика ориентирована на устранение или уменьшение воздействия стрессоров до того, как они окажут негативное влияние, и включает корректировку рабочего времени, снижение административной нагрузки и программы поддержки баланса между работой и личной жизнью. Вторичная профилактика направлена на выявление ранних признаков стресса и выгорания с последующим ранним вмешательством – обучением техникам управления стрессом, методам релаксации и развитию стратегий совладания. Третичная профилактика ориентирована на реабилитацию и минимизацию необратимых последствий у педагогов, у которых уже развился синдром выгорания, и включает клинические интервенции, психотерапию и управляемую поддержку возвращения к работе.

Методические рекомендации по профилактике выгорания педагогов

На основе анализа теоретических и эмпирических исследований могут быть предложены следующие методические рекомендации для снижения риска профессионального выгорания у педагогов:

Прохождение курсов и семинаров по управлению стрессом и тайм-менеджменту, направленных на оптимизацию рабочей нагрузки и распределение ресурсов. Особое внимание следует уделить техникам когнитивной переоценки стрессовых ситуаций, помогающим изменить отношение к профессиональным трудностям и снизить их субъективную значимость. Развитие навыков саморегуляции через обучение техникам релаксации, дыхательным упражнениям и практикам осознанности (майндфулнесс). Исследования показывают, что регулярная практика осознанности снижает уровень эмоционального истощения и повышает профессиональное благополучие педагогов [4]. Организация супервизорских групп для педагогов,

позволяющих обсуждать сложные профессиональные ситуации, получать обратную связь от коллег и снижать чувство профессиональной изоляции. Как показывают исследования, поддержка коллег является одним из наиболее мощных буферов против деперсонализации [10]. Внедрение системы наставничества, где опытные педагоги помогают начинающим коллегам адаптироваться к профессиональной среде, дифференцировать зоны ответственности и вырабатывать индивидуальный стиль деятельности с учетом личностных особенностей. Создание в образовательной организации культуры открытости и поддержки, где ошибки рассматриваются как возможность для обучения, а не как повод для наказания. Это предполагает отказ от культуры «вины и стыда» и переход к культуре «психологической безопасности». Обеспечение возможностей для профессионального развития и повышения квалификации, что способствует поддержанию чувства профессиональной компетентности и личностного роста. Важно, чтобы эти возможности были доступны всем педагогам, независимо от стажа и занимаемой должности. Разработка и внедрение программ развития самосострадания, направленных на формирование доброжелательного отношения к себе в ситуациях профессиональных трудностей и неудач. Такие программы могут включать как групповые тренинги, так и индивидуальные консультации с психологом.

Выводы

Синдром профессионального выгорания представляет собой серьезный профессиональный риск в педагогической сфере, оказывающий негативное влияние не только на психологическое благополучие самих педагогов, но и на качество образовательного процесса в целом. Проведенный теоретический анализ показывает, что выгорание у педагогов является многофакторным феноменом, детерминированным организационными, личностными и социальными факторами. С развитием профессиональной деятельности происходит постепенное ослабление ресурсов и снижение устойчивости к стрессовым факторам, причем скорость и направленность этого процесса определяются как условиями труда, так и личностными особенностями педагога. Ключевым выводом проведенного анализа является понимание того, что профессиональное выгорание не является исключительно следствием перегрузки, а отражает дисбаланс между требованиями среды и ресурсами личности. В контексте педагогической деятельности этот дисбаланс усугубляется высокой эмоциональной вовлеченностью, необходимостью постоянного эмоционального труда и часто недостаточной поддержкой со стороны администрации и общества.

Эффективная профилактика выгорания требует комплексного подхода, интегрирующего индивидуальные, организационные и системные вмешательства. На индивидуальном уровне необходимо развитие навыков саморегуляции, самосострадания и реалистичных профессиональных ожиданий. На организационном уровне – создание поддерживающей рабочей среды, четкое определение должностных обязанностей и обеспечение возможностей для профессионального роста. На системном уровне – пересмотр подходов к оценке эффективности педагогической деятельности и снижение бюрократической нагрузки.

Современные данные, включая включение выгорания в МКБ-11, требуют от руководителей образовательных организаций и органов управления образованием пересмотра подходов к управлению педагогическими кадрами. Создание поддерживающей рабочей среды, четкое определение должностных обязанностей и обеспечение возможностей для профессионального развития являются не «бонусами», а необходимыми условиями для предотвращения оттока квалифицированных кадров и сохранения психического здоровья педагогов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение гендерных и возрастных аспектов выгорания у педагогов с разными личностными особенностями, разработку и апробацию профилактических программ с учетом специфики различных образовательных уровней, а также на долгосрочное отслеживание эффективности психологических интервенций.

Список источников

1. Сечко А.В. Организационные предпосылки синдрома выгорания и профессиональной вовлеченности у педагогов общеобразовательных организаций // Экстремальная психология и безопасность личности. 2026. Т. 3. № 1. С. 145 – 171.

2. Diehl L., Carlotto M.S., Gil-LaOrden P., Gil-Monte P.R. Burnout Syndrome Predictors in Teachers and Professors: Differences by Level of Education in Brazil // European Journal of Psychology and Educational Research. 2026. Vol. 32. P. e260450.

3. Tsang K.K. Relationship between External Accountability and Teacher Burnout: Differences between Regular and Vocational High Schools // International Education Journal: Comparative Perspectives. 2025. Vol. 24 (2). P. 81 – 100.

4. Wellbeing and burnout in schoolteachers: the psychophysiological case for self-compassion // Current Psychology. 2024.Vol. 43. P. 37055 – 37069.

5. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: State of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22 (3). P. 309 – 328.

6. Jagodics B., Szabó É. Job demands versus resources: workplace factors related to teacher's burnout // Practice and Theory in Systems of Education. 2014. Vol. 9. № 4. P. 377 – 390.

7. Рачицкая,Н.В. Толерантность к неопределенности и профессиональное выгорание у педагогов // Педагогические науки. 2023. № 1. С. 72 – 79.

8. The role of teaching identification / Anonymous // Discover Psychology. 2025. Vol. 5. P. 133.

9. Pascaru-Goncear V. The Impact of the Organizational Psychological Climate on the Development of Burnout Syndrome among Teaching Staff. Editura Arhipelag XXI, 2025. P. 1138 – 1146.

10. Jovanović V. Job Demands and Resources as Predictors of Burnout Dimensions in Special Education Teachers // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. 2025. Vol. 15(12). 258 p.

11. Effective Approaches to Preventing Burnout in Educators // Karaganda Buketov University. 2025. P. 232 – 242.

12. Šimek J. Quality of Life and Well-Being of Educational Staff // Constantine the Philosopher University in Nitra. 2025. 10 p.

13. Noronha S.D., Amin V.S. Sustaining Educators: A Holistic Framework for Teacher Health and Well-Being // Journal on Educational Psychology. 2025. Vol. 19 (2). P. 38 – 47.

References

1. Sechko A.V. Organizational prerequisites for burnout syndrome and professional engagement in teachers of general education organizations. Extreme Psychology and Personal Safety. 2026. Vol. 3. No. 1. P. 145 – 171.

2. Diehl L., Carlotto M.S., Gil-LaOrden P., Gil-Monte P.R. Burnout Syndrome Predictors in Teachers and Professors: Differences by Level of Education in Brazil. European Journal of Psychology and Educational Research. 2026. Vol. 32. P. e260450.

3. Tsang K.K. Relationship between External Accountability and Teacher Burnout: Differences between Regular and Vocational High Schools. International Education Journal: Comparative Perspectives. 2025. Vol. 24 (2). P. 81 – 100.

4. Wellbeing and burnout in schoolteachers: the psychophysiological case for self-compassion. Current Psychology. 2024.Vol. 43. P. 37055 – 37069.

5. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: State of the art. Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22 (3). P. 309 – 328.

6. Jagodics B., Szabó É. Job demands versus resources: workplace factors related to teacher's burnout. Practice and Theory in Systems of Education. 2014. Vol. 9. No. 4. P. 377 – 390.

7. Rachitskaya N.V. Tolerance of Uncertainty and Professional Burnout in Teachers. Pedagogical Sciences. 2023. No. 1. P. 72 – 79.

8. The Role of Teaching Identification. Anonymous. Discover Psychology. 2025. Vol. 5. P. 133.

9. Pascaru-Goncear V. The Impact of the Organizational Psychological Climate on the Development of Burnout Syndrome among Teaching Staff. Editura Arhipelag XXI, 2025. P. 1138 – 1146.

10. Jovanović V. Job Demands and Resources as Predictors of Burnout Dimensions in Special Education Teachers. European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. 2025. Vol. 15(12). 258 p.

11. Effective Approaches to Preventing Burnout in Educators. Karaganda Buketov University. 2025. P. 232 – 242.

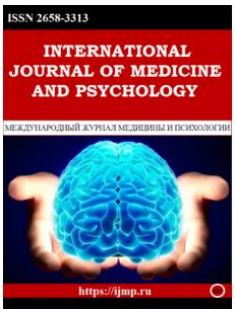
12. Šimek J. Quality of Life and Well-Being of Educational Staff. Constantine the Philosopher University in Nitra. 2025. 10 p.

13. Noronha S.D., Amin V.S. Sustaining Educators: A Holistic Framework for Teacher Health and Well-Being. Journal on Educational Psychology. 2025. Vol. 19 (2). P. 38 – 47.

Информация об авторах

Шорина А.В., кандидат педагогических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, E-mail:ms.shorina@list.ru
Фролова А.Г., кандидат социалогических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина
Хасанов А.Ш., Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, hasanov_19771977@mail.ru

© Шорина А.В., Фролова А.Г., Хасанов А.Ш., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 615.46
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-32-38

[1] Малов И.В.,
[1] Михайлова И.Г.,
[1] Мухамадеев Н.Н.,
[1] Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

Эффективность применения цеолитсодержащего трепела в лечении экспериментального пародонтита средней степени тяжести

Аннотация: широкая распространенность воспалительных поражений пародонта, а также их рецедивирующее течение и многофакторный характер обуславливают необходимость разработки средств, сочетающих противовоспалительное, антиоксидантное и иммуномодулирующее действие.

Данное исследование было направлено на оценку лечебной эффективности цеолитсодержащего трепела, возникающего при пародонтите средней степени тяжести, получаемым экспериментальным путем.

В процессе исследования проблемы был проведен эксперимент, где мы включили 260 половозрелых самцов крыс линии Wistar. Всех крыс мы поделили на равные 4 отряда. Паталогический процесс моделировали посредством сочетания лигатурного метода с углеводно-белковой диетой. Непосредственно цеолитсодержащий трепел животные получали перорально. Норматив был определен 1,5 г/кг. Общий срок эксперимента составил 2 месяца. Эффективность воздействия оценивали по фагоцитарному индексу, уровню гемоглобина и белку, концентрации малонового дальдегида, а также выраженности десневых тканей.

Зафиксированная в рамках эксперимента динамика свидетельствует о противовоспалительном, антиоксидантном и иммуномодулирующем потенциале вещества. Результаты данного эксперимента создают предпосылки для дальнейшего доклинического изучения данного вещества и разработки специальных подходов к его использованию в составе общей терапии при заболеваниях воспалительного типа.

Ключевые слова: воспалительные заболевания, экспериментальный пародонтит, воспалительная реакция, комплексная терапия

Для цитирования: Малов И.В., Михайлова И.Г., Мухамадеев Н.Н. Эффективность применения цеолитсодержащего трепела в лечении экспериментального пародонтита средней степени тяжести // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 32 – 38. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-32-38

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Malov I.V.,
[1] Mikhailova I.G.,
[1] Mukhamadeev N.N.,
[1] Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

Efficacy of zeolite-containing tripoli in the treatment of moderate experimental periodontitis

Abstract: inflammatory periodontal diseases are highly prevalent, tend to recur, and require therapeutic agents capable of simultaneously affecting inflammation, oxidative stress, and nonspecific host resistance.

The aim of this study was to evaluate the therapeutic efficacy of zeolite-containing tripoli in moderate experimental periodontitis.

The experiment involved 260 adult male Wistar rats divided into four equal groups. Periodontitis was induced by combining the ligature method with a carbohydrate-protein diet, while zeolite-containing tripoli was administered orally at a dose of 1.5 g/kg for 60 days. The phagocytic index, hemoglobin, total protein, malondialdehyde concentration, catalase and urease activity, and the severity of morphological changes in gingival tissues were assessed. Mineral administration increased the phagocytic index from 83.4±0.70 to 92.6±0.65%, reduced malondialdehyde from 4.9±0.14 to 2.8±0.11 μmol/L, and decreased inflammatory infiltration from 3.3±0.14 to 1.3±0.11 points.

The findings support the anti-inflammatory, antioxidant, and immunomodulatory effects of zeolite-containing tripoli. These data may provide an experimental basis for further preclinical evaluation and for developing approaches to incorporate the mineral into comprehensive treatment regimens for inflammatory periodontal diseases.

Keywords: periodontitis, zeolite-containing tripoli, experimental model, Wistar rats, oxidative stress, inflammation, periodontal therapy

For citation: Malov I.V., Mikhailova I.G., Mukhamadeev N.N. Efficacy of zeolite-containing tripoli in the treatment of moderate experimental periodontitis. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 32 – 38. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-32-38

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Воспалительные заболевания пародонта широко распространены и трудно поддаются лечению [1, 2]. Существующие методы имеют ограничения, связанные с побочными эффектами, резистентностью микрофлоры и риском рецидивов [3-6]. Перспективным природным материалом является цеолитсодержащий трепел (ЦСТ), обладающий сорбционными, иммуномодулирующими и противовоспалительными свойствами [7-10]. Его эффективность подтверждена при различных патологических состояниях, включая заболевания пародонта [11-14]. Вместе с тем системное применение ЦСТ при пародонтите средней степени тяжести изучено недостаточно [15].

Цель исследования – оценить эффективность цеолитсодержащего трепела в лечении экспериментального пародонтита средней степени тяжести.

Для достижения цели решались следующие задачи: воспроизвести экспериментальную модель пародонтита; изучить влияние ЦСТ на биохимические показатели крови и тканей десны; провести морфологическую оценку тканей пародонта; обосновать лечебную эффективность исследуемого минерала.

Материалы и методы исследований

Экспериментальное исследование выполнено на 260 половозрелых крысах-самцах линии Wistar массой 210-240 г. Животных содержали в стандартных условиях вивария при контролируемом световом и температурном режиме в течение 60 дней. Все манипуляции выполняли с соблюдением положений Европейской конвенции о защите позвоночных животных, используемых для экспериментальных и иных научных целей (ETS № 123) [15].

Животные были распределены на четыре группы по 65 особей. Группа 1 (интактная) получала стандартный корм и воду без ограничений. Группа 2 (контрольная-ЦСТ) получала базовый корм и ЦСТ в дозе 1,5 г/кг массы тела. В группе 3 (патология) моделировали пародонтит на фоне углеводно-белковой диеты. В группе 4 (основная) моделирование пародонтита сочетали с пероральным введением ЦСТ в дозе 1,5 г/кг массы тела.

Моделирование пародонтита проводили под внутрибрюшинным наркозом: тиопентал натрия вводили в объеме 0,08 мл 6%-ного раствора на 100 г массы тела. В пришеечной области нижних резцов фиксировали шелковую лигатуру, формируя ретенционный пункт. Дополнительно животных переводили на углеводно-белковый рацион, включавший 58% сахарозы, 37% казеина и 5% витаминно-минеральной смеси. ЦСТ вводили перорально с кормом ежедневно в течение 60 дней.

На 60-е сутки осуществляли забор крови для определения фагоцитарного индекса, концентрации гемоглобина и общего белка. В гомогенатах десны оценивали содержание малонового диальдегида (МДА), активность каталазы и уреазы. Для проведения морфологического исследования образцы десневых тканей мы фиксировали в растворе формалина, после чего подготавливали гистологические срезы, предварительно

окрасив их двумя веществами: эозином и гематоксилином. Интенсивность воспаления определяли с применением специальной балльной шкалы. Последующий статистический анализ выполняли в специальной программе Statistica 10.0 с применением t-критерия Стьюдента.

Результаты и обсуждения

В конце 2 месяца эксперимента у крыс, входящих в 3 отряд, отчетливо наблюдался средний уровень пародонтита. Клиническая картина включала гипермию, отечность, кровоточивость десневых тканей. Развитие данного процесса подтверждалось изменением лабораторных показателей, которые представлены схематично на рис. 1. На рис. 2 можно наблюдать изменение уровня малонового диальдегида. А на рис. 3 видно динамику уровня гемоглобина.

Непосредственно у крыс, входящих во 2 отряд, существенных отклонений от значений интактных не было обнаружено. Однако, стоит отметить рост фагоцитарного индекса. Сохранение остальных показателей в пределах общих значений говорит об отсутствии выраженного действия дозы.

В 4 отряде введение вещества привело к статистически значимой положительной динамике. Все показатели существенно выросли. Морфологическая оценка также подтвердила выраженность лечебного эффекта.

Если в 3 отряде интенсивность воспалительной фильтрации достигала 0,14 б., тогда на фоне использования вещества показатель снизился до 0,11. Также в десневых тканях наблюдались признаки репаративных изменений в ярко выраженной форме.

Выявленные нами в ходе наблюдения эффекты обусловлены совокупным действием ряда инструментов, среди которых можно отметить сорбицию токсичных продуктов обмена, поступление минеральных компонентов, ограничение перекисного окисления липидов и, соответственно, регуляцию неспецифического иммунного ответа.

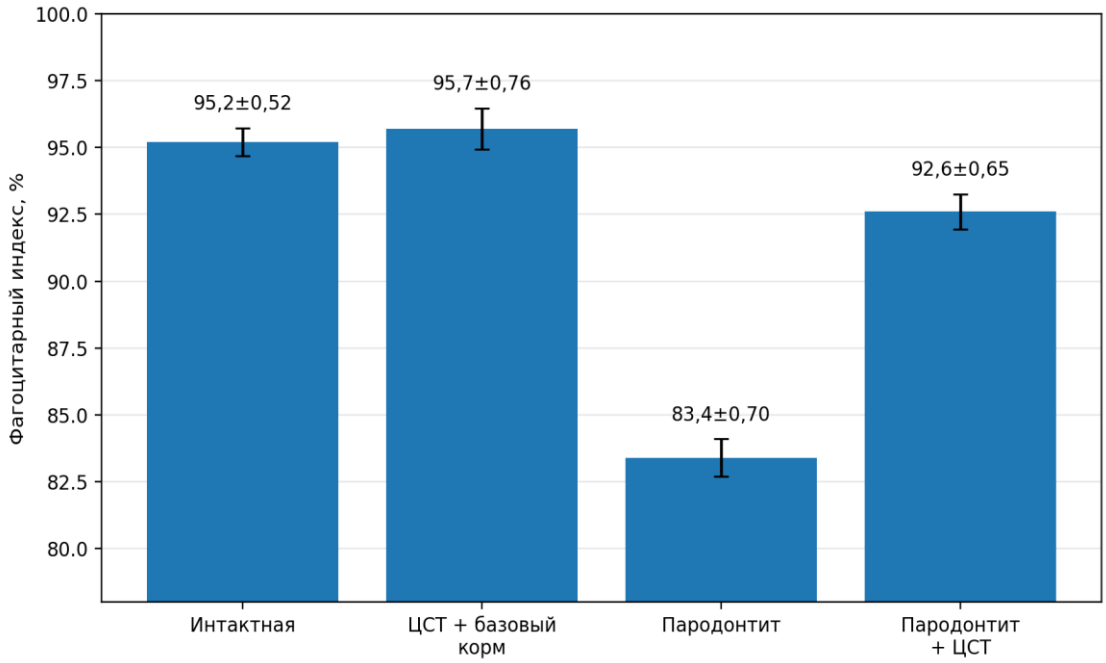

Рис. 1. Изменение фагоцитарного индекса у крыс ЭГ.
Fig. 1. Phagocytic index in rats of the experimental groups.

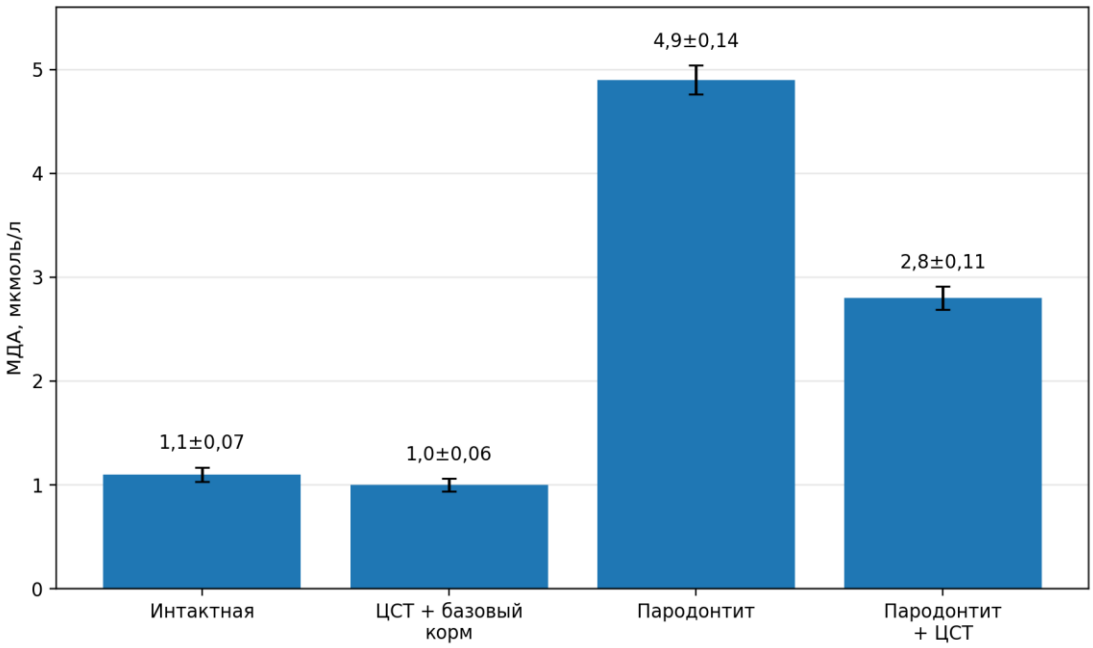

Рис. 2. Содержание малонового диальдегида в тканях десны.
Fig. 2. Malondialdehyde concentration in gingival tissues.

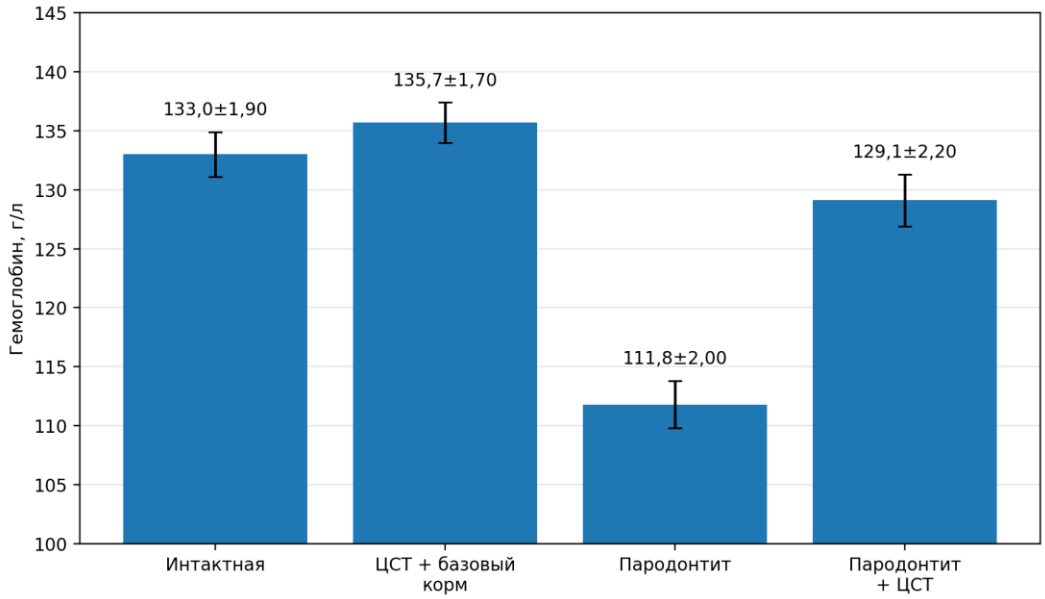

Рис. 3. Концентрация гемоглобина в крови крыс экспериментальных групп.
Fig. 3. Blood hemoglobin concentration in rats of the experimental groups.

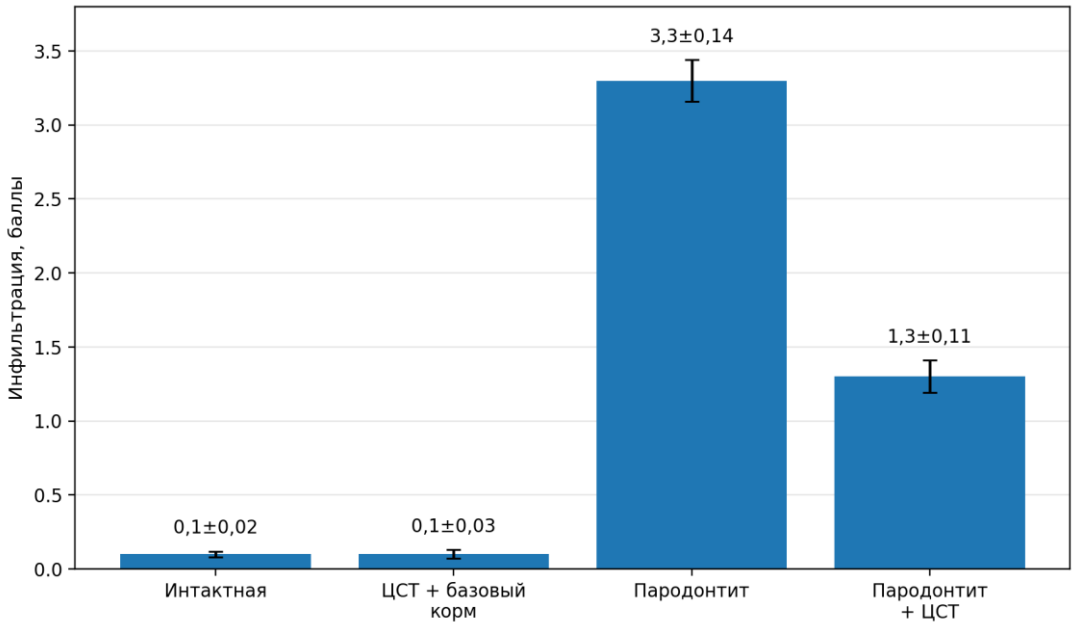

Рис. 4. Выраженность воспалительной инфильтрации десны.
Fig. 4. Severity of inflammatory infiltration in gingival tissues.

Выводы

1. Сочетание лигатурного метода и углеводно-белковой диеты в течение 60 дней вызывает у крыс клинико-морфологические и биохимические изменения, характерные для пародонтита средней степени тяжести.

2. Пероральное введение ЦСТ повышает фагоцитарный индекс с 83,4±0,70 до 92,6±0,65%, свидетельствуя об улучшении показателей неспецифической резистентности.

3. Применение ЦСТ уменьшает выраженность воспалительной инфильтрации десны с 3,3±0,14 до 1,3±0,11 балла и сопровождается морфологическими признаками репарации.

4. ЦСТ снижает содержание МДА с 4,9±0,14 до 2,8±0,11 мкмоль/л, подтверждая уменьшение интенсивности окислительного стресса.

5. Полученные данные обосновывают дальнейшее доклиническое изучение ЦСТ и оценку возможностей его применения в составе комплексной пародонтологической терапии.

Список источников

1. Орехова Л.Ю., Кучумова Е.Д., Шевченко О.В. Эпидемиология заболеваний пародонта: современные аспекты // Пародонтология. 2022. Т. 27. № 1. С. 4 – 12.

2. Смирнова Н.И., Кузнецова Т.Н. Распространенность заболеваний пародонта среди населения различных возрастных групп // Российский стоматологический журнал. 2020. Т. 24. № 4. С. 202 – 208.

3. Грудянов А.И., Фоменко Е.В. Воспалительные заболевания пародонта: патогенез, клиника, лечение // Стоматология. 2021. Т. 100. № 3. С. 85 – 92.

4. Максимова Е.А., Васильев В.А. Проблемы антибиотикорезистентности в стоматологической практике // Dental Forum. 2022. № 5. С. 56 – 62.

5. Малов И.В., Иванов Л.Н., Колотилова М.Л. Влияние цеолитсодержащего трепела на минеральный состав слюны // Вопросы науки и образования. 2021. № 3. С. 45 – 52.

6. Малов И.В., Колотилова М.Л., Карпунина А.В. Природные цеолиты в профилактике стоматологических заболеваний // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2022. № 6-2. С. 215 – 219.

7. Колотилова М.Л., Иванов Л.Н., Малов И.В. Антиоксидантные свойства цеолитсодержащего трепела в эксперименте // Вестник новых медицинских технологий. 2021. Т. 28. № 4. С. 18 – 24.

8. Матвеев Р.С., Николаев А.П. Иммуномодулирующие свойства природных цеолитов // Российский иммунологический журнал. 2022. Т. 25. № 2. С. 167 – 174.

9. Богомолов Н.И., Зайцев А.А., Костин В.В. Применение цеолитсодержащих сорбентов в комплексной терапии гнойно-воспалительных заболеваний // Хирургия. 2021. № 8. С. 62 – 68.

10. Колотилова М.Л. Патогенетическое обоснование применения цеолитсодержащего трепела при заболеваниях желудочно-кишечного тракта // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2020. № 4. С. 88 – 95.

11. Иванов Л.Н., Колотилова М.Л., Малов И.В. Экспериментальное обоснование применения цеолитсодержащего трепела в стоматологии // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2022. Т. 173. № 6. С. 725 – 730.

12. Карзакова Л.М., Петрова Е.И., Сидорова Н.В. Влияние цеолитов на мембраны тучных клеток при воспалительных заболеваниях пародонта // Иммунология. 2020. Т. 41. № 3. С. 245 – 252.

13. Zhang L., Chen X., Li Q. Mechanisms of anti-inflammatory action of clinoptilolite in periodontal disease // International Journal of Oral Science. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 21 – 29.

14. Ouyang M., Wang G.H., Liu Y. Application of zeolite-based composite hydrogels for the treatment of periodontitis // Journal of Biomedical Materials Research. Part B: Applied Biomaterials. 2022. Vol. 110. No. 8. P. 1864 – 1874.

15. Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментальных и иных научных целей (ETS № 123). Страсбург, 18 марта 1986 г.

References

1. Orekhova L.Yu., Kuchumova E.D., Shevchenko O.V. Epidemiology of periodontal diseases: modern aspects. Periodontology. 2022. Vol. 27. No. 1. P. 4 – 12.

2. Smirnova N.I., Kuznetsova T.N. Prevalence of periodontal diseases among the population of different age groups. Russian Dental Journal. 2020. Vol. 24. No. 4. P. 202 – 208.

3. Grudyanov A.I., Fomenko E.V. Inflammatory periodontal diseases: pathogenesis, clinical features, treatment. Dentistry. 2021. Vol. 100. No. 3. P. 85 – 92.

4. Maksimova E.A., Vasiliev V.A. Problems of antibiotic resistance in dental practice. Dental Forum. 2022. No. 5. P. 56 – 62.

5. Malov I.V., Ivanov L.N., Kolotilova M.L. The effect of zeolite-containing tripoli on the mineral composition of saliva. Voprosy nauki i obrazovaniya. 2021. No. 3. P. 45 – 52.

6. Malov I.V., Kolotilova M.L., Karpunina A.V. Natural zeolites in the prevention of dental diseases. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2022. No. 6-2. P. 215 – 219.

7. Kolotilova M.L., Ivanov L.N., Malov I.V. Antioxidant properties of zeolite-containing tripoli in the experiment. Bulletin of new medical technologies. 2021. Vol. 28. No. 4. P. 18 – 24.

8. Matveev R.S., Nikolaev A.P. Immunomodulatory properties of natural zeolites. Russian Journal of Immunology. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 167 – 174.

9. Bogomolov N.I., Zaitsev A.A., Kostin V.V. Use of zeolite-containing sorbents in the complex therapy of purulent-inflammatory diseases. Surgery. 2021. No. 8. P. 62 – 68.

10. Kolotilova M.L. Pathogenetic rationale for the use of zeolite-containing tripoli in gastrointestinal diseases. Experimental and Clinical Gastroenterology. 2020. No. 4. P. 88 – 95.

11. Ivanov L.N., Kolotilova M.L., Malov I.V. Experimental justification for the use of zeolite-containing tripoli in dentistry. Bulletin of Experimental Biology and Medicine. 2022. Vol. 173. No. 6. P. 725 – 730.

12. Karzakova L.M., Petrova E.I., Sidorova N.V. Effect of zeolites on mast cell membranes in inflammatory periodontal diseases. Immunology. 2020. Vol. 41. No. 3. P. 245 – 252.

13. Zhang L., Chen X., Li Q. Mechanisms of anti-inflammatory action of clinoptilolite in periodontal disease. International Journal of Oral Science. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 21 – 29.

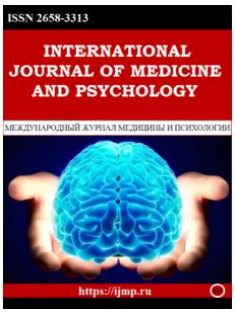
14. Ouyang M., Wang G.H., Liu Y. Application of zeolite-based composite hydrogels for the treatment of periodontitis. Journal of Biomedical Materials Research. Part B: Applied Biomaterials. 2022. Vol. 110. No. 8. P. 1864 – 1874.

15. European Convention for the Protection of Vertebrate Animals used for Experimental and other Scientific Purposes (ETS No. 123). Strasbourg, 18 March 1986.

Информация об авторах

Малов И.В., кандидат медицинских наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, igormalov80@gmail.com
Михайлова И.Г., старший преподаватель, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, kuligina_irina@mail.ru
Мухамадеев Н.Н., Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, dobrodent21@gmai.com

© Малов И.В., Михайлова И.Г., Мухамадеев Н.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)
УДК 615.015.11
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-39-46

[1] Ильясов А.Б.,
[1] Насрулаева Х.Н.,
[1] Алхазова Р.Т.,
[1] Магомедова З.Ш.,
[1] Магомедова Р.Г.,
[1] Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Исследование фармакокинетических и фармакодинамических свойств стереоизомеров лекарственных препаратов

Аннотация: механизм действия большинства биологически активных веществ заключается в их соединении со специфическими рецепторами. Эти рецепторы обладают определенной пространственной структурой, поэтому неудивительно, что избирательное действие соединений, отличающихся большой биологической активностью, действующих посредством рецепторных механизмов, таких как: нейромедиаторы, гормоны или некоторые препараты, в равной мере зависит от химического и от пространственного строения (оптической или геометрической изометрии). Поэтому у большинства таких соединений, обычно используемых в качестве лекарственных препаратов, существует тесная взаимосвязь между пространственной структурой и фармакологическим действием. В течение многих лет проблеме стереоизбирательности лекарственных препаратов практически не уделяли должного внимания, исходя из того, что поскольку активен один изомер, то наличие другого, биологически нейтрального, не влияет на результаты фармакокинетических и фармакодинамических исследований. Если бы даже это было так, то и тогда трудно было бы согласиться с мнением, предполагающим применение у людей лекарственных препаратов в виде рацематов, 50 0/0 состава которых составляет балластное вещество, напрасно отягощающее органы, участвующие в биотрансформации и выделении ксенобиотиков.

Ключевые слова: механизм действия, стереоизомеры, механизм действия, энантиомер, фармакокинетика, фармакодинамика

Для цитирования: Ильясов А.Б., Насрулаева Х.Н., Алхазова Р.Т., Магомедова З.Ш., Магомедова Р.Г. Исследование фармакокинетических и фармакодинамических свойств стереоизомеров лекарственных препаратов // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 39 – 46. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-39-46

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Ilyasov A.B.,***
[1] ***Nasrulaeva Kh.N.,***
[1] ***Alkhazova R.T.,***
[1] ***Magomedova Z.Sh.,***
[1] ***Magomedova R.G.,***
[1] *Dagestan State Medical University Ministry of Health of the Russian Federation*

Study of the pharmacokinetic and pharmacodynamic properties of stereoisomers of drug products

Abstract: the mechanism of action of most biologically active substances is their binding to specific receptors. These receptors possess a specific spatial structure, so it is not surprising that the selective action of highly biologically active compounds acting through receptor mechanisms, such as neurotransmitters, hormones, or certain drugs, depends equally on their chemical and spatial structure (optical or geometric isometry). Therefore, for most such compounds, commonly used as drugs, there is a close relationship between their spatial structure and pharmacological action. For many years, the problem of drug stereoselectivity received virtually no attention, based on the assumption that since one isomer is active, the presence of another, biologically neutral, isomer does not affect the results of pharmacokinetic and pharmacodynamic studies. Even if this were true, it would still be difficult to agree with the opinion that suggests the use of drugs in humans in the form of racemates, 50% of which is a ballast substance that needlessly burdens the organs involved in the biotransformation and excretion of xenobiotics.

Keywords: mechanism of action, stereoisomers, mechanism of action, enantiomer, pharmacokinetics, pharmacodynamics

For citation: Ilyasov A.B., Nasrulaeva Kh.N., Alkhazova R.T., Magomedova Z.Sh., Magomedova R.G. Study of the pharmacokinetic and pharmacodynamic properties of stereoisomers of drug products. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 39 – 46. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-39-46

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Из большинства различных типов пространственного строения, таких как: энантиомеры, изомеры cis-trans, эпимеры и пр., имеет значение первая форма. Эту изменчивость определяет наличие в молекуле так называемого центра оптической асимметрии, обычно связанного с наличием в атоме углерода 4-х различных химических групп, создающих возможность существования 2-х зеркальных форм одной и той же молекулы. Центром оптической асимметрии не обязательно должен быть атом углерода, а любой четырехвалентный атом, например, фосфор (Р), как в молекуле цитостатических препаратов: циклофосфамида и ифосфамида. Молекула, обладающая более сильным биологическим действием, называется эвтомером, другая – слабодействующая (или иногда не действующая вообще), называется дистомером. Отношение активности эвтомера к дистомеру называется эвдисмическим и является мерой стереоизбирательности данного соединения. Чем больше это соотношение, тем сильнее биологическая активность лишь одного оптического изомера. Особенно отчетливо это видно тогда, когда центр оптической асимметрии находится в том месте молекулы, которое отвечает за ее интеракцию с рецептором (так наз. правило Пфейффера).

Материалы и методы исследований

Проведен анализ более 800 лекарственных препаратов. находящихся на российском рынке, большинство из которых являются препаратами естественного происхождения. 534 препарата являются оптически активными изомерами. Из оставшихся 266 синтетических препаратов. содержащих центр оптической ассиметрии, 41 доступен в торговле как оптически активный лекарственный препарат. Оставшиеся 225 оптически активных препаратов продаются как рацематы, т.е как смесь двух различных химических соединений.

Методологический метод основан на оценке фармакокинетических и фармакодинамических эффектов.

Результаты и обсуждения

Поскольку большинство биохимических процессов протекает избирательным путем, продукты естественных биохимических превращений, происходя щих в живых организмах, как растительных, так и жи-

вотных, стереоизбирательные, т.е. наблюдаются лишь в одной оптической форме (лево- или правовращающей). Не удивительно, что естественные лекарственные препараты, независимо от происхождения (растительные, животные) как правило стереоизбирательны, тогда как химический синтез соединений с центром оптической асимметрии в большинстве случаев приводит к образованию смеси обоих изомеров, чаще всего в соотношении 1:1. Так как они отличаются направлением вращения пучка поляризованного света, вращающий в право называют правовращающим изомером (энантиомер d, (—), R), вращающий в лево левовращающим изомером (энантиомер 1, (+, S). Рацемическая смесь не вращает поляризованного света, она оптически нейтральна.

Проведенный недавно анализ более 800 лекарственных препаратов, находящихся на европейских рынках, показал, что большинство препаратов естественного происхождения являются оптически активными стереоизомерами. Из остальных 266 синтетических препаратов, содержащих центр оптической асимметрии, 41 доступен в торговле как оптически активный лекарственный препарат. Оставшиеся 225 оптически активных препаратов продаются как рацематы, т.е. как смесь двух различных химических соединений, о чем практически нет каких-либо сообщений ни в информационных листках, ни, что намного хуже, в регистрационных документах данного препарата Эта ситуация требует коренных изменений.

В России при регистрации лекарственных препаратов требуется подробная информация, касающаяся не только физикохимической характеристики рацемата и его энантиомеров, но, что гораздо важнее, результаты подробных фармакологических, токсикологических и клинических исследований для каждого энантиомера отдельно. Поэтому возникает необходимость обстоятельного ознакомления со свойствами и судьбой энантиомеров в организме, а также разработки методов мониторинга их концентрации в биологических жидкостях.

Стереоизбирательный метаболизм лекарственных препаратов можно разделить на три тесно связанные между собой проблемы: 1) образование в процессах биотрансформации оптически активных метаболитов, а также различие скоростей метаболизма энантиомеров одного и того же лекарственного препарата; 2) стереоизбирательные аспекты интеракции препаратов, а также 3) влияние стереоизбирательности препаратов на генетически обусловленный полиморфизм их окисления. В процессе биотрансформации препаратов могут образовываться метаболиты, имеющие центры оптической асимметрии. Типичным примером является окисление гипотензивного препарата дебризохина (с центром оптической асимметрии) до 4-гидроксидебризохина (имеющего такие центры), который выводится из организма с мочой почти в 100 0/0 как активный 1-изомер [1, с. 29-36]. Подобным образом, восстановление оптически нейтрального антагониста рецепторов 5-НТ2 кетансерина, ведет к образованию практически чистого метаболита карбаминола . Может быть наиболее отчетливое клиническое значение имеет пример стереоизбирательного метаболизма гипогликемизирующего лекарственного препарата, производного сульфанилмочевины – ацетогексамида. Он восстанавливается in vivo до 1-изомера – гидроксигексамида, более активного, чем рацемичный гидроксигексамид, получаемый синтетически. Итак, кажется, что этот стереоизбирательный энантиомер гидроксигексамида несет ответственность за большинство нежелательных побочных явлений после приема эталонного препарата, т.е. ацетоуексумида.

Другой вид стереоизбирательного изменевия лекарственного препарата описан в поеледнее время для производных 2-арилопро-пионовой кислоты. Пероральный прием рацемата ибупрофена (единственная доступная форма препарата на рынке), особенно его право- или левовращающих энантиомеров, выявляет чрезвычайно быстрое in vivo изменение неактивного R— (—) – энантиомера до активного S— (+) – энантиомера. Подобное ферментативное превращение только для одного оптического изомера было описано ранее для других лекарственных препаратов, выступающих в форме рацематов, например, талидомид [2, с. 57-61]. Следует заметить, что это превращение может быть неполным, например, у больных циррозом печени.

Клиническое значение оптически избирательного метаболизма энантиомеров зависит в значительной степени от того, существует ли разница в силе их действия и в токсичности. Если предположить, что 2 энантиомера лекарственного препарата в рацемической форме обладают одинаковой активностью, тогда факт – который из них метаболизируется первым, не имеет большого значения. Оба энантиомера обычно значительно отличаются как с точки зрения силы их действия, так и вызываемыми ними нежелательными побочными явлениями, поэтому факт, который из них метаболизируется быстрее, например, в процессе первого перехода через печень, имеет большое значение. Типичным примером, подтверждающим этот тезис, являются наблюдения за стереоизбирательным метаболизмом во время первого перехода через печень антагониста кальция – верапамила. 1-изомер, который в 8-10 раз фармакологически более активен от мера, также быстрее метаболизируется в печени. Значительные расхождения в биотрансформации обоих энан-

тиомеров, при существующих различиях в скорости элиминации, приводит к различным концентрациям обоих энантиомеров в сыворотке, например, отношение к 1-изомеру в сыворотке составляет около 2 после внутривенного введения, или 5:1 при пероральном приеме, Это должно приводить к различию в силе действия (в зависимости от пути введения препарата), иному, чем непосредственно рассчитанная биотрансформация препарата, Это в некоторой степени выясняет большую разницу в пероральном дозировании верапамида (80-160 мг), по сравнению с дозами при внутривенном вливании (5,10 мг), т.е. разницы намного больше, чем это вытекало бы только из ограниченной биотрансформации препарата при пероральном назначении [3, с. 61-63].

В случае некоторых оптически активных препаратов, применяемых в виде рацемата, может происходить интеракция с другими лекарственными препаратами, заключающаяся в том, что избирательному торможению подвергается обмен одного из энантиомеров. Поэтому, в зависимости от различной силы действия энантиомеров, может доходить как до больших различий в силе действия, так и до нежелательных побочных явлений. Типичным примером является антикоагулянт варфарин, применяемый в медицине в виде рацемата. Широко известно усиление противотромбозного действия варФарина некоторыми противовоспалительными препаратами, в том числе сульфинпиразолом и фенилбутазоном. Чаще всего им приписывают способность вытеснения варФарина из соединений с белками сыворотки, что, однако, в случае обоих вышеназванных противовоспалительных лекарственных препаратов, несправедливо. Причина здесь в другом, а именно в избирательном влиянии обоих препаратов на биотрансформацию стереоизмеров варфарина. 1-изомер варфарина это соединение, обладающее в 5 раз более сильным фармакологическим действием, чем d-изомер. Это связано с тем, что как сульфинпиразол, так и фенилбутазон избирательно тормозят метаболизм лишь и следовательно, избирательно повышают концентрацию именно этого изомера в сыворотке. Здесь следует обратить внимание на то, что классические методы мониторинга концентрации лекарственного препарата в сыворотке в этом случае не применимы, т.к. показывают только лишь разницу полных концентраций обоих изомеров. Поэтому все более необходимым становится мониторинг концентраций обоих оптических изомеров каждого в отдельности. Метаболические процессы первого ряда многих лекарственных препаратов, выступающих в виде рацематов, контролируются посредством состава изоэнзимов цитохрома. Они, в частности, участвуют в обмене образцовых веществ дебризохина и спартеина, то есть веществ, быстрота метаболических реакций которых определяется известным генетически обусловленным полиморфизмом [4, с. 247-251]. Как известно, среди людей появляются с различной частотой, в зависимости от этнического происхождения, лица, обладающие способностью быстрого и эффективного метаболизма образцовых веществ (EM, extensive metabolizers), а также лица, характеризующиеся медленным и неэффективным метаболизмом образцовых веществ (PM, poor metabolizers). На примере исследованных путей обмена дебризохина до 4-гидроксидебризохина, оказалось, что у лиц, определяемых как эффективно метаболизирующих, образуется почти исключительно (ок. 80%) метаболический 1-энантиомер. В противоположность этим людям, у лиц с неэффективным метаболизмом, почти совсем не наблюдался избирательный метаболизм лекарственного препаратов. Интересно, что подобная стереоизбирательность метаболизма не проявляется в случае выводимого энантиомера к медленно выводругого образцового вещества, т.е. спартеина. В последнее время описан метаболизм антиаритмического препарата-пропафенона, происходящий также в системе изоэнзимов цитохрома Р-450 характерных для их дебризохина (спартеина). У эффективно метаболизирующих больных во время первого перехода к быстрой элиминациини d-энантиомера (пропафенон доступен на рынке почти о исключительно в виде рацемата), тогда как у неэффективно метаболизирующих больных повышается концентрация этого энантиомера в сыворотке.

Результаты этих исследований показывают, что у этих последних, повышение концентрации энантиомера может привести к часто описываемым нежелательным побочным явлениям со стороны центральной нервной системы (соответственно 67 % и 14%), а также к неблагоприятной блокаде В-адренергических рецепторов сл [5, с. 264-265]. Проблемой, требующей рассмотрения и вытекающей отчасти из ранее представленных процессов, являются фармакокинетические и фармакодинамические различия, наблюдающиеся между изомерами лекарственного препарата. Энантиомеры используемых в лечебной практике лекарственных препаратов обладают обычно очень разнородными фармакокинетическими свойствами.

Отношение клиренса быстрее выводимого энантиомера к медленно выводимому может принимать различную величину. Из других исследований известно, что наблюдаются значительные различия между людьми в отношении концентрации обоих энантиомеров в плазме, например, соотношение концентраций в сыворотке энантиомера 1- до колеблется в границах 4:1 до 1, 3:1 у разных больных [6, с. 163-178]. Описаны также большие хронобиологические различия у тех же самых больных. Следующим фактом, ответственным за фармакокинетические различия, являются различия в связывании отдельных энантиомеров с белка-

ми сыворотки, относящиеся практически ко всем кислым препаратам, а также к большинству щелочных препаратов, например, энантиомерам хлорохина, дизопи, рамиду, метадону, верапамилу [7, с. 395-403]. Разница в фармакокинетике энантиомеров после приема рацемического препарата, чаще всего заключается в различной фармакодинамике, т.е. в различном действии. Фармакологическая активность перечисленных лекарственных препаратов обычно связана с фармакологической активностью лишь одного энантиомера [8, с. 395-403]. Второй энантиомер или обладает другими фармакологическими свойствами, или полностью пассивный. Зачастую, различия проявляются с очень разной интенсивностью, в зависимости от применяемого исследовательского метода, например, в случае токаинида.

Возможности, вытекающие из интеракции нантиомеров того же самого препарата южно суммировать следующим образом: дин изомер проявляет лечебное действие, то время как другой является источником нежелательных симптомов, например, анапшлин, действует как препарат, блокирующий В-адренергические рецепторы, тогда как оба изомера, т.е. S и 1, проявляют местное обезболивающее действие и освобождают гистамин. Следует также подчеркнуть тот факт, что оба изомера, входящие в состав рацемической смеси, могут обладать совершенно противоположными фармакодинамическими действиями, например, в случае барбитуратов 1-изомер оказывает депрессивное воздействие на центральную нервную систему, тогда как вызывает судороги. В некоторых случаях один изомер является конкурентным антагонистом второго, вследствие вытеснения его с мест специфической связи с рецепторами. Равнодействующая рацемической смеси зависит от равнодействующей обоих изомеров сродственных с определенным рецептором, например, для наркотического или обезболивающего пиценандола изомер d действует как антагонист, тогда как изомер 1 как антагонист опиоидового рецептора, а рацемическая смесь действует как типичный препарат, обладающий аго-антагонистическими свойствами. Принимая во внимание эти свойства, можно использовать в лечебных целях различные фармакологические действия обоих изомеров, выступающих в рацемической смеси. С целью выяснения этого утверждения, следует ввести сначала понятие гибридных лекарственных препаратов. Это препараты, обладающие двумя разными независимыми механизмами действия, связанными, как правило, со сродством с двумя разными системами рецепторов.

Простым примером такого лекарственного препарата является, например, адреналин, действующий как на альфа-, так и на бета-адренергические рецепторы, В последние годы наблюдается, однако, значительный интерес к, так называемым, псевдогибридным препаратам, представляющим, по существу, рацемическую смесь, Иногда они образуются путем химической модификации оптического изомера, что приводит к созданию в рацемической смеси двух различных препаратов с различным механизмом действия. Это относится прежде всего ко всем препаратам, блокирутощим В-адренергические рецепторы. Посредством избирательной химической модификации каждого энантиомера, можно получитъ совершенно другие фармакологические действия. Например, введение в один из изомеров адреналина фенилоалкиловой группы приводит к созданию а-изомера, оказывающего возбуждающее действие на В-адренергические рецепторы, а также изомера 1, обладающего неспецифическим диастолическим действием на мышцы сосудов. Другие возможности модифицирования это замещение катехолинового кольца в структуре 1-адреналина другой химической структурой, что ведет к преобразованию этого изомера из соединения возбуждающего В-адренергические рецепторы в соединение, блокирующее рецепторы. Подобная модификация описана ранее для d-изомера ведет к выявлению действия, блокирующего а-адренергические рецепторы или (и) неспецифического диастолического действия гладких мышц сосудов. Примером образовавшихся таким образом препаратов являются препараты, блокирующие а- и В-адренергические рецепторы, например, лабеталол, буцинидол или блокирующие В-адренергические рецепторы и одновременно оказывающие неспецифическое диастолическое действие на гладкие мышцы сосудов, например: пиризидолол, сульфиналол, медраксалол. Следует отметить, что ситуация осложняется наличием двух центров оптической асимметрии, например, в молекуле лабеталола, вследствие чего рецемическая смесь состоит из 4-х разных оптических изомеров, что дополнительно усложняет Это относится прежде всего ко всем препаратам, блокирутощим В-адренергические рецепторы. Посредством избирательной химической модификации каждого энантиомера, можно получитъ совершенно другие фармакологические действия. Например, введение в один из изомеров адреналина фенилоалкиловой группы приводит к созданию а-изомера, оказывающего возбуждающее действие на В-адренергические рецепторы, а также изомера 1, обладающего неспецифическим диастолическим действием на мышцы сосудов. Другие возможности модифицирования это замещение катехолинового кольца в структуре 1-адреналина другой химической структурой, что ведет к преобразованию этого изомера из соединения возбуждающего В-адренергические рецепторы в соединение, блокирующее рецепторы. Подобная модификация описана ранее для d-изомера ведет к выявлению действия, блокирующего а-адренергические рецепторы или (и) неспецифического диастолического действия гладких мышц сосудов.

Примером образовавшихся таким образом препаратов являются препараты, блокирующие а- и В-адренергические рецепторы, например, лабеталол, буцинидол или блокирующие В-адренергические рецепторы и одновременно оказывающие неспецифическое диастолическое действие на гладкие мышцы сосудов, например: пиризидолол, сульфиналол, медраксалол. Следует отметить, что ситуация осложняется наличием двух центров оптической асимметрии, например, в молекуле лабеталола, вследствие чего рецемическая смесь состоит из 4-х разных оптических изомеров, что дополнительно усложняет использование единой модели фармакологического действия такого рода лекарственных препаратов. Несмотря на мнимую привлекательность этих препаратов, они представляют собой в действительности ничто иное как сложные препараты с постоянным соотношением составляющих, что разумеется, также как и в случае всех других сложных препаратов делает невозможным гибкое дозирование обеих составляющих [9, с. 173-180]. Однако, насколько информации, касающиеся кинетики и фармакологического действия сложных препаратов обычно доступны, настолько касающиеся описываемых лекарственных препаратов, являющихся смесью двух или более изомеров, чаще всего не существуют или не предоставляются. Поэтому, следует подчеркнуть необходимость получения оптической активности новых препаратов, вводимых в лечебную практику, Препараты псевдогибридного характера следует оценивать критически.

Выводы

Представленные мнения склоняют к выводу, что настоящая клиническая фармакология стоит перед необходимостью введения методов, позволяющих реализовать мониторинг оптических изомеров порознь. Затем представим сокращенно несколько примеров возможности осуществления этой задачи. Относительно большие возможности в этой области приносит метод высокоточной жидкостной хроматографии (HPCL). Энантиомеры 1 и d лекарственных препаратов отличаются, кроме разных оптических вращений, практически идентичными физикохимическими свойствами в оптически нейтральной среде, что затрудняет полностью их разделение с помощью традиционных слоев твердой фазы. Соответствующие модификации среды разделения позволяют на хроматографическое разделение энантиомеров [10, с. 53-58]. Это – использование в качестве твердой среды одного из многих существующих в настоящее время слоев с оптически активным характером, модифицирование подвижной фазы путем добавления к ней оптически активных комплексообразующих соединений, химическое модифицирование анализируемых соединений, т.е. их переход в дистереоизомеры, отличающиеся физикохимическими свойствами настолько, что они могут быть разделены с помощью классических методов. Несомненно, поиск новых слоев, облегчающих разделение оптически активных соединений, является в настоящее время одной из наиболее динамически развивающихся областей хроматографии и около 100 такого рода разных слоев находится в настоящее время на рынке, например, циклодекстрины. Возможноссь модифицирования подвижной фазы состоит в добавлении комплексообразующих оптически активных соединений, например, хинидина или других энантиомеров, выбранных в соответствии с родом разделяемого соединения. Третья возможность состоит в химической модификации (дериватизации) энантиомеров до соответствующих диастереоизомеров, перед разделением на классических колонках. В настоящее время развиваются также радиоиммунологические методы разделения. И, наконец, последний метод, применяемый в первую очередь в фармакокинетических исследованиях лекарственных препаратов, состоит в использовании рацемических смесей при одновременном применении меченых энантиомеров, так называемых, стабильных ионов (например, углерода 13 С). Эти изотопы не радиоактивны, но так как придают одному из энантиомеров другой молекулярный вес, то позволяют разделить их с помощью массовой хроматографии, чаще всего вместе с использованием массовой спектрометрии (GC – MS).

Исследования фармакокинетических и фармакодинамических свойств стереоизомеров лекарственных препаратов являются в настоящее время одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений в области клинической аналитики и фармакологии. Значение этого явления в лечении нельзя недооценивать.

Список источников

1. Абаимов Д.А., Хуторова А.В., Сариев А.К., Куликова О.И., Белоусова М.А., Стволинский С.Л., Мигулин В.А., Фёдорова Т.Н. Изучение базовых фармакокинетических свойств нового производного гистидинсодержащего дипептида карнозина – пирролилкарнозина. Фармакокинетика и фармакодинамика. 2023. № 2. С. 29 – 36. https://doi.org/10.37489/2587-7836-2023

2. Бердиев А.А., Соегов Г.А. Изучение фармакокинетики и фармакодинамики новых синтетических и природных соединений // Парадигма. 2025. № 5-1. С. 57 – 61.

3. Бердиев А.А., Соегов Г.А. Изучение фармакокинетики и фармакодинамики новых синтетических и природных соединений // Парадигма. 2025. № 5-1. С. 61 – 63.

4. Енгалычева Г.Н., Сюбаев Р.Д., Куликова А.В. Доклинические исследования современных радиофармацевтических лекарственных препаратов: экспертные подходы к оценке результатов // Безопасность и риск фармакотерапии. 2025. № 13 (3). С. 247 – 262. https://doi.org/10.30895/2312-7821-2025-13-3

5. Енгалычева Г.Н., Сюбаев Р.Д., Куликова А.В. Доклинические исследования современных радиофармацевтических лекарственных препаратов: экспертные подходы к оценке результатов // Безопасность и риск фармакотерапии. 2025. № 13 (3). С. 264 – 265. https://doi.org/10.30895/2312-7821-2025-13-3

6. Карлина М.В., Косман В.М., Макарова М.Н., Макаров В.Г. Подходы к дизайну исследования фармакокинетики лекарственных средств в доклинических исследованиях (обзор) // Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств. 2026. № 16 (2). С. 163 – 178.

7. Лунёв А.С., Лунёва К.А., Клементьева О.Е. Исследование фармакокинетики радиофармацевтических препаратов. Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения // Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств. 2022. № 12 (4). С. 395 – 403. https://doi.org/10.30895/1991-2919-2022-12-4

8. Лунёв А.С., Лунёва К.А., Клементьева О.Е. Исследование фармакокинетики радиофармацевтических препаратов // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств. 2022. № 12 (4). https://doi.org/10.30895/1991-2919-2022-12-4

9. Смирнов В.В., Петухова О.А., Филатов А.В., Кудлай Д.А., Хаитов М.Р. Исследование фармакокинетики биотехнологических препаратов на примере моноклональных антител // БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2023. № 23 (2). С. 173 – 180.

10. Чугаев Д.В., Красных Л.М., Смирнова И.Г. "Аналитические подходы к изучению фармакокинетических особенностей оптических изомеров лекарственных средств" // Биомедицина. 2006. № 5. С. 53 – 58.

References

1. Abaimov D.A., Khutorova A.V., Sariev A.K., Kulikova O.I., Belousova M.A., Stvolinsky S.L., Migulin V.A., Fedorova T.N. Study of the basic pharmacokinetic properties of a new derivative of histidine-containing dipeptide carnosine – pyrrolylcarnosine. Pharmacokinetics and Pharmacodynamics. 2023. No. 2. P. 29 – 36. https://doi.org/10.37489/2587-7836-2023

2. Berdiev A.A., Soegov G.A. Study of the pharmacokinetics and pharmacodynamics of new synthetic and natural compounds. Paradigm. 2025. No. 5-1. P. 57 – 61.

3. Berdiev A.A., Soegov G.A. Study of pharmacokinetics and pharmacodynamics of new synthetic and natural compounds. Paradigm. 2025. No. 5-1. P. 61 – 63.

4. Engalycheva G.N., Syubaev R.D., Kulikova A.V. Preclinical studies of modern radiopharmaceutical drugs: expert approaches to results assessment. Safety and risk of pharmacotherapy. 2025. No. 13 (3). P. 247 – 262. https://doi.org/10.30895/2312-7821-2025-13-3

5. Engalycheva G.N., Syubaev R.D., Kulikova A.V. Preclinical Studies of Modern Radiopharmaceuticals: Expert Approaches to Results Assessment. Safety and Risk of Pharmacotherapy. 2025. No. 13 (3). P. 264 – 265. https://doi.org/10.30895/2312-7821-2025-13-3

6. Karlina M.V., Kosman V.M., Makarova M.N., Makarov V.G. Approaches to the Design of Pharmacokinetic Studies of Drugs in Preclinical Studies (Review). Regulatory Research and Expertise of Medicines. 2026. No. 16 (2). P. 163 – 178.

7. Lunev A.S., Luneva K.A., Klementyeva O.E. Study of the Pharmacokinetics of Radiopharmaceuticals. Bulletin of the Scientific Center for Expertise of Medical Products. Regulatory Research and Expertise of Medicines. 2022. No. 12 (4). P. 395 – 403. https://doi.org/10.30895/1991-2919-2022-12-4

8. Lunev A.S., Luneva K.A., Klementyeva O.E. Study of the Pharmacokinetics of Radiopharmaceuticals. Bulletin of the Scientific Center for Expertise of Medical Products. Regulatory Research and Expertise of Medicines. 2022. No. 12 (4). https://doi.org/10.30895/1991-2919-2022-12-4

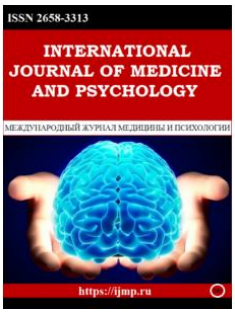
9. Smirnov V.V., Petukhova O.A., Filatov A.V., Kudlai D.A., Khaitov M.R. Study of the pharmacokinetics of biotechnological drugs using monoclonal antibodies as an example. BIOpreparaty. Prevention, diagnostics, treatment. 2023. No. 23 (2). P. 173 – 180.

10. Chugaev D.V., Krasnykh L.M., Smirnova I.G. "Analytical approaches to the study of pharmacokinetic features of optical isomers of drugs". Biomedicine. 2006. No. 5. P. 53 – 58.

Информация об авторах

Ильясов А.Б., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России
Насрулаева Х.Н., кандидат фармацевтических наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, lisst32@mail.ru
Алхазова Р.Т., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, Alxazova_rabi1973@mail.ru
Магомедова З.Ш., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России
Магомедова Р.Г., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, abubakr_chunk2008@yandex.ru

© Ильясов А.Б., Насрулаева Х.Н., Алхазова Р.Т., Магомедова З.Ш., Магомедова Р.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 616.31:616.1/.4
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-47-53

[1] Шумбасова Н.С.,
[1] Волынова А.М.,
[1] Илюшова А.А.,
[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Роль гигиены полости рта в патогенезе неинфекционных заболеваний: системный взгляд на проблему

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимосвязи здоровья полости рта и развития неинфекционных заболеваний, а также механизмы, формирующие патологическую цепочку орально-системных ассоциаций. Основу работы составляет влияние хронического воспаления полости рта на патогенетические звенья развития сердечно-сосудистых заболеваний, эндокринных нарушений, неврологических расстройств и заболеваний дыхательной системы.

Цель исследования – произвести анализ современных научных литературных источников о зависимости возникновения неинфекционных заболеваний при разных уровнях ухода за полостью рта, определить основные патогенетические цепочки, способствующие развитию ассоциаций, с дальнейшей систематизацией полученных данных.

Задачи исследования – произвести аналитическую оценку научных данных о влиянии орального здоровья на развитие и течение соматических заболеваний.

Исследование проводилось с помощью анализа основных крупных онлайн-библиотек: PubMed, eLibrary, КиберЛенинка.

Полученные данные позволяют повысить осведомлённость медицинских специалистов о значимости орального статуса, как предиктора неинфекционных заболеваний, поскольку это является важным моментом в формировании новых профилактических мероприятий и в создании современных фармацевтических препаратов. Кроме того, полученные данные предоставляют профиль лиц, составляющих группы риска для дальнейшего формирования персонализированного подхода ведения пациентов.

Ключевые слова: гигиена полости рта, сахарный диабет, оральное здоровье, сердечно-сосудистые заболевания, болезнь Альцгеймера

Для цитирования: Шумбасова Н.С., Волынова А.М., Илюшова А.А. Роль гигиены полости рта в патогенезе неинфекционных заболеваний: системный взгляд на проблему // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 47 – 53. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-47-53

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Shumbasova N.S.,***
[1] ***Volynova A.M.,***
[1] ***Ilyushova A.A.,***
[1] *National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev*

The role of oral hygiene in the pathogenesis of non-communicable diseases: a systemic view of the problem

Abstract: the article addresses the problem of the relationship between oral health and the development of non-communicable diseases, as well as the mechanisms forming the pathological chain of oral-systemic associations. The basis of the work is the impact of chronic oral inflammation on the pathogenetic links of the development of cardiovascular diseases, endocrine disorders, neurological disorders, and respiratory diseases.

The aim of the study is to analyze current scientific literature sources on the dependence of the occurrence of non-communicable diseases at different levels of oral care, to identify the main pathogenetic chains contributing to the development of associations, with further systematization of the obtained data.

The objectives of the study are to perform an analytical assessment of scientific data on the impact of oral health on the development and course of somatic diseases.

The study was conducted using the analysis of major online libraries: PubMed, eLibrary, CyberLeninka.

The obtained data make it possible to increase the awareness of medical specialists about the significance of oral status as a predictor of non-communicable diseases, since this is an important point in the formation of new preventive measures and in the development of modern pharmaceutical drugs. In addition, the obtained data provide a profile of individuals constituting risk groups for the further formation of a personalized approach to patient management.

Keywords: oral hygiene, diabetes mellitus, oral health, cardiovascular diseases, Alzheimer's disease

For citation: Shumbasova N.S., Volynova A.M., Ilyushova A.A. The role of oral hygiene in the pathogenesis of non-communicable diseases: a systemic view of the problem. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 47 – 53. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-47-53

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от неинфекционных заболеваний (НИЗ), к которым относятся сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), сахарный диабет (СД), хронические респираторные болезни, онкопатология и ожирение, ежегодно умирает 41 миллион человек, что составляет 74% глобальной смертности, но 17 миллионов из них погибает преждевременно, так и не до жив до 70 лет [1-3]. Их распространённость связана с модифицируемыми факторами риска развития НИЗ.

Одним из новейших факторов развития НИЗ является здоровье полости рта, поскольку она представляет собой сложную экосистему, заселенную более чем 700 видами микроорганизмов, служит критическим индикатором общего состояния здоровья организма [4]. Игнорирование орального статуса в качестве предиктора развития НИЗ, влечет за собой увеличение числа лиц, страдающих НИЗ.

Основу взаимосвязи орального здоровья и системной патологии составляют механизмы хронического воспаления, микробного дисбиоза, окислительного стресса и иммунной дисрегуляции [1, 5]. Пародонтопатогенные микроорганизмы, ведущая роль из них отдана *Porphyromonas gingivalis* и *Fusobacterium nucleatum*, которые при нарушении целостности эпителиального барьера попадают в системный кровоток, инициируя бактериемию и каскад системных воспалительных реакций. Развивающиеся при этом персистирующее воспаление влечет за собой эндотелиальную дисфункцию, атерогенез, инсулинорезистентность и нейровоспаление [1, 6].

При этом, рассматривая взаимосвязь развития НИЗ и орального здоровья не следует забывать об оральной-кишечной оси. В рамках данной теории, полость рта рассматривается в качестве эндогенного резервуара для штаммов микроорганизмов, колонизирующих кишечник. Транслокация оральных патогенов и их метаболитов нарушает барьерную функцию кишечника, способствует развитию системного воспалительного процесса, изменяя при этом иммунный ответ, что может лежать в основе патогенеза широкого спектра заболеваний [7].

Цель исследования: произвести анализ современных научных литературных источников о зависимости возникновения НИЗ при разных уровнях ухода за полостью рта, определить основные патогенетические цепочки, способствующие развитию ассоциаций, с дальнейшей системазицией полученных данных.

Материалы и методы исследований

В ходе данного обзора была проведена аналитическая оценка современных литературных данных. Поиск производился в крупных открытых электронных библиотеках: PubMed, eLibrary, КиберЛенинка. Глубина поиска составила последние 6 лет (2020-2026 гг.). Отбор научных публикаций по кодовым словосочетаниям: «оральное здоровье и соматическое здоровье», «влияние микробиоты на развития соматических заболеваний», «здоровье полости рта как фактор развития заболеваний соматических» Всего было найдено 297 статей, при дальнейшем отборе по ключевым параметрам: полный текст доступен на русском и/или английском языке, оригинальные клинические исследования, систематические обзоры, мет-анализы. Расхождения в оценках решалось путем консенсуса. В итоговый анализ вошло 25 источников (18 англоязычных и 7 русскоязычных).

Результаты и обсуждения

Здоровье полости рта у больных с Альцгеймера

Среди форм деменции наиболее распространена болезнь Альцгеймера (БА), характеризующаяся прогрессирующими расстройствами памяти, нарушениями когнитивных функций и способностью к самообслуживанию, в том числе страдает и уход за полостью рта, поскольку утрачивается мелкая моторика. В последнее десятилетие ученые предполагают, что нарушение орального здоровья, и как следствие развитие хронического воспаления в полости рта, может вызывать формирование системного воспаления и способствовать усугублению когнитивних дисфункций. Поскольку в рамках исследования была выявлена тенденция: группа пожилых лиц, страдающих деменцией, имела более высокую выявляемость коронковый и пришеечный кариес. Статистическую взаимосвязь в сторону увеличения у лиц с БА показала и пародонтальная патология – кровоточивость десен, пародонтит. Также может быть в их анамнезе и ксеростомия, и поражения слизистой оболочки [8, 9].

Ксеростомия не всегда развивается на фоне БА, как часть патологического процесса, выходящая за пределы нервной системы. Она может быть следствием естественного процесса старения, применения антихолинергических препаратов, последствием лучевой терапии при сопутствующей онкопатологии. При этом, у лиц, страдающих БА наблюдается снижение стимулированного и нестимулированного слюноотделения, что влечет за собой гипосаливацию и изменение буферных свойств слюны. В совокупности, возникает порочный круг: ксеростомия стимулирует повышенное налетообразование, пародонтальное воспаление, развитие кандидоза и увеличение кариеса, что влечет за собой снижение качества жизни пациентов с БА [10].

Стоматологическое ведение пациентов с БА должно включаться в жизнь пациентов с БА на ранних стадиях, пока двигательные функции сохранны. Основным принципом должен быть профилактический: реставрации, которые пациент будет способен в дальнейшем поддерживать самостоятельно, а врач при необходимости корректировать [11]. Кроме того, необходимо проводить обучение пациентов гигиеническому уходу должно строиться на принципе персонализации: с учетом его пищевых привычек и интеллектуальной способности и корректироваться по мере прогрессирования болезни. В качестве помощников за поддержанием орального здоровья можно рекомендовать ирригаторы или специальные зубные щетки Collis Curve [12].

Одним из интересных подходов, на которые следует обратить внимание является методология 5S, разработанная в Японии, состоящая из 5 этапов: сортировка, создание порядка, очистка окружающего места после сортировки и создания, установление дисциплины для формирования привычек для чистоты полости рта, поддержка [12].

Здоровье полости рта у больных с СД 2 типа и ССЗ

Корейское когортное исследование (n = 173 927, пациенты с СД2 ≥40 лет, медиана наблюдения 10 лет) продемонстрировало: чистка зубов≥1 раз в день снижает риск ССЗ на 9%, а прохождение профессиональной чистки зубов ≥1 раз в год – на 14% [13]. Данные показатели возможны, благодаря тому что происходит уменьшение бактериальной транслокации из пародонтальных очагов и снижение концентрации системных маркеров воспаления [13-15]. При этом, при развитии пародонтита у пациентов с ишемической болезнью сердца достоверно повышается уровень интерлейкина-6 (ИЛ-6), С-реактивного белка (СРБ), что влечет за собой ускорение процессов атерогенеза [16, 17].

Кроме того, при пародонтите не стоит забывать об *P. gingivalis*, являющаяся ключевым патогеном, стимулирует через липополисахариды микровоспаление, что способствует гиперсекреции провоспалительных цитокинов (фактор некроза опухоли-альфа (ФНО-α), ИЛ-6), которые, в свою очередь, фосфорилируют субстрат инсулинового рецептора, блокируя тем самым передачу инсулинового сигнала и усугубляет инсулинорезистентность [18]. Данные подтверждаются другим корейским исследованием (n=188,013, наблюдение 10 лет) наличие пародонтита повышает риск развития СД 2типа на 9%, а потеря ≥15 зубов – на 21%, тогда как чистка зубов ≥3 раз в день снижает риск на 8% [19]

При этом, во время совершенное стоматологическое вмешательство при пародонтите способствует снижению уровня СРБ на 0,61 мг/л, ФНО-α на 3,48 пг/мл, Ил-6 на 1,56 пг/мл [20].

Здоровье полости рта и взаимосвязь с пневмониями

Пневмония подразделяется на вне- и внутрибольничную. Особую опасность представляет второй вариант, поскольку существует большая вариабельность микроорганизмов, способных вызвать данное заболевание. Кроме того, существует множество факторов риска, одним из которых выступает гигиена полости рта. Так, в ходе исследования удалось подтвердить гипотезу о том, что у пациентов с плохим питанием плохая гигиена была связана с высоким потенциалом наличия колоний различных микроорганизмов в ротовой полости, вызывающих пневмонию [21].

Многоцентровые исследования, проведенные в Китае, США, Бразилии, Иране позволили выявить 5 направлений стратегического анализа: хлоргексидин (CHX) ополаскиватель для полости рта или гель относительно плацебо или обычного ухода; CHX для полоскания рта по сравнению с альтернативными уходовыми средствами; механическая чистка зубов (± антисептики) по сравнению с отсутствием данного; сравнение других средств по уходу за полостью рта, используемых в комплексной оральной гигиене, включая их сравнение как между собой, так и с плацебо, и с обычным уходом [22].

Так, было показано, что в 92% случаях ополаскиватель или гель CHX, как часть комплексного ухода, вероятно, снижает частоту пневмонии, связанной с аппаратом искусственной вентиляции легких (ИВЛ) по сравнению с плацебо или обычным уходом с 26% до примерно 18%.

Зубная щетка (± антисептики) может снизить частоту пневмонии, связанной с аппаратом ИВЛ по сравнению с комплексным уходом без зубной чистки (± антисептики). Есть также некоторые доказательства того, что чистка зубов может сократить продолжительность пребывания в отделении интенсивной терапии [23]

Хлоргексидиновый ополаскиватель для полости рта, как и гель, как снижают частоту развития пневмонии, связанной с аппаратом ИВЛ у критически больных пациентов [24, 25].

В ходе исследования не было выявлено разницы в смертности, продолжительности механической вентиляции легких или продолжительности пребывания в отделении интенсивной терапии.

Таким образом, комплексный уход, включая как антисептики, так и чистку зубов, может быть более эффективным, чем уход с только антисептиками для снижения частоты пневмонии, связанной с аппаратом ИВЛ.

Выводы

Результат данного обзора является клиническая парадигма: полость рта – это не пассивный индикатор, а активный игрок системных воспалительных процессов, способствующих развитию множества НИЗ и отягеляющих течение как заболеваний полости рта, так и соматических, формируя при этом патологический замкнутый круг.

Патологическое действие плохой гигиены полости рта – это не результат сегодняшнего дня, а сумма нескольких лет, поэтому интеграция стоматологического скрининга в протоколы диспансеризации может рассматриваться как эффективный инструмент, снижающий число лиц, страдающих НИЗ.

При этом, при развивающемся НИЗ важно персонализировать стратегию гигиенического ухода, учитывая соматический статус пациента, конкретные цели профилактики в каждой клинической ситуации.

Таким образом, здоровье полости рта сегодня – это не стоматологическая проблема, а междисциплинарная. Важно сформировать единый протокол взаимодействия терапевтов или узких специалистов с врачами-стоматологами, разрабатывать новые методы ранней диагностики орального дисбиоза и фармацевтические препараты, способствующие разрыву порочного круга.

Список источников

1. Fu D., Shu X., Zhou G., Ji M., Liao G., Zou L. Connection between oral health and chronic diseases // MedComm (2020). 2025. Т. 6. № 1. P. e70052. DOI: 10.1002/mco2.70052.

2. Мельникова Н.А., Пузакова Д.В., Власова Т.И., Седова Д.Г., Кудашкина А.М. Роль питания в профилактике и лечении хронических заболеваний системы пищеварения (обзор литературы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2025. Т. 1. № 73. С. 76 – 88. DOI: 10.21685/2072-3032-2025-1-6

3. Мельникова Н.А., Пузакова Д.В., Седова Д.Г., Власова Т.И., Разумова Е.В. Особенности питания при профилактике и лечении хронических соматических заболеваний (обзор литературы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2025. Т. 2. № 74. С. 83 – 98. DOI: 10.21685/2072-3032-2025-2-8

4. Hajishengallis G., Chavakis T. Local and systemic mechanisms linking periodontal disease and inflammatory comorbidities // Nature Reviews Immunology. 2021. Vol. 21. P. 426 – 440. DOI: 10.1038/s41577-020-00488-6

5. Safari F., Chadeganipour M., Mahdavi-Nasab M. The Oral Microbiome and Its Bidirectional Relationship with Oral Health and Systemic Diseases: A Review of Mechanisms and Clinical Implications // Journal of Mazandaran University of Medical Sciences. 2025. Т. 35, № 251. С. 185 – 204.

6. Landers J.B., Walker C., Teed J., McFarlane R., Halversen G. Oral health as a determinant of Alzheimer's disease // Physiologia. 2025. Vol. 5. № 4. С. 49. DOI: 10.3390/physiologia05040049.

7. Zhu J., Jiang Z., Yu F., Gao L., Wang X., Wang Q., Zhang Y., Liu H. Integrated oral-gut microbiota therapy: a novel perspective on preventing bacterial translocation for systemic disease management // Frontiers in Cellular and Infection Microbiology. 2025. Vol. 15. P. 1641816. DOI: 10.3389/fcimb.2025.1641816.

8. Шаркович З. Здоровье полости рта у пациентов пожилого и старческого возраста со старческой деменцией: современные подходы, вызовы и перспективы (обзор литературы) // Innova. 2025. Т. 11. № 1. С. 1 – 7.

9. Чернова Н.Н., Балыкова О.П., Пузакова Д.В., Китаева Л.И. Роль здорового образа жизни в профилактике нейродегенеративных заболеваний // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. Т. 23. № S6. С. 84.

10. Gao S.S., Chen K.J., Duangthip D., Lo E.C.M., Chu C.H. The oral health status of Chinese elderly people with and without dementia: A cross-sectional study // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. P. 1913. DOI: 10.3390/ijerph17061913

11. Gao S.S., Chu C.H., Young F.Y.F. Oral Health and Care for Elderly People with Alzheimer's Disease // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. № 16. P. 5713. DOI: 10.3390/ijerph17165713

12. Gao S.S., Chu C.H., Young F.Y.F. Integrating 5S methodology into oral hygiene practice for elderly with Alzheimer's disease // Dentistry Journal. 2020. Vol. 8. P. 29. DOI: 10.3390/dj8020029

13. Park J.A., Lee Y.S., Kim S.Y., Kim H.S., Park S.H. Oral hygiene and cardiovascular outcomes in patients with type 2 diabetes: a Korean cohort study // BMJ Open. 2020. Vol. 10. № 1. P. e024766. DOI: 10.1136/bmjopen-2020-024766

14. Бобожонов С.С. Влияние болезней сердца на здоровье полости рта // Экономика и социум. 2025. Т. 6-2. № 133. С. 1990 – 2000.

15. Usmani W., de Courten M., Hanna F. Can oral health care be a gateway to improve cardiovascular disease? A scoping review. Frontiers in Oral Health. 2024. Vol. 5. P. 1364765. DOI: 10.3389/froh.2024.1364765

16. Zulkapli R., Sallehuddin N., Omar N., Zakaria N., Zainol Anuar A.H. Decoding the periodontitis–coronary artery disease axis through biomarker profiling: a systematic review and meta-analysis. BMC Oral Health. 2026. Vol. 26. № 1. P. 26. DOI: 10.1186/s12903-026-05432-1

17. Арзикулова М.Ш. Особенности лечения пародонтита у больных с ишемической болезнью сердца // Science and Education. 2024. Vol. 5. № 10. P. 51 – 54.

18. Shinjo T., Nishimura F. The bidirectional association between diabetes and periodontitis, from basic to clinical // Japanese Dental Science Review. 2024. Т. 60. С. 15–21. DOI: 10.1016/j.jdsr.2023.12.002

19. Chang Y., Lee J.S., Lee K.J. Improved oral hygiene is associated with decreased risk of new-onset diabetes: a nationwide population-based cohort study. Diabetologia. 2020. Vol. 63. P. 924 – 933. DOI: 10.1007/s00125-020-05112-9

20. Bechina C., Pockpa A.D., Amador Del Valle G., Soueidan A., Lamirault G., Struillou X. Effects of Periodontal Therapy on Cardiovascular Risk Biomarkers: A Systematic Review // Oral Health & Preventive Dentistry. 2025. Vol. 23. P. 457 – 467. DOI: 10.3290/j.ohpd.c_2173

21. Almirall J., Boixeda R., de la Torre M.C., Torres A. Aspiration pneumonia: A renewed perspective and practical approach // Respiratory Medicine. 2021. Vol. 185. P. 106485. DOI: 10.1016/j.rmed.2021.106485.

22. Богатырева Р.М., Слажнева Е.С., Блашкова Е.В., Атрушкевич В.Г. Сравнительный анализ эффективности хлоргексидинсодержащих антисептических препаратов, применяемых в пародонтологии и имплантологии // Пародонтология. 2023. Т. 28. № 3. С. 264 – 275. DOI: 10.33925/1683-3759-2023-850

23. Singh P., Arshad Z., Srivastava V.K., Singh G.P., Gangwar R.S. Efficacy of Oral Care Protocols in the Prevention of Ventilator-Associated Pneumonia in Mechanically Ventilated Patients // Cureus. 2022. Vol. 14. № 4. P. e23750. DOI: 10.7759/cureus.23750

24. Hashemi S.T., Alikiaii B., Fallah Medvari M.A., Karimi F., Fallah Medvari A. Comparison of effects of chlorhexidine mouthwash with herbal cinnamol mouthwash on prevention of ventilator associated pneumonia // Medical Journal of Tabriz University of Medical Sciences and Health Services. 2020. Vol. 41. № 6. P. 91 – 97.

25. Zhao T., Wu X., Zhang Q., Li C., Worthington H.V., Hua F., Shi Z. Oral hygiene care for critically ill patients to prevent ventilator-associated pneumonia // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2020. Vol. 12. № 12. P. CD008367. DOI: 10.1002/14651858.CD008367.pub4

References

1. Fu D., Shu X., Zhou G., Ji M., Liao G., Zou L. Connection between oral health and chronic diseases. MedComm (2020). 2025. Vol. 6. No. 1. P. e70052. DOI: 10.1002/mco2.70052.

2. Melnikova N.A., Puzyakova D.V., Vlasova T.I., Sedova D.G., Kudashkina A.M. The role of nutrition in the prevention and treatment of chronic diseases of the digestive system (literature review). News of higher educational institutions. Volga region. Medical sciences. 2025. Vol. 1. No. 73. P. 76 – 88. DOI: 10.21685/2072-3032-2025-1-6

3. Melnikova N.A., Puzyakova D.V., Sedova D.G., Vlasova T.I., Razumova E.V. Nutritional features in the prevention and treatment of chronic somatic diseases (literature review). News of higher educational institutions. Volga region. Medical sciences. 2025. Vol. 2. No. 74. P. 83 – 98. DOI: 10.21685/2072-3032-2025-2-8

4. Hajishengallis G., Chavakis T. Local and systemic mechanisms linking periodontal disease and inflammatory comorbidities. Nature Reviews Immunology. 2021. Vol. 21. P. 426 – 440. DOI: 10.1038/s41577-020-00488-6

5. Safari F., Chadeganipour M., Mahdavi-Nasab M. The Oral Microbiome and Its Bidirectional Relationship with Oral Health and Systemic Diseases: A Review of Mechanisms and Clinical Implications. Journal of Mazandaran University of Medical Sciences. 2025. T. 35, No. 251. P. 185 – 204.

6. Landers J.B., Walker C., Teed J., McFarlane R., Halversen G. Oral health as a determinant of Alzheimer's disease. Physiologia. 2025. Vol. 5. No. 4. P. 49. DOI: 10.3390/physiologia05040049.

7. Zhu J., Jiang Z., Yu F., Gao L., Wang X., Wang Q., Zhang Y., Liu H. Integrated oral-gut microbiota therapy: a novel perspective on preventing bacterial translocation for systemic disease management. Frontiers in Cellular and Infection Microbiology. 2025. Vol. 15. P. 1641816. DOI: 10.3389/fcimb.2025.1641816.

8. Sharkovich Z. Oral health in elderly and senile patients with senile dementia: modern approaches, challenges and prospects (literature review). Innova. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 1 – 7.

9. Chernova N.N., Balykova O.P., Puzyakova D.V., Kitaeva L.I. The role of a healthy lifestyle in the prevention of neurodegenerative diseases. Cardiovascular Therapy and Prevention. 2024. Vol. 23. No. S6. P. 84.

10. Gao S.S., Chen K.J., Duangthip D., Lo E.C.M., Chu C.H. The oral health status of Chinese elderly people with and without dementia: A cross-sectional study. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. P. 1913. DOI: 10.3390/ijerph17061913

11. Gao S.S., Chu C.H., Young F.Y.F. Oral Health and Care for Elderly People with Alzheimer's Disease. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. No. 16. P. 5713. DOI: 10.3390/ijerph17165713

12. Gao S.S., Chu C.H., Young F.Y.F. Integrating 5S methodology into oral hygiene practice for the elderly with Alzheimer's disease. Dentistry Journal. 2020. Vol. 8. P. 29. DOI: 10.3390/dj8020029

13. Park J.A., Lee Y.S., Kim S.Y., Kim H.S., Park S.H. Oral hygiene and cardiovascular outcomes in patients with type 2 diabetes: a Korean cohort study. BMJ Open. 2020. Vol. 10. No. 1. P. e024766. DOI: 10.1136/bmjopen-2020-024766

14. Bobozhonov S.S. The impact of heart disease on oral health. Economy and Society. 2025. Vol. 6-2. No. 133. pp. 1990 – 2000.

15. Usmani W., de Courten M., Hanna F. Can oral health care be a gateway to improve cardiovascular disease? A scoping review. Frontiers in Oral Health. 2024. Vol. 5. P. 1364765. DOI: 10.3389/froh.2024.1364765

16. Zulkapli R., Sallehuddin N., Omar N., Zakaria N., Zainol Anuar A.H. Decoding the periodontitis–coronary artery disease axis through biomarker profiling: a systematic review and meta-analysis. BMC Oral Health. 2026. Vol. 26. No. 1. P. 26. DOI: 10.1186/s12903-026-05432-1

17. Arzikulova M.Sh. Features of periodontitis treatment in patients with coronary heart disease. Science and Education. 2024. Vol. 5. No. 10. P. 51 – 54.

18. Shinjo T., Nishimura F. The bidirectional association between diabetes and periodontitis, from basic to clinical. Japanese Dental Science Review. 2024. T. 60. P. 15 – 21. DOI: 10.1016/j.jdsr.2023.12.002

19. Chang Y., Lee J.S., Lee K.J. Improved oral hygiene is associated with decreased risk of new-onset di-abetes: a national population-based cohort study. Diabetologia. 2020. Vol. 63. P. 924 – 933. DOI: 10.1007/s00125-020-05112-9

20. Bechina C., Pockpa A.D., Amador Del Valle G., Soueidan A., Lamirault G., Struillou X. Effects of Periodontal Therapy on Cardiovascular Risk Biomarkers: A Systematic Review. Oral Health & Preventive Dentistry. 2025. Vol. 23. P. 457 – 467. DOI: 10.3290/j.ohpd.c_2173

21. Almirall J., Boixeda R., de la Torre M.C., Torres A. Aspiration pneumonia: A renewed perspective and practical approach. Respiratory Medicine. 2021. Vol. 185. P. 106485. DOI: 10.1016/j.rmed.2021.106485.

22. Bogatyreva R.M., Slazhneva E.S., Blashkova E.V., Atrushkevich V.G. Comparative analysis of the effectiveness of chlorhexidine-containing antiseptic drugs used in periodontology and implantology. Periodontology. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 264 – 275. DOI: 10.33925/1683-3759-2023-850

23. Singh P., Arshad Z., Srivastava V.K., Singh G.P., Gangwar R.S. Efficacy of Oral Care Protocols in the Prevention of Ventilator-Associated Pneumonia in Mechanically Ventilated Patients. Cureus. 2022. Vol. 14. No. 4. P. e23750. DOI: 10.7759/cureus.23750

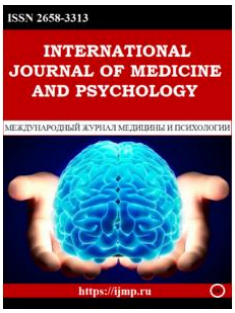
24. Hashemi S.T., Alikiaii B., Fallah Medvari M.A., Karimi F., Fallah Medvari A. Comparison of effects of chlorhexidine mouthwash with herbal cinnamol mouthwash on prevention of ventilator associated pneumonia. Medical Journal of Tabriz University of Medical Sciences and Health Services. 2020. Vol. 41. No. 6. P. 91 – 97.

25. Zhao T., Wu X., Zhang Q., Li C., Worthington H.V., Hua F., Shi Z. Oral hygiene care for critically ill patients to prevent ventilator-associated pneumonia. Cochrane Database of Systematic Reviews. 2020. Vol. 12. No. 12. P. CD008367. DOI: 10.1002/14651858.CD008367.pub4

Информация об авторах

Шумбасова Н.С., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-8589-8119, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, dpkurator@yandex.ru
Волынова А.М., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-3154-6024, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, volynovaalina@mail.ru
Илюшова А.А., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-4678-291X, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ilyushovaaa@yandex.ru

© Шумбасова Н.С., Волынова А.М., Илюшова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 616.127-005.4:577.121.7
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-54-60

[1] Тамбовцев С.А.,
[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

Роль митохондриальной дисфункции и оксидативного стресса в патогенезе хронической сердечной недостаточности: клинико-патофизиологические аспекты

Аннотация: хроническая сердечная недостаточность представляет собой многофакторный синдром с прогрессирующим нарушением метаболизма кардиомиоцитов. Целью исследования явилось изучение патофизиологических механизмов митохондриальной дисфункции и оксидативного стресса у пациентов с хронической сердечной недостаточностью.

Обследовано 98 пациентов с хронической сердечной недостаточностью II-III функционального класса и 32 практически здоровых лица контрольной группы. Определяли содержание малонового диальдегида, активность супероксиддисмутазы, уровень АТФ в лимфоцитах крови, фракцию выброса левого желудочка. Установлено статистически значимое повышение уровня малонового диальдегида в 2,7 раза, снижение активности супероксиддисмутазы на 42% и содержания АТФ на 38% у больных по сравнению с контролем. Выявлена обратная корреляционная связь между показателями оксидативного стресса и фракцией выброса. Полученные данные свидетельствуют о ключевой роли митохондриальной дисфункции в патогенезе сердечной недостаточности.

Ключевые слова: хроническая сердечная недостаточность, митохондриальная дисфункция, оксидативный стресс, малоновый диальдегид, супероксиддисмутаза, патологическая физиология

Для цитирования: Тамбовцев С.А. Роль митохондриальной дисфункции и оксидативного стресса в патогенезе хронической сердечной недостаточности: клинико-патофизиологические аспекты // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 54 – 60. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-54-60

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Tambovtsev S.A.,
[1] National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev

The role of mitochondrial dysfunction and oxidative stress in the pathogenesis of chronic heart failure: clinical and pathophysiological aspects

Abstract: chronic heart failure is a multifactorial syndrome characterized by progressive cardiomyocyte metabolic dysfunction. The aim of this study was to investigate the pathophysiological mechanisms of mitochondrial dysfunction and oxidative stress in patients with chronic heart failure.

Ninety-eight patients with functional class II-III chronic heart failure and 32 apparently healthy controls were examined. Malondialdehyde levels, superoxide dismutase activity, ATP levels in blood lymphocytes, and left ventricular ejection fraction were determined. A statistically significant 2.7-fold increase in malondialdehyde levels, a 42% decrease in superoxide dismutase activity, and a 38% decrease in ATP levels were found in patients compared to controls. An inverse correlation was found between oxidative stress parameters and ejection fraction. These findings suggest a key role for mitochondrial dysfunction in the pathogenesis of heart failure.

Keywords: chronic heart failure, mitochondrial dysfunction, oxidative stress, malondialdehyde, superoxide dismutase, pathological physiology

For citation: Tambovtsev S.A. The role of mitochondrial dysfunction and oxidative stress in the pathogenesis of chronic heart failure: clinical and pathophysiological aspects. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 54 – 60. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-54-60

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Хроническая сердечная недостаточность (ХСН) остается одной из наиболее актуальных проблем современной кардиологии, характеризуясь высокой распространенностью, инвалидизацией и летальностью пациентов. Согласно современным представлениям патологической физиологии, в основе прогрессирования ХСН лежат сложные патобиохимические процессы, включающие нарушение энергетического метаболизма миокарда, активацию нейрогуморальных систем и структурное ремоделирование сердца [1].

Митохондрии кардиомиоцитов обеспечивают до 95% энергетических потребностей сердечной мышцы посредством окислительного фосфорилирования. При патологических состояниях развивается митохондриальная дисфункция, характеризующаяся нарушением электронно-транспортной цепи, снижением синтеза аденозинтрифосфата (АТФ) и избыточной генерацией активных форм кислорода (АФК) [2, 3]. Данные процессы формируют порочный круг, усугубляющий энергетический дефицит миокарда и способствующий прогрессированию сердечной недостаточности.

Оксидативный стресс представляет собой состояние дисбаланса между продукцией АФК и антиоксидантной защитой организма. В условиях гипоксии и метаболических нарушений при ХСН происходит чрезмерная генерация супероксидного анион-радикала, пероксида водорода и гидроксильного радикала в митохондриях кардиомиоцитов [4]. Накопление АФК приводит к перекисному окислению липидов мембран, модификации белковых молекул, повреждению митохондриальной ДНК и активации апоптоза, что в конечном итоге усиливает контрактильную дисфункцию миокарда [5].

Существенное значение в патогенезе оксидативного повреждения миокарда имеет истощение эндогенных антиоксидантных систем. Супероксиддисмутаза (СОД), катализирующая дисмутацию супероксидного анион-радикала до пероксида водорода, представляет собой первую линию антиоксидантной защиты. При ХСН наблюдается снижение активности СОД вследствие посттрансляционных модификаций фермента и уменьшения его экспрессии [6]. Дефицит антиоксидантной защиты усугубляет накопление АФК и способствует прогрессированию окислительного повреждения клеточных структур.

Молекулярная основа митохондриальной дисфункции при ХСН складывается из расстройства кальциевого гомеостаза, открытия поры переходной проницаемости, разобщения окислительного фосфорилирования и дефектов дыхательных комплексов. Как показали E. Bertero и C. Maack, избыток кальция, накапливающийся в матриксе на фоне нейрогормональной активации, вызывает набухание органелл: матрикс расширяется, наружная мембрана не выдерживает нагрузки и разрывается, а в цитозоль выходят проапоптотические факторы [7]. Дальше события развиваются стереотипно – активируется каскад реакций, часть кардиомиоцитов гибнет, а освободившееся место занимает фиброзная ткань.

Перестраивается и энергетический профиль миокарда: основным субстратом вместо жирных кислот постепенно становится глюкоза. Кратковременно такой сдвиг оправдан, поскольку в пересчёте на потреблённый кислород гликолиз выгоднее. Однако, по оценке R. Tian с соавторами, суммарный выход АТФ при этом падает многократно и запросов работающего сердца не покрывает [8]. Истощение энергетического резерва усиливает контрактильную недостаточность, а та, в свою очередь, подталкивает заболевание к дальнейшему прогрессированию.

Цель исследования: изучить патофизиологические механизмы митохондриальной дисфункции и оксидативного стресса у пациентов с хронической сердечной недостаточностью, определить взаимосвязь между показателями энергетического метаболизма, окислительного повреждения и функциональным состоянием миокарда.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено на базе кардиологического отделения клинической больницы в период с января 2024 по декабрь 2025 года после одобрения локальным этическим комитетом. В исследование включено 98 пациентов с верифицированным диагнозом хронической сердечной недостаточности II-III функцио-

нального класса по классификации Нью-Йоркской ассоциации сердца (NYHA). Средний возраст пациентов составил 61,4±8,7 года, из них 62 мужчины и 36 женщин. Этиология ХСН включала ишемическую болезнь сердца (67 пациентов), артериальную гипертензию (54 пациента), дилатационную кардиомиопатию (23 пациента), при этом у части больных имелась комбинированная этиология.

Критериями включения в исследование явились: 1. Установленный диагноз хронической сердечной недостаточности согласно критериям Европейского общества кардиологов; 2. Функциональный класс II-III по классификации NYHA; 3. Фракция выброса левого желудочка менее 50% по данным эхокардиографии; 4. Возраст от 45 до 75 лет; 5. Подписанное информированное согласие на участие в исследовании

Критерии исключения составили: 1. Острый коронарный синдром или инфаркт миокарда в течение последних 3 месяцев; 2. Тяжелые нарушения ритма сердца, требующие неотложной коррекции; 3. Клапанные пороки сердца гемодинамически значимой степени; 4. Острые и хронические заболевания печени, почек в стадии декомпенсации; 5. Онкологические заболевания, системные воспалительные процессы; 6. Сахарный диабет в стадии декомпенсации; 7. Прием антиоксидантных препаратов в течение последних 4 недель.

Контрольную группу составили 32 практически здоровых лица (18 мужчин и 14 женщин) в возрасте 58,2±7,3 года без клинических и инструментальных признаков сердечно-сосудистых заболеваний, сопоставимых по возрасту и полу с основной группой.

Всем пациентам проводилось комплексное клинико-инструментальное обследование, включавшее сбор анамнеза, физикальное обследование, электрокардиографию, трансторакальную эхокардиографию на ультразвуковом аппарате экспертного класса с определением фракции выброса левого желудочка по методу Симпсона, конечно-диастолического и конечно-систолического объемов.

Для оценки выраженности оксидативного стресса в венозной крови пациентов, взятой натощак из локтевой вены, определяли содержание малонового диальдегида (МДА) спектрофотометрическим методом с тиобарбитуровой кислотой. Концентрацию МДА выражали в микромолях на литр. Активность супероксиддисмутазы в эритроцитах определяли методом ингибирования восстановления нитросинего тетразолия в присутствии феназинметасульфата и выражали в условных единицах на миллиграмм гемоглобина.

Оценку митохондриальной функции проводили путем определения внутриклеточного содержания АТФ в выделенных лимфоцитах периферической крови методом высокоэффективной жидкостной хроматографии. Выбор лимфоцитов в качестве модели обусловлен доступностью их получения и наличием достоверных корреляций между митохондриальной функцией лимфоцитов и кардиомиоцитов при сердечной недостаточности.

Статистическую обработку полученных данных выполняли с использованием программного обеспечения SPSS версии 26.0. Проверку нормальности распределения количественных признаков осуществляли с помощью критерия Шапиро-Уилка. Данные представлены в виде среднего арифметического и стандартного отклонения (M±SD) для параметров с нормальным распределением. Сравнение групп проводили с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Корреляционный анализ выполняли методом Пирсона. Статистически значимыми считали различия при уровне вероятности $p<0,05$.

Результаты и обсуждения

При проведении биохимического анализа показателей оксидативного стресса у пациентов с хронической сердечной недостаточностью выявлено статистически значимое увеличение концентрации малонового диальдегида в сыворотке крови по сравнению с контрольной группой. Средний уровень МДА у больных ХСН составил 8,67±1,24 мкмоль/л, что в 2,71 раза превышало соответствующий показатель здоровых лиц (3,20±0,42 мкмоль/л, $p<0,001$). Данное повышение концентрации МДА свидетельствует об интенсификации процессов перекисного окисления липидов клеточных мембран и отражает выраженность оксидативного повреждения тканей при сердечной недостаточности.

Активность ключевого антиоксидантного фермента – супероксиддисмутазы – у больных основной группы оказалась достоверно ниже. В эритроцитах она составила 1847±287 усл.ед./мг Hb против 3201±354 усл.ед./мг Hb в контроле ($p<0,001$), то есть уменьшилась на 42,3%. Столь заметное падение указывает на исчерпание резервов ферментативной защиты: клетка попросту не успевает обезвреживать образующиеся радикалы. Возникающий перекос между продукцией активных форм кислорода и мощностью антиоксидантной системы и создаёт почву для дальнейшего окислительного повреждения миокарда.

Определение внутриклеточного АТФ вскрыло существенный энергетический дефицит. В лимфоцитах больных концентрация нуклеотида достигала 42,3±7,8 нмоль/10^6 клеток, у здоровых лиц – 68,4±9,2 нмоль/10^6 клеток ($p<0,001$); разница составила 38,1%. Такое снижение отражает нарушение митохондриального окислительного фосфорилирования и говорит о системном, а не только кардиальном характере

энергетических расстройств при сердечной недостаточности. Когда образования макроэргических соединений не хватает, первым страдает сократительный аппарат миокарда.

Выраженность оксидативного стресса нарастала параллельно функциональному классу. У больных II ФК (n=54) концентрация малонового диальдегида равнялась 7,42±1,03 мкмоль/л, у пациентов III ФК (n=44) – уже 10,21±1,37 мкмоль/л (p<0,01). Активность супероксиддисмутазы менялась зеркально: 2018±312 усл.ед./мг Hb при II классе и 1632±274 усл.ед./мг Hb при III (p<0,05). Такая ступенчатость подкрепляет представление о свободнорадикальном повреждении как об участнике прогрессирования сердечной недостаточности, а не как о сопутствующем ей явлении.

По данным эхокардиографии фракция выброса левого желудочка у пациентов с ХСН была достоверно снижена и в среднем составила 38,7±6,4%. У 62 больных (63,3%) она не достигала 40%, у 36 (36,7%) находилась в промежуточном диапазоне 40-49%. Конечно-диастолический объём левого желудочка равнялся 176,4±28,3 мл, конечно-систолический - 108,2±21,7 мл. Оба показателя выходили за пределы нормативных значений, отражая состоявшееся патологическое ремоделирование камеры.

Корреляционный анализ связал биохимические сдвиги с морфофункциональным состоянием сердца. Отчётливее всего проявилась обратная зависимость между концентрацией малонового диальдегида и фракцией выброса левого желудочка (r=-0,68, p<0,001): чем интенсивнее шло перекисное окисление липидов, тем хуже сокращался миокард. Содержание АТФ в лимфоцитах, напротив, изменялось однонаправленно с фракцией выброса (r=0,61, p<0,001), что подтверждает участие энергетического дефицита в формировании систолической дисфункции.

Между активностью супероксиддисмутазы и уровнем малонового диальдегида получена выраженная обратная связь (r=-0,73, p<0,001) – истощение защитного звена прямо оборачивается накоплением продуктов перекисного окисления липидов. Содержание АТФ обнаруживало обратную корреляцию с концентрацией МДА (r=-0,64, p<0,001) и прямую с активностью СОД (r=0,58, p<0,001), что говорит о сопряжённости энергетического обмена и оксидативного стресса.

Результаты исследования представлены в виде в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика показателей оксидативного стресса, митохондриальной функции и структурно-функционального состояния сердца у пациентов с ХСН и здоровых лиц.

Table 1

Comparative characteristics of oxidative stress indicators, mitochondrial function, and structural and functional state of the heart in patients with CHF and healthy individuals.

Показатель	Контрольная группа (n=32)	Пациенты с ХСН (n=98)	p
МДА, мкмоль/л	3,20±0,42	8,67±1,24	<0,001
СОД, усл.ед./мг Hb	3201±354	1847±287	<0,001
АТФ, нмоль/10^6 клеток	68,4±9,2	42,3±7,8	<0,001
Фракция выброса, %	62,3±4,7	38,7±6,4	<0,001
КДО ЛЖ, мл	112,4±15,3	176,4±28,3	<0,001
КСО ЛЖ, мл	42,8±8,6	108,2±21,7	<0,001

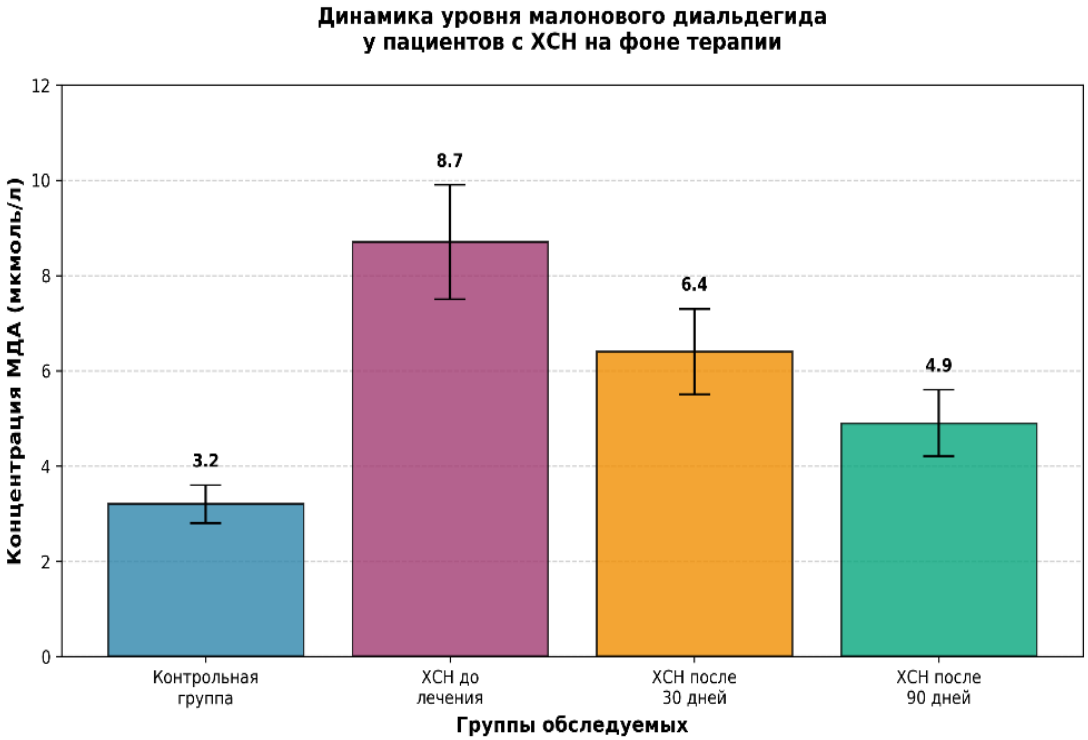

Рис. 1. Динамика уровня малонового диальдегида у пациентов с хронической сердечной недостаточностью на фоне стандартной терапии.

Fig. 1. Dynamics of malondialdehyde levels in patients with chronic heart failure during standard therapy.

Полученные результаты согласуются с современными представлениями о патофизиологических механизмах хронической сердечной недостаточности и расширяют понимание роли митохондриальной дисфункции в прогрессировании заболевания. Выраженное повышение концентрации малонового диальдегида у пациентов с ХСН подтверждает интенсификацию процессов свободнорадикального окисления липидов. Накопление МДА, являющегося конечным продуктом перекисного окисления полиненасыщенных жирных кислот мембранных фосфолипидов, приводит к структурным и функциональным нарушениям клеточных мембран кардиомиоцитов [9].

Существенное снижение внутриклеточного АТФ у больных ХСН указывает на глубокие нарушения митохондриального энергетического метаболизма, которые складываются из нескольких взаимодополняющих процессов. Активные формы кислорода повреждают дыхательные комплексы электронно-транспортной цепи, и эффективность окислительного фосфорилирования падает. Кальциевая перегрузка вместе с окислительным стрессом открывает пору переходной проницаемости: мембрана деполяризуется, протоны утекают в матрикс. Возросшая протонная проницаемость внутренней мембраны разобщает дыхание и фосфорилирование. К перечисленному добавляется снижение экспрессии и активности АТФ-синтазы после посттрансляционных модификаций фермента, что напрямую ограничивает синтез макроэргических соединений.

Обратная зависимость между уровнем малонового диальдегида и фракцией выброса имеет вполне конкретное объяснение. Перекисное окисление липидов мембран саркоплазматического ретикулума расстраивает кальциевый гомеостаз кардиомиоцита и ухудшает электромеханическое сопряжение. Модификация сократительных белков активными формами кислорода снижает кальциевую чувствительность миофиламентов, из-за чего падает сила сокращения. Наконец, окислительно повреждённые митохондрии хуже обеспечивают энергией сократительный цикл, и контрактильная дисфункция усугубляется - на это указывают и данные А.В. Горбуновой с соавторами [10].

Прямая корреляционная связь между содержанием АТФ и фракцией выброса подчеркивает критическую роль энергетического дефицита в патогенезе систолической недостаточности. Сердечная мышца обладает наиболее высоким уровнем метаболизма среди всех органов, при этом запасы АТФ минимальны и достаточны лишь для нескольких сердечных сокращений. Непрерывная работа сердца требует постоянного ресинтеза АТФ, и даже небольшое снижение митохондриальной функции может существенно ограничить сократительную способность миокарда. Хронический энергетический дефицит запускает компенсаторные

механизмы, включая гипертрофию кардиомиоцитов и активацию нейрогормональных систем, которые в долгосрочной перспективе усугубляют патологическое ремоделирование сердца.

Выявленная взаимосвязь между показателями оксидативного стресса и митохондриальной функции указывает на существование порочных кругов патофизиологических механизмов при ХСН. Митохондриальная дисфункция приводит к избыточной генерации активных форм кислорода, которые, в свою очередь, усугубляют повреждение митохондрий. Окислительная модификация компонентов электронно-транспортной цепи увеличивает утечку электронов и дальнейшее образование супероксидного анион-радикала. Повреждение митохондриальной ДНК нарушает синтез белков дыхательных комплексов, усиливая митохондриальную дисфункцию. Данный самоподдерживающийся цикл ускоряет прогрессирование сердечной недостаточности.

Прогрессивное нарастание выраженности оксидативного стресса по мере утяжеления функционального класса ХСН свидетельствует о патогенетической значимости данного механизма в естественном течении заболевания. Более высокие уровни малонового диальдегида и более низкая активность супероксиддисмутазы у пациентов III функционального класса ассоциируются с более выраженными клиническими проявлениями сердечной недостаточности. Это подтверждает концепцию о том, что оксидативный стресс не является просто эпифеноменом, а представляет собой активный патофизиологический механизм, способствующий прогрессированию заболевания.

Клиническое значение полученных результатов заключается в обосновании необходимости включения в комплексную терапию ХСН средств, направленных на коррекцию митохондриальной дисфункции и оксидативного стресса. Несмотря на то, что традиционная антиоксидантная терапия не продемонстрировала убедительной эффективности в крупных клинических исследованиях, новые подходы, включающие митохондриально-направленные антиоксиданты, модуляторы митохондриального биогенеза и ингибиторы открытия митохондриальной поры, представляются перспективными направлениями фармакологической коррекции энергетического метаболизма миокарда.

Ограничения исследования включают одноцентровой характер работы и относительно небольшой объем выборки. Использование лимфоцитов в качестве модели для оценки митохондриальной функции, хотя и имеет научное обоснование, не может полностью отражать все особенности метаболизма кардиомиоцитов. Необходимы дальнейшие проспективные исследования для оценки динамики показателей митохондриальной функции и оксидативного стресса на фоне различных вариантов терапии и определения их прогностической значимости.

Выводы

Прогрессивное нарастание выраженности оксидативного стресса по мере утяжеления функционального класса ХСН свидетельствует о значимости данного механизма в естественном течении заболевания и обосновывает необходимость разработки терапевтических стратегий, направленных на коррекцию митохондриальной дисфункции и антиоксидантной защиты миокарда.

Список источников

1. Zhou B., Tian R. Mitochondrial dysfunction in pathophysiology of heart failure // Journal of Clinical Investigation. 2018. Vol. 128. № 9. P. 3716 – 3726.

2. Drożdż D., Drożdż M., Wójcik M. Endothelial dysfunction as a factor leading to arterial hypertension // Pediatric Nephrology. 2023. Vol. 38. № 9. P. 2973 – 2985.

3. Gallo G., Volpe M., Savoia C. Endothelial dysfunction in hypertension: current concepts and clinical implications // Frontiers in Medicine. 2021. Vol. 8. Article 798958.

4. Chen Y., Liu S., Leng S.X. Chronic low-grade inflammatory phenotype (CLIP) and senescent immune dysregulation // Clinical Therapeutics. 2019. Vol. 41. № 3. P. 400 – 409.

5. Peoples J.N., Saraf A., Ghazal N., Pham T.T., Kwong J.Q. Mitochondrial dysfunction and oxidative stress in heart disease // Experimental and Molecular Medicine. 2019. Vol. 51. № 12. P. 1 – 13.

6. Münzel T., Gori T., Keaney J.F., Maack C., Daiber A. Pathophysiological role of oxidative stress in systolic and diastolic heart failure and its therapeutic implications // European Heart Journal. 2015. Vol. 36. № 38. P. 2555 – 2564.

7. Bertero E., Maack C. Calcium signaling and reactive oxygen species in mitochondria // Circulation Research. 2018. Vol. 122. № 10. P. 1460 – 1478.

8. Tian R., Colucci W.S., Arany Z., Bachschmid M.M., Ballinger S.W., Bellinger A.M. Unlocking the secrets of mitochondria in the cardiovascular system: path to a cure in heart failure // Circulation. 2019. Vol. 140. № 14. P. 1205 – 1216.

9. Sharma A., Fonarow G.C., Butler J., Ezekowitz J.A., Felker G.M. Coenzyme Q10 and heart failure: a state-of-the-art review // Circulation: Heart Failure. 2016. Vol. 9ю № 4. Article e002639.

10. Горбунова А.В., Сумин А.Н., Безденежных Н.А. Роль митохондриальной дисфункции в патогенезе хронической сердечной недостаточности // Кардиология. 2020. Т. 60. № 8. С. 112 – 121.

References

1. Zhou B., Tian R. Mitochondrial dysfunction in pathophysiology of heart failure. Journal of Clinical Investigation. 2018. Vol. 128. No. 9. P. 3716 – 3726.

2. Drożdż D., Drożdż M., Wójcik M. Endothelial dysfunction as a factor leading to arterial hypertension. Pediatric Nephrology. 2023. Vol. 38. No. 9. P. 2973 – 2985.

3. Gallo G., Volpe M., Savoia C. Endothelial dysfunction in hypertension: current concepts and clinical implications. Frontiers in Medicine. 2021. Vol. 8. Article 798958.

4. Chen Y., Liu S., Leng S.X. Chronic low-grade inflammatory phenotype (CLIP) and senescent immune dysregulation. Clinical Therapeutics. 2019. Vol. 41. No. 3. P. 400 – 409.

5. Peoples J.N., Saraf A., Ghazal N., Pham T.T., Kwong J.Q. Mitochondrial dysfunction and oxidative stress in heart disease. Experimental and Molecular Medicine. 2019. Vol. 51. No. 12. P. 1 – 13.

6. Münzel T., Gori T., Keaney J.F., Maack C., Daiber A. Pathophysiological role of oxidative stress in systolic and diastolic heart failure and its therapeutic implications. European Heart Journal. 2015. Vol. 36. No. 38. P. 2555 – 2564.

7. Bertero E., Maack C. Calcium signaling and reactive oxygen species in mitochondria. Circulation Re-search. 2018. Vol. 122. No. 10. P. 1460 – 1478.

8. Tian R., Colucci W.S., Arany Z., Bachschmid M.M., Ballinger S.W., Bellinger A.M. Unlocking the se-crets of mitochondria in the cardiovascular system: path to a cure in heart failure. Circulation. 2019. Vol. 140. No. 14. P. 1205 – 1216.

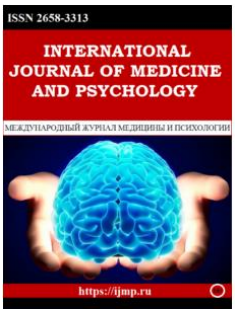
9. Sharma A., Fonarow G.C., Butler J., Ezekowitz J.A., Felker G.M. Coenzyme Q10 and heart failure: a state-of-the-art review. Circulation: Heart Failure. 2016. Vol. 9, No. 4. Article e002639.

10. Gorbunova A.V., Sumin A.N., Bezdeneshnykh N.A. The role of mitochondrial dysfunction in the pathogenesis of chronic heart failure. Cardiology. 2020. Vol. 60. No. 8. P. 112 – 121.

Информация об авторе

Тамбовцев С.А., Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

© Тамбовцев С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 615.015.2; 615.065; 615.214; 616.895.87
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-61-73

[1] Богдашов Д.С.,
[1] Максимюк Н.Н.,
[2] Ким А.Е.,
[3] Шустов Е.Б.,
[2, 4] Ганапольский В.П.,
[1] Прошина Л.Г.,
[1] Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
[2] Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова МО РФ,
[3] Научно-клинический центр токсикологии имени академика С.Н. Голикова, г. Санкт-Петербург,
[4] Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова

Оценка взаимодействия нейролептиков в процессе комплексного лечения пациентов с диагнозом шизофрения

Аннотация: по официальным данным в мире 23 миллионов человек страдают шизофренией с необходимостью пожизненного приема антипсихотических средств. При различном клиническом течении шизофрении предусматривается комплексное лечение заболевания, включая комбинирование нескольких антипсихотических, адъювантных, антидепрессивных, противотревожных средств и препаратов нейрометаболического действия. Цель работы – оптимизация индивидуальных схем комбинированной терапии нейролептиками по критерию минимизации метаболических последствий их применения при курсовом лечении шизофрении. Работа выполнена как ретроспективное контролируемое лонгитюдное клиническое исследование, в котором были изучены истории болезни 393 пациентов с диагнозом шизофрения. Проанализированы показатели обмена липидов, углеводов, белков, масса тела и ее индекс, некоторые биохимические показатели крови. В качестве контроля обследованы 67 пациентов с психотическими расстройствами, без применения нейролептиков. Особенности комбинирования препаратов для базовых метаболических показателей в плазме крови оценивали методом однофакторного дисперсионного анализа, их сочетание – методом двухфакторного дисперсионного анализа с последующим расчетом характера взаимодействия. Установлена вариативность изменений метаболических показателей крови пациентов в зависимости от типа комбинирования и вида нейролептиков. Показана принципиальная возможность снижения рисков развития метаболических расстройств у больных шизофрении за счет оптимизации выбора нейролептиков и типа их комбинирования, основываясь на результатах оценки его метаболических показателей при госпитализации. Установлено, что результатом взаимодействия нейролептиков при их совместном применении может быть, как нарастание, так и ослабление нежелательных метаболических реакций, а также появление новых, не присущих компонентам по отдельности, метаболических эффектов. Наличие у больных исходных метаболических нарушений длительный курсовой прием потребует проведения динамического контроля показателей липидного, углеводного обменов, состояния печения и кислородтранспортной функции крови. Отмечаемое при комбинированном применении нейролептиков параллельное нарастание метаболитов липидного и белкового обмена необходимо оценивать как прогностически неблагоприятный признак течения метаболических осложнений антипсихотической терапии.

Ключевые слова: нейролептики, комбинированная терапия, факторный дисперсионный анализ, фармакодинамическое взаимодействие, шизофрения, ятрогенный метаболический синдром

Для цитирования: Богдашов Д.С., Максимюк Н.Н., Ким А.Е., Шустов Е.Б., Ганапольский В.П., Прошина Л.Г. Оценка взаимодействия нейролептиков в процессе комплексного лечения пациентов с диагнозом шизофрения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 61 – 73. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-61-73

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Bogdashov D.S.,
[1] Maksimyuk N.N.,
[2] Kim A.E.,
[3] Shustov E.B.,
[2, 4] Ganapolsky V.P.,
[1] Proshina L.G.,
[1] Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
[2] S.M. Kirov Military Medical Academy of Ministry of Defense of Russia,
[3] S.N. Golikov Research and Clinical Center for Toxicology, Saint Petersburg,
[4] Northwestern State Medical University named after I.I. Mechnikov

Assessment of the interaction of antipsychotic medications in the process of comprehensive treatment of patients diagnosed with schizophrenia

Abstract: according to official data, 23 million people worldwide suffer from schizophrenia and require lifelong use of antipsychotic medications. Depending on the clinical course of schizophrenia, comprehensive treatment of the disease is provided, including the combination of several antipsychotic, adjuvant, antidepressant, anxiolytic medications, and neurometabolic drugs. The aim of the study is to optimize individual regimens of combination therapy with antipsychotics based on the criterion of minimizing the metabolic consequences of their use during course treatment of schizophrenia. The work was carried out as a retrospective controlled longitudinal clinical study, in which the medical records of 193 patients diagnosed with schizophrenia were examined. The indicators of lipid, carbohydrate, and protein metabolism, body weight and its index, and some biochemical blood parameters were analyzed. As a control group, 67 patients with psychotic disorders who were not taking antipsychotics were examined. The effects of combining medications on basic metabolic parameters in blood plasma were assessed using an one-factor analysis of variance, and their combination was assessed using a two-factor analysis of variance, followed by calculation of the nature of the interaction. Variability in changes in patients' blood metabolic parameters was established depending on the type of combination and the type of antipsychotics. The study demonstrates the fundamental possibility of reducing the risk of developing metabolic disorders in patients with schizophrenia by optimizing the choice of antipsychotics and the type of their combination, based on the results of assessing their metabolic parameters during hospitalization. It has been established that the interaction of antipsychotics when used together may result in either an increase or a decrease in undesirable metabolic reactions, as well as the emergence of new metabolic effects that are not characteristic of the components when used individually. If patients have pre-existing metabolic disorders, a long-term course of treatment will require dynamic monitoring of lipid and carbohydrate metabolism parameters, the condition of the liver, and the oxygen-carrying function of the blood. The parallel increase in metabolites of lipid and protein metabolism observed with the combined use of antipsychotics should be assessed as a prognostically unfavorable sign of the course of metabolic complications associated with antipsychotic therapy.

Keywords: neuroleptics, combination therapy, factorial analysis of variance, pharmacodynamic interaction, schizophrenia, iatrogenic metabolic syndrome

For citation: Bogdashov D.S., Maksimyuk N.N., Kim A.E., Shustov E.B., Ganapolsky V.P., Proshina L.G. Assessment of the interaction of antipsychotic medications in the process of comprehensive treatment of patients diagnosed with schizophrenia. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 61 – 73. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-61-73

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

По данным ВОЗ, в мире около 23 миллионов человек страдают шизофренией (1 из 345 (или 0,29%) живущих в настоящее время людей). Для взрослого населения эта доля еще более высока (1 из 233, или 0,49%) [1]. В Российской Федерации число впервые выявленных в 2023 г случаев психических расстройств и расстройств поведения составило в целом по стране 5765811 человек (3993,7 человек на 100000 населения), по сравнению с 2022 годом прирост за год составил 0,54% [2].

С учетом многолетней, а во многих случаях – пожизненной необходимости приема антипсихотических средств, существенно повышается значимость минимизации развития при их приеме нежелательных метаболических последствий, таких как гиперлипидемия, ожирение, гипергликемия, провокация инсулинорезистентности и сахарного диабета 2 типа, обострение хронических воспалительных процессов. Индивидуализация схем лечения шизофрении при широком разнообразии особенностей ее клинического течения подразумевает комплексное лечение заболевания, включая комбинирование нескольких антипсихотических, адъювантных, антидепрессивных, противотревожных средств и препаратов нейрометаболического действия. Несмотря на то, что все современные стандарты рекомендуют придерживаться монотерапии нейролептиками, многообразие клинических проявлений шизофрении и многочисленные сопутствующие заболевания в реальности нередко требуют применения комбинаций различных препаратов, что существенно увеличивает риск развития лекарственных взаимодействий, побочных эффектов и общую преждевременную смертность больных [3, 4]. Так, например, для снижения рисков развития метаболического синдрома при применении нейролептиков второго поколения (атипичных нейролептиков), предлагается в схемы лечения таких пациентов включать метформин или агонистов рецепторов глюкагон-подобного пептида [5, 6, 7, 8].

Исходя из общих закономерностей фармакодинамики, комбинирование лекарственных средств обычно осуществляется с целью повышения ее эффективности (например, последовательное воздействие на разные патогенетические мишени), расширения диапазона полезных эффектов (например, одновременное снижение психотических и тревожно-депрессивных проявлений заболевания), профилактики и лечения возникающих нежелательных побочных эффектов (например, поздних дискинезий, гиперпролактинемии, инсулинорезистентности), снижения дозировок компонентов с более выраженными рисками развития осложнений, а также замены более дорогих схем лечения. При этом обычно не учитывается, что синергизм в действии препаратов может проявляться не только в отношении эффекта, являющегося целью терапии, но и в отношении токсических эффектов. Крайне редко оцениваются риски фармакокинетического взаимодействия совместно принимаемых препаратов, в том числе нп этапе их метаболической биотрансформации.

В последние годы стали появляться работы по фармакогенетическим аспектам действия нейролептиков, их биотрансформации и рисков побочных эффектов, которые могут быть частично использованы для оценки результатов фармакокинетического взаимодействия нейролептиков как друг с другом, так и другими вспомогательными психофармакологическими средствами [9, 10, 11, 12, 13].

Несмотря на обилие научных публикаций о развитии антипсихотик-индуцированных метаболических нарушений при длительном лечении шизофрении, в них практически не рассматриваются вопросы комбинированного применения нейролептиков. В качестве редкого примера таких исследований может быть приведена работа [14]. В связи с этим целью работы являлась оптимизация индивидуальных схем комбинированной терапии нейролептиками по критерию минимизации метаболических последствий их применения при курсовом лечении шизофрении.

Материалы и методы исследований

Работа запланирована и выполнена как ретроспективное контролируемое клиническое исследование, в котором изучались кодифицированные (не содержащие персональные данные пациентов) истории болезни пациентов с диагнозом шизофрения, параноидная форма, а также другими формами психотических расстройств, проходивших в 2022-2025 годах стационарное лечение в специализированной психиатрической больнице. Для статистического анализа из историй болезни выбирались некоторые лабораторные показатели липидного (общий холестерин, липопротеины низкой и высокой плотности, масса тела и ее индекс) и углеводного (глюкоза) обмена, функционального состояния клеток печени (АЛТ, АСТ, общий билирубин), маркеры системного воспаления (С-реактивный белок, скорость оседания эритроцитов) и эритропоэза (гемоглобин, количество эритроцитов в периферической крови), которые, по данным литературы, являются чувствительными к курсовому действию нейролептиков. Указанные лабораторные показатели были определены в плазме венозной крови в конце периода стационарного лечения, забор проб осуществлялся в утренние часы натощак. Наряду с биохимическими показателями фиксировались схемы назначаемого па-

циентам лечения, что позволяло в дальнейшем анализировать роль комбинирования нейролептиков друг с другом.

В аналитический массив было отобрано 460 случаев госпитализации, из них 393 пациента с диагнозом шизофрении (которым проводилось назначение нейролептиков) и 67 пациентов с другими формами психотических расстройств, в ходе лечения которых нейролептические средства не назначались.

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась методами вариационной статистики, частотного, однофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа, которые проводились в среде процессора электронных таблиц Excell for Windows с использованием прикладного пакета «Анализ данных». Проверка показателей на нормальность распределения по критерию Шапиро-Уилка показала, что, в силу большого числа наблюдений, все исследованные показатели близки к нормальному статистическому распределению и могут анализироваться параметрическими методами статистического анализа. В связи с этим представления значений в группах осуществлялось в виде M±m (средняя арифметическая и её ошибка). Статистическая значимость различий между группами оценивалась с помощью критерия Стьюдента, а дисперсионного анализа – с помощью F-критерия. Данные считались статистически достоверными при $p < 0,05$. В отдельных случаях, в связи с особой функциональной значимостью изменения показателя, в смысловой анализ включались также данные, находящиеся на уровне статистических тенденций ($p < 0,09$).

Результаты и обсуждения

Анализ историй болезней пациентов с диагнозом шизофрения выявил 256 случаев применения в ходе лечения 1 нейролептика, 123 случая – с применение одновременно двух нейролептиков, а в 14 наблюдениях – применение одновременно 3 нейролептиков, что составляет соответственно 65,1; 31,3 и 3,6% от общего числа случаев стационарного лечения этой категории больных. Следовательно, ситуация комбинированной нейролептической терапии является достаточно частой. Результаты исследуемых метаболических показателей и их отличия в группах в зависимости от комбинирования нейролептиков представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значения исследуемых метаболических показателей в группах комбинированной и некомбинированной терапии нейролептиками.

Table 1

Values of the studied metabolic parameters in the groups of combined and non-combined therapy with neuroleptics.

Показатель	Средние по группам (M±m)			Коэффициент вариации, отн. ед		
	Контроль	1 нейролеп.	2-3 нейролеп.	Контроль	1 нейролеп.	2-3 нейролеп.
АЛТ	29,4 ± 2,1	30,0 ± 1,5	30,2 ± 1,0	0,60	0,81	0,39
АСТ	21,8 ± 1,8	26,6 ± 1,5 +22%#, p=0,04	25,1 ± 0,9	0,68	0,92	0,41
Глюкоза	5,4 ± 0,4	5,0 ± 0,1	5,0 ± 0,1	0,61	0,28	0,22
СОЭ	9,3 ± 0,9	10,4 ± 0,5	9,8 ± 0,6	0,81	0,72	0,68
Холестерин	4,29 ± 0,08	4,65 ± 0,05 +8%#, $p=1*10^{-5}$	4,88 ± 0,07 +14%#, $p=2*10^{-8}$	0,15	0,16	0,15
ЛПНП	2,79 ± 0,05	2,99 ± 0,04 +7%#, p=0,002	3,24 ± 0,05 +16%#, $p=4*10^{-9}$	0,14	0,19	0,19
ЛПВП	1,58 ± 0,06	1,67 ± 0,03	1,65 ± 0,03	0,32	0,24	0,24
Эритроциты	4,50 ± 0,08	4,72 ± 0,03 +5%#, p=0,01	4,66 ± 0,03 +4%#, p=0,06	0,14	0,10	0,08
Гемоглобин	135,1 ± 1,6	144,9 ± 0,9 +7%#, $p=3*10^{-7}$	142,8 ± 1,2 +6%#, $p=2*10^{-4}$	0,09	0,09	0,10
Билирубин	10,9 ± 0,3	11,2 ± 0,2	11,2 ± 0,2	0,24	0,34	0,25
СРБ	1,40 ± 0,04	1,68 ± 0,04 +20%#, $p=2*10^{-6}$	2,09 ± 0,07 +49%#, $p=6*10^{-16}$	0,21	0,40	0,40
Масса тела	78,8 ± 1,6	84,0 ± 0,7 +7%#, p=0,003	85,8 ± 1,2 +9%#, $p=5*10^{-4}$	0,16	0,14	0,16

Примечание: # – по сравнению с группой контроля.
Note: # – compared to the control group.

В аналитическом массиве данных были сформированы следующие подгруппы: Д1 – комбинации двух типичных нейролептиков (n=29), Д2 – комбинации типичного и атипичного нейролептика (n=66), Д3 – комбинации двух атипичных нейролептиков (n=28) и Д4 – комбинации 3 нейролептиков (n=14). В качестве контрольной группы (Д0) использовались данные пациентов с психотическими расстройствами, схемы лечения которых не подразумевало назначение нейролептических средств (n=67). В табл. 2 представлены сведения о частотах применения различных вариантов комбинирования нейролептиков.

Таблица 2

Результаты применения различных вариантов комбинирования нейролептиков при длительном курсовом лечении шизофрении в условиях специализированного стационара (частоты встречаемости, % от общего числа случаев стационарного лечения, n=393).

Table 2

Results of using various combinations of antipsychotics in long-term course treatment of schizophrenia in a specialized inpatient setting (frequency of occurrence, % of the total number of inpatient treatment cases, n=393).

Нейролептик 1	Нейролептик 2	Нейролептик 3	Частота встречаемости, %
Комбинирование двух типичных нейролептиков, n=29			
Галоперидол	Хлорпротиксен		2,5
Зуклопентиксол	Хлорпротиксен		1,3
Хлорпротиксен	Левомепромазин		1,0
Трифлуоперазин	Левомепромазин		0,8
Зуклопентиксол	Левомепромазин		0,6
Галоперидол	Левомепромазин		0,6
Зуклопентиксол	Перициазин		
	Галоперидол		0,3
Кветиапин	Хлорпротиксен		0,3
Комбинирование типичного и атипичного нейролептика, n=66			
Хлорпротиксен	Рисперидон		3,0
Галоперидол	Клозапин		2,0
Зуклопентиксол	Клозапин		1,5
	Рисперидон		
Трифлуоперазин	Клозапин		1,5
Хлорпротиксен	Кветиапин		1,0
Трифлуоперазин	Рисперидон		0,8
Хлорпромазин	Оланзапин		0,8
Перициазин	Кветиапин		0,8
Хлорпротиксен	Тиоридазин		0,8
Флуфеназин	Клозапин		0,8
Хлорпротиксен	Клозапин		0,8
Хлорпромазин	Сульпирид		0,8
Левомепромазин	Оланзапин		0,8
	Клозапин		
Галоперидол	Кветиапин		0,3
Комбинирование двух атипичных нейролептиков, n=28			
Оланзапин	Кветиапин		1,8
Клозапин	Рисперидон		1,5
Тиоридазин	Рисперидон		1,0
Кветиапин	Сульпирид		0,8
Клозапин	Сульпирид		0,8
	Тиоридазин		
Комбинирование трех нейролептиков, n=14			
Зуклопентиксол	Тиоридазин	Клозапин	1,8
Галоперидол	Трифлуоперазин	Кветиапин	1,0
Перфеназин	Клозапин	Рисперидон	0,8

Данные табл. 2 показывают, что наиболее часто врачи назначают комбинацию типичного и атипичного нейролептика, подразумевая при этом возможность достижения целевого антипсихотического действия при снижении суточных доз каждого препарата, что может привести к снижению рисков нежелательных побочных эффектов. Однако нежелательные метаболические побочные эффекты нейролептиков являются весьма вариативными, и предсказать их выраженность при комбинировании нейролептиков друг с другом не представляется возможным. Большое разнообразие (35 вариантов) комбинаций нейролептиков друг с другом привело к тому, что численность наблюдений в большинстве вариантов составляет 2–3 пациента, что делает невозможным проведение статистического анализа влияния каждой комбинации нейролептиков на метаболические показатели. Поэтому все наблюдения были сведены в подгруппы по типу их комбинирования при одновременном применении (2 типичных нейролептика, типичный + атипичный нейролептик, 2 атипичных нейролептика, 3 нейролептика). В связи с этим был выполнен однофакторный дисперсионный анализ влияния контролируемого фактора «тип комбинирования нейролептиков» на исследуемые метаболические показатели при длительном курсовом применении для лечения больных шизофренией. Результаты такого анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Влияние контролируемого фактора «тип комбинирования нейролептиков» на базовые метаболические показатели крови пациентов (однофакторный дисперсионный анализ).

Table 3

The influence of the controlled factor “type of neuroleptic combination” on the baseline metabolic parameters of patients’ blood (one-way analysis of variance).

Показатель	Центроиды групп по типу комбинирования*					D=	p=
	Д0	Д1	Д2	Д3	Д4		
АЛТ	29,4	26,8	28,8	37,9	28,6	0,056	0,021
АСТ	21,8	25,9	25,6	26,5	18,3	0,042	0,069
Билирубин	10,9	10,0	11,1	**11,9**	**12,2**	0,046	0,049
Глюкоза	5,4	4,3	5,2	5,3	4,9	0,028	0,221
Холестерин	4,3	4,3	4,9	**5,2**	**5,5**	**0,278**	$2*10^{-13}$
ЛПНП	2,8	2,8	**3,3**	**3,4**	**3,5**	**0,256**	$4*10^{-12}$
ЛПВП	1,6	1,6	1,6	1,8	1,90	0,071	0,005
СРБ	1,40	1,82	2,11	1,95	**2,83**	**0,255**	$6*10^{-12}$
Эритроциты	4,50	4,67	4,70	4,66	4,45	0,036	0,12
Гемоглобин	131,5	142,9	142,1	145,2	141,2	0,068	0,007
СОЭ	9,3	8,0	10,5	8,3	13,7	0,043	0,066
Масса тела	78,9	80,0	**88,1**	**86,9**	**84,8**	**0,092**	$7*10^{-4}$

Примечания: 1) Группы по типу комбинирования – Д0 – без нейролептиков, Д1 – два типичных нейролептика, Д2 – типичный + атипичный нейролептик, Д3 – два атипичных нейролептика, Д4 – три нейролептика; 2) Шрифтом выделены значения, имеющие высокую статистическую и функциональную значимость.

Notes: 1) Groups by combination type – D0 – no neuroleptics, D1 – two typical neuroleptics, D2 – typical + atypical neuroleptic, D3 – two atypical neuroleptics, D4 – three neuroleptics; 2) Values with high statistical and functional significance are highlighted in bold.

Данные табл. 3 показывают, что печеночные трансаминазы, глюкоза, ЛПВП, эритроциты, гемоглобин и СОЭ мало чувствительны к режимам комбинирования нейролептиков. Липопротеины низкой плотности и масса тела не чувствительны к комбинированию двух типичных нейролептиков, но высоко чувствительны к другим видам комбинирования. Уровень билирубина и общий холестерин были нечувствительны к комбинациям, содержащих два типичных или типичный + атипичный нейролептик, но проявляли высокую чувствительность к воздействию комбинаций нейролептиков, содержащих два атипичных нейролептика или три нейролептика.

Так же, как и в других случаях однофакторного дисперсионного анализа, знание величины коэффициента детерминации и его статистической значимости является недостаточным, для полноценного описания действия контролируемого фактора – необходим также анализ изменений значения показателя при изменении типа комбинирования. Комбинация из двух атипичных нейролептиков или трех нейролептиков может приводить к формированию нарушений липидного обмена, функции печени и повышению рисков развития системных воспалительных реакций, что требует проведения динамического лабораторного контроля за уровнем холестерина, липопротеинов, С-реактивного белка, а также массы тела.

С целью оценки характера взаимодействия нейролептиков был выполнен двухфакторный дисперсионный анализ для комбинаций, характеризующихся максимальной встречаемостью. К таким двухкомпонентным комбинациям относятся рисперидон + хлорпротиксен (11 наблюдений), галоперидол + хлорпротиксен (10 наблюдений) и оланзапин + кветиапин (7 наблюдений) – по одному представителю для каждой подгруппы применяемых в практике комбинаций. Особенностью интерпретации результатов двухфакторного дисперсионного анализа является то, что он позволяет не только оценить роль отдельных компонентов в конечном эффекте комплекса, но и количественно оценить роль взаимодействия компонентов друг с другом, характеризуя специфические эффекты комплекса. Результаты двухфакторного дисперсионного анализа влияния выбранных двухкомпонентных комбинаций нейролептиков на метаболические показатели пациентов с шизофренией представлены в табл. 4.

Таблица 4

Роль нейролептиков в эффектах их комбинированного применения в отношении метаболических показателей пациентов с шизофренией (двухфакторный дисперсионный анализ).

Table 4

The role of neuroleptics in the effects of their combined use on metabolic parameters in patients with schizophrenia (two-way analysis of variance).

Показатель	Нейролептик А		Нейролептик В		Взаимодействие А*В		Неконтролируемые факторы
	D=	p=	D=	p=	D=	p=	D=
Рисперидон (нейролептик А) +Хлорпротиксен (нейролептик В)							
АЛТ	**0,14**	0,01	0,05	0,12	0,05	0,12	0,76
АСТ	**0,10**	0,02	**0,12**	0,01	**0,10**	0,02	0,68
Глюкоза	**0,11**	0,01	0,02	0,38	**0,08**	0,04	0,79
СОЭ	**0,12**	0,02	0,01	0,44	0,01	0,45	0,85
Холестерин	**0,41**	$4*10^{-8}$	**0,07**	0,01	**0,18**	$6*10^{-5}$	0,35
ЛПНП	**0,40**	$5*10^{-7}$	0,00	0,72	**0,16**	$6*10^{-4}$	0,44
ЛПВП	**0,23**	$8*10^{-6}$	**0,29**	$1*10^{-6}$	**0,13**	$5*10^{-4}$	0,35
Эритроциты	0,01	0,50	0,02	0,34	0,02	0,40	0,95
Гемоглобин	0,04	0,21	0,01	0,47	0,01	0,61	0,94
Билирубин	0,06	0,08	0,08	0,06	0,01	0,83	0,84
СРБ	**0,20**	0,001	0,02	0,23	**0,10**	0,02	0,67
Масса тела	**0,15**	0,01	0,00	0,82	0,02	0,38	0,84
Галоперидол (нейролептик А) + хлорпротиксен (нейролептик В)							
АЛТ	**0,13**	0,02	0,04	0,16	0,03	0,24	0,79
АСТ	0,05	0,13	**0,18**	0,005	0,04	0,17	0,73
Глюкоза	**0,36**	$1*10^{-5}$	0,01	0,52	**0,15**	0,002	0,49
СОЭ	0,00	0,89	**0,12**	0,03	0,02	0,32	0,86
Холестерин	0,00	0,73	**0,45**	$1*10^{-6}$	0,08	0,017	0,47
ЛПНП	**0,07**	0,04	**0,30**	$2*10^{-4}$	0,02	0,36	0,61
ЛПВП	**0,07**	0,02	**0,36**	$2*10^{-6}$	**0,16**	$6*10^{-4}$	0,41
Эритроциты	0,00	0,99	0,05	0,17	0,00	0,88	0,95
Гемоглобин	0,00	0,92	0,04	0,25	0,03	0,32	0,94
Билирубин	**0,19**	0,005	0,01	0,53	0,04	0,19	0,75
СРБ	0,00	0,64	0,03	0,17	**0,46**	$2*10^{-6}$	0,51
Масса тела	**0,21**	0,003	0,01	0,62	0,00	0,99	0,78
Оланзапин (нейролептик А) + кветиапин (нейролептик В)							
АЛТ	**0,15**	0,03	0,01	0,69	**0,15**	0,03	0,70
АСТ	**0,18**	0,03	0,01	0,61	0,02	0,44	0,79
Глюкоза	**0,13**	0,04	0,07	0,15	0,09	0,09	0,71
СОЭ	0,04	0,26	0,10	0,09	0,05	0,24	0,80
Холестерин	0,01	0,68	**0,23**	0,01	0,00	0,98	0,76
ЛПНП	0,00	0,84	**0,26**	0,007	0,00	0,88	0,74
ЛПВП	0,04	0,28	0,09	0,12	0,00	0,91	0,86
Эритроциты	0,09	0,13	0,01	0,68	0,04	0,28	0,86
Гемоглобин	0,00	0,88	0,04	0,34	0,00	0,82	0,96

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Билирубин	0,01	0,70	0,01	0,71	0,09	0,13	0,89
СРБ	0,03	0,29	**0,21**	0,01	0,08	0,09	0,67
Масса тела	0,00	0,99	**0,23**	0,01	0,01	0,71	0,76

Примечание: Шрифтом выделены значения, имеющие высокую статистическую и функциональную значимость.
Note: Values with high statistical and functional significance are highlighted in bold.

Представленные в табл. 4 данные, показывают, что, во-первых, в отношении развития метаболических последствий курсового приема нейролептиков, роль их компонентов и их взаимодействия не является однозначной. Так, в сочетании рисперидона и хлорпротиксена более выраженный метаболический ответ был преимущественно связан с рисперидоном, и проявлялся во влиянии (в порядке убывания) на уровни холестерина, ЛПНП, ЛПВП, С-реактивного белка и массы тела. К влиянию второго нейролептика – хлорпротиксена, были чувствительны такие показатели, как ЛПВП и АСТ, и в несколько меньшей степени – холестерин. Собственно, эффект комбинации (взаимодействия компонентов) проявлялся в дополнительном умеренном влиянии на уровень холестерина и липопротеинов, С-реактивного белка, АСТ и глюкозы. Такое разнообразие чувствительных к приему нейролептиков метаболических показателей, превосходящее уровень, характерный для представителей комбинаций других нейролептиков, возможно, связано именно с тем, что в комплекс были объединены представители как типичных, так и атипичных нейролептиков, что обеспечивало расширение круга мишеней их действия.

Для представителя группы комбинированного приема двух типичных нейролептиков (галоперидола и хлорпротиксена) выраженный эффект взаимодействия компонентов был выявлен только в отношении одного показателя из 12 – для С-реактивного белка, и умеренный – для уровня глюкозы и ЛПВП. Для представителя группы комбинированного приема двух атипичных нейролептиков (оланзапина и кветиапина) эффект взаимодействия компонентов был выявлен только в отношении одного показателя из 12 – для АЛТ.

Для уточнения характера взаимодействия компонентов в составе комбинированной нейролептической терапии в отношении показателей со статистически значимым взаимодействием был выполнен расчет Индекса аддитивности (ИА), определяемого как отношение эффекта комплекса к сумме эффектов, входящих в него компонентов. При этом под эффектом понималась разность средне групповых значений между группой пациентов, не принимавших нейролептики, и группой лиц, принимавших нейролептики в моно- или комбинированном режиме. Таким образом, значение ИА для показателя Х может быть получено по следующей формуле:

$$ИА(х) = \frac{(Хав - Хк)}{(Ха - Хк) + (Хв - Хк)},$$

где ИА(х) – индекс аддитивности по показателю Х, Хав – среднегрупповые значения показателя при применении комплекса нейролептиков, Хк – значения показателя в контрольной группе без применения нейролептиков, Ха и Хв – значения показателя в группах с применением нейролептика А или нейролептика В по отдельности.

Интерпретация ИА строится без учета знака получившегося значения и основывается на динамике следующих эффектов: полный антагонизм (разрушение эффекта одного из компонентов, ИА находится в околонулевой зоне); частичный антагонизм (ослабление влияния одного из компонентов, эффект комплекса меньше, чем менее активного компонента, но ИА не попадает в околонулевую зону); дополняющее действие (эффект комплекса больше, чем более активного компонента, но меньше, чем сумма эффектов); аддитивное, суммарное взаимодействие (компоненты обладают синергичной активностью и не зависят друг от друга, эффекта комплекса близок к сумме эффектов компонентов), значения ИА в диапазоне от 0,90 до 1,10; потенцирование (супрааддитивное действие, усиление эффектов более активного компонента при слабой или отсутствующей активности второго, эффект комплекса больше суммы эффектов), значения ИА более 1,10; появление нового качества эффекта – эффект комплекса существенно (в разы) превышает эффект от более активного компонента, или вообще не соответствует эффектам компонентов.

Результаты определения ИА для показателей с высокой значимостью взаимодействия представлены в табл. 5.

Таблица 5

Индекс Аддитивности для наиболее часто встречающихся комбинаций нейролептиков.

Table 5

Additivity Index for the most common combinations of antipsychotics.

Показатель	Средние значения в группах				ИА	Характер взаимодействия
	К	А	В	АВ		
Рисперидон (нейролептик А) + хлорпротиксен (нейролептик В)						
АСТ	21,8	19,5	86,2	22,0	0,003	Антагонизм, разрушение Эв
Глюкоза	5,37	5,43	4,77	6,7	2,5	Новое качество
Холестерин	4,29	5,02	3,73	5,33	6,1	Потенцирование Эа
ЛПНП	2,79	3,18	2,52	3,57	6,5	Потенцирование Эа
ЛПВП	1,58	1,84	1,21	1,76	1,6	Частичный антагонизм, ослабление Эа
СРБ	1,40	1,57	1,16	2,36	13,7	Новое качество
Галоперидол (нейролептик А) + хлорпротиксен (нейролептик В)						
СРБ	1,40	1,41	1,16	1,49	0,39	Частичный антагонизм, разрушение Эв
Оланзапин (нейролептик А) + кветиапин (нейролептик В)						
АЛТ	29,39	33,0	29,9	39,9	2,09	Потенцирование Эа

Примечание: Эа – эффект нейролептика А, Эв – эффект нейролептика В.
Note: Ea is the effect of neuroleptic A, Ev is the effect of neuroleptic B.

Полученные в работе материалы в основном соответствуют хорошо известным данным литературы о негативном влиянии антипсихотической терапии на такие метаболические показатели, как холестерин, липопротеины низкой плотности, С-реактивный белок и масса тела [15, 16, 17, 18, 19]. Необходимо отметить, что в литературе также отмечается нарастание под влиянием антипсихотиков инсулинорезистентности, что, при условии свободной диеты и нарушений пищевого поведения, должно сопровождаться повышением уровня глюкозы. Однако в данном исследовании уровень глюкозы не был чувствителен к проводимой нейролептической терапии, что в условиях стационара может быть объяснено влиянием больничного рациона питания, не позволяющего больным переходить на более углеводный характер питания.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что комбинирование нейролептиков в ходе лечения больных шизофренией может вызвать усиление их неблагоприятного влияния на метаболические процессы. Так, переход от монотерапии нейролептиками к комбинированному их применению сопровождается дополнительным повышением уровня холестерина (+5%, p=0,003) и ЛПНП (+8%, p=0,0001). В отношении массы тела также отмечается несколько более высокий прирост по сравнению с монотерапией нейролептиками, но степень этого прироста (+2%) не является статистически значимой. У пациентов с исходно (на момент начала заболевания или госпитализации) выраженными проявлениями дислипидемии и ожирения даже такие невысокие добавки к уровню этих показателей может существенно повысить риски развития ятрогенного метаболического синдрома и его осложнений.

Важное значение имеет выявленное отчетливое повышение под влиянием нейролептической терапии такого маркера активности системных воспалительных процессов в организме, как С-реактивный белок. СРБ рассматривается как ключевой сывороточный компонент, связывающий механизмы врожденной и адаптивной иммунной систем. Его образование и секреция в печени и эндотелии сосудов индуцируется интерлейкинами ИЛ-6 и ИЛ-1β, продуктами деградации фосфолипидов мембран, антигенами клеточного ядра, бактериальными полисахаридами. Физиологическая роль СРБ определяется во многом способностью связываться в различных тканях с мембранами поврежденных или апоптирующих клеток, активировать систему комплемента на поверхности этих клеток и стимулировать их удаление из организма макрофагами. Известно, что СРБ образует комплекс с ЛПНП, фиксируется на поверхности клеток, и за счет активации калликреин-кининовой системы и комплемента способен вызвать повреждение сосудистой стенки и тканей. В связи с этим многие исследователи подчеркивают важную роль синхронного нарастания ЛПНП и СРБ как прогностически неблагоприятный маркер возникновения острых коронарных событий, включая инфаркт миокарда [20, 21, 22].

Несмотря на то, что в литературе встречаются указания о взаимосвязи хронического воспаления и патогенеза метаболического синдрома [23, 24], нам не встречались прямо определяемые данные о том, что применение нейролептиков может усиливать хронические воспалительные процессы в организме, способствуя их обострению или более выраженной манифестации, признаком чего может быть рост СРБ.

Также, как и в отношении холестерина, комбинирование нейролептиков сопровождается более выраженным ростом С-реактивного белка (+25%, p=2*10-6), чем в ответ на монотерапию нейролептиками. Таким образом, выявленное нами одновременное повышение уровней ЛПНП и СРБ при применении нейролептиков, особенно при их комбинировании, необходимо рассматривать как прогнозный маркер выраженных нарушений в работе сердечно-сосудистой системе [24].

Выводы

Проведенное исследование показало, что комбинация из двух типичных нейролептиков или типичного и атипичного нейролептика не вносят существенных ограничений в длительный курсовой прием антипсихотических средств. Комбинация из двух атипичных нейролептиков или трех нейролептиков может приводить к формированию нарушений липидного обмена, функции печени и повышению рисков развития системных воспалительных реакций, что требует проведения динамического лабораторного контроля за уровнем холестерина, липопротеинов, С-реактивного белка, а также массы тела для избежания развития у больных ятрогенного метаболического синдрома и связанных с ним рисков здоровью.

Установлено, что в результате взаимодействия нейролептиков при комбинированном применении могут отмечаться как снижение некоторых побочных эффектов (например, снижение рисперидоном цитолиза гепатоцитов, индуцированного хлорпротиксеном), так и усиление нежелательных побочных реакций (например, усиление под влиянием кветиапина роста АЛТ, индуцированного оланзапином). Возможно появление при комбинировании нейролептиков новых побочных эффектов, не характерных для монотерапии этими нейролептиками, например, повышение уровня глюкозы при совместном применении рисперидона и хлорпротиксена, провоспалительный эффект комплекса «Оланзапин+Кветиапин». Особого внимания требует возможное усиление негативного влияния нейролептиков на липопротеиновый профиль у пациентов. Так, при комбинировании типичного нейролептика хлорпротиксена и атипичного нейролептика рисперидона, отмечается более выраженный рост уровня общего холестерина и ЛПНП, что является патогенетическим фактором формирования атеросклероза сосудов, жирового гепатоза печени и поджелудочной железы, и признаком формирования метаболического синдрома у принимающих этот комплекс пациентов.

Отмечаемое при комбинированном применении нейролептиков параллельное нарастание ЛПНП и СРБ необходимо оценивать как прогностически неблагоприятный признак течения метаболических осложнений антипсихотической терапии. В связи с этим может потребоваться дополнительное назначение препаратов из группы статинов (аторвастатин, розувастатин и др.) и афферентных методов снижения СРБ.

Список источников

1. Schizophrenia. WHO. 6 October 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/schizophrenia (дата обращения: 09.06.2026)

2. Деев И.А., Кобякова О.С., Стародубов В.И., Александрова Г.А. и др. Заболеваемость всего населения России в 2023 году с диагнозом, установленным впервые в жизни: статистические материалы. М.: ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, 2024. 152 с.

3. Быков Ю.В., Быкова А.Ю., Беккер Р.А. Ожирение и метаболические нарушения в психиатрии: проблемы и решения (Обзор литературы. Часть II. Практическая) // Психиатрия и психофармакотерапия. 2024. Т. 26. № 6. С. 4 – 35. DOI: 10.62202/2075-1761-2024-26-6-4-35

4. Клинические рекомендации «Шизофрения» (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2024 г.). М.: МЗ. 2024. 102 с.

5. Shamshoum H., Medak K.D., McKie G.L. et al. Salsalate and/or metformin therapy confer beneficial metabolic effects in olanzapine treated female mice // Biomedicine and Pharmacotherapy. 2023. Vol. 168. P. 115671. DOI: 10.1016/j.biopha.2023.115671

6. Vasiliu O. Therapeutic management of atypical antipsychotic-related metabolic dysfunctions using GLP-1 receptor agonists: A systematic review // Experimental and Therapeutic Medicine. 2023. Vol. 26. № 1. P. 355. DOI: 10.3892/etm.2023.12054

7. Shreen S., Ali M., Lubna Eram S. et al. Metformin for the management and prevention of antipsychotic-induced weight gain // Medicine international. 2026. Vol. 6. № 3. P. 28. DOI: 10.3892/mi.2026.312

8. Zagorski N. Metformin may reduce weight gain in youth taking antipsychotics // Psychiatric News. 2024. Vol. 59. № 01. DOI: 10.1176/appi.pn.2024.01.1.22

9. Бойко А.С., Падерина Д.З., Михалицкая Е.В. и др. Пилотное исследование экспрессии генов DRD3, GHRL, FTO, LEPR, INSIG2, GSTP1, ABCB1 в лейкоцитах периферической крови у больных шизофренией с метаболическим синдромом // Нейрохимия. 2024. Т. 41. № 1. С. 29 – 35. DOI: 10.31857/s1027813324010052

10. Мазо Г.Э., Кибитов А.О. Генетические маркеры риска развития спектра метаболических нарушений при применении антипсихотиков второй генерации // Современная терапия психических расстройств. 2017. № 2. С. 2 – 10.

11. Сосин Д.Н., Хасанова А.К., Мощевитин С.Ю., Мосолов С.Н. Фармакогенетические предикторы метаболических нарушений при применении клозапина // Современная терапия психических расстройств. 2024. № 4. С. 30 – 40. DOI: 10.21265/PSYPH.2024.88.88.004

12. Федоренко О.Ю., Иванова С.А., Корнетова Е.Г. Роль полиморфизма генов дофаминовой и глутаматной систем в клинической гетерогенности шизофрении и развитии антипсихотик-индуцированных побочных эффектов // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2023. № 1 (118). С. 5 – 13. DOI: 10.26617/1810-3111-2023-1(118)-5-13

13. Фомин Е.В. Оценка влияния отечественного антидепрессанта «Пипофезин» на активность CYP3A4 для прогнозирования межлекарственного взаимодействия у больных с депрессивными расстройствами : автореф. дис. … канд. мед. наук. Москва, 2015. 24 с. Место защиты: Первый Моск. Гос. Мед. Ун-т. Им. И.М. Сеченова.

14. Малин Д.И., Рывкин П.В. Клинически значимые лекарственные взаимодействия при лечении антипсихотиками второго поколения // Современная терапия психических расстройств. 2021. № 2. С. 36 – 45. DOI: 10.21265/PSYPH.2021.57.2.005

15. Говорин Н.В., Озорнин А.С., Озорнина Н.В., Солопова М.С. Нарушения липидного обмена у больных шизофренией при современной психофармакотерапии // Доктор.Ру. 2014. № 6-1 (94). С. 72 – 76.

16. Насырова Р.Ф., Тепляшина В.В., Иващенко Д.В., Снопов С.А. Изучение механизмов метаболических нарушений, индуцированных антипсихотическими препаратами: возможности использования клеточных моделей // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2016. № 4. С. 52 – 60.

17. Петрова Н.Н., Семенова Н.В. Метаболический синдром и антипсихотическая терапия шизофрении // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2024. Т. 124. № 11. С. 165 – 170. DOI: 10.17116/jnevro2024124111165

18. Akinola P.S., Tardif I., Leclerc J. Antipsychotic-Induced Metabolic Syndrome: A Review // Metabolic Syndrome and Related Disorders. 2023. Vol. 21. № 6. P. 294 – 305. DOI: 10.1089/met.2023.0003

19. Beavis E., Morris J., McMenzie K. Measuring Physical Health in Patients on Antipsychotic Medications // BJPsych Open. 2024. Vol. 10. № S1. P. S129. DOI: 10.1192/bjo.2024.349

20. Сарапульцев П.А., Сарапульцев А.П. Роль С-реактивного белка в острофазовом ответе при инфаркте миокарда // Цитокины и воспаление. 2013. Т. 12. № 4. С. 18 – 24.

21. Уткина Е.А., Афанасьева О.И., Покровский С.Н. С-реактивный белок: патогенетические свойства и возможная терапевтическая мишень // Российский кардиологический журнал. 2021. Т. 26. № 6. С. 4138. DOI: 10.15829/1560-4071-2021-4138

22. Шустов Е.Б., Ким А.Е. Перспективные макромолекулярные мишени действия лекарственных средств в сфере психофармакологии // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2021. № 1. С. 119 – 131.

23. Rifai N. High-sensitivity C-reactive protein: a useful marker for cardiovascular disease risk prediction and the metabolic syndrome // Clinical chemistry. 2005. Vol. 51. № 3. P. 504 – 505. DOI: 10.1373/clinchem.2004.044990

24 Danesh J., Whincup P., Walker M. et al. Low grade inflammation and coronary heart disease: Prospective study and updated meta-analyses // British Medical Journal. 2000. Vol. 321. № 7255. P. 199 – 204. DOI: 10.1136/bmj.321.7255.199

References

1. Schizophrenia. WHO. 6 October 2025. [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/schizophrenia (date of access: 09.06.2026)

2. Deev I.A., Kobyakova O.S., Starodubov V.I., Aleksandrova G.A., et al. Incidence of the entire population of Russia in 2023 with a diagnosis established for the first time: statistical materials. Moscow: Federal State Budgetary Institution "TsNIIOIZ" of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2024. 152 p.

3. Bykov Yu.V., Bykova A.Yu., Bekker R.A. Obesity and Metabolic Disorders in Psychiatry: Problems and Solutions (Literature Review. Part II. Practical). Psychiatry and Psychopharmacotherapy. 2024. Vol. 26. No. 6. P. 4 – 35. DOI: 10.62202/2075-1761-2024-26-6-4-35

4. Clinical Guidelines "Schizophrenia" (approved by the Ministry of Health of the Russian Federation, 2024). Moscow: Ministry of Health. 2024. 102 p.

5. Shamshoum H., Medak K.D., McKie G.L. et al. Salsalate and/or metformin therapy confer beneficial metabolic effects in olanzapine-treated female mice. Biomedicine and Pharmacotherapy. 2023. Vol. 168. P. 115671. DOI: 10.1016/j.biopha.2023.115671

6. Vasiliu O. Therapeutic management of atypical antipsychotic-related metabolic dysfunctions using GLP-1 receptor agonists: A systematic review. Experimental and Therapeutic Medicine. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 355. DOI: 10.3892/etm.2023.12054

7. Shreen S., Ali M., Lubna Eram S. et al. Metformin for the management and prevention of antipsychot-ic-induced weight gain. Medicine international. 2026. Vol. 6. No. 3. P. 28. DOI: 10.3892/mi.2026.312

8. Zagorski N. Metformin may reduce weight gain in youth taking antipsychotics. Psychiatric News. 2024. Vol. 59. No. 01. DOI: 10.1176/appi.pn.2024.01.1.22

9. Boyko A.S., Paderina D.Z., Mikhalitskaya E.V., et al. Pilot study of DRD3, GHRL, FTO, LEPR, INSIG2, GSTP1, ABCB1 gene expression in peripheral blood leukocytes of schizophrenia patients with metabolic syndrome. Neurochemistry. 2024. Vol. 41. No. 1. P. 29 – 35. DOI: 10.31857/s1027813324010052

10. Mazo G.E., Kibitov A.O. Genetic markers of the risk of developing a spectrum of metabolic disorders with the use of second-generation antipsychotics. Modern therapy of mental disorders. 2017. No. 2. P. 2 – 10.

11. Sosin D.N., Khasanova A.K., Moshchevitin S.Yu., Mosolov S.N. Pharmacogenetic predictors of metabolic disorders with the use of clozapine. Modern therapy of mental disorders. 2024. No. 4. P. 30 – 40. DOI: 10.21265/PSYPH.2024.88.88.004

12. Fedorenko O.Yu., Ivanova S.A., Kornetova E.G. The Role of Gene Polymorphism of the Dopamine and Glutamate Systems in the Clinical Heterogeneity of Schizophrenia and the Development of Antipsychotic-Induced Side Effects. Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology. 2023. No. 1 (118). P. 5 – 13. DOI: 10.26617/1810-3111-2023-1(118)-5-13

13. Fomin E.V. Assessing the Effect of the Domestic Antidepressant "Pipofezin" on CYP3A4 Activity for Predicting Drug-Drug Interactions in Patients with Depressive Disorders: Abstract of a PhD Thesis. Moscow, 2015. 24 p. Place of Defense: First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov.

14. Malin D.I., Ryvkin P.V. Clinically Significant Drug Interactions in Treatment with Second-Generation Antipsychotics. Modern Therapy of Mental Disorders. 2021. No. 2. P. 36 – 45. DOI: 10.21265/PSYPH.2021.57.2.005

15. Govorin N.V., Ozorin A.S., Ozornina N.V., Solopova M.S. Lipid Metabolism Disorders in Patients with Schizophrenia under Modern Psychopharmacotherapy. Doctor.Ru. 2014. No. 6-1 (94). P. 72 – 76.

16. Nasyrova R.F., Teplyashina V.V., Ivaschenko D.V., Snopov S.A. Study of the Mechanisms of Metabolic Disorders Induced by Antipsychotic Drugs: Possibilities of Using Cellular Models. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology. 2016. No. 4. P. 52 – 60.

17. Petrova N.N., Semenova N.V. Metabolic Syndrome and Antipsychotic Therapy of Schizophrenia. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2024. T. 124. No. 11. P. 165 – 170. DOI: 10.17116/jnevro2024124111165

18. Akinola P.S., Tardif I., Leclerc J. Antipsychotic-Induced Metabolic Syndrome: A Review. Metabolic Syndrome and Related Disorders. 2023. Vol. 21. No. 6. P. 294 – 305. DOI: 10.1089/met.2023.0003

19. Beavis E., Morris J., McMenzie K. Measuring Physical Health in Patients on Antipsychotic Medications. BJPsych Open. 2024. Vol. 10. No. S1. P. S129. DOI: 10.1192/bjo.2024.349

20. Sarapul'tsev P.A., Sarapul'tsev A.P. The role of C-reactive protein in the acute phase response in myocardial infarction. Cytokines and inflammation. 2013. Vol. 12. No. 4. P. 18 – 24.

21. Utkina E.A., Afanasyeva O.I., Pokrovsky S.N. C-reactive protein: pathogenetic properties and a possible therapeutic target. Russian Journal of Cardiology. 2021. Vol. 26. No. 6. P. 4138. DOI: 10.15829/1560-4071-2021-4138

22. Shustov E.B., Kim A.E. Promising macromolecular targets for drug action in psychopharmacology. Bulletin of the Education and Development of Science of the Russian Academy of Natural Sciences. 2021. No. 1. P. 119 – 131.

23. Rifai N. High-sensitivity C-reactive protein: a useful marker for cardiovascular disease risk prediction and the metabolic syndrome. Clinical chemistry. 2005. Vol. 51. No. 3. P. 504 – 505. DOI: 10.1373/clinchem.2004.044990

24 Danesh J., Whincup P., Walker M. et al. Low grade inflammation and coronary heart disease: Prospective study and updated meta-analyses. British Medical Journal. 2000. Vol. 321. No. 7255. P. 199 – 204. DOI: 10.1136/bmj.321.7255.199

Информация об авторах

Богдашов Д.С., старший преподаватель, ORCID ID https://orcid.org/0009-0001-6844-1588, Медицинский институт, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого Минобрнауки России, 173020, Новгородская область, г. Великий Новгород, ул. Державина, д. 6, s229079std@gmail.com

Максимюк Н.Н., доктор биологических наук, профессор, ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-6634-7638, Медицинский институт, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого Минобрнауки России, 173020, Новгородская область, г. Великий Новгород, ул. Державина, д. 6, nnm93@yandex.ru

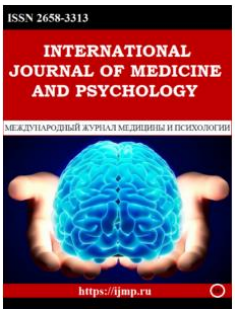
Ким А.Е., доктор медицинских наук, доцент, ORCID ID https://orcid.org/0000-0003-4591-2997, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова Министерства обороны России, 94044, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6, alexpann@mail.ru

Шустов Е.Б., доктор медицинских наук, профессор, ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-5895-688X, главный научный сотрудник Научно-клинического центра токсикологии им. акад. С.Н. Голикова Федерального медико-биологического агентства, 192019, г. Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, д. 1, shustov-msk@mail.ru

Ганапольский В.П., доктор медицинских наук, доцент, ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-7685-5126; и.о. заведующего кафедрой фармакологии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова Министерства обороны России, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6; профессор, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России, 195067, г. Санкт-Петербург, Пискаревский пр., д. 47, ganvp@mail.ru

Прошина Л.Г., доктор медицинских наук, профессор, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-0791-4353, заведующий кафедрой морфологии человека, Медицинский институт, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого Минобрнауки России, 173020, Новгородская область, г. Великий Новгород, ул. Державина, д. 6, Lidiya.Proshina@novsu.ru

© Богдашов Д.С., Максимюк Н.Н., Ким А.Е., Шустов Е.Б., Ганапольский В.П., Прошина Л.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 616.441
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-74-80

[1] Гревцова Е.А.,
[1] Николаева А.Д.,
[1] Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Сравнение йоддефицитных регионов России по уровню патологии щитовидной железы и мерам профилактики

Аннотация: территориальные различия тиреоидной патологии в России описываются двумя классами показателей – зарегистрированной заболеваемостью болезнями щитовидной железы и прямыми популяционными индикаторами йодной обеспеченности, а согласованность этих описаний до сих пор не проверялась. Работа устанавливает, совпадают ли ранговые позиции йоддефицитных регионов по уровню патологии щитовидной железы и по индикаторам, характеризующим действующие меры профилактики. Материалом послужили статистические материалы ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России за 2022-2023 гг., Государственный доклад Роспотребнадзора за 2024 г. и 15 рецензируемых публикаций 2018-2025 гг. с данными о йодурии, зобе, использовании йодированной соли в домохозяйствах либо о неонатальной гипертиреотропинемии. Единицей анализа выбран субъект Российской Федерации, применён сравнительный вторичный анализ с опорой на критерии тяжести йодного дефицита. Первичная заболеваемость болезнями щитовидной железы выросла с 293,2 до 319,8 на 100 тыс. населения, различаясь между федеральными округами от 241,8 до 451,5. Республика Тыва занимает первое место по среднемноголетней заболеваемости подростков (4479,0) при медиане йодурии 153 мкг/л и йодате калия в 95,2 % образцов домашней соли, тогда как в Республике Крым медиана 97 мкг/л сочетается с показателем 12,3 %. Ранги по заболеваемости и по йодной обеспеченности расходятся, поскольку статистика отражает выявляемость и накопленную патологию: в Пермском крае патологическая поражённость превышает зарегистрированную распространённость в 4,8-38,6 раза. Устойчивое сравнение регионов даёт сочетание показателей профилактического охвата и текущей обеспеченности йодом.

Ключевые слова: йодный дефицит, болезни щитовидной железы, регионы России, йодированная соль, концентрация йода в моче, профилактика, эндемический зоб

Для цитирования: Гревцова Е.А., Николаева А.Д. Сравнение йоддефицитных регионов России по уровню патологии щитовидной железы и мерам профилактики // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 74 – 80. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-74-80

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Grevtsova E.A.,***
[1] ***Nikolaeva A.D.,***
[1] *Ryazan State University named after S.A. Yesenin*

Comparison of iodine-deficient regions of Russia by the level of thyroid pathology and preventive measures

Abstract: regional differences in thyroid disease across Russia are described through two distinct groups of indicators, registered morbidity from thyroid diseases and population indicators of iodine status, and it is untested whether they rank territories alike. The study determines how far the ranking of iodine-deficient regions by thyroid pathology matches their ranking by indicators that reflect preventive measures. Statistical materials of the Central Research Institute for Health Organization and Informatics for 2022-2023, the 2024 state report of Rospotrebnadzor and fifteen peer-reviewed papers of 2018-2025 were analysed; every paper reported urinary iodine, goiter, household use of iodized salt or neonatal hyperthyrotropinemia. A subject of the Russian Federation served as the unit of analysis, and comparative secondary analysis was applied against severity criteria for iodine deficiency. Primary morbidity from thyroid diseases rose from 293.2 to 319.8 per 100,000 population, ranging across federal districts from 241.8 to 451.5. The Republic of Tyva ranks first for adolescent morbidity (4,479.0) with a median urinary iodine of 153 μg/L and potassium iodate found in 95.2% of household salt samples, whereas in the Republic of Crimea a median of 97 μg/L coincides with a figure of 12.3%. The rankings diverge because registered morbidity reflects case detection and accumulated disease; in Perm Krai the detected burden exceeds registered prevalence by 4.8 to 38.6 times. Combining preventive coverage with current iodine status yields a stable basis for regional comparison.

Keywords: iodine deficiency, thyroid diseases, regions of Russia, iodized salt, urinary iodine concentration, prevention, endemic goiter

For citation: Grevtsova E.A., Nikolaeva A.D. Comparison of iodine-deficient regions of Russia by the level of thyroid pathology and preventive measures. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 74 – 80. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-74-80

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Территориальные различия тиреоидной патологии в России описываются двумя разными классами показателей. Медицинская статистика даёт число зарегистрированных случаев болезней щитовидной железы, а эпидемиологические обследования – медиану концентрации йода в моче, частоту зоба по данным ультразвукового исследования и долю домохозяйств, использующих йодированную соль. По статистическим материалам ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, первичная заболеваемость болезнями щитовидной железы всего населения составила 293,2 на 100 тыс. населения в 2022 г. и 319,8 в 2023 г., а различия между федеральными округами в 2023 г. охватывали интервал от 241,8 в Центральном федеральном округе до 451,5 в Сибирском.

Рост зарегистрированной тиреоидной патологии продолжается при том, что профилактические мероприятия в субъектах проводятся уже несколько десятилетий [1]. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 1999 г. № 1119 «О мерах по профилактике заболеваний, связанных с дефицитом йода» (в редакции от 17 апреля 2021 г.) в пункте 5 лишь рекомендует органам исполнительной власти субъектов предусматривать соответствующие мероприятия в региональных программах и насыщать рынок йодированной солью, поэтому состав и глубина мер различаются от региона к региону. Разнородны и результаты. Обследования последних лет фиксируют в одних субъектах оптимальную обеспеченность йодом, в других – сохраняющийся дефицит вместе с крайне низким охватом домохозяйств йодированной солью [2, 3].

Отсюда вопрос, на который отвечает работа: совпадают ли ранговые позиции йоддефицитных регионов, полученные по уровню зарегистрированной патологии щитовидной железы и по индикаторам, характеризующим действующие меры профилактики, и что это несовпадение означает для практики межрегиональных сравнений.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили источники двух типов. Первым служила официальная статистика – статистические материалы ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России о заболеваемости всего населения России в 2023 году (таблица 1.8 части I и таблица 2.8 части II, с. 20-21), где строка «Болезни щитовидной железы» приводится за 2022 и 2023 гг. по стране и федеральным округам, а также Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2024 году» (таблица 1.18, с. 106) с перечнем десяти субъектов, имеющих наиболее высокие среднемноголетние за 2014-2023 гг. показатели первичной заболеваемости болезнями щитовидной железы у детей 0-14 лет и подростков 15-17 лет. Второй тип материала образуют 15 рецензируемых журнальных публикаций 2018-2025 гг. Публикация включалась при выполнении трёх условий. Обследование выполнено на территории конкретного субъекта Российской Федерации; приведён хотя бы один количественный индикатор из числа медианы концентрации йода в моче, частоты зоба по ультразвуковому исследованию, доли домохозяйств с йодированной солью и частоты неонатальной гипертиреотропинемии; публикация имеет проверенный цифровой идентификатор объекта.

Единицей анализа служил субъект Российской Федерации. Когда обследование охватывало часть территории субъекта, единица сохраняла границы обследованной территории, а её характеристика не переносилась на регион целиком. Применён сравнительный вторичный анализ опубликованных и официальных данных. Регионы сопоставлялись по трём осям – тяжести йодного дефицита в соответствии с критериями Всемирной организации здравоохранения (медиана йодурии ниже 100 мкг/л, частота зоба у детей младшего школьного возраста, охват домохозяйств йодированной солью от 90 %), содержанию фактически действующих мер профилактики, включая массовую, групповую и реализуемую через организованное питание, и уровню зарегистрированной заболеваемости болезнями щитовидной железы. Ранговые позиции регионов, полученные по первым двум осям, сопоставлялись с позициями по третьей.

Прочтение официальной статистики ограничено единицей учёта. Строка формы федерального статистического наблюдения объединяет болезни щитовидной железы с кодами E00–E07, поэтому доля собственно йододефицитных состояний внутри неё не выделяется, а межрегиональные сравнения выполнялись только для этой агрегированной строки. Показатели за 2023 г. рассчитаны на численность населения на 1 января 2023 г. и не учитывают четыре субъекта, что оговорено самими сборниками.

Результаты и обсуждения

Официальная статистика задаёт первую картину территориальных различий. Среднемноголетний за 2014-2023 гг. показатель первичной заболеваемости болезнями щитовидной железы у детей 0–14 лет по стране равен 315,8 на 100 тыс. населения соответствующего возраста, а в первой десятке субъектов достигает 1117,5 в Республике Дагестан, 864,4 в Республике Тыва, 815,8 в Ненецком автономном округе и 809,6 в Брянской области. У подростков 15-17 лет при среднероссийском значении 917,4 первое место занимает Республика Тыва – 4479,0, за ней следуют Курганская область (3522,8) и Ненецкий автономный округ (3229,3), а Республика Крым с показателем 1745,5 замыкает девятую позицию. Показатели территорий-лидеров превышают общероссийский уровень в три-пять раз, и по одному этому признаку регион легко признать неблагополучным.

Прямые индикаторы йодной обеспеченности выстраивают те же территории иначе. Из 227 школьников 8-10 лет, обследованных в Республике Тыва, зоб выявлен у 7,7 %, медиана йодурии достигла 153 мкг/л, а йодат калия обнаружен в 95,2 % образцов пищевой соли из их семей [2]. Эти значения отвечают критериям адекватной йодной обеспеченности населения. В Республике Крым обследование 356 школьников того же возраста в четырёх районах дало медиану 97 мкг/л при внутрирегиональном разбросе от 78 до 98 мкг/л и частоту зоба 9,5 %, а йодированную соль использовали 12,3 % семей [3]. Регион, занимающий по подростковой заболеваемости девятое место, оказывается по обеспеченности и охвату профилактикой заметно менее благополучным, чем регион, занимающий первое.

Расхождение объясняется природой самих показателей. Зарегистрированная заболеваемость зависит от активности выявления, и сопоставление углублённых осмотров детей Пермского края с данными обращаемости показало превышение патологической поражённости над зарегистрированной распространённостью в 4,8-38,6 раза [10]. К этому добавляется инерция патологии: изменения щитовидной железы, сформировавшиеся при длительном дефиците йода, остаются в регистрируемой заболеваемости и после нормализации его потребления.

Там, где массовая профилактика ведётся непрерывно, сдвиг индикаторов обеспеченности прослеживается на длинном ряду наблюдений. В Новосибирске [4] медиана концентрации йода в моче

поднялась с 47 мкг/л в середине 1990-х годов до 123 мкг/л у школьников 13–18 лет и 111 мкг/л у лиц 19-25 лет к 2019 г., хотя доля проб с концентрацией менее 50 мкг/л оставалась на уровне 14,5 и 10,7 % соответственно, а о домашнем использовании йодированной соли знали 8,1 % школьников и 19,8 % молодых взрослых. Групповая профилактика у беременных даёт более отчётливую динамику. По данным скрининга новорождённых Саратовской области частота неонатальной гипертиреотропинемии снизилась с 37,4 % в 1996-2000 гг. до 6,9 % в 2015-2020 гг., оставаясь выше целевого уровня менее 3 % [8].

Организованное питание образует третий, измеримый в микрограммах контур профилактики, и его вклад распределён неравномерно по возрастам. Моделирование по типовым меню Тюменской области [5] дало среднесуточное поступление йода 89 ± 16 мкг у детей 1-3 лет в детских садах города и 66 ± 3 мкг в сельской местности, тогда как школьный завтрак покрывал 15,4-26,4 % рекомендованной нормы в городе и 23,5-36,9% на селе. Расчёт по меню детских садов и школ Саратова показал близкий результат – 87,6-94,9% нормы в дошкольном звене и 28,5% у учащихся 1-4 классов [7]. Обязательное применение йодированной соли при приготовлении блюд в детском саду фактически закрывает потребность ребёнка, а в школе остаётся дополнением, которое без домашнего потребления йодированной соли дефицит не устраняет.

Сильнее всего регионы расходятся по домашнему потреблению. Йодированную соль используют 95,2 % семей в Республике Тыва [2] и 12,3 % семей в Республике Крым [3], а в Дальневосточном федеральном округе ежедневно применяют её 20,0 % семей [14]. В Республике Хакасия, эндемичной по зобу, йодированную соль приобретают 39,6 % опрошенных первокурсников, а правильно применяют её при приготовлении пищи 37,5 % из этого числа [13], и образовательный компонент региональной программы получает собственный измеримый результат.

Отдельного рассмотрения требуют территории, где к алиментарному дефициту добавляются географические и возрастные факторы. У детей 10-18 лет арктических районов Якутии увеличение щитовидной железы выявлено в 30 % случаев [11], а обследование детей Дальневосточного федерального округа показало нормальный йодный статус лишь у 26,1 % жителей Крайнего Севера и низкий статус у 80,9 % против 61,8 % в южной зоне округа [14]. У пожилых коренных жителей Республики Саха (Якутия) сниженная экскреция йода зафиксирована в 92,5 % случаев [6], что переносит вопрос профилактики за пределы традиционных групп риска. В Ахтынском районе Республики Дагестан, расположенном на высоте 1675 м, обследование женщин репродуктивного возраста сопровождалось назначением препаратов с суточной дозой йода до 250 мкг [12]. В Приморском крае [9] заболеваемость диффузным эндемическим зобом различается между биоклиматическими зонами внутри одного субъекта, и внутрирегиональная неоднородность здесь того же порядка, что и межрегиональная.

Сопоставление трёх осей приводит к практическому следствию для методики сравнения. Уровень зарегистрированной патологии щитовидной железы описывает нагрузку на эндокринологическую службу и качество выявления, но не измеряет текущую эффективность профилактики; индикаторы йодной обеспеченности измеряют её прямо, однако собираются нерегулярно и по разным протоколам, что делает состав индикаторов мониторинга самостоятельным методическим вопросом [15]. Сравнение йоддефицитных регионов сохраняет доказательность, когда опирается на охват профилактикой вместе с текущей обеспеченностью йодом и дополняется данными о заболеваемости с поправкой на выявляемость. Инфраструктурная предпосылка для этого уже создана – по Государственному докладу Роспотребнадзора, обеспеченность доступа населения к пищевой продукции, способствующей устранению дефицита макро- и микронутриентов, достигла в 2024 г. 61,55 % при целевом значении 60 %, а мониторинг качества пищевой продукции распространён на 85 регионов.

Выводы

Ранговые позиции йоддефицитных регионов России, полученные по уровню зарегистрированной патологии щитовидной железы и по индикаторам йодной обеспеченности, не совпадают. Республика Тыва при максимальной среднемноголетней заболеваемости подростков (4479,0 на 100 тыс.) имеет медиану йодурии 153 мкг/л и йодат калия в 95,2 % образцов домашней соли. Республика Крым при заболеваемости подростков в 2,6 раза ниже сохраняет медиану 97 мкг/л и охват домохозяйств 12,3 %.

Причина расхождения предметна. Заболеваемость по данным обращаемости зависит от полноты выявления – в Пермском крае зарегистрированная распространённость тиреопатий оказалась в 4,8-38,6 раза ниже поражённости, установленной при углублённых осмотрах, – и включает случаи, накопленные до нормализации потребления йода. Высокий показатель заболеваемости поэтому не указывает прямо на действующий дефицит, а умеренный не отменяет потребности региона в первоочередных мерах.

Меры профилактики разделяются по измеримому вкладу. Йодированная соль в дошкольном питании покрывает 87,6-94,9 % нормы потребления йода, школьный завтрак – от 15,4 до 36,9 %, а решающим звеном остаётся домашнее потребление, охват которым различается между субъектами более чем в семь раз. Для сравнения регионов пригодна связка профилактического охвата и текущей йодной обеспеченности при единых протоколах обследования. Показатели заболеваемости в такой схеме описывают нагрузку на службу и качество выявления.

Список источников

1. Трошина Е.А., Платонова Н.М., Панфилова Е.А. Аналитический обзор результатов мониторинга основных эпидемиологических характеристик йододефицитных заболеваний у населения Российской Федерации за период 2009-2018 гг. // Проблемы эндокринологии. 2021. Т. 67. № 2. С. 10 – 19. DOI: 10.14341/probl12433

2. Трошина Е.А., Мазурина Н.В., Сенюшкина Е.С., Маколина Н.П., Галиева М.О., Никанкина Л.В., Малышева Н.М., Даржаа А.Б., Сенги Ю.С. Мониторинг эффективности программы профилактики заболеваний, связанных с дефицитом йода в Республике Тыва // Проблемы эндокринологии. 2021. Т. 67. № 1. С. 60 – 68. DOI: 10.14341/probl12715

3. Трошина Е.А., Сенюшкина Е.С., Маколина Н.П., Абдулхабирова Ф.М., Никанкина Л.В., Малышева Н.М., Репинская И.Н., Дивинская В.А. Йододефицитные заболевания: текущее состояние проблемы в Республике Крым // Клиническая и экспериментальная тиреоидология. 2020. Т. 16. № 4. С. 19 – 27. DOI: 10.14341/ket12700

4. Рымар О.Д., Мустафина С.В., Алфёрова В.И., Денисова Д.В. Эпидемиологические исследования йодного дефицита в г. Новосибирске: данные 25-летнего наблюдения // Клиническая и экспериментальная тиреоидология. 2020. Т. 16. № 2. С. 4 – 11. DOI: 10.14341/ket12539

5. Суплотова Л.А., Герасимов Г.А., Трошина Е.А., Макарова О.Б., Денисов П.М., Зайдулина А.С., Шарухо Г.В. Оценка потребления йода с йодированной солью в организованном питании детей дошкольного и школьного возраста в Тюменской области // Вопросы питания. 2023. Т. 92. № 4. С. 29 – 37. DOI: 10.33029/0042-8833-2023-92-4-29-37

6. Бекетова Н.А., Вржесинская О.А., Кошелева О.В., Лебедева У.М., Жилинская Н.В. Обеспеченность йодом и витаминами, показатели состава тела коренных жителей пожилого возраста Республики Саха (Якутия) // Вопросы питания. 2025. Т. 94. № 5. С. 159 – 170. DOI: 10.33029/0042-8833-2025-94-5-159-170

7. Курмачева Н.А., Черненков Ю.В., Андреева А.Н., Нуралиев Г.Р., Петрушин М.А., Шаипов И.Р. Анализ потребления йода в организованном питании дошкольников и школьников г. Саратова // Медицинский совет. 2024. № 13. С. 225 – 232. DOI: 10.21518/ms2024-265

8. Курмачева Н.А., Свинарёв М.Ю., Черненков Ю.В., Панина О.С., Яковлева К.В., Анисимова С.В. Йодный дефицит у беременных и новорожденных Саратовской области: современное состояние проблемы // Медицинский совет. 2021. № 13. С. 156 – 161. DOI: 10.21518/2079-701X-2021-13-156-161

9. Кондратьев К.В., Кику П.Ф., Андрюков Б.Г., Морева В.Г., Сабирова К.М. Распространение диффузного эндемического зоба у населения биоклиматических зон Приморского края // Экология человека. 2018. Т. 25. № 5. С. 52 – 56. DOI: 10.33396/1728-0869-2018-5-52-56

10. Штина И.Е., Валина С.Л., Ивашова Ю.А., Устинова О.Ю., Эйсфельд Д.А. Патологическая поражённость тиреопатиями и распространённость заболеваний щитовидной железы у детей Пермского края // Acta Biomedica Scientifica. 2022. Т. 7. № 4. С. 109 – 117. DOI: 10.29413/ABS.2022-7.4.13

11. Евсеева С.А., Бурцева Т.Е., Климова Т.М., Данилов Н.А., Часнык В.Г., Дуглас Н.И. Частота эндемического зоба и показатели гипофизарно-тиреоидного профиля у детей Арктики // Пермский медицинский журнал. 2021. Т. 38. № 4. С. 18 – 24. DOI: 10.17816/pmj38418-24

12. Джалилова А.Н., Омарова С.М., Джалилова Д.Н., Царуева Т.В., Абудуев Н.К., Газиев Г.М., Юсупова М.Т., Саидова П.С., Магомедова У.А. Экологические аспекты изучения тиреоидной функции щитовидной железы у женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе с дефицитом йода (на примере Ахтынского района Республики Дагестан) // Юг России: экология, развитие. 2024. Т. 19. № 3. С. 110 – 115. DOI: 10.18470/1992-1098-2024-3-10

13. Гладкая В.С., Грицинская В.Л. Профилактика йодного дефицита: информированность и потребительский выбор студентов вузов // Здравоохранение Российской Федерации. 2020. Т. 64. № 4. С. 196 – 201. DOI: 10.46563/0044-197X-2020-64-4-196-201

14. Чебаргина М.А., Сенькевич О.А., Ковальский Ю.Г., Нежданова С.Ю. Йодная недостаточность у детей в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и пути решения // Якутский медицинский журнал. 2025. № 3 (91). С. 96 – 100. DOI: 10.25789/YMJ.2025.91.21

15. Суплотова Л.А., Макарова О.Б., Ковальжина Л.С., Шарухо Г.В. Оценка индикаторов медико-биологического мониторинга йододефицитных заболеваний // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18. № 1. С. 96 – 108. DOI: 10.20538/1682-0363-2019-1-96-108

References

1. Troshina E.A., Platonova N.M., Panfilova E.A. Analytical review of the results of monitoring the main epidemiological characteristics of iodine deficiency diseases in the population of the Russian Federation for the period 2009-2018. Problems of Endocrinology. 2021. Vol. 67. No. 2. P. 10 – 19. DOI: 10.14341/probl12433

2. Troshina E.A., Mazurina N.V., Senyushkina E.S., Makolina N.P., Galieva M.O., Nikankina L.V., Malysheva N.M., Darzhaa A.B., Sengi Yu.S. Monitoring the effectiveness of the program for the prevention of diseases associated with iodine deficiency in the Republic of Tyva. Problems of Endocrinology. 2021. Vol. 67. No. 1. P. 60 – 68. DOI: 10.14341/probl12715

3. Troshina E.A., Senyushkina E.S., Makolina N.P., Abdulkhabirova F.M., Nikankina L.V., Malysheva N.M., Repinskaya I.N., Divinskaya V.A. Iodine deficiency diseases: current state of the problem in the Republic of Crimea. Clinical and experimental thyroidology. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 19 – 27. DOI: 10.14341/ket12700

4. Rymar O.D., Mustafina S.V., Alferova V.I., Denisova D.V. Epidemiological studies of iodine deficiency in Novosibirsk: data from a 25-year follow-up. Clinical and Experimental Thyroidology. 2020. Vol. 16. No. 2. P. 4 – 11. DOI: 10.14341/ket12539

5. Suplotova L.A., Gerasimov G.A., Troshina E.A., Makarova O.B., Denisov P.M., Zaidulina A.S., Sharukho G.V. Assessment of iodine consumption with iodized salt in organized nutrition of preschool and school-age children in the Tyumen region. Nutrition Issues. 2023. Vol. 92. No. 4. P. 29 – 37. DOI: 10.33029/0042-8833-2023-92-4-29-37

6. Beketova N.A., Vrzhesinskaya O.A., Kosheleva O.V., Lebedeva U.M., Zhilinskaya N.V. Iodine and vitamin status, body composition indicators of the indigenous elderly residents of the Sakha Republic (Yakutia). Nutrition Issues. 2025. Vol. 94. No. 5. P. 159 – 170. DOI: 10.33029/0042-8833-2025-94-5-159-170

7. Kurmacheva N.A., Chernenkov Yu.V., Andreeva A.N., Nuraliev G.R., Petrushin M.A., Shaipov I.R. Analysis of iodine consumption in organized nutrition of preschoolers and schoolchildren in Saratov. Medical Council. 2024. No. 13. P. 225 – 232. DOI: 10.21518/ms2024-265

8. Kurmacheva N.A., Svinarev M.Yu., Chernenkov Yu.V., Panina O.S., Yakovleva K.V., Anisimova S.V. Iodine deficiency in pregnant women and newborns in the Saratov region: current state of the problem. Medical Council. 2021. No. 13. P. 156 – 161. DOI: 10.21518/2079-701X-2021-13-156-161

9. Kondratyev K.V., Kiku P.F., Andryukov B.G., Moreva V.G., Sabirova K.M. Prevalence of diffuse endemic goiter in the population of bioclimatic zones of Primorsky Krai. Human Ecology. 2018. Vol. 25. No. 5. P. 52 – 56. DOI: 10.33396/1728-0869-2018-5-52-56

10. Shtina I.E., Valina S.L., Ivashova Yu.A., Ustinova O.Yu., Eisfeld D.A. Pathological incidence of thyroid pathologies and prevalence of thyroid diseases in children of Perm Krai. Acta Biomedica Scientifica. 2022. Vol. 7. No. 4. P. 109 – 117. DOI: 10.29413/ABS.2022-7.4.13

11. Evseeva S.A., Burtseva T.E., Klimova T.M., Danilov N.A., Chasnyk V.G., Douglas N.I. Frequency of endemic goiter and indicators of the pituitary-thyroid profile in children of the Arctic. Perm Medical Journal. 2021. Vol. 38. No. 4. P. 18 – 24. DOI: 10.17816/pmj38418-24

12. Dzhalilova A.N., Omarova S.M., Dzhalilova D.N., Tsarueva T.V., Abuduev N.K., Gaziev G.M., Yusupova M.T., Saidova P.S., Magomedova U.A. Ecological aspects of the study of thyroid function of the thyroid gland in women of reproductive age living in a region with iodine deficiency (using the Akhtynsky District of the Republic of Dagestan as an example). South of Russia: ecology, development. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 110 – 115. DOI: 10.18470/1992-1098-2024-3-10

13. Gladkaya V.S., Gritsinskaya V.L. Prevention of Iodine Deficiency: Awareness and Consumer Choice of University Students. Healthcare of the Russian Federation. 2020. Vol. 64. No. 4. P. 196 – 201. DOI: 10.46563/0044-197X-2020-64-4-196-201

14. Chebargina M.A., Senkevich O.A., Kovalsky Yu.G., Nezhdanova S.Yu. Iodine Deficiency in Children in the Far Eastern Federal District: Problems and Solutions. Yakut Medical Journal. 2025. No. 3 (91). P. 96 – 100. DOI: 10.25789/YMJ.2025.91.21

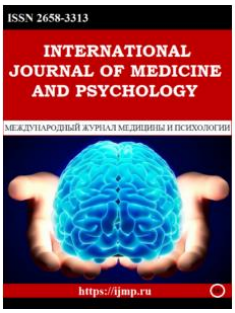
15. Suplotova L.A., Makarova O.B., Kovalzhina L.S., Sharukho G.V. Evaluation of Indicators of Medical and Biological Monitoring of Iodine Deficiency Diseases. Bulletin of Siberian Medicine. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 96 – 108. DOI: 10.20538/1682-0363-2019-1-96-108

Информация об авторах

Гревцова Е.А., доктор медицинских наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, E.A.Grevtsova@yandex.ru

Николаева А.Д., кандидат медицинских наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, a.d.nickolaeva@yandex.ru

© Гревцова Е.А., Николаева А.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 616.831-005.1:616-073.75:614.2
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-81-88

[1] Маджидова Ё.Н.,
[2] Каримова Г.Л.,
[1] Ташкентский государственный медицинский университет, Узбекистан,
[2] Андижанский государственный медицинский институт, Узбекистан

Неврологические синдромы у доношенных детей с задержкой внутриутробного развития: клиническая картина, алгоритм ранней диагностики и стратегия лечения

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме диагностики и коррекции неврологических нарушений у доношенных новорожденных с задержкой внутриутробного развития (ЗВУР). На основании анализа современных данных о патогенезе и результатов проспективного клинического исследования (n=98) разработана и научно обоснована дифференцированная тактика ведения данной категории пациентов. Предложена стратификация неврологических нарушений на три степени тяжести: легкую (функциональные нарушения), среднюю (субклиническое поражение) и тяжелую (органическое поражение ЦНС). Доказано, что при легкой степени патогенетически обоснованным является отказ от медикаментозной терапии в пользу немедикаментозных методов (кинестетическая стимуляция, метод «кенгуру»), обеспечивающих полную нормализацию клинических показателей и церебральной гемодинамики. При средней степени тяжести включение вазоактивных и нейрометаболических препаратов способствует снижению индекса резистентности и регрессу ишемических изменений на нейросонографии. В тяжелых случаях интенсивная терапия эффективна для купирования эксайтотоксичности и стабилизации метаболизма, но не предотвращает формирование постгипоксических кист, что диктует необходимость раннего начала мультидисциплинарной реабилитации. Обосновано использование индекса резистентности в средней мозговой артерии в качестве чувствительного маркера эффективности проводимого лечения.

Ключевые слова: задержка внутриутробного развития (ЗВУР), доношенные новорожденные, неврологические синдромы, перинатальное поражение центральной нервной системы, дифференцированная тактика лечения, шкала HINE, индекс резистентности, нейросонография, амплитудно-интегрированная ЭЭГ, нейрометаболическая терапия, мультидисциплинарная реабилитация

Для цитирования: Маджидова Ё.Н., Каримова Г.Л. Неврологические синдромы у доношенных детей с задержкой внутриутробного развития: клиническая картина, алгоритм ранней диагностики и стратегия лечения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 81 – 88. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-81-88

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Madzhidova Yo.N.,***
[2] ***Karimova G.L.,***
[1] *Tashkent State Medical University, Uzbekistan,*
[2] *Andijan State Medical Institute, Uzbekistan*

Neurological syndromes in full‑term infants with intrauterine growth restriction: clinical presentation, algorithm for early diagnosis, and treatment strategy

Abstract: the article is devoted to the pressing issue of diagnosing and correcting neurological disorders in full‑term newborns with intrauterine growth restriction (IUGR). Based on an analysis of current data on pathogenesis and the results of a prospective clinical study (n=98), a differentiated management strategy for this category of patients has been developed and scientifically substantiated. A stratification of neurological disorders into three severity levels is proposed: mild (functional disorders), moderate (subclinical damage), and severe (organic damage to the central nervous system). It has been proven that in cases of mild severity, it is pathogenetically justified to abandon drug therapy in favor of non‑pharmacological methods (kinesthetic stimulation, the “kangaroo” method), which ensure complete normalization of clinical indicators and cerebral hemodynamics. In cases of moderate severity, the inclusion of vasoactive and neurometabolic drugs helps to reduce the resistance index and promote the regression of ischemic changes observed on neurosonography. In severe cases, intensive therapy is effective for alleviating excitotoxicity and stabilizing metabolism, but it does not prevent the formation of post‑hypoxic cysts, which necessitates the early initiation of multidisciplinary rehabilitation. The use of the resistance index in the middle cerebral artery as a sensitive marker of the effectiveness of the treatment is justified.

Keywords: intrauterine growth restriction (IUGR), full‑term newborns, neurological syndromes, perinatal damage to the central nervous system, differentiated treatment strategy, HINE scale, resistance index, neurosonography, amplitude‑integrated EEG, neurometabolic therapy, multidisciplinary rehabilitation

For citation: Madzhidova Yo.N., Karimova G.L. Neurological syndromes in full-term infants with intrauterine growth restriction: clinical presentation, algorithm for early diagnosis, and treatment strategy. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 81 – 88. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-81-88

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В современной перинатологии одной из приоритетных научных и практических задач остается оценка и прогнозирование неврологического статуса доношенных новорожденных с задержкой внутриутробного развития, классифицируемых как маловесные для гестационного возраста (SGA). Несмотря на достижение физиологического срока родов (37 недель и более), данная категория пациентов характеризуется исключительной уязвимостью нервной системы. У них значительно повышается вероятность формирования как острой перинатальной патологии центральной нервной системы (ЦНС), так и хронических расстройств, проявляющихся в виде когнитивных дефицитов, поведенческих отклонений и двигательных нарушений в отдаленном периоде развития [4].

Согласно международным стандартам (INTERGROWTH-21st, ВОЗ), к группе SGA относят детей, чья масса тела при рождении составляет менее 10-го (а по строгим критериям – менее 3-го) перцентиля для конкретного гестационного возраста и пола [2].

Фундаментальным звеном патогенеза SGA-синдрома выступает плацентарная недостаточность. Данное состояние характеризуется дисфункцией и структурными изменениями плаценты, что приводит к хронической гипоксически-ишемической инсуффицитности плода, дефициту пластических и энергетических ресурсов (нутритивная депривация), а также сбою гормональной регуляции процессов роста и созревания [16].

Воздействие хронической гипоксии и метаболического стресса запускает в развивающемся головном мозге сложные патобиохимические каскадные реакции, что критически повышает чувствительность нервной ткани к повреждению. Эта уязвимость сохраняется даже в условиях отсутствия выраженных гипоксически-ишемических эпизодов в интранатальном периоде [17]. Настоящая статья представляет собой всесторонний анализ клинической картины и современных представлений о механизмах поражения ЦНС у данной категории детей, а также посвящена разработке научно обоснованного алгоритма ранней комплекс-

ной диагностики и обсуждению стратегий ведения, нацеленных на минимизацию рисков и улучшение неврологического прогноза.

Материалы и методы исследований

Работа выполнена в формате проспективного когортного клинического исследования, включающего элементы сравнительного анализа.

Характеристика выборки. В анализ включили 98 доношенных детей (срок гестации 37-41 неделя), имеющих диагноз ЗВУР и массу тела при рождении ниже 10-го перцентиля (категория SGA). Пациенты находились на стационарном лечении в отделениях реанимации и патологии новорожденных в промежутке с 2022 по 2025 год.

Из исследования исключались младенцы с множественными врожденными пороками развития, хромосомными аберрациями, внутриутробными инфекциями (TORCH-комплекс), тяжелой родовой асфиксией (показатель pH в артерии пуповины менее 7,0) и гемолитической болезнью новорожденных.

Распределение на группы. В зависимости от выраженности неврологической симптоматики пациенты были разделены на три подгруппы:

- легкая степень (функциональные нарушения) – 42 ребенка;
- средняя степень (субклиническое поражение) – 38 детей;
- тяжелая степень (органическое поражение ЦНС) – 18 детей.

Группу контроля сформировали 30 здоровых доношенных младенцев, чей антропометрический показатель массы тела соответствовал гестационному возрасту.

Методы обследования.

Клинический этап: Неврологический статус оценивался с использованием стандартизированной шкалы Hammersmith Infant Neurological Examination (HINE) в первые трое суток жизни, а также на 30-е сутки.

Инструментальная диагностика:

Нейросонография (НСГ) с применением цветного допплеровского картирования (аппарат Philips Affiniti 50, секторный датчик 5-8 МГц). Метод позволил оценить анатомию мозга, состояние перивентрикулярных зон и желудочковой системы, а также церебральную гемодинамику (путем вычисления индекса резистентности – RI в передней и средней мозговых артериях).

Амплитудно-интегрированная ЭЭГ (aEEG) – мониторинг проводился в течение первых 72 часов жизни или при наличии клинических показаний.

Статистический анализ. Для обработки данных применялись пакеты Statistica 13.0 и Python (библиотеки SciPy, Pandas). Количественные данные представлены в формате среднего арифметического и стандартного отклонения (M±SD). Сравнительный анализ между группами выполнялся с использованием t-критерия Стьюдента (для зависимых и независимых выборок), критерия χ^2 (Пирсона) и точного критерия Фишера. Различия признавались достоверными при уровне значимости $p<0,05$.

Результаты и обсуждения

Детальный анализ клинико-инструментальных данных, представленных в табл. 1, убедительно доказывает высокую терапевтическую эффективность исключительной немедикаментозной тактики у новорожденных с легкой степенью неврологических нарушений. Статистическая обработка результатов выявила выраженную и достоверную позитивную динамику по всем ключевым показателям, оцениваемым в исследовании.

Клиническая оценка по шкале Hammersmith Infant Neurological Examination (HINE) продемонстрировала значительное улучшение неврологического статуса: суммарный балл снизился с 7,8±1,5 до 4,5±0,7. Данная динамика свидетельствует о полной реверсии транзиторных нарушений мышечного тонуса и нормализации рефлекторной сферы, достигнутой без применения фармакологических нейротропных средств. Достигнутые показатели полностью соответствуют возрастной нормативной границе, что подтверждает изначально функциональный, а не органический характер выявленных отклонений, обуславливенный задержкой морфофункционального созревания ЦНС.

Параллельно с клиническим улучшением происходила кардинальная нормализация церебральной гемодинамики. Индекс резистентности (RI) в средней мозговой артерии, исходно повышенный до 0,76±0,04 (что указывало на сохраняющийся спазм и высокое периферическое сосудистое сопротивление), снизился до 0,64±0,03. Данное значение находится в референсном диапазоне контрольной группы здоровых новорожденных, что объективно подтверждает полное восстановление ауторегуляторных механизмов мозгового кровотока и ликвидацию ангиоспазма исключительно за счет стабилизации системной гемодинамики и оптимизации условий ухода.

Таблица 1

Динамика показателей у детей с легкой степенью неврологических нарушений (функциональная группа).

Table 1

Dynamics of indicators in children with mild neurological disorders (functional group).

Показатель	до лечения (1-3 сутки)	после лечения (30 сутки)	p-value
Клиническая оценка (Шкала HINE)	7,8 ± 1,5 баллов	4,5 ± 0,7 баллов	<0,05
Индекс резистентности (RI) в СМА	0,76 ± 0,04	0,64 ± 0,03	<0,05
НСГ: Гиперэхогенность белого вещества	30% (умеренная)	0% (нормализация)	<0,01
aEEG: Нарушения ритма	Не выявлены	Сохранная возрастная ритмика	-

Инструментальные методы исследования в динамике подтвердили высокую эффективность выбранной стратегии. Ультразвуковые признаки умеренной гиперэхогенности белого вещества, интерпретировавшиеся на старте исследования как проявление задержки миелинизации, полностью регрессировали у 100% пациентов, что исключает формирование перивентрикулярной лейкомаляции. Данные амплитудно-интегрированной ЭЭГ (aEEG) указывали на сохранность и стабильность возрастной биоэлектрической активности: регистрировалась четкая цикличность «сон-бодрствование» и адекватная реакция корковых ритмов на сенсорные стимулы, что косвенно подтверждает целостность кортикальных и стволовых структур головного мозга.

Анализ клинико-инструментальных данных, представленных в табл. 2, убедительно демонстрирует высокую эффективность выбранной комплексной медикаментозной тактики у пациентов со средней степенью тяжести неврологических расстройств. Полученные результаты свидетельствуют о выраженном и статистически значимом регрессе как неврологического дефицита, так и субклинических структурных изменений со стороны центральной нервной системы.

Таблица 2

Динамика показателей у детей со средней степенью неврологических нарушений (субклиническая группа).

Table 2

Dynamics of indicators in children with moderate neurological impairment (subclinical group).

Показатель	до лечения (1-3 сутки)	после лечения (30 сутки)	p-value
Клиническая оценка (Шкала HINE)	12,4 ± 2,3 баллов	8,2 ± 1,1 баллов	<0,01
Индекс резистентности (RI) в СМА	0,78 ± 0,05	0,68 ± 0,04	<0,05
НСГ: Признаки ПВЛ / Гиперэхогенность	80% (диффузная)	25% (остаточная очаговость)	<0,01
НСГ: Вентрикуломегалия	40% (1-2 ст.)	15% (стабилизация/регресс)	<0,05

На клиническом уровне отмечена существенная положительная динамика неврологического статуса. Средний балл по шкале HINE снизился с 12,4±2,3 до 8,2±1,1 ($p<0,01$). Данная динамика отражает значительное уменьшение выраженности нарушений мышечного тонуса и патологической симптоматики в рефлекторной сфере, что свидетельствует о переходе заболевания из стадии субклинического поражения в стадию компенсации с благоприятным прогнозом для дальнейшего психомоторного развития.

Важнейшим маркером эффективности проводимой вазоактивной терапии стала оптимизация церебральной гемодинамики. Индекс резистентности в средней мозговой артерии (RI СМА) уменьшился с критического значения 0,78±0,05 до 0,68±0,04. Снижение периферического сосудистого сопротивления подтверждает успешное купирование ангиоспазма и улучшение перфузии в микроциркуляторном русле, что позволило прервать порочный круг «хроническая ишемия – клеточная гипоксия».

По данным нейросонографии, на фоне стимуляции репаративных процессов и миелинизации зарегистрирована выраженная динамика морфологических изменений. Частота выявления признаков перивентрикулярной лейкомаляции (ПВЛ) и диффузной гиперэхогенности белого вещества снизилась более чем в три раза – с 80% до 25% случаев. Это указывает на высокую вероятность предотвращения кистозной трансформации и сохранности структуры мозга. Кроме того, регресс вентрикуломегалии был отмечен в большинстве клинических наблюдений: ее распространенность снизилась с 40% до 15%, что косвенно подтверждает уменьшение отека головного мозга и нормализацию внутричерепного давления.

Анализ данных, представленных в табл. 3, отражает результаты лечения наиболее сложной категории пациентов - с тяжелой органической патологией центральной нервной системы. Несмотря на проведение комплексной интенсивной терапии, включая нейропротекцию и коррекцию гемодинамики, клиническая картина оставалась напряженной. Отмечалось снижение среднего балла по шкале HINE с 16,5±2,1 до 13,0±1,8. Однако сохранение высоких значений указывает на персистирующий выраженный неврологический дефицит (двигательные нарушения, расстройства глотания), обусловленный глубиной морфологического поражения мозга, которое невозможно полностью компенсировать исключительно медикаментозными средствами в остром периоде.

Таблица 3

Динамика показателей у детей с тяжелой степенью неврологических нарушений (органическая группа).

Table 3

Dynamics of indicators in children with severe neurological disorders (organic group).

Показатель	до лечения (1-3 сутки)	после лечения (30 сутки)	p-value
Клиническая оценка (Шкала HINE)	16,5 ± 2,1 баллов	13,0 ± 1,8 баллов	<0,05
Индекс резистентности (RI) в СМА	0,82 ± 0,06	0,72 ± 0,05	<0,05
aEEG: Супрессия фона («тихий фон»)	60%	15%	<0,01
Биохимия: Белок S100B (нг/мл)	5,4 ± 1,2	2,2 ± 0,8	<0,01
НСГ: Кистозная трансформация	45%	40% (посткистоз-ные рубцы)	>0,05

Примечание: p-value – уровень статистической значимости различий между показателями до и после лечения.

Note: p-value – level of statistical significance of the difference between the values before and after treatment.

Вместе с тем, лабораторные и инструментальные исследования продемонстрировали высокую эффективность патогенетической терапии в отношении функциональных и метаболических процессов. Была зарегистрирована позитивная динамика церебральной гемодинамики: индекс резистентности в средней мозговой артерии (RI СМА) статистически значимо снизился с критического уровня 0,82±0,06 до 0,72±0,05. Параллельно произошло более чем двукратное снижение уровня нейроспецифического белка S100B (с 5,4±1,2 до 2,2±0,8 нг/мл). Данная динамика убедительно свидетельствует о купировании процессов эксайтотоксичности, стабилизации клеточного метаболизма и прекращении гибели нейронов и глии в зоне ишемической полутени («пенумбры»), что подтверждает успешность нейропротективного компонента лечения.

Функциональное состояние головного мозга также улучшилось, о чем говорят данные амплитудно-интегрированной ЭЭГ. Частота грозного паттерна «тихий фон» (супрессия биоэлектрической активности), ассоциированного с тяжелой энцефалопатией и плохим прогнозом, снизилась с 60% до 15%.

В то же время, нейровизуализационные данные выявили пределы обратимости патологического процесса. Частота кистозной трансформации паренхимы мозга статистически значимо не изменилась (45% до 40%, p>0,05). Отсутствие динамики данного показателя подтверждает формирование необратимых постгипоксических рубцов и кист в зонах тотального некроза, произошедшего в наиболее острой стадии гипоксии-ишемии. Эти структурные дефекты не поддаются медикаментозной регрессии и диктуют необходимость раннего перехода пациентов к этапу длительной мультидисциплинарной реабилитации для компенсации утраченных функций за счет механизмов нейропластичности.

Результаты проведенного исследования убедительно подтверждают исходную гипотезу о том, что выбор лечебной стратегии у доношенных новорожденных с задержкой внутриутробного развития (ЗВУР) не может быть унифицированным и должен базироваться на строгой, мультидисциплинарной стратификации пациентов по степени тяжести неврологических расстройств [13, 15]. Полученные данные демонстрируют, что дифференцированный подход позволяет избежать как гипердиагностики и избыточной фармакологической нагрузки, так и недооценки риска прогрессирования повреждения центральной нервной системы.

Анализ группы с легкой степенью функциональных нарушений. В когорте пациентов с легкой степенью тяжести полная саногенетическая нормализация клинической картины и инструментальных показателей в условиях отсутствия медикаментозной терапии позволяет констатировать, что выявляемые изменения (умеренная гиперэхогенность паренхимы, транзиторная мышечная дистония) носят характер задержки морфофункционального созревания, а не стойкого деструктивно-органического поражения. Восстановление индекса резистентности (RI) в мозговых артериях до физиологического уровня (0,64) исключительно за счет коррекции системной гемодинамики и оптимизации немедикаментозного ухода (методы «кенгуру», кинестетика) подтверждает функциональную природу сосудистых нарушений. Это свидетельствует об об-

ратимости ангиоспазма и сохранении механизмов ауторегуляции церебрального кровотока при отсутствии глубокого структурного повреждения сосудистой стенки и паренхимы [1, 14]. Данный феномен позволяет рассматривать терапию в этой группе как поддержку естественных процессов адаптации, исключая необоснованное назначение нейрометаболических препаратов.

Интерпретация результатов в группе средней степени тяжести. У пациентов с субклиническим поражением (средняя степень тяжести) применение комбинированной вазоактивной и нейрометаболической терапии продемонстрировало высокую эффективность в разрыве патологического круга «хроническая ишемия - высокий RI». Снижение индекса резистентности с критического уровня 0,78 до значений, близких к норме (0,68), сопровождалось регрессом перивентрикулярной ишемии по данным нейросонографии. Выявленная сильная корреляция между нормализацией сосудистого сопротивления и уменьшением объема и плотности гиперэхогенных включений подтверждает ключевую роль микроциркуляторных нарушений в патогенезе субклинических форм перивентрикулярной лейкомаляции (ПВЛ) [16]. Очевидно, что улучшение перфузии создает необходимые условия для репаративных процессов и миелинизации, предотвращая трансформацию ишемических фокусов в кистозные образования.

Прогностическое значение динамики в тяжелой группе. В группе пациентов с тяжелым органическим поражением результаты лечения имеют сложную и неоднородную интерпретацию. Сохранение кистозной трансформации (структурный дефект) на фоне положительной динамики биохимических маркеров (снижение уровня белка S100B) и улучшения функциональных показателей (восстановление амплитуды на aEEG, урежение эпилептиформной активности) несет важное прогностическое значение. Статистически значимое снижение уровня нейроспецифического белка S100B и частоты периодов супрессии на ЭЭГ свидетельствует об эффективности интенсивной нейропротективной терапии в отношении «ишемической полутени» (пенумбры) – зоны обратимого повреждения, окружающей ядро инфаркта [17]. Это указывает на успешное купирование острого периода ишемии и остановку каскада апоптоза в перифокальных областях. Однако сохранение кистозных полостей подтверждает факт, что зона тотального некроза (центр поражения) в условиях выраженной гипоксии подверглась необратимой кистозной дегенерации уже в раннем неонатальном периоде. Данная диссоциация между функциональным улучшением и сохранением структурного дефекта диктует необходимость раннего перевода пациентов в режим длительной мультидисциплинарной реабилитации. Основной целью на данном этапе становится не восстановление утраченной ткани, а стимуляция нейропластичности и компенсаторная перестройка ЦНС для минимизации формирующегося неврологического дефицита (двигательные нарушения, когнитивные дефициты) [3, 17].

Выводы

Дифференцированный подход к лечению доношенных новорожденных с ЗВУР, базирующийся на комплексной оценке тяжести состояния (шкала HINE, НСГ, aEEG), способствует существенной оптимизации тактики ведения и улучшению функциональных исходов. Показано, что при легкой степени неврологических нарушений патогенетически обоснованным является отказ от фармакотерапии в пользу методов кинестетической стимуляции и коррекции ухода, обеспечивающих полную нормализацию церебральной гемодинамики и клинической картины. При средней степени тяжести включение нейрометаболических и вазоактивных препаратов в схему лечения приводит к достоверному снижению периферического сосудистого сопротивления, регрессу ишемических признаков на НСГ и уменьшению выраженности неврологического дефицита. В случаях тяжелого органического поражения ЦНС интенсивная терапия эффективна для стабилизации состояния, снижения маркеров повреждения (S100B) и частоты эпилептиформной активности, однако не предотвращает формирование постгипоксических кист, что диктует необходимость раннего назначения мультидисциплинарной реабилитации, при этом индекс резистентности в средней мозговой артерии выступает чувствительным маркером эффективности лечения, коррелирующим с динамикой неврологического статуса.

Список источников

1. Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Вишнева Е.А. и др. Профилактика, диагностика и коррекция нарушений развития у детей раннего возраста (Проект клинических рекомендаций) // Педиатрия. Журнал имени Г.Н. Сперанского. 2023. Т. 102. № 2. С. 7 – 38.

2. Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Таточенко В.К. и др. Клинические рекомендации (протокол лечения) по ведению детей с задержкой внутриутробного развития (ЗВУР) и малой массой тела к гестационному возрасту (SGA) // Педиатрия. Журнал имени Г.Н. Сперанского. 2017. Т. 96. № 4. С. 145 – 163.

3. Володин Н.Н., Дегтярев Д.Н., Руденко С.В. и др. Перинатальные исходы и долгосрочное развитие детей, рожденных с малой массой тела к гестационному возрасту (SGA) // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19. № 5. С. 382 – 391.

4. Заваденко Н.Н., Суворин А.В., Румянцева А.Г. и др. Возможности магнитно-резонансной томографии высокого разрешения (3 Тл) в диагностике минимальных дисгенезий головного мозга у детей с задержкой психического развития // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2021. Т. 66. № 3. С. 67 – 75.

5. Зубарева Е.А., Петренко Ю.В., Стрижова Н.В. Состояние нервной системы у новорожденных с задержкой внутриутробного развития // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2017. Т. 117. № 10. С. 29 – 33.

6. Петренко Ю.В., Стрижова Н.В., Зубарева Е.А. Значение нейросонографии в диагностике перинатальных поражений центральной нервной системы у новорожденных с задержкой внутриутробного развития // Ультразвуковая и функциональная диагностика. 2018. № 2. С. 68 – 75.

7. Пыркова Е.В., Чистякова Г.Н. Неврологические нарушения у доношенных новорожденных с задержкой внутриутробного развития // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2018. Т. 63. № 5. С. 27 – 33.

8. Скоромец А.А., Скоромец Т.А., Кистенева В.Б. и др. Когнитивные нарушения у детей с перинатальным поражением центральной нервной системы в отдаленном периоде // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. Специальные выпуски. 2022. № 2. С. 32 – 37.

9. Ханакаева Л.Х., Гудимова В.И., Байбарина Е.Н. и др. Возможности магнитно-резонансной томографии в оценке структурных изменений головного мозга у детей с задержкой внутриутробного развития // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2021. Т. 66. № 2. С. 198 – 206.

10. Ханакаева Л.Х., Гудимова В.И., Байбарина Е.Н. и др. Особенности когнитивного развития детей, рожденных с задержкой внутриутробного развития, в возрасте 3-7 лет // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2019. Т. 64. № 1. С. 42 – 48.

11. Bastek J.A., Sharma D., Pinar H. et al. Placental pathology and neurodevelopmental outcome in preterm infants with intrauterine growth restriction // Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine. 2014. Vol. 27. No. 10. P. 1048 – 1054.

12. Bora S., Pienaar A., Inder T.E. et al. White matter microstructure of small for gestational age preterm infants: a diffusion tensor imaging study // Pediatric Research. 2020. Vol. 87. No. 6. P. 1095 – 1102.

13. Chalak L.F., Rollins L., Dai R. et al. Amplitude-integrated EEG patterns in neonates born small for gestational age // Journal of Perinatology. 2019. Vol. 39. No. 8. P. 913 – 919.

14. Dammann O., Kuban K.C., Leviton A. Perinatal brain damage in preterm newborns: a biomarker perspective // Current Opinion in Neurology. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 190 – 197.

15. Dudink S., Greenough A. Follow-up of infants with intrauterine growth restriction // Current Opinion in Pediatrics. 2014. Vol. 26. No. 2. P. 138 – 143.

16. Eixarch E., Crispi F. Assessment of fetal brain function in growth restriction // Fetal Diagnosis and Therapy. 2021. Vol. 48. No. 3. P. 199 – 210.

17. Eixarch E., Meler E., Iraola A. et al. Neurodevelopmental outcome in infants with intrauterine growth restriction: a systematic review // Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine. 2020. Vol. 33. No. 24. P. 4107 – 4119.

References

1. Baranov A.A., Namazova-Baranova L.S., Vishneva E.A., et al. Prevention, diagnosis, and correction of developmental disorders in young children (Draft clinical guidelines). Pediatrics. G.N. Speransky Journal. 2023. No 102 (2). P. 7 – 38.

2. Baranov A.A., Namazova-Baranova L.S., Tatochenko V.K., et al. Clinical guidelines (treatment protocol) for the management of children with intrauterine growth restriction (IUGR) and small for gestational age (SGA) status. Pediatrics. G.N. Speransky Journal. 2017. No 96 (4). P. 145 – 163.

3. Volodin N.N., Degtyarev D.N., Rudenko S.V., et al. Perinatal outcomes and long-term development of children born small for gestational age (SGA). Current Pediatrics. 2020. No 19 (5). P. 382 – 391.

4. Zavadenko N.N., Suvorin A.V., Rumyantseva A.G., et al. Capabilities of high-resolution magnetic resonance imaging (3 T) in the diagnosis of minimal brain dysgenesis in children with developmental delay. Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics. 2021. No 66 (3). P. 67 – 75.

5. Zubareva E.A., Petrenko Yu.V., Strizhova N.V. Status of the nervous system in newborns with intrauterine growth restriction. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2017. No 117 (10). P. 29 – 33.

6. Petrenko Yu.V., Strizhova N.V., Zubareva E.A. The role of neurosonography in the diagnosis of perinatal central nervous system lesions in newborns with intrauterine growth restriction. Ultrasound and Functional Diagnostics. 2018. No 2. P. 68 – 75.

7. Pyrkova E.V., Chistyakova G.N. Neurological disorders in full-term newborns with intrauterine growth restriction. Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics. 2018. No 63 (5). P. 27 – 33.

8. Skoromets A.A., Skoromets T.A., Kisteneva V.B. et al. Cognitive impairments in children with perinatal central nervous system lesions in the long-term period. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. Special Issues. 2022. No (2). P. 32 – 37.

9. Khanakaeva L.Kh., Gudimova V.I., Baibarina E.N. Capabilities of magnetic resonance imaging in assessing structural brain changes in children with intrauterine growth restriction. Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics. 2021. Vol. 66. No. 2. P. 198 – 206.

10. Khanakaeva L.Kh., Gudimova V.I., Baibarina E.N. et al. Cognitive development characteristics of children born with intrauterine growth restriction, aged 3-7 years. Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics. 2019. Vol. 64. No. 1. P. 42 – 48.

11. Bastek J.A., Sharma D., Pinar H. et al. Placental pathology and neurodevelopmental outcome in preterm infants with intrauterine growth restriction. Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine. 2014. Vol. 27. No. 10. P. 1048 – 1054.

12. Bora S., Pienaar A., Inder T.E. et al. White matter microstructure of small for gestational age preterm infants: a diffusion tensor imaging study. Pediatric Research. 2020. Vol. 87. No. 6. P. 1095 – 1102.

13. Chalak L.F., Rollins L., Dai R. et al. Amplitude-integrated EEG patterns in neonates born small for gestational age. Journal of Perinatology. 2019. Vol. 39. No. 8. P. 913 – 919.

14. Dammann O., Kuban K.C., Leviton A. Perinatal brain damage in preterm newborns: a biomarker perspective. Current Opinion in Neurology. 2023. Vol. 36.No. 2. P. 190 – 197.

15. Dudink S., Greenough A. Follow-up of infants with intrauterine growth restriction. Current Opinion in Pediatrics. 2014. Vol. 26.No. 2. P. 138 – 143.

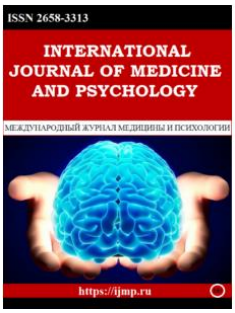
16. Eixarch E., Crispi F. Assessment of fetal brain function in growth restriction. Fetal Diagnosis and Therapy. 2021. Vol. 48.No. 3. P. 199 – 210.

17. Eixarch E., Meler E., Iraola A. et al. Neurodevelopmental outcome in infants with intrauterine growth restriction: a systematic review. Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine. 2020. Vol. 33.No. 24. P. 4107 – 4119.

Информация об авторах

Маджидова Ё.Н., доктор медицинских наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2464-0315, Ташкентский государственный медицинский университет, Узбекистан, munojat1medical@gmail.com
Каримова Г.Л., соискатель, Андижанский государственный медицинский институт, Узбекистан

© Маджидова Ё.Н., Каримова Г.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 616.74-009.54-07
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-89-94

[1] Юлдашева Н.М.,
[1] Убайдуллаева Д.Б.,
[1] Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр эндокринологии имени акад. Ё.Х. Туракулова, Узбекистан

Структурные изменения диска зрительного нерва и макулы при дистиреоидной оптической нейропатии по данным оптической когерентной томографии

Аннотация: цель – оценить особенности перипапиллярной RNFL, диска зрительного нерва (ДЗН) и макулярной области при эндокринной офтальмопатии с наличием и отсутствием дистиреоидной оптической нейропатии (ДОН).

Материал и методы. Обследованы 39 пациентов (78 глаз): 20 пациентов (40 глаз) с ДОН и 19 (38 глаз) без ДОН. ОКТ выполняли на Topcon DRI OCT Triton с оценкой RNFL, параметров ДЗН и макулярной области. Внутрипациентскую зависимость между глазами учитывали с помощью кластер-робастных стандартных ошибок; для множественных сравнений применяли поправку Холма.

Результаты. Значимых различий общей, верхней и нижней RNFL между группами не выявлено, что отражало неоднородность ДОН и наличие глаз с отёком ДЗН. При ДОН были меньше средняя толщина сетчатки (266,9±15,4 против 279,4±8,9 мкм; p=0,014) и общий макулярный объём (7,55±0,43 против 7,91±0,28 мм³; p=0,014). После коррекции сохранялось истончение верхнего парафовеального, а также верхнего, нижнего и височного парамакулярных секторов.

Заключение. ОКТ-изменения при ДОН неоднородны: RNFL может истончаться или утолщаться вследствие отёка ДЗН. Более устойчивыми групповыми признаками были уменьшение толщины и объёма макулы. Результаты ОКТ следует оценивать совместно с клиническими и другими инструментальными данными.

Ключевые слова: эндокринная офтальмопатия, дистиреоидная оптическая нейропатия, оптическая когерентная томография, RNFL, диск зрительного нерва, макула

Для цитирования: Юлдашева Н.М., Убайдуллаева Д.Б. Структурные изменения диска зрительного нерва и макулы при дистиреоидной оптической нейропатии по данным оптической когерентной томографии // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 89 – 94. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-89-94

Поступила в редакцию: 27 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Yuldasheva N.M.,***
[1] ***Ubaidullaeva D.B.,***
[1] *Republican Specialized Scientific and Practical Medical Center of Endocrinology named after Academician Y.Kh. Turakulov, Uzbekistan*

Structural changes in the optic disc and macula in dysthyroid optic neuropathy according to optical coherence tomography

Abstract: the aim is to evaluate the features of peripapillary RNFL, optic nerve disc (OCD) and macular area in endocrine ophthalmopathy with the presence and absence of dystyroid optic neuropathy (DON).

Materials and methods. 39 patients (78 eyes) were examined: 20 patients (40 eyes) with DON and 19 (38 eyes) without DON. OCT was performed using a Topcon DRI OCT Triton, with assessment of the RNFL, optic disc parameters, and the macular area. Intra‑patient dependence between the eyes was taken into account using cluster‑robust standard errors; the Holm correction was applied for multiple comparisons.

Results. No significant differences were found in the total, upper, and lower RNFL between the groups, which reflected the heterogeneity of ONH and the presence of eyes with optic disc edema. In ONH, the average retinal thickness (266.9±15.4 vs. 279.4±8.9 μm; p=0.014) and the total macular volume (7.55±0.43 vs. 7.91±0.28 mm³; p=0.014) were smaller. After the correction, thinning of the upper parafoveal sector, as well as the upper, lower, and temporal paramacular sectors, persisted.

Conclusion. OCT changes in DOF are heterogeneous: RNFL may thin or thicken due to optic nerve head edema. More stable group features were a decrease in the thickness and volume of the macula. OCT results should be evaluated in conjunction with clinical and other instrumental data.

Keywords: endocrine ophthalmopathy, dysthyroid optic neuropathy, optical coherence tomography, RNFL, optic disc, macula

For citation: Yuldasheva N.M., Ubaidullaeva D.B. Structural changes in the optic disc and macula in dysthyroid optic neuropathy according to optical coherence tomography. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 89 – 94. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-89-94

The article was submitted: July 27, 2026; Approved after reviewing: August 25, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Дистиреоидная оптическая нейропатия (ДОН) является одним из наиболее серьёзных, угрожающих зрению осложнений эндокринной офтальмопатии. Основным механизмом её развития считается компрессия зрительного нерва и нарушение его кровоснабжения увеличенными экстраокулярными мышцами в области вершины орбиты. Определённую роль также играют ишемия, воспаление и повышение ретробульбарного давления [1, 2]. Диагностика ДОН основывается на комплексной оценке зрительных функций, поля зрения, цветоощущения, состояния диска зрительного нерва (ДЗН) и данных КТ или МРТ орбит, поскольку универсального диагностического признака заболевания не существует [2].

Структурные изменения внутренних слоёв сетчатки при тиреоид-ассоциированной орбитопатии могут выявляться ещё до клинической манифестации ДОН, что определяет актуальность поиска объективных инструментальных маркёров раннего поражения зрительного нерва [10].

Оптическая когерентная томография позволяет количественно оценивать перипапиллярный слой нервных волокон сетчатки (RNFL) и макулярную область. Однако интерпретация RNFL при ДОН неоднозначна: на ранних стадиях аксональный стаз и отёк ДЗН могут приводить к её утолщению, тогда как длительная компрессия сопровождается аксональной утратой и истончением RNFL [3]. Наряду с этим описаны изменения внутренних слоёв макулы и микрососудистого русла даже при отсутствии выраженных изменений средней RNFL [4-8].

Показатели макулярного комплекса ганглиозных клеток (GCC), по данным отдельных исследований, могут обладать большей диагностической информативностью при ранней ДОН по сравнению с перипапиллярной RNFL [11]. В то же время изменения RNFL могут регистрироваться в неактивной фазе орбитопатии ещё до клинических проявлений ДОН, когда показатели слоя ганглиозных клеток остаются в пределах нормы [12]. Это свидетельствует о необходимости комплексной интерпретации различных структурных показателей сетчатки.

Цель исследования – оценить особенности перипапиллярной RNFL, морфометрических параметров ДЗН и макулярной области у пациентов с эндокринной офтальмопатией при наличии и отсутствии ДОН.

Материалы и методы исследований

Проведён сравнительный наблюдательный анализ данных 39 пациентов с эндокринной офтальмопатией. В I группу вошли 20 пациентов (40 глаз) с ДОН, во II – 19 пациентов (38 глаз) без ДОН. Диагноз ДОН устанавливали на основании комплексной оценки зрительных функций, офтальмоскопической картины, периметрии и нейровизуализации орбит. Исследование проводилось в соответствии с принципами Хельсинкской декларации.

В исследование включали пациентов с подтверждённой эндокринной офтальмопатией, качественными ОКТ-изображениями обоих глаз и отсутствием сопутствующей патологии, способной влиять на толщину сетчатки. Исключали глаза с выраженным помутнением оптических сред, миопией высокой степени, глаукомой или подозрением на неё, макулярной патологией другой этиологии, а также ОКТ-сканы с качеством сигнала менее 6 баллов или артефактами сегментации.

ОКТ выполняли на Topcon DRI OCT Triton (Topcon Corporation, Япония). Оценивали среднюю, верхнюю и нижнюю толщину перипапиллярной RNFL; площадь ДЗН, экскавации и нейроретинального пояска; отношения cup/disc, объёмы экскавации и нейроретинального пояска, горизонтальный и вертикальный диаметры ДЗН. Макулярный анализ включал среднюю и центральную толщину сетчатки, общий объём, толщину фовеа, четыре парафовеальных и четыре парамакулярных сектора. Глаза с истинным выраженным отёком ДЗН сохраняли в анализе как часть клинического спектра ДОН.

Количественные данные представлены как M±SD и Me [Q1; Q3]. Возраст сравнивали на уровне пациента критерием Уэлча, пол – точным критерием Фишера. ОКТ-показатели анализировали на уровне глаза с использованием линейной модели с кластер-робастными стандартными ошибками по пациенту для учёта зависимости между парными глазами. Поправку Холма применяли отдельно для RNFL, параметров ДЗН и макулярных показателей. Статистически значимыми считали различия при скорректированном $p<0,05$.

Результаты и обсуждения

Средний возраст пациентов I группы составил 41,7±15,9 года, II группы – 37,3±9,4 года (p=0,300). Мужчин было соответственно 6 из 20 (30,0%) и 3 из 19 (15,8%; p=0,451). Таким образом, статистически значимых различий по возрасту и полу не установлено.

Таблица 1

Толщина перипапиллярной RNFL и морфометрические параметры диска зрительного нерва.

Table 1

Peripapillary RNFL thickness and optic disc morphometric parameters.

Показатель	I группа, ДОН (n=40 глаз)	II группа, без ДОН (n=38 глаз)	p
Общая RNFL, мкм	108,4±42,0 104 [96; 110]	110,9±8,8 110 [107; 116]	0,794
Верхняя RNFL, мкм	135,2±49,9 132 [116; 141]	139,7±16,2 140 [132; 149]	0,697
Нижняя RNFL, мкм	144,9±63,4 136 [122; 149]	143,6±12,2 145 [138; 149]	0,922
Площадь ДЗН, мм²	2,48±1,81	2,05±0,40	0,264
Площадь экскавации, мм²	0,64±0,53	0,50±0,33	0,303
Площадь нейроретинального пояска, мм²	1,85±1,92	1,60±0,37	0,559
C/D по площади	0,30±0,24	0,24±0,16	0,310
Линейное C/D	0,47±0,29	0,43±0,22	0,681
Вертикальное C/D	0,46±0,27	0,43±0,21	0,683
Объём экскавации, мм³	0,13±0,16	0,08±0,08	0,206

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Объём нейроретинального пояска, мм³	0,55±1,34	0,31±0,13	0,390
Горизонтальный диаметр ДЗН, мм	1,69±0,47	1,59±0,12	0,327
Вертикальный диаметр ДЗН, мм	1,77±0,45	1,73±0,12	0,721

Примечание: p рассчитано в модели с кластер-робастными стандартными ошибками по пациенту. Выраженный отёк ДЗН в группе ДОН сохранён в анализе. После поправки Холма статистически значимых межгрупповых различий по всем представленным показателям не выявлено.
Note: p-values were calculated using a model with cluster-robust standard errors clustered by patient. Pronounced optic disc edema in the DON group was retained in the analysis. After the Holm correction, no statistically significant between-group differences were found for any of the presented parameters.

Несмотря на более низкую медиану общей RNFL в I группе, первичная модель сравнения средних значений с учётом кластеризации не выявила статистически значимых различий (табл. 1). Среднее и стандартное отклонение RNFL в группе ДОН были существенно увеличены отдельными клинически подтверждёнными случаями выраженного отёка ДЗН. Это демонстрирует разнонаправленность структурных изменений: отёк способен маскировать аксональное истончение при групповом сравнении.

Морфометрические параметры ДЗН характеризовались высокой вариабельностью в I группе, но ни по одному показателю различия не достигли статистической значимости после поправки на множественные сравнения (табл. 1). Следовательно, стандартные интегральные показатели геометрии ДЗН сами по себе не позволяли надёжно разграничить глаза с ДОН и без неё.

Таблица 2

Параметры макулярной области.

Table 2

Macular region parameters.

Показатель	I группа, ДОН (n=40 глаз)	II группа, без ДОН (n=38 глаз)	p
Средняя толщина, мкм	266,9±15,4	279,4±8,9	0,001
Центральная толщина, мкм	179,8±33,7	183,2±33,6	0,700
Общий объём, мм³	7,55±0,43	7,91±0,28	0,001
Фовеа, мкм	218,4±25,4	230,7±20,7	0,077
Парафовеа: верх, мкм	296,5±19,2	312,7±12,0	0,001
Парафовеа: низ, мкм	296,9±19,1	307,8±21,2	0,070
Парафовеа: височный сектор, мкм	285,6±20,0	296,9±18,7	0,049
Парафовеа: носовой сектор, мкм	295,8±21,0	309,3±13,8	0,013
Парамакула: верх, мкм	262,1±15,1	277,8±9,6	<0,001
Парамакула: низ, мкм	253,2±17,1	266,7±9,2	0,001
Парамакула: носовой сектор, мкм	278,2±23,4	289,2±11,4	0,048
Парамакула: височный сектор, мкм	248,9±15,2	260,2±11,3	0,004

Примечание: p рассчитано в модели с кластер-робастными стандартными ошибками по пациенту; p Холма – значение, скорректированное с поправкой на множественные сравнения внутри семейства макулярных показателей.
Note: p-values were calculated using a model with cluster-robust standard errors by patient; Holm p-value: value adjusted for multiple comparisons within the family of macular parameters.

В отличие от RNFL и морфометрии ДЗН, макулярные показатели демонстрировали более последовательное снижение при ДОН (табл. 2). После поправки Холма статистически значимыми оставались меньшие средняя толщина сетчатки и общий макулярный объём, а также меньшая толщина верхнего парафовеального и верхнего, нижнего и височного парамакулярных секторов. Центральная толщина и толщина фовеа между группами существенно не различались.

Выводы

При ДОН показатели перипапиллярной RNFL характеризуются выраженной вариабельностью, обусловленной сочетанием отёка ДЗН и аксональной утраты, тогда как более устойчивыми ОКТ-признаками являются уменьшение средней толщины сетчатки, общего макулярного объёма и толщины отдельных парамакулярных секторов. В связи с неоднородностью структурных изменений результаты ОКТ следует интерпретировать комплексно, сопоставляя их с офтальмоскопической картиной, остротой и полем зрения, цветоощущением и данными визуализации орбиты.

Список источников

1. Барталена Л., Кахали Г. Дж., Бальдески Л. и др. Клинические рекомендации Европейской группы по изучению офтальмопатии Грейвса (EUGOGO) 2021 года по медикаментозному лечению офтальмопатии Грейвса // Европейский журнал эндокринологии. 2021. Т. 185. № 4. С. G43 – G67. DOI: 10.1530/EJE-21-0479

2. Ву Ю., Ян Ц., Дин Л. и др. Перипапиллярные структурные и микроваскулярные изменения при ранней дистиреоидной оптической нейропатии // Глаз и зрение. 2022. Т. 9. Статья 30. DOI: 10.1186/s40662-022-00301-6

3. Парк К.А., Ким Ю.Д., Ву К.И. и др. Показатели оптической когерентной томографии при компрессионной оптической нейропатии, ассоциированной с дистиреоидной орбитопатией // Архив Грефе по клинической и экспериментальной офтальмологии. 2016. Т. 254. № 8. С. 1617 – 1624. DOI: 10.1007/s00417-016-3335-9

4. Ву Ю., Ту Ю., Ву Ч. и др. Снижение толщины внутренних слоёв сетчатки в макулярной области и микрососудистой плотности на ранней стадии дистиреоидной оптической нейропатии // Глаз и зрение. 2020. Т. 7. Статья 16. DOI: 10.1186/s40662-020-00180-9

5. Цзянь Х., Ван Ю., Оу Л., Хэ В. Изменения перипапиллярной плотности сосудов и толщины слоя нервных волокон сетчатки при тиреоид-ассоциированной офтальмопатии по данным оптической когерентной томографии-ангиографии // Международная офтальмология. 2022. Т. 42. № 3. С. 855 – 862. DOI: 10.1007/s10792-021-02051-1

6. Юй Л., Цзяо Ц., Чэн Ю. и др. Оценка изменений сетчатки и хориоидеи при тиреоид-ассоциированной офтальмопатии с использованием оптической когерентной томографии-ангиографии // Офтальмология BMC. 2020. Т. 20. № 1. Статья 421. DOI: 10.1186/s12886-020-01692-7

7. Элсамкари М.А., Эль-Шазли А.А.Э., Бадран Т.А.Ф. и др. Оптическая когерентная томография и электрофизиологический анализ глаз с экзофтальмом при тиреоид-ассоциированной офтальмопатии // Международная офтальмология. 2023. Т. 43. № 6. С. 2057 – 2064. DOI: 10.1007/s10792-022-02605-x

8. Шринкхал, Шукла А., Гарг П. и др. Изменения комплекса ганглиозных клеток макулы и перипапиллярного слоя нервных волокон сетчатки у пациентов с тиреоидной офтальмопатией без оптической нейропатии: ретроспективное наблюдательное исследование // Cureus. 2025. Т. 17. № 8. Статья e91168. DOI: 10.7759/cureus.91168

9. Блум Мейрович С., Лейбович И., Кеслер А. и др. Толщина сетчатки и слоя нервных волокон сетчатки в глазах с тиреоид-ассоциированной офтальмопатией // Медицинский журнал Израильской медицинской ассоциации. 2017. Т. 19. № 5. С. 277 – 281.

10. Чиен Л., Го С.С., Лахайе Луна Г.М., Брисеньо С.А. Изменения толщины слоя нервных волокон сетчатки, комплекса ганглиозных клеток и слоя ганглиозных клеток при тиреоидной офтальмопатии: систематический обзор // Тайваньский журнал офтальмологии. 2024. Т. 14. № 2. С. 217 – 224. DOI: 10.4103/TJO.TJO-D-22-00110

11. Ло Л., Ли Д., Гао Л., Ван В. Толщина слоя нервных волокон сетчатки и комплекса ганглиозных клеток как диагностический показатель ранней стадии дистиреоидной оптической нейропатии // Европейский журнал офтальмологии. 2022. Т. 32. № 5. С. 3082 – 3091. DOI: 10.1177/11206721211062030

12. Андраде А.Л., Фария Т.П., Менегим Р.Л.Ф.С. и др. Оценка изменений слоя нервных волокон сетчатки и слоя ганглиозных клеток методом оптической когерентной томографии при тиреоид-ассоциированной орбитопатии // Бразильский архив офтальмологии. 2025. Т. 88. № 5. С. 1 – 6. DOI: 10.5935/0004-2749.2024-0103

References

1. Bartalena L., Kahaly G.J., Baldeschi L., et al. The 2021 European Group on Graves' Orbitopathy (EUGOGO) clinical practice guidelines for the medical management of Graves' orbitopathy. European Journal of Endocrinology. 2021. Vol. 185. No. 4. P. G43 – G67. DOI: 10.1530/EJE-21-0479
2. Wu Y., Yang Q., Ding L., et al. Peripapillary structural and microvascular changes in early-stage dysthyroid optic neuropathy. Eye and Vision. 2022. Vol. 9. Article 30. DOI: 10.1186/s40662-022-00301-6
3. Park K.A., Kim Y.D., Woo K.I., et al. Optical coherence tomography parameters in compressive optic neuropathy associated with dysthyroid orbitopathy. Graefe's Archive for Clinical and Experimental Ophthalmology. 2016. Vol. 254. No. 8. P. 1617 – 1624. DOI: 10.1007/s00417-016-3335-9
4. Wu Y., Tu Y., Wu C., et al. Reduction in macular inner retinal layer thickness and microvascular density in early-stage dysthyroid optic neuropathy. Eye and Vision. 2020;7:Article 16. DOI: 10.1186/s40662-020-00180-9
5. Jian H., Wang Y., Ou L., He W. Changes in peripapillary vessel density and retinal nerve fiber layer thickness in thyroid-associated ophthalmopathy assessed by optical coherence tomography angiography. International Ophthalmology. 2022. No 42 (3). P. 855 – 862. DOI: 10.1007/s10792-021-02051-1
6. Yu L., Jiao J., Cheng Y. et al. Evaluation of retinal and choroidal changes in thyroid-associated ophthalmopathy using optical coherence tomography angiography. BMC Ophthalmology. 2020. No 20 (1). Article 421. DOI: 10.1186/s12886-020-01692-7
7. Elsamkary M.A., El-Shazly A.A., Badran T.A. et al. Optical coherence tomography and electrophysiological analysis of eyes with exophthalmos in thyroid-associated ophthalmopathy. International Ophthalmology. 2023. No 43 (6). P. 2057 – 2064. DOI: 10.1007/s10792-022-02605-x
8. Shrinkhal, Shukla A., Garg P., et al. Changes in the macular ganglion cell complex and peripapillary retinal nerve fiber layer in patients with thyroid ophthalmopathy without optic neuropathy: a retrospective observational study. Cureus. 2025. No 17 (8). e91168. DOI: 10.7759/cureus.91168
9. Blum-Meirovitch S., Leibovitch I., Kesler A., et al. Retinal and retinal nerve fiber layer thickness in eyes with thyroid-associated ophthalmopathy. The Israel Medical Association Journal. 2017. No 19 (5). P. 277 – 281.
10. Chien L., Guo S.S., Lahaye Luna G.M., Briceño S.A. Changes in retinal nerve fiber layer, ganglion cell complex, and ganglion cell layer thickness in thyroid ophthalmopathy: a systematic review. Taiwan Journal of Ophthalmology. 2024. No 14 (2). P. 217 – 224. DOI: 10.4103/TJO.TJO-D-22-00110
11. Luo L., Li D., Gao L., Wang W. Retinal nerve fiber layer and ganglion cell complex thickness as a diagnostic indicator of early-stage dysthyroid optic neuropathy. European Journal of Ophthalmology. 2022. No 32 (5). P. 3082 – 3091. DOI: 10.1177/11206721211062030
12. Andrade A.L., Faria T.P., Menegim R.L.F.S. et al. Assessment of retinal nerve fiber layer and ganglion cell layer changes using optical coherence tomography in thyroid-associated orbitopathy. Arquivos Brasileiros de Oftalmologia. 2025. № 88 (5). P. 1 – 6. DOI: 10.5935/0004-2749.2024-0103

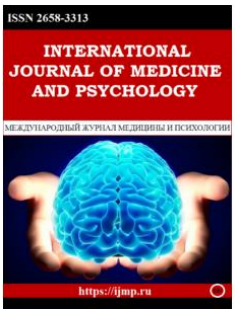
Информация об авторах

Убайдуллаева Д.Б., врач-офтальмолог, Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр эндокринологии им. акад. Ё.Х. Туракулова; соискатель учёной степени доктора философии (PhD), ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1713-9629, munojat1medical@gmail.com

Юлдашева Н.М., доктор медицинских наук, научный руководитель Отдела патологии сетчатки и зрительного нерва при эндокринных заболеваниях, Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр эндокринологии им. акад. Ё.Х. Туракулова, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1413-1939

© Убайдуллаева Д.Б., Юлдашева Н.М., 2026

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-95-101

[1] Лучинкина А.И.,
[1] Аль-Шаер Е.С.,
[1] Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

Стратегии организации времени пользователей социальных сетей: теоретическое обоснование и разработка авторского опросника

Аннотация: в работе рассматривается, как выстраивают и распределяют своё время люди, постоянно включённые в социальные сети, в ситуации, когда цифровые практики пронизывают повседневность. Авторы соединяют две задачи: теоретический разбор того, как меняется временная перспектива у активного интернет-пользователя, и создание собственной диагностической методики «Стратегии организации времени пользователей социальных сетей». Потребность в такой методике обусловлена тем, что временная самоорганизация личности именно в цифровой среде до сих пор изучена слабо. В структуре организации времени пользователя выделены пять составляющих: осознанность действий, планирование, временная рефлексия, ценность времени и эмоциональное отношение к нему. Опросник был апробирован на первичной выборке N = 423, после чего применён к расширенной выборке N = 667, где обнаружены шесть качественно несхожих паттернов временной самоорганизации (критерий Краскела-Уоллиса H = 508,16; p < 0,01).

Ключевые слова: организация времени, временная перспектива, психологическое время, временная рефлексия, цифровая среда, интернет-активность, социальные сети

Для цитирования: Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С. Стратегии организации времени пользователей социальных сетей: теоретическое обоснование и разработка авторского опросника // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 95 – 101. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-95-101

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Luchinkina A.I.,
[1] Al-Shaer E.S.,
[1] Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Strategies of time organization among social network users: theoretical foundations and development of an author's questionnaire

Abstract: this paper examines how individuals who are continuously engaged with social media organise and experience their time as digital practices saturate daily life. Two tasks are combined: a theoretical examination of how the time perspective of an Internet-active person is reshaped, and the construction of an original diagnostic instrument, the "Strategies of Time Organization among Social Network Users" questionnaire. The instrument was first tested on a sample of N = 423 and then administered to a wider typological sample of N = 667 (reliability r = 0.87–0.96; validity r = 0.93–0.96; p < 0.01). Within the broader sample, six qualitatively different patterns of temporal self-organization emerged (Kruskal–Wallis H = 508.16; p < 0.01).

Keywords: time organization, time perspective, psychological time, temporal reflection, digital environment, Internet activity, social networks

For citation: Luchinkina A.I., Al-Shaer E.S. Strategies of time organization among social network users: theoretical foundations and development of an author's questionnaire. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 95 – 101. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-95-101

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 1, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Переход общества к цифровому укладу затрагивает не только то, как люди общаются, но и сами психологические опоры, на которых держится организация жизни личности. Согласно международной статистике, к 2024 году интернетом регулярно пользовались 5,16 млрд человек – это 64,4% жителей планеты, и численность аудитории прирастает примерно на 1,9% в год. Российские опросы показывают похожую тенденцию: 68% респондентов считают, что тратят на социальные сети «слишком много времени», а у пользователей 18–35 лет ежедневное пребывание в сети в среднем переходит отметку в 3,5 часа.

Сегодня социальную сеть уже нельзя описывать просто как канал передачи данных: для человека она становится отдельной средой обитания, где он общается, предъявляет себя другим, ищет эмоциональную опору, решает рабочие задачи и собирает собственную идентичность [14; 15]. Вслед за этим перестраивается и то, как личность упорядочивает своё жизненное пространство, на что направляет внимание, как принимает решения и каким образом субъективно ощущает течение времени.

Время издавна остаётся одним из ключевых предметов психологического анализа [12; 20], однако цифровая среда придала этой теме новые грани. Оказавшись в социальной сети, человек попадает в пространство, у которого нет встроенной точки остановки: лента сообщений, обновлений и откликов длится без перерыва и поддерживает постоянное чувство онлайн-присутствия. У уведомлений нет фиксированного графика, алгоритм ленты не закладывает пауз, а возможность связаться доступна круглосуточно.

Публикации последних лет фиксируют целый ряд связанных эффектов [8]: ощущение, что время идёт быстрее, дробление занятий на мелкие отрезки, ослабление рефлексии над собственным временем, чувство непрерывной вовлечённости и переживание его нехватки. При этом исследования, как правило, расходятся по двум руслам – либо изучают временную перспективу как таковую, либо анализируют интернет-зависимость. А вопрос о том, как именно пользователь распоряжается своим временем при непрерывном цифровом контакте, фактически остаётся на периферии внимания.

Именно этот пробел и побудил нас разработать отдельный диагностический инструмент, ориентированный на то, как пользователи социальных сетей выстраивают стратегии распоряжения временем. Цель работы – теоретически обосновать и психометрически проверить авторский опросник «Стратегии организации времени пользователей социальных сетей».

Новизна исследования состоит в том, что создан и проверен оригинальный психодиагностический инструмент, который фиксирует, как личность организует своё время в цифровых условиях, и позволяет описать соответствующие паттерны у пользователей социальных сетей. Практическая ценность работы связана с тем, что опросник применим в изучении цифрового поведения, в консультативной практике и в профилактике сбоев временной самоорганизации.

Материалы и методы исследований

Время как психологический феномен изучается и за рубежом, и в нашей стране уже не одно десятилетие. В разных подходах его трактуют по-разному: как способ упорядочивания личного опыта, как регулятор поведения и как основу, на которой человек выстраивает перспективу собственной жизни.

К числу первых, кто поставил вопрос о временной организации поведения, принадлежит К. Левин [6; 18]. В его теории психологического поля временная перспектива выступает элементом жизненного пространства личности, который задаёт направление активности и влияет на то, как человек принимает решения. Для Левина прошлое, настоящее и будущее – не объективные участки хронологии, а субъективно проживаемые зоны этого пространства. В приложении к цифровой среде идея получает дополнительный смысл: пользователь социальной сети одновременно поддерживает сразу несколько накладывающихся друг на друга «жизненных пространств» – собственную реальную биографию и параллельно разворачивающиеся цифровые сюжеты, и из-за этого его временная перспектива приобретает совершенно иную структуру.

Заметный след в изучении временной перспективы оставил Ж. Нюттен [10; 19], увязавший образ будущего с мотивационной сферой человека. С его точки зрения, от того, насколько человек способен строить временную перспективу, зависят его умение ставить цели, планировать и организовывать собственную деятельность. В пространстве социальных сетей эта связка деформируется: место осознанной мотивации занимает активность, подстёгиваемая алгоритмами, а вместо планирования на длинной дистанции человек всё чаще лишь откликается на сиюминутный информационный раздражитель.

Среди современных подходов наиболее влиятельна концепция временной перспективы Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [5; 11; 17]. В ней отношение человека ко времени трактуется как сравнительно стабильный набор когнитивных и эмоциональных установок, который сказывается на его поведении. Исследователи описывают пять временных ориентаций: позитивное и негативное прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее, а также ориентацию на будущее [16]. В нашем исследовании самые высокие значения гедонистического настоящего обнаружились у носителей аффективного паттерна (M = 72,11), а пик фаталистичности пришёлся на нерегулируемый паттерн (M = 32,37); различия между группами достигают статистической значимости (H = 505,06; $p < 0,01$).

В российской традиции вопросы психологического времени разрабатывались К.А. Абульхановой-Славской [1], Б.Г. Ананьевым [2], Е.И. Головахой, А.А. Кроником [4], Д.А. Леонтьевым [7] и рядом других учёных [3; 12]. У этих авторов временная организация жизни предстаёт как одно из центральных проявлений субъектности – как мера того, насколько человек способен сам выстраивать свой жизненный путь и управлять собственной активностью.

Цифровая среда задаёт принципиально иные рамки, в которых работает временная перспектива. Социальные сети спроектированы так, что у человека отсутствует заложенная точка завершения: материал в ленте обновляется непрерывно, общение не требует одновременного присутствия собеседников, а оповещения о новых событиях приходят в любой час. Этим такая среда заметно отличается от большинства офлайн-занятий, у которых есть естественное начало и естественный конец.

Складывается, таким образом, особый тип временного опыта: дистанция между событиями сжимается, фокус смещается к настоящему, деятельность дробится, а информационное поле становится эмоционально перенасыщенным. Свою роль играет и феномен FOMO (Fear of Missing Out) [13] – тревога из-за того, что можно упустить важное событие или контакт. По нашим данным, пиковые значения FOMO отмечены у носителей ситуативного паттерна, тогда как при нерегулируемом паттерне FOMO уступает место апатичному безразличию к тому, что происходит в сети.

Психометрическая проверка опросника «Стратегии организации времени пользователей социальных сетей» сначала проводилась на первичной выборке из N = 423 человек в возрасте 18-35 лет. Полученные коэффициенты надёжности составили: инструментальная – $r = 0,89$; стабильность при повторном замере через месяц – $r = 0,94$; константность, проверенная методом параллельных форм, – $r = 0,92$. Валидность оказалась следующей: содержательная – $r = 0,94$, конструктная – $r = 0,93$ (для всех показателей $p < 0,01$). В опроснике четыре шкалы, каждая из которых отвечает за свой уровень регуляции временного поведения в сети (Таблица 1). Ответы фиксируются по шкале Лайкерта (от 0 до 3 баллов; максимум – 60 баллов).

Чтобы проверить типологию пользователей, была собрана расширенная выборка из N = 667 человек: 57,0% из них характеризуются средним уровнем собственной интернет-активности, 27,1% – высоким и 15,9% – низким ($\chi^2 = 180,35$; $p < 0,001$). Применение кластеризации методом CHAID дало шесть устойчивых типов, различающихся комбинацией уровня личной активности и активности страницы. Результаты психометрической проверки шкал сведены в табл. 1.

Таблица 1

Психометрические характеристики шкал опросника «Стратегии организации времени пользователей социальных сетей» (N = 423).

Table 1

Psychometric characteristics of the scales of the questionnaire “Time management strategies of social network users” (N = 423).

Шкала	Уровень / конструкт	Пример утверждения	Пунктов	Надёжность (α)	Валидность (r)
Осознанность действий	Поведенческий: целенаправленность и контроль действий в цифровой среде	«Я открываю социальные сети автоматически, без осознанной цели»	5	0,87–0,91	0,93–0,94

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Временная рефлексия	Рефлексивный: анализ собственных временных затрат и планирование	«Я всегда планирую время онлайн и офлайн»	5	0,87–0,96	0,93–0,96
Ценность времени	Ценностный: субъективная значимость времени как жизненного ресурса	«Мысль о ценности времени побуждает меня осознаннее относиться к социальным сетям»	5	0,95	0,94–0,95
Эмоциональное отношение ко времени	Аффективный: эмоциональный тон пребывания в цифровой среде	«После длительного времени в соцсетях я часто чувствую опустошённость или тревогу»	5	0,95–0,96	0,94–0,96

Примечание: надёжность определялась по трём параметрам — инструментальности, стабильности (повторный замер через 1 мес.) и константности (метод параллельных форм); валидность оценивалась как содержательная и конструктная (привлекались эксперты по цифровой психологии со стажем ≥ 5 лет).
Note: Reliability was determined by three parameters: instrumentality, stability (repeated measurement after 1 month), and constancy (parallel forms method); validity was assessed as content and construct validity (digital psychology experts with ≥ 5 years of experience were involved).

Результаты и обсуждения

Применение опросника «Стратегии организации времени пользователей социальных сетей» к расширенной выборке (N = 667) дало возможность описать шесть устойчивых паттернов временной самоорганизации, между которыми зафиксированы значимые различия по всем шкалам ($H = 508{,}16$; $p < 0{,}01$). По паттернам участники распределились так: осознанный – n = 91 (13,6%), коммуникативный – n = 89 (13,3%), аффективный – n = 189 (26,8%), ситуативный – n = 200 (30,0%), нерегулируемый – n = 60 (9,0%), деструктивный – n = 46 (6,9%). Эти цифры показывают, что в реальной сетевой практике преобладают ситуативный и аффективный типы реагирования.

Эти результаты говорят о том, что управление временем при постоянной включённости в социальные сети – это многослойное психологическое образование, объединяющее когнитивную, рефлексивную, ценностную и эмоциональную составляющие. Картина распределения баллов по шкалам опросника указывает на то, что существуют качественно несхожие стили обращения со временем в цифровой среде.

У носителей осознанного паттерна (n = 91; 13,6%) профиль самый благополучный: они заходят в сеть ради конкретной задачи, а не по инерции, и воспринимают границу между онлайном и офлайном как важный механизм поддержания собственного благополучия. На шкале временной перспективы эта группа дала наивысшую ориентацию на будущее (M = 49,40) при умеренно-позитивном отношении к прошлому (M = 45,02). Планомерность по опроснику самоорганизации деятельности [9] у них доходит до M = 2,63 при максимуме в 3,00 балла.

Коммуникативный паттерн (n = 89; 13,3%) предполагает использование сетей прежде всего как площадки для общения. Здесь зафиксирована самая высокая ориентация на будущее из всех паттернов (M = 53,63), что говорит о намерении применять социальные сети для профессионального роста. Осознанность действий в группе высокая или средняя, временная рефлексия – умеренная.

Самым массовым в выборке оказался аффективный паттерн (n = 189; 26,8%): в нём доминируют эмоционально окрашенные формы сетевой активности. Его характерная черта – ярко выраженное гедонистическое настоящее (M = 72,11) на фоне слабой ориентации на будущее (M = 21,33), что свидетельствует о замене долгосрочного планирования сиюминутным эмоциональным подкреплением. Планомерность в этой группе минимальна (M = 1,19).

Ситуативный паттерн охватывает самую большую часть участников (n = 200; 30,0%) и отличается неустойчивостью контроля над временем. Высокое гедонистическое настоящее (M = 71,33) здесь соседствует с ощутимой фаталистичностью (M = 24,22) и отсутствием дальних ориентиров (M будущего = 26,47). Для этой группы характерен максимальный в выборке уровень FOMO, выражающийся в непрерывном отслеживании активности других пользователей.

Нерегулируемый паттерн (n = 60; 9,0%) выражается в том, что устойчивые механизмы контроля над цифровым временем у человека попросту отсутствуют. Его диагностические маркеры таковы: наибольшее

в выборке фаталистическое настоящее (M = 32,37), самый высокий показатель негативного прошлого (M = 39,29) и наименьшая ориентация на будущее (M = 16,36); все различия достоверны (H = 505,06; p < 0,01). Фиксация на прошлом по опроснику самоорганизации деятельности доходит до M = 2,92 при минимуме целеустремлённости (M = 1,00) и настойчивости (M = 1,00).

Деструктивный паттерн (n = 46; 6,9%) отличает своеобразная темпоральная анестезия: время перестаёт ощущаться как личный ресурс, а сетевая активность не приносит чувства осмысленности – ни во время сессии, ни по её завершении. При сравнительно высокой ориентации на будущее (M = 48,06) и позитивном отношении к прошлому (M = 40,64) ключевым признаком становится обесценивание настоящего (гедонистическое настоящее M = 26,83) и эмоциональное истощение после сессии. В таком профиле сочетаются амбивалентное отношение ко времени и склонность откладывать активность.

Проверка различий между паттернами по дополнительным временным характеристикам подтвердила их достоверность: по шкале «величина времени» H = 453,22 (p < 0,01); по шкале «структура времени» H = 505,06 (p < 0,01); по шкале «ощущаемость времени» H = 574,39 (p < 0,01). Это даёт основания трактовать выявленные паттерны как стабильные способы регуляции активности в сети.

Полученные данные дают основание утверждать, что временная организация личности в цифровой среде – это самостоятельный психологический феномен, который нельзя свести ни к особенностям временной перспективы, ни к степени интернет-активности. В совокупности 60,3% выборки (ситуативный и аффективный паттерны) обнаруживают признаки утраты контроля над временем при высокой эмоциональной вовлечённости, и это указывает на закономерный, а не разовый характер деформации временной перспективы у тех, кто непрерывно взаимодействует с социальными сетями.

Эти результаты согласуются с тезисом о том, что социальные сети сказываются не только на внешнем поведении человека, но и на том, как он субъективно переживает время. Длительное и систематическое взаимодействие с платформами постепенно перестраивает временную структуру деятельности: планирование подстраивается под ритм сетевой ленты, а внимание всё чаще достаётся онлайн-событиям. Особенно показателен контраст в планомерности между аффективным (M = 1,19) и осознанным (M = 2,63) паттернами: разрыв достигает 1,44 стандартной единицы.

Наибольшего внимания заслуживают нерегулируемый и деструктивный паттерны (в сумме 15,9% выборки): именно у них нарушения временной самоорганизации проявляются ярче всего. Характерно, что ориентация на будущее у нерегулируемого паттерна (M = 16,36) примерно втрое уступает показателю осознанного (M = 49,40), а это почти полностью лишает человека возможности планировать жизнь на длинной дистанции.

Отдельного упоминания заслуживает роль рефлексивного самоконтроля – одного из стержневых механизмов организации времени в цифровых условиях. Умение замечать, сколько времени уходит на сеть, оценивать последствия этой активности и сопоставлять её с собственными целями оказывается решающим для сохранения психологического благополучия: именно по уровню рефлексивности осознанный паттерн (n = 91; M будущего = 49,40) расходится с нерегулируемым (n = 60; M будущего = 16,36).

В теоретическом плане исследование дополняет имеющиеся представления о временной перспективе, показывая, что цифровую среду стоит рассматривать как отдельный фактор, формирующий временной опыт. Предложенный опросник даёт возможность фиксировать особенности временной организации пользователей социальных сетей и может стать рабочим инструментом для дальнейшего изучения психологических последствий цифровизации повседневности.

Выводы

Проделанная работа дала возможность как теоретически, так и эмпирически показать, что организацию времени пользователей социальных сетей правомерно выделить в отдельный предмет психологического изучения.

В ходе работы был создан и проверен авторский опросник «Стратегии организации времени пользователей социальных сетей» (N = 423; α = 0,87–0,96; r валидности = 0,93–0,96; p < 0,01). Его четыре шкалы соответствуют поведенческому уровню (целенаправленность действий), рефлексивному (анализ собственного времени), ценностному (место времени среди жизненных приоритетов) и аффективному (эмоциональный тон пребывания в сети).

На расширенной выборке (N = 667) описаны шесть качественно разных паттернов организации времени. Адаптивные – осознанный (13,6%) и коммуникативный (13,3%) – отличаются сбалансированной временной перспективой (M будущего 49,40 и 53,63 соответственно). Промежуточные – аффективный (26,8%) и ситуативный (30,0%) – характеризуются гиперактивным гедонистическим настоящим (M = 72,11 и 71,33). Деза-

даптивные – нерегулируемый (9,0%) и деструктивный (6,9%) – показывают критически низкую ориентацию на будущее и сбой временного контроля. По всем измеренным параметрам различия между паттернами статистически значимы (H = 453,22–574,39; p < 0,01).

Самым благополучным оказался осознанный паттерн: его отличают высокая планомерность (M = 2,63), выраженная ориентация на будущее (M = 49,40) и отношение к цифровой активности как к инструменту. Напротив, нерегулируемый и деструктивный паттерны сопровождаются снижением чувствительности ко времени и искажением представления о нём как о значимом жизненном ресурсе.

Созданный инструмент способен найти применение в эмпирических исследованиях цифрового поведения, в практике психологического консультирования, в обучающих программах по цифровой грамотности, а также при разработке профилактических мер, помогающих укреплять временную саморегуляцию у активных пользователей социальных сетей.

Дальнейшие исследования имеет смысл связать с изучением того, как стратегии организации времени соотносятся с феноменом FOMO, с особенностями цифровой идентичности и с механизмами адаптации человека к современной информационной среде.

Список источников

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
4. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 209 с.
5. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
6. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
8. Лучинкина А.И. Интернет-активная личность: психологические особенности и закономерности развития. Симферополь: Ариал, 2021. 356 с.
9. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87 – 111.
10. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
11. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Методика Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 85 – 106.
12. Гришина Н.В. Психология времени в жизни человека. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. 312 с.
13. Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior. 2013. Vol. 29. № 4. P. 1841 – 1848.
14. Rosen L.D. iDisorder: Understanding Our Obsession with Technology and Overcoming Its Hold on Us. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 272 p.
15. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2011. 384 p.
16. Boyd J.N., Zimbardo P.G. Time Perspective, Health and Risk Taking // Understanding Behavior in the Context of Time. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 85 – 107.
17. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. № 6. P. 1271 – 1288.
18. Lewin K. Field Theory in Social Science. New York: Harper & Row, 1951. 346 p.
19. Nuttin J. Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method. Leuven: Leuven University Press, 1985. 235 p.
20. Levine R. A Geography of Time. New York: Basic Books, 1997. 272 p.

References

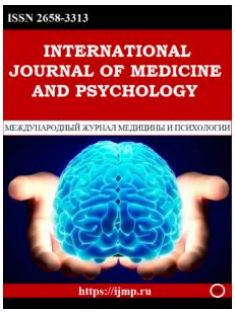
1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Strategy of Life. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. Ananyev B.G. Man as an Object of Cognition. St. Petersburg: Piter, 2001. 288 p.
3. Asmolov A.G. Psychology of Personality: A Cultural-Historical Understanding of Human Development. Moscow: Smysl', 2007. 528 p.
4. Golovakha E.I., Kronik A.A. Psychological Time of the Personality. Kyiv: Naukova Dumka, 1984. 209 p.

5. Zimbardo F., Boyd J. The Time Paradox: A New Psychology of Time That Will Improve Your Life. St. Petersburg: Rech', 2010. 352 p.
6. Levin K. Field Theory in the Social Sciences. St. Petersburg: Sensor, 2000. 368 p.
7. Leontiev, D. A. Psychology of Meaning: The Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.
8. Luchinkina, A. I. Internet-Active Personality: Psychological Characteristics and Patterns of Development. Simferopol: Arial, 2021. 356 p.
9. Mandrikova E.Yu. Development of a Self-Organization of Activity Questionnaire. Psychological Diagnostics. 2010. No. 2. P. 87 – 111.
10. Nutten J. Motivation Action, and Prospects of the Future. Moscow: Smysl, 2004. 608 p.
11. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. Zimbardo's Method of Time Perspective. Psychological Diagnostics. 2008. No. 1. P. 85 – 106.
12. Grishina N.V. The Psychology of Time in Human Life. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2017. 312 p.
13. Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, Emotional, and Behavioral Correlates of Fear of Missing Out. Computers in Human Behavior. 2013. Vol. 29. No. 4. P. 1841 – 1848.
14. Rosen, L.D. iDisorder: Understanding Our Obsession with Technology and Overcoming Its Hold on Us. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 272 p.
15. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2011. 384 p.
16. Boyd J.N., Zimbardo P.G. Time Perspective, Health and Risk Taking. Understanding Behavior in the Context of Time. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 85 – 107.
17. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric. Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. No. 6. P. 1271 – 1288.
18. Lewin K. Field Theory in Social Science. New York: Harper & Row, 1951. 346 p.
19. Nuttin J. Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method. Leuven: Leuven University Press, 1985. 235 p.
20. Levine R. A Geography of Time. New York: Basic Books, 1997. 272 p.

Информация об авторах

Лучинкина А.И., профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова
Аль-Шаер Е.С., аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

© Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.923.5:614.253
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-102-107

[1] Тихонова Н.В.,
[1] Чупина В.Б.,
[1] Сабанова А.О.,
[1] Ахмедова А.И.,
[1] Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации

Формирование профессиональной культуры будущего врача в контексте социально-гуманитарной подготовки

Аннотация: в статье анализируются ключевые проблемы становления профессиональной культуры будущего врача в условиях обучения в медицинском университете. Исследование направлено на выявление социально-гуманитарных факторов, влияющих на формирование профессионально значимых качеств студентов-медиков КрасГМУ. Прежде всего, это низкий интерес к истории медицины, искусству и художественной литературе. В то же время выявленная связь между высоким уровнем общекультурной осведомленности и лучшими академическими результатами по клиническим дисциплинам подтверждает значимость гуманитарного компонента в системе подготовки медицинских кадров. Показано, что недостаточная включенность в практическую деятельность и дефицит времени, необходимого для самостоятельной работы, затрудняют развитие профессиональной культуры. По результатам исследования предложены рекомендации, ориентированные на совершенствование образовательного процесса и усиление социально-гуманитарного сопровождения студентов-медиков.

Ключевые слова: профессиональная культура, студент-медик, социо-гуманитарный аспект, клиническое мышление, профессиональная идентичность, компетентность

Для цитирования: Тихонова Н.В., Чупина В.Б., Сабанова А.О., Ахмедова А.И. Формирование профессиональной культуры будущего врача в контексте социально-гуманитарной подготовки // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 102 – 107. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-102-107

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Tikhonova N.V.,
[1] Chupina V.B.,
[1] Sabanova A.O.,
[1] Akhmedova A.I.,
[1] Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky of the Ministry of Health of the Russian Federation

Formation of a future doctor's professional culture in the context of social and humanitarian training

Abstract: the article analyzes the key problems of the formation of the professional culture of a future doctor in the context of studying at a medical university. The study aims to identify the socio-humanitarian factors that influence the formation of professionally significant qualities among medical students at Krasnoyarsk State Medical University. Firstly, there is a low interest in the history of medicine, art, and literature. However, the identified connection between a high level of general cultural awareness and better academic performance in clinical disciplines confirms the importance of the humanities component in the medical education system. It has been shown that insufficient involvement in practical activities and a lack of time for independent work hinder the development of professional culture. Based on the results of the study, recommendations have been proposed to improve the educational process and enhance the social and humanitarian support for medical students.

Keywords: professional culture, medical student, socio-humanitarian aspect, clinical thinking, professional identity, competence

For citation: Tikhonova N.V., Chupina V.B, Sabanova A.O., Akhmedova A.I. Formation of a future doctor's professional culture in the context of social and humanitarian training. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 102 – 107. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-102-107

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Профессиональная культура представляет собой фундаментальную основу медицинской деятельности, интегрирующую научные знания, клинические навыки и социо-гуманитарные ценности, формирование которых у студентов-медиков имеет критически важное значение, поскольку непосредственно определяет их будущую профессиональную компетентность, качество оказываемой медицинской помощи и в конечном итоге – успешность врачебной практики.

Социо-гуманитарная составляющая личности будущего врача дает целостное представление о содержании предстоящей профессиональной деятельности. И в этом контексте сформированность высокого уровня общекультурной осведомленности студента, безусловно, создает фундамент для будущего взаимопонимания врача и пациента, в установлении контакта. В истории медицины есть множество примеров, когда известные врачи и ученые (Залманов А.С., Кассирский И.А., Лериш Р., Мондор Г. и др.), не являющиеся писателями, благодаря высокому уровню общекультурной осведомленности стали обладателями дара художественного слова при изложении чисто медицинских проблем [2]. В связи с этим формирование социо-гуманитарной составляющей профессиональной культуры у обучающихся медицинских вузов приобретает особую актуальность в современном здравоохранении.

В процессе подготовки медицинских специалистов необходимо целенаправленно формировать личностные качества, которые в сочетании с фундаментальными профессиональными знаниями, особенно важны в медицине в связи с высокой степенью ответственности перед пациентами и обществом [11]. Также установлена взаимосвязь между формированием у студентов установки на саморазвитие и развитием их активной профессионально-личностной позиции в соответствии с современными образовательными требованиями [10, 12].

В процессе обучения студенты-медики ежедневно сталкиваются с двумя основными трудностями: дефицитом времени, необходимого для самообразования, и ограниченными возможностями приобретения практического опыта [6, 7].

На этапе клинической подготовки, начиная с третьего курса, происходит переход от теоретического обучения к практической медицине, где формирование профессиональной культуры становится определяющим фактором успешности будущего специалиста [4, 9, 8].

Материалы и методы исследований

В связи с изложенным целью исследования стал анализ социо-гуманитарного компонента формирования профессиональной культуры будущего врача у студентов-медиков КрасГМУ.

Ключевыми методами исследования явились: логический анализ, социологический метод анкетирования и статистическая обработку данных исследования (с применением критерия Манна-Уитни).

В настоящем исследовании использовалась авторская анкета, которая позволяет оценить уровень сформированности профессиональной культуры и определить основные затруднения в ее становлении. Анкета представлена двумя разделами: социокультурный и коммуникативный.

Выборку исследования составили 287 студентов, обучающихся на четвертом курсе КрасГМУ по специальности «Лечебное дело». Из них: 214 девушек и 73 юноши. Формат исследования – онлайн. Исследование проводилось с учетом принципа добровольного согласия.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа социо-гуманитарной составляющей профессиональной культуры студента на основании анкетных данных было выявлено, что треть женской выборки по сравнению с мужской – частично удовлетворены уровнем своей профессиональной культуры. Также четверть женской выборки в отличие от мужской – недостаточно удовлетворены наличным уровнем своей профессиональной культуры ($p<0,01$). Полученные данные вскрывают необходимость дальнейшего повышения профессиональной культуры респондентов.

Далее хотелось бы отметить, что половина обследуемых студентов «не интересуется биографией известных врачей и ученых». Тогда как профессия врача, требует глубоких клинических знаний и широкого кругозора, что является основной частью формирования профессионального образования [6].

Относительно равное количество студентов ответили на следующие вопросы анкеты: «не интересуются историей медицинских технологий и открытий» (31,3% респондентов) и «не интересуются историей развития медицинской науки» (30,3% студентов). Интересным представляется, что по данным вопросам анкеты не выявлено статистически значимых различий в женской и мужской выборках ($p<0,01$).

Также больше половины исследуемых «не читают художественную литературу», более трети студентов «недостаточно ориентируются в вопросах истории и истории медицины», что свидетельствует об ограниченном общекультурном уровне их развития.

Тогда как студенты, которые хорошо разбираются в культурных аспектах, как правило, показывают лучшие результаты в изучении клинических дисциплин и их средний балл в рейтинге успеваемости превышает 4,68 балла.

Также необходимо отметить, что у более половины студентов в ходе анализа анкет выявлены проблемы с коммуникацией, уровень которой в 59% случаев отмечают как низкий. При этом менее половины ответили, что «легко понимают чувства других людей» и около 40% отметили «важность проявления сочувствия к окружающим». Настораживает тот факт, что 13% респондентов ответили, что «не умеют проявлять сочувствие» и только 26,7% исследуемых обсуждают вопросы этики и деонтологии с однокурсниками. Основными причинами этого будущие врачи называют отсутствие времени на самообразование и ограничение возможностей для практического опыта. Большинство опрошенных студентов отмечают, что нехватка времени на самостоятельную работу мешает им полноценно осваивать профессиональные знания и навыки, в итоге это снижает качество обучения.

Таким образом, уровень социокультурной и гуманитарной подготовки части студентов-медиков остается недостаточным и требует целенаправленного совершенствования [3, 5]. Низкий интерес к истории медицины, медицинских открытий и художественной литературе, а также недостаточная осведомленность о выдающихся представителях отечественной медицинской науки могут негативно отражаться на формировании профессиональной культуры будущего врача. В то же время выявленная связь между высоким уровнем общекультурной осведомленности и лучшими академическими результатами по клиническим дисциплинам подтверждает значимость гуманитарного компонента в системе подготовки медицинских кадров. Полученные данные обосновывают необходимость усиления социально-гуманитарной составляющей образовательного процесса, направленной на расширение кругозора студентов, повышение их культурного уровня и формирование профессионально значимых качеств личности врача.

Очевидной стала необходимость системного совершенствования образовательного процесса в медицинских вузах.

Во-первых, администрации вуза следует рассмотреть возможность более тесной интеграции социально-гуманитарной составляющей в образовательный процесс. Внедрение в обучение студентов-медиков историко-медицинского компонента способствует формированию клинического мышления, позволяя анализировать опыт прошлого, сравнивать клинические случаи и применять современные медицинские знания на практике.

Во-вторых, необходимо оптимизировать применение интерактивных методов обучения в изучении клинических дисциплин, таких как конкурсная система оценки историко-медицинских исследований, case-study исторических медицинских ситуаций, тьюторская поддержка самостоятельного изучения истории медицины, а также цифровизация учебного культурно-образовательного контента через специализированные платформы. Данные подходы не только повышают культурно-образовательный уровень будущих врачей, но и способствуют формированию профессиональной идентичности, что особенно важно в медицинском образовании [6].

В-третьих, необходимо создать мотивационную среду, включающую цикл подкастов и мастер-классов от ведущих практикующих специалистов. Внедрить в процесс обучения интерактивные кинопоказы с клинико-диагностическим разбором реальных медицинских случаев, примеры этико-деонтологических подходов в решении спорных и конфликтных ситуаций, систему регулярных профессиональных встреч с опытными врачами – что в совокупности будет способствовать развитию клинической наблюдательности, формированию системного медицинского мышления и расширению профессиональной когнитивной базы обучающихся. Необходимо, чтобы будущие врачи не только осваивали профессиональные компетенции, но и вдохновлялись великим наследием медицины. Клиническая медицина – это не только технологии, но и культура, традиции, духовный поиск. И только объединяя науку с гуманитарным знанием, можно стать по-настоящему мудрым врачом, способным понимать не только болезнь, но и человека [1].

При этом в процессе обучения в рамках работы Психологического центра вуза необходимо оказывать психологическую поддержку с целью своевременной коррекции психологических проблем, а также повышения учебной и познавательной мотивации студентов.

Выводы

Предлагаемые авторами подходы к оптимизации формирования профессиональной культуры предоставят студентам-медикам практические инструменты для уверенного применения знаний в клинической практике, точной дифференциации заболеваний, выбора оптимальных схем лечения и достижения профессионального мастерства, что в конечном итоге способствует повышению качества личной эффективности в будущей профессии врача.

Список источников

1. Абоимова А.С., Бакшеев А.И., Александрова И.Б., Ракитянская А.В., Анкудинов Н.В. Культура современной молодежи: социальный аспект и основные тенденции развития // Социология. 2023. № 3. С. 257 – 262.

2. Алексеева Е.Н., Лапшин В.А., Сорокопуд Ю.В. Современные подходы к формированию личности будущих молодых специалистов в условиях высшего и среднего профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1. С. 217 – 219.

3. Белоновская И.Д., Неволина В.В. Педагогическое сопровождение профессионального саморазвития современного студента // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 5 (223). С. 12 – 18. DOI: 10.25198/1814-6457-223-12

4. Васюхневич И.А., Хвощ Р.Н. Особенности формирования профессиональной культуры у иностранных студентов медицинского вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82-1. С. 87 – 90.

5. Громакова Н.В., Плотникова И.Е. Педагогические условия формирования коммуникативной культуры студентов медицинского вуза в контексте цифровой транформации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 6. С. 634 – 640.

6. Костикова Л.П., Сиваков М.А., Илюшина А.В. Формирование профессиональной идентичности: предпочтения и оценки студентов медицинского вуза // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 85 – 101. DOI: 10.32744/pse.2023.2.5

7. Липатова Е.Г. Формирование профессиональной коммуникативной культуры будущего врача в рамках компетентностного подхода // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. № 9 (32). С. 47 – 58. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.32.04

8. Новикова Т.О., Потапова Е.А., Сахно Л.В., Колтунцева И.В. Особенности профессионального самоопределения студентов медицинского вуза // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2023. № 4 (52). С. 84 – 97. DOI:10.33029/2220-8453-2023-14-4-84-97

9. Нукештаева К.Е., Кубекова А.С. Современные ценностные ориентации студентов-медиков // Медицина и экология. 2019. № 2 (91). С. 12 – 18.

10. Ронжина Н.А. Саморазвитие студентов-медиков // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 2. С. 375 – 377. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0084

11. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Значение литературы и искусства в становлении и гуманизации личности будущего врача // Сеченовский вестник. 2013. № 2. С. 2 – 5.

12. Чумаков В.И., Чумаков И.В. Саморазвитие студента – будущего врача в условиях образовательной среды медицинского ВУЗа // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. № 2. С. 23 – 29. DOI:10.15829/1728-8800-2022-3500

References

1. Aboimov A.S., Baksheev A.I., Aleksandrova I.B., Rakityanskaya A.V., Ankudinov N.V. Culture of modern youth: social aspect and main development trends. Sociology. 2023. No. 3. P. 257 – 262.

2. Alekseeva E.N., Lapshin V.A., Sorokopud Yu.V. Modern approaches to the formation of the personality of future young specialists in the context of higher and secondary vocational education. The world of science, culture, education. 2022. No. 1. P. 217 – 219.

3. Belonovskaya I.D., Nevolina V.V. Pedagogical support for professional self-development of a modern student. Bulletin of the Orenburg State University. 2019. No. 5 (223). P. 12 – 18. DOI: 10.25198/1814-6457-223-12

4. Vasyukhnevich I.A., Khvoshch R.N. Features of the Formation of Professional Culture of Foreign Students of a Medical University. Problems of Modern Pedagogical Education. 2024. No. 82-1. P. 87 – 90.

5. Gromakova N.V., Plotnikova I.E. Pedagogical Conditions for the Formation of the Communicative Culture of Medical Students in the Context of Digital Transformation. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 8. No. 6. P. 634 – 640.

6. Kostikova L.P., Sivakov M.A., Ilyushina A.V. Formation of Professional Identity: Preferences and Assessments of Medical Students. Prospects of Science and Education. 2023. No. 2 (62). P. 85 – 101. DOI: 10.32744/pse.2023.2.5

7. Lipatova E.G. Formation of professional communicative culture of future doctors within the framework of the competence-based approach. Issues of teaching methods at the University. 2020. No. 9 (32). P. 47 – 58. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.32.04

8. Novikova T.O., Potapova E.A., Sakhno L.V., Koltuntseva I.V. Features of professional self-determination of medical university students. Medical education and professional development. 2023. No. 4 (52). P. 84 – 97. DOI:10.33029/2220-8453-2023-14-4-84-97

9. Nukeshtaeva K.E., Kubekova A.S. Modern value orientations of medical students. Medicine and Ecology. 2019. No. 2 (91). P. 12 – 18.

10. Ronzhina N.A. Self-development of medical students. Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2019. Vol. 8, No. 2. P. 375 – 377. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0084

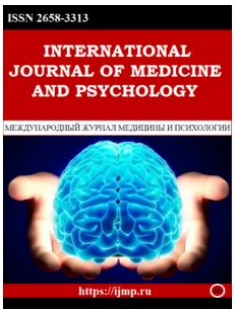
11. Sokol A.F., Shurupova R.V. The importance of literature and art in the formation and humanization of the personality of a future doctor. Sechenov Bulletin. 2013. No. 2. P. 2 – 5.

12. Chumakov V.I., Chumakov I.V. Self-development of a student – future doctor in the educational environment of a medical university. Cardiovascular Therapy and Prevention. 2022. No. 2. P. 23 – 29. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3500

Информация об авторах

Тихонова Н.В., кандидат медицинских наук, доцент, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации
Чупина В.Б., кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации
Сабанова А.О., старший преподаватель, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации
Ахмедова А.И., Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации

© Тихонова Н.В., Чупина В.Б., Сабанова А.О., Ахмедова А.И., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-108-114

[1] Тхагалижокова Л.В.,
[1] Кубанский государственный университет

Классификация кейс-технологий в работе с персоналом организации

Аннотация: в статье представлена типология и принципы проектирования кейсов в контексте работы с персоналом организации. Описаны основные классификации кейсов по целям, содержанию и временной структуре: учебные (с формированием проблемы и без), прикладные и иллюстративные; сюжетные и бессюжетные; кейсы «от прошлого к настоящему», кейсы-воспоминания и прогностические. Для каждой группы приведены задачи, форматы применения и ожидаемые эффекты – развитие коммуникативных и управленческих компетенций, улучшение бизнес-процессов и создание прикладных продуктов. Выделены виды кейсов по целям работы с персоналом: обучение анализу и оценке, обучение решению проблем и принятию решений, иллюстрация проблем и концепций. Приведены критерии выбора кейса в зависимости от задач, например ролевые и симуляционные кейсы для обучения управлению конфликтами. Статья полезна для педагогов и практиков по работе с персоналом при разработке эффективных кейсов для развития сотрудников.

Ключевые слова: учебный кейс, кейс с формированием проблемы, кейс без формирования проблемы, прикладной кейс, иллюстративный кейс, сюжетный кейс, бессюжетный кейс, кейс в режиме от прошлого к настоящему, кейс-воспоминание, прогностический кейс, критерии выбора кейса

Для цитирования: Тхагалижокова Л.В. Классификация кейс-технологий в работе с персоналом организации // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 108 – 114. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-108-114

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Tkhagalizhokova L.V.,
[1] Kuban State University

Classification of case technologies in working with staff of the organization

Abstract: the article presents the typology and principles of case design in the context of working with organizational personnel. The article describes the main classifications of cases based on their objectives, content, and temporal structure: educational (with and without problem-solving), applied, and illustrative; story-based and storyless; "from past to present" cases; and memory and prognostic cases. For each group, objectives, application formats, and expected effects are provided: development of communication and management skills, improvement of business processes, and creation of applied products. The following types of cases are identified based on the objectives of working with personnel: training in analysis and evaluation, training in problem solving and decision making, and illustration of problems and concepts. The article provides criteria for selecting a case based on the objectives, such as role- playing and simulation cases for conflict management training. It is useful for educators and HR practitioners when developing effective case studies for employee development.

Keywords: educational case, case with problem formation, case without problem formation, applied case, illustrative case, story case, storyless case, case in the past-to-present mode, memory case, prognostic case, case selection criteria

For citation: Tkhagalizhokova L.V. Classification of case technologies in working with staff of the organization. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 108 – 114. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-108-114

The article was submitted: July 5, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Разнообразие подходов к использованию кейс-технологий в образовательном процессе обуславливает наличие множества их типологий [1]. Наиболее востребованным подходом является классификация, базирующаяся на критериях сложности материала и операционной доступности метода [2]. Согласно данной систематизации кейсы разделяют на учебные и прикладные.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил комплекс методов теоретического анализа, направленных на изучение и структурирование существующих подходов к классификации кейс-технологий.

В качестве материала исследования послужили публикации в профильных научных изданиях и методические рекомендации, посвященные вопросам использования кейс-метода в управлении персоналом.

Результаты и обсуждения

Учебные кейсы ориентированы на освоение компетенций через процесс решения конкретной задачи. В данной группе выделяют:

– кейсы с эксплицитно сформулированной проблемой. В таких сценариях четко и однозначно описывается ситуация в определенный временной отрезок, при этом ключевые противоречия четко обозначены. Основная задача обучающегося заключается в диагностике текущей ситуации и разработке самостоятельного решения выявленной проблемы;

– кейсы с имплицитной проблемы (без предварительного формирования проблемы). Данный тип характеризуется более высокой степенью сложности: дефицит информации или противоречие не декларируется напрямую, а реконструируется на основе статистической информации, результатов социологических исследований или официальных данных. Целевая установка здесь предполагает самостоятельный поиск проблемы, определения векторов ее решения и проведение сравнительного анализа доступных ресурсов.

Рассмотрим пример применения учебного кейса в работе с персоналом. Целью кейса может быть развитие практических навыком коммуникации у менеджеров. Формат кейса: подробное описание ситуации с вопросами для обсуждения, ролевые игры. Ожидаемый эффект: укрепление навыков коммуникации и аргументации.

Прикладные кейсы ориентированы на анализ конкретных практических сценариев и преодоление содержащихся в них противоречий. Их ключевой задачей выступает поиск эффективных стратегий решения выявленной проблемы. Цель такого кейса – поиск путей решения проблемы.

Рассмотрим пример применения прикладного кейса в организации. Целью кейса может быть разработка конкретных решений и внедрение изменений в организационное процессы. Формат кейса: долгосрочный проект с этапами внедрения, пилотирования и оценки. Ожидаемый эффект: прямое влияние на бизнес-процессы, создание прикладных продуктов (политик, программ).

Иллюстративные кейсы – кейсы, направленные на обучение с применением практических методов и материалов. Данный тип кейсов нацелен на формирование у участников навыков применения алгоритмов принятия конкретных решений на базе практических примеров.

В научной литературе выделяется сюжетная классификация кейс-метода. Сюжетные кейсы базируются на повествовании о последовательности событий, включая деятельность объектов и организаций. Это позволяет детально реконструировать заданную ситуацию.

В противовес им, бессюжетные кейсы намерено лишены строго хронологического порядка, так как избыточная детализация сюжета может преждевременно раскрыть логику решения. Подобные кейсы представляют собой массив статистических данных, расчетных показателей и аналитических выкладок. Задача участников в данном случае – посредством диагностики представленных материалов реконструировать контекст и идентифицировать скрытую проблему [3].

По временному параметру кейсы дифференцируются следующим образом:

– ретроспективно-направленные (от прошлого к настоящему). Характеризуются логичной хронологией, что способствует эффективному выявлению причинно-следственных связей;

– кейсы воспоминания. Предлагают обратный ход времени, где информация представлена в виде фрагментарных, зачастую несистемных воспоминаний персонажей. Это усложняет процесс восстановления временных цепочек, превращая анализ в задачу реконструкции и осмысления ситуации в рамках определенной познавательной парадигмы;

– прогностические кейсы. Содержат подробную экспозицию событий недавнего прошлого и текущего момента, ставя перед участниками задачу моделирования оптимальной стратегии поведения субъекта в будущем.

Дополнительно возможно систематизация кейсов исходя из функционального назначения в управлении персоналом. В рамках данного подхода выделяют:

– кейсы, направленные на развитие аналитических и оценочных компетенций;

– кейсы, ориентированные на отработку навыков решения проблем и принятия решений;

– иллюстративные кейсы, демонстрирующие конкретную проблему, способ ее устранения и теоретическую концепцию в целом [4].

Рассмотри критерии выбора кейса в зависимости от целей работы с персоналом:

– для обучения навыкам управления конфликтами могут использоваться ролевые и симуляционные кейсы с межличностными сценариями;

– для совершенствования процессов найма используют аналитические кейсы с метриками, воронками и качественными интервью;

– для подготовки к реорганизации применяют макроуровневые реальные кейсы с сценариями изменения и картами заинтересованных лиц;

– для развития лидеров могут быть эффективными комплексные сложные кейсы, объединяющие стратегию, культуру и мотивацию.

Различия в составе источников позволяют классифицировать кейсы по степени их воздействия, выделяя три типа: практические (отражающие реальность), обучающие (ориентрированные на обучение) и научно-исследовательские (направленные на поиск знаний).

Практический кейс представляет собой детализированную модель реальной ситуации. Его прикладная ценность заключается в возможности проведения тренингов и отработки моделей поведения. Ключевым основанием к таким кейсам является их высокая степень наглядности, обеспечивающая переход от теоретического познания к эффективной практике.

Исследовательский кейс, в свою очередь, выступает как модель для получения новых эмпирических данных. Его образовательная функция сосредоточена на развитии навыков моделирования в научной среде. Разрабатываясь в рамках определенной теоретической концепции такой кейс позволяет участникам верифицировать гипотезы путем анализа фактов и источников [5]. Благодаря доминированию исследовательской функции, данный тип кейсов эффективен как инструмент научно-исследовательской работы и повышения профессионального уровня специалистов.

Подобное же свойственно и для исследовательского кейса. Его основной смысл заключается в том, что он выступает моделью для получения нового знания о ситуации и поведений в ней. Обучающая функция кейса в данном случае сводится к обучению навыкам научного исследования посредством применения метода моделирования. Исследовательский кейс разрабатывается на основе определённой теоретической концепции. В исследовательском кейсе участники работают над утверждением или подтверждением какой-либо теории. Изучают факты и имеющиеся по теме источники и на основе проведенного исследования выдвигают свои выводы [5]. Поэтому применять его лучше как метод повышения квалификации или профессиональной переподготовки специалистов. Доминирование исследовательской функции позволяет достаточно эффективно использовать подобные кейсы в научно-исследовательской деятельности.

Рассмотрим пример практического кейса. Целью кейса может быть оценка компетенций (ассесмент, развитие лидерского резерва). Формат кейса: центры оценивания, ролевые игры, кейс-сценарии с критериями оценки. Ожидаемый эффект: объективная оценка потенциала, разработка плана развития.

Рассмотрим пример применения исследовательского кейса в работе с персоналом организации. Целью кейса может быть получение знаний о текущем состоянии процессов и выявление причин проблем. Формат: кейсы с метриками, опросами, результатами исследований; требуют аналитической работы. Ожидаемый эффект: формализация проблемы, количественная и качественная оценка.

Классификация кейсов по характеру действующего субъекта позволяет выделить следующие типы:

– персональные (личностные), характеризующиеся центральной ролью конкретного лица (например, управленца, политического деятеля или руководителя);

– организационно-институциональные, где основным действующим субъектом выступает организация, предприятие или его структурное подразделение;

– многоагентные, предполагающие вовлеченность в процесс взаимодействия несколько различных субъектов.

Рассмотрим примеры кейсов с разными субъектами в организации. Так в фокусе внимания личностного кейса может быть поведение отдельных сотрудников, их мотивация и компетенции.

Многосубъектный кейс может описывать команды и подразделения, групповую динамику, межфункциональные взаимодействия. Многосубъектный кейс будет эффективным в решении или изучении проблем низкой производительности команды, проблем в кросс-функциональной команде.

Фокус внимания организационно-институционального кейса – организационная структура, организационная культура, стратегия персонала. Такие кейсы будут эффективны в ситуациях необходимости глобальной трансформации или масштабной реорганизации.

Формат кейсов варьируется от кратких описаний объемом в несколько предложений до объемных многостраничных материалов. При этом стоит учитывать, что чрезмерная детализация и большой объем текста могут затруднить процесс анализа, особенно для респондентов, впервые сталкивающихся с данным методом. Содержание кейса может варьироваться от описания единого инцидента в конкретной организации до ретроспективного анализа развития целого ряда компаний.

В зависимости от объема выделяют следующие типы кейсов:

− мини-кейсы. Объем от трех страниц, характеризуются отсутствием визуальных материалов (иллюстраций, графиков) и минимальным количеством методических указаний. Данный формат обычно применяется для иллюстрации теоретических положений и проверки узкоспециализированных компетенций;

− кейсы средних размеров. Могут достигать двенадцать страниц и включают в себя ряд графических элементов. Методический инструментарий в таких кейсах представлен в обобщенном виде [6]. Они ориентированы на коллективное обсуждение и зачастую требуют от участников предварительного изучения материала;

− полноформатные (гарвардские) кейсы: характеризуются объемом свыше двадцати страниц, наличием развернутых методических рекомендаций и значительным количеством вспомогательных материалов (более 10 таблиц и рисунков). Ключевой особенностью является необходимость критической фильтрации избыточного объема данных. Работа с такими кейсами предполагает длительную командную деятельность с последующей презентацией выводов.

Единого стандарта оформления кейсов не существует. Традиционно они распространяются на печатных или электронных носителях. Использование визуализации (диаграмм, таблиц, фотографий) существенно повышает наглядность материала. При этом работа с текстовой или статистической цифровой информацией объективно эффективнее, чем с аудио- и видеоматериалами, поскольку ограниченные возможности интерактивного просмотра мультимедиа могут привести к неверной интерпретации данных. Тем не менее, современная тенденция указывает на рост популярности мультимедейных кейсов, которые интегрируют преимущества текста и интерактивного видеоряда, нивелируя указанные недостатки [7].

По формату представления кейсы классифицируются на:

− текстовые;

− электронные;

− аудиокейсы;

− видеокейсы.

Дополнительно кейсы разделяют на кейсы с приложениями и без них. Наличие приложений, как правило, направлено на развитие навыков статистического анализа и проведения расчетов [8].

По структуре методического блока выделяют:

− вопросные кейсы, предполагающие поиск ответов на поставленные вопросы;

− кейс-задания, ориентированные на решение конкретной проблемы или выполнение определенной задачи.

Также существует классификация по способу подачи материала, включающая такие формы, как:

− эссе;

− статистический массив данных;

− повествование (рассказ);

− очерк;

− журналисткое расследование;
− пакет документов;
− аналитическая записка [9].

Доктор экономических наук Л.Л. Игонина предлагает классифицировать кейсы по назначению, объему и структуре содержания (табл. 1).

Таблица 1

Типология кейсов.

Table 1

Case typology.

Признаки классификации	Типы кейсов
по степени сложности	иллюстративные учебные с формулировкой проблемы учебные без формулировки проблемы прикладные
по цели и задачам обучения	обучающие анализу и оценке обучающие решению проблем и принятию решений иллюстрирующие проблему, решение или концепцию в целом
по назначению	описательные аналитические связанные с принятием решений
по субъекту кейса	личностные организационно-институциональные многосубъектные
по информативности	структурированные неструктурированные фрагментарные первооткрывательские
по составу	с приложениями без приложений
по типу методической части	вопросные кейсы кейс-задания

Источник: составлено автором на основании [1].
Source: compiled by the author based on [1].

Особое место в методологической литературе занимает классификация, предложенная Н. Федяниным и В. Давиденко. Авторы, опираясь на применение зарубежных образовательных практик, выделяют три типа кейс-материалов, различающихся по степени сложности и требуемом уровню когнитивной активности обучающихся.

Структурированные кейсы характеризуются высокой степенью детерминированности. В них представляется ограниченный объем данных, что требует от участника строгого применения заданных алгоритмов, моделей или математических формул. Особенностью данного типа является наличие объективно корректного, единственного решения.

Мини-кейсы (формат «набросков») представляет собой краткие сценарии объемом от 1 до 10 страниц текста с минимальным набором приложений (1-2 страницы). Данный формат нацелен на первичное ознакомление с концептуальным аппаратом, при этом успех анализа во многом зависит от базовой подготовки и эрудиции самого участника.

Развернутые структурированные кейсы ориентированы на комплексную исследовательскую деятельность. Работа с такими материалами требует от обучающихся не только синтеза имеющихся теоретических знаний и практических навыков, но и способности к генерации оригинальных гипотез. В этом процессе и ведущий, и обучающиеся переходят из ролей «ученик-наставник» в статус полноправных исследователей.

Параллельно с типологией по объему в научной среде обсуждается концепция динамики кейса, разделяющая их на «мертвые» и «живые». Под «мертвыми» кейсами понимают замкнутые системы, содержащие исчерпывающий набор данных, не требующий выхода за пределы предоставленного текста. Напротив «живые» кейсы строятся по принципу открытой системы: их архитектура намеренно провоцирует участников на поиск внешних источников дополнительной аналитической информации. Именно такая модель обеспечивает высокую актуальность кейса и способствует развитию навыков самостоятельного исследования [10].

В работе с персоналом организации кейсы можно классифицировать по предметной направленности:

− кейсы по набору и адаптации персонала. Могут быть актуальными в ситуациях, связанных с привлечением сотрудников;

− кейсы по мотивации и вознаграждению. В фокусе внимания таких кейсов ситуации, касающиеся схем оплаты, бонусов, нематериальной мотивации;

− кейсы по обучению и развитию направлены на развитие компетенций, планирование карьерных треков, оценку эффективности обучения;

− кейсы по организационной культуре и климату. В их фокусе внимания проблемы ценностей, норм, коммуникаций и социального климата;

− кейсы по управлению эффективностью и оценке персонала. Могут быть актуальными в ситуациях неработающей аттестации и субъективных оценок, отсутствия прозрачности оценки;

− кейсы по внутренним коммуникациям направлены на изучение каналов, частоты, качества и прозрачности коммуникаций внутри организации;

− кейсы по конфликтам и трудовым отношениям. Могут быть направлены на анализ и разрешение межличностных и коллективных конфликтов, трудовых споров, нарушения дисциплины;

− кейсы по изменению структуры и реорганизациям. В фокусе внимания таких кейсов вопросы реструктуризации, объединения и оптимизации штата.

Также в работе с персоналом организации кейсы можно классифицировать по участникам и их ролям:

− кейсы для специалистов службы управления персоналом (улучшение привлечения, оптимизация затрат на персонал);

− кейсы для линейных менеджеров (удержание ключевых сотрудников, улучшение эффективности команд);

− кейсы для топ-менеджмента (изменение организационной структуры, слияния и поглощения);

− межфункциональные кейсы (взаимодействия службы управления персоналом с продажами, IT, производством) [11].

Классификация кейсов позволяет структурировать подход к обучению, диагностике и внедрению изменений. Выбор типа кейса должен опираться на цель (обучение, диагностика, внедрение), уровень анализа (индивид, команда, организация), формат представления (описательный, симуляционный) и степень реальности. Системный подход к подбору и анализу кейсов повышает эффективность работы службы управления персоналом, снижает риски и способствует устойчивому развитию организационного потенциала.

Выводы

В ходе проведенного исследования теоретических основ кейс-технологий были сделаны выводы о многоаспектности их классификации, зависимости выбора конкретного типа кейса от цели его применения и адаптивности технологии.

Установлено, что кейс-метод не является однородным инструментом. Его типология определяется совокупностью критериев: сложностью контента, структурой сюжета (наличием или отсутствием сценария) и целевым назначением (обучающее или прикладное использование).

Выявлено, что выбор конкретного типа кейса напрямую зависит от решаемой задачи. Если для развития аналитический способностей эффективны сложные сюжетные кейсы, то для отработки конкретных навыков более целесообразно использование бессюжетных кейсов.

Проведенная систематизация позволяет рассматривать кейс-технологии как гибкую систему, которую можно адаптировать под различные контексты – от академического обучения до корпоративного обучения персонала.

Список источников

1. Ваганова О.И. Метод кейсов в профессиональном обучении: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2011. 57 с.

2. Долгоруков А.М. Метод case-study как современная технология профессионально ориентированного обучения // Персональный сайт Евгения Волкова: [сайт]. URL: https://evolkov.net/case/case.study.html (дата обращения: 26.04.2025)

3. Варданян М.Р., Палихова Н.А., Черкасова И.И., Яркова Т.А.Практическая педагогика: учебно-методическое пособие на основе метода case-study. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. 188 с.

4. Попова (Смолик) С.Ю., Пронина Е.В. Кейс-стади: принципы создания и использования. Тверь: Изд-во «СКФ-офис», 2015. 114 с.

5. Пянзина Ю.А. Кейс как основной элемент метода обучения case-study // Вестник Курганской ГСХА. 2015. № 1. С. 75 – 76.

6. Кадржанова Г.Б., Смагулова А.Р., Избасарова А.Ш. Опыт проведения преподавания методом CBL (case-based learning) на практическом занятии // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2018. № 3. С. 427 – 429.

7. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов педвузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / под ред. Е.С. Полат. Москва: Издательский центр «Академия», 2002. 272 с.

8. Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения. Москва: Издательский центр «Академия», 2008. 176 с.

9. Репинецкая Ю.С. Применение кейс-технологий в полной средней школе в контексте ФГОС // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 127 – 129.

10. Чернявская А.П. Технологии педагогической деятельности. Часть I. Образовательные технологии: учебное пособие / под общ. ред. А.П. Чернявской, Л.В. Байбородовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. 311 с.

11. Багирова И.Х., Бурыхин Б.С. Кейс-стади как интерактивный метод в образовании студентов-экономистов в процессе изучения дисциплины «Управление персоналом» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3. С. 118 – 129.

References

1. Vaganova O.I. The Case Study Method in Professional Training: A Study Guide. Nizhny Novgorod: VGIPU, 2011. 57 p.

2. Dolgorukov A.M. The Case-Study Method as a Modern Technology of Professionally Oriented Training. Evgeny Volkov's Personal Website: [website]. URL: https://evolkov.net/case/case.study.html (date of access: 26.04.2025)

3. Vardanyan M.R., Palikhova N.A., Cherkasova I.I., Yarkova T.A. Practical Pedagogics: A Study Guide Based on the Case-Study Method. Tobolsk: TGSPA named after D.I. Mendeleyev, 2009. 188 p.

4. Popova (Smolik) S.Yu., Pronina E.V. Case Study: Principles of Creation and Use. Tver: SKF-Office Publishing House, 2015. 114 p.

5. Pyanzina Yu.A. Case as the Main Element of the Case-Study Teaching Method. Bulletin of the Kurgan State Agricultural Academy. 2015. No. 1. P. 75 – 76.

6. Kadrzhanova G.B., Smagulova A.R., Izbasarova A.Sh. Experience of Teaching Using the CBL (Case-Based Learning) Method in a Practical Class. Bulletin of the Kazakh National Medical University. 2018. No. 3. P. 427 – 429.

7. Polat E.S., Bukharkina M.Yu., Moiseeva M.V., Petrov A.E. New Pedagogical and Information Technologies in the Education System: A Textbook for Students of Pedagogical Universities and the System of Advanced Training of Teaching Staff. Ed. by E.S. Polat. Moscow: Academy Publishing Center, 2002. 272 p.

8. Panina T.S., Vavilova L.N. Modern Methods of Activating Learning. Moscow: Academy Publishing Center, 2008. 176 p.

9. Repinetskaya Yu.S. Application of Case Studies in Complete Secondary School in the Context of the Federal State Educational Standard. Samara Scientific Bulletin. 2013. No. 4 (5). P. 127 – 129.

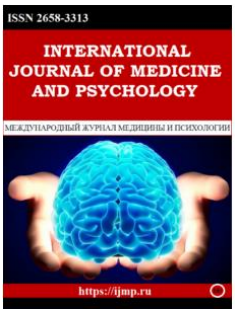
10. Chernyavskaya A.P. Technologies of Pedagogical Activity. Part I. Educational Technologies: A Textbook. Ed. by A.P. Chernyavskaya, L.V. Bayborodova. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Publishing House, 2012. 311 p.

11. Bagirowa I.Kh., Burykhin B.S. Case study as an interactive method in teaching economics students in the process of studying the discipline "Human Resources Management". Bulletin of Tomsk State University. 2012. No. 3. P. 118 – 129.

Информация об авторе

Тхагалижокова Л.В., кандидат психологических наук, старший преподаватель, SPIN-код 7791-9368, Кубанский государственный университет, Lubavk777@mail.ru

© Тхагалижокова Л.В., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-115-122

[1] Шкляр Т.Л.,
[2] Онопченко Е.А.,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
[2] Московский педагогический государственный университет

Семейная идентичность как предиктор тревожности и неуверенности личности

Аннотация: статья посвящена исследованию семейной идентичности как предиктора тревожности и неуверенности личности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления психологических ресурсов, способствующих поддержанию эмоционального благополучия в условиях возрастающей социальной неопределенности. В качестве одного из таких ресурсов рассматривается семейная идентичность, отражающая субъективное переживание принадлежности к семье, эмоциональную связь с ее членами и принятие семейных ценностей. Целью исследования являлось изучение вклада семейной идентичности в объяснение тревожности и неуверенности личности, а также определение ее прогностического значения наряду с особенностями привязанности и переживанием беспокойства. В исследовании приняли участие 189 респондентов в возрасте от 14 до 76 лет. Для сбора эмпирических данных использовались опросные методики, направленные на оценку семейной идентичности, тревожности, неуверенности, особенностей привязанности и беспокойства. Обработка результатов осуществлялась с использованием коэффициента α Кронбаха, корреляционного анализа и множественного линейного регрессионного анализа. Результаты исследования показали высокий уровень надежности применяемых шкал. Установлено, что семейная идентичность выступает статистически значимым отрицательным предиктором тревожности и неуверенности личности. Более высокий уровень семейной идентичности связан со снижением выраженности тревожности и неуверенности, тогда как беспокойство способствует их усилению. Построенные регрессионные модели объясняют соответственно 44,3% вариации тревожности и 48,3% вариации неуверенности. Полученные результаты позволяют рассматривать семейную идентичность как значимый ресурс психологической устойчивости и эмоционального благополучия личности. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных в психологическом консультировании, семейной психотерапии и программах профилактики эмоционального неблагополучия.

Ключевые слова: семейная идентичность, тревожность, неуверенность личности, привязанность, психологическое благополучие, эмоциональная устойчивость

Для цитирования: Шкляр Т.Л., Онопченко Е.А. Семейная идентичность как предиктор тревожности и неуверенности личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 115 – 122. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-115-122

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Shklyar T.L.,
[2] Onopchenko E.A.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics,
[2] Moscow Pedagogical State University

Family identity as a predictor of anxiety and personal insecurity

Abstract: the article examines family identity as a predictor of anxiety and personal insecurity. The relevance of the study is determined by the need to identify psychological resources that contribute to maintaining emotional well-being under conditions of increasing social uncertainty. Family identity is considered one of such resources, reflecting the subjective experience of belonging to a family, emotional connectedness with family members, and the acceptance of family values. The aim of the study was to investigate the contribution of family identity to the explanation of anxiety and personal insecurity, as well as to determine its predictive value alongside attachment characteristics and worry. The study involved 189 participants aged 14 to 76 years. Questionnaire-based methods were used to assess family identity, anxiety, personal insecurity, attachment characteristics, and worry. Data were analyzed using Cronbach's alpha coefficient, correlation analysis, and multiple linear regression analysis. The results demonstrated a high level of reliability of the scales used. Family identity was found to be a statistically significant negative predictor of both anxiety and personal insecurity. Higher levels of family identity were associated with lower levels of anxiety and insecurity, whereas worry was associated with their increase. The regression models explained 44.3% of the variance in anxiety and 48.3% of the variance in personal insecurity. The findings suggest that family identity can be considered an important resource for psychological resilience and emotional well-being. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the results in psychological counseling, family psychotherapy, and programs aimed at preventing emotional maladjustment.

Keywords: family identity, anxiety, personal insecurity, attachment, psychological well-being, emotional resilience

For citation: Shklyar T.L., Onopchenko E.A. Family identity as a predictor of anxiety and personal insecurity. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 115 – 122. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-115-122

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В последние десятилетия проблема психологического благополучия личности привлекает все большее внимание исследователей. Социальная неопределенность, ускорение темпа жизни, усложнение системы социальных взаимодействий и возрастающие требования к адаптационным возможностям человека создают условия для усиления эмоционального напряжения и распространения тревожных состояний. Среди наиболее значимых проявлений эмоционального неблагополучия особое место занимают тревожность и неуверенность, оказывающие влияние на качество жизни, межличностные отношения и успешность социальной адаптации [15; 18]. В связи с этим возрастает интерес к изучению психологических ресурсов, способствующих поддержанию эмоционального благополучия и психологической устойчивости личности.

Одним из таких ресурсов может выступать семейная идентичность. Согласно теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, принадлежность к значимым социальным группам является важным источником формирования представлений человека о себе, поддержания позитивной самооценки и чувства психологической защищенности [7; 8; 10]. Особое место среди социальных групп занимает семья, поскольку она выступает первой социальной средой человека и на протяжении жизни обеспечивает эмоциональную поддержку, принятие и чувство принадлежности.

Семейная идентичность рассматривается как один из компонентов социальной идентичности личности, отражающий субъективное переживание принадлежности к семье, эмоциональную связь с ее членами и принятие семейных ценностей [14; 17]. Исследования показывают, что принадлежность к значимой социальной группе способствует формированию устойчивого образа Я, повышению субъективного благополучия и снижению уровня психологического дистресса [11; 12; 7]. Вместе с тем механизмы влияния семейной идентичности на эмоциональное состояние человека остаются недостаточно изученными.

Особый научный интерес представляет изучение взаимосвязи семейной идентичности с тревожностью и неуверенностью личности. Тревожность рассматривается как относительно устойчивая склонность воспринимать широкий круг жизненных ситуаций как потенциально угрожающие и сопровождается переживанием напряжения, беспокойства и эмоционального дискомфорта [15; 18]. Неуверенность проявляется в сомнениях относительно собственных возможностей, зависимости от внешних оценок и трудностях принятия самостоятельных решений [17]. Согласно теории привязанности Дж. Боулби, устойчивые эмоциональные связи формируют базовое чувство безопасности и доверия к окружающему миру [1; 13]. Исследования К. Хазан и Ф. Шейвер показали, что особенности привязанности оказывают существенное влияние на эмоциональное благополучие и характер межличностных отношений человека [3]. Следовательно, высокий уровень семейной идентичности может выступать фактором, способствующим снижению тревожности и неуверенности за счет переживания эмоциональной поддержки и принадлежности к значимой социальной группе.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных социальной идентичности, привязанности и психологическому благополучию, вопрос о роли семейной идентичности как самостоятельного предиктора тревожности и неуверенности личности остается недостаточно разработанным. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Целью исследования является изучение семейной идентичности как предиктора тревожности и неуверенности личности, а также выявление ее вклада в объяснение индивидуальных различий по данным психологическим характеристикам.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что семейная идентичность выступает значимым психологическим предиктором тревожности и неуверенности личности. Предполагалось, что высокий уровень семейной идентичности связан со снижением тревожности и неуверенности, а также сохраняет самостоятельный вклад в объяснение данных показателей наряду с беспокойством и особенностями межличностной привязанности.

Материалы и методы исследований

Семья традиционно рассматривается как важнейший институт социализации личности и одна из ключевых сред формирования психологического благополучия человека. Именно в семье происходит усвоение социальных норм и ценностей, формируются базовые представления о себе и окружающих людях, развиваются механизмы эмоциональной регуляции и способы построения межличностных отношений [14; 17]. По мнению Э. Эриксона, ранний опыт взаимодействия с близкими людьми оказывает существенное влияние на формирование доверия к миру, чувства безопасности и личностной идентичности [18].

В современной психологии семейная идентичность рассматривается как важный компонент социальной идентичности личности, отражающий субъективную значимость семейной принадлежности, эмоциональную связь с членами семьи и принятие семейных ценностей [14; 17]. Теоретической основой ее изучения выступает теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, согласно которой принадлежность к значимой социальной группе способствует поддержанию позитивного образа Я, повышению самооценки и формированию психологической устойчивости [7; 8]. Осознание себя частью социальной общности позволяет человеку сохранять чувство определенности и непрерывности жизненного опыта даже в условиях социальных изменений и неопределенности [10].

С психологической точки зрения семейная идентичность может рассматриваться как ресурс эмоционального благополучия личности. Согласно теории привязанности Дж. Боулби, устойчивые эмоциональные связи формируют базовое чувство безопасности и доверия к окружающему миру [1; 13]. Эмпирические исследования К. Хазан и Ф. Шейвер показали, что особенности привязанности оказывают существенное влияние на эмоциональное благополучие и характер межличностных отношений человека [3]. В связи с этим семейная идентичность может рассматриваться как фактор, потенциально связанный со снижением тревожности и неуверенности личности, поскольку переживание принадлежности к семье обеспечивает ощущение эмоциональной поддержки, принятия и психологической защищенности.

Помимо семейной идентичности, существенное значение для эмоционального благополучия имеют особенности межличностной привязанности и склонность к переживанию беспокойства. Особенности привязанности определяют характер переживания близости, доверия и эмоциональной зависимости в отношениях с другими людьми [3; 16], тогда как беспокойство рассматривается как один из ключевых когнитивных компонентов тревожности [15]. Учет данных факторов позволяет более полно оценить вклад семейной идентичности в объяснение тревожности и неуверенности личности.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязей между семейной идентичностью, тревожностью и неуверенностью.

В исследовании приняли участие 189 респондентов в возрасте от 14 до 76 лет (M = 35,4 года). В выборку вошли 142 женщины (75,1%) и 47 мужчин (24,9%). Сбор данных осуществлялся в форме анонимного анкетирования. Участие в исследовании носило добровольный характер. Все респонденты были проинформированы о целях исследования и дали согласие на обработку полученных данных в обобщенном виде.

В соответствии с целью исследования изучались особенности семейной идентичности, тревожности, неуверенности, беспокойства и межличностной привязанности. В качестве основных исследуемых переменных рассматривались семейная идентичность, тревожность, неуверенность, избегание в межличностных отношениях и беспокойство.

Для изучения семейной идентичности использовался опросник принадлежности к семье, направленный на оценку субъективного переживания принадлежности к семье, эмоциональной близости с ее членами, принятия семейных ценностей, ощущения поддержки и включенности в семейную систему. Для оценки тревожности применялась шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера [6]. Для оценки неуверенности использовалась шкала самооценки неуверенности личности, включенная в исследовательский инструментарий. Особенности межличностной привязанности изучались с помощью Опросника привязанности к близким людям Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского [16], позволяющего оценить показатели беспокойства и избегания в близких отношениях.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программного пакета jamovi версии 2.6, функционирующего на базе программной среды R [9; 4]. Для оценки внутренней согласованности шкал рассчитывался коэффициент α Кронбаха с использованием пакета psych [5]. Для изучения взаимосвязей между исследуемыми переменными применялся корреляционный анализ. С целью выявления вклада семейной идентичности, избегания и беспокойства в объяснение тревожности и неуверенности был проведен множественный линейный регрессионный анализ с использованием пакета car [2].

Результаты и обсуждения

На первом этапе исследования был проведен анализ надежности используемых шкал. Полученные результаты свидетельствуют о высокой внутренней согласованности применяемого диагностического инструментария (табл. 1).

Таблица 1

Показатели внутренней согласованности исследовательских шкал (α Кронбаха).

Table 1

Indicators of internal consistency of research scales (Cronbach's α).

Шкала	α Кронбаха
Семейная идентичность	0,990
Тревожность	0,926
Беспокойство	0,957
Привязанность	0,873

Наиболее высокий показатель надежности продемонстрировала шкала семейной идентичности (α=0,990). Высокие показатели надежности были также получены для шкал беспокойства (α=0,957), тревожности (α=0,926) и привязанности (α=0,873). Полученные значения позволяют считать используемый диагностический инструментарий надежным и пригодным для решения поставленных исследовательских задач.

Для определения вклада семейной идентичности, избегания и беспокойства в объяснение тревожности личности был проведен множественный линейный регрессионный анализ (табл. 2). Полученная модель оказалась статистически значимой (F=49,1; p<0,001) и объясняла 44,3% дисперсии показателя тревожности ($R^2 = 0,443$).

Таблица 2

Результаты множественного линейного регрессионного анализа тревожности.

Table 2

Results of multiple linear regression analysis of anxiety.

Предиктор	B	SE	β	t	p
Константа	43,759	4,057	–	10,787	< 0,001
Семейная идентичность	-0,049	0,009	-0,298	-5,161	< 0,001

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Избегание	0,024	0,043	0,032	0,563	0,574
Беспокойство	0,276	0,029	0,531	9,376	< 0,001

Примечание: B – нестандартизированный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка коэффициента; β – стандартизированный коэффициент регрессии. Зависимая переменная – тревожность. Модель статистически значима: $F(3,185) = 49,1$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,443$.
Note: B is the unstandardized regression coefficient; SE is the standard error of the coefficient; β is the standardized regression coefficient. The dependent variable is anxiety. The model is statistically significant: $F(3,185) = 49.1$; $p < 0.001$; $R^2 = 0.443$.

Анализ коэффициентов регрессии показал, что семейная идентичность является статистически значимым отрицательным предиктором тревожности (β = -0,298; p<0,001), тогда как беспокойство выступает наиболее сильным положительным предиктором данного показателя (β=0,531; p<0,001). Переменная избегания не продемонстрировала статистически значимого вклада в объяснение тревожности (β = 0,032; p = 0,574).

На следующем этапе был проведен множественный линейный регрессионный анализ для показателя неуверенности личности (табл. 3). Полученная модель также оказалась статистически значимой (F = 57,6; p<0,001) и объясняла 48,3% дисперсии изучаемого признака (R^2 = 0,483).

Таблица 3

Результаты множественного линейного регрессионного анализа неуверенности личности.

Table 3

Results of multiple linear regression analysis of personality insecurity.

Предиктор	B	SE	β	t	p
Константа	21,489	5,557	–	3,870	< 0,001
Семейная идентичность	-0,036	0,013	-0,154	-2,770	0,006
Избегание	-0,064	0,059	-0,059	-1,090	0,277
Беспокойство	0,474	0,040	0,641	11,760	< 0,001

Примечание: B – нестандартизированный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка коэффициента; β – стандартизированный коэффициент регрессии. Зависимая переменная – неуверенность личности. Модель статистически значима: $F(3,185) = 57,6$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,483$.
Note: B is the unstandardized regression coefficient; SE is the standard error of the coefficient; β is the standardized regression coefficient. The dependent variable is personal insecurity. The model is statistically significant: $F(3,185) = 57.6$; $p < 0.001$; $R^2 = 0.483$.

Результаты анализа показали, что семейная идентичность является статистически значимым отрицательным предиктором неуверенности личности (β = -0,154; p = 0,006). Наиболее сильным положительным предиктором неуверенности выступило беспокойство (β = 0,641; p < 0,001). Вклад показателя избегания в объяснение неуверенности не достиг уровня статистической значимости (β = -0,059; p = 0,277).

Таким образом, результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что более высокий уровень семейной идентичности связан с меньшей выраженностью тревожности и неуверенности личности. В свою очередь беспокойство выступает наиболее значимым фактором, связанным с повышением данных психологических характеристик. Показатель избегания не продемонстрировал самостоятельного статистически значимого вклада ни в одну из построенных регрессионных моделей.

Полученные результаты позволяют рассматривать семейную идентичность как значимый психологический ресурс эмоционального благополучия личности. Установлено, что высокий уровень субъективного переживания принадлежности к семье связан со снижением тревожности и неуверенности, что подтверждает предположение о важной роли семейной принадлежности в поддержании психологической устойчивости человека.

С позиций теории социальной идентичности принадлежность к значимой социальной группе обеспечивает чувство определенности, непрерывности жизненного опыта и устойчивости представлений о себе [7; 8; 10]. Семья является одной из первых и наиболее значимых социальных групп, членом которой становится человек. В связи с этим семейная идентичность может выполнять функцию психологической опоры,

обеспечивая ощущение защищенности и снижая восприимчивость личности к внешним стрессовым воздействиям.

Полученные результаты согласуются с представлениями о семье как важнейшем источнике эмоциональной поддержки и психологической безопасности [14; 17]. Осознание собственной включенности в семейную систему, ощущение принятия и доверия со стороны близких людей способствуют формированию чувства защищенности и эмоциональной устойчивости. Данный вывод соответствует положениям теории привязанности Дж. Боулби, согласно которой устойчивые эмоциональные связи выступают основой формирования базового чувства безопасности и доверия к окружающему миру [1; 13]. Аналогичные результаты представлены в исследованиях К. Хазан и Ф. Шейвер, показавших значимость привязанности для эмоционального благополучия и характера межличностных отношений [3]. В подобных условиях снижается вероятность восприятия жизненных ситуаций как угрожающих и уменьшается выраженность тревожных переживаний.

Не менее значимыми представляются результаты, касающиеся взаимосвязи семейной идентичности и неуверенности личности. Неуверенность традиционно рассматривается как характеристика, связанная с недостаточной устойчивостью самоотношения, сомнениями в собственных возможностях и повышенной зависимостью от внешних оценок [15; 17]. Полученные данные позволяют предположить, что семья выступает значимой средой формирования позитивного отношения к себе. Поддержка, уважение и признание со стороны членов семьи создают условия для развития уверенности в собственных силах и формирования более устойчивой самооценки. Данный вывод согласуется с работами Г.М. Андреевой и Е.П. Белинской, в которых социальная идентичность рассматривается как важный источник позитивного образа Я и психологической устойчивости личности [11; 12].

Особый интерес представляет тот факт, что наиболее сильным предиктором как тревожности, так и неуверенности выступило беспокойство. Этот результат представляется закономерным, поскольку беспокойство отражает склонность человека к концентрации внимания на потенциальных угрозах и прогнозированию неблагоприятного развития событий [15]. Вместе с тем сохранение статистически значимого вклада семейной идентичности в регрессионных моделях свидетельствует о том, что ее влияние не сводится исключительно к текущему эмоциональному состоянию личности и имеет самостоятельное психологическое значение.

Отсутствие статистически значимого вклада избегания в объяснение тревожности и неуверенности может свидетельствовать о том, что особенности дистанцирования в межличностных отношениях оказывают меньшее влияние на данные характеристики по сравнению с переживанием семейной принадлежности и уровнем беспокойства. Возможно, в исследуемой выборке именно чувство эмоциональной связи с семьей выступает более значимым фактором психологической устойчивости, чем индивидуальные особенности построения близких отношений.

Следует учитывать ряд ограничений проведенного исследования. Во-первых, в выборке преобладали женщины (75,1%), что может ограничивать возможность распространения полученных результатов на более широкую популяцию. Во-вторых, исследование основывалось на использовании самоотчётных методик, что предполагает влияние субъективных оценок респондентов. Кроме того, исследование имеет поперечный дизайн, что не позволяет делать однозначные выводы о причинно-следственных связях между изучаемыми переменными. В связи с этим полученные результаты требуют дальнейшей проверки на более сбалансированных выборках и с использованием дополнительных методов психологической диагностики.

В целом результаты исследования подтверждают значимость семейной идентичности как фактора психологической устойчивости личности. Полученные данные позволяют рассматривать ее не только как элемент социальной самоидентификации, но и как важный психологический ресурс, способствующий снижению тревожности и неуверенности, а также поддержанию эмоционального благополучия.

Выводы

Проведенное исследование было направлено на изучение семейной идентичности как предиктора тревожности и неуверенности личности. Полученные результаты подтвердили выдвинутую гипотезу и показали, что семейная идентичность вносит самостоятельный вклад в объяснение индивидуальных различий по данным психологическим характеристикам.

Установлено, что семейная идентичность выступает статистически значимым отрицательным предиктором тревожности и неуверенности личности. Более высокий уровень субъективного переживания принадлежности к семье, эмоциональной близости с ее членами и принятия семейных ценностей связан с меньшей выраженностью тревожности и неуверенности. В то же время наиболее сильным предиктором исследуемых

характеристик выступило беспокойство, тогда как показатель избегания не продемонстрировал самостоятельного статистически значимого вклада в построенных регрессионных моделях.

Полученные результаты позволяют рассматривать семейную идентичность как значимый ресурс психологической устойчивости и эмоционального благополучия личности. Чувство принадлежности к семье, переживание поддержки и включенности в семейную систему могут выполнять защитную функцию, способствуя снижению тревожности, укреплению уверенности в себе и повышению адаптационных возможностей человека.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении роли семейной идентичности в структуре факторов психологического благополучия личности и расширении представлений о психологических механизмах, связывающих переживание семейной принадлежности с эмоциональным состоянием человека. Практическая значимость результатов определяется возможностью их использования в психологическом консультировании, семейной психотерапии и программах психологической профилактики, направленных на укрепление семейных связей и развитие личностных ресурсов.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение возрастных и гендерных особенностей семейной идентичности, а также анализ ее взаимосвязей с другими показателями психологического благополучия, включая самооценку, жизнестойкость, субъективное качество жизни и психологическую безопасность личности.

Список источников

1. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. 2nd ed. New York: Basic Books, 1982. 411 p.

2. Fox J., Weisberg S. car: Companion to Applied Regression [R package]. 2024. URL: https://cran.r-project.org/package=car (дата обращения: 23.06.2026).

3. Hazan C., Shaver P.R. Romantic Love Conceptualized as an Attachment Process // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. № 3. P. 511 – 524.

4. R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing [Computer software]. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing, 2024. URL: https://www.r-project.org/ (дата обращения: 23.04.2026)

5. Revelle W. psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research [R package]. Evanston, IL: Northwestern University, 2025. URL: https://cran.r-project.org/package=psych (дата обращения: 23.04.2026)

6. Spielberger C.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory (STAI). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1983. 36 p.

7. Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

8. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Ed. W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33 – 47.

9. The jamovi project. jamovi (Version 2.6) [Computer Software]. Sydney, Australia, 2024. URL: https://www.jamovi.org (дата обращения: 23.04.2026)

10. Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: Blackwell, 1987. 239 p.

11. Андреева Г.М. Социальная психология. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 363 с.

12. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Академия, 2009. 301 с.

13. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. 232 с.

14. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2008. 320 с.

15. Маковец Л.А., Смирнова Ю.В. Организация консультирования родителей с целью снижения тревожности детей старшего дошкольного возраста // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 8. С. 51 – 62.

16. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84 – 97.

17. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. 6-е изд. М.: Академический проект, 2019. 736 с.

18. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Питер, 2019. 448 с.

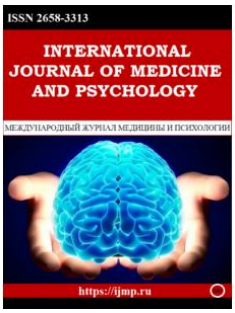
References

1. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. 2nd ed. New York: Basic Books, 1982. 411 p.
2. Fox J., Weisberg S. car: Companion to Applied Regression [R package]. 2024. URL: https://cran.r-project.org/package=car (access date: 06/23/2026).
3. Hazan C., Shaver P.R. Romantic Love Conceptualized as an Attachment Process. Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. No. 3. P. 511 – 524.
4. R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing [Computer software]. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing, 2024. URL: https://www.r-project.org/ (access date: 04/23/2026)
5. Revelle W. psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research [R package]. Evanston, IL: Northwestern University, 2025. URL: https://cran.r-project.org/package=psych (access date: 04/23/2026)
6. Spielberger C.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory (STAI). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1983. 36 p.
7. Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
8. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. The Social Psychology of Inter-group Relations. Ed. W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33 – 47.
9. The jamovi project. jamovi (Version 2.6) [Computer Software]. Sydney, Australia, 2024. URL: https://www.jamovi.org (date of access: 23.04.2026)
10. Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: Blackwell, 1987. 239 p.
11. Andreeva G.M. Social psychology. 5th ed., corrected and enlarged. Moscow: Aspect Press, 2017. 363 p.
12. Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. Social Psychology of Personality. Moscow: Academy, 2009. 301 p.
13. Bowlby J. Creation and Destruction of Emotional Bonds. Moscow: Academichesky Proekt, 2004. 232 p.
14. Karabanova O.A. Psychology of Family Relationships and Fundamentals of Family Counseling. Moscow: Gardariki, 2008. 320 p.
15. Makovets L.A., Smirnova Yu.V. Organization of Parental Counseling to Reduce Anxiety in Senior Preschool Children. Academic Research Journal. 2025. Vol. 3. No. 8. P. 51 – 62.
16. Sabelnikova N.V., Kashirskiy D.V. Questionnaire of Attachment to Close People. Psychological Journal. 2015. Vol. 36. No. 4. P. 84 – 97.
17. Schneider L.B. Family Psychology. 6th ed. Moscow: Academichesky Proekt, 2019. 736 p.
18. Erikson E. Childhood and Society. St. Petersburg: Piter, 2019. 448 p.

Информация об авторах

Шкляр Т.Л., кандидат экономических наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, tlb@mail.ru
Онопченко Е.А., Московский педагогический государственный университет, i@eonopchenko.ru

© Шкляр Т.Л., Онопченко Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.99
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-123-128

[1, 2] Бенькова О.А.,
[1] Сибирский федеральный университет,
[2] Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Связь между активностью в социальных сетях и одиночеством в юношеском возрасте

Аннотация: в статье рассматривается проблема одиночества в юношеском возрасте в контексте активности в социальных сетях. Отмечается, что в науке до сих пор не выработано единого общепринятого определения данного понятия. Выделяются несколько основных подходов к пониманию одиночества: психоаналитический, социологический, экзистенциально-гуманистический, когнитивно-бихевиоральный. Теоретической основой эмпирического исследования является концепция одиночества С.Г. Корчагиной, согласно которой выделяются его четыре вида: отчуждающее, диффузное, диссоциированное и управляемое. В результате эмпирического исследования установлены связи между уровнем активности юношей и девушек в социальных сетях и видами одиночества. Для пользователей юношеского возраста со средним уровнем активности в соцсетях свойственно переживание отчуждающего одиночества, тогда как для юношей и девушек с высоким уровнем активности в соцсетях характерно переживание диссоциированного одиночества.

Ключевые слова: одиночество, диффузное одиночество, отчуждающее одиночество, диссоциированное одиночество, управляемое одиночество, активность в социальных сетях

Для цитирования: Бенькова О.А. Связь между активностью в социальных сетях и одиночеством в юношеском возрасте // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 123 – 128. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-123-128

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1, 2] Benkova O.A.,
[1] Siberian Federal University,
[2] Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

The relationship between social media activity and loneliness in adolescene

Abstract: this article examines the problem of loneliness in adolescence in the context of social media activity. It notes that a single, generally accepted definition of this concept has yet to be developed in science. Several main approaches to understanding loneliness are highlighted: psychoanalytic, sociological, existential-humanistic, and cognitive-behavioral. The theoretical basis of the empirical study is S.G. Korchagina's concept of loneliness, which identifies four types: alienating, diffuse, dissociated, and controlled. The empirical study established links between the level of activity of young men and women on social media and the types of loneliness. Adolescent users with an average level of activity on social networks are characterized by the experience of alienating loneliness, while young men and women with a high level of activity on social networks are characterized by the experience of dissociated loneliness.

Keywords: loneliness, diffuse loneliness, alienating loneliness, dissociated loneliness, managed loneliness, social media activity

For citation: Benkova O.A. The relationship between social media activity and loneliness in adolescene. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 123 – 128. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-123-128

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В современном мире виртуальная среда является не просто дополнением, а зачастую основной ареной для общения, самовыражения и построения отношений. Социальные сети стали привычным инструментом удовлетворения потребности в принадлежности, однако, высокая вовлечённость в них далеко не всегда сопровождается чувством эмоционального благополучия. Напротив, среди современных юношей и девушек нередко встречается внутреннее ощущение изолированности, непонимания и одиночества, даже при интенсивной онлайн-коммуникации.

Юношеский возраст является периодом активного становления идентичности, поиска близких отношений и референтной группы. Именно в этом возрасте одиночество впервые начинает осознаваться как глубинное личностное переживание, связанное с нарушением баланса между двумя фундаментальными механизмами – идентификацией и обособлением.

Согласно концепции С.Г. Корчагиной, одиночество неоднородно: каждый из его видов (диффузное, отчуждающее, диссоциированное, управляемое) имеет качественное своеобразие и требует разных подходов к психологической помощи [4]. Кроме того, Е.М. Бахмат, А.А. Поликарпова подчёркивают, что психологические характеристики чувства одиночества в юношеском возрасте имеют свою специфику, отличающую его от одиночества в других возрастных периодах [1].

С нашей точки зрения, переживание одиночества в юношеском возрасте может по-разному проявляться в виртуальной среде и быть по-разному связано с характером активности в социальных сетях. Так, один молодой человек может «растворяться» в соцсетях, теряя границы собственного «Я» (диффузное одиночество), другой – использовать их лишь для формальных, поверхностных контактов, избегая эмоциональной близости (отчуждающее одиночество), третий – одновременно стремиться к общению и испытывать невозможность его установить (диссоциированное одиночество).

Материалы и методы исследований

Несмотря на большое количество исследований по проблеме одиночества, в науке до сих пор не выработано единого общепринятого определения этого понятия. Одни авторы рассматривают его как нормативное возрастное явление, другие – как психопатологический симптом, третьи – как экзистенциальную данность человеческого бытия.

В зарубежной психологии сложилось несколько подходов к изучению одиночества. Представители психоаналитического подхода (Зилбург Г., Фрейд З., Фромм-Райхман Ф.) рассматривают одиночество как следствие нарушений в ранних детско-родительских отношениях. Считается, что если ребёнок в младенчестве не получил достаточного количества эмпатийного контакта, то во взрослом возрасте у него формируется устойчивая предрасположенность к переживанию изолированности [9, 6, 10].

В рамках экзистенциально-гуманистического подхода (Мэй Р., Роджерс К., Ялом И.) одиночество понимается как фундаментальное, неустранимое условие человеческого существования [5, 11, 8]. Каждый человек рождается одиноким и умирает одиноким; никто не может до конца понять другого, проникнуть в его внутренний мир. Осознание этого факта, по И. Ялому, порождает экзистенциальную тревогу, которую человек пытается заглушить слиянием с другими, конформным поведением или уходом [8]. Однако истинно зрелая личность умеет принимать своё одиночество как данность и даже находить в нём ресурс для творчества и саморазвития.

Согласно когнитивно-бихевиорального подхода (Перлман Д., Пепло Л.) одиночество возникает не тогда, когда у человека объективно мало контактов, а тогда, когда он оценивает свои социальные связи как недостаточные по сравнению с желаемыми [12]. Иными словами, важна не реальная величина социальной сети, а когнитивное расхождение между «есть» и «хочу». Люди, склонные к негативным атрибуциям (например, «меня никто не любит, потому что я неинтересен»), переживают одиночество острее и дольше.

В рамках социологического подхода Р. Вейса различается два типа одиночества. Социальное одиночество предполагает дефицит широкой сети знакомств, отсутствие компании для совместного времяпрепровождения. Оно снимается вхождением в новую группу (клуб по интересам, спортивную

секцию, студенческое сообщество). Эмоциональное одиночество характеризуется отсутствием глубокой интимной привязанности (партнёра, лучшего друга, близкого родственника). Оно не лечится простым расширением круга общения – нужен конкретный человек, которому можно доверять свои самые сокровенные переживания [2].

В отечественной психологии наиболее целостную, концептуально завершённую теорию одиночества предложила С.Г. Корчагина [3]. В основе этой теории лежит представление о двух фундаментальных психологических механизмах – идентификации и обособлении. Идентификация – это способность человека отождествлять себя с другими людьми, группами, культурными образцами, расширяя границы своего «Я» и обретая чувство принадлежности. Это механизм «мы», позволяющий выходить за пределы собственной эгоцентрической позиции. Обособление – это обратный процесс: выделение себя из социума, осознание своей уникальности, автономии и права на личную территорию; это механизм «я». В здоровой личности оба механизма работают, дополняя друг друга. Человек может и быть «как все», и оставаться самим собой. Если же один из механизмов начинает доминировать, возникает одиночество, причём его конкретный вид зависит от того, какой именно механизм нарушен [4].

Автор С.Г. Корчагина описывает четыре вида одиночества: отчуждающее, диффузное, диссоциированное и управляемое [3].

Отчуждающее одиночество возникает при явном перевесе обособления. Идентификация почти не выходит за пределы собственного «Я». Человек воспринимает себя как отдельного, непонятого, «чужого» среди других. Он может формально общаться, но избегает эмоциональной близости, так как воспринимает её как угрозу своей автономии.

При диффузном одиночестве гипертрофирована идентификация при размытых границах «Я». Человек настолько сильно сливается с мнениями, желаниями и оценками других, что перестаёт различать, где кончается он и начинаются другие. В соцсетях он может выглядеть сверхобщительным, ставить лайки всем подряд, активно что-то комментировать, но внутри ощущает пустоту и непонимание себя. Собственное «Я» становится для него «чужим». Такой человек легко поддаётся манипуляциям, зависим от внешней оценки и часто испытывает стыд или зависть при сравнении себя с другими в социальных сетях.

При диссоциированном одиночестве оба механизма активированы, но действуют «вразнобой». Человек одновременно стремится к близости и боится её, хочет высказаться и немедленно замыкается, нуждается в других и избегает их. Это состояние внутреннего разлада, когда полярные чувства сменяют друг друга с огромной амплитудой.

Управляемое одиночество предполагает осознанное, добровольное уединение, которое человек выбирает для творчества, восстановления сил, молитвы или самоанализа. Здесь нет нарушения баланса – напротив, есть гибкое управление степенью открытости миру и уединённости. Такой вид одиночества не требует коррекции и даже может быть ресурсным [3].

Описанные виды одиночества не являются взаимоисключающими. Один и тот же человек в разных жизненных ситуациях может переживать разные виды одиночества. Кроме того, один вид может быть доминирующим, а другой – ситуативным. Однако, как показывают исследования, у многих людей складывается устойчивый паттерн: например, склонность к диффузному одиночеству в юности может предсказывать созависимые отношения во взрослой жизни.

Одиночество в юношеском возрасте часто рассматривается исследователями не как отклонение, а как необходимый этап становления личности. По мнению Т.Н. Хамитовой, одиночество в юношеском возрасте выполняет конструктивную функцию – оно «толкает» молодого человека к внутреннему диалогу, к постановке экзистенциальных вопросов о смысле жизни, о своём предназначении [7]. Одиночество в юношеском возрасте впервые осознаётся как глубинное личностное переживание, и то, как молодой человек справляется с этим состоянием, во многом определяет его дальнейшее психологическое благополучие. Социальные сети, ставшие неотъемлемой частью жизни современной молодёжи, могут как облегчать, так и усугублять переживание одиночества – в зависимости от того, какие виды активности преобладают и какие личностные особенности имеет пользователь социальных сетей. Именно в соцсетях молодые люди примеряют на себя разные роли, получают обратную связь от аудитории и формируют свой образ.

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение связи между активностью личности в социальных сетях и особенностями переживания одиночества у лиц юношеского возраста. Выборку исследования составили 40 юношей и девушек в возрасте от 18 до 23 лет.

В экспериментальной работе применялся следующий диагностический инструментарий: анкета «Активность личности в виртуальной социальной сети» (авт. Е.И. Косивченко); «Опросник для определения вида одиночества» (авт. С.Г. Корчагина).

Результаты и обсуждения

Согласно анкете «Активность личности в виртуальной социальной сети» у 45% респондентов был выявлен средний уровень активности в социальных сетях, у 55% респондентов – высокий уровень активности. При этом 82,5% участников проводят в социальных сетях время регулярно или чаще. Подавляющее большинство респондентов используют социальные сети для общения (92,5%) и развлечения (90%); 62,5% юношей и девушек используют социальные сети для образовательных целей (поиск полезного контента, связь с преподавателями); 30% респондентов через социальные сети ведут трудовую деятельность (ведение групп, поиск и консультирование клиентов).

Обследование испытуемых по «Опроснику для определения вида одиночества» С.Г. Корчагиной позволило выявить, какой именно вид одиночества преобладает у респондентов. Были зафиксированы как чистые (один доминирующий вид), так и смешанные виды (сочетание двух видов) одиночества. Результаты обследования респондентов по «Опроснику для определения вида одиночества» представлены на рис. 1.

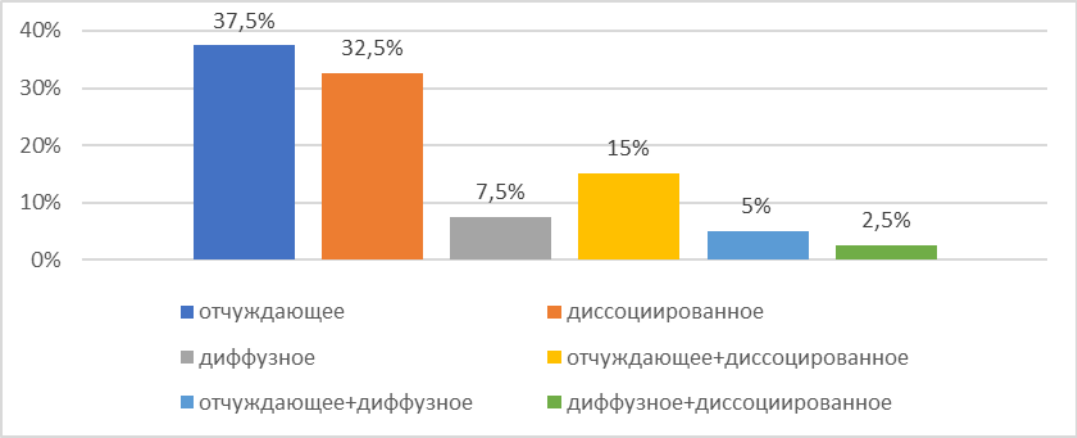

Рис. 1. Виды одиночества у респондентов.
Fig. 1. Types of loneliness among respondents.

Наиболее распространённым в группе обследованных респондентов является отчуждающее одиночество (37,5%), при котором доминирует механизм обособления: человек воспринимает себя как «чужого» среди других, избегает эмоциональной близости, поддерживает лишь формальные контакты. Для 32,5% респондентов характерно диссоциированное одиночество, сочетающее одновременно стремление к близости и её избегание, что приводит к противоречивым, полярным переживаниям. У 7,5% юношей и девушек выявлено диффузное одиночество, характеризующееся размытостью границ «Я», гипертрофированной идентификацией. Для 15% респондентов характерно сочетание отчуждающего и диссоциированного одиночества; у 5% респондентов диагностировано сочетание отчуждающего и диффузного одиночества; для 2,5% свойственно сочетание диффузного и диссоциированного одиночества.

В табл. 1 представлено распределение видов одиночества в группах респондентов с высоким и средним уровнями активности в социальных сетях.

Таблица 1

Распределение видов одиночества в зависимости от уровня активности респондентов в социальных сетях.

Table 1

Distribution of types of loneliness depending on the level of respondents' activity on social networks.

Вид одиночества	Высокий уровень активности в социальных сетях	Средний уровень активности в социальных сетях
Отчуждающее	16,7 %	54,5 %
Диссоциированное	33,3 %	31,8 %
Диффузное	5,6 %	9,1 %
Смешанные формы	44,4 %	4,5 %

В группе респондентов с высоким уровнем активности в социальных сетях преобладают смешанные формы одиночества (44,4%) и диссоциированное одиночество (33,3%). Можем полагать, что высокоактивные пользователи соцсетей чаще демонстрируют противоречивые, амбивалентные паттерны переживания одиночества. Они могут одновременно активно взаимодействовать в сети и испытывать острую неудовлетворённость от этих контактов.

В группе респондентов со средним уровнем активности в социальных сетях доминирует отчуждающее одиночество (54,5%). Такие респонденты менее вовлечены в социальные сети, их активность носит формальный, инструментальный характер (поддержание минимальных контактов), что согласуется с теоретическими представлениями об отчуждающем одиночестве как о состоянии, при котором человек избегает близости и не стремится к расширению круга общения.

Для проверки гипотезы о наличии связи между активностью юношей и девушек в социальных сетях и видами переживаемого ими одиночества был проведён корреляционный анализ; использовался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ). В табл. 2 представлены коэффициенты корреляции Спирмена между уровнем активности респондентов в социальных сетях и видами одиночества (диффузное, отчуждающее, диссоциированное).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Спирмена между уровнем активности респондентов в социальных сетях и видами одиночества.

Table 2

Spearman correlation coefficients between respondents' level of activity on social networks and types of loneliness.

Переменные	ρ	p
Уровень активности в соцсетях – диффузное одиночество	-0,087	0,594
Уровень активности в соцсетях – отчуждающее одиночество	-0,323*	0,041
Уровень активности в соцсетях – диссоциированное одиночество	0,467*	0,301

В результате корреляционного анализа была обнаружена статистически значимая отрицательная связь между уровнем активности респондентов в соцсетях и наличием у них отчуждающего одиночества (ρ = -0,323, p = 0,041). Вероятно, что чем выше активность юношей и девушек в соцсетях, тем реже у них диагностируется отчуждающее одиночество (в чистом или смешанном виде). Следовательно, отчуждающее одиночество с большей вероятностью встречается у респондентов со средним уровнем активности в соцсетях, а высокоактивные пользователи ему подвержены в меньшей степени.

Установлена статистически значимая положительная связь между уровнем активности юношей и девушек в соцсетях и диссоциированным одиночеством (ρ = 0,467, p = 0,301). Вероятно, что чем выше активность юношей и девушек в соцсетях, тем в большей степени у них проявляется диссоциированное одиночество; они испытывают состояние внутреннего разлада, одновременно нуждаясь в других и их избегая, стремясь к близости и боясь её.

Корреляция уровня активности респондентов в соцсетях с диффузным одиночеством не достигает уровня статистической значимости.

Выводы

Проведённое эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы. Вид одиночества статистически значимо связан с уровнем активности юношей и девушек в соцсетях. Отчуждающее одиночество, проявляющееся в избегании близости, формальных контактах, с большей вероятностью встречается у пользователей юношеского возраста со средним уровнем активности в соцсетях, тогда как диссоциированное одиночество, характеризующееся сочетанием стремления к контакту и его избеганием, и смешанные формы одиночества свойственны юношам и девушкам с высокой активностью в соцсетях.

Список источников

1. Бахмат Е.М., Поликарпова А.А. Психологические характеристики чувства одиночества в юношеском возрасте // Психологический vademecum: психологические аспекты интеллектуальной и эмоциональной рефлексии у участников образовательного процесса: сборник научных статей. Витебск, 2025. С. 45 – 49.

2. Вейс Р.С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 114 – 128.

3. Корчагина С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества: монография. М.: Флинта, 2005. 196 с.

4. Корчагина С.Г. Психология одиночества. М.: Флинта, 2008. 228 с.

5. Мэй Р. Человек в поисках себя. СПб.: Питер, 2020. 240 с.

6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

7. Хамитова Т.Н. Переживание чувства одиночества в юношеском возрасте // Вестник магистратуры. 2015. № 4-2 (43). С. 29 – 31.

8. Ялом И. Экзистенциальная психология. М.: РИМИС, 2008. 608 с.
9. Zilboorg G. Loneliness // AtlanticMonthly. 1938. January. P. 45-54.
10. Fromm-Reichmann F. Loneliness // Contemporary Psychoanalysis. 1990. Vol. 26. № 2. P. 364 – 376.
11. Rogers C.R. A way of being. Boston: Houghton Mifflin, 1980. 320 p.
12. Perlman D., Peplau L.A. Loneliness research: a survey of empirical findings // Preventing the harmful consequences of severe and persistent loneliness / eds. L.A. Peplau, S.E. Goldston. Rockville Maryland: National Institute of Mental Health, 1984. 278 p.

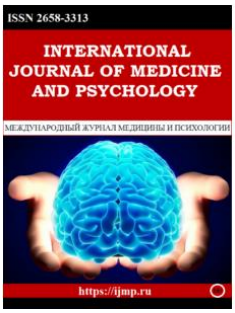
References

1. Bakhmat E.M., Polikarpova A.A. Psychological characteristics of the feeling of loneliness in adolescence. Psychological vademecum: psychological aspects of intellectual and emotional reflection in participants in the educational process: a collection of scientific articles. Vitebsk, 2025. P. 45 – 49.
2. Weiss R.S. Issues in the study of loneliness. Labyrinths of loneliness. edited by N.E. Pokrovsky. Moscow: Progress, 1989. P. 114 – 128.
3. Korchagina S.G. Genesis, types and manifestations of loneliness: monograph. Moscow: Flinta, 2005. 196 p.
4. Korchagina S.G. Psychology of loneliness. Moscow: Flinta, 2008. 228 p.
5. MayR. Man in Search of Himself. St. Petersburg: Piter, 2020. 240 p.
6. Freud Z. Introduction to Psychoanalysis. Lectures. Moscow: Nauka, 1989. 456 p.
7. Khamitova T.N. Experiencing Loneliness in Adolescence. Bulletin of the Magistracy. 2015. No. 4-2 (43). P. 29 – 31.
8. Yalom I. Existential Psychology. Moscow: RIMIS, 2008. 608 p.
9. Zilboorg G. Loneliness. Atlantic Monthly. 1938. January. Pp. 45–54.
10. Fromm-Reichmann F. Loneliness. Contemporary Psychoanalysis. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 364 – 376.
11. Rogers C.R. A way of being. Boston: Houghton Mifflin, 1980. P. 320.
12. Perlman D., Peplau L.A. Loneliness research: a survey of empirical findings. Preventing the harmful consequences of severe and persistent loneliness. eds. L.A. Peplau, S.E. Goldston. Rockville Maryland: National Institute of Mental Health, 1984. 278 p.

Информация об авторе

Бенькова О.А., кандидат психологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

© Бенькова О.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.922.8
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-129-135

[1] Глебова Н.С.,
[1] Челябинский государственный университет

Половозрастные особенности профессионального самоопределения подростков

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования половозрастных особенностей профессионального самоопределения современных подростков. На основе анализа положений возрастной психологии (например, в работах Е.А. Климова) обосновывается актуальность изучения статусов профессиональной идентичности на этапе перехода от детства к юности. Эмпирическую базу составили данные опроса 250 учащихся восьмых и десятых классов трёх общеобразовательных организаций г. Челябинска. Использована методика «Изучение статусов профессиональной идентичности» А. Азбель.

Выявлены значимые различия в распределении статусов профессиональной идентичности в зависимости от возраста и пола респондентов. Установлено, что для восьмиклассников характерно большее разнообразие статусов с преобладанием моратория, тогда как десятиклассники демонстрируют большую сформированность профессионального выбора, что согласуется с возрастными особенностями первичной профессионализации. Обнаружены гендерные различия: девочки-подростки чаще находятся в состоянии кризиса выбора (мораторий), тогда как мальчишки обеих возрастных групп значимо чаще демонстрируют несформированную или навязанную идентичность. Сделан вывод о необходимости учёта половозрастных особенностей при разработке программ психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональная идентичность, подростки, старшеклассники, половозрастные особенности, мораторий, сформированная идентичность, статусы идентичности, гендерные различия

Для цитирования: Глебова Н.С. Половозрастные особенности профессионального самоопределения подростков // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 129 – 135. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-129-135

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Glebova N.S.,
[1] Chelyabinsk State University

Gender and age characteristics of professional self-determination of adolescents

Abstract: the article presents the results of an empirical study of the gender and age characteristics of professional self-determination of modern adolescents. Based on the analysis of the provisions of age psychology (for example, in the works of E.A. Klimov), the relevance of studying the statuses of professional identity at the stage of transition from childhood to adolescence is substantiated. The empirical base consisted of data from a survey of 250 eighth and tenth grade students from three educational institutions in Chelyabinsk. The method of "Studying the statuses of professional identity" by A. Azbel was used.

Significant differences in the distribution of professional identity statuses were revealed depending on the age and gender of the respondents. It has been established that eighth graders are characterized by a greater variety of

statuses with a predominance of the moratorium, while tenth graders demonstrate greater formation of professional choice, which is consistent with the age characteristics of primary professionalization. Gender differences have been found: adolescent girls are more likely to be in a state of choice crisis (moratorium), while boys of both age groups are significantly more likely to demonstrate an unformed or imposed identity. It is concluded that it is necessary to take into account gender and age characteristics when developing programs for psychological and pedagogical support of professional self-determination.

Keywords: professional self-determination, professional identity, adolescents, high school students, gender and age characteristics, moratorium, formed identity, identity statuses, gender differences

For citation: Glebova N.S. Gender and age characteristics of professional self-determination of adolescents. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 129 – 135. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-129-135

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Профессиональное самоопределение подрастающего поколения является одной из центральных задач системы образования, закреплённых на законодательном уровне. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утверждённый приказом Министерства просвещения Российской Федерации, определяет формирование готовности обучающихся к осознанному выбору профессии как один из важнейших личностных результатов освоения основной образовательной программы. В свою очередь, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года акцентирует внимание на необходимости создания условий для профессиональной ориентации и трудового воспитания детей с учётом их индивидуальных и возрастных особенностей. Однако на практике реализация этих положений сталкивается с рядом сложностей, связанных с неравномерностью психологического созревания подростков, различиями в мотивационно-потребностной сфере мальчиков и девочек, а также с влиянием социальной среды [1, 2].

Подростковый возраст, и особенно его завершающий этап, традиционно рассматривается в отечественной психологии как сенситивный период для формирования профессиональной идентичности. В работах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович подчёркивается, что именно в этом возрасте возникают психологические новообразования – чувство взрослости, рефлексия, временная перспектива, которые служат основой для построения жизненных планов. Однако современная социально-экономическая ситуация, характеризующаяся нестабильностью рынка труда, появлением новых профессий и исчезновением традиционных, вносит дополнительные переменные в процесс профессионального самоопределения. В этих условиях изучение половозрастных особенностей становится не только теоретической, но и прикладной задачей, поскольку без учёта этих различий любые программы профориентации рискуют быть малоэффективными.

Несмотря на обилие исследований в области профессионального самоопределения, остаётся недостаточно прояснённым вопрос о том, как именно сочетаются возрастные закономерности и гендерные стереотипы на разных этапах подросткового периода. В частности, требует дополнительного анализа ситуация, когда девочки, опережая мальчиков в темпах психосоциального развития, могут демонстрировать как более осознанный подход к выбору профессии, так и более выраженную тревогу в условиях неопределённости. Настоящее исследование направлено на выявление этих особенностей на основе эмпирических данных, полученных в общеобразовательных организациях крупного промышленного города [3, 4].

Проблема профессионального самоопределения подростков в современных условиях приобретает особую остроту в связи с динамичной трансформацией рынка труда, появлением новых профессий и размыванием традиционных ориентиров выбора, что на фоне неравномерности психосоциального развития мальчиков и девочек создаёт риски формирования несформированной или навязанной профессиональной идентичности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью реализации требований Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования в части подготовки обучающихся к осознанному выбору профессии, а также отсутствием в современной науке целостного представления о том, как именно возрастные закономерности и гендерные различия влияют на статусы профессиональной идентичности на разных этапах подросткового периода [5].

Целью исследования выступает выявление половозрастных особенностей профессионального самоопределения учащихся восьмых и десятых классов общеобразовательных организаций для последующего совершенствования программ психолого-педагогического сопровождения.

Материалы и методы исследований

Эмпирическое исследование проводилось на базе муниципальных общеобразовательных организаций № 53, № 130 и № 137 города Челябинска. Общая численность выборки составила 250 школьников, из которых 173 человека являлись учениками восьмых классов (90 мальчиков и 83 девочки в возрасте от 12 до 14 лет, средний возраст 13 лет) и 77 человек – учениками десятых классов (35 мальчиков и 40 девочек в возрасте от 16 до 17 лет, средний возраст 16,5 лет). В качестве основного диагностического инструментария использовалась методика «Изучение статусов профессиональной идентичности» А. Азбель, позволяющая выделить четыре типа профессиональной идентичности: сформированную, несформированную, мораторий и навязанную. Обработка полученных данных осуществлялась методами описательной статистики с подсчётом абсолютных и относительных частот встречаемости каждого статуса в возрастных и половых подгруппах, а также с применением критерия хи-квадрат Пирсона для оценки значимости различий между группами (уровень статистической значимости принимался при $p<0,05$).

Результаты и обсуждения

Понятие «профессиональное самоопределение» в отечественной науке часто связывают с именем Е.А. Климова, который рассматривал его как процесс формирования индивидуального стиля деятельности и соотнесения своих возможностей с требованиями профессии. Более широкий взгляд представлен в работах Н.С. Пряжникова, где профессиональное самоопределение понимается как часть жизненного самоопределения, включающая в себя ценностно-смысловые аспекты [6, 7].

Для эмпирического изучения этого процесса удобным инструментом выступает понятие «профессиональной идентичности», введённое в научный оборот Дж. Марсией и адаптированное к российским условиям А. Азбель. Согласно этой концепции, выделяют четыре статуса идентичности. Сформированная идентичность означает, что подросток прошёл через период проб и сделал осознанный устойчивый выбор. Мораторий представляет собой состояние активного поиска, перебора вариантов, сопровождающееся внутренним напряжением, но без окончательного решения. Несформированная идентичность характеризуется отсутствием какого-либо выбора и отсутствием интереса к его совершению. Навязанная идентичность возникает тогда, когда выбор сделан под давлением значимых других – родителей, учителей, сверстников, и не является внутренне принятым.

С возрастной точки зрения ожидается, что чем старше подросток, тем более вероятным становится переход от моратория и несформированной идентичности к сформированной. Однако данные разных исследователей расходятся. Одни авторы, в том числе А. Азбель, указывают, что для старшеклассников нормативным является именно состояние моратория как закономерный этап развития. Другие исследователи обнаруживают у значительной части выпускников школ навязанную идентичность, что расценивается как неблагоприятный вариант. Половые различия в этом процессе также неоднозначны. С одной стороны, девочки демонстрируют более высокую познавательную активность и учебную мотивацию, что может способствовать более раннему формированию профессионального плана. С другой стороны, они же более подвержены влиянию социальных ожиданий и чаще сталкиваются с противоречием между карьерой и традиционными гендерными ролями[8].

Всего в исследовании приняли участие 250 школьников, ученики 8 и 10 классов школ № 53, № 130, № 137 г. Челябинска. Среди учеников 8-х классов было опрошено 173 человека, из них 90 мальчиков и 83 девочки от 12 до 14 лет, средний возраст учеников 13 лет. Десятиклассники составили 77 человек, из них 35 мальчиков, и 40 девочек от 16 до 17 лет, средний возраст 16,5 лет.

Согласно результатам исследования по методике «Изучение статусов профессиональной идентичности» А. Азбель [1], было выделено четыре типа профессиональной идентичности: сформированная, несформированная, мораторий, навязанная идентичность. Полученные результаты внесены в таблицу, где значения отражены не только в количественном, но и в процентном соотношении в каждой из групп выборки, а в итоговой строке приведён процентный анализ от общего числа выборки.

Таблица 1

Результаты показателей профессиональной идентичности у подростков 8 и 10 классов.

Table 1

The results of professional identity indicators among adolescents in grades 8 and 10.

Класс, % чел	СИ*	СИ* %	НСИ*	НСИ* %	М*	М %	НИ*	НИ* %	Всего чел
8-100%	50	28,3	32	18,5	85	49,1	6	3,5	173
10-100%	39	50,6	10	13	26	33,7	2	2,6	77
Итого – 100%	89	35,6	42	16,8	111	44,4	8	3,2	250

**СИ – сформированная идентичность, НСИ – несформированная идентичность, М – мораторий, НИ – навязанная идентичность.*

**SI – formed identity, NSI – unformed identity, M – moratorium, NI – imposed identity.*

Исходя из полученных данных, самые высокие показатели у подростков из обеих возрастных групп получились по двум статусам профессиональной идентичности:

1. Мораторий – кризис выбора, подбор подходящих вариантов, активный поиск профессии, но без окончательного выбора 111 из 250 человек.
2. Сформированная идентичность, осознанный и устойчивый выбор 89 из 250 человек.

Получилось, что большинство подростков, как в 8, так и в 10 классах, находится в кризисе профопределения, другие демонстрируют профессиональную определённость. Остальные статусы профессиональной идентичности оказались минимально выраженными. Несформированная идентичность – 42 из 250 человек, и навязанная идентичность – 8 из 250 человек. Схожие результаты есть в работе Н.В. Соловьёвой [104] со старшеклассниками по этой методике, преобладание статуса моратория. И, как указывает исследователь, в концепции самого автора методики – А. Азбель, эти два фактора и являются «нормативными и адекватными» для старшеклассников. Далее, мы приведём отдельные сравнение по выраженным статусам профессиональной идентичности и по полу в каждой группе.

Таблица 2

Типы профессиональной идентичности у подростков 8 классов.

Table 2

Types of professional identity in 8th grade adolescents.

Профессиональная идентичность		пол		Всего
		мальчики	девочки	
статусы	несформированная	25	7	32
	навязанная	5	1	6
	мораторий	35	50	85
	сформированная	26	24	50
Всего		91	82	173

Анализ таблиц сопряженности выявил значимые различия (Хи-квадрат Пирсона=12,432, при p=0,006).

По данным табл. 2, сформированная идентичность, как у девочек (24), так и у мальчиков (26), сформирована примерно одинаково, с разницей всего на двух представителей мужского пола. Получено, что представители обоих полов могут представлять себе благополучное профессиональное самоопределение.

Статус мораторий показал более серьёзный перевес в сторону представительниц женского пола на 15 человек – 35 мальчиков, 50 девочек.

Допускаем, что диссонанс в статусе «мораторий» может быть связан с фактами по ряду исследований по гендерным различиям в подростковом возрасте: у девочек более выражена познавательная активность, они желают знать о предмете больше и шире, чем мальчики, соответственно, познавая больше, они, возможно, испытывают большую неопределенность в будущем профессиональном выборе. Мальчики напротив, не привыкли сомневаться в себе и зачастую транслируют уверенность в себе и силу и сомневаются в себе меньше, чем девочки.

Несформированная идентичность выявлена у 32 подростков: у 25 мальчиков и у 7 девочек. Навязанная идентичность обнаружена у 6 подростков, у 5 мальчиков и у 1 девочки.

По этим показателям можно предположить, что психологическое взросление девочек проходит быстрее, они быстрее становятся автономными от мнения взрослых, чем мальчики, соответственно, к принятию мнения старших мальчики более склонны, чем девочки, что также обнаружила и описала в своей работе по гендерным различиям мотивов учения в подростковом возрасте Е.А. Тарабукина.

По десятиклассникам полученные данные приведены в табл. 3.

Таблица 3

Статусы профессиональной идентичности у подростков 10 классов.

Table 3

Professional identity statuses among 10th grade adolescents.

Профессиональная идентичность		пол		Всего
		мальчики	девочки	
статусы	несформированная	4	6	10
	навязанная	1	1	2
	мораторий	9	17	26
	сформированная	22	17	39
Всего		35	41	77

По статусу сформированной идентичности так же, как и в 8 классах, у 10 классов, присутствует небольшая количественная разница по полу, мальчиков больше на 5 человек, чем девочек (17 девочек и 22 мальчика). Анализ таблиц сопряженности на выявил значимых различий в типах профессиональной идентичности у подростков разного пола (Хи-квадрат=3,831 при p=0,280)

По статусу «мораторий» девочек на 9 больше (17), чем мальчиков (9). Девочки также показывают высокие более высокие показатели кризиса самоопределения. В числе причин низкого «моратория» у мальчиков - десятиклассников можем допустить несколько выявленных фактов различий в образовании. Например, М.Е. Баскакова отмечает, что мужчины чаще, чем женщины, отказываются продолжать своё обучение и называют причиной необходимость работать [5].

Несформированная идентичность обнаружена у 6 девочек и 4 мальчиков. Навязанная идентичность зафиксирована в одинаковых пропорциях – 1 девочка и 1 мальчик.

Данные результаты дают основания предполагать, что у старшеклассников наличествует смешанная картина профессионального будущего и собственной принадлежности к этому будущему. Допускаем, что это связано с: а) с качеством осведомлённости о мире современных, профессиональных альтернатив; б) с пониманием собственных возможностей и способностей[9].

Согласно полученным данным, по результатам проведённой методике изучения статусов профессиональной идентичности среди подростков восьмых и десятых классов, самые высокие показатели у подростков из обеих возрастных групп получились по двум статусам профессиональной идентичности: мораторий и сформированная идентичность. Сравнения по выраженным статусам профессиональной идентичности и по полу в каждой группе показали значимые различия: среди восьмиклассников – сформированная идентичность у 24 девочек, и 26 мальчиков. Статус мораторий у – 35 мальчиков, 50 девочек. Несформированная идентичность выявлена у 32 подростков: у 25 мальчиков и у 7 девочек. Навязанная идентичность обнаружена у 6 подростков, у 5 мальчиков и у 1 девочки.

Среди десятиклассников сравнение по статусам профессиональной идентичности: сформированная идентичность у 17 девочек и 22 мальчиков, статус мораторий девочек 17, мальчиков 9. Несформированная идентичность обнаружена у 6 девочек и 4 мальчиков. Навязанная идентичность у 1 девочки и у 1 мальчика.

Выводы

Проведённое исследование половозрастных особенностей профессионального самоопределения на выборке из 250 учащихся восьмых и десятых классов общеобразовательных организаций города Челябинска позволяет сделать следующие обобщения. Прежде всего, подтверждена нормативная возрастная динамика статусов профессиональной идентичности. В целом по выборке наиболее распространённым статусом является мораторий (44,4%), на втором месте – сформированная идентичность (35,6%). Однако при разделении по возрастам картина уточняется: среди восьмиклассников доминирует состояние кризиса выбора (мораторий – 49,1% при 28,3% сформированной идентичности), тогда как в десятых классах уже преобладает осознанный и устойчивый выбор (50,6% при снижении моратория до 33,7%). Данный переход от активного поиска к определённости свидетельствует о закономерном взрослении профессионального самосознания, хотя сохранение значительной доли десятиклассников в состоянии моратория (треть выборки) требует адресного психолого-педагогического внимания [10, 11].

Анализ половых различий показал их возрастную динамику. В восьмых классах обнаружены статистически значимые различия (хи-квадрат=12,432, p=0,006): девочки значительно чаще находятся в состоянии моратория (50 против 35 у мальчиков), тогда как мальчики демонстрируют более высокие показатели несформированной (25 против 7) и навязанной (5 против 1) идентичности. При этом сформированная идентичность у восьмиклассников обоего пола распределена практически равномерно (24 и 26). К десятому

классу статистическая значимость различий нивелируется (p=0,280), однако качественные тенденции сохраняются: девочки-десятиклассницы по-прежнему чаще пребывают в моратории (17 против 9), а мальчики – демонстрируют более высокую долю сформированной идентичности (22 против 17). Таким образом, с возрастом гендерные различия не исчезают, а трансформируются: если проблема мальчиков в 8 классе связана с отсутствием поиска и внешним давлением, то к 10 классу эти формы почти сходят на нет, уступая место более прямолинейному и менее рефлексивному выбору, тогда как девочки сохраняют более длительный и напряжённый поисковый этап, что интерпретируется как проявление разных траекторий профессионального самоопределения.

Полученные результаты имеют прямое практическое значение, обосновывая необходимость разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения. Для восьмиклассников целесообразно делать акцент на активизацию профессионального поиска, особенно у мальчиков, склонных к несформированной и навязанной идентичности. Для десятиклассников приоритетом должно стать поддержание рефлексивной позиции у мальчиков в отношении уже сделанного выбора (преодоление его формального характера) и оказание помощи девочкам в завершении этапа моратория и принятии устойчивого решения без избыточной тревоги и перфекционизма. В качестве ограничения исследования выступает локальный характер выборки (три школы одного города) и отсутствие лонгитюдных данных, что определяет перспективу дальнейших изысканий в направлении отслеживания динамики статусов профессиональной идентичности на протяжении всего периода обучения в основной и старшей школе [12].

Резюмируя, можно утверждать, что половозрастные особенности профессионального самоопределения подростков проявляются в сложном сопряжении возрастного созревания и гендерно-специфичных стратегий выбора, учёт которых является необходимым условием эффективной реализации государственной политики в сфере трудового воспитания и профессиональной ориентации.

Список источников

1. Данилова М.В. Возрастно-половые факторы профессионального самоопределения подростков и юношей в связи с эмоциональным отношением к профессиональному будущему // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 2. С. 174 – 179. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastno-polovye-faktory-professionalnogo-samoopredeleniya-podrostkov-i-yunoshey-v-svyazi-s-emotsionalnym-otnosheniem-k (дата обращения: 04.05.2026)

2. Юдина Н.В. Особенности профессионального самоопределения в юношеский период развития // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). Казань: Бук, 2014. С. 43 – 45.

3. Скутнева С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 73 – 78.

4. Шнайдер Л.Б. Основы семейной психологии: учеб. пособие. М.: Издательство московского психолого-социального института, 2005. 928с.

5. Ильина О.Б. Профессиональное самоопределение современных подростков: проблемы и пути их решения // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 6 (3). С. 255 – 263.

6. Мокрушина А.В., Быкова С.С. Профессиональное самоопределение как центральное новообразование ранней юности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 29. С. 196 – 200.

7. Волков Б.С. Психология подростка: учебное пособие для вузов. М.: «Академический Проект», «Гаудеамус», 2009. 322 с.

8. Анциферов Е.Е. Личностные особенности и профессиональное самоопределение в подростковом возрасте // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 9 (66). С. 195 – 201.

9. Еремицкая И.А., Савельева М.Н. Особенности профессионального самоопределения личности юношей и девушек старшего школьного возраста // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-1. С. 112 – 117.

10. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2016. 432 с.

11. Яхина Д.М. Особенности личностного самоопределения в подростковом возрасте // Актуальные исследования. 2021. № 41 (68). С. 49 – 51.

12. Костаева Т.В., Костаева Ю.С. Самоопределение школьников как педагогическая проблема // Наука и образование сегодня. 2019. № 4 (39). С. 84 – 86.

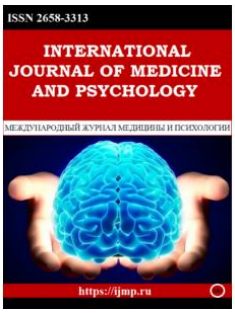
References

1. Danilova M.V. Age and gender factors of professional self-determination of adolescents and young men in connection with the emotional attitude towards the professional future. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2011. No. 2. P. 174 – 179. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastno-polovye-faktory-professionalnogo-samoopredeleniya-podrostkov-i-yunoshey-v-svyazi-s-emotsionalnym-otnosheniem-k (date of access: 04.05.2026)
2. Yudina N.V. Features of professional self-determination in the adolescence period of development. Modern psychology: materials of the III International. scientific. conf. (Kazan, October 2014). Kazan: Buk, 2014. P. 43 – 45.
3. Skutneva S.V. Gender Aspects of Youth's Life Self-Determination. Sociological Studies. 2004. No. 11. P. 73 – 78.
4. Schneider L.B. Fundamentals of Family Psychology: A Textbook. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, 2005. 928 p.
5. Ilyina O.B. Professional Self-Determination of Modern Adolescents: Problems and Solutions. Psychological Science and Education psyedu.ru. 2014. No. 6 (3).P. 255 – 263.
6. Mokrushina A.V., Bykova S.S. Professional self-determination as a central development of early adolescence. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2017. Vol. 29. P. 196 – 200.
7. Volkov B.S. Psychology of a teenager: a textbook for universities. Moscow: "Akademchesky Proekt", "Gaudeamus", 2009. 322 p.
8. Antsiferov E.E. Personality traits and professional self-determination in adolescence. Science Bulletin. 2023. Vol. 3. No. 9 (66). P. 195 – 201.
9. Eremitskaya I.A., Savelyeva M.N. Features of professional self-determination of senior school-age boys and girls. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 2-1. P. 112 – 117.
10. Ilyin E.P. Differential Psychology of Professional Activity. St. Petersburg: Piter, 2016. 432 p.
11. Yakhina D.M. Features of Personal Self-Determination in Adolescence. Current Research. 2021. No. 41 (68). P. 49 – 51.
12. Kostaeva T.V., Kostaeva Yu.S. Self-Determination of Schoolchildren as a Pedagogical Problem. Science and Education Today. 2019. No. 4 (39). P. 84 – 86.

Информация об авторах

Глебова Н.С., аспирант, Иститут образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, г. Челябинск ул. Братьев Кашириных 129, N.Glebova@mail.ru
Забелина Е.В., доктор психологических наук, профессор, Челябинский государственный университет г.Челябинск, ул. Братьев Кашириных 129, katya_k@mail.ru

© Глебова Н.С., Забелина Е.В., 2026

*
Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.5.3.4.
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-136-143

[1] Трусова Е.А.,
[1] Высшая школа психологии,
Тихоокеанский государственный университет

Специфика профессионального самоопределения выпускников психолого-педагогического класса

Аннотация: основным видом деятельности в юношеском возрасте является профессиональное самоопределение и выбор будущей профессии. В современной школе старшеклассникам предлагается выбрать профиль обучения исходя их собственных предпочтений, склонностей и интересов. Выбирая психолого-педагогический профиль, школьник часто не понимает специфику будущей профессии, будь то учитель или психолог. Некоторые старшеклассники идут учиться в психолого-педагогический класс только ориентируясь на гуманитарную направленность такого образования. Сталкиваясь с базовыми дисциплинами будущей профессии «Педагогикой» и «Психологией», некоторые старшеклассники открывают новые научные категории, практические компетенции будущих профессий. Определяя свои профессиональные предпочтения, личные качества и мотивацию трудовой деятельности, выпускники психолого-педагогических классов более осознанно подходят к выбору дальнейшего профессионального образования. По итогам проведенного исследования были выявлены значимые корреляции между предпочтениями в сферах деятельности и профессиональными склонностями, а также между типом предпочитаемой деятельности и уровнем эмпатии.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, выбор профессии, старшеклассник, выпускник, психолого-педагогический профиль, предпочтения в сферах деятельности, мотивационные факторы, профессиональные склонности, эмпатийные способности

Для цитирования: Трусова Е.А. Специфика профессионального самоопределения выпускников психолого-педагогического класса // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 136 – 143. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-136-143

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Trusova E.A.,
[1] Higher School of Psychology
Pacific National University

The specifics of professional self-determination of graduates of the psychology-pedagogy class

Abstract: the main activity in adolescence is professional self-determination and the choice of a future profession. In a modern school, high school students are encouraged to choose a learning profile based on their own preferences, inclinations, and interests. When choosing a psychological and pedagogical profile, a student often does not understand the specifics of the future profession, whether it is a teacher or a psychologist. Some high school students go to study in a psychological and pedagogical class only focusing on the humanitarian orientation of such education. When faced with the basic disciplines of the future profession, "Pedagogy" and "Psychology," some high school students discover new scientific categories and practical competencies of future professions. By determining their professional

preferences, personal qualities and motivation for work, graduates of psychological and pedagogical classes take a more conscious approach to choosing further professional education. According to the results of the study, significant correlations were revealed between preferences in fields of activity and professional inclinations, as well as between the type of preferred activity and the level of empathy.

Keywords: professional self-determination, career choice, high school student, graduate, psychological and pedagogical profile, preferences in fields of activity, motivational factors, professional inclinations, empathic abilities

For citation: Trusova E.A. The specifics of professional self-determination of graduates of the psychology-pedagogy class. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 136 – 143. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-136-143

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Профессиональное самоопределение в юношеском возрасте является одной из основных задач развития личности [1]. Обучение в профильных классах должно помочь старшекласснику сделать этот профессиональный выбор. Психолого-педагогический профиль дает возможность ученикам примерить на себя профессии учителя и психолога. Развивая личные и профессиональные качества, которые важны в сфере «человек-человек», можно осознать правильность своего будущего профессионального выбора [2].

В психолого-педагогической литературе акцентируется то, что успешность профессионального самоопределения во многом зависит от согласованности профессиональных предпочтений, мотивационной сферы и личностных особенностей старшеклассников [3]. Особое внимание уделяется роли эмпатических способностей в выборе профессий социальной направленности, к которым относятся профессии учителя и психолога [4]. Однако эмпирических исследований, анализирующих профиль самоопределения обучающихся психолого-педагогических классов на этапе ранней профессионализации, недостаточно. Целью данной статьи является анализ профиля профессионального самоопределения обучающихся психолого-педагогического класса по ключевым параметрам: предпочтение в сферах деятельности, мотивационные факторы, профессиональные склонности, эмпатийные способности, а также выявление взаимосвязи между ними [5].

Исследования мотивации трудовой деятельности старшеклассников показывают, что на этапе выбора профессии значимыми становятся как внешние (материальное вознаграждение, престиж), так и внутренние (творческая самореализация, служение делу) мотивы [6]. При этом, согласно современным данным, у старшеклассников наблюдается преобладание внешней мотивации над внутренней, что может рассматриваться как фактор риска для формирования устойчивого профессионального выбора [7].

Особое значение для обучающихся психолого-педагогических классов имеет уровень развития эмпатийных способностей. Исследования учёных показывают, что учащиеся психолого-педагогических классов отличаются более высокими показателями эмпатии, общительности и толерантности по сравнению со сверстниками из других профилей [8]. Эмпатия рассматривается как профессионально важное качество для педагогов и психологов, и её диагностика на этапе профильного обучения позволяет прогнозировать успешность будущей профессиональной деятельности [7].

Проблема профессионального самоопределения старшеклассников традиционно находится в центре внимания отечественной и зарубежной психологии [9]. В работах Е.А. Климова обоснована типология профессиональных сфер деятельности («человек-природа», «человек-техника», «человек-человек», «человек-знаковая система», «человек-художественный образ»), которая остаётся методологической основой для диагностики профессиональных предпочтений [2].

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие обучающиеся 11-го класса психолого-педагогической направленности в количестве 12 человек. Выборка включала как юношей, так и девушек. Все респонденты на момент исследования проходили обучение в выпускном профильном психолого-педагогическом классе.

Целью эмпирического исследования было выявить особенности профессионального самоопределения выпускников психолого-педагогического класса.

В данном исследовании применялся комплекс диагностических методик:

1. Методика диагностики предпочтений в сферах профессиональной деятельности (на основе классификации Е.А. Климова) — позволяла выявить степень выраженности интереса к пяти основным сферам: «человек-

художественный образ», «человек-знаковая система», «человек-техника», «человек-природа», «человек-человек» [2]. По каждой сфере оценивалась степень выраженности предпочтения по шкале (от «отвергаю» до «хочу связать свою деятельность»).

2. Методика диагностики мотивационных факторов трудовой деятельности (авторская модификация) – оценивала выраженность пяти мотивационных факторов: денежная мотивация, творческая мотивация, мотивация власти, мотивация служения, мотивация славы.

3. Опросник профессиональных склонностей Г. Резапкиной – диагностировал склонность к следующим видам профессиональной деятельности: планово-экономическая, экстремальная, эстетическая, работа на производстве, исследовательская деятельность, работа с людьми [10].

4. Шкала эмпатийных тенденций – оценивала уровень сформированности эмпатических способностей [4].

Данные обрабатывались с помощью программ Excel и SPSS Statistica v.23. При математической обработке данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждения

В ходе изучения процесса самоопределения выпускников психолого-педагогического класса были получены следующие результаты.

На рис. 1 и табл. 1 представлены данные по тесту ДДО.

Таблица 1

Частотное распределение респондентов по тесту ДДО.

Table 1

Frequency distribution of respondents for the DDO test.

	Отвержение	Нет	Средняя	Есть	Ярко выражено
Человек	0	5	5	1	1
Природа	3	4	4	1	0
Техника	4	7	1	0	0
Знаковая	5	3	4	0	0
Худ образ	0	5	5	2	0

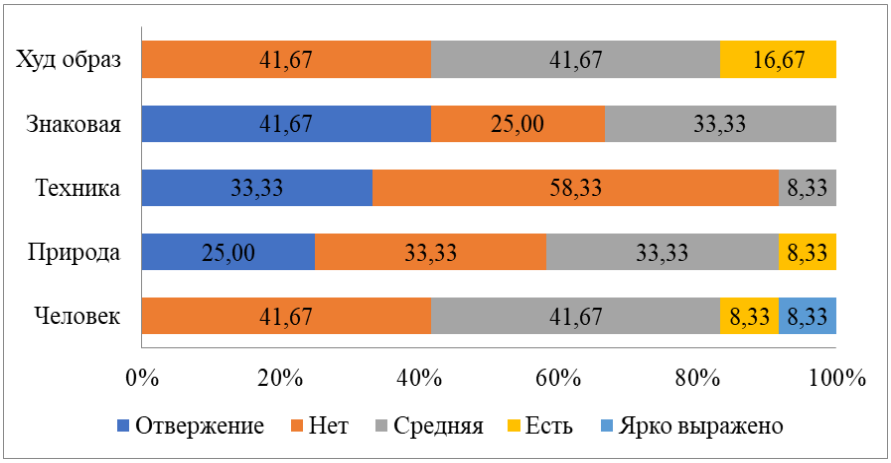

Рис. 1. Процентное распределение респондентов по тесту ДДО.
Fig. 1. Percentage distribution of respondents for the DDO test.

По данным рисунка 1 41,67% не рассматривают художественную сферу деятельности, у 41,67% респондентов средняя выраженность при рассмотрении себя в такой сфере и 16,67% хотят связать себя со сферой деятельности эстетической направленности. У знаковой – 41,67% 11-классники отвергают такую сферу деятельности, 25% не рассматривают, у 33,33% респондентов средняя выраженность при рассмотрении себя в этой сфере деятельности. На следующей шкале видим, что 33,33% отвергают техническую сферу деятельности, 58,33% не рассматривают и только у 8,33% средняя выраженность при проявлении себя в такой сфере деятельности. Переходя к следующей шкале, скажем, что 25% отвергают сферу деятельности, связанную с участием природы, 33,33% не рассматривают, у 33,33% респондентов средняя выраженность при рассмотре-

нии себя в такой сфере деятельности и 8,33% есть выраженность в проявлении себя к данной деятельности. Завершающую шкалу составляют 41,67%, которые не рассматривают сферу деятельности человек – человек, у 41,67% - средняя выраженность при рассмотрении себя в такой сфере деятельности, 8,33% хотят связать свою жизнь со сферой человек – человек, остальные 8,33% точно бы хотели видеть себя в данной деятельности.

Таким образом, респонденты чаще показывают слабую выраженность предпочтительности во всех сферах деятельности при рассмотрении общей картины. Сферы, связанные с техникой и знаковой системой не предпочтительны для одиннадцатиклассников. Выпускники могут себя видеть только в деятельностях, связанные с художественным образом, природой и человеком. Единственная сфера, где замечаем яркую предпочтительность, остаётся деятельность, связанная с людьми.

Переходя к следующему тесту, исходя из данных рис. 2 и табл. 2, будут представлены результаты исследования мотивов труда, которые движут выпускниками 11 класса.

Таблица 2

Частотное распределение респондентов по тесту Мотивы труда.

Table 2

Frequency distribution of respondents for the Work Motives test.

	Не выражен	Слабо	Выражен	Ярко выражен
Слава	0	9	3	0
Служение	2	4	5	1
Власть	5	2	4	1
Творчество	2	3	3	4
Деньги	0	2	5	5

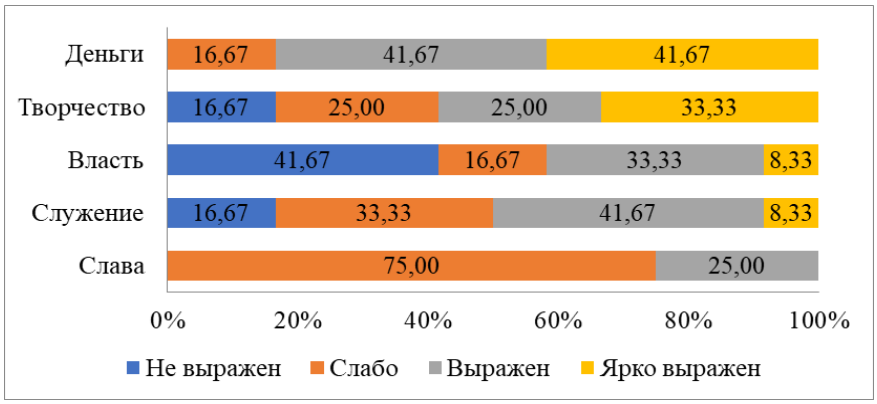

Рис. 2. Процентное распределение респондентов по тесту Мотивы труда.
Fig. 2. Percentage distribution of respondents for the Labor Motives test.

По данным рисунка 2 у 16,67% респондентов слабо выражен мотивационный фон на основе денег, у 41,67% выражена мотивационная составляющая и у 41,67% ярко выражена мотивация измеримая деньгами. Мотивационный фактор на основе творческой составляющей у 16,67% не выражен, у 50% либо слабо выражен, либо выражен поровну, у остальных 33,33% ярко выражен. Мотивация на основе власти у 41,67% респондентов не выражена, у 16,67% слабо выражена, у 33,33% выражена и у остальных 8,33% уже ярко выражена мотивация, основанная на власти. Переходя к мотивации служения, видим, что у 16,67% не выражен данный мотивационный фон, у 33,33% слабо выражен, у 41,67% уже выражен и у 8,33% ярко выражен. На последней шкале мотивации славы замечаем, что у 75% слабо выражен мотивационный фон и у остальных 25% просто выражен.

Таким образом, мы видим, что у большинства респондентов сильнее всего выражена денежная мотивация (83,34% с выраженной и яркой), а слабее всего – мотивация славой (75% – слабо выражена). Власть и служение распределены умеренно, творчество – ближе к средним значениям.

Переходя к опроснику профессиональных склонностей, исходя из табл. 3 и рис. 3, будут осуществлены анализы, по которым будет ясно, к какой профессиональной склонности чаще и меньше всего отдают предпочтение ученики выпускного психолого-педагогического класса.

Таблица 3

Частотное распределение респондентов по тесту ОПС.

Table 3

Frequency distribution of respondents for the OPS test.

	Склонности нет	Слабо выражен	Выражен	Ярко выражен
Работа с людьми	1	3	6	2
Исследовательская	10	2	0	0
Работа на производстве	7	5	0	0
Эстетические	5	5	1	1
Экстремальные	5	5	1	1
Планово-экономические	8	2	2	0

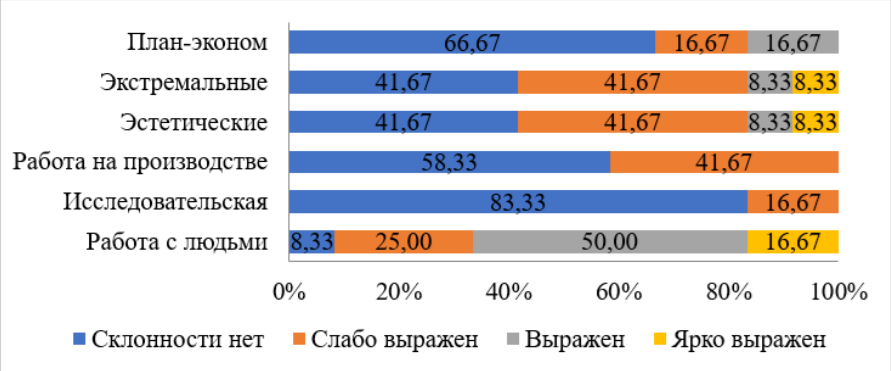

Рис. 3. Процентное распределение респондентов по тесту ОПС.
Fig. 3. Percentage distribution of respondents according to the OPS test.

По данным рис. 3 у 66,67% респондентов нет склонности к планово-экономическим видам деятельности, у 16,67% слабо выражена и у остальных 16,67% выражена предназначенность к такому виду деятельности. По шкале экстремальным видам деятельности у 41,67% респондентов нет склонности, у других 41,67% слабо выражена, у 8,33% выражена и у остальных 8,33% ярко выражена. Спускаясь на одну шкалу ниже, видим точно такую же картину, как и у шкалы экстремальных видов деятельности. Затрагивать шкалу работы на производстве, мы можем увидеть, что у 58,33% нет пристрастия к такой сфере деятельности и у 41,67% слабо выражена склонность. Предпоследняя шкала даёт разглядеть, что у 83,33% респондентов нет склонности к исследовательской деятельности и у остальных 16,67% слабо выражена. Перспектива работы с людьми занимает большую часть, так как мы по шкале можем увидеть, что только у 8,33% респондентов нет склонности связывать свою жизнь с видом деятельности человек-человек, что занимает меньшую долю по сравнению с другими шкалами. У 25% слабо выражена склонность с видом деятельности, где требуется коммуникация с людьми, у 50 уже есть выраженная склонность и у остальных 16,67% ярко выражена.

Таким образом, видим, что выпускники сильнее всего тяготеет к работе с людьми (66,67% – выраженная и яркая склонность). Напротив, исследовательская деятельность почти никого не привлекает (83,33% без склонности), а производственная – тоже слабо выражена (58,33% нет). Экстремальные и эстетические сферы – в зоне умеренных значений.

Подходя к конечному тесту, уже будем делать вывод, исходя из данных табл. 4, на каком уровне находится шкала эмпатии у опрошенных старшеклассников.

Таблица 4

Частотное распределение респондентов по тесту EETS.

Table 4

Frequency distribution of respondents for the EETS test.

Очень низкий	Низкий	Средний	Высокий
1	2	6	3
9,09	18,18	54,55	25

Таким образом, исходя и табл. 4, можно сказать, что у подавляющего количества респондентов шкала эмпатии находится на среднем или высоком уровне.

Корреляция по итогам исследования по шкалам:

Таблица 5

Корреляция между шкалами природа и исследовательская деятельность.

Table 5

Correlation between the nature and research activity scales.

		Исследовательская деятельность
Природа	Коэффициент корреляции	,650*
	Знач. (двухсторонняя)	,022
	N	12

Таблица 6

Корреляция между шкалами природа и эстетических видов деятельности.

Table 6

Correlation between the nature and aesthetic activities scales.

		Эстетические виды деятельности
Техника	Коэффициент корреляции	-,670*
	Знач. (двухсторонняя)	,017
	N	12

Таблица 7

Корреляция между шкалами исследовательская деятельность и знаковая сфера.

Table 7

Correlation between the research activity and symbolic sphere scales.

		Исследовательская деятельность
Знаковая	Коэффициент корреляции	-,642*
	Знач. (двухсторонняя)	,024
	N	12

Таблица 8

Корреляция между шкалами художественный образ с эстетическими и экстремальными видами деятельности.

Table 8

Correlation between the artistic image scales with aesthetic and extreme activities.

		Эстетические виды деятельности	Экстремальные виды деятельности
Художественный образ	Коэффициент корреляции	,705*	-,763**
	Знач. (двухсторонняя)	,010	,004
	N	12	12

Таблица 9

Корреляция между шкалами мотивационного фона на основе власти и эстетических видов деятельности.

Table 9

Correlation between the scales of motivational background based on power and aesthetic types of activity.

		Эстетические виды деятельности
Власть	Коэффициент корреляции	-,606*
	Знач. (двухсторонняя)	,037
	N	12

Таблица 10

Корреляция между шкалами мотивационного фона на основе творчества с эстетическими, экстремальными, планово-экономическими видами деятельности.

Table 10

Correlation between the scales of motivational background based on creativity and aesthetic, extreme, and planned-economic activities.

		Эстетические виды деятельности	Экстремальные виды деятельности	Планово-экономические виды деятельности
Творчество	Коэффициент корреляции	,818**	-,642*	-,609*
	Знач. (двухсторонняя)	,001	,024	,035
	N	12	12	12

Таблица 11

Корреляция между шкалами мотивационного фона на основе денег и исследовательской деятельности.

Table 11

Correlation between the scales of motivational background based on money and research activity.

		Исследовательская деятельность
Деньги	Коэффициент корреляции	-,759**
	Знач. (двухсторонняя)	,004
	N	12

По табл. 5-11 можно сделать следующие выводы:

1. Если респондент предпочитает сферу, связанную с природой, то преимущественно будут выбирать исследовательскую деятельность.

2. Если респондент предпочитает техническую сферу деятельности, то эстетические виды деятельности с большой вероятностью он будет обходить стороной.

3. Если опрашиваемые знаковую сферу деятельность ставят в приоритет, то исследовательскую деятельность с большей вероятностью они обойдут.

4. Если у проходивших тесты художественный образ остаётся предпочтительной сферой, то с большей вероятностью он выберет эстетические сферы деятельности, но не экстремальные.

5. Если власть в мотивационном фоне занимает у опрашиваемых лидирующую позицию, то с большей вероятностью эстетические виды деятельности будут стараться обходить стороной.

6. Если творчество в мотивационном фоне занимает у респондентов лидирующие позиции, то и с большей вероятностью предпочтительны останутся эстетические виды деятельности, а вот экстремальные и планово-экономические виды деятельности будут обходить стороной.

7. Если у проходящих тесты мотивационный фон на основе денег будут занимать лидирующие позиции, то исследовательская деятельность останется не такой предпочтительной как другие.

Выводы

Проведённое исследование профессионального самоопределения выпускников психолого-педагогического класса позволило сформулировать следующие выводы:

1. Профессиональные предпочтения респондентов в целом соответствуют профилю обучения: наиболее предпочтительной является сфера «человек-человек», наименее востребованными – техническая сфера и сфера «человек-знак».

2. Мотивационный профиль характеризуется доминированием внешней мотивации (деньги) над внутренней, что создаёт потенциальные риски для устойчивости профессионального выбора.

3. Профессиональные склонности наиболее выражены в сфере работы с людьми, наименее – в исследовательской деятельности и работе на производстве.

4. Уровень эмпатийных способностей у большинства респондентов находится на среднем и высоком уровне.

5. Выявлены значимые корреляции между предпочтениями в сферах деятельности и профессиональными склонностями, а также между типом предпочитаемой деятельности и уровнем эмпатии.

Список источников

1. Буравлева Н.А., Богомаз С.А., Каракулова О.В. Профессиональные ориентации современных старшеклассников: оценка взаимосвязи между личностными свойствами и базисными ценностями // Science for Education Today. 2024. Т. 14. № 6. С. 75 – 94.
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 304 с.
3. Реан А.А. Психология личности: социализация, поведение, общение. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 407 с.
4. Писарева В.Ю. Особенности развития эмпатии как компонента социальной креативности на отдельных этапах профессионализации личности (на примере старшеклассников и студентов-психологов) // cyberleninka. М, 2013. С. 116 – 128.
5. Шмелёв А.Г. Психодиагностика личностных черт. Спб.: Речь, 2002. 480 с.
6. Буравлева Н.А., Каракулова О.В., Богомаз С.А. Профессиональное самоопределение старшеклассников в условиях трансформации мира профессий / Сибирский психологический журнал. 2025. № 98. С. 68 – 93. DOI: 10.17223/17267080/98/4
7. Гани С.В. Особенности профессионального самоопределения выпускников психолого-педагогических классов: региональный аспект // Школьное образование и воспитание. 2026. Т. 11. Вып. 4. С. 1 – 8. https://doi.org/10.30853/ped20260094
8 Ясюкова Л.А. Профессиональное самоопределение старшеклассников: методическое руководство. СПб.: Иматон, 2018. 56 с.
9. Голомшток А.Е. Выбор профессии и воспитание личности школьника. М.: Педагогика, 1979. 160 с.
10. Резапкина Г.В. Отбор в профильные классы. М.: Генезис, 2005. 125 с.

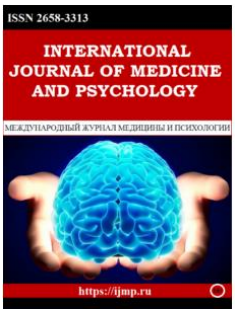
References

1. Buravleva N.A., Bogomaz S.A., Karakulova O.V. Career Orientations of Modern High School Students: Assessing the Relationship between Personality Traits and Basic Values. Science for Education Today. 2024. Vol. 14. No. 6. P. 75 – 94.
2. Klimov E.A. Psychology of Professional Self-Determination: A Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2010. 304 p.
3. Rean A.A. Personality Psychology: Socialization, Behavior, Communication. St. Petersburg: Prime-Euroznak, 2004. 407 p.
4. Pisareva V.Yu. Features of the development of empathy as a component of social creativity at certain stages of personality professionalization (on the example of high school students and psychology students). cyberleninka. Moscow, 2013. P. 116 – 128.
5. Shmelev A.G. Psychodiagnostics of personality traits. St. Petersburg: Rech, 2002. 480 p.
6. Buravleva N.A., Karakulova O.V., Bogomaz S.A. Professional self-determination of high school students in the context of the transformation of the world of professions. Siberian Psychological Journal. 2025. No. 98. P. 68 – 93. DOI: 10.17223/17267080/98/4
7. Gani S.V. Features of professional self-determination of graduates of psychological and pedagogical classes: regional aspect. School education and upbringing. 2026. Vol. 11. Issue 4. P. 1 – 8. https://doi.org/10.30853/ped20260094
8 Yasyukova L.A. Professional Self-Determination of High School Students: A Methodological Guide. St. Petersburg: Imaton, 2018. 56 p.
9. Golomshtok A.E. Choice of Profession and Development of a Schoolchild’s Personality. Moscow: Pedagogika, 1979. 160 p.
10. Rezapkina G.V. Selection for Specialized Classes. Moscow: Genesis, 2005. 125 p.

Информация об авторе

Трусова Е.А., старший преподаватель, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, Lenatrusova@mail.ru

© Трусова Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.99
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-144-148

[1] Грязнова Е.В.,
[1] Туличев А.А.,
[1] Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Формирование ценностных ориентиров студента-медика в рамках православной традиции

Аннотация: в статье в рамках светско-религиозного подхода разрабатываются представления о феноменах здоровье и болезнь как социокультурных явлениях. Целью данной статьи является обоснование возможности развития ценностно-ориентированного подхода в рамках православной традиции в медицинском образовании. В исследовании на основании сбора научных фактов, системного теоретического анализа и обобщения приводится обоснование возможности православного ценностно-ориентированного подхода в медицинском образовании в контексте трансформации современной медицинской деятельности. В ходе проведенного исследования было установлено, что в современной литературе акцент смещается с обсуждения нравственного облика врача на ценности системы оказания помощи, что обедняет понимание профессии и способствует формированию отчуждённых отношений между врачом и пациентом. Подчеркивается, что существующая система образования в значительной степени сохраняет инструментальный уклон, тогда как воспитание личности врача, его мировоззрения и эмпатии остается на периферии. Авторы приходят к выводу, что преодоление духовного кризиса возможно лишь при условии интеграции гуманитарных, этических и теологических аспектов в профессиональную подготовку, а также возвращения к идеалам служения человеку как высшей ценности медицинской деятельности.

Ключевые слова: духовные ценности медика, моральный облик врача, православие, православная традиция, медицинская этика, медицинское образование

Для цитирования: Грязнова Е.В., Туличев А.А. Формирование ценностных ориентиров студента-медика в рамках православной традиции // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 144 – 148. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-144-148

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Gryaznova E.V.,
[1] Tulichev A.A.,
[1] Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Formation of value orientations of a medical student within the framework of the Orthodox tradition

Abstract: the article develops ideas about the phenomena of health and illness as sociocultural phenomena within the framework of a secular-religious approach. The purpose of this article is to substantiate the possibility of developing a value-based approach within the Orthodox tradition in medical education. Based on the collection of scientific facts, systematic theoretical analysis and generalization, the study provides a justification for the possibility of an Orthodox value-based approach in medical education in the context of the transformation of modern medical practice. In the course of the conducted research, it was found that in modern literature the emphasis is shifting from discussing the moral image of a doctor to the values of the care system, which impoverishes the understand-

ing of the profession and contributes to the formation of alienated relations between a doctor and a patient. It is emphasized that the existing education system largely retains an instrumental bias, while the education of the doctor's personality, worldview and empathy remains on the periphery. The authors conclude that overcoming the spiritual crisis is possible only if humanitarian, ethical and theological aspects are integrated into professional training, as well as a return to the ideals of service to humanity as the highest value of medical activity.

Keywords: spiritual values of a physician, moral character of a doctor, orthodoxy, Orthodox tradition, medical ethics, medical education

For citation: Gryaznova E.V., Tulichev A.A. Formation of value orientations of a medical student within the framework of the Orthodox tradition. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 144 – 148. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-144-148

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Взаимоотношения врача и пациента является социальной первоосновой медицинской деятельности. Как и в любой другой деятельности человека ценностный ее аспект представляет собой фундаментальный регулятор, определяя цели, методы, средства и способы ее оценки. Среди приоритетных задач педагога в обучении современного врача является не только формирование необходимых компетенций, но и ценностей, сохраняющих нравственный облик, традиции и опыт корифеев отечественной медицины. В связи с этим актуальна проблема формирования валидных, лишенных деструктивных трендов, духовно-нравственных ценностей будущего врача.

Предметом исследования является проблема осмысления ценностей медицинской деятельности в рамках современной пациентоориентированной модели.

Целью данной статьи является обоснование возможности развития ценностно-ориентированного подхода в рамках православной традиции в медицинском образовании.

Материалы и методы исследований

Вопрос духовно-нравственных и этических ценностей врача сложен и многогранен. В последнее время реже в литературе рассуждают о нравственном облике врача и все более и более о ценностях в системе оказания медицинской помощи. Однако, бесспорно, и то, что человеческие отношения также невозможно сепарировать от медицинской деятельности. Исследование опиралось на основу традиционной системы ценностей оказания медицинской помощи - комплаентность пациента и заинтересованность врача, согласие, соработничество, всецело направленное на улучшение качества жизни. Готовность оказать помощь, готовность к соработничеству имеет определенное сродство к альтруизму, милосердию и состраданию, что является прежде всего личностной характеристикой врача.

Всецело подтверждает вышесказанное наличие в этом плане проблемной зоны в виде коммуникации врача и пациента. Детальный анализ часто посвящается тактичности врача, чуткости, готовности к консультированию, заинтересованности врача в сбережении здоровья пациента. Негативный пример иллюстрируют частые жалобы, связанные с некорректностью общения врачей, конфликтные ситуации [8].

При этом, стоит отметить также, что врачи всегда выступали индикатором гуманитарного потенциала и духовного здоровья общества в различные исторические периоды [3]. Исследователи считают, что в начале 20 века медицина в России претерпела трансформацию ценностных ориентиров, которой способствовали исторически и культурно обусловленные сциентизация, институционализация, технологизация, технификация и субкультуризация [7]. В этой связи становится заметным контраст между традиционными общечеловеческими ценностями (милосердие, сострадание, бескорыстие, сердечность) и концептов, ссылающихся прежде всего на достижения современного развитого общества (качество жизни, здоровье, прибавочная стоимость, маркетинг) [6].

В данной работе авторы продолжают исследование роли православной традиции в медицинской деятельности и образовании [2].

Результаты и обсуждения

В последнее время в РФ лоббируется исконно американская концепция пациентоориентированности, приспособленная исключительно для коммерческой медицины. Во многом подчеркивается стремление к ней, что усложняет определение для врачей ценностно-нравственных ориентиров [10]. Медиапространство активно обсуждает медицинское профессию. Обсуждаются низкие зарплаты, низкий социальный статус медиков, непрофессионализм врачей, плохое медицинское образование. Следуют констатировать деструктивные процессы в СМИ, при этом духовно-нравственное состояние медиков, а также мероприятия на его улучшение вовсе не поднимаются как насущные темы. Что печально, в пределах СМИ и интернета ведется недостоверная пропаганда о здоровье и красоте, направленная на сугубое извлечение выгоды [4].

Множественны и тригерры, которые оказывают нежелательное влияние на эмоциональное состояние врача: трудовое напряжение и перегрузки, корпоративный стресс, лишенный системности, этики и деонтологии коллектив, высокий уровень юридической и моральной ответственности, межличностные конфликты, неудовлетворенность уровнем заработной платы и социальным статусом. Печально, что чаще для студентов-медиков из России имеет значение гедонизм в процессе учебы и работы, а отчуждение от профессии и сомнения являются закономерным исходом при нарушении реализации своих профессиональных компетенций [5].

На настоящий момент следует констатировать духовно-нравственный и ценностный кризис в медицине, а взаимное непонимание и отчуждение между врачом и пациентом повышает риск возможности врачебной ошибки. Именно нравственная мотивация и этикодеонтологические нормы являются главной движущей силой в профессиональной деятельности врача и ауторегуляции его поведения. Особенность врачебной сферы деятельности состоит в наличии непрерывной эмоциональной реакции на различные ситуации. Основой гуманизации врачи считают формирование культуры врача гуманитарными предметами. Для формирования гуманистических ценностей важными дисциплинами исследователи включают: историю медицины, историю отечества, философию, социологию, культурологию, экономику, правоведение, психологию и педагогику); профильные социально-гуманитарные дисциплины, профильные элективные курсы; интеграцию гуманитарной составляющей в специальные дисциплины. Но место теологии в них неопределённо, что является достаточно досадным фактом. Именно религиоведение и теология позволяет осмыслить высшие духовно-нравственные ценности человека, особенно если врач принадлежит той или иной конфессии. Место теологии в медицинском образовании несомненно, но, по всей видимости, не будет определено еще длительное время.

Формирование нравственных ценностей врача является важной проблемой православной теологии и православной традиции [1]. Важно, что русская медицина развивается именно в связи с христианской православной традицией. В качестве примера рецепции ценностей православия и гуманизма в профессиональной деятельности врача приводят биографии Гааза Ф.П., Мудрова М.Я., Пирогова Н.И., Манассеина В.А., Боткина Е.С., Войно-Ясенецкого В.Ф. В данных случаях главные христианские ценности милосердия, справедливости, жертвенности не просто констатируются, но реализуются на практике.

Показательными примерами в этом плане является земская и монастырская медицина. Вне христианских ценностей медицина теряет свою сущность как помощь страждующему, уподобляясь сфере коммерции. Русская православная медицинская традиция – это подвижничество на благо пациента, без которого невозможно его единство духа, души и тела.

Христианские ценности, такие как сострадание, милосердие и самоотверженность, позволяют осмыслить историю болезни пациента не только как случай стационарного или амбулаторного лечения, но как уникальную проблему личности, обладающую достоинством и правом на уважение. Эти ценности формируют пастырский подход, в рамках которого врач воспринимается не только как носитель профессиональных знаний, но и как человек, призванный к служению ближнему [9].

На современном этапе формированием нравственных ориентиров современного врача осуществляется различными способами и средствами. Среди них семейные традиции, нормы, умения и традиции образовательных учреждений (профобучение), профориентация, его личностные установки. Они становятся основой культуры личности современного врача. Педагоги предлагают решение этого вопроса различными методами в зависимости от дисциплины: например, написание эссе в ходе дисциплины «Русский язык».

К числу ключевых морально-этических аспектов, составляющих основу профессионализма врача, относят следующие: профессиональная ответственность, профессионально ориентированная приверженность, любовь к профессии, эмпатия и доверие, профессиональная компетентность, трудовая дисциплина и целеустремленность, жертвенность и самопожертвование, профессиональное мужество и решительность. При этом приоретет личности, безопасности пациента, ценности доброжелательности и вежливости снижают

риск токсичных и конфликтных реакций, защитных разрущающих эмоций. Таким образом, альтруистическое и положительное отношение к миру, стремление к благополучию и заботе о других являются ресурсами будущих врачей и показателями способности гибко адаптироваться к сложностям. Однако, существует глубинная теологическая проблема формирования этих качеств у современного врача. Коммерция и биополитика не может предложить основ формирования подобных качеств. А вот личный пример православных врачей и жития целителей и чудотворцев вполне.

Выводы

Проведенный анализ литературы и современных исследований убедительно свидетельствует о том, что институт медицины в России переживает глубокий духовно-нравственный и ценностный кризис. Этот кризис проявляется в нарастающем противоречии между традиционными гуманистическими основаниями профессии (милосердие, сострадание, бескорыстное служение) и активно внедряемыми прагматическими, технократическими и коммерческими установками, ориентированными на прибыль, эффективность и «пациентоориентированность» в узкоутилитарном смысле. Преодоление духовно-нравственного кризиса в медицине лежит не в плоскости дополнительных административных мер или совершенствования технологий, а в гуманизации медицинского образования и практики в рамках интеграции православной традиции в медицинское образование.

Список источников

1. Ворохобов А.В. Глобализация как вызов современности: критерии оценки в парадигме православной социальной этики // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14. № 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

2. Грязнова Е.В., Туличев А.А. Здоровье и болезнь в православном учении для современного педагогического знания // Успехи гуманитарных наук. 2026. № 6. С. 215 – 219.

3. Давыдова Т.В. О роли гуманистических ценностей профессии врача в системе высшего медицинского образования // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2011. № 1. С. 345 – 348.

4. Есина Т.А., Вячин И.А. Этические основы отношений врача и пациента в условиях информационного общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 172 – 183.

5. Извекова Т.Ф., Шестакова Е.С. Основы профессиональной идентичности специалистов медицинского профиля // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1.

6. Исаева Э.Л., Ярычев Н.У. Основы формирования профессионально-нравственных ценностей в медицинском вузе // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 398 – 400.

7. Камалиева И.Р. Аксиологические проблемы медицины: истоки и современность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. № 4. С. 35 – 44.

8. Назарова И.Б., Нестеров Р.С. Ценности во взаимодействии врача и пациента: понимание и сотрудничество // Здравоохранение РФ. 2024. № 5. С. 364 – 370.

9. Прокофьева Л.П., Павлова Н.И. Формирование нравственных ценностей врача при обучении написанию эссе // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. 2025. № 2. С. 222 – 226.

10. Пром Н.А., Ковалева М.Д., Волчанский М.Е. Пациентоориентированность как ценность медицинской культуры // Primo aspectu. 2025. № 1 (61). С. 25 – 32.

References

1. Vorokhobov A.V. Globalization as a Challenge of Modernity: Evaluation Criteria in the Paradigm of Orthodox Social Ethics. Bulletin of Minin University. 2026. Vol. 14. No. 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

2. Gryaznova E.V., Tulichev A.A. Health and Illness in Orthodox Teaching for Modern Pedagogical Knowledge. Successes of the Humanities. 2026. No. 6. P. 215 – 219.

3. Davydova T.V. On the Role of Humanistic Values of the Medical Profession in the System of Higher Medical Education. Health is the Basis of Human Potential: Problems and Solutions. 2011. No. 1. P. 345 – 348.

4. Esina T.A., Vyachin I.A. Ethical Foundations of Doctor-Patient Relations in the Information Society. Bulletin of Tula State University. Humanities. 2024. No. 1. P. 172 – 183.

5. Izvekova T.F., Shestakova E.S. Fundamentals of Professional Identity of Medical Specialists. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2025. Vol. 13. No. 1.

6. Isaeva E.L., Yarychev N.U. Fundamentals of Formation of Professional and Moral Values in a Medical University. The World of Science, Culture, Education. 2024. No. 1 (104). P. 398 – 400.

7. Kamalieva I. R. Axiological problems of medicine: origins and modernity. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2018. No. 4. P. 35 – 44.

8. Nazarova I.B., Nesterov R.S. Values in the interaction between doctor and patient: understanding and cooperation. Healthcare of the Russian Federation. 2024. No. 5. P. 364 – 370.

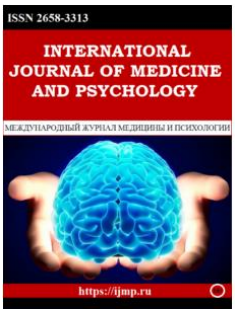
9. Prokofieva L.P., Pavlova N.I. Formation of moral values of a doctor when teaching essay writing. Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies. 2025. No. 2. P. 222 – 226.

10. Prom N.A., Kovaleva M.D., Volchansky M.E. Patient-centeredness as a value of medical culture. Primo aspectu. 2025. No. 1 (61). P. 25 – 32.

Информация об авторах

Грязнова Е.В., доктор философских наук, профессор, ORCID:https://orcid.org/0000-0003-3093-2602, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, egik37@yandex.ru
Туличев А.А., кандидат медицинских наук, ORCID:https://orcid.org/0000-0002-3157-2218, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, mr.tulichev@mail.ru

© Грязнова Е.В., Туличев А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 614.253.83
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-149-155

[1] Жихарев Е.А.,
[1] Красногорская клиническая больница

Стратегия снижения когнитивных ошибок врача при принятии клинических решений в амбулаторной терапевтической практике

Аннотация: когнитивные ошибки врача являются одной из наиболее значимых причин снижения качества клинических решений в амбулаторной терапевтической практике. На приёме врач часто работает в условиях ограниченного времени, неполных сведений о пациенте и высокой вариативности жалоб. В таких условиях первое впечатление, ранее выставленный диагноз или привычное объяснение симптомов могут привести к якорению, предвзятости подтверждения, диагностической инерции и преждевременному завершению диагностического поиска. Для нивелирования ошибок в статье разработана стратегия снижения когнитивных ошибок врача в рамках принятия клинических решений в амбулаторной терапевтической практике. Она включает в себя упорядочение исходных сведений о пациенте, уточнение противоречивых данных, оценку альтернативной диагностической гипотезы, контроль когнитивной нагрузки, обращение к доказательной медицине и понятное объяснение пациенту дальнейшей тактики. Также заданы параметры контроля реализации стратегии. Практическое значение предложенной стратегии состоит в возможности её применения как рабочей инструкции для квалифицированных специалистов. Авторский деловой вклад заключается в разработке прикладного порядка самопроверки клинического решения, основанного на опыте ведения пациентов, участии в клиническом решении и профессиональной коммуникации в здравоохранении.

Ключевые слова: когнитивные ошибки, принятие клинических решений, амбулаторная терапевтическая практика, клиническое мышление, когнитивная нагрузка, доказательная медицина

Для цитирования: Жихарев Е.А. Стратегия снижения когнитивных ошибок врача при принятии клинических решений в амбулаторной терапевтической практике // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 149 – 155. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-149-155

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Zhikharev E.A.,
[1] Krasnogorsk Clinical Hospital

A strategy for reducing physicians' cognitive errors in clinical decision-making in outpatient internal medicine practice

Abstract: cognitive errors made by physicians are among the most significant causes of reduced quality of clinical decisions in outpatient internal medicine practice. During a consultation, the physician often works under time constraints, with incomplete patient information and a wide variability of complaints. Under such conditions, the first impression, a previously established diagnosis or a habitual explanation of symptoms may lead to anchoring, confirmation bias, diagnostic inertia and premature closure of the diagnostic search. To reduce these errors, the article develops a strategy for reducing physicians' cognitive errors in clinical decision-making in outpatient internal medicine practice. The strategy includes structuring initial patient information, clarifying

contradictory data, assessing an alternative diagnostic hypothesis, controlling cognitive workload, referring to evidence-based medicine and clearly explaining the further management plan to the patient. The article also defines parameters for monitoring the implementation of the strategy. The practical significance of the proposed strategy lies in its possible use as a working instruction for qualified specialists. The author's business contribution consists in developing an applied procedure for self-checking a clinical decision, based on experience in patient management, participation in clinical decision-making and professional communication in healthcare.

Keywords: cognitive errors, clinical decision-making, outpatient internal medicine practice, clinical reasoning, cognitive workload, evidence-based medicine

For citation: Zhikharev E.A. A strategy for reducing physicians' cognitive errors in clinical decision-making in outpatient internal medicine practice. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 149 – 155. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-149-155

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В амбулаторной терапевтической практике врач зачастую принимает клиническое решение в условиях ограниченного времени, неполной информации и высокой вариативности жалоб пациента. Диагностическая гипотеза складывается из анамнеза, осмотра, результатов обследования, оценки коморбидности и сведений, которые пациент сообщает в ходе беседы. При высокой плотности врачебного приёма возрастает значение эвристик, позволяющих быстро ориентироваться в типичных клинических ситуациях, однако та же интеллектуальная экономия способна усилить риск якорения, предвзятости подтверждения, доступности и преждевременного завершения диагностического поиска [1]. Следует отметить, что когнитивная ошибка врача в данном контексте не сводится к недостатку знаний, она возникает на стыке профессионального опыта, рабочей нагрузки, неопределённости и способа проверки исходной диагностической гипотезы [2].

Актуальность снижения когнитивных ошибок врача связана с тем, что амбулаторный приём часто начинается с неспецифических симптомов, пограничных жалоб и уже имеющихся у пациента представлений о своём заболевании. Врач оценивает клиническую ситуацию целиком, включая ожидания пациента, прежние диагнозы, эмоциональную реакцию, результаты прошлых обращений и возможные ограничения коммуникации. Следовательно, преждевременное согласие с первым объяснением жалобы, следование ранее выставленному диагнозу или поиск данных, подтверждающих исходную версию, могут снизить точность диагностического решения [3]. Коммуникативная сторона приёма также значима, так как неполное уточнение жалоб и расхождение между оценкой врача и самооценкой пациента способны сузить клиническое рассмотрение случая [4]. В связи с этим стратегия снижения когнитивных ошибок должна включать проверку аргументов, оценку альтернативной гипотезы и обращение к данным доказательной медицины [5].

Научная проблема статьи состоит в недостаточной методической определённости действий врача, направленных на снижение когнитивных ошибок при принятии клинических решений в амбулаторной терапевтической практике. В существующей профессиональной среде широко признаётся значение клинического мышления и доказательной медицины, однако врачу часто не хватает прикладной схемы самопроверки решения на этапах сбора данных, анализа жалоб, выбора диагностической гипотезы и обсуждения дальнейшей тактики с пациентом [6]. Важно отметить, что когнитивные искажения следует отличать от когнитивных нарушений и логических ошибок, поскольку в клинической работе они связаны прежде всего с эвристиками, неопределённостью и ограничениями рабочей ситуации [7]. Цель исследования — разработать стратегию снижения когнитивных ошибок врача при принятии клинических решений в амбулаторной терапевтической практике, основанную на самопроверке диагностической гипотезы, контроле когнитивной нагрузки, доказательной оценке данных и профессиональной коммуникации с пациентом.

Материалы и методы исследований

Материалы настоящего исследования составили научные публикации по когнитивным ошибкам врача, клиническому мышлению, психологии труда, когнитивной эргономике, доказательной медицине и коммуникации врача с пациентом. Работа носит теоретико-методический характер. В статье использованы анализ научной литературы, систематизация профессиональных факторов риска, типологизация когнитивных

ошибок и авторское моделирование стратегии самопроверки клинического решения в амбулаторной терапевтической практике.

Результаты и обсуждения

В психологии труда клиническое решение врача рассматривается как профессиональное действие в условиях высокой ответственности, плотного потока пациентов и ограниченного времени на обработку сведений. В амбулаторной терапевтической практике врач соотносит жалобы, анамнез, данные осмотра, сведения из медицинской документации и ожидания пациента, после чего выбирает диагностическую гипотезу и дальнейшую тактику [8]. Следует отметить, что риск когнитивной ошибки возрастает в момент, когда профессиональный опыт начинает подменять проверку оснований решения привычным распознаванием типичной ситуации. В цифровой среде дополнительное значение приобретает распределение памяти между врачом и внешними источниками сведений, так как профессионально значимая информация удерживается иначе, чем справочные данные общего характера [9]. Теоретическое основание анализа когнитивных ошибок связано с оценкой того, как врач распределяет внимание, память и профессиональное усилие в ходе приёма.

В когнитивной эргономике врачебная ошибка рассматривается в связи с согласованием умственной работы врача и условий её выполнения. Высокая плотность решений, фрагментарность сведений, эмоциональное напряжение пациента и необходимость быстро завершить приём создают нагрузку, при которой возрастает вероятность упрощённого вывода. Важно отметить, что снижение риска ошибочного решения связано с доказательной культурой профессионального действия, поскольку врач соотносит личное клиническое впечатление с проверяемыми данными, рекомендациями и мнением коллег [10]. Развитие исследовательских, аналитических и коммуникативных компетенций в медицинском образовании усиливает способность врача замечать неполноту данных, уточнять основания диагноза и возвращаться к исходной жалобе пациента после появления новых сведений [11].

Теоретический анализ когнитивных ошибок врача должен учитывать нравственную и коммуникативную сторону клинического решения. Ошибка в амбулаторной практике затрагивает доверие пациента, готовность сообщать значимые симптомы и возможность совместного уточнения состояния, вследствие чего качество общения становится частью профессиональной самопроверки [12]. Расхождение между оценкой врача и самооценкой пациента способно сузить клиническое рассмотрение случая, если жалобы, боль, утомляемость и удовлетворённость лечением воспринимаются как второстепенные сведения [13]. При этом внешние цифровые подсказки и системы поддержки решений могут быть полезны только при сохранении врачебного контроля, профессиональной ответственности и готовности обсуждать спорные выводы в команде [14]. Иными словами, психология труда и когнитивная эргономика позволяют рассматривать снижение когнитивных ошибок как развитие самопроверки, доказательной оценки данных и профессиональной коммуникации [15].

В целом основные когнитивные ошибки врача представлены ниже (табл. 1). Профессиональные факторы риска когнитивных ошибок врача в амбулаторной терапевтической практике связаны с высокой плотностью приёма, ограниченным временем на уточнение жалоб, повторяемостью типичных терапевтических обращений, фрагментарностью медицинских сведений и необходимостью быстро выбрать диагностическую гипотезу. Наиболее значимыми являются якорение на первом объяснении состояния, преждевременное завершение диагностики, влияние ранее выставленного диагноза и стремление найти подтверждение уже выбранной версии [1].

Таблица 1

Типология когнитивных ошибок врача и условия их возникновения при принятии клинических решений.

Table 1

Typology of cognitive errors of a doctor and the conditions of their occurrence in making clinical decisions.

Тип	Условия возникновения	Риск
Якорение	Первая жалоба, ранее выставленный диагноз, начальное клиническое впечатление	Сужение диагностического поиска и недооценка альтернативной гипотезы
Преждевременное завершение диагностического поиска	Быстрое совпадение жалоб с привычной терапевтической ситуацией	Пропуск тревожных признаков, коморбидности и нетипичного течения заболевания
Предвзятость подтверждения	Выбор сведений, которые согласуются с исходной диагностической версией	Игнорирование противоречивых данных и снижение точности клинического решения

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Диагностическая инерция	Готовая запись в карте, прежнее заключение специалиста, закреплённая диагностическая метка	Продолжение ошибочной тактики ведения пациента
Доступность	Недавний яркий случай, эмоционально значимый исход, частая встречаемость сходных жалоб	Переоценка вероятности знакомого диагноза
Атрибутивная ошибка	Социальные, поведенческие или эмоциональные особенности пациента	Недооценка соматических причин жалоб и неполный сбор клинических данных

Авторская разработка на основе [1, 3, 5, 7].
Author's development based on [1, 3, 5, 7].

Риск ошибки усиливается в ситуациях, когда врач воспринимает привычную жалобу как стандартный случай, хотя клиническая картина может включать коморбидность, лекарственные эффекты, тревожные признаки и неполные данные анамнеза [3]. Существенное значение имеют коммуникативные ограничения амбулаторного приёма: пациент может неточно описывать симптомы, по-разному оценивать выраженность боли, утомляемости и нарушения функции, вследствие чего врачебная оценка состояния расходится с самооценкой пациента [15]. Важным профессиональным фактором также остаётся невнимание к пациенту [9]. То есть профессиональный риск когнитивной ошибки складывается из сочетания рабочей нагрузки, привычных схем мышления, коммуникативных затруднений и недостаточной самопроверки диагностической гипотезы.

Стратегия снижения когнитивных ошибок врача должна начинаться с упорядочения исходных сведений о пациенте (ведущая жалоба, давность симптомов, динамика состояния, сопутствующие заболевания, лекарственная терапия, прежние диагнозы, тревожные признаки и ожидания пациента от консультации). На этапе сбора данных врач намеренно замедляет первичное суждение, уточняет противоречивые сведения, отделяет жалобы пациента от ранее закреплённой диагностической версии и проверяет, не стала ли первая гипотеза якорем для дальнейшего решения [1].

На этапе анализа жалоб целесообразна краткая профессиональная пауза, в ходе которой врач сопоставляет клиническую картину с частыми терапевтическими состояниями, оценивает нетипичные признаки, возвращается к тем данным, которые не согласуются с исходной версией, и учитывает самооценку пациента, включая боль, утомляемость, нарушение функции и удовлетворённость лечением [15]. В рамках выбора диагностической гипотезы врач формулирует основную и альтернативную версии, проверяет каждую по данным осмотра, анамнеза и доступных результатов обследований, после чего соотносит решение с доказательными рекомендациями и при необходимости обсуждает сложный случай с коллегами [6].

В частности, следует учитывать параметры риска когнитивной ошибки и профессиональные действия врача по снижению риска (табл. 2).

Таблица 2

Параметры риска когнитивной ошибки и профессиональные действия врача по снижению риска.

Table 2

Risk parameters of cognitive error and professional actions of a doctor to reduce the risk.

Параметр риска	Проявление в практике	Профессиональное действие
Неполнота исходных сведений	Неясная давность симптомов, неполный анамнез, отсутствие данных о лекарственной терапии	Уточнение ведущей жалобы, динамики состояния и факторов безопасности решения
Высокая плотность приёма	Быстрое завершение расспроса, сокращение времени на анализ данных	Краткая пауза перед выбором диагностической гипотезы
Несогласованность данных	Расхождение жалоб, осмотра, документации и самооценки пациента	Возврат к противоречивым сведениям и проверка альтернативной версии
Коммуникативное затруднение	Неточное описание симптомов, тревога пациента, конфликт ожиданий	Уточняющие вопросы и ясное объяснение дальнейшей тактики
Повышенная уверенность в первой версии	Быстрое принятие привычного объяснения состояния	Проверка данных, которые не согласуются с исходной диагностической гипотезой

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Высокая неопределённость случая	Коморбидность, лекарственные влияния, тревожные признаки, нетипичное течение	Обращение к доказательным рекомендациям и коллегиальному обсуждению

Авторская разработка на основе [1, 3-4, 6, 13].
Author's development based on [1, 3-4, 6, 13].

В начале консультации врач выделяет ведущую жалобу, срок развития симптомов и сведения, влияющие на безопасность клинического решения, затем кратко сопоставляет данные анамнеза с результатами осмотра и медицинской документации, что уменьшает вероятность якорения на первом объяснении состояния [1]. Следует отметить, что нагрузка врача снижается за счёт распределения умственного усилия между тремя действиями: структурированным сбором сведений, поиском несоответствий и проверкой альтернативной диагностической гипотезы [2].

Важное значение имеет краткая пауза перед завершением консультации, во время которой врач повторно оценивает тревожные признаки, лекарственные влияния, коморбидность и данные, не согласующиеся с исходной версией [3]. Ещё одним способом контроля выступает четкая коммуникация с пациентом, поскольку уточнение самооценки состояния, боли, утомляемости и ожиданий от лечения помогает уменьшить риск неполной клинической картины [4, 13]. При высокой неопределённости врач обращается к доказательным рекомендациям, коллегиальному обсуждению ситуации и цифровой подсказке как к средствам профессиональной проверки решения с учётом сохранения личной ответственности за итоговую диагностическую гипотезу и тактику ведения пациента [6, 8].

Практический смысл предлагаемой стратегии состоит в последовательной самопроверке клинического решения (сбор значимых данных, анализ несоответствий, оценка альтернативной гипотезы и объяснение пациенту дальнейшей тактики) [3]. Практическое значение предложенной стратегии снижения когнитивных ошибок врача для качества клинических решений состоит в том, что амбулаторный терапевтический приём становится более проверяемым по содержанию врачебного суждения – врач последовательно уточняет исходные сведения, оценивает расхождения между жалобами, анамнезом, осмотром и самооценкой пациента, отделяет ранее закреплённую диагностическую версию от текущей клинической картины, соотносит выбранную диагностическую гипотезу с доказательными рекомендациями и профессиональным обсуждением сложного случая.

В дальнейшем целесообразна эмпирическая проверка предложенной стратегии на материале амбулаторных терапевтических консультаций с оценкой частоты якорения, предвзятости подтверждения, диагностической инерции и преждевременного завершения диагностического поиска до внедрения рабочей инструкции и по итогам её использования. Перспективным направлением также является разработка краткого чеклиста самопроверки клинического решения для врача терапевтического профиля, а также оценка его влияния на полноту сбора жалоб, выявление противоречивых данных, качество объяснения пациенту дальнейшей тактики и обоснованность обращения к доказательной медицине. Также значение имеет изучение связи между контролем когнитивной нагрузки врача, коммуникативными навыками и снижением числа диагностических решений, основанных на первом клиническом впечатлении.

Выводы

Когнитивные ошибки врача возникают в тех ситуациях, когда клиническое решение принимается на фоне дефицита времени, неполных сведений о пациенте и высокой нагрузки на мышление. В амбулаторной терапевтической практике их значение велико. Предложенная стратегия ориентирована на квалифицированных специалистов и может использоваться как рабочая инструкция по снижению риска якорения, предвзятости подтверждения, диагностической инерции и преждевременного завершения диагностического поиска в амбулаторной терапевтической практике. Авторский деловой вклад заключается в разработке прикладного порядка самопроверки клинического решения, созданного с учётом личной практики ведения пациентов, участия в клиническом решении и профессиональной коммуникации в здравоохранении: данный порядок соединяет сбор значимых сведений, оценку альтернативной диагностической гипотезы, контроль когнитивной нагрузки, понятное объяснение пациенту дальнейшей тактики и обращение к доказательной медицине как к средству повышения обоснованности врачебного решения.

Список источников

1. Watari T. et al. Cognitive bias and diagnostic errors among physicians in Japan: a self-reflection survey // International journal of environmental research and public health. 2022. Vol. 19. No. 8. P. 1 – 11.
2. Croskerry P., Campbell S.G., Petrie D.A. The challenge of cognitive science for medical diagnosis // Cognitive Research: Principles and Implications. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 1 – 14.
3. Graber M.A. Эвристики и медицинские ошибки. Часть 2. Как улучшить медицинские решения // Российский семейный врач. 2021. Т. 25. № 1. С. 45 – 52.
4. Чередниченко Д.В. Современные модели общения врача с пациентом // Медицинские новости. 2023. № 11 (350). С. 9 – 16.
5. Скрябин В.Ю. Логические ошибки в практике врача // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2022. Т. 17. № 3. С. 154 – 165.
6. Павлов Ч.С. и др. Критическое мышление в медицинском образовании // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22. № S2. С. 38 – 48.
7. Денисова В.Г. Когнитивные нарушения, искажения и логические ошибки: эпистемологический анализ // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2025. № 2 (72). С. 99 – 107.
8. Sezgin E. Artificial intelligence in healthcare: complementing, not replacing, doctors and healthcare providers // Digital health. 2023. Vol. 9. P. 1 – 5.
9. Блинникова И.В., Сапегин Г.Е. Гугл-эффект при запоминании профессионально специфичной и неспецифичной информации // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2026. № 1. С. 64 – 91.
10. Комиссаров Е.Е., Нуриева Н.С., Козлов М.Е. Роль когнитивных искажений в медицинской и управленческой деятельности // Менеджер здравоохранения. 2025. № 4. С. 4 – 13.
11. Павлов Ч.С. и др. Образовательные приоритеты и программы развития исследовательских компетенций в науко-ориентированном медицинском образовании // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21. № S4. С. 11 – 19.
12. Омеличкин О.В. Медицинские ошибки: этический аспект // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2024. Т. 5. № 1. С. 16 – 25.
13. Полищук Е.Ю. и др. Нужно оценить эффективность терапии? Спросите пациента! // Научно-практическая ревматология. 2023. Т. 61. № 3. С. 361 – 368.
14. Kempt H., Heilinger J.C., Nagel S.K. “I’m afraid I can’t let you do that, Doctor”: meaningful disagreements with AI in medical contexts // AI & society. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 1407 – 1414.
15. Конаныхина А.К., Комаров Г.А., Кочубей А.В. Право на ошибку: врачебные ошибки глазами врачей и пациентов // Клиническая практика. 2018. Т. 9. № 3. С. 70 – 73.

References

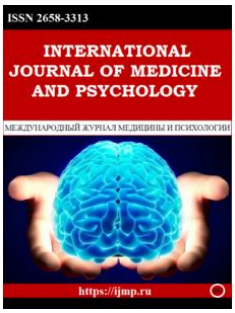
1. Watari T. et al. Cognitive bias and diagnostic errors among physicians in Japan: a self-reflection survey. International journal of environmental research and public health. 2022. Vol. 19. No. 8. P. 1 – 11.
2. Croskerry P., Campbell S.G., Petrie D.A. The challenge of cognitive science for medical diagnosis. Cognitive Research: Principles and Implications. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 1 – 14.
3. Graber M.A. Heuristics and medical errors. Part 2. How to improve medical decisions. Russian family doctor. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 45 – 52.
4. Cherednichenko D.V. Modern models of doctor-patient communication. Medical news. 2023. No. 11 (350). P. 9 – 16.
5. Skryabin V.Yu. Logical errors in medical practice. Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 154 – 165.
6. Pavlov Ch. S. et al. Critical thinking in medical education. Cardiovascular therapy and prevention. 2023. Vol. 22. No. S2. P. 38 – 48.
7. Denisova V.G. Cognitive impairments, distortions, and logical errors: an epistemological analysis. Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2025. No. 2 (72). P. 99 – 107.
8. Sezgin E. Artificial intelligence in healthcare: complementing, not replacing, doctors and healthcare providers. Digital health. 2023. Vol. 9. P. 1 – 5.
9. Blinnikova I.V., Sapegin G.E. The Google effect in memorizing professionally specific and non-specific information. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2026. No. 1. P. 64 – 91.
10. Komissarov E.E., Nurieva N.S., Kozlov M.E. The role of cognitive distortions in medical and managerial activities. Healthcare Manager. 2025. No. 4. P. 4 – 13.

11. Pavlov Ch.S. et al. Educational priorities and programs for the development of research competencies in science-oriented medical education. Cardiovascular Therapy and Prevention. 2022. Vol. 21. No. S4. P. 11 – 19.
12. Omelichkin O.V. Medical Errors: Ethical Aspect. Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2024. Vol. 5. No. 1. P. 16 – 25.
13. Polischuk E. Yu. et al. Need to Assess the Effectiveness of Therapy? Ask the Patient! Scientific and Practical Rheumatology. 2023. Vol. 61. No. 3. P. 361 – 368.
14. Kempt H., Heilinger J.C., Nagel S.K. "I'm afraid I can't let you do that, Doctor": Meaningful Disagreements with AI in Medical Contexts. AI & Society. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 1407 – 1414.
15. Konanykhina A.K., Komarov G.A., Kochubey A.V. The Right to Make a Mistake: Medical Errors through the Eyes of Doctors and Patients. Clinical Practice. 2018. Vol. 9. No. 3. P. 70 – 73.

Информация об авторе

Жихарев Е.А., врач-рентгенолог, Красногорская клиническая больница

© Жихарев Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 159.99
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-156-162

[1] Алиева Д.В.,
[1] Степанкова В.А.,
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Взаимосвязь эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников ОВД

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимосвязи эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников органов внутренних дел в условиях профессиональной деятельности. Проведен анализ отечественных исследований, посвященных эмоциональной устойчивости как психологическому ресурсу личности и одному из факторов успешной профессиональной адаптации. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного с участием сотрудников патрульно-постовой службы, имеющих различный стаж службы. Для изучения эмоциональной устойчивости использовался Тест жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева), для изучения адаптации – Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ). Установлены статистически значимые положительные взаимосвязи между показателями эмоциональной устойчивости и адаптационного потенциала сотрудников органов внутренних дел. Выявлено, что по мере увеличения стажа службы возрастает уровень жизнестойкости, нервно-психической устойчивости, коммуникативных способностей и личностного адаптивного потенциала. Полученные результаты подтверждают, что эмоциональная устойчивость является важным психологическим фактором успешной адаптации сотрудников органов внутренних дел и может рассматриваться как одно из ключевых направлений психологического сопровождения их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: эмоциональная устойчивость, взаимосвязь, адаптация, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная деятельность, личность

Для цитирования: Алиева Д.В., Степанкова В.А. Взаимосвязь эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников ОВД // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 156 – 162. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-156-162

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Alieva D.V.,
[1] Stepankova V.A.,
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The relationship between emotional resilience and adaptation in law enforcement officers

Abstract: the article discusses the problem of the relationship between emotional stability and adaptation of employees of internal affairs bodies in the conditions of professional activity. The analysis of domestic studies devoted to emotional stability as a psychological resource of the individual and one of the factors of successful professional adaptation is carried out. The results of the empirical study conducted with the participation of patrol and watch officers with different length of service are presented. The Test of Resilience (S. Maddi's Technique, adapted by D.A. Leontiev) was used to study emotional stability, and the Multilevel Personality Questionnaire "Adaptability" (MLO-AM) was used to study adaptation. Statistically significant positive relationships have been established

between indicators of emotional stability and adaptation potential among employees of internal affairs bodies. It has been revealed that as the length of service increases, the level of resilience, neuropsychological stability, communicative abilities, and personal adaptive potential also increases. The obtained results confirm that emotional stability is an important psychological factor for the successful adaptation of employees of internal affairs bodies and can be considered as one of the key areas of psychological support for their professional activities.

Keywords: emotional stability, interconnection, adaptation, internal affairs officer, professional activity, personality

For citation: Alieva D.V., Stepankova V.A. The relationship between emotional resilience and adaptation in law enforcement officers. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 156 – 162. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-156-162

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В современных условиях профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел осуществляется в ситуации постоянного воздействия стрессогенных факторов, высокой ответственности за принимаемые решения, необходимости оперативного реагирования на быстро меняющуюся оперативную обстановку и интенсивного межличностного взаимодействия. Указанные обстоятельства предъявляют повышенные требования к психологическим ресурсам личности сотрудника, среди которых особое место занимает эмоциональная устойчивость. Именно она обеспечивает способность сохранять эффективность профессиональной деятельности, контролировать эмоциональные реакции и принимать адекватные решения в условиях психоэмоционального напряжения.

Вместе с тем успешность профессиональной деятельности определяется не только уровнем эмоциональной устойчивости, но и способностью сотрудника полиции адаптироваться к условиям служебного коллектива, требованиям профессиональной среды и особенностям организационной культуры подразделения [1]. Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что эмоциональная устойчивость и адаптация находятся в тесной взаимосвязи, однако механизмы данного взаимодействия, особенно применительно к сотрудникам органов внутренних дел, остаются изученными недостаточно [2].

Несмотря на наличие отдельных исследований, посвящённых эмоциональной устойчивости либо профессиональной адаптации сотрудников силовых структур, комплексное рассмотрение данных феноменов как взаимосвязанных компонентов единой системы психологического обеспечения служебной деятельности практически отсутствует [3]. Целью исследования является выявление особенностей взаимосвязи эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников органов внутренних дел.

По мнению Зеера Э.Ф., эмоциональная устойчивость, как психологическая характеристика личности, выступает фундаментом успешной адаптации в профессиональной среде, отражает способность человека сохранять внутреннее равновесие, контролировать эмоциональные реакции и принимать рациональные решения в условиях служебных стрессоров [4].

В работах Зинченко Ю.П. эмоциональная устойчивость является внутренним ресурсом личности, который облегчает процесс адаптации к новым профессиональным и социальным условиям. Уровень развитости данного качества определяет насколько быстро и безболезненно сотрудник сможет войти в служебную среду, принять её нормы, установить позитивные отношения с коллегами и сформировать собственную профессиональную идентичность [5].

Федотов А.Ю. отмечал, что для сотрудников органов внутренних дел эмоциональная устойчивость имеет особое значение, поскольку служебная деятельность в системе МВД России сопровождается постоянным риском, высоким физическим и психическим напряжением, взаимодействием с агрессивными либо травмирующими ситуациями, а также функционированием в условиях строгой служебной иерархии. По мнению автора, эмоциональная устойчивость позволяет сотруднику полиции не утрачивать рабочий настрой в стрессовых ситуациях, сохранять высокую результативность и чувствовать себя психологически комфортно в коллективе [6].

Эмоциональная устойчивость очень важна для успешной адаптации, ведь для сотрудника органов внутренних дел начало профессионального пути связано не только с освоением служебных задач. Ему также нужно войти в новый круг общения, наладить отношения с коллегами и привыкнуть к установленным правилам службы. На этом этапе человек нередко испытывает разные чувства: тревогу из-за непривычной об-

становки и большой ответственности, страх совершить ошибку, напряжение в общении с руководством и сослуживцами, а также стресс, который возникает из-за высокой нагрузки и опасности, связанной с работой.

Если эмоциональная устойчивость развита недостаточно, такие факторы могут привести к дезадаптации, внутреннему напряжению, снижению мотивации, конфликтам и падению рабочей эффективности. Когда же эмоциональная устойчивость высокая, сотруднику органов внутренних дел легче принимать служебные требования, искать разумные способы справляться с трудностями и быстрее восстанавливаться после неудач.

Таким образом, эмоциональная устойчивость в период адаптации помогает человеку не только контролировать свое поведение, но и не допускать срывов [6]. Она дает возможность сдерживать вспышки импульсивности и агрессии, сохранять выдержку в трудных и конфликтных обстоятельствах, не утрачивать положительное отношение к службе и коллективу, а также вызывать доверие и укреплять профессиональный авторитет среди коллег.

Именно поэтому эмоциональную устойчивость можно назвать психологической основой успешной адаптации сотрудника полиции. Отсюда следует, что адаптацию сотрудников органов внутренних дел нужно рассматривать в неразрывной связи с уровнем развития их эмоциональной устойчивости.

Кроме того, Федотов А.Ю. отмечал, что эмоциональная устойчивость связана с внутренним равновесием личности и способностью к саморегуляции, тогда как адаптация представляет собой внешний процесс включения сотрудника в профессиональную среду, где эти качества проявляются на практике [7, с. 112-118].

По мнению Лактионовой А.И., связь между эмоциональной устойчивостью и адаптационными процессами работает в обе стороны и держится на механизме обратной связи. Когда адаптация идёт удачно, у сотрудника растёт чувство собственной эффективности и укрепляется эмоциональная устойчивость. А если неудачи повторяются, а поддержки со стороны людей рядом нет, тревожность, как пишет автор, усиливается, и этот личностный ресурс заметно проседает [8].

В исследованиях Позина А.И. и Балашовой В.А. эта связь прослеживается на разных этапах адаптации сотрудников органов внутренних дел. Авторы отмечают, что на ориентационном этапе высокий уровень эмоциональной устойчивости помогает быстрее освоить служебные нормы и снижает тревожность. Когда же этого качества не хватает, риск ранней дезадаптации становится выше [9].

Реан А.А. отмечал, что сам процесс адаптации тоже влияет на эмоциональную устойчивость личности. Когда рядом есть наставник, когда человек видит перед собой хорошие примеры и справляется с профессиональными задачами, у него лучше развиваются механизмы саморегуляции, и вместе с этим крепнет эмоциональная устойчивость. А если нагрузка постоянно давит, случаются травматические ситуации и при этом человеку не хватает поддержки, этот ресурс может заметно снижаться [10].

Эмоциональная устойчивость – один из ключевых факторов, который влияет на то, насколько быстро и успешно сотрудники органов внутренних дел проходят адаптацию. В то же время особенности адаптационного процесса и организационного климата оказывают непосредственное влияние на формирование и развитие данного качества личности. В целом, эмоциональная устойчивость ключевой ресурс, определяющий скорость и качество адаптации сотрудников органов внутренних дел.

Поэтому взаимосвязь эмоциональной устойчивости и адаптационных процессов в служебном коллективе носит системный, динамический и двунаправленный характер, выступает значимым личностным ресурсом, обеспечивающим адекватную когнитивную оценку служебных требований, гибкую эмоциональную и физиологическую саморегуляцию, а также выбор конструктивных поведенческих стратегий, что в совокупности повышает успешность профессиональной и социально-психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел [11].

Проведенный теоретический анализ позволяет предположить существование статистически значимых взаимосвязей между эмоциональной устойчивости и показателями адаптации сотрудников органов внутренних дел [12]. Проверка данного предположения осуществлялась в рамках эмпирического исследования.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняло участие 60 сотрудников патрульно-постовой службы УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве. Чтобы разобраться в особенностях эмоциональной устойчивости и адаптации, сотрудников разделили на три группы по стажу службы (20 сотрудников стаж до 6 месяцев, 20 сотрудников стаж от 1 года до 5 лет, 20 сотрудников стаж от 5 лет):

1. Сотрудники со стажем до 6 месяцев – это самый первый этап профессиональной адаптации. Сотрудник в это время осваивает служебные обязанности, привыкает к требованиям профессиональной среды и постепенно входит в служебный коллектив.

2. Сотрудники со стажем от 1 года до 5 лет – это этап активного профессионального становления. Адаптация к условиям службы уже в основном завершается, начинают складываться устойчивые профессиональные навыки и вырабатываются рабочие стратегии совладающего поведения.

3. Сотрудники со стажем более 5 лет – это сотрудники с уже устойчивым профессиональным опытом, сформированными механизмами эмоциональной саморегуляции и высоким уровнем включенности в служебный коллектив.

Для изучения эмоциональной устойчивости использовался Тест жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева), для изучения адаптации – Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ).

Результаты и обсуждения

Рассмотрим полученные результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения показателей сотрудников ОВД с различным стажем службы.

Table 1

Average values of indicators for police officers with different service experience.

Шкалы	Сотрудники со стажем до 6 месяцев	Сотрудники со стажем от 1 года до 5 лет	Сотрудники со стажем от 5 лет
Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ)			
Нервно-психическая устойчивость (НПУ)	5,4	7,2	8,5
Коммуникативные способности (КС)	4,8	6,9	8,1
Моральная нормативность (МН)	6,2	7,4	8,0
Личностный адаптивный потенциал (ЛАП)	16,4	21,5	24,6
Тест жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева)			
Вовлеченность	34,2	39,8	44,5
Контроль	29,6	35,2	40,3
Принятие риска	15,8	18,6	21,4
Общий уровень жизнестойкости	79,6	93,6	106,2

Анализ средних значений по тесту жизнестойкости (Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева) показал выраженную тенденцию к повышению показателей эмоциональной устойчивости и личностной адаптации по мере увеличения стажа службы сотрудников полиции. Наиболее высокие показатели жизнестойкости (вовлеченности, контроля, принятия риска) выявлены у сотрудников со стажем более пяти лет, тогда как сотрудники, проходящие начальный этап профессиональной адаптации (до шести месяцев), характеризуются наиболее низкими значениями по данным шкалам.

Аналогичная динамика наблюдается по показателям многоуровневого личностного опросника «Адаптивность». С увеличением стажа службы возрастают нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность и личностный адаптивный потенциал, что свидетельствует о более успешной адаптации опытных сотрудников к требованиям служебной деятельности и особенностям функционирования служебного коллектива.

Корреляционный анализ показал, что между показателями эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников органов внутренних дел есть статистически значимые положительные связи. Самая тесная связь выявилась между общим уровнем жизнестойкости и личностным адаптивным потенциалом ($r=0,83$ при $p\leq0,01$). Ещё одна сильная связь с нервно-психической устойчивостью ($r=0,74$ при $p\leq0,01$). Можно сделать вывод, что эмоциональная устойчивость заметно влияет на то, как сотрудники органов внутренних дел проходят профессиональную адаптацию.

Таблица 2

Корреляционная матрица взаимосвязи показателей эмоциональной устойчивости и адаптации у сотрудников ОВД (по Пирсону).

Table 2

Correlation matrix of the relationship between indicators of emotional stability and adaptation in law enforcement officers (according to Pearson).

Шкалы	Нервно-психическая устойчивость	Коммуникативные способности	Моральная нормативность	Личностный адаптивный потенциал
Вовлеченность	0,63**	0,52**	0,34*	0,71**
Контроль	0,69**	0,58**	0,44**	0,76**
Принятие риска	0,48**	0,41**	0,29*	0,57**
Общий уровень жизнестойкости	0,74**	0,61*	0,47	0,83**

*Примечание: *p≤0,05; **p≤0,01.*
*Note: *p≤0.05; **p≤0.01.*

Корреляционный анализ показал, что между показателями эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников органов внутренних дел есть статистически значимые положительные связи. Самая тесная связь выявилась между общим уровнем жизнестойкости и личностным адаптивным потенциалом (r=0,83 при p≤0,01). Ещё одна сильная связь – с нервно-психической устойчивостью (r=0,74 при p≤0,01). Иными словами, эмоциональная устойчивость заметно влияет на то, как сотрудники проходят профессиональную адаптацию.

Из компонентов жизнестойкости наиболее выраженные взаимосвязи с показателями адаптации продемонстрировала шкала «Контроль». Повышение субъективного ощущения способности управлять жизненными обстоятельствами сопровождается ростом нервно-психической устойчивости ($r = 0,69$; $p \leq 0,01$), коммуникативных способностей ($r = 0,58$; $p \leq 0,01$) и личностного адаптивного потенциала ($r = 0,76$; $p \leq 0,01$).

Для выявления особенностей эмоциональной устойчивости и адаптации сотрудников органов внутренних дел на различных этапах профессионального становления был проведен сравнительный анализ показателей трех независимых групп, выделенных по стажу службы (до 6 месяцев, от 1 года до 5 лет и более 5 лет). Поскольку исследование предусматривало сравнение средних значений более чем в двух независимых выборках, для статистической обработки данных использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сравнение показателей эмоциональной устойчивости и адаптации у сотрудников ОВД с различным стажем службы (ANOVA).

Table 3

Comparison of indicators of emotional stability and adaptation among police officers with different service experience (ANOVA).

Показатель	Стаж службы до 6 месяцев (M±SD)	Стаж службы от 1года до 5 лет (M±SD)	Стаж службы более 5 лет (M±SD)	F	p
Вовлеченность	34,2±4,8	39,8±4,5	44,5±4,2	28,74	<0,01
Контроль	29,6±4,2	35,2±4,1	40,3±3,8	35,81	<0,01
Принятие риска	15,8±2,9	18,6±2,8	21,4±2,5	24,17	<0,01
Общий уровень жизнестойкости	79,6±8,5	93,6±8,2	106,2±7,9	46,53	<0,01
Нервно-психическая устойчивость	5,4±1,1	7,2±1,0	8,5±0,9	31,48	<0,01
Коммуникативные способности	4,8±1,2	6,9±1,1	8,1±1,0	37,65	<0,01
Моральная нормативность	6,2±0,9	7,4±0,8	8,0±0,7	16,92	<0,01
Личностный адаптивный потенциал	16,4±2,8	21,5±2,6	24,6±2,5	54,18	<0,01

Примечание: M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.
Note: M – mean value, SD – standard deviation.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между сотрудниками органов внутренних дел с различным стажем службы по всем исследуемым показателям ($p<0,01$). По мере увеличения стажа службы наблюдается последовательное повышение показателей эмоциональной устойчивости и адаптационного потенциала.

Наиболее выраженные различия выявлены по общему уровню жизнестойкости ($F = 46,53$; $p < 0,01$) и личностному адаптивному потенциалу ($F = 54,18$; $p < 0,01$). Сотрудники со стажем больше 5 лет показывают более высокие результаты по вовлеченности, контролю, принятию риска, нервно-психической устойчивости, коммуникативным способностям и личностному адаптивному потенциалу, чем те, кто только начинает профессиональный путь. Можно предположить, что с накоплением опыта человек постепенно становится эмоционально устойчивее и лучше приспосабливается и к служебной работе, и к общению в коллективе.

Выводы

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу исследования о том, что высокий уровень эмоциональной устойчивости является важным психологическим фактором успешной адаптации сотрудников органов внутренних дел к условиям служебной деятельности. На практике это можно использовать при психологическом сопровождении молодых сотрудников, при разработке программ профессиональной адаптации и для профилактики дезадаптационных проявлений в служебных коллективах

Список источников

1. Гончарова Н.А. Личностные факторы профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8. № 2. С. 152 – 165. DOI 10.12737/2500-0543-2023-8-2-152-165

2. Муксинова И.И., Медведев А.В., Финикова О.В., Вахрушева П.А. Выработка психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел в профессиональной деятельности // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее: Сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции: в 3-х т. Курск, 19-20 октября 2023 года / Редкол.: А.А. Горохов (отв. редактор). Том 1. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2023. С. 406 – 409.

3. Николаева Ю.В. Специфика психологического консультирования сотрудников ОВД по проблеме адаптации // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: Сборник научных трудов VIII Международной конференции, Москва, 05-06 июня 2024 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 284 – 289.

4. Зеер Э.Ф. Психология профессий : учебник для высших учебных заведений. Москва: Академический проект, 2021. 299 с.

5. Зинченко Ю.П. Психология труда и организационная психология: учебник / под ред. Ю.П. Зинченко. Москва: МГУ, 2018. 528 с.

6. Кондакова Е.С. Формирование психологической устойчивости и эмоционального интеллекта как компонентов профессиональной компетенции сотрудника ОВД // Формирование профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел: Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава кафедры русского языка, слушателей и курсантов Московского университета МВД России имени В. Я.Кикотя, Москва, 22 апреля 2025 года. Ярославль: ООО "Канцлер", 2025. С. 128 – 131.

7. Федотов А.Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур: дис. … докт. психол. наук. 2020. 905 с.

8. Здобнова Д.Н., Карапетян Л.Ш., Колтунов Е.И. и др. Ресурсы жизнеспособности и стрессоустойчивости современного человека: Психологические, психофизиологические, нейробиологические, педагогические аспекты. Челябинск: Общество с ограниченной ответственностью "Полиграф-мастер", г. Челябинск, 2021. 512 с. ISBN 978-5-9772-0418-7

9. Позин А.И., Балашова В.А., Кравцов О.Г. Эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 288 – 294. DOI 10.24412/2073-0454-2023-2-288-294

10. Реан А., Кудашев А., Баранов А. Психология адаптации личности. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2008. 480 с. ISBN 978-5-93878-716-2.

11. Попинако Е.А. Прогнозирование успешности адаптации сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, проходящих профессиональное обучение: дис. … канд. психол. наук. 2023. 271 с.

12. Банников В.Л. Когнитивная сложность как предиктор психологической устойчивости личности // Время науки: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 июня 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 311 – 313.

References

1. Goncharova N.A. Personal factors of professional success of employees of internal affairs bodies. Applied psychology and pedagogy. 2023. Vol. 8. No. 2. P. 152 – 165. DOI 10.12737/2500-0543-2023-8-2-152-165

2. Muksinova I.I., Medvedev A.V., Finikova O.V., Vakhrusheva P.A. Developing psychological stability of employees of internal affairs bodies in professional activities. Problems and prospects for the development of Russia: A youth look into the future: Collection of scientific articles of the 6th All-Russian scientific conference: in 3 volumes. Kursk, October 19-20, 2023. Editorial board: A.A. Gorokhov (editor-in-chief). Vol. 1. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2023. P. 406 – 409.

3. Nikolaeva Yu.V. Specifics of Psychological Counseling of Internal Affairs Bodies Employees on the Problem of Adaptation. Professional Education of Internal Affairs Bodies Employees. Pedagogy and Psychology of Service Activities: Status and Prospects: Collection of Scientific Papers of the VIII International Conference, Moscow, June 5-6, 2024. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 284 – 289.

4. Zeer E.F. Psychology of Professions: Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Academichesky Proekt, 2021. 299 p.

5. Zinchenko Yu.P. Psychology of Labor and Organizational Psychology: Textbook. edited by Yu.P. Zinchenko. Moscow: Moscow State University, 2018. 528 p.

6. Kondakova E.S. Formation of Psychological Stability and Emotional Intelligence as Components of Professional Competence of an Internal Affairs Bodies Officer. Formation of Professional Competence of an Internal Affairs Bodies Officer: Collection of Scientific Articles by the Faculty of the Russian Language Department, Students, and Cadets of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, April 22, 2025. Yaroslavl: OOO "Kantsler", 2025. P. 128 – 131.

7. Fedotov A.Yu. Psychological Support of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist: Diss. … Doctor of Psychological Sciences. 2020. 905 p.

8. Zdobnova D.N., Karapetyan L.Sh., Koltunov E.I. and others. Resources of vitality and stress resistance of a modern person: Psychological, psychophysiological, neurobiological, pedagogical aspects. Chelyabinsk: Limited Liability Company "Polygraph-master", Chelyabinsk, 2021. 512 p. ISBN 978-5-9772-0418-7

9. Pozin A.I., Balashova V.A., Kravtsov O.G. Emotional stability as a criterion of professional psychological suitability of a police officer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 288 – 294. DOI 10.24412/2073-0454-2023-2-288-294

10. Rean A., Kudashev A., Baranov A. Psychology of personality adaptation. Saint Petersburg: Prime-Euroznak, 2008. 480 p. ISBN 978-5-93878-716-2.

11. Popinako E.A. Predicting the Successful Adaptation of Employees Recruited for the First Time in the Internal Affairs Bodies and Undergoing Professional Training: Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. 2023. 271 p.

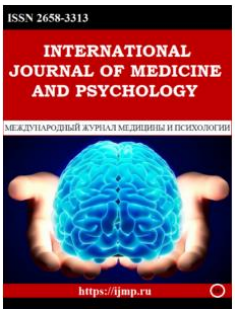
12. Bannikov V.L. Cognitive Complexity as a Predictor of Psychological Stability. Time of Science: Current Issues, Achievements, and Innovations: Collection of Articles from the VII International Scientific and Practical Conference, Penza, June 10, 2025. Penza: Science and Education (IP Gulyaev, G.Yu.), 2025. P. 311 – 313.

Информация об авторах

Алиева Д.В., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1256-1238, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, dasha_rusik@mail.ru

Степанкова В.А., кандидат психологических наук, преподаватель, Учебно-научный комплекс психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, i@vstepankova.ru

© Алиева Д.В., Степанкова В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9.072
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-163-170

[1] Козырева Н.И.,
[1] Кубанский государственный университет

Особенности формирования образовательных и материальных притязаний у молодых людей раннего юношеского возраста

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования образовательных и материальных притязаний молодых людей раннего юношеского возраста города Краснодара (N=367), 2024 г. Выявлено, что материальные притязания выпускников существенно завышены: желаемый уровень заработной платы в 2,84 раза превышает среднюю по городу, минимально приемлемый – в 1,67 раза. Образовательные притязания также высоки: 86% планируют поступать в ВУЗы, что коррелирует с высоким образовательным статусом родителей (75% матерей и 64% отцов имеют высшее образование). С помощью корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) установлены значимые положительные связи между материальным положением семьи и удовлетворённостью жизнью, выбором профессии, самооценкой способностей и уверенностью в себе, а также отрицательные связи с тревогой о будущем профессии. Обнаружена гендерная специфика: у юношей самооценка и уверенность связаны с материальным положением семьи, а у девушек выше образовательные притязания и внутренняя мотивация к труду, чем у юношей. Делается вывод о ключевой роли семьи в формировании завышенных и не всегда реалистичных материальных и образовательных ожиданий молодых людей раннего юношеского возраста, что создаёт риски разочарования на последующих жизненных этапах. Результаты могут быть использованы в профориентационной работе и психолого-педагогическом сопровождении старшеклассников и их семей.

Ключевые слова: материальные притязания, материальные ожидания, образовательные притязания, старший школьный возраст, ранняя юность, удовлетворённость жизнью, завышенные ожидания

Для цитирования: Козырева Н.И. Особенности формирования образовательных и материальных притязаний у молодых людей раннего юношеского возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 163 – 170. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-163-170

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Kozyreva N.I.,
[1] Kuban State University

Features of the formation of educational and material aspirations in young people of early adolescence

Abstract: the article presents the results of an empirical study of educational and material aspirations of young people of early adolescence in the city of Krasnodar (N=367, 2024). It was revealed that the material aspirations of graduates are significantly overestimated: the desired salary level is 2.84 times higher than the city average, the minimum acceptable – 1.67 times higher. Educational aspirations are also high: 86% plan to enter higher education institutions, which correlates with the high educational status of parents (75% of mothers and 64% of fathers have higher education). Using correlation analysis (Spearman's coefficient), significant positive relationships were established between the family's financial situation and life satisfaction, career choice, self-assessment of abilities, and

self-confidence, as well as negative relationships with anxiety about the future of the profession. Gender specificity was found: in young men, self-assessment and confidence are associated with family financial status, while young women show higher educational aspirations and intrinsic work motivation than young men. A conclusion is drawn about the key role of the family in the formation of inflated and not always realistic material and educational expectations in young people of early adolescence, which creates risks of disappointment at subsequent life stages. The results can be used in career guidance work and psychological and pedagogical support for high school students and their families.

Keywords: material aspirations, material expectations, educational aspirations, senior school age, early adolescence, life satisfaction, inflated expectations

For citation: Kozyreva N.I. Features of the formation of educational and material aspirations in young people of early adolescence. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 163 – 170. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-163-170

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Проблема формирования образовательных и материальных притязаний в юношеском возрасте представляет собой важную область междисциплинарных исследований, находящуюся на пересечении психологии личности, возрастной психологии, экономической психологии и социологии. В старшем школьном возрасте активно формируются ценностно-смысловые структуры личности, включая представления о деньгах, достатке, социальном статусе и материальном успехе, что в значительной степени определяет дальнейшую жизненную траекторию человека.

В исследовании используется возрастная периодизация Б.Г. Ананьева. Б.Г. Ананьев рассматривал возраст человека как функцию биологического и исторического времени, подчёркивая, что возрастные изменения сочетают в себе онтогенетическую и биографическую линии. Кроме того, важны изменения размерности в возрастной периодизации: если в детских возрастах месяцы и даже недели имеют значение качественной ступени развития, то в юношеском возрасте акцент смещается на социальное становление и начало формирование субъекта деятельности. В рамках данной периодизации старший школьный возраст (16-18 лет) относится к этапу юношества, для которого характерно активное вхождение личности в систему социальных отношений, осмысление своего места в обществе и построение перспективных жизненных планов, а основной возрастной кластер (16-17 лет) к этапу ранней юности. Именно на этом этапе закладываются основы материальных притязаний, которые будут определять поведение личности в сфере труда и потребления на последующих возрастных этапах.

Семья является важнейшим институтом социализации, формирующим не только когнитивные и эмоциональные структуры личности, но и ценностные ориентиры, включая отношение к материальным благам. В психологической науке признано, что образовательные и карьерные установки передаются в семье, а родители с высшим образованием, как правило, формируют у детей установки на продолжение учёбы, карьерный рост и высокий уровень притязаний. Однако остаются недостаточно изученными вопросы о том, как именно сочетание факторов, связанных с семьёй, влияет на формирование материальных ожиданий у современных выпускников школ и каковы гендерные особенности этого процесса.

Объект исследования: образовательные и материальные притязания.

Предмет исследования: особенности образовательных и материальных притязаний молодых людей раннего юношеского возраста.

Цель настоящего исследования: выявление особенностей формирования образовательных и материальных притязаний у молодых людей юношеского возраста и влияющих на них семейных факторов.

Задачи исследования:

1) Определить характеристики образовательных и материальных притязаний выпускников 11-х классов.

2) Изучить социально-экономические характеристики семей выпускников и выявить их связь с уровнем притязаний.

3) Выявить статистически значимые гендерные различия в образовательных и материальных притязаниях.

4) Проанализировать соотношение заявленных материальных притязаний с объективными показателями заработной платы по региону для оценки реалистичности ожиданий.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на социокультурном подходе В.С. Магуна и А.Н. Дёмина. В основе эмпирической части лежит методика исследования притязаний учащейся молодёжи. При анализе полученные данные о материальных и образовательных ожиданиях выпускников сопоставляются с социально-экономическими показателями развития региона и рынка труда.

Выборка исследования является репрезентативной и включает 367 учащихся 11-х классов из различных общеобразовательных учреждений, включая средние школы и гимназии города Краснодара.

Характеристики выборки: 367 учащихся 11-х классов общеобразовательных учреждений (из них 297 человек (80,93%) – учащиеся средних общеобразовательных школ, 70 человек (19,07%) – учащиеся гимназий) города Краснодара. Соотношение по полу: юноши – 49% (181 человек); девушки – 51% (186 человек). Возрастной состав: 16 лет – 54 человека (24 юноши, 30 девушек); 17 лет – 302 человека (152 юноши, 150 девушек) – основной возрастной кластер; 18 лет – 9 человек (4 юноши и 5 девушек); 19 лет – менее 1% (единичные случаи).

Методы исследования: анкетирование с использованием авторского опросника А. Н. Демина, включающего закрытые и открытые вопросы, шкальные суждения, вопросы на ранжирование [2, 3, 4, 8, 9].

Опрос проводился с помощью анкет в присутствии члена исследовательского коллектива.

Первичные данные были занесены в электронную таблицу (MS Excel), проведена проверка корректности и полноты заполнения анкет. Анкеты, не соответствовавшие требованиям заполнения, были исключены из дальнейшего анализа.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью методов описательной статистики (расчёт средних, медиан, стандартных отклонений, частот), а также непараметрического U-критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Была произведена проверка на нормальность распределения с использованием критерия Колмогорова-Смирнова. Распределение данных отличается от нормального, поэтому сравнение выборок учеников 11-х классов женского и мужского пола по ключевым переменным произведено с использованием U-критерия Манна-Уитни и Z-преобразования.

Результаты и обсуждения

1. Материальные притязания выпускников и их соотношение с объективными экономическими показателями.

Анализ материальных притязаний выпускников выявил их существенное превышение над реальными экономическими показателями региона. Средний желаемый уровень заработной платы для респондентов составил 214 154 рубля в месяц. Минимально приемлемая заработная плата, при которой они готовы приступить к работе, в среднем равна 126 485 рублей в месяц. Для сравнения: по данным Краснодарстата, средняя начисленная заработная плата по Краснодарскому краю в 2025 году составила 75 920 рублей, медианная заработная плата – 61 954 рубля, средняя заработная плата по городу Краснодару в 2025 году – 95 500 рублей. Таким образом, желаемый уровень заработной платы выпускников превышает среднюю по городу в 2,84 раза, а минимально приемлемый – в 1,67 раза.

Трудовые ценности выпускников.

В результате ранжирования был выявлен следующий рейтинг ценностей в сфере труда (расположены в порядке значимости):

1. Высокий заработок.
2. Известность и популярность среди окружающих.
3. Участие в принятии управленческих решений.
4. Возможность приносить пользу другим людям, обществу.
5. Достижение профессионального мастерства.
6. Продвижение по службе.
7. Хорошие взаимоотношения в трудовом коллективе.
8. Гарантированное место работы.

9.5 Возможность раскрыть свои способности.

9.5 Хорошая организация условий труда.

Высокий уровень материальных притязаний и высокий рейтинг ценности «высокий заработок» согласуются с ценностями, характерными для этапа первичного профессионального самоопределения, а также с тем, что материальное благополучие остаётся одним из ключевых показателей успешности. Первые три позиции в ранжировании ценностей согласуются с результатами исследований В.С. Магуна и А.Н. Дёмина [3, 8].

Это свидетельствует о высоком уровне материальных притязаний и, возможно, о недостаточной информированности о реалиях рынка труда. Старший школьный возраст характеризуется формированием идеализированных представлений о будущем, что может объяснять завышенный характер притязаний. Однако важно отметить, что эти притязания формируются под влиянием семейных установок и представлений о «достойном» уровне жизни, транслируемых в том числе и в родительской семье.

2. Социально-экономические характеристики семьи как фактор формирования материальных ожиданий.

В семье формируются материальные ожидания и карьерные ожидания старшеклассников. Высокий образовательный статус родителей создаёт основу для формирования у детей установок на высокий уровень образовательных притязаний.

По результатам проведённого исследования были получены следующие данные о планах на занятость после окончания школы: поступать в институт/университет – 86% (317 человек); не сделали выбора – 4% (16 человек); устраиваться на работу – 4% (13 человек); поступать в профессиональное училище – 3% (12 человек); поступать в техникум, колледж – 1% (4 человека); поступать на краткосрочные курсы обучения – 1% (3 человека).

Большинство выпускников ориентированы на получение высшего образования. При этом, если учащиеся не смогут сразу по окончании школы работать или учиться в соответствии с принятым решением, запасные варианты есть у 38% (141 человек), 46% учащихся (170 человек) отметили наличие запасных планов, которые ещё не продуманы, у 14% выпускников (52 человека) нет запасных планов. По окончании школы 54% респондентов (200 учащихся) уже знают, где именно будут продолжать учёбу.

Рейтинг образовательных притязаний учащихся: институт, университет и какие-нибудь курсы обучения/переобучения – 220 человек (59,95%); институт, университет – 107 человек (29,16%); профессиональное училище и какие-нибудь курсы обучения/переобучения – 11 человек (3,00%); техникум, колледж – 7 человек (1,91%); средняя школа и какие-нибудь курсы обучения/переобучения – 7 человек (1,91%); профессиональное училище – 6 человек (1,63%); техникум, колледж и какие-нибудь курсы обучения/переобучения – 5 человек (1,36%); средняя школа – 3 человека (0,82%).

Должностные притязания выпускников: медиана – 4 (либо руководитель небольшого коллектива, либо руководитель предприятия, учреждения). Среднее значение – 3,68. Рейтинг популярности должностных притязаний: руководитель предприятия, учреждения и т.п. – 126 человек (34,33%); либо руководитель небольшого коллектива, либо руководитель предприятия, учреждения – 104 человека (28,34%); либо рядовой работник, либо руководитель небольшого коллектива на предприятии, в учреждении – 74 человека (20,16%); руководитель небольшого коллектива на предприятии, в учреждении – 46 человек (12,53%); рядовой работник – 17 человек (4,63%).

Статистические данные об образовании родителей выпускников:

– Среднее значение уровня образования матери составляет 3,69 при стандартном отклонении 0,62, медиана равна 4. Это означает, что в среднем образование матерей находится между средним специальным (3) и высшим (4), но ближе к высшему. Медиана 4 подтверждает, что более половины матерей имеют высшее образование. Низкое стандартное отклонение (0,62) указывает на высокую однородность выборки по данному показателю – подавляющее большинство матерей (95%) имеют либо высшее (75%), либо среднее специальное образование (20%), и лишь 5% – не выше 11 классов.

– Среднее значение уровня образования отца составляет 3,54 при стандартном отклонении 0,75, медиана равна 4. Это означает, что в среднем образование отцов также находится между средним специальным (3) и высшим (4), несколько ближе к высшему. Медианное значение 4 подтверждает, что более половины отцов имеют высшее образование. В целом, образовательный статус отцов также является высоким: 87% имеют высшее или среднее специальное образование.

У 75% матерей и 64% отцов есть высшее образование. Матери выпускников школ чаще имеют высшее образование. Ещё 20% матерей и 23% отцов – среднее специальное. Высокий уровень образования родителей формирует у детей установку на обязательное получение высшего образования.

Важным показателем является оценка материального положения семьи самими учащимися. Большинство респондентов (80%) оценивают материальное положение семьи как «можем купить товары длительного пользования» или «ни в чём себе не отказываем» (табл. 1).

Таблица 1

Оценка материального положения семьи.

Table 1

Assessment of the family's financial situation.

33. Какое материальное положение в Вашей семье?	Частотность	Частотность, %
4 – можем купить товары длительного пользования (холодильник, телевизор и т.п.)	162	44%
5 – ни в чем себе не отказываем	131	36%
3 – денег достаточно для приобретения продуктов и одежды	64	17%
2 – денег хватает только на продукты питания	5	1%
1 – денег не хватает даже на самое необходимое	1	0%
0	4	1%

Полученные в результате исследования данные не соответствуют статистическим и свидетельствуют о высоком уровне оптимизма у выпускников школ. Школьники могли субъективно ощутить реальный рост доходов в своих семьях (на 9,7-15,3% в 2024-2025 гг.). Однако этот рост не отменяет того факта, что большая часть населения всё ещё не может позволить себе дорогостоящие покупки и имеет ограниченный «свободный остаток» денежных средств после всех расходов. Согласно данным Росстата по Краснодарскому краю в 2024 году после всех обязательных расходов у среднестатистической семьи с двумя детьми остается 23,2 тыс. рублей.

Социально-психологическое благополучие оценивалось через вопросы об удовлетворённости различными сферами жизни. Ответы на вопросы 16-22 («Укажите, в какой мере Вы удовлетворены следующими сторонами своей жизни») оценивались по 5-балльной шкале: 5 – вполне доволен; 4 – скорее доволен, чем не доволен; 3 – трудно сказать, доволен или нет; 2 – скорее не доволен, чем доволен; 1 – совсем не доволен.

Наиболее высокий уровень удовлетворённости у большинства респондентов – выбором будущей профессии (среднее 4,42, медиана 5), самим собой, своими качествами и способностями (среднее 4,31, медиана 5), тем, как складывается жизнь в целом (среднее 4,34, медиана 5). Незначительно меньше уровень удовлетворённости большинства респондентов состоянием здоровья (среднее 4,21, медиана 4), материальной обеспеченностью (среднее 4,13, медиана 4) и тем, как они проводят свободное время (среднее 4,07, медиана 4). Удовлетворённость учебой у большинства респондентов находится также на высоком уровне, но в общем рейтинге занимает последнее место (среднее 3,96, медиана 4).

При этом у большинства респондентов высокая готовность к трудовой деятельности в виде подработок. В сумме 89% респондентов либо уже имеют заработок, либо хотели бы работать в свободное от учёбы время или на каникулах. Всего 11% старшеклассников не хотят подрабатывать. Большинство учащихся (39%) хотели бы работать именно в свободное от учёбы время (т.е. в течение учебного года), а не только на каникулах (31%). Примерно каждый пятый учащийся 11-х классов (19%) указал, что уже имеет постоянный или временный заработок.

Отношение выпускников школ к труду оценивалось по шкале от 1 («совсем не согласен») до 5 («полностью согласен»). Утверждение «Я хотел бы работать даже в том случае, если бы не нуждался в деньгах» получило самый высокий средний показатель (3,42), причём у девушек он выше (3,61), чем у юношей (3,22). Юноши (3,17) значительно чаще соглашаются, что работа – это только заработок, чем девушки (2,68). Для большинства старшеклассников работа не является главным в жизни (среднее 2,29, медиана 2).

Для проверки гипотезы о соотношении объективных и субъективных факторов был произведён корреляционный анализ материального положения семьи и материальных ожиданий выпускников. Для анализа использовались коэффициенты ранговой корреляции Спирмена, рассчитанные отдельно для юношей (n=181) и девушек (n=186).

В табл. 2 приводятся значимые корреляции различных переменных с оценкой материального положения семьи.

Таблица 2

Значимые коэффициенты корреляции с оценкой материального положения семьи.

Table 2

Significant correlation coefficients with the assessment of family financial situation.

Переменная	Оценка материального положения семьи (юноши)	Оценка материального положения семьи (девушки)
Удовлетворённость материальной обеспеченностью	0,332***	0,377***
Выбор профессии	0,223**	0,149*
Удовлетворённость жизнью	0,307***	0,350***
Возможности для достижения желаемого	0,283***	0,301***
Жизнь в будущем	0,220**	0,191**
Состояние здоровья	0,213**	0,194**
Способности	0,300***	0,179*
Уверенность в силах	0,318***	0,166*
Беспокойство, что профессия будет не нужна	-0,225**	-0,159*
Необходимость доп. обучения технологиям	-0,155*	-0,074

** p<0,05, ** p<0,01, *** p<0,001.*

Удовлетворённость материальной обеспеченностью коррелирует с материальным положением семьи: у юношей r=0,332, у девушек r=0,377, причём у девушек связь несколько сильнее. Удовлетворённость жизнью в целом положительно связана с материальным положением семьи (юноши r=0,307, девушки r=0,350). Чем выше достаток семьи, тем выше общая удовлетворённость жизнью.

Ключевое различие: самооценка способностей значительно сильнее связана с материальным благополучием семьи у юношей (r=0,300), чем у девушек (r=0,179). Уверенность в своих силах также сильнее связана с материальным положением семьи у юношей (r=0,318), чем у девушек (r=0,166). Беспокойство, что профессия будет не нужна из-за технологий, имеет отрицательную связь с материальным положением семьи (юноши r=-0,225**, девушки r=-0,159*).

Сравнение подгрупп юношей и девушек с помощью U-критерия Манна–Уитни выявило статистически значимые различия по ряду показателей. Девушки ориентированы на более высокий уровень образования (среднее 7,5 против 6,95 у юношей, p=0,000). В своих должностных притязаниях девушки также ориентированы на более высокую должность (среднее 3,844 против 3,503 у юношей, p=0,035). Девушки в меньшей степени согласны с тем, что работа – это только способ заработка (среднее 2,672 против 3,171 у юношей, p=0,000), и более мотивированы работать даже при отсутствии материальной необходимости (среднее 3,608 против 3,221 у юношей, p=0,005). В то же время девушки чаще испытывают растерянность при построении карьеры (среднее 2,844 против 3,155 у юношей, p=0,003) и больше обеспокоены возможным изменением интересов с годами (среднее 2,79 против 3,022 у юношей, p=0,017).

Выводы

Проведённое исследование подтвердило, что образовательные притязания и материальные ожидания у молодых людей раннего юношеского возраста происходит под значительным влиянием семьи. Высокий образовательный и материальный статус родителей формирует у учащихся 11-х классов школ города Краснодара завышенные представления о будущем уровне дохода, которые существенно превышают объективные экономические показатели региона.

В эмпирической части исследования по результатам корреляционного анализа выявлено, что материальное положение семьи и удовлетворённость им образуют положительные связи с удовлетворённостью жизнью, профессиональным выбором и уверенностью в себе, и отрицательные связи с беспокойством о будущем профессии. Эти связи имеют гендерную специфику, что особенно наглядно проявляется в структуре корреляций материальных ожиданий и установок.

По результатам проведенного исследования сформированы следующие выводы:

– материальные притязания выпускников превышают реальные средние значения заработной платы по региону, что свидетельствует о завышенных ожиданиях и нереалистичных представлений молодежи.

– существуют статистически значимые различия в уровне притязаний между юношами и девушками, которые подтвердилась по целому ряду показателей. Девушки ориентированы на более высокий уровень образования, выше ценят социальную полезность работы, в большей степени ориентированы на руководящие должности, предпочитают официальные каналы поиска работы, выше оценивают свою успеваемость,

больше обеспокоены возможным изменением интересов и чаще испытывают растерянность при построении карьеры. Девушки демонстрируют более высокий уровень внутренней мотивации к труду, в то время как юноши чаще рассматривают работу только как способ заработка.

Результаты проведённого исследования можно применить в системе образования, школьной психологической службы, профориентационной и социальной работе с учащимися раннего юношеского возраста, а также в личном и семейном консультировании.

Список источников

1. Гут Ю.Н., Кабардов М.К. Особенности временной перспективы личности на этапе профессионального самоопределения // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 3. С. 85 – 97.

2. Дёмин А.Н. Карьерные притязания молодежи, высшее образование и рынок труда в условиях финансово-экономического кризиса // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 3. С. 18 – 27.

3. Дёмин А. Н. Макропсихологический анализ образовательных притязаний трёх групп кубанской молодёжи // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 47 – 63.

4. Дёмин А.Н. Профессиональные планы и притязания учащихся общеобразовательных школ Краснодарского края на примере шести муниципальных образований: аналитическая записка. Краснодар: ГУП «Карьера», 2008. 80 с.

5. Карабанова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2016. № 3. С. 54 – 62.

6. Кобазова Ю.В. Гендерный аспект процесса профессионального самоопределения старших школьников // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2009. № Т. 6. № 2. С. 84 – 88.

7. Коньшина Т.М., Садовникова Т.Ю. Представление подростков об участии родителей в предварительном профессиональном самоопределении детей // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 77 – 86.

8. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5 – 22.

9. Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии 2015. № 3-4 (121). С. 74 – 93.

10. Молчанов С.В., Кирсанов К.А. Связь личной профессиональной перспективы и статуса идентичности в профессиональной сфере в старшем подростковом возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 38 – 49.

11. Недбаев Д.Н., Филин М.М. Психологические детерминанты формирования карьерной направленности личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2019. Т. 2. № 4. С. 166 – 177.

12. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения в 2024 году // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: сайт. 2025. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Press_osnov_indik_urovn_gizn.pdf (дата обращения: 08.05.2026)

13. Распределение численности работников по размерам заработной платы 2025 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: сайт. 2025. URL: https://23.rosstat.gov.ru/folder/41392/document/264661 (дата обращения: 08.05.2026)

14. Средняя зарплата в Краснодаре превысила 95 тыс. рублей // Деловая Газета.Юг: сайт. 2026. URL: https://dg-yug.ru/news/20230869.html (дата обращения: 08.05.2026)

References

1. Gut Yu.N., Kabardov M.K. Features of the individual's time perspective at the stage of professional self-determination. Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2019. Vol. 5. No. 3. P. 85 – 97.

2. Demin A.N. Career aspirations of young people, higher education, and the labor market in the context of the financial and economic crisis. Man. Community. Management. 2011. No. 3. P. 18 – 27.

3. Demin A.N. Macropsychological analysis of educational aspirations of three groups of Kuban youth. Man. Community. Management. 2010. No. 2. P. 47 – 63.

4. Demin A.N. Career Plans and Aspirations of Students in Comprehensive Schools of the Krasnodar Territory Using Six Municipal Entities as an Example: Analytical Note. Krasnodar: State Unitary Enterprise "Kar'era", 2008. 80 p.

5. Karabanova O.A. Parent-Child Relationships as a Factor in Professional Self-Determination of an Individual in Adolescence and Young Adulthood. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2016. No. 3. P. 54 – 62.

6. Kobazova Yu.V. Gender Aspect of the Process of Professional Self-Determination of Senior Schoolchildren. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2009. No. Vol. 6. No. 2. P. 84 – 88.

7. Kon'shina T.M., Sadovnikova T.Yu. Adolescents' Perceptions of Parents' Involvement in Children's Preliminary Professional Self-Determination. National Psychological Journal. 2018. No. 1 (29). P. 77 – 86.

8. Magun V.S., Rudnev M.G. Basic Values of Russians in the European Context (Article One). Social Sciences and Modernity. 2010. No. 3. P. 5 – 22.

9. Magun V.S., Rudnev M.G., Schmidt P. European Value Typology and Basic Values of Russians. Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions 2015. No. 3-4 (121). P. 74 – 93.

10. Molchanov S.V., Kirsanov K.A. The Relationship between Personal Professional Prospects and Identity Status in the Professional Sphere in Late Adolescence. Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2018. No. 4. P. 38 – 49.

11. Nedbaev D.N., Filin M.M. Psychological Determinants of the Formation of an Individual's Career Orientation. International Journal of Medicine and Psychology. 2019. Vol. 2. No. 4. P. 166 – 177.

12. Key Socioeconomic Indicators of the Standard of Living of the Population in 2024. Office of the Federal State Statistics Service for Krasnodar Krai and the Republic of Adygea: website. 2025. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Press_osnov_indik_urovn_gizn.pdf (date accessed: 08.05.2026)

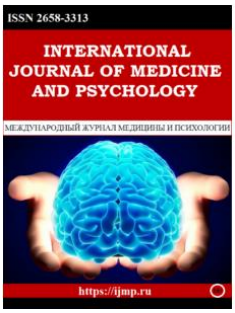
13. Distribution of the Number of Employees by Wage Size in 2025. Office of the Federal State Statistics Service for Krasnodar Krai and the Republic of Adygea: website. 2025. URL: https://23.rosstat.gov.ru/folder/41392/document/264661 (date accessed: 08.05.2026)

14. The Average Salary in Krasnodar Exceeded 95,000 Rubles. Delovaya Gazeta.Yug: website. 2026. URL: https://dg-yug.ru/news/20230869.html (date accessed: 08.05.2026)

Информация об авторе

Козырева Н.И., Кубанский государственный университет, psymagic1@mail.ru

© Козырева Н.И., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 37.015.3
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-171-178

[1] Петрова Т.Э.,
[1] Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Психологическая готовность к совместной деятельности как основа развития навыков командного взаимодействия старшеклассников

Аннотация: статья направлена на решение проблемы дефицита командных компетенций у выпускников школ, вызванного преобладанием фронтальных методов преподавания и индивидуальных форм учебной работы учащегося. Представлено теоретическое обоснование психологической готовности к совместной деятельности как системы из четырех взаимосвязанных компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционально-регулятивного и поведенческо-ролевого. Описана программ «Soft Skills 2030. Искусство командного взаимодействия», интегрированная в проектную деятельность учащихся в рамках регионального образовательного проекта «Звезда будущего». Предложенный критериальный аппарат оценивания и система дескрипторов уровней развития готовности позволяют объективировать процесс педагогического наблюдения и оценки гибких компетенций в рамках реализованной модели. Результаты исследования могут быть использованы для обеспечения преемственности между общим и высшим образованием в части подготовки кадров, способных к эффективному профессиональному взаимодействию.

Ключевые слова: навыки командного взаимодействия, старшеклассники, психологическая готовность к совместной деятельности, гибкие навыки, soft skills, командное проектирование

Для цитирования: Петрова Т.Э. Психологическая готовность к совместной деятельности как основа развития навыков командного взаимодействия старшеклассников // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 171 – 178. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-171-178

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Petrova T.E.,
[1] Immanuel Kant Baltic Federal University

Psychological readiness for joint activity as a basis for developing teamwork skills in high school students

Abstract: the article addresses the deficit of teamwork competencies among school graduates, a problem stemming from the prevalence of individually oriented learning and traditional frontal teaching methods. It provides a theoretical justification for psychological readiness for joint activity, defined as a system of four interconnected components: motivational-value, cognitive, emotional-regulative, and behavioral-role. The paper outlines the "Soft Skills 2030: The Art of Team Interaction" program, integrated into students' project work as part of the regional "Star of the Future" educational project. The proposed criteria and level descriptors enable the objectification of pedagogical observation and the assessment of soft skills within the framework of the implemented model. These findings can facilitate continuity between secondary and higher education by preparing graduates for effective professional collaboration.

Keywords: teamwork skills, high school students, psychological readiness for joint activity, soft skills, team project-based learning

For citation: Petrova T.E. Psychological readiness for joint activity as a basis for developing teamwork skills in high school students. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 171 – 178. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-171-178

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В условиях глобальной конкурентности экономики навыки командного взаимодействия становятся все более востребованными в современном быстро меняющемся мире. Исследователи убедительно показывают, что межличностные компетенции и командная работа сегодня оказываются гораздо важнее для профессионального успеха, чем узкоспециализированные знания и навыки [1]. Команды, по мнению исследователей, обладают потенциалом к обеспечению большей производительности, креативности и адаптивности, чем любой отдельный человек [2, 3, 4]. Создание организационно-педагогических условий для обеспечения развития навыков командного взаимодействия требует специально организованной подготовки, которую необходимо системно внедряться в учебную деятельность, начиная со школьной скамьи.

Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения предусматривают формирование навыков командного взаимодействия на всех уровнях получения общего образования, от начального до среднего. В соответствующих документах закреплены требования к освоению технологий командной работы, умению принимать общие цели, распределять роли и координировать совместные действия, объективно оценивать личный и коллективный вклад, а также готовность как руководить, так и подчиняться в зависимости от решаемой задачи и пр. [5, 6, 7]. Однако, несмотря на четкие требования к результатам командного взаимодействия школьников, прописанными во ФГОС, организационно-педагогические и методические условия к их организации на сегодняшний день не определены. Вследствие этого выбор методов и средств обучения осуществляется исходя из субъективных предпочтений педагога, а объективная оценка сформированности командных умений до и после воздействия не проводится. Кроме того, сложившаяся в общем образовании практика оценивания ориентирована преимущественно на результат индивидуальной деятельности учащегося. Такой подход безусловно создает дефицит в развитии и формировании навыков командного взаимодействия у выпускников школ, которые все больше демонстрируют стремление к обособленной работе и низкий уровень социальной ответственности за общий результат [8].

Таким образом, очевидным является противоречие с одной стороны между высокой потребностью рынка труда в специалистах, способных работать в команде, требованиями, заложенными в ФГОС и с другой стороны реальной школьной практикой, где доминируют индивидуальные формы контроля и фронтальные методы работы с классом.

Материалы и методы исследований

В научных российских и зарубежных публикациях под командой понимают наивысшую форму развития группы. Основные характеристики команды, выделенные большинством авторов, являются: единство целей, разделяемые ценности, согласованные методы деятельности, психологическая совместимость, гибкость реакций, свободный информационный обмен, устойчивая ролевая структура, развитая саморегуляция, высокая заинтересованность, добровольное принятие ответственности за результаты, взаимодополнение, взаимозамена, а также осознание своей принадлежности к группе и учет индивидуальных запросов каждого участника [9, 10, 11].

Как в зарубежной, так и в российской науке процесс становления от группы к команде описывается через последовательное прохождение этапов, в которых команда обретает характерные ей признаки, а именно, ролевую структуру, сплоченность, гибкость и способность эффективно решать задачи. Выделяют множество моделей и теорий командообразования, описывающих эту последовательность. Так, к примеру, модель Б. Такмена и М. Дженсена, включает формирующую, конфликтную, нормирующую и исполнительную стадии; модель Ю. Базарова выделяет 4 фазы командообразования: адаптация, группирование, нормирование, функционирование; модели Басенко В.П., Жукова Б.М., Жукова Ю.М., Журавлева А.В., Павловой Е.Н. [12] акцентируют внимание на возникновении синергетического эффекта как критерия команды, когда общий результат значительно превосходит сумму индивидуальных вкладов.

Множество исследований командообразования, включая описанные теории, рассматривают групповую динамику как единый процесс и акцентируют внимание на поэтапной логике группового развития, остав-

ляя в тени вопрос о комплексе личностных качеств, определяющих индивидуальную психологическую готовность ее участников к совместной деятельности.

Опираясь на положение А.Ю. Петрова о том, что фундамент командного взаимодействия закладывается через согласование индивидуальных стилей, личностных характеристик и предрасположенностей участников применительно к условиям решаемой задачи [13], а также в соответствии с динамической концепцией совместной деятельности А.Л. Журавлева, определяющей социально-психологическую структуру группы как динамичное, непрерывно развивающееся состояние субъекта совместной деятельности [14], мы считаем, что именно психологическая готовность к совместной деятельности, является предпосылкой эффективной команды. В этой связи мы предлагаем рассматривать командообразование и командное взаимодействие как диалектический синтез (взаимопроникновение) двух факторов, а именно, развитие совместных действий группы и укрепление психологической готовности к совместной деятельности каждого ее члена. По нашему мнению, развитие и формирование такой готовности, позволит минимизировать длительность начальных стадий группового развития, повысить эффективность команды и вывести ее на продуктивный уровень функционирования.

Результаты и обсуждения

Понятие «готовность к деятельности» в научной литературе преимущественно описывается через сочетание мотивационных, когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов личности, образующих психофизиологическое состояние, которое запускает актуализацию человеческого потенциала [15]. В традиционно выделяемый перечень компонентов мы включили поведенческо-ролевой компонент, руководствуясь тем, что психологическая готовность к совместной деятельности, в отличие от общей готовности к индивидуальной деятельности, не может быть сведена только к внутреннему состоянию субъекта, а проявляется в реальных актах взаимодействия, координации усилий, распределения ролей и пр.

Таким образом, в нашем исследовании мы определяем психологическую готовность к совместной деятельности как интегративное личностное образование, которое представлено в сбалансированном развитии четырех компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционально-регулятивного и поведенческо-ролевого. На основе анализа отечественных и зарубежных источников мы сформулировали содержание каждого из компонентов психологической готовности к совместной деятельности.

Мотивационно-ценностный компонент включает в себя осознание личной значимости командной работы, интеграцию личных целей с целями команды на основе общего смыслового фонда, реализацию автономии, устойчивую мотивированность к сотрудничеству, а также формирование позитивной внутригрупповой идентичности и психологической безопасности. Данная структура компонента обоснована исследованиями, раскрывающими взаимосвязь индивидуальной и групповой мотивации Chen & Kanfer, 2006, роль автономии и распределенного лидерства как факторов внутренней мотивации Hackman & Oldham, 1976; Parker et al., 2017; Kirkman & Shapiro, 1997; Manz & Sims, 1993; D'Innocenzo et al., 2016; Wang et al., 2014, механизмы формирования общего смыслового фонда через управление динамикой межличностных смыслов (Абакумова И.В., Елагина М.Ю. и др., 2019, значение внутригрупповой социальной идентичности для командной инициативы и психологического климата Hogg et al., 2004; Сачкова М.Е., Волков Р.С., 2022; Lisbona et al., 2020, а также мотивационные состояния и факторы социального контекста, влияющие на желание и способность проактивно действовать в команде Parker et al., 2010, 2019; Junker et al., 2022; Ильина О.Н., Лепёхин Н.Н., 2022.

Когнитивный компонент включает в себя знания каждого участника об основах командного взаимодействия и командообразования, а также представление о распределении знаний, необходимых для эффективного взаимодействия в команде, что опирается на метаанализ командного познания как предиктора результативности DeChurch & Mesmer-Magnus, 2010 и исследования его интерактивной природы Cooke, 2015. В рамках данного компонента необходимыми являются навыки планирования, управления временем, самоанализ и самоконтроль, интегрируемые через самоорганизацию Касьянова Е.В., 2023; Воронцова А.В. и др., 2022; Серых А.Б., Торопов П.Б., Петрова Т.Э., 2025. Кроме того, когнитивная готовность к совместной деятельности предполагает способность к рефлексии собственных познавательных процессов и групповому метапознаванию Chao et al., 2025, а также подтверждается нейробиологическими исследованиями межмозговой синхронизации, раскрывающими глубинные механизмы командного взаимодействия Reinero et al., 2021; Hu et al., 2017; Bilek et al., 2015; Yun et al., 2012.

Эмоционально-регулятивный компонент включает структурную взаимосвязь элементов, таких как эмоциональный интеллект (осознание и управление собственными эмоциями и понимание эмоций других), эмоциональную саморегуляцию (адаптивное управление состоянием в условиях стресса, включая телесно-

ориентированные и когнитивные стратегии), межличностную регуляцию эмоций (конструктивное влияние на эмоциональное состояние других и создание поддерживающего климата) и невербальную эмоциональную грамотность (восприятие и интерпретацию эмоций по вербальным и невербальным признакам). Эмоционально-регулятивный компонент базируется на исследованиях эмоционального интеллекта Doğru Çağlar, 2022; Prati et al., 2003; Van Rooy & Viswesvaran, 2004, Ситников М.А., 2019, работах, подтверждающих связь эмоционального интеллекта с качеством планирования и управлением конфликтами (Jordan & Troth, 2002, 2004; Ayoko et al., 2008; Wong & Law, 2002, исследованиях эмпатии Гостев И.А., 2023; Долгая А.А., 2019, аффективного заражения и командного копинга Горская, Г.Б., 2017; Apitzsch, 2009, влияния личностных свойств на групповую динамику Bell et al., 2018; Cullen-Lester et al., 2016, двухконтурной модели саморегуляции Carver и Scheier 2000, 2004 и невербальной эмоциональной грамотности Ekman, 1965; Atkinson et al., 2004; Montepare et al., 1987; Roether et al., 2009; Gross et al., 2012; Петрова Т.Э. и др., 2023.

Поведенческо-ролевой компонент определяется взаимосвязью структуры ролевого распределения и коммуникативно-поведенческих компетенций и включает коммуникативную гибкость (адаптивность стиля общения, полиролевую компетентность, ролевую мобильность, невербальную коммуникативность), способность принимать и исполнять различные роли, координировать действия, демонстрировать просоциальную активность, поддерживать эффективный обмен информацией, конструктивно разрешать конфликты и обеспечивать взаимную поддержку. В основу поведенческо-ролевого компонента легли исследования ролевого распределения в команде М.Г. Ярошевского, Р. Белбина 2003, Т. Зинкевич-Евстигнеевой 2002, Жукова Ю.М., Журавлева А.В., Павловой Е.Н. 2008, исследования влияния ролевого распределения на эффективность в критических ситуациях Burke et al., 2019, просоциального поведения как поведенческого механизма А.Б. Серых, П.Б. Торопов, 2025; 2023; 2018; De Dreu et al., 2008, социально-психологических аспектов принятия роли Б.Д. Парыгин; Н.Н. Ярушкин, 1998, трансформации личностных компонентов в командные навыки Torrelles-Nadal et al. 2015, факторов развития организаторских и коммуникативных способностей Симаева И.Н. и Петрова Т.Э., 2020 и влияния коммуникации на формирование командной культуры Vatamanescu et al., 2022.

В целях развития компонентов психологической готовности старшеклассников к совместной деятельности в рамках настоящего исследования были созданы специальные образовательные условия в центре развития современных компетенций детей Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта при реализации регионального образовательного проекта «Звезда Будущего». Особенность образовательного процесса заключалась в сочетании обучения школьников по профильному направлению (медицинскому, технологическому или социально-гуманитарному) с применением технологий командной проектной деятельности и реализацией тренинговой программы «Soft Skills 2030: искусство командного взаимодействия», которая включала теоретические, практические, рефлексивные модули и самостоятельную работу. Разработанная программа содержит шесть модулей, реализуемых как последовательное наращивания компетенций в рамках всех структур психологической готовности к совместной деятельности Программа рассчитана на 10 недель, общая длительность составляет 30 академических часов (по 3 часа в неделю). Учебный план программы представлен в табл. 1.

Таблица 1

Учебный план программы «Soft Skills 2030: искусство командного взаимодействия».

Table 1

The curriculum of the “Soft Skills 2030: The Art of Team Interaction” program.

№/Название модуля / темы	Всего часов	Теория	Практика	Формы контроля	Развиваемые компоненты готовности*
Модуль 1. Введение в командное взаимодействие					
1.1. Понятие команды и командного взаимодействия. Отличия команды от группы	1	0,5	0,5	Устный опрос, обсуждение	К, М
1.2. Роли в команде и их значение. Знакомство участников, создание атмосферы доверия и психологической безопасности	2	0,5	1,5	Наблюдение, icebreaking-активности, групповая рефлексия	М, П

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Модуль 2. Знания и навыки командной работы					
2.1. Основы кооперации и коммуникации. Умения слушать и слышать. Смысловая коммуникация как основа командного познания	1,5	0,5	1	Ролевая игра, групповая дискуссия, обратная связь	К, П
2.2. Навыки конструктивного разрешения конфликтов. Принципы распределения задач в команде	1,5	0,5	1	Анализ кейсов, симуляции конфликтов, дебаты	К, П
Модуль 3. Развитие личностных качеств для работы в команде					
3.1. Эмпатия и эмоциональный интеллект. Невербальная коммуникация и распознавание эмоций по позе, жестам, мимике и интонации	3	1	2	Тренинговые упражнения, видеоанализ, зеркальные упражнения	Э, М
3.2. Эмоциональная устойчивость в стрессовых ситуациях. Когнитивные и телесно-ориентированные методы регуляции эмоционального состояния. Самоорганизация и управление временем	3	1	2	Практические упражнения, самоотчет, самонаблюдение, психотехники саморегуляции	Э, К
Модуль 4. Создание единства в команде					
4.1. Формирование общих целей команды и развитие внутрикомандной идентичности. Автономия и совместное целеполагание	1,5	0,5	1	Групповое обсуждение, проектирование общего видения	М, К
4.2. Взаимное принятие и уважение различий между участниками. Просоциальное поведение как основа командной эффективности	1,5	0,5	1	Кейс-метод, дискуссия, упражнения на принятие и взаимопомощь	М, Э, П
Модуль 5. Адаптивность и лидерство					
5.1. Принятие решений в условиях неопределенности. Адаптация к изменениям. Аффективное заражение и командный копинг	3	1	2	Деловая игра, анализ командных решений, групповая регуляция	К, П, Э
5.2. Навыки лидерства и распределения ролей. Ролевая мобильность и гибкость ролевого исполнения	3	1	2	Симуляции, ролевые игры с переключением ролей, групповая рефлексия	П, М
Модуль 6. Итоговый проект					
6.1. Работа над общим проектом. Интеграция всех компонентов готовности в совместной деятельности.	6	–	6	Проектная деятельность, наблюдение, экспертные оценки	М, К, Э, П
6.2. Презентация проекта и анализ процесса командного взаимодействия. Рефлексивный отчет по каждому компоненту готовности. Групповое метапознавание.	3	1	2	Презентация, защита проекта, групповой анализ, рефлексивный отчет	М, К, Э, П
ИТОГО	30	8	22		

** Мотивационно-ценностный (М); Когнитивный (К); Эмоционально-регулятивный (Э); Поведенческо-ролевой (П).*

** Motivational-value (M); Cognitive (K); Emotional-regulatory (E); Behavioral-role (B).*

Результативный компонент программы представлен критериями и показателями эффективности развития навыков командного взаимодействия (табл. 2).

Таблица 2

Критерии и показатели развития навыков командного взаимодействия.

Table 2

Criteria and indicators for the development of teamwork skills.

Компонент	Критерий	Показатель	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Мотивационно-ценностный	Сформированность командной идентичности	Личная значимость и «Мы-концепция»	Предпочитает обособленную работу; цели команды воспринимает как навязанные.	Признает важность команды; частично идентифицирует себя с группой.	Четкое осознание ценности сотрудничества; личные цели интегрированы с командными.
	Мотивация к проактивности	Автономия и инициатива	Пассивно ждет указаний; низкая социальная ответственность за результат.	Участвует при поддержке лидера; проявляет ситуативную инициативу.	Высокая внутренняя мотивация; готовность брать ответственность за общий результат.
Когнитивный	Командное познание	Понимание структуры и задач	Не понимает распределения знаний в команде; не видит общей картины проекта.	Имеет общее представление о задачах, но координация действий затруднена.	Глубокое понимание взаимосвязей; развитое «групповое метапознавание».
	Самоорганизация	Управление ресурсами (временем, задачами) и самоконтроль.	Не умеет распределять время; отсутствует навык самоконтроля и анализа своих действий.	Пытается планировать, но часто нарушает сроки; поверхностная рефлексия.	Эффективно управляет временем; демонстрирует устойчивый самоконтроль; способен к глубокому самоанализу и оперативной коррекции действий.
Эмоционально-регулятивный	Эмоциональная грамотность	Распознавание и регуляция эмоций	Игнорирует эмоции других; демонстрирует импульсивные реакции в стрессе.	Замечает эмоциональный фон, но не всегда может его конструктивно изменить.	Точно интерпретирует невербальные знаки; владеет техниками саморегуляции.
	Межличностная регуляция	Создание поддерживающего климата	Своим поведением провоцирует напряжение; не эмпатичен.	Проявляет эмпатию по просьбе; старается избегать конфликтов.	Активно формирует психологическую безопасность; конструктивно влияет на настрой команды.
Поведенческо-ролевой	Ролевая мобильность	Гибкость в выполнении ролей	Привязан к одной роли; не способен заменить выбывшего участника.	Моделирует разные роли под руководством; пробует новые функции.	Легко переключает роли в зависимости от задачи; демонстрирует полиролевую компетентность.
	Коммуникативная гибкость	Конструктивность взаимодействия	Конфликтен или замкнут; не умеет слушать и давать обратную связь.	Взаимодействует формально; пытается договариваться, но не всегда успешно.	Эффективно обменивается информацией; быстро находит консенсус в спорах.

Выводы

Реализация предложенного подхода в школьной практике позволит нивелировать «разрыв компетенций» при переходе от общего к высшему образованию, обеспечивая раннюю психолого-педагогическую подготовку будущих кадров, способных к продуктивному сотрудничеству. Практическое использование разработанной программы «Soft Skills 2030» и сопутствующей системы критериев предоставляет педагогам, психологам и учителям-предметникам инструментарий для перевода процесса формирования гибких навыков из интуитивной плоскости в категорию измеряемых и управляемых образовательных результатов.

Данный комплекс может быть интегрирован в учебные планы различных дисциплин, где критериальный аппарат выступит надежной метрикой для объективации педагогического наблюдения и основой для разработки листов самооценки обучающихся, позволяя точечно корректировать дефициты компонентов психологической готовности к совместной деятельности в ходе командного проектирования.

Список источников

1. Жданов Д.А. Человеческий капитал предприятия: модель компетенций работника в цифровом мире // π-Economy. 2022. № 5. С. 58 – 74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-predpriyatiya-model-kompetentsiy-rabotnika-v-tsifrovom-mire (дата обращения: 01.05.2024)

2. Mathieu J.E., Gallagher P.T., Domingo M.A., Klock E.A. Embracing complexity: reviewing the past decade of team effectiveness research // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2019. Vol. 6. P. 17 – 46.

3. Zaccaro S.J., Dubrow S., Torres E.M., Campbell L.N.P. Multiteam systems: an integrated review and comparison of different forms // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2020. Vol. 7. P. 479 – 503.

4. Heckman J. J., Kautz T. Hard evidence on soft skills // Labour Economics. 2012. Vol. 19. No. 4. P. 451 – 464. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.05.014

5. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/ (дата обращения: 16.04.2026)

6. Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования...». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211/ (дата обращения: 16.04.2026).

7. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/ (дата обращения: 16.04.2026)

8. Касьянова Е.В. Инструментарий оценки сформированности гибких навыков студентов ИТ направлений – взгляд из будущего // Высшее образование сегодня. 2023. № 4. С. 35 – 42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-otsenki-sformirovannosti-gibkih-navykov-studentov-it-napravleniy-vzglyad-iz-buduschego (дата обращения: 10.05.2026)

9. Базаров Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации. М.: ИПК госслужбы, 2006.

10. Авдеев В.В. Управление персоналом: технология формирования команды: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 2021. 544 с. URL: https://znanium.com/catalog/product/1478899 (дата обращения: 04.05.2024)

11. Филиндаш П.В. Социально-психологические детерминанты командообразования: монография. М., 2009. 132 с.

12. Жуков Ю.М., Журавлев А.В., Павлова Е.Н. Технологии командообразования: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 320 с.

13. Петров А.Ю., Махароблидзе А.В. Soft skills современного менеджера: командообразование и лидерские навыки: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 188 с.

14. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. Москва, 2005.

15. Грачев Ю.А. Понятие «Готовности к деятельности» в системе современного психолого-педагогического знания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4 (52).

References

1. Zhdanov D.A. “Human capital of the enterprise: a model of employee competencies in the digital world”. π-Economy. 2022. No. 5. P. 58 – 74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-predpriyatiya-model-kompetentsiy-rabotnika-v-tsifrovom-mire (accessed: 01.05.2024)

2. Mathieu J.E., Gallagher P.T., Domingo M.A., Klock E.A. “Embracing complexity: reviewing the past decade of team effectiveness research”. Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2019. Vol. 6. P. 17 – 46.

3. Zaccaro S.J., Dubrow S., Torres E.M., Campbell L.N.P. Multiteam systems: an integrated review and comparison of different forms. Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2020. Vol. 7. P. 479 – 503.

4. Heckman J.J., Kautz T. Hard evidence on soft skills. Labor Economics. 2012. Vol. 19. No. 4. P. 451 – 464. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.05.014

5. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 286 "On approval of the federal state educational standard of primary general education." URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/ (date of access: 16.04.2026)

6. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated August 12, 2022 No. 732 "On Amendments to the Federal State Educational Standard of Secondary General Education..." URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211/ (date of access: 16.04.2026).

7. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 287 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Basic General Education". URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/ (date of access: 16.04.2026)

8. Kas'yanova E.V. Tools for Assessing the Development of Soft Skills in IT Students – A View from the Future. Higher Education Today. 2023. No. 4. P. 35 – 42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-otsenki-sformirovannosti-gibkih-navykov-studentov-it-napravleniy-vzglyad-iz-buduschego (date of access: 10.05.2026)

9. Bazarov T.Yu. Personnel Management of a Developing Organization. Moscow: Institute of Advanced Training of State Service, 2006.

10. Avdeev V.V. Personnel Management: Team Building Technology: A Textbook. Moscow: Finance and Statistics, 2021. 544 p. Available at: https://znanium.com/catalog/product/1478899 (date of access: 04.05.2024)

11. Filindash P.V. Social and Psychological Determinants of Team Building: A Monograph. Moscow, 2009. 132 p.

12. Zhukov Yu.M., Zhuravlev A.V., Pavlova E.N. Team Building Technologies: A Textbook for University Students. Moscow: Aspect Press, 2008. 320 p.

13. Petrov A.Yu., Makharoblidze A.V. Soft Skills of a Modern Manager: Team Building and Leadership Skills: A Textbook. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2017. 188 p.

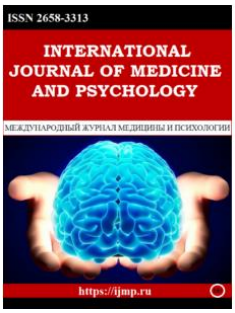
14. Zhuravlev A.L. Psychology of Joint Activity. Moscow, 2005.

15. Grachev Yu.A. The Concept of "Readiness for Activity" in the System of Modern Psychological and Pedagogical Knowledge. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 4 (52).

Информация об авторе

Петрова Т.Э., старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6460-8160, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14, TIPetrova@kantiana.ru

© Петрова Т.Э., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 159.9.07
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-179-183

[1] Пучкова Ю.С.,
[1] Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Личностные предикторы толерантности к неопределённости у курсантов органов внутренних дел: результаты регрессионного анализа

Аннотация: целью исследования данной статьи является выявление личностных предикторов толерантности к неопределённости у курсантов органов внутренних дел для совершенствования системы психологического сопровождения профессиональной подготовки. Основной задачей данного исследования является построение множественной регрессионной модели, позволяющей оценить вклад личностных показателей в уровень толерантности к неопределенности. В настоящем исследовании приняли участие курсанты образовательных организаций МВД России. Статистическая обработка данных выполнялась с использованием регрессионного анализа в программе Statistica (версия 10). Полученные результаты позволили установить значимые предикторы, способствующие либо препятствующие развитию толерантности к неопределенности, а также раскрыть психологический профиль курсанта с высоким уровнем толерантности к неопределённости. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученной модели для диагностики «мишеней воздействия» у курсантов и разработки целенаправленных тренинговых программ, направленных на развитие адаптивных стратегий совладания с неопределённостью в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, неопределенность служебной деятельности, курсанты, профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел, личностные предикторы, регрессионный анализ

Для цитирования: Пучкова Ю.С. Личностные предикторы толерантности к неопределённости у курсантов органов внутренних дел: результаты регрессионного анализа // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 179 – 183. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-179-183

Поступила в редакцию: 13 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Puchkova Yu.S.,
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Rersonality predictors of tolerance to uncertainty in law enforcement cadets: results of regression analysis

Abstract: the purpose of this article is to identify personality predictors of uncertainty tolerance in law enforcement cadets to improve the system of psychological support for professional training. The primary objective of this study is to construct a multiple regression model to assess the contribution of personality traits to uncertainty tolerance. Cadets from educational institutions affiliated with the Russian Ministry of Internal Affairs participated in the study. Statistical data processing was performed using regression analysis in Statistica (version 10). The obtained results allowed us to identify significant predictors that facilitate or hinder the development of uncertainty tolerance, as well as to uncover the psychological profile of cadets with a high level of uncertainty tolerance. The practical significance of this study lies in the potential application of the resulting model to assess cadet "targets of

influence" and to develop targeted training programs aimed at developing adaptive strategies for coping with uncertainty in the professional activities of law enforcement officers.

Keywords: tolerance to uncertainty, uncertainty of service activities, cadets, professional activities of employees of internal affairs bodies, personality predictors, regression analysis

For citation: Puchkova Yu.S. Rersonality predictors of tolerance to uncertainty in law enforcement cadets: results of regression analysis. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 179 – 183. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-179-183

The article was submitted: July 13, 2026; Approved after reviewing: August 10, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Толерантность к неопределенности рассматривается в современной психологии как метакогнитивная характеристика личности, определяющая способность эффективно действовать в ситуациях с неполной, противоречивой или быстро меняющейся информацией [4, с. 187-195; 5, с. 43-52.; 8, с. 75-79]. Для сотрудников органов внутренних дел данное качество приобретает особую значимость, поскольку их профессиональная деятельность сопряжена с постоянным воздействием факторов неопределенности: дефицит времени, непредсказуемость поведения граждан (возможных правонарушителей), изменчивость оперативной обстановки, необходимость принимать решения в условиях риска [2, с. 264-269]. Поэтому изучение психологических предикторов толерантности к неопределенности у курсантов – сотрудников полиции – представляет собой актуальную научно-практическую задачу [9, с. 180-187].

В рамках научного исследования, выполненного на выборке курсантов образовательных организаций МВД России, эмпирически были выявлены личностные детерминанты, оказывающие влияние на уровень толерантности к неопределенности. С этой целью был использован метод множественного регрессионного анализа, позволяющий оценить вклад каждой из измеряемых психологических характеристик в формирование интегрального показателя толерантности к неопределенности в профессиональной служебной деятельности.

Цель данной статьи – представить результаты регрессионного анализа, раскрыть структуру взаимосвязей между толерантностью к неопределенности и комплексом личностных переменных, а также обсудить возможности практического применения полученных данных для совершенствования психологического сопровождения курсантов.

Материалы и методы исследований

Выборку исследования составили курсанты (N = 224) в возрасте от 18 до 26 лет. Из них: 69 курсантов, обучающихся по специальности психология служебной деятельности (возраст M= 20,06; SD = 1,74; 53 жен. и 16 муж.), 36 курсантов, обучающихся по специальности социальный педагог (возраст M= 18,83; SD = 1,06; 34 жен. и 2 муж.); 119 курсантов, обучающихся по специальности правоохранительная деятельность (возраст M= 19,34; SD = 0,73; 7 жен. и 112 муж).

Для диагностики личностных характеристик использовался комплекс психодиагностических методик, направленных на оценку следующих конструктов: толерантность и интолерантность к неопределенности (Опросник толерантности и интолерантности к неопределенности С. Баднера) [3, с. 92-110], адаптивность, эмоциональный комфорт и дискомфорт, самовосприятие, непринятие себя (Опросник Социально-психологической адаптации Р. Даймонда – К. Роджерса в адаптации А.К. Осницкого) [6, с. 43-56], вера в справедливость мира, контролируемость мира, случайность как принцип распределения событий, ценность собственного «Я» (Шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульман в адаптации О. Кравцовой) [7, с. 98-106], общий уровень авторитарности (Шкала – F Т. Адорно) [1, с. 416.] и психомоторная пластичность (Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалов) [10, с. 179-192].

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Statistica (версия 10). Для выявления предикторов толерантности к неопределенности был применен множественный регрессионный анализ (методом наименьших квадратов) с пошаговым отбором значимых переменных. Критический уровень значимости принимался равным $p < 0,05$. Качество построенной регрессионной модели оценивалось по величине коэффициента детерминации R^2 и скорректированного R^2, а также по результатам дисперсионного анализа (F-критерий Фишера). Статистически значимыми считались коэффициенты регрессии, для которых $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения

Для выявления личностных предикторов толерантности к неопределенности (далее ТН) у курсантов был применен множественный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступил интегральный показатель ТН, в качестве независимых – результаты по всем использованным психодиагностическим методикам. Объем выборки составил 224 человека (N = 224). Построенная регрессионная модель оказалась статистически значимой: F (28,195) = 7,19; p < 0,001; коэффициент детерминации R = 0,71 (R^2 = 0,508). Совокупность включенных в анализ личностных переменных объясняет 50,8% дисперсии показателя толерантности к неопределенности, что свидетельствует о высокой объяснительной способности данной модели.

На основании полученных данных было составлено регрессионное уравнение, включающее только те предикторы, чьи коэффициенты оказались статистически значимыми (p < 0,05).

Регрессионная модель толерантности к неопределенности у сотрудников органов внутренних дел, находящихся на первом этапе осуществления служебных обязанностей: ***ТН*** = 34,04 + 2,84***(X52)*** + 1,7***(X35)*** + 0,98***(X27)*** + 0,25***(X9)*** + 0,19***(X2)*** + 0,15***(X56)*** + 0,11***(X1)*** – 1,59***(X28)*** – 1,33***(X31)*** – 0,56***(X5)*** – 0,47***(X18)*** – 0,31***(X8)***, где:

- ТН – уровень толерантности к неопределенности;
- X n – личностный показатель в соответствии со шкалами проведенных методик; слева от номера показателя указан его коэффициент (чем выше коэффициент, тем больше сила влияния данного показателя на уровень ТН);
- число 34,04 – коэффициент свободного члена регрессионного уравнения. Положительное значение свободного члена (b) регрессионного уравнения, рассчитанного на высоком уровне значимости (α≤0,000) свидетельствует о достоверности и логичности полученной регрессионной модели.

Таким образом в регрессионную модель вошли: X52 – «Общий уровень авторитарности» (p= 0,001); X35 – «J C R» (p= 0,020); X27 – «Доброта людей» (p= 0,018); X9 – «Эмоциональный дискомфорт» (p= 0,005); X2 – «Адаптивность» (p= 0,009); X56 – «Пластичность психомоторная» (p= 0,029); X1 – «Интолерантность к неопределенности» (p= 0,041); X28 – «Справедливость мира» (p= 0,002); X31 – «Ценность собственного Я» (p= 0,002); X5 – «Непринятие себя» (p= 0,016); X18 – «Самовосприятие (интегральный показатель)» (p= 0,005); X8 – «Эмоциональный комфорт» (p= 0,001).

Рассмотрим содержательный вклад выделенных предикторов. Отрицательные коэффициенты получили показатели, отражающие потребность в стабильности и фиксации: вера в справедливый мир (X28), ценность собственного «Я» (X31), непринятие себя (X5), самовосприятие (X18) и стремление к эмоциональному комфорту (X8). Чем выше эти показатели, тем более человек зависим от внешней оценки, тем сильнее он нуждается в предсказуемости и тем болезненнее воспринимает хаос. В то же время положительные коэффициенты у таких переменных, как адаптивность (X2), эмоциональный дискомфорт (X9), психомоторная пластичность (X56) и даже интолерантность к неопределенности (X1), могут говорить о том, что высокая ТН связана не с отсутствием тревоги, а с готовностью действовать вопреки ей. Показатели «Общего уровня авторитарности» (X52) и «Доброты людей» (X27), также вошедшие с положительным знаком, могут отражать специфику курсантской выборки: принятие иерархии и социальной поддержки как ресурсов, структурирующих неопределенную среду. Таким образом, модель фиксирует парадоксальный, но психологически оправданный факт: толерантность к неопределенности в профессиях с высокой ответственностью формируется не через снижение чувствительности к дискомфорту, а через развитие способности использовать этот дискомфорт как сигнал к мобилизации и поиску новых решений.

Выводы

1. Множественный регрессионный анализ показал, что толерантность к неопределенности у курсантов органов внутренних дел детерминируется комплексом личностных характеристик, совокупно объясняющих 50,8% дисперсии (R^2 = 0,508; p < 0,001). Это подтверждает возможность прогнозирования уровня ТН на основе выделенных предикторов.
2. Установлены две группы значимых предикторов:

- **«Ресурсные» (положительная нагрузка)** – адаптивность, осознаваемый эмоциональный дискомфорт, психомоторная пластичность, интолерантность к неопределенности, а также специфические для курсантской выборки: общий уровень авторитарности и «доброта людей» (как ресурс социальной поддержки и структурирования среды).
- **«Ригидные» (отрицательная нагрузка)** – вера в справедливый мир, ценность собственного «Я», непринятие себя, самовосприятие и стремление к эмоциональному комфорту.

3. Вопреки представлениям, высокий уровень ТН у курсантов сопряжен не с отсутствием дискомфорта и тревоги, а со способностью выдерживать эмоциональное напряжение и действовать вопреки ему.

4. Практическая значимость модели заключается в возможности использования выделенных предикторов в качестве мишеней для психологического сопровождения курсантов.

Список источников

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под ред. докт. филос. н. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. С. 416.

2. Бельскии В.Ю., Чуманов Ю.В., Ситуации неопределенности ориентиров поиска в профессиональной деятельности сотрудников полиции и их психологическое изучение // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3 С. 264 – 269.

3. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92 – 110.

4. Кухтова Н.В., Клейменова Е.А. Личность студента: толерантность к неопределенности // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. Вып. 21, ч. 4. С. 187 – 195.

5. Леонов И.Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4. С. 43 – 52.

6. Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43 – 56.

7. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал, 2008. С. 98 – 106.

8. Пучкова Ю.С. Психологические конструкты личности сотрудника органов внутренних дел в многозначных ситуациях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 75 – 79.

9. Пучкова Ю.С. Толерантность к неопределенности: роль социально-психологических компонентов в адаптации личности сотрудника органов внутренних дел // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Т. 9. № 2. С. 180 – 187.

10. Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ). Методическое пособие. М.: ИП РАН, 1997. С. 179 – 192.

References

1. Adorno T. Study of the authoritarian personality. Ed. by Doctor of Philosophy V.P. Kultygin. Moscow: Serebryanye Niti, 2001. P. 416.

2. Bel'skii V.Yu., Chumanov Yu.V., Situations of uncertainty of search landmarks in the professional activities of police officers and their psychological study. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 264 – 269.

3. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in a modification of S. Badner's questionnaire. Experimental Psychology. 2014. No. 1. P. 92 – 110.

4. Kukhtova N.V., Kleymenova E.A. Student Personality: Tolerance of Uncertainty. Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, Psychological and Pedagogical Sciences. 2021. Issue 21, Part 4. P. 187 – 195.

5. Leonov I.N. Tolerance of Uncertainty as a Psychological Phenomenon: The History of the Construct's Formation. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2014. No. 4. P. 43 – 52.

6. Osnitsky A.K. Definition of Characteristics of Social Adaptation. Psychology and School. 2004. No. 1. P. 43 – 56.

7. Padun M.A., Kotelnikova A.V. Modification of the methodology for studying the basic beliefs of the individual by R. Yanoff-Bulman. Psychological Journal, 2008. P. 98 – 106.

8. Puchkova Yu.S. Psychological constructs of the personality of an employee of the internal affairs bodies in polysemantic situations. Psychology and pedagogy of service activity. 2024. No. 4. P. 75 – 79.

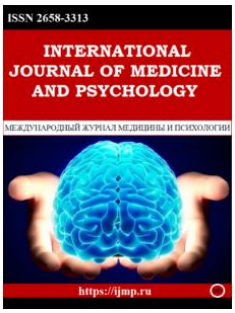
9. Puchkova Yu.S. Tolerance of uncertainty: the role of socio-psychological components in the adaptation of the personality of an employee of the internal affairs bodies. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Vol. 9. No. 2. P. 180 – 187.

10. Rusalov V.M. Questionnaire of formal-dynamic properties of individuality (OFDSI). Methodological manual. Moscow: IP RAS, 1997. P. 179 – 192.

Информация об авторе

Пучкова Ю.С., Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Yulya1035@yandex.ru

© Пучкова Ю.С., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 37.015.3
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-184-190

[1, 2] Семенова К.Г.,
[1] педагог-психолог Отдела координационной и мониторинговой деятельности Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации,
[2] Московский государственный психолого-педагогический университет

Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций у подростков как профилактика социально-психологической дезадаптации

Аннотация: в статье обосновывается возможность профилактического воздействия на проявления признаков социально-психологической дезадаптации у подростков через целенаправленное формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций. В качестве основного инструмента формирования ценностных ориентаций предлагается психолого-педагогическая технология «Ценностные приоритеты в твоей жизни», которая построена на обсуждении важных тем, раскрывающих содержание духовно-нравственных и социально значимых категорий. Основным методом работы в представленной технологии является сократический диалог, направленный на обсуждение тем философской, аксиологической и морально-нравственной направленности. Проверка разработанной технологии проводилась на выборке из 536 обучающихся подросткового возраста проживающих в городской местности. В ходе апробации удалось оценить результативность как комплексного воздействия технологии в целом, так и эффективность метода сократического диалога в частности, в плане формирования ключевых ценностных ориентаций, а также с точки зрения предупреждения социально-психологической дезадаптации у подростков.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценностные ориентации, ценности, социально-психологическая дезадаптация, подростки, психолого-педагогическая технология

Для цитирования: Семенова К.Г. Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций у подростков как профилактика социально-психологической дезадаптации // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 184 – 190. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-184-190

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1, 2] Semenova K.G.,
[1] Educational Psychologist, Department of Coordination and Monitoring Activities, Federal Coordination Center for the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation,
[2] Moscow State University of Psychology and Education

Formation of spiritual and moral value orientations in adolescents as a prevention of social and psychological maladjustment

Abstract: this article explores the potential for preventative interventions against the signs of socio-psychological maladjustment in adolescents through the targeted development of spiritual and moral value orientations. The psychological and pedagogical technology "Value Priorities in Your Life" is proposed as the primary tool for developing these values. It is based on the discussion of important topics that reveal the essence of spiritual, moral, and socially significant categories. The primary method of this technology is Socratic dialogue, which

addresses philosophical, axiological, and moral topics. The developed technology was tested on a sample of 536 adolescent students living in urban areas. The trial assessed the effectiveness of both the comprehensive impact of the technology as a whole and the effectiveness of the Socratic dialogue method in particular, both in terms of developing key value orientations and in preventing socio-psychological maladjustment in adolescents.

Keywords: spiritual and moral value orientations, values, socio-psychological disadaptation, adolescents, psychological and pedagogical technology

For citation: Semenova K.G. Formation of spiritual and moral value orientations in adolescents as a prevention of social and psychological maladjustment. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 184 – 190. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-184-190

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 10, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В современной социальной, политической и культурной ситуации развития общества все чаще наблюдается доминирование материальных ценностей и обесценивание духовных и нравственных ориентиров. В данной ситуации особенно уязвимыми становятся подростки, находящиеся на важном этапе личностного становления, когда закладываются основные мировоззренческие ориентиры и установки, а способность к самостоятельному противостоянию деструктивным влияниям среды остается недостаточно сформированной.

Подростковый возраст является основополагающим периодом для развития ценностных ориентаций, так как именно в этот период формируется их иерархическая структура, которая в дальнейшем детерминирует поведение человека в целом. Эмпирические данные, полученные в психолого-педагогических исследованиях, свидетельствуют о размытости и внутренней конфликтности ценностных ориентаций у подростков [3, 4, 5]. Исходя из положения о том, что ценностные ориентации выполняют регулятивную функцию, определяя направленность деятельности и критерии выбора в значимых ситуациях, их несформированность или противоречивость может обусловливать проявление социально-психологической дезадаптации [11]. Можно предположить, что нарушение в иерархии ценностных ориентаций выступает одним из ключевых механизмов, опосредующих связь между личностными дисфункциями и социально-психологической дезадаптацией.

Вышесказанное позволяет предположить, что на фоне усиливающейся нравственной, ценностной и смысловой нестабильности в обществе не теряет своей актуальности запрос на разработку специализированного практико-ориентированного профилактического и коррекционного инструментария по предупреждению развития дезадаптации среди подростков.

Материалы и методы исследований

Нами была разработана психолого-педагогическая технология «Ценностные приоритеты в твоей жизни». Ключевой формой работы в данной технологии является диалогическое обсуждение, построенное вокруг значимых и эмоционально важных тем. Предложенный формат становится эффективным инструментом при формировании ценностных ориентаций. Важное условие его результативности – это проявленный интерес и эмоциональный отклик всех участников. В процессе обсуждения запускаются рефлексивные механизмы, благодаря которым участники начинают точнее понимать собственные жизненные ориентиры, приоритеты и внутренние цели.

Вслед за Г. Олпортом и с учетом обзора отечественной и зарубежной психологической литературы М.С. Яницкий понимает диалог в качестве инструмента коммуникации, направленного на трансляцию фундаментальных смыслов и их последующее усвоение субъектом [11]. М.А. Чуносов также отмечает, что такие диалогические методы, как дискуссия или интерактивная лекция, достаточно эффективны в работе с подростками [10]. Е.В. Степанова указывает, что диалогическое обсуждение результативно для профилактики возникновения отклоняющихся форм поведения. Обсуждение в коллективе и выработка общих решений способствуют более глубокому пониманию проблемы. При групповом обсуждении возникает новый ракурс проблемной ситуации, происходит ее осмысление и формируются новые ценностные ориентиры [8].

К числу разновидностей диалогического обсуждения принадлежит сократический диалог. Он интерпретируется как форма взаимодействия, ориентированная на совместный поиск ответов на мировоззренческие, аксиологические, нравственные и гносеологические проблемы. Сократический диалог способствует при-

своению морально-этических и ценностно-смысловых знаний. Как акцентирует внимание М.В. Телегин, картина мира личности конструируется посредством вербальных структур, тогда как метод сократической беседы закладывает фундамент для осуществления осознанного и самостоятельного нравственного выбора [9].

В качестве методического инструментария для обсуждения тем определенной направленности в разработанной технологии предложено использовать проблемно-ориентированный анализ текста, как всего материала, так и его смысловой части, резонирующей с темой. Вопросы для обсуждения формулируются исходя из содержания обсуждаемого текста с акцентом на ценностную проблематику. Коллективное обсуждение причинно-следственных закономерностей позволяет выявить новые, скрытые проблемные вопросы, что, в свою очередь, инициирует более глубокое погружение в тему и осознание проблемы [1].

Обсуждение в группе позволяет каждому участнику не только обозначить собственную точку зрения, но и выслушать иные взгляды, определить суть вопроса и скорректировать первоначальные убеждения. Участники диалога не являются пассивными слушателями и не принимают готовую информацию о единственно верном ответе или мнении, у них есть возможность самостоятельно прийти к обоснованному и аргументированному выводу. Кроме того, участие в диалогическом обсуждении способствует развитию коммуникативных способностей и логическому мышлению. Таким образом, главной особенностью сократического диалога является то, что он строится на равноправии мнений всех участников и совместном поиске общей истины [9].

Предложенная технология «Ценностные приоритеты в твоей жизни» включает в себя 18 встреч и рассчитана на реализацию в течение 10 недель [6]. Каждое занятие строится по единому алгоритму, включающему три основных этапа:

- Мотивационно-ориентировочный: через заранее подготовленный текст на конкретно заданную тему, в котором представлена ценностная проблематика, создается ситуация, запускающая диалог.
- Дискуссионно-поисковый: постановка открытого вопроса через аргументацию различных предположений, уточняющие вопросы и анализ противоречий к совместному выводу.
- Рефлексивно-итоговый: осознание каждым участником значимости собственных выводов и их соотнесение с жизненными принципами и ценностными установками. На данном этапе происходит трансформация ценностных ориентаций.

Ожидаемые изменения в иерархии ценностных ориентаций у подростков после участия в представленной технологии: формирование у участников приоритета духовно-нравственных ценностных ориентаций над материальными, прагматическими и гедонистическими устремлениями. К формируемым ценностным ориентациям относятся: уважительное отношение к семье и традициям, принятие и осознание безусловной родительской любви, понимание истинной красоты, эмпатия к окружающим, умение сострадать и проявлять милосердие, способность нести ответственность за свои решения и поступки, настойчивость в достижении поставленных целей.

Эффективность технологии возможно оценить не только по перечисленным факторам, но и по динамике в личностных и поведенческих особенностях подростков. К ним, например, можно отнести: снижение общего уровня агрессивности, изменение показателей как личностной, так и ситуативной тревожности, формирование адекватного уровня самооценки, уменьшение численности респондентов, у которых отмечается склонность к отклоняющимся формам поведения.

Участниками формирующего этапа исследования (апробации предложенной технологии) стали: 53 подростка с признаками социально-психологической дезадаптации и 188 их адаптированных сверстников, вошедших в экспериментальную группу; а также 64 подростка с признаками дезадаптации и 231 адаптированный респондент, составившие контрольную группу.

Определение группы подростков с признаками социально-психологической дезадаптации осуществлялось по результатам проведенного диагностического исследования. Маркерами признаков социально-психологической дезадаптации стали: высокие баллы по шкале депрессии, высокие значения по общему показателю агрессивности и тревожности, как личностной, так и ситуативной, а также выявленная по результатам диагностики склонность к поведенческим девиациям. В подгруппу, адаптированных подростков, были включены респонденты, чьи показатели, по результатам диагностического исследования, не выходили за рамки статистической нормы по перечисленным параметрам.

Для выделения подростков с признаками социально-психологической дезадаптации было проведено комплексное диагностическое исследование с использованием следующего инструментария:

- опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева;
- шкала тревожности Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина;

- шкала депрессии А.Т. Бека;
- опросник агрессивности BPAQ А. Басса и М. Перри;
- методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению Э.В. Леуса и А.Г. Соловьева.

Определение ценностных ориентаций в обеих группах осуществлялся с помощью методики М. Рокича в адаптации Д.А. Леонтьева.

Для подтверждения результативности предложенной технологии проводился формирующий эксперимент, который заключался в апробации предложенной технологии, направленной на изменение иерархии ценностных ориентаций у всех участников.

Результаты и обсуждения

В предшествующих публикациях [7] уже освещались данные, касающиеся выявления статистически значимых изменений в иерархии ценностных ориентаций у адаптированных участников и их сверстников с признаками социально-психологической дезадаптации после реализации предложенной технологии.

Анализ иерархии жизненных целей позволил установить статистически значимые расхождения между двумя исследуемыми группами по ряду категорий. Так, для адаптированных подростков более весомыми оказались ориентации на «наличие хороших и верных друзей» и «развитие». В подгруппе дезадаптированных респондентов доминировали ценности «развлечения» и «уверенность в себе».

Относительно инструментальных предпочтений различия выявлены в пяти показателях. Адаптированные респонденты отдают приоритет «воспитанности» и «исполнительности» как способам реализации намеченного. Для подростков с признаками дезадаптации более характерны «высокие запросы», «непримиримость к недостаткам в себе и других» и «смелость в отстаивании своего мнения, взглядов», что отражает склонность к завышенным притязаниям, бескомпромиссности и выраженной конфронтационной позиции.

В более ранних работах также мы уже описывали результаты применения критерия Спирмена, рассчитанного раздельно для адаптированной и дезадаптированной выборок. Полученные данные свидетельствуют, что в группе подростков с признаками социально-психологической дезадаптации ценность «исполнительность» положительно связана с уровнем агрессии и враждебности и отрицательно с суицидальными тенденциями. Среди подростков, не демонстрирующих признаков дезадаптации, аналогичные взаимосвязи отсутствуют.

Для проверки взаимосвязи между значимыми ценностными приоритетами и поведенческими характеристиками испытуемых применялся метод ранговой корреляции Спирмена. Сравнительный анализ двух групп респондентов показал неоднородность корреляционных паттернов между системой ценностей и выраженностью поведенческих отклонений. В группе адаптированных подростков выявлены положительные связи предрасположенности к аддиктивным и делинквентным формам отклоняющегося поведения с такими терминальными ценностями, как «развлечения», «воспитанность» и «непримиримость к недостаткам в себе и других». Напротив, в выборке подростков с признаками социально-психологической дезадаптации, статистически значимый отрицательный коэффициент корреляции зафиксирован лишь для одной пары признаков: ценностная ориентация «исполнительность» коррелирует с пониженным риском склонности к аутоагрессивному поведению.

Полученные результаты позволяют предположить, что приверженность таким ценностным приоритетам, как «развлечения» и «непримиримость к недостаткам в себе и других», выступает предиктором зарождающихся поведенческих нарушений. На этапе же, когда девиация превращается в стабильную форму реагирования, влияние названных факторов снижается. Кроме того, исследование соотношения личностных черт и ценностных ориентаций обнаружило, что у адаптированных подростков агрессивность и тревога связаны с устремленностью к удовольствиям («развлечения»). При этом интенсивность данных корреляций существенно уступает аналогичным показателям, зарегистрированным в группе подростков с признаками социально-психологической дезадаптации.

Основываясь на ранее полученных результатах, можно предположить, что у подростков с высоким уровнем тревожности и агрессии чаще наблюдаются специфика в выборе приоритетных ценностных ориентаций.

Рассмотрим результаты, касающиеся влияния реализованной технологии на личностные характеристики и поведенческие особенности подростков с признаками социально-психологической дезадаптации. Данные анализировались как в экспериментальной, так и в контрольной группе. Статистическая обработка осуществлялась с применением Т-критерия Вилкоксона (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение личностных и поведенческих особенностей у обучающихся с признаками социально-психологической дезадаптации экспериментальной (n = 53) и контрольной (n = 64) группы до и после формирующего воздействия.

Table 1

Comparison of personality and behavioral characteristics of students with signs of socio-psychological maladjustment in the experimental (n = 53) and control (n = 64) groups before and after the formative intervention.

№ п/п	Переменные	W-Вилкоксона p, ЭГ	W-Вилкоксона p, КГ
1	Самоотношение		
2	Адаптация	0,813	0,558
3	Дезадаптация	0,528	0,607
4	Агрессивность	0,001	,556
5	Ситуативная тревожность	0,112	0,375
6	Личностная тревожность	0,071	0,634
7	Социально обусловленное поведение	0,245	0,743
8	Делинквентное поведение	0,842	0,450
9	Зависимое поведение	0,797	0,502
10	Агрессивное поведение	0,825	0,962
11	Суицидальное поведение	0,495	0,192
12	Депрессия	0,001	0,374

Материалом для статистической обработки послужили результаты тестирования подростков, отнесенных к категории лиц с признаками социально-психологической дезадаптации, до и после внедрения технологии. В фокусе анализа находилась динамика показателей, отражающих как индивидуально-психологические особенности респондентов, так и их поведенческие реакции.

Результаты апробации технологии показали, что у подростков с признаками социально-психологической дезадаптации экспериментальной группы отмечается статистически значимое снижение агрессивности ($p < 0,001$) и депрессивных проявлений ($p < 0,001$). Стоит также отметить выявленную тенденцию к снижению личностной тревожности ($p < 0,071$). Результаты проведенного исследования согласуются с данными современных исследований. Так Д.В. Каширский, в своем научном исследовании отмечает, что для осуществления коррекции агрессивного поведения необходимо комплексное воздействие на ценностно-смысловую структуру, а не сводить коррекционную работу к воспитанию только внешних поведенческих проявлений [2].

В ходе формирующего эксперимента снижение агрессивных проявлений сопровождалось перестройкой иерархической структуры ценностных ориентаций, в результате которой произошло смещение приоритетного выбора с материальных ценностей в сторону духовно-нравственных доминант. Полученные данные эмпирически подтверждают теоретическое предположение о том, что эффективная профилактика дезадаптивных поведенческих проявлений опирается на изменении внутренних регуляторных механизмов, к которым относятся в том числе ценностные ориентации, а не на непосредственной коррекции поведенческих проявлений.

Эмпирические результаты настоящего исследования не только согласуются с позицией современных исследователей, но и расширяют ее, уточняя специфику работы с подростковой выборкой, характеризующейся признаками социально-психологической дезадаптации. Сопоставимость выводов, полученных в различных исследовательских контекстах, свидетельствует о продуктивности ценностно-ориентированного подхода как ведущей стратегии профилактики агрессивных поведенческих проявлений.

Снижение показателей депрессии и тревоги у подростков экспериментальной группы объясняется комплексным характером проведенного воздействия, тогда как в контрольной выборке статистически достоверных сдвигов не обнаружено. Это позволяет сделать вывод о том, что представленная технология, основывающаяся на сократическом диалоге, как на основном методе, сфокусированном на субъективно значи-

мых для личности темах, выступает надежным инструментом психолого-педагогической поддержки дезадаптированных подростков.

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют, что становление ценностных ориентаций у подростков, демонстрирующих признаки социально-психологической дезадаптации, является многоаспектным и трудоемким процессом. Комплексная технология, включающая метод сократического диалога, выступает наиболее уместным, эффективным и органичным инструментом. Она позволяет в рамках групповых занятий постепенно перенаправлять ценностные ориентации в русло общепринятых духовно-нравственных ценностей.

Основываясь на полученных данных, можно утверждать, что наиболее результативными оказались следующие тематические занятия: «Приоритет духовного над материальным», «Ответственность как чувство долга» и «Сила бескорыстной любви». В то же время занятие «Правило человеческого счастья», нацеленное на осознание красоты природы и искусства, оказалось менее результативным [6]. Это объясняется ее изначальным низким рангом в ценностной структуре подростков. Актуализация и повышение ранга данной ценностной ориентации требует не краткосрочного вмешательства, а более длительной и точечной работы. Для повышения эффективности в подобных случаях целесообразно дополнять текстовый материал и дискуссию визуальными средствами или включением значимых других.

Стоит сделать акцент на том, что при апробации технологии выявлено статистически значимое ($p < 0,001$) снижение агрессивных и депрессивных проявлений у участников экспериментальной группы с признаками социально-психологической дезадаптации. Полученные данные свидетельствуют о том, что целенаправленная работа с ценностными ориентациями способна влиять на негативные личностные проявления социально-психологической дезадаптации. Также возможно утверждать о существующих связях между ценностными ориентациями и уровнем психоэмоционального комфорта.

Перспективным направлением дальнейшей работы является углубленное изучение взаимосвязей между конкретными ценностными ориентациями и дезадаптивными поведенческими проявлениями в выборке подростков. Запланирована доработка и адаптация апробированной технологии применительно к таким ценностям, которые получили низкий ранг на начальном этапе. Также в дальнейшей работе необходимо расширение возрастного диапазона участников и вовлечение в формирующий процесс родителей и педагогических работников.

Список источников

1. Иванова О.Э., Точилкина Т.Г. Сократический диалог как обучение совместному решению проблем // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 108 – 111.

2. Каширский Д.В. Психология личностных особенностей: дис. … канд. психол. наук. Москва, 2014. 551 с.

3. Новгородцева А.П. Внутренние конфликты подросткового возраста // Культурно-историческая психология. 2006. № 3. С. 38 – 50.

4. Радчикова Н.П., Сорокова М.Г. Ценностные ориентации в психологическом благополучии подростка: итоги структурного моделирования // Социальные науки и детство. 2023. Т. 4. № 1. С. 7 – 17. DOI 10.17759/ssc.2023040101

5. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации: монография. Москва: Центр социологии образования РАО, 2005. 360 с.

6. Семенова К.Г. Профилактическая психолого-педагогическая программа по формированию ценностных ориентаций у подростков, в том числе с различными типами социально-психологической дезадаптации «Ценностные приоритеты в твоей жизни». Москва, 2023. 128 с. URL: https://mgppu.ru/resources/files/reestr/program/09.СеменоваПРОГРАММА.pdf (дата обращения: 11.04.2026)

7. Семенова К.Г. Формирование ценностных ориентаций у адаптированных обучающихся и обучающихся с социально-психологической дезадаптацией посредством метода сократического диалога: сравнительный анализ // Проблемы современного образования. 2025. № 6. С. 95 – 110. DOI 10.31862/2218-8711-2025-6-95-110

8. Степанова Е.В., Попов В.А. Анализ актуальных форм и методов психолого-педагогической профилактики агрессивного поведения подростков // Молодой ученый. 2021. № 6. С. 788 – 791.

9. Телегин М.В. Воспитательный диалог. Образовательная программа для детей старшего дошкольного возраста. Москва: ДеНово, 2012. 288 с.

10. Чуносов М.А. Практический аспект организации профилактики делинквентного поведения сельской молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 2. С. 504 – 514.

11. Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (1). С. 194 – 206. DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

References

1. Ivanova O.E., Tochilkina T.G. Socratic Dialogue as Teaching Collaborative Problem Solving. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2017. Vol. 6. No. 3 (20). P. 108 – 111.

2. Kashirskiy D.V. Psychology of Personality Traits: Diss. … Cand. of Psychology. Moscow, 2014. 551 p.

3. Novgorodtseva A.P. Internal Conflicts of Adolescence. Cultural-Historical Psychology. 2006. No. 3. P. 38 – 50.

4. Radchikova N.P., Sorokova M.G. Value Orientations in Psychological Well-Being of Adolescents: Results of Structural Modeling. Social Sciences and Childhood. 2023. Vol. 4. No. 1. P. 7 – 17. DOI 10.17759/ssc.2023040101

5. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., Baranova E.V. Adolescent: Norms, Risks, Deviations: Monograph. Moscow: Center for Sociology of Education, Russian Academy of Education, 2005. 360 p.

6. Semenova K.G. Preventive Psychological and Pedagogical Program for the Formation of Value Orientations in Adolescents, Including Those with Various Types of Socio-Psychological Maladaptation “Value Priorities in Your Life”. Moscow, 2023. 128 p. URL: https://mgppu.ru/resources/files/reestr/program/09.СеменоваПРОГАММА.pdf (date of access: 11.04.2026)

7. Semenova K.G. Formation of value orientations in adapted students and students with socio-psychological maladjustment through the method of Socratic dialogue: a comparative analysis. Problems of modern education. 2025. No. 6. P. 95 – 110. DOI 10.31862/2218-8711-2025-6-95-110

8. Stepanova E.V., Popov V.A. Analysis of current forms and methods of psychological and pedagogical prevention of aggressive behavior in adolescents. Young scientist. 2021. No. 6. P. 788 – 791.

9. Telegin M.V. Educational Dialogue. Educational Program for Senior Preschool Children. Moscow: DeNovo, 2012. 288 p.

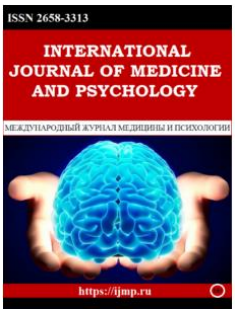
10. Chunosov M.A. Practical Aspect of Organizing the Prevention of Delinquent Behavior in Rural Youth. Theories and Problems of Political Research. 2017. No. 2. P. 504 – 514.

11. Yanitsky M.S. The System of Value Orientations of the Individual and Social Communities: A Structural-Dynamic Model and Its Application in Psychological Research and Psychological Practice. Bulletin of the Kemerovo State University. 2020. No. 22 (1). P. 194 – 206. DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

Информация об авторе

Семенова К.Г., педагог-психолог Отдела координационной и мониторинговой деятельности Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации; Московский государственный психолого-педагогический университет, SPIN-код: 3723-992, SemenovaKG@mgppu.ru

© Семенова К.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.944.4
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-191-199

[1] Цветкова А.Л.,
[1] Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Ресурсный подход к анализу динамики совладающего поведения личности при пролонгированном стрессе

Аннотация: в статье на основе интеграции ресурсного подхода, теории копинга и модели эмоциональной регуляции обосновывается трёхстадийная динамическая модель совладающего поведения личности в условиях пролонгированного стресса. Выделены последовательные стадии трансформации копинг-стратегий: мобилизация, псевдо-адаптация с феноменом функциональной алекситимии и истощение регуляторных ресурсов. Раскрыты нейробиологические механизмы срыва адаптации, обусловленные ослаблением префронтального контроля над амигдалой. Определены факторы-предикторы перехода между стадиями. Предложены дифференцированные рекомендации по психологической поддержке на каждом этапе. Обоснован вывод о необходимости своевременной диагностики маркеров истощения и организации ресурсно-восстановительных интервенций.

Ключевые слова: совладающее поведение (копинг), эмоциональная регуляция, пролонгированный стресс, ресурсный подход, трёхстадийная модель, функциональная алекситимия, нейробиология стресса, социальная поддержка

Для цитирования: Цветкова А.Л. Ресурсный подход к анализу динамики совладающего поведения личности при пролонгированном стрессе // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 191 – 199. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-191-199

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Tsvetkova A.L.,
[1] Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Resource-based approach to the analysis of personality coping behavior dynamics under prolonged stress

Abstract: based on the integration of the resource-based approach, coping theory, and the emotion regulation model, the article substantiates a three-stage dynamic model of personality coping behavior under prolonged stress. The successive stages of coping strategy transformation are identified: mobilization, pseudo-adaptation with the phenomenon of functional alexithymia, and exhaustion of regulatory resources. The neurobiological mechanisms of adaptation breakdown, caused by the weakening of prefrontal control over the amygdala, are revealed. Predictor factors of transition between stages are identified. Differentiated recommendations for psychological support at each stage are proposed. The conclusion about the necessity of timely diagnosis of exhaustion markers and organization of resource-restorative interventions is substantiated.

Keywords: coping behavior, emotion regulation, prolonged stress, resource-based approach, three-stage model, functional alexithymia, stress neurobiology, social support

For citation: Tsvetkova A.L. Resource-based approach to the analysis of personality coping behavior dynamics under prolonged stress. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 191 – 199. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-191-199

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Актуальность исследования. В современных условиях социальная и профессиональная среда предъявляет к человеку всё более высокие требования. Экономическая нестабильность, избыток информации, интенсификация труда и необходимость гибко реагировать на изменения внешней среды создают устойчивый стрессовый фон жизнедеятельности. *Значительная* часть населения сталкивается с ситуациями длительного психоэмоционального напряжения, которые при отсутствии эффективных механизмов совладания приводят к истощению адаптационных ресурсов, повышают риск развития депрессии, тревожных расстройств и эмоционального выгорания. В связи с этим, исследование механизмов совладания и эмоциональной регуляции в условиях пролонгированного стрессового воздействия приобретает высокую актуальность для теоретической и практической психологии.

В научной литературе отмечается, для профессиональной деятельности личности характерно переживание постоянной опасности, высокой степени ответственности и неопределённости, что предъявляет повышенные требования к психической устойчивости субъекта [13; 17]. Стресс рассматривается как сложный, многомерный процесс адаптации, разворачивающийся при столкновении с экстремальными условиями. Он включает в себя психоэмоциональные, физиологические и поведенческие изменения, возникающие в ответ на длительное воздействие высокоинтенсивных факторов [12]. При этом, как подчеркивают исследователи, реакция на фактор новизны раздражителей зачастую оказывается более значимой для психики военнослужащего, чем на силу самих раздражителей [11], что обусловливает необходимость анализа не только кратковременных адаптационных реакций, но и механизмов, обеспечивающих приспособление в условиях длительного стрессового воздействия.

Анализ исследований свидетельствует о значительном интересе к проблематике психологического совладающего поведения в зарубежной (R.S. Lazarus, S. Folkman, L. Murphy) и отечественной психологии (Л.И. Анцыферова, Т.Л. Крюкова, К. Муздыбаев, Н.И. Сирота, В.М. Ялтонский и др.). Исследования охватывают широкий спектр вопросов, связанных с копинг-стратегиями, ресурсами совладания и их ролью в преодолении стрессовых ситуаций. История изучения феномена совладания в зарубежной психологии восходит к теории стресса, предложенной Г. Селье. Именно в рамках этой парадигмы впоследствии сформировалось понятие "coping" как обозначение активности по преодолению стрессогенных воздействий. В 1962 г. Л. Мерфи впервые использовал понятие "копинг" в психологической науке [18] в процессе исследований способов, которые использовали дети для преодоления требований, выдвигаемых кризисами развития. Значительный вклад в разработку теории совладания внёс Р. Лазарус, рассматривавший копинг как динамичный процесс, включающий когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на регуляцию стрессовых состояний и снижение их психотравмирующего воздействия. [5].

Исследования копинг-поведения в российской психологии опираются на традицию изучения волевой регуляции, представленную работами Л.С. Выготского, В.К. Калина, В.И. Селиванова и других учёных. Значительный вклад в разработку проблематики совладания внесли Л.И. Анциферова, Т.Л. Крюкова, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, А.Г. Маклаков, В.А. Абабков, Е.Р. Исаева и др. [2; 4]. В русскоязычной научной литературе понятия «копинг», «совладание со стрессом» и «совладающее поведение» нередко употребляются как взаимозаменяемые. При этом ведущим подходом к типологизации копинг-стратегий остаётся классификация Р. Лазаруса, которая выделяет поведенческие паттерны на основании их направленности – активной либо пассивной – и способов взаимодействия субъекта со стрессогенными факторами [5].

В литературе широко представлены работы, посвящённые изучению социально-психологических и личностных факторов адаптации у представителей экстремальных профессий (Е.Н. Ашанина, А.А. Лаптев, И.Б. Лебедев, Л.Ю. Субботина, Р.М. Шамионов и др.) [1; 7]. В публикациях А.В. Кузнецова, А.В. Созонника, А.А. Утюганова анализируются различные аспекты стрессоустойчивости и эмоциональной регуляции в условиях профессиональной деятельности. Однако, как правило, исследования ограничиваются анализом общих механизмов приспособления, не затрагивая в полной мере вопросы, связанные с длительным стрессогенным воздействием и его последствиями для эмоционально-волевой регуляции.

Как справедливо указывают исследователи, для разных категорий специалистов гражданских и ведомственных организаций эффективными могут быть различные стратегии совладания [13], а ряд работ свидетельствует о том, что в период профессионализации многие будущие специалисты экстремальных профессий прибегают к неэффективным и даже деструктивным копинг-стратегиям [17]. Учитывая важность формирования нервно-психической устойчивости личности для профессиональной успешности, не вызывает сомнения актуальность поиска эффективных путей обучения конструктивным стратегиям совладания субъекта как на этапе профессиональной подготовки, так и в ходе реализации профессиональных функций [3]. Однако в современной научной литературе практически отсутствуют исследования, изучающих динамику изменений копинг-стратегий именно в условиях *пролонгированной* служебной функции, в современной литературе обнаружить не удалось.

При всём многообразии исследований в области копинг-поведения, посвященных совладающему поведению, остается недостаточно изученной проблематика совладающего поведения и эмоциональной регуляции у военнослужащих в условиях продолжительной боевой нагрузки. Большинство существующих исследований сосредоточено на: острых стрессовых реакциях в краткосрочных экстремальных ситуациях; общих ресурсах совладания без учета кумулятивного эффекта длительного стресса; стратегиях преодоления, не адаптированных к специфике непрерывной боевой деятельности. Малоизученными остаются вопросы о том, как меняются копинг-стратегии и механизмы эмоциональной регуляции под влиянием пролонгированного стресса, какие ресурсы наиболее эффективны для поддержания психологической устойчивости в таких условиях и как предотвратить истощение адаптационных возможностей личности. Данное положение актуализирует необходимость системного анализа факторов, ускоряющих или замедляющих истощение регуляторных ресурсов. Соответственно, совладающее поведение в условиях выполнения служебных задач представляет собой динамический процесс, интегрирующий когнитивные, поведенческие и эмоциональные усилия, эффективность которых определяется не только личностными чертами, но и характером стрессовой ситуации, а также взаимодействием этих факторов [10].

Указанное противоречие между высокой практической значимостью проблемы и её недостаточной теоретической разработанностью определило выбор темы настоящего исследования и его основные направления.

Цель исследования – теоретически обосновать и представить модель динамики совладающего поведения и эмоциональной регуляции личности в условиях длительного стрессового воздействия, а также определить направления психологической поддержки, способствующие сохранению психического здоровья и эффективности деятельности субъекта.

Материалы и методы исследований

В основу исследования положены общепсихологические принципы, разработанные в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.В. Карпова: детерминизм, системность, развитие и субъектность. Данные принципы позволяют рассматривать совладающее поведение как многомерный и динамичный процесс, а также принцип единства сознания и деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), позволяющий рассматривать совладающее поведение как активную форму взаимодействия личности с экстремальными условиями профессиональной деятельности.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют три основных подхода. Во-первых, концепция совладающего поведения, разработанная Р. Лазарусом и С. Фолкман и получившая развитие в трудах отечественных учёных (Л.И. Анцыферова, Т.Л. Крюкова). Во-вторых, модель регуляции эмоций Дж. Гросса, согласно которой стратегии регуляции дифференцируются в зависимости от времени их применения относительно возникновения эмоционального импульса. В-третьих, работы, посвящённые социально-психологическим и личностным факторам, определяющим специфику совладающего поведения у лиц, функционирующих в экстремальных условиях (Е.Н. Ашанина, И.Б. Лебедев, Л.М. Лучшева, Е.Н. Матыцина, А.А. Утюганов, М.Р. Хачатурова, Р.М. Шамионов).

В рамках классических подходов, восходящих к традиции Р. Лазаруса и С. Фолкман [14], совладающее поведение трактуется преимущественно как ситуационно обусловленный процесс. Его ключевые этапы – первичная и вторичная когнитивная оценка стрессовой ситуации, на основании которой субъект избирает те или иные стратегии совладания в зависимости от того, воспринимается ли ситуация как поддающаяся контролю. В данной модели выделяются две базовые стратегические линии: проблемно-ориентированный копинг, нацеленный на преобразование ситуации, и эмоционально-ориентированный копинг, направленный на регуляцию собственного аффективного состояния [14].

Однако исследователи справедливо обращают внимание на то, что в ситуации длительного стрессогенного воздействия классическое деление копинг-стратегий на проблемно- и эмоционально-ориентированные перестаёт быть достаточным. Поскольку стресс в таких случаях принимает характер затяжного процесса, его кумулятивный эффект ведёт к постепенному накоплению психоэмоционального напряжения, что требует иных подходов к анализу совладания [12;7]. В этой связи возникает необходимость перехода от статического анализа копинг-стратегий к их динамическому рассмотрению, учитывающему временной фактор и закономерные изменения психических процессов по мере увеличения длительности воздействия стресс-факторов.

В основе предлагаемой модели лежит представление об ограниченности регуляторных ресурсов личности. Согласно данному подходу, успешное совладание со стрессом требует значительных когнитивных и эмоциональных затрат. При длительном воздействии стрессоров эти затраты неуклонно растут, а возможности их восполнения (восстановления) снижаются, что с неизбежностью ведёт к исчерпанию адаптационного потенциала и вынужденному переходу на энергосберегающие, но дезадаптивные стратегии совладания.

Результаты и обсуждения

Итак, совладающее поведение в условиях длительного стресса приобретает динамический характер, разворачиваясь как последовательная смена стратегий преодоления, что позволяет представить его в виде ряда сменяющих друг друга этапов. В рамках настоящего исследования предлагается трехстадийная модель, включающая:

1. Стадию мобилизации и активного копинга;
2. Стадию псевдо-адаптации и эмоционального притупления;
3. Стадию истощения регуляторных ресурсов и дезинтеграции копинга.

Рассмотрим содержание каждой из выделенных стадий более подробно.

Первая стадия – мобилизационная – охватывает приблизительно 2-3 недели с момента начала стрессового воздействия. В этот период адаптационные ресурсы субъекта закономерно активируются, что проявляется в усилении когнитивных и поведенческих усилий, направленных на преодоление трудностей. Данная стадия характеризуется преобладанием проблемно-ориентированных стратегий совладания, что соответствует классическим представлениям Р. Лазаруса о копинге как активном взаимодействии личности со стрессовой ситуацией.

Поведенческие и когнитивные проявления на данной стадии включают: активный поиск информации о ситуации, планирование действий, стремление к рациональному анализу обстановки, ориентацию на выполнение поставленных задач, высокую включенность в деятельность. Эмоциональный фон характеризуется мобилизующей тревогой, которая в соответствии с концепцией общего адаптационного синдрома [20], выполняет адаптивную функцию. Эмоциональная регуляция на данной стадии носит преимущественно осознанный характер: субъект способен идентифицировать свои эмоциональные состояния, дифференцировать их и при необходимости корректировать с помощью когнитивных техник (переоценка ситуации, переключение внимания).

Важным ресурсом на данной стадии выступает эффект новизны. Как отмечается в исследованиях, реакция на фактор новизны раздражителей является более значимой для психики личности, чем на силу раздражителей [11]. Первоначальная мобилизация, связанная с включением в новые, непривычные условия деятельности, поддерживает высокий уровень активности и мотивации.

Однако уже на этом этапе закладываются предпосылки для последующего перехода на следующую стадию. Активное совладание требует значительных когнитивных затрат, и при отсутствии возможности для полноценного восстановления (сна, отдыха, психологической разгрузки) регуляторные ресурсы начинают постепенно истощаться. Если воздействие стресс-факторов продолжается, наступает закономерный переход к следующей стадии.

Вторая стадия – псевдо-адаптации и эмоционального притупления (от 3 до 8 недель) – представляет собой наиболее сложный и противоречивый этап динамики совладающего поведения. Внешне поведение субъекта стабилизируется: он привыкает к условиям, осваивается с режимом, выполняет поставленные задачи. Однако, как подчеркивают исследователи, «новизна порой несет в себе определяющую роль в пробуждении у военнослужащего уже сформированных качеств» [9]. На этой стадии происходит качественная трансформация механизмов совладания.

Проблемно-ориентированный копинг постепенно утрачивает свою эффективность, поскольку субъект сталкивается с объективной невозможностью изменить ситуацию (интенсивность стрессового воздействия,

уровень угрозы, длительность стрессовой ситуации не зависят от его индивидуальных усилий). Это вынуждает психику переходить к эмоционально-ориентированным стратегиям совладания. Наиболее характерными из них становятся: подавление эмоций, принятие неизбежного (элементы фатализма), дистанцирование от травмирующих переживаний, эмоциональное притупление.

Согласно процессуальной модели эмоциональной регуляции Дж. Гросса, на данной стадии доминируют стратегии, сфокусированные на реакции, в частности – сдерживание внешних проявлений эмоций. Субъект сознательно или бессознательно блокирует внешние проявления страха, тревоги, печали, что позволяет ему сохранять внешнее спокойствие и соответствовать социальным ожиданиям (образу эмоционально устойчивой личности). Вместе с тем, следствием такого подавления выступает снижение осознанности собственных эмоциональных переживаний – феномен, обозначаемый нами как функциональная алекситимия. Данный термин вводится для описания преходящего, ситуационно детерминированного ослабления способности к идентификации и вербализации эмоций, возникающего в условиях длительного стресса, в отличие от клинической алекситимии, понимаемой как стабильная личностная характеристика. Внешне это проявляется в том, что субъект на вопрос о своем состоянии отвечает «нормально», «в порядке», не демонстрируя признаков дистресса. Внутренне же происходит накопление психоэмоционального напряжения, которое не находит адекватной разрядки. Это создает диссоциацию между внешним поведением и внутренним состоянием, что является главной опасностью данной стадии.

Основным ресурсом на этой стадии выступает социальная поддержка со стороны коллег. Как отмечают исследователи, поддержка со стороны значимых других является важнейшим фактором, снижающим уровень стресса и повышающим уверенность в себе [7]. При наличии доверительных отношений военнослужащие чаще используют адаптивные стратегии, такие как дифференциация переживаний и поиск совета, вместо изоляции и подавления эмоций.

Однако именно на данной стадии, без психологической поддержки и возможности рефлексии, наиболее вероятен срыв адаптационных механизмов. Внешнее благополучие маскирует прогрессирующее истощение, что делает данную стадию критической с точки зрения профилактики психических расстройств. Если на этом этапе не происходит восстановления ресурсов (отдых, психологическая разгрузка, социальная поддержка), адаптационные механизмы истощаются, и наступает следующая стадия – качественного срыва компенсаторных возможностей личности.

Стадия истощения регуляторных ресурсов и дезинтеграции копинга (от 3 недель до 2 месяцев). Третья стадия является финальной в предлагаемой модели и характеризуется качественным срывом адаптационных механизмов. Длительное воздействие стресс-факторов приводит к истощению регуляторных ресурсов личности, что проявляется на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях. На данной стадии наблюдается преобладание дезадаптивных копинг-стратегий:

- Избегание – попытки уйти от решения проблем, уклонение от активных действий, пассивное ожидание.
- Эмоциональная разрядка - импульсивные, неконтролируемые вспышки гнева, агрессии либо, напротив, апатия, безразличие к происходящему.
- Самообвинение – фиксация на собственной несостоятельности, чувство вины, снижение самооценки.
- Злоупотребление психоактивными веществами - попытки заглушить негативные переживания с помощью алкоголя, никотина или других средств (в условиях хронического стресса).

Способность к когнитивной переоценке и управлению эмоциями практически утрачивается. Эмоциональный фон характеризуется либо «плоским аффектом» (эмоциональная тупость, безразличие), либо дисфорическими состояниями (тревога, тоска, раздражительность). Эмоции перестают выполнять адаптивную функцию и становятся дезорганизующим фактором.

На этом этапе значительно возрастает риск развития клинически выраженных психических расстройств, в первую очередь – посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии, тревожных расстройств [6; 8]. Как отмечают исследователи, использование пассивных стратегий и уход от проблем приводят к нарастанию отрицательных симптомов и ухудшению физического и психического состояния [1].

На данной стадии наблюдаются не только эмоциональные, но и когнитивные изменения: снижение концентрации внимания, ухудшение памяти, трудности принятия решений, ригидность мышления, негативные когнитивные установки (пессимизм, чувство безнадежности). С нейропсихологической точки зрения, описанные когнитивные нарушения и утрата способности к произвольной регуляции имеют четкий субстратный коррелят. Согласно модели эмоциональной регуляции Дж. Гросса, успешный когнитивный контроль (переоценка ситуации, подавление импульсивных реакций) обеспечивается функциональной активностью дорсолатеральной префронтальной коры (ДЛПФК), которая осуществляет тормозной контроль над лимби-

ческими структурами, в частности – миндалевидным телом (амигдалой), отвечающим за генерацию эмоций страха, тревоги и гнева [19].

В условиях пролонгированного стресса наблюдается эффект «функционального истощения префронтальных отделов»: длительная гиперстимуляция амигдалы из-за постоянной угрозы жизни требует от ДЛПФК непрерывной, интенсивной работы по подавлению эмоциональных всплесков. Однако, в отличие от амигдалы, работающей на «энергетически дешевых» автоматических реакциях, префронтальная кора крайне чувствительна к утомлению и требует значительных когнитивных затрат (глюкозы и кислорода). При хронической нехватке отдыха и сна ресурсы ДЛПФК исчерпываются, что приводит к ослаблению нисходящего коркового контроля. В результате этого амигдала начинает доминировать, а эмоциональные реакции перестают сублимироваться и корригироваться волевыми усилиями, что клинически проявляется в аффективной нестабильности, импульсивных вспышках либо, напротив, в эмоциональной тупости (как крайней степени истощения тормозных механизмов). Таким образом, переход на третью стадию детерминирован не психологической «слабостью», а объективным нейробиологическим истощением фронтолимбической регуляторной цепи [19].

Это создает замкнутый круг: снижение когнитивных функций делает проблемно-ориентированный копинг еще более недоступным, что усугубляет эмоциональное состояние и ускоряет дальнейшее истощение.

Наступление стадии истощения не является следствием личностной «слабости». Это объективный процесс, который получает строгое теоретическое обоснование в теории сохранения ресурсов С. Хобфолла [15]. Согласно данной теории, индивиды стремятся приобретать, сохранять и защищать значимые ресурсы (энергетические, когнитивные, социальные). Стрессогенная реакция запускается либо при реальной утрате ресурсов, либо при возникновении угрозы их утраты. В условиях длительного стрессового воздействия субъект сталкивается с эффектом «ресурсного истощения»: когнитивный контроль (необходимый для подавления эмоций) и физическая энергия расходуются быстрее, чем успевают восстанавливаться. Когда уровень ресурсов падает ниже критического порога, психика переходит в режим «энергосбережения», что клинически проявляется в избегании, апатии и утрате способности к волевой регуляции. Таким образом, теория С. Хобфолла [15] позволяет объяснить третью стадию не как патологический срыв, а как закономерный финал адаптационного процесса, наступающий при истощении мета-ресурсов саморегуляции.

Данное положение имеет принципиальное значение для пересмотра подходов к психологической поддержке личности: задача психолога – не требовать от субъекта «быть сильным» в условиях, где ресурсы объективно исчерпаны, а своевременно выявлять признаки перехода на следующую стадию и организовывать необходимые меры профилактики и коррекции.

Для наглядного представления основные параметры предложенной модели обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Стадии динамики совладающего поведения личности в условиях пролонгированного стресса.

Table 1

Stages of the dynamics of coping behavior in individuals under prolonged stress.

Критерий	Стадия I (Мобилизация) 2-3 недели	Стадия II (Псевдо-адаптация) 3-8 недель	Стадия III (Истощение) от 2 месяцев
Доминирующий копинг	Проблемно-ориентированный	Эмоционально-ориентированный (подавление)	Избегание / Дезинтеграция
Эмоциональный фон	Тревога мобилизующая	Внешнее спокойствие / Внутреннее напряжение	Апатия / Дисфория / Плоский аффект
Осознанность эмоций	Высокая	Сниженная (ситуативная алекситимия)	Утрачена (деперсонализация)
Адаптационный ресурс	Высокий	Средний (истощение скрыто)	Критический (дефицит)

При этом следует подчеркнуть, что переход между стадиями не является жестко детерминированным и зависит от ряда факторов, которые могут как замедлять, так и ускорять данный процесс. К числу таких факторов относятся:

Буферные факторы (замедляют истощение): высокий уровень социальной поддержки (сплоченность группы, поддержка руководителей, связь с семьей); наличие навыков психологической саморегуляции (дыхательные техники, рефрейминг, медитативные практики); четкость и предсказуемость поставленных задач (редукция неопределенности); возможности для кратковременного отдыха и восстановления.

Акселераторы истощения (ускоряют переход): авторитарный стиль управления без обратной связи и психологической поддержки; переживание травмирующих событий (потери, травмы близких или коллег); высокая степень неопределенности и непредсказуемости ситуации; отсутствие четких временных ориентиров окончания стрессового периода; низкая информированность о сроках и планах.

Таблица 2

Практические рекомендации по психологической поддержке личности на различных стадиях пролонгированного стресса.

Table 2

Practical recommendations for psychological support of individuals at various stages of prolonged stress.

Стадия	Цель поддержки	Основные задачи психолога	Рекомендуемые техники
I. Мобилизация	Укрепить адаптивные механизмы	Информирование о стрессе, обучение саморегуляции, формирование осознанности, организация отдыха	Дыхательные техники, «Заземление», дневник эмоций, групповые упражнения на сплочение
II. Псевдо-адаптация	Предотвратить скрытое истощение	Диагностика латентного дистресса, обучение эмоциональной разрядке, работа с подавленными эмоциями, поддержка социальных связей	«Контейнер», «Письмо эмоции», группы поддержки, «Три хорошие вещи», телесно-ориентированные техники
III. Истощение	Предотвратить клинические расстройства	Скрининг психического состояния, кризисное вмешательство, легитимизация состояния, организация ротации/отдыха	Стабилизационные техники, «Безопасное место», направление к психиатру, мониторинг сна и отдыха

Выводы

Проведённое теоретическое исследование, выполненное в рамках ресурсного подхода, позволило обосновать динамическую модель совладающего поведения личности в условиях пролонгированного стресса. В работе установлено, что классические теории копинга, ориентированные на анализ ситуативных стрессовых реакций, не в полной мере отражают специфику длительной нагрузки, характеризующейся кумулятивным эффектом накопления психоэмоционального напряжения.

В результате теоретического анализа выделены три последовательные стадии трансформации совладающего поведения: 1) мобилизация, 2) псевдо-адаптация, 3) истощение регуляторных ресурсов.

Основной результат проведённого анализа заключается в том, что исчерпание ресурсов саморегуляции при длительном стрессе имеет объективную природу и обусловлено ограниченным адаптационным потенциалом психики, а не индивидуальными особенностями личности. Данный вывод имеет принципиальное значение для пересмотра подходов к психологической поддержке: приоритетом должно стать своевременное выявление маркеров перехода между стадиями и организация адресной профилактической работы, а не риторика, требующая от субъекта «быть сильным» в условиях объективного истощения ресурсов.

Разработанные на основе модели практические рекомендации позволяют дифференцировать психологическое сопровождение в зависимости от текущей стадии. Теоретическая значимость работы состоит в дополнении классических теорий совладания положением о временно́й координате, что позволяет объяснить закономерную трансформацию копинг-стратегий при длительном воздействии стресс-факторов и обосновать ресурсный подход к анализу динамики совладающего поведения.

Список источников

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 166 с.

2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3 – 19.

3. Караяни А.Г. Военная психология. Москва: Юрайт, 2022. 593 с.

4. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 4. С. 110 – 115.

5. Крюкова Т.Л., Смородинская А. А. Совладающее поведение в современной психологии: теоретические подходы и методы исследования // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. Москва: Институт психологии Российской академии наук, 2008. С. 9 – 26.

6. Правдина Л.Р., Ульянова Н.Ю. Совладающее поведение и посттравматический стресс у военнослужащих // Психология и психотехника. 2017. № 2. С. 59 – 73.

7. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1994. № 1. С. 63 – 74.

8. Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Часть 1. Теория и методы. Москва: Когито-Центр, 2007. 208 с.

9. Утюганов А.А. Особенности смысловой сферы военнослужащих ВВ МВД России, переживших боевой стресс. Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. 100 с.

10. Цветкова А.Л. Совладающее поведение и эмоциональная регуляция у военнослужащих в условиях выполнения боевых задач // Наука. Образование. Практика. 2026. № 2 (2). С. 78 – 85.

11. Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing Coping Strategies: A Theoretically Based Approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. No. 2. P. 267 – 283.

12. Folkman S., Lazarus R.S. An Analysis of Coping in a Middle-Aged Community Sample // Journal of Health and Social Behavior. 1980. Vol. 21. No. 3. P. 219 – 239.

13. Gross J.J. The Emerging Field of Emotion Regulation: An Integrative Review // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 271 – 299.

14. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion Regulation: Conceptual Foundations // Handbook of Emotion Regulation / Edited by J.J. Gross. New York: Guilford Press, 2007. P. 3 – 24.

15. Hobfoll S.E. The Influence of Culture, Community, and the Nested-Self in the Stress Process: Advancing Conservation of Resources Theory / Applied Psychology: An International Review. 2001. Vol. 50. No. 3. P. 337 – 421.

16. Lazarus R.S. From Psychological Stress to the Emotions: A History of Changing Outlook // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 1 – 21.

17. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 445 p.

18. Murphy L.B., Moriarty A. Vulnerability, Coping and Growth. New Haven: Yale University Press, 1976. 223 p.

19. Ochsner K.N., Gross J.J. The Cognitive Control of Emotion // Trends in Cognitive Sciences. 2005. Vol. 9. No. 5. P. 242 – 249.

References

1. Ababkov V.A., Perret M. Adaptation to Stress. Fundamentals of Theory, Diagnostics, and Therapy. St. Petersburg: Rech, 2004. 166 p.

2. Antsyferova L.I. Personality in Difficult Life Conditions: Rethinking, Transforming Situations, and Psychological Defense. Psychological Journal. 1994. Vol. 15. No. 1. P. 3 – 19.

3. Karayani A.G. Military Psychology. Moscow: Yurait, 2022. 593 p.

4. Kryukova T.L. Psychology of Coping Behavior. Bulletin of the N.A. Nekrasov Kostroma State University. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 110 – 115.

5. Kryukova T.L., Smorodinskaya A.A. Coping behavior in modern psychology: theoretical approaches and research methods. Coping behavior: current state and prospects.Ed. by A.L. Zhuravlev, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2008. P. 9 – 26.

6. Pravdina L.R., Ulyanova N.Yu. Coping behavior and post-traumatic stress in military personnel. Psychology and psychotechnics. 2017. No. 2. P. 59 – 73.

7. Sirota N.A., Yaltonsky V.M. Coping behavior and psychoprophylaxis of psychosocial disorders in adolescents. Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev. 1994. No. 1. P. 63 – 74.

8. Tarabrina N.V. Practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods. Moscow: Kogito-Center, 2007. 208 p.

9. Utyuganov A.A. Features of the semantic sphere of servicemen of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia who experienced combat stress. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute of Internal Troops named after General of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013. 100 p.

10. Tsvetkova A.L. Coping behavior and emotional regulation in servicemen during combat missions. Science. Education. Practice. 2026. No. 2 (2). P. 78 – 85.

11. Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing Coping Strategies: A Theoretically Based Approach. Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56.No. 2. P. 267 – 283.

12. Folkman S., Lazarus R.S. An Analysis of Coping in a Middle-Aged Community Sample. Journal of Health and Social Behavior. 1980. Vol. 21.No. 3. P. 219 – 239.

13. Gross J.J. The Emerging Field of Emotion Regulation: An Integrative Review. Review of General Psychology. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 271 – 299.

14. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion Regulation: Conceptual Foundations. Handbook of Emotion Regulation. Edited by J.J. Gross. New York: Guilford Press, 2007. P. 3 – 24.

15. Hobfoll S.E. The Influence of Culture, Community, and the Nested-Self in the Stress Process: Advancing Conservation of Resources Theory. Applied Psychology: An International Review. 2001. Vol. 50.No. 3. P. 337 – 421.

16. Lazarus R.S. From Psychological Stress to the Emotions: A History of Changing Outlook. Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 1 – 21.

17. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 445 p.

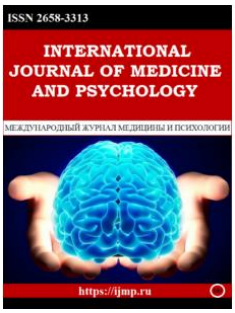
18. Murphy L.B., Moriarty A. Vulnerability, Coping and Growth. New Haven: Yale University Press, 1976. 223 p.

19. Ochsner K.N., Gross J.J. The Cognitive Control of Emotion. Trends in Cognitive Sciences. 2005. Vol. 9. No. 5. P. 242 – 249.

Информация об авторе

Цветкова А.Л., кандидат психологических наук, преподаватель, SPIN-код 1151-3828, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, a.l-tsvetkova@yandex.ru

© Цветкова А.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9.07
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-200-207

[1] Максимова Н.Л.,
[1] Николаева Т.Е.,
[1] Чавошиан Бенямин,
[1] Бахши Али,
[1] Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Семейные установки и эмоциональные коммуникации как фактор психологического здоровья студентов: кросс-культурное исследование

Аннотация: проблема психологического здоровья студенческой молодежи приобретает особую актуальность в условиях возрастающих образовательных требований и межкультурной мобильности. Семья выступает ключевым институтом социализации, транслирующим ценностные ориентиры и модели эмоционального взаимодействия, однако характер влияния семейных установок на психологическое благополучие студентов в разных культурных контекстах изучен недостаточно. В эмпирическом исследовании приняли участие 100 студентов (по 50 из России и Узбекистана). Использован комплекс методик: «Диагностика направленностей психологического здоровья», «Индивидуальная модель психологического здоровья», PERMA-Profiler, тест на выявление семейных установок, опросник «Семейные эмоциональные коммуникации». Установлено, что российские студенты демонстрируют более высокие показатели стратегического вектора, позитивных эмоций и удовлетворенности взаимоотношениями, тогда как узбекские студенты характеризуются большей выраженностью духовного вектора и семейной сплоченности. Выявлены культурно-специфические профили семейных установок: узбекские студенты ориентированы на традиционные ценности (высокая значимость детей, консервативное отношение к разводу), российские - на эгалитарные модели. Корреляционный анализ показал, что деструктивные эмоциональные коммуникации (критика, сверхвключенность) негативно связаны с показателями психологического здоровья в обеих группах. Результаты расширяют научные представления о кросс-культурных механизмах влияния семьи на психологическое благополучие студентов и могут быть использованы при разработке адаптированных программ психологической поддержки.

Ключевые слова: психологическое здоровье, семейные установки, эмоциональные коммуникации, студенты, кросс-культурные различия, Россия, Узбекистан, благополучие, семейные ценности

Для цитирования: Максимова Н.Л., Николаева Т.Е., Чавошиан Бенямин, Бахши Али Семейные установки и эмоциональные коммуникации как фактор психологического здоровья студентов: кросс-культурное исследование // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 200 – 207. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-200-207

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1]*Maksimova N.L.*,
[1] *Nikolaeva T.E.*,
[1] *Chavoshian Benyamin*,
[1] *Bakhshi Ali*,
[1] *I.N. Ulyanov Chuvash State University*

Family attitudes and emotional communication as a factor in students' psychological health: a cross‑cultural study

Abstract: the problem of psychological health of students is becoming particularly relevant in the context of increasing educational demands and cross-cultural mobility. The family acts as a key institution of socialization, transmitting value orientations and models of emotional interaction, however, the nature of the influence of family attitudes on the psychological well-being of students in different cultural contexts has been insufficiently studied. The empirical study involved 100 students (50 from Russia and 50 from Uzbekistan). A set of methods was used: "Diagnostics of psychological health orientations", "Individual model of psychological health", PERMA-Profiler, family attitudes test, "Family emotional communications" questionnaire. It was found that Russian students demonstrate higher indicators of the strategic vector, positive emotions and satisfaction with relationships, while Uzbek students are characterized by greater expression of the spiritual vector and family cohesion. Culturally specific profiles of family attitudes were identified: Uzbek students are oriented towards traditional values (high significance of children, conservative attitude towards divorce), Russian students - towards egalitarian models. Correlation analysis showed that destructive emotional communications (criticism, over-involvement) are negatively associated with psychological health indicators in both groups. The results expand scientific understanding of cross-cultural mechanisms of family influence on students' psychological well-being and can be used in developing adapted psychological support programs.

Keywords: psychological health, family attitudes, emotional communications, students, cross-cultural differences, Russia, Uzbekistan, well-being, family values

For citation: Maksimova N.L., Nikolaeva T.E., Chavoshian Benyamin, Bakhshi Ali Family attitudes and emotional communication as a factor in students' psychological health: a cross‑cultural study. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 200 – 207. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-200-207

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Психологическое здоровье студенческой молодежи является одной из наиболее актуальных проблем современной психологии и педагогики. Период обучения в вузе характеризуется повышенной уязвимостью к стрессовым факторам, связанным с академической нагрузкой, социальной адаптацией и поиском идентичности [12]. Согласно современным данным, значительная доля студентов испытывает повышенный уровень тревожности и депрессивных состояний, что негативно сказывается на их обучении и качестве жизни [13].

Семья как первичный институт социализации играет центральную роль в формировании личностных качеств и жизненных ориентиров молодого поколения [1; 2]. Семейные установки – устойчивые представления, ценности и правила, регулирующие поведение и восприятие действительности – закладывают фундамент для формирования самооценки, социальных навыков и стратегий совладания со стрессом [4], а также тесно взаимосвязаны со здоровьем личности [9]. Эмоциональные коммуникации в семье, включающие способы выражения и понимания эмоций, выступают важным фактором, определяющим психологическое благополучие ее членов [15].

Особый интерес представляет кросс-культурный аспект данной проблемы. Культурные особенности семейных традиций существенно варьируются, что отражается на восприятии студентами своей роли в обществе, степени удовлетворенности жизнью и готовности решать жизненные проблемы [20]. Для русской культуры по-прежнему характерна роль семьи как источника опоры, хотя молодые люди все чаще стремятся к самостоятельности [18]. В то же время в традициях узбекского народа большое место занимают прочные родственные связи и ответственность перед старшими поколениями [19; 20].

Несмотря на наличие исследований, посвященных психологическому здоровью студентов и влиянию семейных факторов на развитие личности, комплексные работы, анализирующие взаимосвязь психологиче-

ского здоровья и семейных установок у студентов России и Узбекистана с учетом социокультурных особенностей, представлены недостаточно. Данное исследование направлено на восполнение этого пробела.

Цель исследования: изучение особенностей психологического здоровья студентов России и Узбекистана, обусловленных семейными установками и особенностями эмоциональных коммуникаций.

Гипотеза исследования: семейные установки и эмоциональные коммуникации студентов связаны с их психологическим здоровьем и имеют культурно-специфический характер.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 100 студентов высших учебных заведений, из которых были сформированы две группы по 50 человек – жителей России и Узбекистана. Средний возраст участников составил 20,5 лет (SD = 1,8) в российской группе и 20,2 года (SD = 1,5) в узбекской. Большинство респондентов воспитывались в полных семьях (92% в Узбекистане против 78% в России). По полу выборку можно охарактеризовать следующим образом: в российской выборке 60% составляли женщины, в узбекской – 55%.

Для оценки психологического здоровья использовались:

1. Методика «Диагностика направленностей психологического здоровья» (И.С. Филоненко, А.В. Капцов, 2024) [14], выделяющая пять измерений: «Я – лидер», «Я – личность», «Моё окружение», «Мой внутренний мир», «Моё призвание». Испытуемые оценивали актуальный, возможный и идеальный уровни по каждой шкале.

2. Методика «Индивидуальная модель психологического здоровья» (А.В. Козлов, 2014) [8], включающая шкалы: стратегический, просоциальный, Я-вектор, творческий, духовный, интеллектуальный, семейный, гуманистический.

3. Опросник благополучия PERMA-Profiler (адаптация О.М. Исаевой, А.Ю. Акимовой, Е.Н. Волковой) [7], измеряющий позитивные эмоции, вовлеченность, взаимоотношения, смысл, достижения, а также общее благополучие.

Для оценки семейных установок и эмоциональных коммуникаций применялись:

4. Тест на выявление семейных установок (Н.П. Иванова и др., 1999), включающий шкалы: отношение к детям, автономия/зависимость в браке, отношение к разводу, традиционные представления о распределении ролей, сексуальная сфера.

5. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) (А.Б. Холмогорова, С.В. Воликова, 2016) [16], диагностирующий дисфункциональные аспекты семейных отношений: критику, индуцирование тревоги, элиминирование эмоций, фиксацию на негативе, внешнее благополучие, сверхвключенность, семейный перфекционизм.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок и корреляционного анализа Пирсона в программе SPSS.

Результаты и обсуждения

Анализ результатов по методике диагностики направленностей психологического здоровья выявил значимые различия между группами. По шкале «возможное Я-личность» российские студенты демонстрируют более высокие показатели (86,6±13,624 против 66±15,347; $t=3,463$; $p<0,01$), что указывает на более выраженную веру в возможность личностного развития. Аналогичная тенденция наблюдается по шкалам «возможное окружение» (86,9±24,794 против 53,643±26,24; $t=3,161$; $p<0,01$) и «возможное призвание» (84,1±13,747 против 60,214±29,197; $t=2,674$; $p<0,05$).

Большинство российских студентов в идеальном представлении нацелены на высокий уровень развития личности (89,7±13,3). В узбекской выборке данный показатель значительно ниже (76,571±9,613; $t=2,664$; $p<0,05$): большая часть респондентов ориентирована на средний уровень развития личности, что, вероятно, отражает местные культурные нормы в отношении самореализации. Эти данные согласуются с результатами шкалы «мой внутренний мир»: практически все студенты российской группы уверены (90,3±11,3; $p<0,01$), что их внутреннее состояние может стать лучше, тогда как узбекская разделилась во мнениях. Узбекские студенты верят в возможность внутренней гармонии (61,8±29,8), но смотрят на свои перспективы заметно сдержаннее своих российских сверстников ($t=2,557$; $p<0,05$). Чуть более половины опрошенных студентов из Узбекистана ориентированы на идеальную гармонию во внутреннем мире, остальные же считают приемлемым ее средний уровень (68,143±31,233). В российской же группе, напротив, три четверти нацелены на идеал, и лишь оставшаяся четверть – на средний уровень (91,9±12,897). При этом в обеих группах не оказалось респондентов, вовсе отрицающих значимость внутреннего благополучия. Эти данные указывают на более выраженную потребность российских студентов в максимальной внутренней гармо-

нии, тогда как узбекские проявляют здесь большую умеренность, что, скорее всего, связано с культурными особенностями восприятия личностного благополучия.

По шкале «моё идеальное окружение» российские студенты ориентируются на высокий уровень социальной поддержки (86,5±28,563). В узбекской же выборке данный показатель значительно ниже (59,643±28,308; t=2,279; p<0,05). Нужно отметить, что большинство узбекских студентов удовлетворены средним актуальным уровнем поддержки со стороны окружения, поэтому идеальный для них не столько и значим.

По методике «Индивидуальная модель психологического здоровья» также выявлены существенные различия в исследуемых группах. Стратегический вектор высокого уровня встречается у 70% российских студентов и лишь у 38% узбекских; при этом духовный вектор, напротив, чаще выражен в узбекской группе (36% против 10% в российской). При этом статистически значимые различия зафиксированы только по шкале «Духовный вектор» (t=2,916; p<0,01). Кроме того, в узбекской выборке большинство (86%) узбекских студентов демонстрируют средний уровень семейной сплоченности (14% – высокий), что подчеркивает прочный статус семьи в данной культуре; в российской же выборке разброс моделей семейных отношений шире: у 20% респондентов данной группы зафиксирован низкий уровень по шкале «семейный вектор».

Результаты, полученные с помощью Опросника благополучия PERMA-Profiler показывают, что российские студенты превосходят узбекских по шкалам «позитивные эмоции» (8,02±1,01 против 6,157±1,398; t=3,791; p<0,001), «взаимоотношения» (7,24±2,043 против 5,386±1,031; t=2,640; p<0,05) и «здоровье/силы» (7,33±0,974 против 5,421±1,528; t=3,731; p<0,001). При этом 24% узбекских студентов демонстрируют низкий уровень общего благополучия, тогда как в российской выборке низких показателей не выявлено.

Полученные данные о более высоком уровне позитивных эмоций и удовлетворенности взаимоотношениями у российских студентов согласуются с результатами исследований Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, показавших, что субъективное благополучие студентов коррелирует с уровнем социальной поддержки и возможностями самореализации [11]. В то же время высокий уровень духовного вектора у узбекских студентов может быть интерпретирован в контексте исследований А.В. Шувалова, который рассматривает духовность как важнейший компонент психологического здоровья, обеспечивающий устойчивость личности в условиях неопределенности [17].

Наиболее неожиданный результат мы получили по шкале негативных эмоций: у всей узбекской выборки зафиксирован минимальный уровень их переживания. Это выглядит скорее, как культурная норма сдержанности в проявлении недовольства, нежели как объективное благополучие, либо указывает на смещение ответов в сторону социальной желательности. В исследованиях C. Serikbaevna отмечается, что в узбекской культуре открытое выражение негативных эмоций, особенно в публичном контексте, не приветствуется, что может влиять на результаты самоотчетных методик [20].

Результаты теста на выявление семейных установок демонстрируют выраженные культурные различия. Узбекские студенты придают гораздо большее значение детям (50% высокого уровня против 10% у россиян; t=-3,051; p<0,01), консервативнее относятся к разводу (70% среднего уровня против 50% у россиян; t=-2,711; p<0,05) и умеренно придерживаются традиционных ролей (70% среднего уровня против 86% высокого уровня у россиян; t=4,370; p<0,001). Российские же студенты в целом более либеральны в вопросах развода и придерживаются эгалитарных взглядов. Эти данные согласуются с другими кросс-культурными исследованиями, где в узбекской культуре отмечается опора на традиции, религиозные нормы и жесткие семейные роли, тогда как в русских семьях все чаще прослеживается установка на партнерство [18].

По шкале «автономия/зависимость» обе группы показывают высокую ориентацию на совместную деятельность, но в узбекской группе этот показатель выше (66% высокого уровня против 42% в российской); при этом различия статистически не значимы (t=-0,286; p=0,779).

Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» показал общую картину нарушений в обеих группах. Серьезные дисфункции затронули 10-12% студентов, еще более половины выборок (54% узбекских и 72% российских) находятся в зоне среднего риска. При этом профиль проблем оказался схожим: практически все опрошенные фиксируются на негативе (80–100%) и сталкиваются со сверхвключенностью родителей в личные дела (92-100%). Попытки подавить или проигнорировать чувства (элиминирование эмоций) отметили большинство узбекских студентов (86%) и почти две трети российских (62%). В узбекской среде студенты чаще ощущают жесткую критику и тотальный контроль со стороны старших, что соответствует традиционному укладу воспитания с опорой на авторитет [1]. Российские же респонденты чаще сталкивались с семейным перфекционизмом – завышенными требованиями к успехам и безупречному поведению.

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между показателями психологического здоровья и семейными установками в обеих группах. У узбекских студентов стремление к лидерству ("Я-лидер") напрямую конфликтует с семейной атмосферой: чем активнее они пытаются проявлять инициативу, тем сильнее сталкиваются с деструктивной критикой ($r=-0,566$; $p<0,05$), навязыванием тревоги о внешнем благополучии ($r=-0,607$; $p<0,05$) и удушающей родительской сверхвключенностью ($r=-0,638$; $p<0,05$). Шкала «актуальное Я-личность» положительно связана с автономией/зависимостью ($r=0,711$, $p<0,01$) и отношением к разводу ($r=0,587$, $p<0,05$). Шкала «идеальное Я-личность» отрицательно связана с отношением к разводу ($r=-0,607$, $p<0,05$) и положительно – с элиминированием эмоций ($r=0,869$, $p<0,001$) и индуцированием тревоги ($r=0,608$, $p<0,05$).

В российской выборке общий показатель благополучия положительно связан с отношением к детям ($r=0,658$, $p<0,05$) и сверхвключенностью ($r=0,673$, $p<0,01$), но отрицательно – с критикой ($r=-0,867$, $p<0,01$), индуцированием тревоги ($r=-0,643$, $p<0,05$) и элиминированием эмоций ($r=-0,817$, $p<0,01$). Шкала «негативные эмоции» положительно связана с автономией/зависимостью ($r=0,679$, $p<0,05$), элиминированием эмоций ($r=0,706$, $p<0,05$) и семейным перфекционизмом ($r=0,862$, $p<0,01$), но отрицательно – с сексуальной сферой ($r=-0,686$, $p<0,05$).

Полученные данные подтверждают, что деструктивные эмоциональные коммуникации (критика, подавление эмоций, сверхвключенность) негативно связаны с показателями психологического здоровья, тогда как позитивные семейные установки способствуют гармоничному развитию личности [3; 15]. Культурно-специфический характер взаимосвязей проявляется в том, что в узбекской выборке более выражена связь лидерских качеств с автономией и эмоциональной регуляцией, тогда как в российской – связь общего благополучия с качеством семейных коммуникаций.

Выводы

1. Установлены значимые различия в психологическом здоровье студентов России и Узбекистана. Российские студенты демонстрируют более высокие показатели по стратегическому вектору, позитивным эмоциям, удовлетворенности взаимоотношениями и вере в личностный рост. Узбекские студенты характеризуются большей выраженностью духовного вектора и семейной сплоченности, а также практически полным отсутствием негативных эмоций, что отражает культурные особенности эмоциональной регуляции.

2. Выявлены культурно-специфические профили семейных установок. Узбекские студенты ориентированы на традиционные ценности: высокая значимость детей, консервативное отношение к разводу, умеренная приверженность традиционным ролям. Российские студенты демонстрируют более эгалитарные установки, лояльное отношение к разводу и менее выраженную значимость детей.

3. В обеих группах выявлены дисфункциональные эмоциональные коммуникации, среди которых наиболее выражены фиксация на негативе, сверхвключенность и элиминирование эмоций. Критика и сверхвключенность более характерны для узбекских семей, семейный перфекционизм – для российских.

4. Связи между семейным климатом и здоровьем оказались разными для двух культур. Если для узбекских студентов ключевым ресурсом оказалась автономия от родительской критики, то для российских определяющим фактором стало качество эмоциональной близости и отсутствие завышенных ожиданий внутри семьи. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке программ психологической поддержки студентов с учетом культурно-специфических особенностей семейных установок [11]. Для узбекских студентов целесообразно усиление компонентов, связанных с развитием автономии и лидерских качеств, при сохранении значимости семейных ценностей как ресурсного фактора. Для российских студентов акцент в психологической работе может быть сделан на укреплении эмоциональных связей и снижении уровня перфекционистских ожиданий в семейных отношениях. Учитывая опыт нашего коллектива в проведении онлайн-консультирования [5], разработанные программы психопрофилактической и коррекционной работы могут успешно проводиться и в дистанционном формате.

Список источников

1. Бельская О.Н. Психологические установки института семьи в современном мире // Гуманизация образования. 2017. № 2. С. 48 – 56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-ustanovki-instituta-semi-v-sovremennom-mire (дата обращения: 10.03.2026)

2. Гимаев И.З., Мигунова Ю.В. Теоретико-методологические основы изучения семейно-брачных установок современной молодежи // Ученые записки Гуманитарного факультета. 2024. № 2. С. 238 – 256. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-izucheniya-semeyno-brachnyh-ustanovok-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 10.03.2026)

3. Главенская Е. Типы родительского отношения к детям и проблема адаптивных семейных взаимоотношений // Психология: реальность и перспективы. 2024. № 23. С. 85 – 93. DOI: 10.35619/prap_rv.vi23.389

4. Злочяк М. Влияние родительских установок на формирование личности ребенка // Педагогика и психология. 2020. № 9. С. 75 – 85. DOI: 10.28925/2226-3012.2020.9.8

5. Иванов В.Г. Николаев Е.Л. К вопросу о психологическом консультировании в сети интернет // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-5. С. 326 – 332.

6. Иванова, Н.П., Красницкая, Г.С., Заводилкина, О.В., Бобылева, И.А. Программа подготовки приемных родителей (профессиональный минимум). М.: Знание, 1999. 48 с.

7. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profiler: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 116 – 133.

8. Козлов А.В. Методика диагностики психологического здоровья // Перспективы науки и образования. 2014. № 6. С. 143 – 148.

9. Николаева О.В., Бабурин И.Н., Николаев Е.Л., Дубравина Е.А. Криз? атака? невроз? Клинический случай приступа психовегетативных нарушений в кардиологическом стационаре // Вестник психотерапии. 2009. № 30 (35). С. 86 – 90.

10. Максимова Н.Л. Стратегии межкультурного взаимодействия иностранных студентов и их психологическое здоровье // Высшая школа России и достижение национальных целей развития страны: Материалы XIV Международной учебно-методической конференции, Чебоксары, 28 октября 2022 года / Под ред. А.Ю. Александрова, Е.Л. Николаева. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2022. С. 309 – 313.

11. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117 – 142.

12. Пономарёва, Е.Ю., Андриевская, Л.Ю. Факторы психологического благополучия студентов: теоретический обзор // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-2. С. 345 – 350. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-psihologicheskogo-blagopoluchiya-studentov-teoreticheskiy-obzor (дата обращения: 10.03.2026)

13. Филиппова С.А., Степанова Н.А. Оценка психического здоровья и благополучия студенческой молодежи // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 5 (219). С. 537 – 540.

14. Филоненко И.С., Капцов А.В., Волкова Е.С. Взаимосвязь направленностей психологического здоровья и стадий становления субъектности обучающихся вуза // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2023. № 2. С. 88 – 97.

15. Харченко Н. Влияние эмоционального отношения в семье на адаптивные взаимоотношения родителей и детей старшего школьного возраста // Психология: реальность и перспективы. 2024. № 22. С. 112 – 120. DOI: 10.35619/prap_rv.v1i22.375

16. Холмогорова А.Б., Воликова С.В. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 7 – 25.

17. Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 87 – 101.

18. Isaeva N., Markova E., Pankratova E., Ptitsyna N. Social, psychological and legal readiness of the student youth of Ivanovo for family and marriage relations // South Russian Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 25. No. 4. P. 92 – 109. DOI: 10.31429/26190567-25-4-92-109

19. Semenova G., Solovyova K. The Relationship between Well-Being and Anxiety among Uzbek Students Participating in the Export of Russian Education // Herald of Omsk University. Series: Psychology. 2025. Vol. 1. P. 37 – 46. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.1.37-46

20. Serikbaevna S. Socio-Psychological Features of the Formation of Ideas About Family Life Among High School Students on the Example of the Republic of Karakalpakstan. Nukus, 2020. 180 p.

References

1. Belskaya O.N. Psychological attitudes towards the institution of family in the modern world. Humanization of education. 2017. No. 2. P. 48 – 56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-ustanovki-instituta-semi-v-sovremennom-mire (date of access: 10.03.2026)

2. Gimaev I.Z., Migunova Yu.V. Theoretical and methodological foundations for studying family and marital attitudes of modern youth. Scientific notes of the Humanitarian faculty. 2024. No. 2. P. 238 – 256. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-izucheniya-semeyno-brachnyh-ustanovok-sovremennoy-molodezhi (date of access: 10.03.2026)

3. Glavenskaya E. Types of parental attitudes towards children and the problem of adaptive family relationships. Psychology: Reality and Prospects. 2024. No. 23. P. 85 – 93. DOI: 10.35619/prap_rv.vi23.389

4. Zlochyak M. The influence of parental attitudes on the formation of a child's personality. Pedagogy and Psychology. 2020. No. 9. P. 75 – 85. DOI: 10.28925/2226-3012.2020.9.8

5. Ivanov V.G., Nikolaev E.L. On the Issue of Psychological Counseling on the Internet. Problems of Modern Pedagogical Education. 2017. No. 54-5. P. 326 – 332.

6. Ivanova N.P., Krasnitskaya G.S., Zavodilkina O.V., Bobyleva I.A. Training Program for Foster Parents (Professional Minimum). Moscow: Znanie, 1999. 48 p.

7. Isaeva O.M., Akimova A.Yu., Volkova E.N. PERMA-Profiler Well-Being Questionnaire: Testing the Russian-Language Version. Social Psychology and Society. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 116 – 133.

8. Kozlov A.V. Methodology for diagnosing psychological health. Prospects of science and education. 2014. No. 6. P. 143 – 148.

9. Nikolaeva O.V., Baburin I.N., Nikolaev E.L., Dubravina E.A. Crisis? Attack? Neurosis? A clinical case of an attack of psychovegetative disorders in a cardiology hospital. Bulletin of psychotherapy. 2009. No. 30 (35). P. 86 – 90.

10. Maksimova N.L. Strategies for intercultural interaction of foreign students and their psychological health. Higher education in Russia and the achievement of national development goals: Proceedings of the XIV International educational and methodological conference, Cheboksary, October 28, 2022. Ed. A.Yu. Aleksandrova, E.L. Nikolaeva. Cheboksary: Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, 2022. P. 309 – 313.

11. Osin E.N., Leontiev D.A. Brief Russian-language scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis. Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2020. No. 1. P. 117 – 142.

12. Ponomareva, E. Yu., Andrievskaya, L. Yu. Factors of students' psychological well-being: a theoretical review. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-2. P. 345 – 350. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-psihologicheskogo-blagopoluchiya-studentov-teoreticheskiy-obzor (date of access: 10.03.2026)

13. Filippova S.A., Stepanova N.A. Assessment of mental health and well-being of student youth. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2023. No. 5 (219). P. 537 – 540.

14. Filonenko I.S., Kaptsov A.V., Volkova E.S. Interrelation between the directions of psychological health and the stages of formation of subjectivity of university students. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology. 2023. No. 2. P. 88 – 97.

15. Kharchenko N. The Influence of Emotional Attitudes in the Family on Adaptive Relationships between Parents and Senior School-Age Children. Psychology: Reality and Prospects. 2024. No. 22. P. 112 – 120. DOI: 10.35619/prap_rv.v1i22.375

16. Kholmogorova A.B., Volikova S.V. Standardization of the "Family Emotional Communications" Questionnaire. Counseling Psychology and Psychotherapy. 2016. Vol. 24. No. 4. P. 7 – 25.

17. Shuvalov A.V. Human Psychological Health. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2009. Issue. 4 (15). P. 87 – 101.

18. Isaeva N., Markova E., Pankratova E., Ptitsyna N. Social, psychological and legal readiness of the student youth of Ivanovo for family and marriage relations. South Russian Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 25. No. 4. P. 92 – 109. DOI: 10.31429/26190567-25-4-92-109

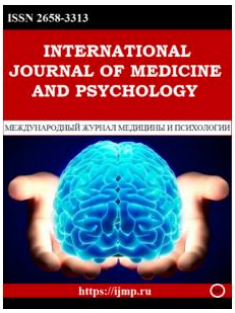
19. Semenova G., Solovyova K. The Relationship between Well-Being and Anxiety among Uzbek Students Participating in the Export of Russian Education. Herald of Omsk University. Series: Psychology. 2025. Vol. 1. P. 37 – 46. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.1.37-46

20. Serikbaevna S. Socio-Psychological Features of the Formation of Ideas About Family Life Among High School Students on the Example of the Republic of Karakalpakstan. Nukus, 2020. 180 p.

Информация об авторах

Максимова Н.Л., кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Neli13@mail.ru
Николаева Т.Е., Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
Чавошиан Бенямин, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
Бахши Али, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

© Максимова Н.Л., Николаева Т.Е., Чавошиан Бенямин, Бахши Али, 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-208-214

[1] Шмакова А.В.,
[1] Высшая школа педагогики, психологии и физической культуры,
Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Особенности восприятия невербального поведения как компонента внешнего облика партнера в семейно-брачных отношениях

Аннотация: статья посвящена роли внешнего облика и невербального поведения в семейно-брачных отношениях с опорой на теоретические подходы и данные опроса 71 человека, использовался метод контент-анализа и метод расчета процентных долей – анализ распределения ответов в опросе. В теоретической части работы анализируются подходы к пониманию невербальной экспрессии как знаковой системы, включающей динамические, среднестабильные и констиуциональные компоненты (В.А. Лабунская), рассматривается визуальный текст общения в единстве анатомических, кинесических и социально-оформленных характеристик (Е.А. Петрова). Также внимание уделяется феномену неосознанности и неподконтрльности невербального поведения субъекту, что создает объективные трудности интерпретации в реальной коммуникации. Рассматривается динамика значимости внешности на разных этапах отношений. Значительная доля респондентов склонна связывать неудачи в прошлых романтических отношениях особенностями своей внешности. И выявлено, что в длительных брачных отношениях внимание смещается с внешних характеристик на личностные качества, а описания внешности становятся более конкретными, с редукцией кинесических компонентов. Обсуждается предположение о снижении осознанной значимости внешней экспрессии при устойчивом образе партнера в долгосрочных отношениях. В заключении поднимаются вопросы о практических аспектах проблемы: вопрос о необходимости развития навыков управления невербальной составляющей имиджа для повышения уверенности в общении, большей осознанности в сфере невербальной экспрессии, и вопрос о психологических барьерах, возникающих при оценке внешности близкого человека, что также может свидетельствовать о недостаточной осознанности значимости внешнего облика в отношениях, в особенности компонента его невербальной составляющей.

Ключевые слова: внешний облик, невербальное поведение, отношения в паре, семейно-брачные отношения

Для цитирования: Шмакова А.В. Особенности восприятия невербального поведения как компонента внешнего облика партнера в семейно-брачных отношениях // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 208 – 214. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-208-214

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Shmakova A.V.,***
[1] *Higher School of Pedagogy, Psychology and Physical Education,*
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The characteristics of perceiving nonverbal behavior as a component of a partner's physical appearance in family and marital relationships

Abstract: the article examines the role of physical appearance and nonverbal behavior in marital and family relationships, drawing on theoretical approaches and survey data from 71 respondents. The study employed content analysis and the method of calculating percentage shares – an analysis of the distribution of responses in the survey. The theoretical section reviews existing approaches to nonverbal expressiveness as a semiotic system that includes dynamic, moderately stable, and constitutional components (V. A. Labunskaya), and explores the visual text of communication as an integration of anatomical, kinesic, and socially-stylized characteristics (E. A. Petrova). Attention is also paid to the phenomenon of the unconscious and uncontrollable nature of nonverbal behavior, which creates objective interpretational difficulties in real-life communication. The dynamics of appearance significance across different stages of relationships are examined. A considerable proportion of respondents tend to attribute past romantic failures to their physical characteristics. The findings indicate that in long-term marital relationships, attention shifts from external traits to the partner's personality qualities, while descriptions of appearance become more specific, with a reduction in kinesic components. The paper discusses the hypothesis that the conscious significance of external expressiveness decreases when a stable image of the partner has been formed in long-term relationships. The concluding section addresses practical aspects of the problem, including the need to develop skills in managing the nonverbal dimension of personal image to enhance communicative confidence and greater awareness in the sphere of nonverbal expression, as well as the psychological barriers that emerge when assessing the appearance of a close other – which may also indicate insufficient awareness of the significance of physical appearance in relationships, particularly its nonverbal component.

Keywords: physical appearance, nonverbal behavior, couple relationships, marital and family relations

For citation: Shmakova A.V. The characteristics of perceiving nonverbal behavior as a component of a partner's physical appearance in family and marital relationships. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 208 – 214. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-208-214

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 13, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Внешность человека рассматривается в современной науке как социокультурный, социально-психологический феномен. Психология внешнего облика на протяжении долгого времени как один из важнейших рассматривает вопрос о том, как интерпретация внешнего облика, своего и других людей, влияет на возникновение у человека психологических проблем. Широкий круг личностных проблем связан и является результатом внимания к различным аспектам внешнего облика, следствием его сравнения с эталонами красоты [4]. Рассматривая явление бьютизма, ученые отмечают проблему диспозиционной сосредоточенности на своем и чужом внешнем облике, заключающуюся в постоянном внимании и оценке своего облика и облика других людей, в частности – приписывания ему ответственности за негативные события в жизни человека. И наоборот: инвестиции во внешность рассматриваются сегодня как залог социального признания и маркер успешности. Подобные диспозиции способствуют развитию таких феноменов, как лукофобия, бьютизм, что, в свою очередь, ведет к трудностям в общении, выстраивании коммуникации и в целом адекватной социальной адаптации, вплоть до ухода от контактов [5]. В основе этих трудностей лежит убежденность в том, что коррекция только внешнего вида способна наладить всю систему отношений. В том числе это касается сферы романтических и семейно-брачных отношений.

Учеными обнаружен ряд закономерностей, касающихся представлений о внешнем облике в парах [10]. Так пары, которые вместе продолжительное количество времени, похожим образом оценивают значимость внешней привлекательности партнера в семейной жизни. Во-вторых, привлекательность потенциального брачного партнера более значима для мужчин, для женщин – менее значима, ввиду чего более подвержена развитию критичного отношения к своему внешнему облику. В-третьих, чем большее количество времени пара в браке – тем менее для обоих партнеров значим внешний облик друг друга. В то же время выявлено,

что те пары, в которых жены воспринимаются привлекательнее своих мужей (обоими партнерами), имеют более благоприятный прогноз развития отношений. Установлено, что степень совпадения взглядов супругов на значимость внешности коррелирует с удовлетворенностью браком. Дополнительные данные указывают, что у мужчин, находящихся в браке 7-9 лет, акцент на привлекательности партнерши, напротив, сопряжет с более низкой удовлетворенностью отношениями [10].

Женщины, воспитывающие ребенка в неполной семье, обнаруживают более высокие показатели по шкале ценности внешнего облика, тем матери из полных семей [11]. При этом более высоко ценится как собственная привлекательность, что свидетельствует о высоком уровне притязаний к собственной внешности, так и привлекательность внешнего облика потенциального партнера. То есть в начале возможных отношений аспект, связанный с внешним обликом партнера, становится приоритетным или одним из приоритетных, тогда как в продолжительных отношениях он преимущественно утрачивает высокую значимость.

Изучением различных аспектов невербального общения занимались такие ученые как Лабунская В.А., Рубинштейн С.Л., Бороздина Г.В., Рогов Е.И., А. Пиз. В исследованиях межличностного восприятия подчеркивается значимость первичных впечатлений от внешности и невербального репертуара партнера. Е.А. Петрова рассматривает визуальный текст общения как совокупность знаковых подсистем различной природы: анатомические особенности – природная конституция лица и тела, движения (кинесика), и социальное оформление внешности [8]. Невербальное поведение рассматривается как система устойчивых двигательных паттернов, обусловленных индивидуальными и групповыми программами [1]. Лабунская выделяет в его структуре динамические компоненты со средней степенью изменчивости (прическа, одежда, окружающая среда) и с низкой степенью изменчивости (индивидуально-конституциональные составляющие экспрессии). Центральное место занимают движения – жесты, позы, мимика, взгляд, интонационно-ритмические характеристики голоса, прикосновения – которые отражают актуальные состояния, отношение к партнеру и ситуации, выступая как экспрессивный компонент поведения. При этом существуют прочные программы экспрессивного поведения, соответствующие определенным ситуациям и состояниям [5]. С.Л. Рубинштейн (1999) считал, что через восприятие невербальных проявления другого, человек пытается распознать их внутреннее содержание, то, что они отражают, другими словами, через внешние признаки (экспрессивный компонент внешнего облика) распознать психические состояния и свойства личности другого человека [2].

Итак, невербальная презентация личности представляет собой внешний образ Я, включающий как осознаваемые, так и неосознаваемые компоненты. Экспрессивное поведение, будучи элементом этого образа, транслирует информацию о темпераменте, актуальных состояниях, ценностных ориентациях, переживаниях, об отношении к другому, к себе, а также о социальном статусе [3]. При этом акцент делается на динамичности, неосознанности, неподконтрольности экспрессии субъекту. Как отмечает Харрисон (1984), человек отвечает за вербальное высказывание, но не за невербальное поведение, которое ускользает от однозначной фиксации как со стороны самого человека, так и со стороны воспринимающего партнера [12].

В.А. Лабунская относит к числу социально-перцептивных способностей умение адекватно интерпретировать невербальное поведение, например, дифференцировать эмоциональное состояние по интонации или мимике. Вместе с тем в реальном общении выявление всех корреляций между экспрессивными проявлениями и психологическими характеристиками личности затруднено, в силу чего некоторая неопределенность интерпретации сообщения неизбежна [3].

Широко цитируется система восприятия любого сообщения, описанная А. Мерабяном: 7% информации передается через слова, 38% – через голосовые характеристики, 55% – невербально. Р.Бердвистелл оценивает вербальную долю менее чем в 35%, невербальную – более 65%. Отмечается также, что при невидимом или неподвижном лице партнера теряется до 10-15% информации [6]. Ученые подчеркивают, что те реакции и интерпретации, которые возникают у человека при восприятии партнера, сугубо индивидуальны и экспрессия может читаться достаточно объективно только при очень хорошем знании партнера. Непонимание этого момента, по мнению Оксюты, чревато глубокими искажениями в познании другого [6]. Восприятие других людей детерминируется предшествующим коммуникативным опытом и личностными особенностями субъекта. В.Н. Панферов подчеркивает, что только в ходе совместной деятельности постижение личности партнера становится более осознанным и оформляется в устойчивый образ-представление [7].

Материалы и методы исследований

Таким образом, обнаруживается противоречие между важностью аспекта внешнего облика в представлении людей о его влиянии на успешность в различных сферах жизни (в частности – на успешность в романтическом и брачном партнерстве) и тем, что внутренняя трактовка облика (как своего, так и чужого), может быть ошибочной в виду сложностей объективной интерпретации именно экспрессивного (невербального) его компонента. Так, чтобы изучить и интерпретировать экспрессивные проявления другого человека, важно наблюдать его длительное время, но вместе с тем выводы о нем формируются автоматически на уровне первого впечатления в первые минуты знакомства, через восприятие и прочтение именно невербальных проявлений.

Итак, можно обозначить ряд проблем, важных для изучения значимости невербального компонента внешнего облика в романтических и семейно-брачных отношениях:

- проблема восприятия себя (внутренний аспект) – трактовка того, почему не получается начать или развить романтические отношения, объяснение неудач мнимыми недостатками собственной внешности и преувеличением реальных недостатков;
- проблема восприятия другого – уровень притязаний и оценок, влияющих на качество отношений; интолерантное отношение к себе и партнеру;
- проблема изменения отношения к внешнему облику с течением времени и ее связь с развитием отношений, степенью удовлетворенности браком; способности снизить значимость внешности как условия поддержания крепких отношений;
- проблема интерпретации компонентов внешнего облика, в особенности – наименее осознаваемой его части – невербальной.

Мы провели мини-исследование с помощью гугл-формы, в котором приняли участие 71 человек. Анкета представляла собой опросник, в котором были размещены вопросы с выбором вариантов ответов и с возможностью свободных ответов текстом. Выборку составили совершеннолетние мужчины и женщины, находящиеся в браке. Вместе с тем ввиду того, что доля мужчин, принявших участие в опросе, составила 9,9%, мы должны учитывать, что большей частью мы анализировали ответы респондентов-женщин, которые и составили актуальную выборку. Преимущественно наши респонденты – женщины, находящиеся в браке от 7 до 20 лет, лишь небольшой процент принявших участие в опросе находятся в браке более 20 или менее 7 лет. Нами использовался метод контент-анализа и метод расчета процентных долей.

Результаты и обсуждения

Наше исследование показало, что большинство респондентов действительно связывали неудачи в романтических отношениях в прошлом с недостатками в собственном внешнем облике: 46,5% («да, связывали») и 19,7% («скорее да, чем нет») респондентов дали положительные ответы. Далее предлагалось оценить, насколько в начале знакомства и в настоящее время значима для них привлекательность внешнего облика партнера. Если в начале отношений значимость внешнего облика была безусловно важна для 29,6% и скорее важна для 39,4% респондентов, то на момент заполнения анкеты процент распределяется как 22,5% и 45,1% соответственно. Приблизительно совокупный процент положительных ответов на данный вопрос практически совпадает, различается лишь степень его выраженности, что может указывать на тенденцию некоторого снижения значимости внешнего облика партнера в браке, однако не однозначную. Процент ответов со значением «скорее неважна», выражающий также определенную степень неуверенности, составляет 28,2% (на момент начала отношений) и 22,5 (на момент ответа); а процент ответов со значением «совсем не важна» 3% и 9,9% соответственно.

Интерес представляют вопросы, связанные с описанием достоинство во внешнем облике партнера. Респонденты описывали, что во внешнем облике супруга понравилось им в период знакомства и что кажется им наиболее привлекательным в настоящее время. Ответы респондентов могут быть условно распределены в следующие категории. Описывая компоненты внешнего облика партнера в период знакомства, респонденты называют чаще обладающие низкой степенью изменчивости или статичные компоненты, конституционные особенности внешности: рост, глаза (реже – цвет глаз), фигура (телосложение, подтянутость, стройность), лицо (и черты лица), губы (и улыбка); также часто упоминаются компоненты со средней степенью изменчивости: одежда, стиль (и стиль одежды), прическа, ухоженность. Отдельную группу составляют компоненты, которые можно определить как мало контролируемые и мало осознаваемые: манеры, харизма, манера движения, манера держаться, поведение, манера общения. Все эти компоненты перечисляются в общем виде, без конкретизации, что именно в манерах или поведении человека являлось привлекательным, за исключением ответа «приветливость», который может быть расценен как конкретизирую-

щий особенность манеры общения, и ответа «брутальность» – как конкретизации «манеры держаться». Ответ «голос» встречается один раз. Отдельные ответы звучали как «мужественность», «уверенность», «аккуратность», «чистоплотность», «юмор». Присутствует смешивание компонентов невербальной части имиджа и компонентов, связанных с качествами личности и подразумевающих, что их проявления включали и вербальный аспект.

Обращаясь к вопросу о привлекательных чертах внешнего облика партнера на момент опроса, можно обозначить некоторое смещение приоритетов в ответах респондентов. Часто ответы становятся еще более «общими», например, ответ «все». Также часто встречаются описания качеств личности: доброта, «упертость», мужество, педантичность, ум, «мозги», доброжелательность, «умение говорить и объяснять», «чувство меры», «умение справляться с проблемами». Практически отсутствуют ответы, связанные с компонентом манер, поведения. Уже нет ответов о росте, реже упоминаются глаза и лицо, прическа, ответ «голос» встречается дважды. Вместе с тем, значительно выше количество ответов, связанных с оценкой телосложения: «спортивное телосложение», «торс: широкие плечи, узкий таз», «структура тела», «фигура», «подтянутость», «мышцы». Некоторые респонденты оставляли дополнительные комментарии после участия в анкетировании: «Поняла, что внешность вообще уже не значима стала за столько лет) сейчас совсем не эти качества ценятся… поначалу да, было важно, сейчас совсем другое ценно»; «Когда прожили столько лет, то какой уж тут внешний вид?! Не храпит во сне – вот счастье!»

На вопрос о том, как повлияет на качество отношений в браке изменение внешнего облика партнера в худшую сторону, ответы распределились так: «не повлияет» – 70,4%; «повлияет отрицательно» – 28,2%. Вместе с тем на обратный вопрос о возможности изменений облика партнера в лучшую сторону 53,5% респондентов считают, что на качество отношений в их браке это повлияет положительно, а 45,1% – что не повлияет.

Также для нас представлял интерес вопрос о возможности объективной оценки своего внешнего облика и внешнего облика брачного партнера с помощью изменения ракурса восприятия. Мы предложили респондентам ответить на вопрос, как оценит незнакомый человек внешний облик их и их брачного партнера. Более 40% респондентов считают, что если незнакомый человек сделает выводы об их личностных и профессионалных качествах, опираясь только на оценку внешнего облика, то они будут недооценены (4,2 % считают, что их переоценят, а 53,5% полагают, что выводы незнакомца будут соответствовать действительности). Так же более 40% опрошенных считают, что и их брачный партнер будет недооценен незнакомцем (7% полагают, что будет переоценен, а 49,3%, что выводы будут соответствовать действительности).

Выводы

Таким образом, анализ данных нашего опроса показал, что существует связь между оценкой внешнего облика своего и партнера и представлением о о его оценке другими людьми. С одной стороны, значительная доля респондентов склонны объяснять неудачи в сфере романтических отношений в прошлом особенностями своего внешнего облика. С другой – обнаруживается достаточно высокий процент ответов, связанных с представлениями о необъективной оценке человека (себя или партнера) другими людьми при опоре только на оценку внешнего облика. Зная своего партнера продолжительное количество времени, респонденты делают акцент на внимании к его личностным качествам более, чем к внешним. В то же время описания внешности в период после нахождения в браке продолжительное время становятся более конкретными, значительно снижается количество перечисляемых компонентов, связанных с наименее осознаваемой частью (кинесика). На наш взгляд, актуальным остается вопрос об интерпретации невербальной части внешнего облика партнера в романтических и затем в семейно-брачных отношениях, в особенности – компоненты, связанные с экспрессивно-поведенческим аспектом. С другой стороны – вопрос, связанный не только с толерантным отношения к внешности, но и навыком управления невербальной частью личного имиджа для формирования более уверенного поведения. Если внешний облик и его экспрессивная часть являются прямым источником познания и имеют прямое значение в формировании образа-представления человека, то, он является и способом транслировать (если речь идет о субъекте), и способом интерпретировать (когда речь об объекте) личностные особенности и психические состояния человека. Значимость внешнего облика со временем развития отношений снижается, как показывают исследования, в том числе и наш опрос, однако есть вероятность, что она ощущается как менее ценная на сознательном уровне, ведь представление о хорошо знакомом человеке является устойчивым, и «сигнальная» функция внешней экспрессии перестает осознаваться, на ее интерпретацию затрачивается меньше ресурсов. Со временем, в условиях длительного взаимодействия, восприятие внешности «срастается» с представлением о человеке, не приходится использовать информацию о внешности как ключ к его личности. Тогда как в новых отно-

шениях возникает необходимость снова развивать чуткость восприятия другого. Так же и некое сопротивление, связанное с необходимостью отвечать на вопросы о внешнем облике своем и партнера, само по себе может быть объектом для изучения. Оно может объясняться не только трудностью разделить внешний облик и структуру личности, но и определенной болезненностью этого процесса, нежеланием «судить» по внешности близкого человека.

Список источников

1. Алиева М.Г., Ахмедпашаева К.А. Роль невербальных средств коммуникации в организации межличностного взаимодействия // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный "https://scienceforum.ru/2015/article/2015011509 (дата обращения: 28.05.2026)

2. Артёмцева Н.Г. Общее, типологическое, индивидуальное в визуальной диагностике: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 188 с. ISBN 978-5-98079-375-3

3. Лабунская В.А. Визуальная психодиагностика личности Учебное пособие. Ростов-на-Дону. ЮФУ. 2011. 119 с. Рецензенты: доктор психологических наук, профессор Скрипкина Т.П.; доктор психологических наук, профессор Джанерьян С.Т.

4. Лабунская В.А. Внешний облик человека как культурно-природный конструкт, порождающий психологические проблемы личности (глава) // Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа, Когито-Центр, 2020–2021. С. 17 – 32.

5. Лабунская, В.А. Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии. Социальная психология и общество, 2021. № 12 (3). С. 128 – 150. https://doi.org/10.17759/sps.2021120309

6. Оксюта А.А. Роль невербальных средств в межличностном общении // Педагогика и психология образования. 2012. № 2. С. 103 – 106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neverbalnyh-sredstv-v-mezhlichnostnom-obschenii (дата обращения: 09.03.2026)

7. Панферов В.Н., Безгодова С.А., Микляева А.В. Внешность и личность – проблема психологического познания человека // Лицо человека: познание, общение, деятельность / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр – Московский институт психоанализа, 2019. С. 38 – 60.

8. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения: дис. ... докт. психол. наук. Москва, 2000. 402 с.

9. Погонцева Д.В. Структура привлекательного внешнего облика: анализ современных исследований // Концепт. 2017. № 9. С. 1 – 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-privlekatelnogo-vneshnego-oblika-analiz-sovremennyh-issledovaniy (дата обращения: 18.05.2026)

10. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования: коллективная монография / под научной ред. проф. В.А. Лабунской, доц. Г.В. Серикова, доц. Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Мини-Тайп, 2019. С. 194 – 205.

11. Хозяинова П.М. Связь личностных особенностей матерей и характера взаимодействия матери с ребенком в неполной семье // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 1. С. 102 – 116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cvyaz-lichnostnyh-osobennostey-materey-i-haraktera-vzaimodeystviya-materi-s-rebenkom-v-nepolnoy-semie (дата обращения: 21.05.2026)

12. Harrison R. Past problems and future directions in nonverbal behavior research: the case of the face // Nonverbal behavior perspectives applications intercultural insights. Toronto. 1984. P. 317 – 331.

References

1. Alieva M.G., Akhmedpashaeva K.A. The Role of Non-Verbal Communication in Organizing Interpersonal Interaction. Proceedings of the VII International Student Scientific Conference "Student Scientific" https://scienceforum.ru/2015/article/2015011509 (date of access: 28.05.2026)

2. Artemtseva N.G. General, Typological, Individual in Visual Diagnostics: A Textbook. Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian University, 2008. 188 p. ISBN 978-5-98079-375-3

3. Labunskaya V.A. Visual Psychodiagnostics of Personality A Textbook. Rostov-on-Don. SFedU. 2011. 119 p. Reviewers: Doctor of Psychology, Professor T.P. Skripkina; Doctor of Psychology, Professor S.T. Dzhaneryan.

4. Labunskaya V.A. Human Appearance as a Cultural and Natural Construct Generating Psychological Problems of the Individual" (chapter). "Human Face in the Contexts of Nature, Technology, and Culture. Ed. by K.I. Ananyeva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. Moscow: Moscow Institute of Psychoanalysis, Cogito-Center, 2020-2021. P. 17 – 32.

5. Labunskaya, V.A. “Trends in the Study of Attitudes to Appearance from the Standpoint of Applied Social Psychology.” Social Psychology and Society, 2021. No. 12 (3). P. 128 – 150. https://doi.org/10.17759/sps.2021120309

6. Oksyuta, A.A. “The Role of Non-verbal Means in Interpersonal Communication”. Pedagogy and Psychology of Education. 2012. No. 2. P. 103 – 106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neverbalnyh-sredstv-v-mezhlichnostnom-obschenii (date of access: 09.03.2026)

7. Panferov V.N., Bezgodova S.A., Miklyaeva A.V. Appearance and personality – the problem of psychological cognition of a person. The human face: cognition, communication, activity. Eds. K.I. Ananeva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. Moscow: Cogito-Center – Moscow Institute of Psychoanalysis, 2019. P. 38 – 60.

8. Petrova E.A. Visual psychosemiotics of communication: dis. ... Doctor of Psychological Sciences. Moscow, 2000. 402 p.

9. Pogontseva D.V. The structure of an attractive appearance: an analysis of modern research. Concept. 2017. No. 9. P. 1 – 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-privlekatelnogo-vneshnego-oblika-analiz-sovremennyh-issledovaniy (date of access: 18.05.2026)

10. Social psychology of appearance: theoretical approaches and empirical research: collective monograph. edited by prof. V.A. Labunskaya, Assoc. Prof. G.V. Serikov, Assoc. Prof. T.A. Shkurko. Rostov-on-Don: Mini-Type, 2019. P. 194 – 205.

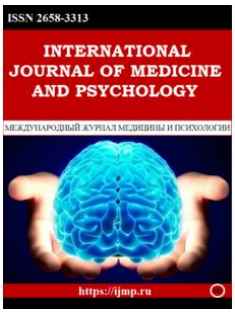
11. Khozyainova P.M. The relationship between mothers’ personality traits and the nature of their interaction with a child in a single-parent family. South-Russian Journal of Social Sciences. 2018. No. 1. P. 102 – 116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cvyaz-lichnostnyh-osobennostey-materey-i-haraktera-vzaimodeystviya-materi-s-rebenkom-v-nepolnoy-semie (date of access: 21.05.2026)

12. Harrison R. Past problems and future directions in nonverbal behavior research: the case of the face. Nonverbal behavior perspectives applications intercultural insights. Toronto. 1984. P. 317 – 331.

Информация об авторе

Шмакова А.В., Высшая школа педагогики, психологии и физической культуры, Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова, atteh@mail.ru

© Шмакова А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9:37.015.3
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-215-226

[1] Галицкая О.В.,
[1] Гуманитарный университет

Теоретико-методологические основы изучения психологической безопасности личности в дошкольном возрасте

Аннотация: введение: в статье представлены теоретические подходы к понятию «психологическая безопасность личности» в дошкольном периоде, представленные в отечественной и зарубежной психологии. Анализируются изменения представлений о психологической безопасности - от скрытого представления в классических теориях развития и деятельности до оформления в самостоятельное научное изучение. Сравниваются ключевые направления: деятельностный подход, экопсихологическая модель, теория привязанности, теория эмоциональной безопасности, позитивная психология. Выделены ключевые новообразования детей дошкольного возраста: зависимость от значимых взрослых, ведущая роль игры и особенности эмоциональной регуляции. В статье описывается, что психологическая безопасность дошкольника предполагает наличие средовых ресурсов, поддерживающих развитие, а не сводится к отсутствию угроз.

К психологическому благополучию детей в системе образования в последнее время уделяется особое внимание, но исследования в основном связаны с детьми школьного возраста. Однако нарушение психологической безопасности у детей дошкольного возраста могут закрепляться в виде постоянных когнитивных схем, паттернов тревоги и сбоев в регуляторных функциях, которые проявляются в школьном возрасте. Своевременная диагностика на этапе дошкольного детства и целенаправленное проектирование безопасной среды могут оказаться более эффективными, чем коррекция уже сформировавшихся отклонений. Актуальность работы связана с недостаточной разработанностью проблемы психологической безопасности детей дошкольного возраста.

Материалы и методы исследования. В основу работы положен теоретико-методологический анализ отечественных и зарубежных психологических концепций. Они рассматривают феномен психологической безопасности личности в контексте возрастного развития. Выбор метода обусловлен недостаточной операционализацией понятия «психологическая безопасность дошкольника» в существующей литературе. Большинство исследований либо описывают общие механизмы безопасности без привязки к возрасту, либо адаптируют школьные модели. Это методологически некорректно. Поэтому центральной задачей стало не просто перечисление подходов, а выявление их пересечений применительно к периоду 3–7 лет.

Материалом исследования послужили монографии и статьи И.А. Баевой, В.В. Рубцова, А.Л. Журавлева (отечественная традиция). Так же изучены работы Дж. Боулби, М. Эйнсворт, А. Маслоу, У. Бронфенбреннера, П. Дэвиса и Е. Каммингс, М. Селигмана (зарубежная традиция).

Результаты исследования. Психологическая безопасность дошкольника – это не просто отсутствие угроз, а системное свойство среды и отношений. Решающие условия: доступность и предсказуемость взрослого, возможность выбора, уединения, согласованность правил дома и в саду. Игра служит главным индикатором благополучия. Из-за незрелости саморегуляции и полной зависимости от взрослого этот феномен качественно отличается от школьного возраста и требует особых диагностических подходов.

Выводы. Психологическая безопасность дошкольника принципиально отличается от школьной. Она целиком определяется качеством отношений со взрослым и характеристиками игры как ведущей деятельности. Безопасная среда не сводится к защите от угроз. Она требует доступности воспитателя, предсказуемого режима, свободы выбора и согласованности с семейными правилами. Игра выступает главным ранним индикатором нарушений. В силу незрелости саморегуляции ребёнок не может компенсировать дефи-

цит безопасности, поэтому необходимы возрастные диагностические методы и развивающие, а не только охранные, меры.

Ключевые слова: психологическая безопасность, дети дошкольного возраста, теория привязанности, деятельностный подход, экопсихологический подход, позитивная психология, образовательная и развивающая среда

Для цитирования: Галицкая О.В. Теоретико-методологические основы изучения психологической безопасности личности в дошкольном возрасте // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 215 – 226. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-215-226

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Galitskaya O.V.,
[1] Humanitarian University

Theoretical and methodological foundations of studying the psychological security of an individual in preschool age

Abstract: introduction: the article presents theoretical approaches to the concept of "psychological security of an individual" in the preschool period, as presented in Russian and foreign psychology. It analyzes the changes in the understanding of psychological security, from its implicit representation in classical theories of development and activity to its emergence as an independent scientific field of study. The article compares key approaches, including the activity-based approach, the ecopsychological model, attachment theory, emotional security theory, and positive psychology. It highlights the key developmental changes in preschool children, such as their dependence on significant adults, the leading role of play, and the characteristics of emotional regulation. The article describes how the psychological safety of a preschooler involves the availability of environmental resources that support development, rather than simply the absence of threats.

Recently, special attention has been paid to the psychological well-being of children in the education system, but research has mainly focused on school-age children. However, violations of psychological safety in preschool children can be fixed in the form of persistent cognitive patterns, anxiety patterns, and regulatory function failures, which manifest themselves in school-age children. Timely diagnosis during preschool childhood and purposeful design of a safe environment may be more effective than correcting already formed deviations. The relevance of this work is related to the insufficient development of the issue of psychological safety in preschool children.

Materials and methods of research. The work is based on a theoretical and methodological analysis of domestic and foreign psychological concepts. They examine the phenomenon of psychological safety of the individual in the context of age-related development. The choice of method is обусловлен by the insufficient operationalization of the concept of “psychological safety of a preschooler” in the existing literature. Most studies either describe general mechanisms of safety without reference to age or adapt school-based models. This is methodologically incorrect. Therefore, the central task was not just to list approaches, but to identify their intersections in relation to the period from 3 to 7 years of age.

The study was based on monographs and articles by I.A. Baeva, V.V. Rubtsov, and A.L. Zhuravlev (domestic tradition). The works of J. Bowlby, M. Ainsworth, A. Maslow, U. Bronfenbrenner, P. Davis and E. Cummings, and M. Seligman (foreign tradition) were also studied.

Research results. The psychological safety of a preschooler is not just the absence of threats, but a systemic property of the environment and relationships. The decisive conditions are the availability and predictability of an adult, the opportunity for choice and privacy, and the consistency of rules at home and in the garden. Play serves as the main indicator of well-being. Due to the immaturity of self-regulation and the complete dependence on an adult, this phenomenon differs qualitatively from school age and requires special diagnostic approaches.

Conclusions. The psychological safety of a preschooler is fundamentally different from that of a schoolchild. It is entirely determined by the quality of the relationship with an adult and the characteristics of play as the leading activity. A safe environment is not limited to protection from threats. It requires the availability of a caregiver, a predictable routine, freedom of choice, and consistency with family rules. Play serves as the primary early indicator of disturbances. Due to the immaturity of self-regulation, children cannot compensate for a lack of safety, necessi-

tating the use of age-appropriate diagnostic methods and developmental measures rather than solely protective measures.

Keywords: psychological safety, preschool children, attachment theory, activity-based approach, ecopsychological approach, positive psychology, educational and developmental environment

For citation: Galitskaya O.V. Theoretical and methodological foundations of studying the psychological security of an individual in preschool age. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 215 – 226. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-215-226

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 13, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Исторический анализ становления понятия «психологическая безопасность» позволяет выявить специфику подхода к пониманию феномена безопасности личности, что создает необходимый материал для изучения психологической безопасности детей дошкольного возраста в условиях детского сада. Необходимо отметить, что в советский период развития психологической науки категория безопасности не выделялась в качестве самостоятельного предмета исследования, однако многие аспекты данного феномена разрабатывались в контексте изучения эмоциональной сферы личности, стресса, адаптации и психического здоровья, что заложило фундаментальные основы для последующего формирования психологии безопасности как отдельного научного направления [6].

В классических работах отечественных психологов первой половины XX века можно обнаружить имплицитное обращение к проблеме безопасности через изучение потребностно-мотивационной сферы личности. Л.С. Выготский в своих трудах по психологии развития обращал внимание на значимость социальной ситуации развития, включающей в себя систему отношений ребенка с окружающей действительностью, что косвенно предполагает наличие условий, обеспечивающих психологическую защищенность развивающейся личности. Культурно-историческая теория, разработанная Выготским, подчеркивает роль социального взаимодействия в процессе психического развития, при этом качество этого взаимодействия неразрывно связано с переживанием ребенком чувства безопасности или угрозы. Хотя сам термин «психологическая безопасность» не использовался в работах представителей классической советской психологии, концептуальные основы для его последующего введения закладывались через изучение эмоционального отношения ребенка к социальной среде [3].

В теория деятельности А.Н. Леонтьева рассматривается иерархию мотивов и структура деятельности. А.Н. Леонтьев описал основу для анализа условий, в которых деятельность субъекта проходит в оптимальном режиме функционирования без воздействий среды, носящих деструктивный характер. А.Н. Леонтьев ввел понятие личностного смысла. Это позволило показать связь между субъективной оценкой ситуации с его мотивацией и реальными поведенческими выборами. Безопасность в рамках деятельностного подхода выступает как необходимое условие для полноценного осуществления ведущей деятельности. Для дошкольников это игра. Развертывание игры предполагает определённого уровня психологической защищённости, без которого игровая деятельность становится искажённой [13]. Здесь центральным предиктором становится характер игровой деятельности. Для ребёнка 3-7 лет безопасность проявляется не в общем самочувствии, а в том, как именно он играет. Первый и самый очевидный параметр – разнообразие сюжетов. Если ребёнок изо дня в день воспроизводит один и тот же сценарий (например, многократно кормит куклу или укладывает её спать), это может указывать на ригидность, возникшую как защита от непредсказуемости среды. Второй параметр – включённость в ролевую игру со сверстниками. Ребёнок, чувствующий себя в безопасности, легко договаривается о распределении ролей, принимает отказ и сам отказывает, не впадая в аффект. Нарушенная безопасность даёт о себе знать через избегание коллективных игр. Предпочтение одиночных занятий или агрессивное навязывание своей воли часто маскирует неуверенность. Третий специфический предиктор – реакция на вмешательство взрослого в игру. Если ребёнок спокойно принимает предложение воспитателя изменить сюжет или ввести новое правило, это говорит о базовой защищённости. Если же он застывает, боится экспериментировать или, наоборот, бурно протестует против любого изменения, это сигнализирует о том, что игровое пространство не воспринимается им как безопасное для проб и ошибок.

В 1960-1980-е годы в отечественной психологии активно изучались стресс и психологическая защита. Именно эти исследования заложили основу для последующего появления концепций психологической без-

опасности. В работах Ф.Е. Василюка (психология переживания), Ф.Б. Березина (психическая адаптация) и В.А. Ядова (диспозиционная регуляция социального поведения) были сформулированы ключевые идеи о том, как человек справляется с угрозами и сохраняет внутреннюю стабильность. Василюк в своей концепции переживания как деятельности по преодолению критических жизненных ситуаций фактически описывал процессы восстановления психологической безопасности после ее нарушения. Его типология критических ситуаций – стресс, фрустрация, конфликт и кризис – представляет собой систематизацию различных форм угрозы психологической безопасности личности, каждая из которых требует специфических копинг-стратегий [20, с. 201].

Принципиально новый этап в развитии проблематики психологической безопасности в отечественной науке начался в 1990-е годы, когда социально-экономические трансформации общества актуализировали вопросы психологического благополучия и защищенности личности в изменяющихся условиях. Именно в этот период категория «психологическая безопасность» начинает активно разрабатываться как самостоятельный предмет научного исследования, выделяется в качестве отдельного направления психологической науки. Пионером систематического изучения психологической безопасности в российской психологии стала И.А. Баева, которая в серии работ конца 1990-х – начала 2000-х годов разработала концептуальные основы психологии безопасности, определила ее предмет, методы и основные направления исследований. Баева предложила понимать психологическую безопасность как состояние защищенности психики от воздействия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе [1, с. 34].

Разработка концепции психологической безопасности образовательной среды стала важнейшим достижением отечественной психологии первого десятилетия XXI века. И.А. Баева совместно с коллегами сформулировала определение психологической безопасности образовательной среды как состояния, свободного от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующего удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающего референтную значимость среды и обеспечивающего психическое здоровье включенных в нее участников. Данный подход открыл перспективу для изучения специфики психологической безопасности на различных ступенях образования, включая дошкольное детство. Методологическая ценность концепции Баевой заключается в рассмотрении психологической безопасности не как статичного состояния, а как динамического процесса, формирующегося в результате взаимодействия личности и среды, что особенно релевантно для понимания развития чувства защищенности у дошкольников [2].

Параллельно развивались исследования, фокусирующиеся на психологической безопасности в контексте экстремальной психологии и психологии труда. Работы А.Л. Журавлева, Ю.П. Зинченко, А.И. Донцова внесли вклад в понимание механизмов обеспечения психологической безопасности в профессиональной деятельности, что позднее было экстраполировано на образовательную сферу, где педагог рассматривается как профессионал, чья деятельность непосредственно связана с обеспечением безопасности воспитанников. Исследования в области организационной психологии показали, что психологическая безопасность является важнейшим фактором эффективности групповой деятельности, формирования благоприятного социально-психологического климата, что имеет прямое отношение к атмосфере в детском коллективе дошкольного учреждения [6].

Важное направление отечественных исследований связано с изучением психологических угроз и рисков, нарушающих психологическую безопасность личности. В работах Т.С. Кабаченко, Е.Б. Лактионовой, В.В. Рубцова систематизированы различные виды угроз психологической безопасности в образовательной среде, среди которых выделяются:

- психологическое насилие в форме публичного унижения, оскорбления, игнорирования;
- манипулятивное воздействие на личность ребенка;
- чрезмерные требования и академическое давление;
- отвержение со стороны значимых взрослых и сверстников;
- депривация базовых психологических потребностей в принятии, признании, автономии.

Данная систематизация угроз позволила перейти от общих рассуждений о психологической безопасности к конкретному анализу факторов риска и разработке превентивных мер их нейтрализации [15, с. 94].

Современный этап развития отечественной психологии безопасности характеризуется дифференциацией исследований по возрастному принципу, выделением специфики психологической безопасности на различных этапах онтогенеза. Применительно к дошкольному возрасту начинают разрабатываться концепции, учитывающие возрастно-психологические особенности детей 3-7 лет, специфику их эмоциональной сферы,

социального развития, когнитивных возможностей. Психологическая безопасность дошкольника имеет свою специфику. Возрастные особенности детей дошкольного возраста: эмоциональна открытость, зависимость от мнения и оценок взрослых, становление базового доверия к миру и формирование представлений о себе, влияют на психологическую безопасность детей дошкольного возраста. В работах Е.О. Смирновой, В.М. Холмогоровой и О.А. Карабановой отмечено, что если в этом возрасте возникают серьёзные нарушения в переживании безопасности, то это может сказаться на развитии личности вплоть до зрелости. Это находит отражение в эмоциональной регуляции, отношениях с другими людьми и общей социальной компетентности [17].

В работах научной школы В.В. Рубцова психологическая безопасность трактуется не как отдельное свойство, а как системное качество образовательной среды. От этого зависит её развивающий потенциал. С точки зрения экопсихологического подхода, безопасность понимается через взаимодействие человека и среды. Взаимодействие должно быть таким, чтобы удовлетворялись базовые потребности личности и создавались условия для её развития. Рубцов вводит термин «психологически безопасная образовательная среда». В своем определении он делает акцент ресурсы среды, которые поддерживают и стимулируют ребёнка. Для дошкольной образовательной организации это означает, что среда должна быть не просто надёжной и защищённой. Образовательная среда должна быть насыщенной и побуждать детей к активному исследованию [14].

Из экопсихологического подхода Рубцова следует, что для ребёнка 3-7 лет среда – это не просто набор объектов, а система возможностей и ограничений, и её безопасность определяется тем, насколько она позволяет ребёнку контролировать свои взаимодействия с ней. Конкретные параметры выглядят так.

Первое – пространственная организация группы. Ребёнку нужно иметь возможность в любой момент уединиться, не привлекая внимания.Для этого в группе должны быть укромные уголки, ширмы, домики-палатки, где можно побыть одному и восстановиться после перегрузки. Одновременно с этим пространство должно позволять объединяться в малые группы для совместной игры. Причём не по жёсткому расписанию, а по свободному выбору. Это удовлетворяет потребность в автономии и в принадлежности.

Второе – доступность материалов без посредничества взрослого. Для дошкольника ощущение безопасности напрямую связано с тем, может ли он сам, без просьбы и разрешения, взять то, что ему нужно. Открытые полки с карандашами, бумагой, конструктором, доступные ёмкости с водой и песком, мелкие детали, которые ребёнок может комбинировать по своему усмотрению – всё это создаёт ощущение контроля над средой. Напротив, закрытые шкафы, где воспитатель достаёт пособия только в специально отведённое время, работают против безопасности: ребёнок переживает среду как чужую, неподвластную.

Третье – предсказуемость временной структуры. Для дошкольника режим дня с повторяющимися ритуалами (утренний круг, последовательность занятий и прогулок, подготовка ко сну) является мощным ресурсом безопасности. Теория привязанности и исследования школьного климата подтверждают: когда ребёнок знает, что произойдёт через пять минут, через час, после обеда, уровень тревоги снижается, поскольку мир перестаёт быть хаотичным. Важно, чтобы ритуалы были гибкими, но основа оставалась стабильной: не переносить прогулку без предупреждения, не отменять занятие в последний момент, если это не связано с форс-мажором.

Четвёртое – эмоциональная доступность воспитателя как элемента среды. Это не абстрактное требование «любить детей», а конкретные поведенческие паттерны. Воспитатель должен находиться в зоне видимости и досягаемости, периодически оглядывать пространство, отвечать на призывы ребёнка в течение разумного времени (не откладывать на «потом», если ребёнок плачет или просит помощи), и при этом не вмешиваться в игру без приглашения. Исследования привязанности показывают, что именно такая «доступная, но ненавязчивая» позиция создаёт ту самую надёжную базу, от которой ребёнок отплывает исследовать и к которой возвращается в случае тревоги.

Пятое – возможность выбора не только материалов, но и способа действий. Это касается даже бытовых процедур: может ли ребёнок сам выбрать, где сидеть за обедом, с кем играть в свободное время, в каком порядке выполнять задания на занятии (если это не нарушает общей логики). Поддержка инициативы, о которой мы говорили выше, не сводится к разрешению «делать что хочешь». Это структурированный выбор в рамках предсказуемых границ. Именно такие условия, а не просто отсутствие запретов, создают у дошкольника ощущение, что среда ему дружественна и он способен на неё влиять.

Шестое – согласованность среды детского сада с семейной средой. Это параметр, который часто упускают: если дома одно, а в группе другое, ребёнок постоянно тратит ресурсы на переключение между несовместимыми правилами. Например, если дома поощряют громкое выражение эмоций, а в саду требуют тишины, или если дома всё разрешают, а здесь ждут строгого подчинения. Ребёнок не может чувствовать

себя в безопасности, потому что не знает, какая модель поведения «правильная». Поэтому участие родителей в создании единых правил, ритуалов и ожиданий – это не дополнительный бонус, а необходимый компонент безопасной среды для дошкольника

Все эти параметры – пространство, доступность материалов, предсказуемость режима, доступность взрослого, возможность выбора и согласованность с семьёй не просто перечисление «хороших условий». Каждый из них напрямую работает на те механизмы, которые мы обсуждали: снижает тревогу, поддерживает исследовательскую активность, формирует базовое доверие к миру и даёт ребёнку опыт успешного взаимодействия со средой. Без этого даже самая дружелюбная на словах группа может оставаться для конкретного ребёнка психологически небезопасной.

Таким образом можно сделать вывод. В отечественной психологии понятие «психологическая безопасность» изначально не выделялось как отдельная проблема. Она присутствовала в работах по развитию и деятельности в виде скрытых смыслов. Со временем это направление оформилось в самостоятельную область. Такое разнообразие подходов открывает возможность более тщательно разобраться в том, отличается психологическая безопасность именно у дошкольников. Этот вопрос требует внимания не только учёных, но и педагогов дошкольных образовательных организаций.

В зарубежной психологической науке изучение проблем безопасности личности существуют специфические теоретические подходы и эмпирические методы изучения данного феномена. Историческая реконструкция становления категории безопасности в западной психологии позволяет выявить ключевые теоретические источники, проследить эволюцию научных представлений и определить методологический потенциал зарубежных концепций для понимания психологической безопасности дошкольника в современном образовательном контексте. Необходимо отметить, что в англоязычной научной литературе используется несколько терминов, связанных с понятием безопасности: «security», «safety», «protection», каждый из которых имеет определенные смысловые нюансы, что создает дополнительную сложность при сопоставлении отечественных и зарубежных подходов [7].

Концептуальные основы психологии безопасности в западной традиции были заложены в рамках психоаналитической теории, где проблематика защиты психики от внутренних и внешних угроз занимала центральное место. З. Фрейд, разрабатывая структурную модель психики и теорию психологических защит, фактически создал первую систематическую концепцию психологической безопасности, хотя сам термин в его работах не использовался. Согласно психоаналитической традиции, функционирование психики направлено на минимизацию тревоги, возникающей в результате конфликта между влечениями Ид, требованиями Супер-Эго и ограничениями реальности, с которыми сталкивается Эго. Механизмы психологической защиты – вытеснение, проекция, рационализация, сублимация и другие – представляют собой способы обеспечения психологической безопасности личности через снижение интрапсихического напряжения. Психоаналитический подход оказал существенное влияние на последующее развитие представлений о психологической безопасности, в частности, через концепцию А. Фрейд о защитных механизмах Эго, которые активизируются в ситуациях, угрожающих целостности личности [19, с. 102].

Принципиально иное понимание безопасности было предложено в рамках гуманистической психологии, где акцент сместился с защиты от угроз на создание условий для самоактуализации и личностного роста. Классическая теория иерархии потребностей А. Маслоу включает потребность в безопасности как один из фундаментальных уровней мотивационной системы человека. Согласно Маслоу, потребность в безопасности занимает второй уровень иерархии после физиологических потребностей и включает в себя стремление к стабильности, защищенности, структурированности, порядку, свободе от страха и тревоги. Маслоу подчеркивал, что неудовлетворенная потребность в безопасности блокирует развитие высших потребностей – в принадлежности, признании и самоактуализации, что делает обеспечение безопасности необходимым условием полноценного развития личности. Применительно к дошкольному возрасту концепция Маслоу имеет особую значимость, поскольку для маленького ребенка удовлетворение потребности в безопасности напрямую зависит от качества отношений с родителями и другими значимыми взрослыми, создающими защищенную среду для его развития [5].

Фундаментальный вклад в понимание психологической безопасности в раннем детстве внесла теория привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, которая может рассматриваться как специфическая концепция безопасности применительно к детско-родительским отношениям. Боулби, интегрировав психоаналитические идеи с данными этологии и эволюционной биологии, предложил рассматривать привязанность как врожденную поведенческую систему, эволюционная функция которой состоит в обеспечении безопасности ребенка через поддержание близости с фигурой привязанности. Согласно теории привязанности, качество ранних отношений с матерью или другим первичным воспитателем формирует у ребенка «внутреннюю

рабочую модель» отношений, которая включает представления о собственной ценности и надежности окружающего мира. Надежная привязанность характеризуется уверенностью ребенка в доступности и отзывчивости фигуры привязанности, что создает базовое чувство безопасности, позволяющее исследовать окружающий мир, вступать в социальные контакты, развивать автономию [9, с. 234]. Применительно к дошкольному возрасту ключевым предиктором безопасности становится не столько тип привязанности к матери как таковой, сколько способность ребёнка переносить эту модель на нового взрослого – воспитателя. Для трёхлетки, впервые попадающего в детский сад, надёжная привязанность проявляется в том, что он использует воспитателя как «надёжную базу». Оглядывается на него при входе в незнакомое пространство, возвращается за эмоциональной поддержкой после неудачи в игре, способен принять утешение от незнакомого взрослого. Тревожно-избегающий тип даёт о себе знать через демонстративное игнорирование воспитателя при явном напряжении. Тревожно-амбивалентный – через гипертрофированную цепкость, невозможность отпустить взрослого ни на минуту. Ещё один специфический предиктор – реакция на ежедневную разлуку с родителями утром. Устойчивое, но смягчаемое после нескольких минут пребывания в группе расстройство говорит о сформированной надёжной привязанности. Полное безразличие или, наоборот, получасовые истерики каждый день – маркеры нарушенной системы безопасности. Кроме того, в дошкольном возрасте появляется новый параметр: способность ребёнка обращаться за помощью не только к «своему» взрослому, но и к другим сотрудникам детского сада. Это свидетельствует о генерализации чувства безопасности за пределы узкого круга привязанности.

М. Эйнсворт в своих эмпирических исследованиях с использованием процедуры «Незнакомая ситуация» продемонстрировала, что паттерны привязанности различаются по степени обеспечения ребенку психологической безопасности. Дети с надежной привязанностью используют мать как «надежную базу» для исследования, спокойно переносят кратковременную разлуку и активно ищут контакта при воссоединении, что свидетельствует о сформированном чувстве безопасности. Напротив, тревожно-избегающая и тревожно-амбивалентная привязанность отражают нарушения в системе безопасности ребенка, проявляющиеся в избыточной тревожности, трудностях сепарации, проблемах в регуляции эмоций. Последующие исследования в рамках теории привязанности показали, что паттерны привязанности, сформированные в раннем детстве, сохраняют относительную стабильность и влияют на качество социальных отношений в дошкольном возрасте, включая взаимодействие с воспитателями в детском саду [4, с. 145].

Когнитивно-поведенческое направление в психологии внесло вклад в понимание механизмов, через которые нарушение безопасности влияет на развитие психопатологии. А. Бек в своей когнитивной теории эмоциональных расстройств показал, что переживание угрозы и опасности связано с активацией дисфункциональных когнитивных схем, искажающих восприятие реальности и приводящих к тревожным и депрессивным реакциям. Применительно к детскому возрасту когнитивный подход подчеркивает роль интерпретации ребенком событий окружающей среды: одни и те же объективные ситуации могут восприниматься как безопасные или угрожающие в зависимости от сформированных когнитивных схем, которые, в свою очередь, определяются предшествующим опытом взаимодействия с социальной средой. Данные исследований свидетельствуют: у детей, столкнувшихся с травмирующими ситуациями, связанными с нарушением чувства безопасности, складываются устойчивые негативные представления. Они начинают воспринимать себя как беспомощных и уязвимых, а окружающий мир – как враждебный и непредсказуемый. Такие когнитивные установки в дальнейшем повышают риск развития тревожных расстройств [18].

У. Бронфенбреннер в экологической теории развитие ребёнка рассматривает нескольких систем, которые влияют друг на друга. Это микро-, мезо-, экзо- и макроуровни. На каждом уровне могут действовать определённые факторы риска или защиты. Для дошкольника главное – семья и детский сад. Это микросистемы, от их качества напрямую зависит, насколько ребёнок чувствует себя эмоционально благополучно. Но важна и их связь – мезосистема. Если ценности и требования дома и в детском саду совпадают, то среда становится предсказуемой. Если требования расходятся, ребёнок оказывается в ситуации постоянного напряжения. Экологический подход Бронфенбреннера методологически продуктивен для анализа психологической безопасности дошкольника. Он усиливает внимание на системный характер факторов, которые формируют чувство защищенности [8]. Для дошкольного возраста специфическим предиктором здесь становится не просто качество среды, а степень согласованности между двумя основными микросистемами - семьёй и детским садом. Если требования, правила и ценности в этих двух сферах совпадают или хотя бы не противоречат друг другу, ребёнок ощущает среду как предсказуемую и целостную. Если же, например, дома поощряют инициативу и самостоятельность, а в группе ждут строгого подчинения, или наоборот - ребёнок оказывается в ситуации хронического напряжения, потому что не может выработать единую стратегию поведения. Ещё один конкретный параметр - наличие в группе пространственных возможностей для

уединения. Для трёх-семилетнего ребёнка возможность в любой момент отойти в спокойное место, не привлекая внимания, является важнейшим ресурсом восстановления чувства безопасности, в отличие от школьников, которые могут компенсировать это когнитивно. Также предиктором выступает предсказуемость временного распорядка: режим, который изо дня в день повторяется с минимальными вариациями, даёт дошкольнику ощущение контроля над временем, тогда как постоянные смены занятий, неожиданные отмены прогулок или переносы событий разрушают это чувство. И, наконец, доступность взрослого как элемента среды: не просто формальное присутствие воспитателя, а его реальная откликаемость на сигналы ребёнка. Воспитатель, который может прервать своё занятие, чтобы ответить на вопрос или утешить, становится ресурсным компонентом среды, а не только её организатором.

Существенный вклад в понимание психологической безопасности в образовательном контексте внесли исследования школьного климата и школьной безопасности, активно развивающиеся в западной психологии образования с 1990-х годов. Хотя большинство исследований фокусируется на школьном возрасте, их результаты и методологические подходы могут быть адаптированы для дошкольного образования. Дж. Коэн и коллеги разработали концепцию «школьного климата» как многомерного конструкта, включающего безопасность, отношения, преподавание и обучение, институциональную среду. Безопасность в данной модели рассматривается как фундаментальное измерение, включающее физическую безопасность, эмоциональную безопасность и отсутствие буллинга и виктимизации. Исследования показывают, что позитивный школьный климат, характеризующийся высоким уровнем безопасности, ассоциируется с лучшими академическими результатами, более высоким уровнем эмоционального благополучия учащихся, меньшим количеством поведенческих проблем [12].

Феномен буллинга и его влияние на психологическую безопасность стал предметом интенсивных исследований в зарубежной психологии, начиная с пионерских работ Д. Олвеуса. Хотя систематические исследования буллинга преимущественно сфокусированы на школьном возрасте, в последние годы внимание исследователей привлекает проблема агрессии и виктимизации в дошкольном возрасте. Исследования показывают, что уже в дошкольных группах могут наблюдаться паттерны систематической агрессии, отвержения и социального исключения, которые нарушают психологическую безопасность детей-жертв и имеют негативные последствия для их социально-эмоционального развития. Зарубежные исследователи разрабатывают превентивные программы, направленные на создание безопасной социальной среды в дошкольных учреждениях через развитие социально-эмоциональных компетенций детей, обучение воспитателей стратегиям предотвращения и разрешения конфликтов [10].

Концепция «эмоциональной безопасности» получила развитие в работах исследователей семейных отношений, изучающих влияние конфликтов между родителями на развитие детей. П. Дэвис и Е. Каммингс предложили теорию эмоциональной безопасности, согласно которой дети активно оценивают семейные отношения с точки зрения их последствий для собственной безопасности и благополучия. Межродительские конфликты угрожают эмоциональной безопасности ребенка, активируя его защитные реакции, направленные на восстановление чувства безопасности. Если ребёнок постоянно испытывает угрозу эмоциональной безопасности в семье, это сказывается на его способности управлять своими эмоциями. Это может приводить к расстройствам внутреннего (тревожность, подавленность) и внешнего круга (агрессия, нарушения поведения). Ребёнок выступает не пассивным объектом, а активным участником происходящего. Он оценивает возможные угрозы и выбирает, как на них реагировать. Этот момент важен, когда мы пытаемся понять, как дошкольник чувствует и интерпретирует события, происходящие в детском саду [11].

Позитивная психология оформилась как отдельное направление в конце 1990-х годов. Она изменила ракурс исследования. Вместо изучения патологий и способов защиты от угроз акцент сместился на то, что помогает человеку процветать и чувствовать благополучие. М. Селигман и его коллеги подчёркивают: психологическая безопасность – это не просто отсутствие опасностей. Важно наличие того, что поддерживает личность: тёплые отношения, возможность чувствовать свою компетентность, переживать вовлечённость и видеть смысл в том, что делаешь. Для дошкольной образовательной организации безопасная среда не сводится к ограждению ребёнка от рисков. Необходимо создать условия, в которых раскрываются его сильные стороны, возникают позитивные эмоции и складываются социальные связи. В таком подходе безопасность перестаёт быть узким понятием. Она включает в себя ощущение смысла, успеха, принадлежности к другим людям. И это делает модель более целостной и применимой к образовательной практике [16, с. 223].

Таким образом, зарубежная психологическая наука предлагает не одну, а несколько существенно различных теорий для рассмотрения психологической безопасности. В психоаналитической традиции она понимается преимущественно через механизмы защиты, в гуманистической – как базовое условие для роста, без которого невозможны высшие потребности. Теория привязанности делает акцент на ранних отношени-

ях и фигуре взрослого как источнике надёжности. Когнитивно-поведенческий подход смещает внимание на то, как ребёнок интерпретирует угрозу и какие схемы закрепляются в результате травматичного опыта. Экологическая модель Бронфенбреннера добавляет к этому системный взгляд: безопасность зависит от согласованности разных уровней среды, а не только от ближайшего окружения. Концепция эмоциональной безопасности подчёркивает активную роль ребёнка, который оценивает конфликты вокруг себя и реагирует на них в первую очередь телесно и аффективно. Отдельно стоят исследования школьного климата, которые задают практическую рамку для образовательной среды, и позитивная психология, которая переопределяет безопасность не как отсутствие угроз, а как присутствие условий для процветания. Каждый из этих подходов по-своему объясняет, что именно нарушает или поддерживает чувство защищённости у маленького ребёнка. Все вместе они дают довольно объёмную картину, хотя и не всегда стыкуются друг с другом в терминах и методах.

Материалы и методы исследований

Процедура анализа строилась в три этапа. Первый этап – историко-психологическая реконструкция становления категории безопасности в отечественной традиции и в западной психологии. На этом этапе применялся метод проблемно-хронологического анализа. Данный метод позволил зафиксировать сдвиг от понимания безопасности как «отсутствия угроз» к её трактовке как «условия развития». Второй этап – сравнительно-сопоставительный анализ ключевых направлений. Для каждого подхода выделялись: базовое определение безопасности; механизмы её формирования или нарушения; возрастные ограничения применимости; операциональные индикаторы, которые можно наблюдать в дошкольной группе. Сравнение проводилось по двум осям: «среда – личность» и «защита – развитие». Это позволило избежать простого перечисления и выявить системные различия. На третьем этапе происходило теоретическое моделирование специфических предикторов психологической безопасности именно для дошкольного возраста. На основе данных, полученных на первых двух этапах, были сконструированы кластеры параметров. Эти параметры не фигурируют в исследованиях школьников или взрослых: доступность взрослого как элемента среды, характер игровой деятельности, согласованность правил дома и детского сада, возможность уединения и свободного выбора материалов. Эти параметры выступили эмпирическими референтами для последующего операционального определения безопасности.

Таким образом, избранная методологическая стратегия позволила не просто систематизировать существующие подходы, но и выделить те специфические маркеры безопасности, которые отличают дошкольника от детей других возрастов. Именно эти маркеры легли в основу обсуждения результатов и сформулированных выводов.

Результаты и обсуждения

Сопоставление отечественных и зарубежных концепций показывает, что при внешнем сходстве терминов за ними стоят разные теоретические традиции. В западной психологии больше внимания уделяется средовым факторам, системе привязанности и субъективной оценке угрозы самим ребёнком. В отечественной психологии больше внимания уделяется условиям деятельности, социальной ситуации развития и роли взрослого как посредника.

Для дошкольного возраста из всего сказанного можно выделить два взаимосвязанных обстоятельства, которые не просто сопровождают, а определяют само содержание психологической безопасности.

Первое: безопасность здесь практически неотделима от качества отношений с близкими взрослыми – как с родителями, так и с воспитателями. Это прямое следствие теории привязанности: ребёнок 3-7 лет ещё не обладает зрелыми защитными механизмами и когнитивными схемами, позволяющими самостоятельно нейтрализовать угрозу, его регуляторные возможности ограничены, и основным источником чувства защищённости служит фигура, обеспечивающая «надёжную базу» (Боулби, Эйнсворт). Если эта фигура недоступна, непоследовательна или отвергает, то даже объективно безопасная среда переживается как угрожающая. Компенсировать этот дефицит ребёнок не может, в отличие от подростка или взрослого. К этому же выводу подводит и экологическая модель Бронфенбреннера. Дошкольник целиком зависит от микросреды, и любые рассогласования между её элементами (например, между домом и детским садом) он переживает непосредственно, без фильтра более широких контекстов.

Второе обстоятельство касается игры. В деятельностном подходе игра - ведущая деятельность. Именно в ней разворачиваются основные новообразования возраста. Но для того, чтобы игра состоялась как свободное, добровольное и творческое действие, ребёнку нужно базовое ощущение безопасности. Уверенность, что его инициатива не будет осмеяна, что он не рискует столкнуться с осуждением или наказанием за не-

стандартный сюжет. Если это ощущение нарушено, игра меняет свой облик. Она становится ригидной, стереотипной, тревожной, а иногда и вовсе замещается хаотичными или агрессивными действиями. Именно поэтому паттерны игры могут служить надёжным диагностическим признаком. Избегание игрового взаимодействия, повторяющиеся однообразные сюжеты, боязнь взять на себя роль – всё это не случайные особенности, а сигналы о более глубоких проблемах в переживании защищённости. Иными словами, игра выступает не просто деятельностью, а «лакмусовой бумажкой» психологического состояния ребёнка.

Проектирование безопасной образовательной среды в детском саду не может сводиться к устранению наиболее очевидных форм насилия – унижений, отвержения, публичных наказаний. Это необходимо, но недостаточно. Из экопсихологической модели Рубцова следует, что среда должна быть не просто «не опасной», а обладающей развивающим потенциалом. А из позитивной психологии Селигмана – что ребёнку важно не избежать страха, а получать подкрепляющий опыт компетентности и принятия. Теория привязанности, в свою очередь, требует, чтобы взрослый был эмоционально доступен и предсказуем, иначе даже при отсутствии прямых угроз ребёнок не чувствует себя в безопасности. Поэтому в практическом плане речь идёт о таких параметрах, как возможность выбора деятельности, поддержка детской инициативы, понятные и стабильные правила, которые не меняются в зависимости от настроения воспитателя, а также его готовность откликаться на сигналы ребёнка. Исследования школьного климата подтверждают, что именно эти факторы, а не только отсутствие агрессии, коррелируют с благополучием детей. Для дошкольного возраста это особенно значимо, потому что внешняя структура и эмоциональная поддержка взрослого служат основой для формирования внутренней саморегуляции и базового доверия к миру.

Возрастные особенности дошкольника: зависимость от взрослого, игра и незрелость эмоциональной регуляции не просто сопутствуют психологической безопасности, а переопределяют её содержание.

Согласно теории привязанности, фигура взрослого выполняет функцию «надёжного убежища»: исследовательская активность ребёнка возможна исключительно при условии гарантированного возврата к этому источнику безопасности. Недоступность или непоследовательность значимого взрослого лишает дошкольника ресурса для восстановления после стрессовых ситуаций. Следствием этого дефицита становится неспособность ребёнка интернализировать функцию самоуспокоения, что в школьном возрасте проявляется как отсутствие развитой внутренней саморегуляции.

Игра как ведущая деятельность требует свободы и уверенности в отсутствии осуждения. Без этого она становится стереотипной, тревожной или агрессивной и перестаёт быть развивающей. Дефицит тогда очевиден: не развиваются произвольность, воображение и умение держать правила. А ведь именно в игре они и должны рождаться.

Эмоциональная регуляция в дошкольном возрасте только формируется, ребёнок не может контролировать аффект произвольно. Безопасность для него – телесный опыт, успокоение возможно только через контакт со взрослым. При хронической угрозе или игнорировании эмоций возникает дефицит самоуспокоения, закрепляющийся в виде тревожности, психосоматики и поведенческих срывов в школьном возрасте.

Выводы

Таким образом, каждая из возрастных особенностей создаёт свои механизмы уязвимости и свои дефициты, что превращает психологическую безопасность дошкольника в качественно иной феномен по сравнению с другими возрастами.

Если суммировать проведённый анализ, то психологическая безопасность дошкольника – это не просто редукция общей модели к более младшему возрасту. У неё есть свои отличительные черты, которые меняют само содержание феномена.

Во-первых, ребёнок 3-7 лет не обладает зрелыми механизмами саморегуляции – ни когнитивными, ни эмоциональными, ни поведенческими. Его чувство безопасности практически целиком опосредовано фигурой значимого взрослого, что вытекает из теории привязанности и подтверждается экологической моделью. Во-вторых, ведущая деятельность – игра. Она выступает не просто формой активности, а индикатором состояния безопасности, причём таким индикатором, который не имеет прямых аналогов в школьном или взрослом возрасте: изменения в игре (стереотипизация, избегание, тревожность) сигнализируют о нарушении защищённости раньше, чем вербальные жалобы или явные поведенческие сбои. В-третьих, у дошкольника ещё не сформированы когнитивные схемы, позволяющие переинтерпретировать угрозу. Поэтому травматичный опыт закрепляется надолго и без коррекции сохраняется вплоть до зрелости. Все эти особенности: зависимость от отношений с взрослым, диагностическая ценность игры, незрелость регуляции не являются просто возрастными нюансами. Они образуют системное единство, которое требует отдельного теоретического описания и эмпирического изучения, а не механического переноса концепций, разработан-

ных для других возрастов. Именно поэтому мы можем говорить о психологической безопасности дошкольника как о качественно своеобразном феномене. Данный феномен необходимо теоретически описать и эмпирически изучить Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на разработку диагностических процедур, учитывающих возрастные ограничения детей, и на апробацию программ, которые целенаправленно формируют не только защищённость, но и развивающий потенциал среды.

Список источников

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, 2002. 271 с.

2. Баева И.А. Психология безопасности как направление психологической науки и практики // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 66 – 68.

3. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 5 – 19.

4. Боулби Джон Привязанность: пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 447 с. (Психологическая коллекция).

5. Ефимова Ю.В. Особенности обеспечения безопасности жизнедеятельности детей старшего дошкольного возраста // Молодой учёный. 2015. № 6.4 (86.4). С. 19 – 22. (дата обращения: 13.06.2026)

6. Зинченко Ю.П. Психология безопасности как социально-системное явление // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2011. № 4. С. 4 – 11.

7. Кисляков П.А., Шмелева Е.А. Концептуальные подходы и методы диагностики психологической безопасности за рубежом // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 8 – 18. DOI: 10.17759/jmfp.2023120301

8. Максимова С.Г. Применение теории экологических систем в исследованиях психологической безопасности детей // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 3. С. 45 – 53.

9. Маслоу Абрахам Мотивация и личность. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2025. 400 с. (Мастера психологии). ISBN 978-5-4461-1309-5.

10. Микляева А.В., Румянцева П.В. Агрессия и буллинг в дошкольной группе: как отличить и что делать // Дошкольное воспитание. 2022. № 5. С. 12 – 19.

11. Падун М.А. Регуляция эмоций и эмоциональная безопасность ребёнка в семье // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 27 – 35. DOI: 10.17759/jmfp.2017060203

12. Петрова С.В. Многомерная модель школьного климата: адаптация идей Дж. Коэна для российской практики // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 2. С. 45 – 58.

13. Погодаева М.В. Методологические подходы к проектированию образования в области безопасности жизнедеятельности периода дошкольного детства // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7 (14). С. 123 – 127.

14. Рубцов В.В., Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как условие психосоциального благополучия школьника // Безопасность образовательной среды: сборник статей / отв. ред. Г.М. Коджаспирова. Москва: Экон-Информ, 2008. С. 5 – 11.

15. Рубцов В.В., Ивошина Т.Г. Проектирование развивающей образовательной среды школы. Москва : Издательство Московского государственного психолого-педагогического университета, 2002. 272 с.

16. Селигман Мартин Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия: пер. с англ. Е. Межевич, С. Филина. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 440 с. ISBN 978-5-91657-605-4.

17. Смирнова Е.О., Холмогорова В.М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2005. 267 с.

18. Ульянина О.А., Никифорова Е.А., Александрова Л.А. Особенности переживания детьми прямого и опосредованного травматического опыта, связанного с вооружёнными конфликтами, насилием и вынужденной миграцией // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14. № 4. С. 116 – 125.

19. Фрейд А. Эго и механизмы защиты: пер. с англ. Москва: Смысл, 2003. 160 с.

20. Ядов В.А. и др. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Академия наук СССР, Институт социально-экономических проблем; под ред. В.А. Ядова. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 264 с. : таблицы.

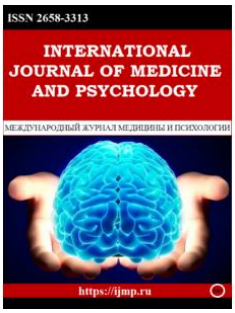
References

1. Baeva I.A. Psychological Safety in Education: Monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2002. 271 p.
2. Baeva I.A. Psychology of Safety as a Direction of Psychological Science and Practice. National Psychological Journal. 2006. No. 1 (1). P. 66 – 68.
3. Baeva I.A. Psychological Safety of the Educational Environment: Formation of the Direction and Development Prospects. Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. Vol. 1. No. 3. P. 5 – 19.
4. Bowlby John. Attachment: Trans. from English. St. Petersburg: Piter, 2003. 447 p. (Psychological Collection).
5. Efimova Yu.V. Features of Ensuring Life Safety of Senior Preschool Children. Young Scientist. 2015. No. 6.4 (86.4). P. 19 – 22. (date od access: 13.06.2026)
6. Zinchenko Yu.P. Psychology of Safety as a Social-Systemic Phenomenon. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2011. No. 4. P. 4 – 11.
7. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A. Conceptual Approaches and Methods of Diagnostics of Psychological Safety Abroad. Modern Foreign Psychology. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 8 – 18. DOI: 10.17759/jmfp.2023120301
8. Maksimova S.G. Application of Ecological Systems Theory in Research of Children's Psychological Safety. Psychological Science and Education. 2015. Vol. 20. No. 3. P. 45 – 53.
9. Maslow Abraham. Motivation and Personality. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2025. 400 p. (Masters of Psychology). ISBN 978-5-4461-1309-5.
10. Miklyaeva AV, Rumyantseva PV. Aggression and Bullying in a Preschool Group: How to Distinguish and What to Do. Preschool Education. 2022. No. 5. P. 12 – 19.
11. Padun MA. Emotion Regulation and Child's Emotional Safety in the Family. Modern Foreign Psychology. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 27 – 35. DOI: 10.17759/jmfp.2017060203
12. Petrova S.V. Multidimensional Model of School Climate: Adaptation of J. Cohen's Ideas to Russian Practice. Psychological Science and Education. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 45–58.
13. Pogodaeva M.V. Methodological Approaches to Designing Life Safety Education for Preschool Childhood. International Research Journal. 2013. No. 7 (14). P. 123 – 127.
14. Rubtsov V.V., Baeva I.A. Psychological Safety of the Educational Environment as a Condition for Schoolchildren's Psychosocial Well-Being. Safety of the Educational Environment: Collection of Articles / ed. G. M. Kodzhaspirova. Moscow: Ekon-Inform, 2008. P. 5 – 11.
15. Rubtsov V.V., Ivoshina T.G. Designing a Developing Educational Environment for Schools. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2002. 272 p.
16. Seligman Martin. The Path to Prosperity. A New Understanding of Happiness and Well-Being: translated from English by E. Mezhevich, S. Filina. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 440 p. ISBN 978-5-91657-605-4.
17. Smirnova E. O., Kholmogorova V. M. Interpersonal Relationships of Preschoolers: Diagnostics, Problems, and Correction. Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2005. 267 p.
18. Ulyanina O.A., Nikiforova E.A., Aleksandrova L.A. Features of Children's Experience of Direct and Indirect Traumatic Experience Associated with Armed Conflicts, Violence, and Forced Migration. Modern Foreign Psychology. 2025. Vol. 14. No. 4. P. 116 – 125.
19. Freud A. Ego and Defense Mechanisms: trans. from English. Moscow: Smysl, 2003. 160 p.
20. Yadov V.A. et al. Self-Regulation and Forecasting of Individual Social Behavior. USSR Academy of Sciences, Institute of Social and Economic Problems; edited by V.A. Yadov. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1979. 264 p. : tables.

Информация об авторе

Галицкая О.В., Гуманитарный университет, olgagalickaya@yandex.ru

© Галицкая О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.923
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-227-236

[1, 2] Кучер И.В.,
[3] Воробьева К.И.,
[1] Детская школа искусств Дальневосточного государственного института искусств,
[2] Детская школа искусств № 4, г. Владивосток,
[3] Высшая школа психологии,
Тихоокеанский государственный университет

Проявление экстраверсии-интроверсии у выдающихся художников прошлого

Аннотация: экстраверсия – интроверсия как личностный фактор может служить предиктором творческих достижений у различных профессиональных групп. Эмпирические наблюдения и биографические данные указывают на преобладание интроверсии у творческих художников. Преобладание интроверсии может быть предиктором креативности художников и способствовать достижению высоких результатов в их творчестве. Цель – выявление уровня экстраверсии-интроверсии у выдающихся художников прошлых эпох как предиктора их высоких творческих достижений. В исследовании был использован контент-анализ искусствоведческих текстов, описывающих творческий путь семи выдающихся художников прошлых эпох: Джотто ди Бондоне, Леонардо да Винчи, Рембрандта ван Рейна, Антуана Ватто, Клода Моне, Поля Сезанна и Казимира Малевича. Из текстов были выделены слова, соответствующие критериям экстраверсии и интроверсии. Полученные результаты были переведены в проценты при помощи онлайн-платформы для контент-анализа, что позволило провести математические расчеты. Критерий Манна-Уитни показал существенную разницу между средними значениями критериев экстраверсии и интроверсии ($p < 0,05$) в выборке художников. Большинство художников (71,4%) продемонстрировали преобладание интроверсии. Высокие показатели средних значений по критериям «склонность к уединению» и «энергичность» могут служить косвенным признаком наличия циклотимии у выдающихся художников прошлых эпох. Отсутствие статистической значимости связи между приближением периода жизни художника к XX веку и повышением уровня экстраверсии говорит о вероятных случайных причинах экстравертного поведения, связанных с эпохальными социокультурными изменениями.

Ключевые слова: творчество, художественное творчество, искусство, креативность, креативная личность, художник, интроверсия, экстраверсия, континуум экстраверсии-интроверсии

Для цитирования: Кучер И.В., Воробьева К.И. Проявление экстраверсии-интроверсии у выдающихся художников прошлого // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 227 – 236. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-227-236

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1, 2] ***Kucher I.V.,***
[3] ***Vorobyova K.I.,***
[1] *Children's Art School of the Far Eastern State Institute of Arts,*
[2] *Children's Art School No. 4, Vladivostok,*
[3] *Graduate School of Psychology,*
Pacific State University

The manifestation of extraversion-introversion in outstanding artists of the past

Abstract: extraversion – introversion as a personality factor can serve as a predictor of creative achievements in various professional groups. Empirical observations and biographical data indicate a predominance of introversion among creative artists. The prevalence of introversion may be a predictor of artists' creativity and contribute to achieving high results in their work. The goal is to identify the level of extraversion–introversion in outstanding artists of past eras as a predictor of their high creative achievements. The study utilized content analysis of art criticism texts describing the creative path of seven outstanding artists from past eras: Giotto di Bondone, Leonardo da Vinci, Rembrandt van Rijn, Antoine Watteau, Claude Monet, Paul Cézanne, and Kazimir Malevich. Words corresponding to the criteria of extraversion and introversion were identified from the texts. The resulting data were converted into percentages using an online content analysis platform, allowing for mathematical calculations. The Mann-Whitney test revealed a significant difference between the mean values of extraversion and introversion criteria ($p < 0.05$) in the artist sample. Most artists (71.4%) demonstrated a predominance of introversion. High average scores on the "tendency toward solitude" and "energy" criteria may serve as indirect indicators of cyclothymia among outstanding artists of past eras. The absence of a statistically significant relationship between the proximity of the artist's lifetime to the 20th century and increased extraversion suggests that the observed extraverted behaviors are likely due to random factors associated with epochal socio-cultural changes.

Keywords: creativity, artistic creativity, art, creativity, creative personality, artist, introversion, extroversion, extroversion-introversion continuum

For citation: Kucher I.V., Vorobyova K.I. The manifestation of extraversion-introversion in outstanding artists of the past. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 227 – 236. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-227-236

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Личности, способные к полноценной творческой деятельности, которая может служить важным признаком креативности, встречаются относительно редко. Специфика личностной организации таких людей обусловливает их концентрацию в тех областях, где их способности могут наиболее полно реализоваться. Одной из таких областей выступает искусство [1]. Проблема креативности в изобразительном искусстве обусловлена противоречием между формальной и творческой сторонами искусства. Формально создание новых художественных произведений является креативным процессом, но при этом далеко не все произведения искусства являются действительно креативными, создающими новые правила в искусстве [2] и остающимися в течение долгого периода образцами для подражания [3]. Таким образом, не все художники, занимающиеся творчеством, создают по-настоящему креативные произведения, которые бы служили показателями креативности их личности. Несмотря на то, что история искусства богата талантливыми художниками, лишь немногие из них способны создавать по-настоящему новаторские произведения.

В искусствоведении приводятся биографические факты, указывающие на то, что у многих выдающихся мастеров, открывающих новые пути в области художественного творчества, наблюдались различные личностные особенности: интроверсия, шизотипия, мизантропия и т.д. Например, описывая личность такого выдающегося мастера, как Леонардо да Винчи, А.Л. Волынский пишет: «...Он был сдержан и, при всей грации и подвижности, загадочно тих…» [4]. Ч. Николл, другой биограф Леонардо да Винчи, пишет, что Леонардо был скрытен и уклончив, и это свойство характера повлияло на его документацию: документы оказываются двусмысленными, факты превращаются в головоломки [5]. Художник Антуан Ватто, ставший основателем нового стиля в искусстве XVIII века, по воспоминаниям своего заказчика и друга Э.Ф. Жерсена, продавца картин, «…был нетерпелив, застенчив, в обращении холоден и неловок, с незнакомыми вел

себя скромно и сдержанно, был ...мизантропом... постоянно недоволен ни собой, ни окружающими и нелегко прощал людям их слабости. Говорил он мало, но хорошо; любил читать – это было его единственным развлечением, которое он позволял себе на досуге…» [6].

Изучение личности художников в психологии связано с анализом их творчества и биографическими данными. Одним из первых, кто применил метод глубинной психологии к анализу личности художника, изучая их творчество, был З. Фрейд. Исследуя произведения Леонардо да Винчи и Микеланджело, он объяснял особенности подсознания и детские переживания этих художников. Например, художественные достижения Леонардо автор объясняет подсознательным соперничеством с фигурой отца или фигурой покровителя, ставшей замещением фигуры отца. Соперничество с более могущественной фигурой стимулирует мотивацию достижения и творческую продуктивность [7]. К.Г. Юнг изучал древнее и архаическое искусства, объясняя создание произведений работой коллективного бессознательного, где главными героями выступают архетипы, служащие определенными ориентирами для формирования тех или иных личностных ценностей и форм поведения [8]. Л.С. Выготский связывал создание произведений искусства с переживанием катарсиса – эстетической реакции, аффективного состояния, разрешающего противоречия, заложенные в произведении. Переживание катарсиса, по мнению автора, способствует эволюции психики [9]. Э. Кандель рассматривает творчество художника как продукт работы психики, отражающей культуру и бессознательные процессы своего времени [10]. А.А. Мелик-Пашаев говорит об универсальности творческой энергии, выраженность которой зависит от того, насколько сильна «внутренняя энергия» одаренности, которая влияет на психику и мировосприятие [11].

Возникает предположение о том, что психика художника, способная создавать произведения, оказывающие влияния на многие поколения людей, должна обладать особыми качествами. Одними из таких качеств должны выступать сильная чувствительность к внешним стимулам и одновременно потребность в получении этих стимулов, что создает определенные противоречивые личностные тенденции. Современные исследования личностных особенностей художников подтверждают эту мысль. Для людей художественной направленности характерно наличие циклотимии [12], низкие показатели скрытого торможения [13], наличие хронических заболеваний [14], тревожность и депрессивные состояния [15], сознательные творческие переживания, связанные с разрывом между замыслом и его действительным воплощением [16], постоянная погруженность в состояние «любви к миру» [17], открытость опыту [18]. Открытость опыту характеризуется многочисленными примерами многопрофильных успехов творческих художников, которые преуспевали более чем в одной области, ярким примером чего были интересы Леонардо да Винчи. Такая разносторонность интересов не зависит от культурных и географических ареалов и проявляется среди художников разных стран и континентов [14]. Глаголев В.С. называет пять странностей, характерных для творцов искусства: неистребимая потребность в творчестве, драматическая онтологизация внутреннего мира, гипертрофированное использование средств релаксации (традиционных и нетрадиционных), страх перед сумасшествием, склонность к публичным скандалам [19].

Наше исследование направлено на выявление личностных особенностей выдающихся художников прошлого. Единственными источниками информации о художниках прошлого выступают сохранившиеся личные документы художников, воспоминания современников и исследования искусствоведов. Целью нашего исследования является анализ искусствоведческих текстов о творческо-биографическом пути выдающихся художников прошлых эпох, который поможет определить уровень их экстраверсии-интроверсии. Мы исходим из предположения, что эти художники обладали высоким уровнем креативности, следствием чего были выдающиеся результаты их творчества. Выявление уровня их экстраверсии-интроверсии поможет понять, существует ли зависимость между креативностью и уровнем экстраверсии-интроверсии.

Экстраверсию-интроверсию мы рассматриваем как единый континуум личностных особенностей, расположенных от выраженной интроверсии до выраженной экстраверсии. Каждый человек в зависимости от наличия тех или иных качеств занимает определенное место на этом континууме. Согласно К. Леонгарду, уровень экстраверсии-интроверсии меняется с возрастом, усиливая к старости интровертные черты [20]. Г. Роршах считал, что под влиянием обстоятельств человек может испытывать состояние интроверсии или экстраверсии [21]. Однако большинство исследователей считают, что есть относительно постоянный уровень экстраверсии-интроверсии личности (врожденный или сформированный) [22, 8, 23, 20, 24, 25, 26]. Мы предполагаем, что движение от этого уровня в ту или иную сторону континуума может происходить в течение жизни под влиянием различных факторов, например, личностного развития, карьерного роста, творческих достижений, болезней и т.д.

Анализ историко-биографических данных о художниках прежних эпох, ставших новаторами в изобразительном искусстве, а также эмпирические наблюдения за художниками, демонстрирующими высокие ре-

зультаты, создают впечатление о возможной связи между креативностью и интровертированностью личности художника [27]. В связи с этим в нашем исследовании были сформулированы следующие вопросы: существует ли взаимосвязь между экстраверсией-интроверсией художников прошлых эпох и их креативностью? Есть ли преимущество интроверсии или экстраверсии у креативных художников прошлых эпох? Настоящая статья содержит результаты исследования, которые позволяют частично ответить на поставленные вопросы.

Материалы и методы исследований

Чтобы выявить уровень экстраверсии-интроверсии у художников прошлых эпох, мы провели контент-анализ искусствоведческих текстов, описывающих творчество и жизненный путь художников. В качестве испытуемых мы отобрали семерых художников: Джотто ди Бондоне (XIV век), Леонардо да Винчи (XVI век), Рембрандт ван Рейн (XVII век), Антуан Ватто (XVIII век), Клод Моне (XIX век), Поль Сезанн (XIX век), Казимир Малевич (XX век).

В качестве текстов были выбраны следующие источники: по Джотто ди Бондоне – Б.Р. Виппер «Итальянский Ренессанс XIII-XVI века» [28]; по Леонардо да Винчи – В.Н. Лазарев «Жизнь и творчество Леонардо да Винчи. Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи живописца и скульптора флорентийского» [29]; по Рембрандту ван Рейну – А.Н. Калинина «Рембрандт ван Рейн. Его жизнь и художественная деятельность» [30]; по Антуану Ватто – М.Ю. Герман «Антуан Ватто» [31]; по Клоду Моне – А.А. Бобкова «Клод Моне. Биография. Картины. История создания» [32]; по Полю Сезанну – Д. Линдсей «Поль Сезанн» [33]; по Казимиру Малевичу – А. Зимоглядов «Штрихи к портрету: 9 удивительных историй о Казимире Малевиче» [34] и Н. Гузенко «Украинское детство Казимира Малевича» [35].

Из выбранных литературных источников мы взяли произвольные части текста размером 30-40 тыс. знаков. Сложности возникли с литературой по Казимиру Малевичу: не нашлось источника с достаточным объемом. Поэтому мы использовали два источника. Тексты были обработаны онлайн-платформой для контент-анализа. Обработка текста позволила выделить все слова в группы одинаковых слов с их распределением в процентах. Из этих групп были отобраны те, в которых содержится не менее двух слов, отражающих характеристики экстраверсии-интроверсии по своему смыслу. Затем эти группы были объединены в блоки, которые выступают критериями экстраверсии и интроверсии. В качестве критериев мы использовали те, что обозначены в методике Айзенка-Вильсона для интроверсии и экстраверсии (по 7 критериев) [36], а также дополнительно – критерии, принятые в психологии (по 3 критерия). Расширение списка критериев в рамках методики Айзенка-Вильсона было обусловлено использованием в текстах публицистических формулировок, требующих их интерпретации. В итоговом варианте у нас было сформировано по 10 критериев для обозначения интроверсии и экстраверсии (табл. 1).

Процентные баллы контент-анализа в каждой выборке были преобразованы в Т-баллы для более корректного сравнения. По каждому критерию был рассчитан общий Т-балл, а затем определялся средний балл по экстраверсии и интроверсии. В зависимости от того, какой балл преобладал по величине (по экстраверсии или по интроверсии), принималось решение о преобладании соответствующего типа личности у художника (табл. 1).

Результаты и обсуждения

Результаты контент-анализа текстов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты контент-анализа текстов.

Table 1

Results of content analysis of texts.

	Джотто	Леонардо	Рембрандт	Ватто	Моне	Сезанн	Малевич	$\bar{x}$
Интроверсия								
1. Контролируемость	53,44	55,33	47,58	47,43	44,17	46,67	45,67	48,61
2. Склонность к уединению	59,38	65	57,89	84,85	57,83	60,83	55,52	63,04
3. Склонность к размышлениям	85	69	68.18	54,85	43.83	54.17	60.60	62,23

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

4. Ограниченное количество друзей	43,44	42,33	51,82	46,29	63,83	74,44	48,36	52,93
5. Внешняя безэмоциональность	52,5	46,66	48,79	49,43	38,5	36,95	36,94	44,25
6. Склонность к планированию	55	54,33	53	55,43	66,5	64,44	76,12	60,69
7. Чувствительность к внешним стимулам	48,75	50	49,39	47,43	41,83	48,06	45,07	47,22
8. Наблюдательность	47,81	39,66	38,48	43,43	47,06	46,11	43	43,65
9. Независимость	39,06	61,66	45,75	34,57	40,17	43,06	40,60	43,55
10. Эмпатичность	45,63	51	60.91	42,57	44	50.83	41.49	48,06
$\underline{x}$	53,1	53,5	52,18	50,63	48,77	52,56	49,34	
Экстраверсия								
1. Активность	49,06	58,66	40,91	54,57	68	58,06	58,36	55,37
2. Энергичность	55,63	54,33	50,12	54	63,67	66,67	65,22	58,52
3. Жизнерадостность	46,25	45	59,09	52,86	42	42,50	45,08	47,66
4. Потребность в стимулах	50,31	42,66	49,39	50,28	58,83	52,22	62,84	52,36
5. Открытость	42,81	42,33	43,94	42	44,17	44,44	42,39	43,15
6. Смелость	45	43	38,48	52,86	46	41,94	45,08	44,62
7. Общительность	49,36	40,33	37.88	49	49.5	43.33	52.84	46,03
8. Импульсивность	46,25	41,33	43,94	48	41	40	41,79	43,19
9. Поиск статуса, практичность	46,56	60	67.58	54	52.83	53.33	43.88	54
10. Рискованность	37,50	36,66	35,45	41	37,66	37,78	41,79	38,26
$\underline{x}$	46,87	42,40	46,68	49,86	50,37	48,03	49,93	

Источник: Составлено авторами на основании [28-35]. Примечания: x – средние значения.
Source: Compiled by the authors based on [28-35]. Notes: x – mean values.

Далее был произведен расчет критерием Манна-Уитни на значимость разницы между средними значениями по интроверсии и экстраверсии в выборке выдающихся художников (табл. 2).

Таблица 2
Результаты проверки выборки выдающихся художников на значимость различий между средними баллами по интроверсии и экстраверсии (α = 0,05).

Table 2
Results of testing the significance of differences between mean scores for introversion and extroversion in a sample of outstanding artists (α = 0.05).

p-val	Величина эффекта	U [9; 40]	Z [-1,96; 1,96]	Параметры	Интроверсия	Экстраверсия
0,018	0,88	43	2,376	Ранги	71 (N = 7)	34 (N = 7)

Примечания: U – значение критерия Манна-Уитни; Z – критическое значение.
Notes: U – Mann-Whitney test value; Z – critical value.

Критерий Манна-Уитни показал достаточно высокую (0,88) и значимую (0,018) величину эффекта.

К сожалению, для построения полноценного общего континуума экстраверсии-интроверсии на основе текстового контент-анализа недостаточно. Для этого требуются более глубокие методы исследования. В нашем исследовании в качестве метода построения континуума мы использовали следующую процедуру: баллы по интроверсии были инвертированы в отрицательные значения, а баллы по экстраверсии остались положительными. Разницы между баллами по экстраверсии и интроверсии стали показателями уровня интроверсии-экстраверсии, которые распределялись по координатной шкале. В результате распределение баллов следующее: Джотто: −6,23; Леонардо: −11,1; Рембрандт: −5,5; Ватто: −0,77; Моне: 1,6; Сезанн: −4,53; Малевич: −0,04. Отрицательный результат понимается как признак интроверсии, положительный –

экстраверсии. Большинство художников продемонстрировали признаки интроверсии: художники с интроверсией – 71,4%; художники с экстраверсией – 28,6%.

В табл. 3 представлены результаты проверки выборки выдающихся художников на значимость корреляции между веком проживания художников и уровнем экстраверсии-интроверсии.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа выборки выдающихся художников по проверке значимости коэффициента корреляции между веком, в котором они жили, и уровнем экстраверсии-интроверсии (α = 0,05).

Table 3

Results of a regression analysis of a sample of outstanding artists to test the significance of the correlation coefficient between the century in which they lived and the level of extroversion-introversion (α = 0.05).

r	*E*	*β*	*A*	R^2	*F* [6,6]	значимость
0,703	-6,88	0,703	-91,38%	0,49	4,87	не значим

Примечания: r – коэффициент корреляции; E – коэффициент эластичности; β – бета-коэффициент; A – ошибка аппроксимации; R² – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.
Notes: r – correlation coefficient; E – elasticity coefficient; β – beta coefficient; A – approximation error; R² – determination coefficient; F – Fisher's exact test.

Результаты регрессионного анализа показывают сильную и прямую связь (0,703) между веком жизни художника и уровнем его экстраверсии-интроверсии. Коэффициент эластичности показывает сильное влияние (|6,88|) века проживания на уровень экстраверсии-интроверсии. Ошибка аппроксимации меньше 1 (−91,38) говорит о качественной модели проверки. Коэффициент детерминации указывает на то, что 49% вариабельности уровня экстраверсии-интроверсии объясняет веком жизни художника. Расчет критерия Фишера показал, что зависимость не значимая.

Целью контент-анализа было определить уровень экстраверсии-интроверсии выдающихся художников прошлого путём подсчёта количества слов, описывающих экстравертные и интровертные признаки. Результат показал значимую разницу (p-val = 0,018) в преобладании интровертных признаков у этих художников.

Анализ средних значений по критериям интроверсии и экстраверсии показывает, что наибольший средний балл по интроверсии набрал критерий «склонность к уединению» (63,04), а по экстраверсии – «энергичность» (58,52). Это вполне согласуется с представлениями о креативных художниках как о личностях, которые много и продуктивно работают, при этом уединяясь в мастерских. Также этот результат может служить подтверждением наличия циклотимии [12], когда энергию, направленную вовне, сменяет уединение, обращенное внутрь.

Парадоксальными оказались низкие значения по критерию «наблюдательность». Обыденное представление о художнике как о наблюдательном человеке не совсем согласуется с результатами контент-анализа. Это может быть обусловлено несколькими причинами. Одной из них является то, что выбранные тексты в основном сосредоточены на анализе произведений художников, а не на их личности. Другой возможной причиной служит предположение, что креативный художник, обладающий богатой фантазией, не нуждается в чрезмерной наблюдательности, которая могла бы отвлечь его от способности создавать что-то новое, опираясь на уже существующее.

Предположение о том, что у креативных художников одновременно присутствуют высокая чувствительность к внешним стимулам и потребность в них, не совсем подтвердилось. Критерий «чувствительность к внешним стимулам» набрал достаточно низкий средний балл (47,22), а критерий «потребность во внешних стимулах» – средние значения (52,36). Этот результат, вероятно, согласуется с результатом по критерию «наблюдательность»: высокая креативность не нуждается в дополнительной стимуляции.

На рис. 1 представлен график, визуализирующий распределение показателей экстраверсии-интроверсии среди выдающихся художников прошлого.

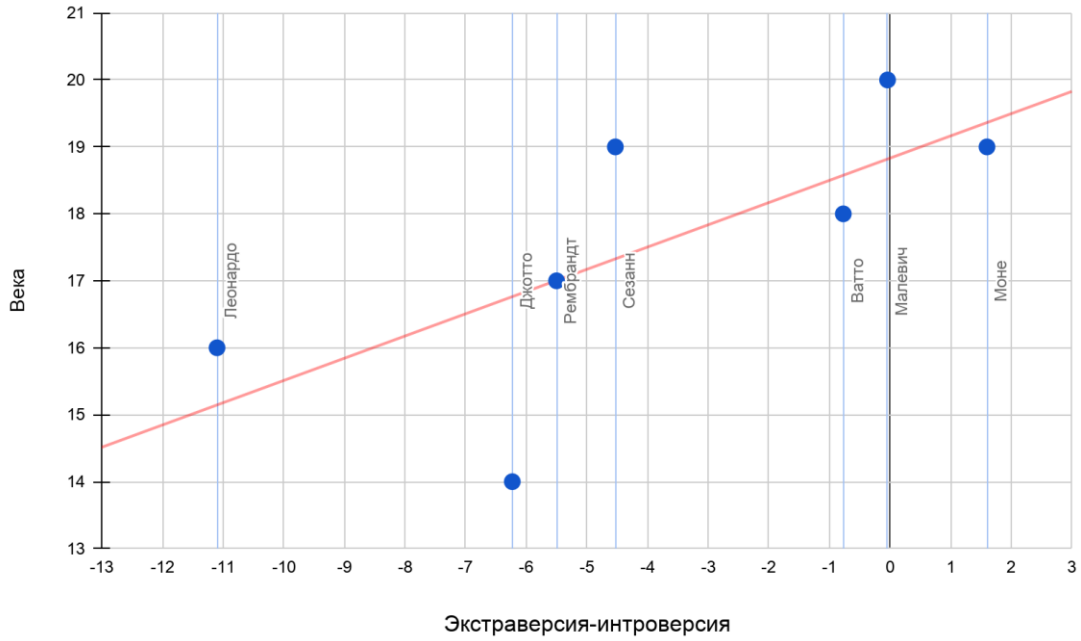

Рис. 1. Распределение выборки выдающихся художников по уровню экстраверсии-интроверсии (N = 7). Источник: Составлено авторами на основании [28-35].
Fig. 1. Distribution of the sample of outstanding artists by level of extroversion-introversion (N = 7). Source: Compiled by the authors based on [28-35].

Примечание: по горизонтальной оси: отрицательные значения – интроверсия, положительные значения – экстраверсия; по вертикальной оси: век, в котором жил художник; диагональная линия – линия тренда.

Для построения более наглядного графика было решено использовать числовые значения веков на вертикальной оси, в которых работали художники. Интересный факт состоит в том, что ближе к XX веку у художников усиливаются черты экстраверсии. Это может быть связано с большими социальными, экономическими и техническими изменениями в мире, которые стимулируют более экстравертное поведение. Однако отсутствие статистической значимости в расчетах говорит о том, что повышение уровня экстраверсии, возможно, является случайным фактором, связанным с внешними обстоятельствами, и не свидетельствует о том, что сами художники становились более экстравертными.

Выводы

1. Контент-анализ искусствоведческих текстов показал, что у большинства (71,4%) выдающихся художников прошлых эпох преобладает интроверсия (p-val = 0,018).

2. У выдающихся художников прошлых эпох преобладающим критерием интроверсии относительно средних значений (63,04) является критерий «склонность к уединению».

3. У выдающихся художников прошлых эпох преобладающим критерием экстраверсии относительно средних значений (58,52) является критерий «энергичность».

4. Сочетание высоких значений «склонности к уединению» и «энергичности» может служить признаком наличия циклотимии у выдающихся художников прошлых эпох.

5. Повышение уровня экстраверсии – интроверсии у выдающихся художников прошлых эпох на континууме по мере приближения их жизни к XX веку, вероятно, является случайным фактором, связанным с эпохальными изменениями, что не отражается на общей интровертированности художников.

Ограничения исследования связаны с тем, что используемые для контент-анализа литературные источники могут не полностью отражать личностные особенности художников. Это может приводить к колебаниям на континууме экстраверсии – интроверсии как в одну, так и в другую сторону. Кроме того, в качестве ограничения можно указать недостаточно точную интерпретацию некоторых личностных характеристик, описывающих особенности художников, что также может влиять на точность получения результата по континууму.

Список источников

1. Кучер И.В. К вопросу о личностных ресурсах креативности художника // Ярославский психологический вестник. 2025. № 1 (61). С. 81 – 86.

2. Кант И. Критика способности суждения. Москва: АСТ, 2020. 512 с.

3. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. Москва: Художественная литература, 1986. 688 с.

4. Волынский А.Л. Жизнь Леонардо да Винчи. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 671 с.

5. Николл Ч. Леонардо да Винчи. Загадки гения. Москва: КоЛибри, 2020. 768 с.

6. Федотова Е.Д. Антуан Ватто. Москва: Белый Город, 2002. 48 с.

7. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Москва: Юрайт, 2019. 113 с.

8. Юнг К.Г. Психологические типы. Москва: Академический проект, 2019. 538 с.

9. Выготский Л.С. Психология искусства. Москва: Искусство, 1986. 573 с.

10. Кандель Э. Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. Москва: Corpus, 2016. 720 с.

11. Мелик-Пашаев А.А. Одарённость и её актуализация в творчестве // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. Москва: Институт психологии РАН, 2020. С. 96 – 104.

12. Akiskal K.K., Savino M., Akiskal H.S. Temperament profiles in physicians, lawyers, managers, industrialists, architects, journalists, and artists: a study in psychiatric outpatients // Journal of Affective Disorders. 2005. Vol. 85. № 1-2. P. 201 – 206. DOI: 10.1016/j.jad.2004.08.003

13. Chirila C., Feldman A. Study of latent inhibition at high-level creative personality. The link between creativity and psychopathology // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 33. P. 353 – 357. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.01.142

14. Zausner T. Artist and Audience: Everyday Creativity and Visual Art // Everyday Creativity and New Views of Human Nature: Psychological, Social, and Spiritual Perspectives. Washington: American Psychological Association, 2007. P. 75 – 89. DOI: 10.1037/11595-003

15. Zarei B.M., Mirahmady B., Ehsan S. Mental Health Compared with Non-Artists, Artist, and its Relationship with NEOPI Personality Scale in City of Ahvaz // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 30. P. 119 – 128. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.10.024

16. Кривцун О.А. Личность художника как предмет психологического анализа // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 99 – 109.

17. Киричек А.В. Художественное творчество и личность художника: к вопросу о психологии художественной деятельности // Музыкальная психология и психотерапия. 2011. № 6. С. 32 – 49.

18. Furnham A., Chamorro-Premuzic T. Personality, intelligence, and art // Personality and Individual Differences. 2004. Vol. 36. № 3. P. 705 – 715. DOI: 10.1016/S0191-8869(03)00128-4

19. Глаголев В.С. Внутренний мир художника: парадоксальность и противоречивость // Философия современного искусства: сборник материалов VI Овсянниковской международной эстетической конференции (13-15 ноября 2014 г.). Москва: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 32 – 45.

20. Леонгард К. Акцентуированные личности. Москва: Большой Донбасс, 2022. 448 с.

21. Роршах Г. Психодиагностика: Методика и результаты диагностического эксперимента по исследованию восприятия (истолкование случайных образов). Москва: Когито-Центр, 2003. 336 с.

22. Павлов И.П. О типах высшей нервной деятельности и экспериментальных неврозах. Москва: АМН СССР, 1954. 192 с.

23. Айзенк Г.Ю. Структура личности. Санкт-Петербург: Ювента, 1999. 464 с.

24. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. Москва: Наука, 1976. 336 с.

25. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 256 с.

26. Гантрип Г. Шизоидные явления, объектные отношения и самость. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 484 с.

27. Кучер И.В. Креативный потенциал художников: исследование связи с интроверсией-экстраверсией // Психологические исследования. 2025. Т. 18. № 102. С. 2. DOI: 10.54359/5mqfkk94.

28. Виппер Б.Р. Итальянский Ренессанс. Москва: Искусство, 1977. 384 с.

29. Лазарев В.Н. Жизнь и творчество Леонардо да Винчи. Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи живописца и скульптора флорентийского. Москва: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934. 260 с.

30. Калинина А.Н. Рембрандт ван Рейн. Его жизнь и художественная деятельность. Санкт-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлих, 1894. 96 с. URL: http://az.lib.ru/k/kalinina_a_n/text_1894_rembrandt.shtml (дата обращения: 27.05.2025)

31. Герман М.Ю. Антуан Ватто. Москва: Искусство – XXI век, 2010. 368 с.

32. Бобкова А.А. Клод Моне. Биография. Картины. История создания. Москва: РИПОЛ Классик, 2018. 256 с.

33. Линдсей Д. Поль Сезанн. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 464 с.

34. Зимоглядов А. Штрихи к портрету: 9 удивительных историй о Казимире Малевиче // Artchive. 2016. URL: https://artchive.ru/kazimirmalevich/stories/2873 (дата обращения: 27.10.2025)

35. Гузенко Н. Украинское детство Казимира Малевича // Amuse A Muse. 2020. URL: https://amuse-a-muse.com/ru/tag/малевич/ (дата обращения: 27.10.2025)

36. Айзенк Г.Ю., Вильсон Г. Как измерить личность. Москва: Когито-центр, 2000. 284 с.

References

1. Kucher I.V. On the Issue of the Artist's Personal Resources of Creativity. Yaroslavl Psychological Bulletin. 2025. No. 1 (61). P. 81 – 86.

2. Kant I. Critique of the Power of Judgment. Moscow: AST, 2020. 512 p.

3. Eckerman I.P. Conversations with Goethe in the Last Years of His Life. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 688 p.

4. Volynsky A.L. The Life of Leonardo da Vinci. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2015. 671 p.

5. Nicoll C. Leonardo da Vinci: Riddles of Genius. Moscow: KoLibri, 2020. 768 p.

6. Fedotova E.D. Antoine Watteau. Moscow: Bely Gorod, 2002. 48 p.

7. Freud Z. Leonardo da Vinci. Moscow: Yurait, 2019. 113 p.

8. Jung K.G. Psychological Types. Moscow: Academichesky Proekt, 2019. 538 p.

9. Vygotsky L.S. Psychology of Art. Moscow: Iskusstvo, 1986. 573 p.

10. Kandel E. The Age of Self-Knowledge. The Search for the Unconscious in Art and Science from the Early 20th Century to the Present Day. Moscow: Corpus, 2016. 720 p.

11. Melik-Pashayev A.A. Giftedness and Its Actualization in Creativity. Human Abilities and Mental Resources in a World of Global Change. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2020. P. 96 – 104.

12. Akiskal K.K., Savino M., Akiskal H.S. Temperament profiles in physicians, lawyers, managers, industrialists, architects, journalists, and artists: a study in psychiatric outpatients. Journal of Affective Disor-ders. 2005. Vol. 85. No. 1-2. P. 201 – 206. DOI: 10.1016/j.jad.2004.08.003

13. Chirila C., Feldman A. Study of latent inhibition at high-level creative personality. The link between creativity and psychopathology. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 33. P. 353 – 357. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.01.142

14. Zausner T. Artist and Audience: Everyday Creativity and Visual Art. Everyday Creativity and New Views of Human Nature: Psychological, Social, and Spiritual Perspectives. Washington: American Psychological Association, 2007. P. 75 – 89. DOI: 10.1037/11595-003

15. Zarei B.M., Mirahmady B., Ehsan S. Mental Health Compared with Non-Artists, Artist, and its Relationship with NEOPI Personality Scale in the City of Ahvaz. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 30. P. 119 – 128. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.10.024

16. Krivtsun O.A. The artist’s personality as a subject of psychological analysis. Psychological journal. 1996. Vol. 17. No. 2. P. 99 – 109.

17. Kirichek A.V. Artistic creativity and the artist’s personality: on the psychology of artistic activity. Musical psychology and psychotherapy. 2011. No. 6. P. 32 – 49.

18. Furnham A., Chamorro-Premuzic T. Personality, intelligence, and art. Personality and Individual Differences. 2004. Vol. 36. No. 3. P. 705 – 715. DOI: 10.1016/S0191-8869(03)00128-4

19. Glagolev V.S. The Artist’s Inner World: Paradoxicality and Inconsistency. Philosophy of Contemporary Art: Collection of Materials from the VI Ovsyannikov International Aesthetic Conference (November 13-15, 2014). Moscow: Center for Strategic Conjuncture, 2014. P. 32 – 45.

20. Leonhard K. Accentuated Personalities. Moscow: Bolshoy Donbass, 2022. 448 p.

21. Rorschach G. Psychodiagnostics: Methodology and Results of a Diagnostic Experiment in the Study of Perception (Interpretation of Random Images). Moscow: Cogito-Center, 2003. 336 p.

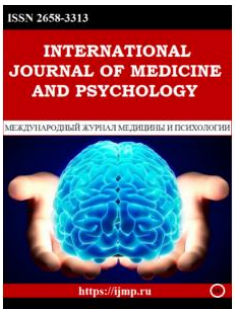
22. Pavlov I.P. On the Types of Higher Nervous Activity and Experimental Neuroses. Moscow: USSR Academy of Medical Sciences, 1954. 192 p.

23. Eysenck G.Yu. Personality Structure. Saint Petersburg: Yuventa, 1999. 464 p.
24. Nebylitsyn V.D. Psychophysiological Studies of Individual Differences. Moscow: Nauka, 1976. 336 p.
25. Lichko A.E. Psychopathy and Character Accentuations in Adolescents. Saint Petersburg: Piter, 2019. 256 p.
26. Guntrip G. Schizoid Phenomena, Object Relations, and the Self. Moscow: Institute for General Humanitarian Studies, 2016. 484 p.
27. Kucher I.V. Creative Potential of Artists: A Study of the Connection with Introversion-Extroversion. Psychological Research. 2025. Vol. 18. No. 102. P. 2. DOI: 10.54359/5mqfkk94.
28. Vipper B.R. Italian Renaissance. Moscow: Iskusstvo, 1977. 384 p.
29. Lazarev V.N. Life and Work of Leonardo da Vinci. A Book about the Paintings of the Master Leonardo da Vinci, the Florentine Painter and Sculptor. Moscow: OGIZ-IZOGIZ, 1934. 260 p.
30. Kalinina A.N. Rembrandt van Rijn. His Life and Artistic Work. St. Petersburg: Yu.N. Erlich Printing House, 1894. 96 p. URL: http://az.lib.ru/k/kalinina_a_n/text_1894_rembrandt.shtml (accessed: 27.05.2025)
31. Herman M.Yu. Antoine Watteau. Moscow: Iskusstvo – XXI vek, 2010. 368 p.
32. Bobkova A.A. Claude Monet. Biography. Paintings. History of Creation. Moscow: RIPOL Classic, 2018. 256 p.
33. Lindsay D. Paul Cézanne. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. 464 p.
34. Zimoglyadov A. Strokes to a Portrait: 9 Amazing Stories about Kazimir Malevich. Artchive. 2016. URL: https://artchive.ru/kazimirmalevich/stories/2873 (date of access: 27.10.2025)
35. Guzenko N. Ukrainian Childhood of Kazimir Malevich. Amuse A Muse. 2020. URL: https://amuse-a-muse.com/ru/tag/малевич/ (date of access: 27.10.2025)
36. Eysenck G.Yu., Wilson G. How to measure personality. Moscow: Kogito-center, 2000. 284 p.

Информация об авторах

Кучер И.В., преподаватель высшей категории, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-3411-9282, SPIN-код 3648-1672, Детская школа искусств Дальневосточного государственного института искусств; Детская школа искусств № 4, г. Владивосток, inessa-liliya@mail.ru
Воробьева К.И., доктор психологических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-6827-975X, SPIN-код 8057-0368, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, klarisav2011@mail.ru

© Кучер И.В., Воробьева К.И., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9:378-057.875:004
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-237-243

[1] Руст А.М.,
[2] Руст С.А.,
[1] независимый исследователь,
[2] Восточно-Европейский институт психоанализа

Психологические предикторы академической прокрастинации у студентов в условиях цифровизации обучения

Аннотация: проблема академической прокрастинации студентов в условиях цифровизации образовательного процесса рассматривается в статье с аналитической и методологической точек зрения. Анализ отечественных и зарубежных источников позволил систематизировать основные подходы, в рамках которых прокрастинация понимается как поведенческий, эмоционально-волевой и когнитивный феномен. В работе рассмотрены психологические предикторы академической прокрастинации, в том числе особенности учебной мотивации, перфекционизм, тревожность, уровень осознанной саморегуляции и личностные характеристики студента, при этом анализируются отдельно. Анализ специфики проявления прокрастинации в цифровой образовательной среде показал, что снижение внешнего контроля в сочетании с постоянной доступностью отвлекающих цифровых сервисов создаёт дополнительные условия для откладывания учебных действий. В статье предложена обобщённая модель психологических предикторов прокрастинации, применимая к условиям смешанного и дистанционного обучения, а для эмпирической проверки модели описан комплекс подходящих диагностических методик.

Ключевые слова: академическая прокрастинация, психологические предикторы, цифровизация образования, осознанная саморегуляция, учебная мотивация, перфекционизм, цифровая образовательная среда, студенты

Для цитирования: Руст А.М., Руст С.А. Психологические предикторы академической прокрастинации у студентов в условиях цифровизации обучения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 237 – 243. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-237-243

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Rust A.M.,
[2] Rust S.A.,
[1] Independent Researcher,
[2] Eastern European Institute of Psychoanalysis

Psychological predictors of academic procrastination in students in the context of digital education

Abstract: this article examines the problem of student academic procrastination in the context of digitalization of the educational process from an analytical and methodological perspective. An analysis of domestic and international sources allowed us to systematize the main approaches, which understand procrastination as a behavioral, emotional-volitional, and cognitive phenomenon. The paper examines the psychological predictors of academic procrastination, including characteristics of academic motivation, perfectionism, anxiety, the level of conscious

self-regulation, and student personality traits, all analyzed separately. An analysis of the specific manifestations of procrastination in a digital educational environment revealed that reduced external control, combined with the constant availability of distracting digital services, creates additional conditions for postponing academic activities. The article proposes a generalized model of psychological predictors of procrastination applicable to blended and distance learning settings, and describes a set of suitable diagnostic methods for empirically validating the model.

Keywords: academic procrastination, psychological predictors, digitalization of education, conscious self-regulation, academic motivation, perfectionism, digital educational environment, students

For citation: Rust A.M., Rust S.A. Psychological predictors of academic procrastination in students in the context of digital education. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 237 – 243. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-237-243

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Академическая прокрастинация остаётся одной из наиболее устойчивых проблем педагогической психологии. Интерес к феномену усиливается на фоне масштабной цифровизации образовательного процесса, особенно ускорившейся в период перехода вузов на дистанционные формы обучения. Цифровая образовательная среда изменяет архитектуру учебной деятельности студента, повышая степень его автономии, снижая плотность внешнего контроля со стороны преподавателя и увеличивая информационную нагрузку. Привычные представления о прокрастинации как об относительно стабильной личностной черте требуют уточнения с учётом новых средовых факторов системы образования.

Актуальность обращения к психологическим предикторам академической прокрастинации в контексте цифровизации обучения связана с несколькими обстоятельствами: цифровая среда предоставляет студенту иной, по сравнению с аудиторным форматом, набор возможностей для откладывания учебных действий – от асинхронности контента до постоянной доступности социальных сетей и развлекательных сервисов. Цифровизация усиливает роль саморегуляции как ресурса, без которого продуктивное дистанционное обучение затруднительно. Существующие данные о предикторах прокрастинации в основном относятся к традиционным условиям и нуждаются в переосмыслении применительно к новой образовательной реальности.

Целью статьи является аналитическое обобщение психологических предикторов академической прокрастинации студентов и разработка методологических оснований для их эмпирического изучения в условиях цифровизации обучения.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступили русскоязычные и англоязычные научные публикации по проблеме академической прокрастинации, учебной мотивации, перфекционизма, тревожности и осознанной саморегуляции.

Основными методами работы с материалом выступили сравнительно-сопоставительный анализ отечественных и зарубежных теоретических подходов, систематизация психологических предикторов прокрастинации по группам и обобщение диагностического инструментария, пригодного для эмпирической проверки предложенной модели.

Прокрастинация рассматривается как зависимая переменная, определяемая различными группами предикторов, в том числе мотивационными, эмоционально-личностными, регуляторными и средовыми, при этом именно средовая группа приобретает значимость в цифровом образовательном контексте. Диагностический инструментарий, соотнесённый с группами предикторов, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Диагностический инструментарий для изучения психологических предикторов академической прокрастинации.

Table 1

Diagnostic tools for studying psychological predictors of academic procrastination.

Изучаемый конструкт	Методика	Авторы методики	Назначение
Общая прокрастинация	«Шкала общей прокрастинации»	C.H. Lay; русскоязычная адаптация О.С. Виндекер, М. В. Останиной	диагностика устойчивой склонности откладывать выполнение намеченных дел
Академическая прокрастинация	«Шкала прокрастинации» и «Шкала иррациональной прокрастинации»	P. Steel; русскоязычная адаптация	диагностика откладывания выполнения учебных задач и его иррациональных оснований
Учебная мотивация	«Шкала академической мотивации»	Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин	диагностика внутренней и внешней учебной мотивации, амотивации
Перфекционизм	Многомерная шкала перфекционизма	P. Hewitt, G. Flett; русскоязычная адаптация	диагностика Я-ориентированного, ориентированного на других и социально предписанного перфекционизма
Тревожность	Шкала личностной и ситуативной тревожности	Ч. Спилбергер; адаптация Ю.Л. Ханина	диагностика уровня личностной и ситуативной тревожности студента
Осознанная саморегуляция	Опросник «Стиль саморегуляции поведения»	В.И. Моросанова	диагностика структуры и уровня развития осознанной саморегуляции учебной деятельности
Интенсивность использования цифровой среды	Анкета интенсивности использования цифровых платформ и социальных сетей	составлена на основе методик оценки цифровой образовательной среды	диагностика частоты и характера использования цифровых сервисов, конкурирующих с учебной деятельностью

Предлагаемый комплекс позволяет получить психологический профиль студента, включающий показатели прокрастинации, учебной мотивации, перфекционизма, тревожности и осознанной саморегуляции. Включение показателей интенсивности использования цифровых платформ и социальных сетей даёт возможность проверки гипотезы о роли цифровой среды в связи между личностными предикторами и уровнем прокрастинации.

Результаты и обсуждения

Прокрастинация может рассматриваться как эмоционально-волевой, поведенческий, когнитивный и во многом бессознательный компонент регуляции деятельности, при этом единого общепринятого определения понятия в психологии до сих пор не выработано [1], а такая многомерность объясняет разнообразие теоретических моделей откладывания.

Академическая прокрастинация выступает как многофакторный феномен, в формировании которого одновременно участвуют когнитивные искажения при оценке времени, дефицит саморегуляции и особенности эмоционального реагирования на учебную задачу [2]. Этот вывод согласуется с работой [3], методика которой, остаётся одним из наиболее широко используемых инструментов диагностики.

В отечественной психологии академическая прокрастинация понимается как откладывание студентом выполнения учебных задач и административных вопросов, связанных с образовательным процессом, что негативно сказывается на продуктивности учебной деятельности.

В психологии можно выделить ряд объяснительных подходов к академической прокрастинации, так, первый рассматривает её как ошибку саморегуляции, то есть неспособность студента выстроить стратегию планирования и контроля учебной деятельности. Существует подход, который трактует откладывание как способ совладания с негативными эмоциями, связанными с учебной задачей, такими как тревога, страх неудачи или скука. Ещё один подход описывает прокрастинацию как устойчивую личностную черту, связанную с темпераментом, локусом контроля и склонностью к избеганию.

Эта типология не взаимоисключающая, а отражает разные уровни анализа одного явления, что делает продуктивным предикторный подход, при котором прокрастинация выступает результирующей переменной, детерминированной комплексом психологических факторов.

Одним из наиболее изученных предикторов выступает учебная мотивация, так, её снижение сопровождается ростом склонности к откладыванию задач, тогда как преобладание внешней регуляции и амотивация связаны с более высокими показателями прокрастинации и снижением психологического благополучия [4].

Также значимой группой предикторов являются эмоционально-личностные характеристики, в первую очередь тревожность. Повышенный уровень тревожности сопутствует более выраженной прокрастинации преимущественно у студентов с низкой академической успешностью, тогда как у успешных студентов эта связь выражена слабее, что говорит об опосредованном характере взаимодействия эмоциональных и учебных факторов [5].

Отдельного внимания заслуживает перфекционизм, например зарубежные данные последних лет уточняют характер этой связи. Показано, что академическая устойчивость выступает модератором взаимосвязи перфекционизма и прокрастинации, ослабляя её при выраженных компонентах вовлечённости и принятия вызова, что подтверждает неоднородность влияния адаптивных и дезадаптивных компонентов перфекционизма [6].

Проблемное использование интернета и дефицит навыков саморегулируемого онлайн-обучения независимо повышают уровень академической прокрастинации, что подчёркивает значимость регуляторных ресурсов в цифровой среде [7].

Взаимосвязь выраженности прокрастинации с личностными характеристиками студентов подтверждается и на отечественной выборке студентов-психологов, у которых значимыми предикторами выступили дефицит контроля за действием при планировании, склонность к лени и повышенная личностная тревожность [8], что подтверждает представление о прокрастинации как результирующей переменной, зависящей от комплекса личностных особенностей.

Основную роль в системе предикторов играет осознанная саморегуляция – как метаресурс, обеспечивающий продуктивное достижение целей и адаптацию к новым, в том числе цифровым, условиям деятельности [9]. Развитая саморегуляция позволяет студенту компенсировать неблагоприятное сочетание других предикторов, тогда как её дефицит делает студента уязвимым перед откладыванием учебных задач даже при благополучном мотивационном профиле.

Условия учебной деятельности студента существенно изменились в связи с переходом значимой части образовательного процесса в цифровой формат. Анализ психологической готовности студентов к обучению в цифровой образовательной среде показал, что не только технические факторы определяют эффективность освоения новых форматов, но и личностные особенности обучающихся, в том числе уровень саморегуляции и устойчивость к неопределённости [10].

Эмпирическое подтверждение этому даёт исследование, посвящённое психологическим факторам эффективного онлайн-обучения: показано, что успешность обучения в цифровом формате связана с саморегуляторными и мотивационными характеристиками студента в большей мере, чем с его техническими компетенциями [11]. Это показывает, что перенос обучения в цифровую среду переносит акцент с внешнего контроля на внутренние регуляторные механизмы студента. Схожая закономерность отмечена и при оценке цифровых образовательных технологий самими преподавателями вузов, которые связывают эффективность цифровой среды прежде всего с готовностью участников образовательного процесса к самостоятельной регуляции деятельности, а не с техническими характеристиками платформ [12].

Исследование прокрастинации в онлайн-обучении показало, что уровень прокрастинации положительно связан с амотивацией и, что особенно интересно, с показателем добросовестности, при этом студенты с высоким и низким уровнем прокрастинации показывают разные системы взаимосвязей между личностными и мотивационными характеристиками [13]. Это указывает на то, что снижение внешнего контроля в онлайн-формате меняет саму психологическую структуру феномена, делая его более тесно связанным с личностными диспозициями, нежели с ситуативными факторами.

Дополнительным источником прокрастинации являются социальные сети, конкурирующие с учебной деятельностью за внимание студента. Использование социальных медиа является одним из наиболее распространённых триггеров откладывания задач, а склонность к нему связана с особенностями саморегуляции и восприятия времени [14]. Цифровая образовательная среда одновременно расширяет возможности организации обучения и создаёт постоянно доступную альтернативу учебной деятельности.

При этом целесообразно учитывать возрастную специфику начального этапа обучения, так, переход от школьного к вузовскому обучению сопровождается ростом свободы распоряжения временем при снижении

внешнего контроля, а первокурсники, ещё не обладающие навыками самостоятельной регуляции, особенно уязвимы перед откладыванием заданий [15]. Наложение этой особенности на условия цифровой среды позволяет считать первокурсников группой повышенного риска цифровой прокрастинации.

Профессионально-идентификационный аспект также заслуживает внимания, например академическая прокрастинация связана не только с эмоционально-регуляторными характеристиками, но и со степенью сформированности профессиональной идентичности студента, выступая одним из деструктивных проявлений в образовательном процессе вуза [16].

Защитно-совладающая природа прокрастинации сохраняет актуальность и в цифровом контексте. Откладывание учебных действий нередко выполняет функцию психологической защиты от тревоги и неуверенности в собственной успешности [17]. В цифровой среде, где обратная связь от преподавателя часто отсрочена, эта защитная функция может усиливаться. Обобщённая характеристика основных групп предикторов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Обобщённая характеристика психологических предикторов академической прокрастинации.

Table 2

General characteristics of psychological predictors of academic procrastination.

Группа предикторов	Основные переменные	Направление связи с прокрастинацией	Источники
Мотивационные предикторы	внутренняя учебная мотивация, амотивация, внешняя регуляция деятельности	снижение внутренней мотивации и рост амотивации сопровождаются повышением уровня прокрастинации	[4]
Эмоционально-личностные предикторы	тревожность, перфекционизм, импульсивность, самоконтроль	связь неоднородна и опосредована уровнем академической успешности и типом перфекционистских установок	[5; 6; 8]
Регуляторные предикторы	осознанная саморегуляция, планирование, целеполагание, самоконтроль деятельности	развитая система саморегуляции снижает уровень прокрастинации и компенсирует действие неблагоприятных факторов	[1; 7; 9]
Средовые предикторы	степень автономии в цифровой среде, доступность отвлекающих цифровых сервисов, отсроченность обратной связи	повышение автономии и доступности отвлекающих сервисов увеличивает риск прокрастинации	[10; 11; 12; 13; 14]

Данные табл. 2 показывают, что предикторы распределяются по нескольким взаимосвязанным уровням, а именно мотивационному, эмоционально-личностному, регуляторному и средовому. При этом средовой уровень долгое время оставался практически вне поля зрения классических моделей, но в условиях цифровизации обучения он приобретает существенное значение.

Несводимость академической прокрастинации в условиях цифровизации обучения ни к личностной характеристике, ни к средовому фактору выявлена в результате проведённого анализа. При этом речь идёт о взаимодействии устойчивых психологических предикторов личности и специфических условий цифровой среды, способных как усиливать, так и компенсировать действие неблагоприятных факторов.

Практическое значение полученного результата анализа заключается в том, что программы психологического сопровождения студентов не могут ограничиваться работой с мотивацией или тайм-менеджментом. Так, в качестве важного направления выступает развитие осознанной саморегуляции как ресурса, позволяющего студенту адаптироваться к условиям цифровой среды. При этом проектирование образовательной среды способно выполнять значимую роль, так как дефицит регуляторных ресурсов у студентов может компенсироваться элементами внешней структурированности и своевременной обратной связи.

Выводы

Таким образом, академическая прокрастинация является многомерным феноменом, включающим эмоционально-волевой, поведенческий и когнитивный компоненты, причём цельное понимание её природы в психологии до сих пор не сформировано.

Основными психологическими предикторами являются особенности учебной мотивации, а именно соотношение внутренней и внешней регуляции деятельности, эмоционально-личностные характеристики, включая тревожность и перфекционизм, а также уровень осознанной саморегуляции.

При этом цифровизация обучения не создаёт прокрастинации, но условия её проявления меняются за счёт снижения внешнего контроля, повышения автономии студента и появления постоянно доступных цифровых альтернатив учебной деятельности, вследствие чего требования к регуляторным ресурсам обучающегося повышаются.

Основой для эмпирических исследований прокрастинации в условиях смешанного и дистанционного обучения, а также для разработки программ психологического сопровождения студентов и проектирования цифровой образовательной среды вуза может служить предложенная модель психологических предикторов и связанный с ней диагностический инструментарий.

Список источников

1. Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 2. С. 22 – 41.

2. Steel P., Klingsieck K.B. Academic procrastination: Psychological antecedents revisited // Australian Psychologist. 2016. Vol. 51. № 1. P. 36 – 46. DOI: 10.1111/ap.12173

3. Lay C.H. At last, my research article on procrastination // Journal of Research in Personality. 1986. Vol. 20. № 4. P. 474 – 495. DOI: 10.1016/0092-6566(86)90127-3

4. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов, их источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 1 – 11.

5. Карловская Н.Н., Баранова Р.А. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. 2008. № 3. С. 38 – 50.

6. Sepiadou I., Metallidou P. Academic hardiness as a moderator of the relation between perfectionism and academic procrastination in university students // European Journal of Psychology of Education. 2023. Vol. 38. P. 1053 – 1071. DOI: 10.1007/s10212-022-00648-3

7. Karakaya K., Altınsoy F. Academic Procrastination of University Students: The Role of Problematic Internet Use, Self-Regulated Online Learning, And Academic Self-Efficacy // Malaysian Online Journal of Educational Technology. 2023. Vol. 11. № 1. P. 77 – 93. DOI: 10.52380/mojet.2023.11.1.459

8. Бояринов Д.М., Губайдулина Л.М., Новикова Ю.А., Качина А.А., Барабанщикова В.В. Психологические предикторы прокрастинации студентов-психологов // Национальный психологический журнал. 2022. № 4 (48). С. 91 – 101.

9. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2021. № 1. С. 4 – 37.

10. Асмаковец Е.С., Циркина Е.А. Психологическая готовность студентов к обучению в цифровой образовательной среде // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 6. С. 43.

11. Клименских М.В., Лебедева Ю.В., Мальцев А.В., Савельев В.В. Психологические факторы эффективного онлайн-обучения студентов // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 312 – 321.

12. Сорокова М.Г., Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Оценка цифровых образовательных технологий преподавателями вузов // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 1. С. 25 – 39. DOI: 10.17759/pse.2023280101

13. Лебедева Ю.В., Мальцев А.В., Султанов И.В. Прокрастинация у студентов, изучающих отдельные дисциплины в онлайн-формате // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 4. С. 208 – 217. DOI: 10.15826/izv1.2022.28.4.078

14. Alblwi A., McAlaney J., Al Thani D.A.S. [et al.] Procrastination on social media: predictors of types, triggers and acceptance of countermeasures // Social Network Analysis and Mining. 2021. Vol. 11, article 19. DOI: 10.1007/s13278-021-00727-1

15. Попова Д.И. Академическая прокрастинация студентов 1 курса: психологические аспекты и особенности // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. 2021. Т. 4. № 4. С. 6 – 26.

16. Махова И.Ю., Блинкова А.Е. Академическая прокрастинация и профессиональная идентичность студентов вуза: в поиске психологических предикторов деструктивных проявлений в образовательном процессе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16. № 3. С. 133 – 149.

17. Ивутина Е.П., Шуракова Е.С. Академическая прокрастинация как проявление защитно-совладающего поведения у студентов // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 4-1. С. 146 – 151.

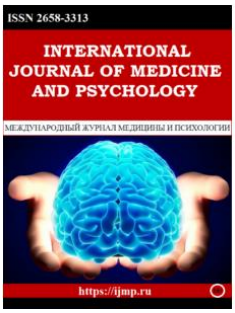
References

1. Kovylin V.S. Theoretical foundations for studying the phenomenon of procrastination. Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2013. No. 2. P. 22 – 41.
2. Steel P., Klingsieck K.B. Academic procrastination: Psychological antecedents revisited. Australian Psychologist. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 36 – 46. DOI: 10.1111/ap.12173
3. Lay C.H. At last, my research article on procrastination. Journal of Research in Personality. 1986. Vol. 20. No. 4. P. 474 – 495. DOI: 10.1016/0092-6566(86)90127-3
4. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Internal and external academic motivation of students, their sources and influence on psychological well-being. Issues of Psychology. 2013. No. 1. P. 1 – 11.
5. Karlovskaya N.N., Baranova R.A. The relationship between general and academic procrastination and anxiety in students with different academic performance. Psychology in the University. 2008. No. 3. P. 38 – 50.
6. Sepiadou I., Metallidou P. Academic hardiness as a moderator of the relationship between perfectionism and academic procrastination in university students. European Journal of Psychology of Education. 2023. Vol. 38. P. 1053 – 1071. DOI: 10.1007/s10212-022-00648-3
7. Karakaya K., Altınsoy F. Academic Procrastination of University Students: The Role of Problematic Internet Use, Self-Regulated Online Learning, And Academic Self-Efficacy. Malaysian Online Journal of Educational Technology. 2023. Vol. 11. No. 1. P. 77 – 93. DOI: 10.52380/mojet.2023.11.1.459
8. Boyarinov D.M., Gubaidulina L.M., Novikova Yu.A., Kachina A.A., Barabanshchikova V.V. Psychological predictors of procrastination in psychology students. National Psychological Journal. 2022. No. 4 (48). P. 91 – 101.
9. Morosanova V.I. Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and resolving life problems. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2021. No. 1. P. 4 – 37.
10. Asmakovets E.S., Tsirkina E.A. Students' Psychological Readiness for Learning in a Digital Educational Environment. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2022. Vol. 10. No. 6. P. 43.
11. Klimenskikh M.V., Lebedeva Yu.V., Mal'tsev A.V., Savelyev V.V. Psychological Factors of Effective Online Learning of Students. Prospects of Science and Education. 2019. No. 6 (42). P. 312 – 321.
12. Sorokova M.G., Odintsova M.A., Radchikova N.P. Evaluation of Digital Educational Technologies by University Teachers. Psychological Science and Education. 2023. Vol. 28. No. 1. P. 25 – 39. DOI: 10.17759/pse.2023280101
13. Lebedeva Yu.V., Maltsev A.V., Sultanov I.V. Procrastination in Students Studying Individual Disciplines Online. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science, and Culture. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 208 – 217. DOI: 10.15826/izv1.2022.28.4.078
14. Alblwi A., McAlaney J., Al Thani D.A.S. [et al.] Procrastination on social media: predictors of types, triggers, and acceptance of countermeasures. Social Network Analysis and Mining. 2021. Vol. 11, article 19. DOI: 10.1007/s13278-021-00727-1
15. Popova D.I. Academic procrastination of 1st-year students: psychological aspects and characteristics. Innovative science: Psychology, Pedagogy, Defectology. 2021. Vol. 4. No. 4. P. 6 – 26.
16. Makhova I.Yu., Blinkova A.E. Academic procrastination and professional identity of university students: in search of psychological predictors of destructive manifestations in the educational process. Territory of new possibilities. Bulletin of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16. No. 3. P. 133 – 149.
17. Ivutina E.P., Shurakova E.S. Academic procrastination as a manifestation of defensive-coping behavior in students. Bulletin of Vyatka State University. 2013. No. 4-1. P. 146 – 151.

Информация об авторах

Руст А.М., независимый исследователь, alroust@mail.ru
Руст С.А., Восточно-Европейский институт психоанализа, sroust@mail.ru

© Руст А.М., Руст С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.937.22
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-244-248

[1] Торрес Гутьеррес Алехандро,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Эмоциональное благополучие сотрудников, нашедших ценностно-смысловое значение в своей профессиональной деятельности

Аннотация: современная реальность требует пересмотра отношения к профессиональной деятельности как сотрудниками, так и работодателями, так как в настоящее время уже не имеют большого значения физические качества кадров и удовлетворенность низших потребностей, дифференцируемых А. Маслоу, а большая роль отводится ценностно-смысловым качествам трудовой деятельности и соответствующему отношению работника к выполнению профессиональных задач. Чем выше ценностно-смысловое значение профессии, тем выше производительность труда, лучше качество выполняемых услуг, креативность и самостоятельность в принятии решений исполнителя. Более того, современная политика Российской Федерации сосредоточена на создании условий для здорового долголетия граждан, поэтому ценностно-смысловое ядро должностных обязанностей выходит на первый план. Умаление значимости гедонистического и эвдемонического благополучий личности, как и психологического здоровья в целом, наносит серьезный урон качеству жизни человека, общества и экономическому развитию государства в целом. Работа, наполненная ценностно-смысловой значимостью, снижает риск профессионального и эмоционального выгорания, дистресса и депрессии, что позитивно влияет не только на самочувствие человека, но и на конструктивность его взаимодействия с обществом, гармонизацию семейных отношений и ментальное здоровье.

Ключевые слова: ценностное-смысловое значение, психологическое благополучие, психическое благополучие, эмоциональное благополучие, счастье, сотрудники, психическое здоровье

Для цитирования: Торрес Гутьеррес Алехандро Эмоциональное благополучие сотрудников, нашедших ценностно-смысловое значение в своей профессиональной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 244 – 248. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-244-248

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Torres Gutierrez Alejandro,
[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Emotional well-being of employees who have found value and semantic meaning in their professional activities

Abstract: modern reality requires a revision of the attitude to professional activity by both employees and employers, since at present the physical qualities of personnel and satisfaction of the lower needs differentiated by A. Maslow are no longer of great importance, and a large role is assigned to the value-semantic qualities of work and the corresponding attitude of the employee to the fulfillment of professional tasks. The higher the value and semantic significance of the profession, the higher the productivity, the better the quality of the services performed, the creativity and independence in decision-making of the performer. Moreover, the modern policy of the Russian Federation is focused on creating conditions for healthy longevity of citizens, therefore, the value-semantic core of official duties comes to the fore. Diminishing the importance of the hedonistic and eudaimonic well-being of the in-

dividual, as well as psychological health in general, causes serious damage to the quality of human life, society and the economic development of the state as a whole. Work filled with value and semantic significance reduces the risk of professional and emotional burnout, distress and depression, which positively affects not only a person's well-being, but also the constructiveness of his interaction with society, the harmonization of family relations and mental health.

Keywords: value-semantic meaning, psychological well-being, mental well-being, emotional well-being, happiness, employees, mental health

For citation: Torres Gutierrez Alejandro Emotional well-being of employees who have found value and semantic meaning in their professional activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 244 – 248. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-244-248

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В рамках теоретических дискуссий современная литература все больше склоняется к тому, что благополучие сотрудников – это стратегическая задача организации, напрямую влияющая на производительность, вовлеченность, удержание сотрудников в долгосрочной перспективе. В психологии труда и организационной психологии благополучие сотрудников широко трактуется как совокупность психологического благополучия (например, отсутствие стресса, эмоционального истощения), благополучия, связанного с работой (например, удовлетворенность, вовлеченность), и баланса между работой и личной жизнью [8] – данные компоненты тесно связаны с физическим здоровьем, поэтому, согласно политике Российской Федерации, имеют важное значение для здоровьесбережения и здорового долголетия, здоровье при этом «определяется как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [4, с. 385].

Согласно доказательным данным исследования Л.В. Карапетян (2021), «эмоционально-личностное благополучие выступает предиктором субъективной успешности в различных сферах жизнедеятельности отдельных групп трудящихся» [3, с. 65]. Это связано с положительными личными эмоциями и удовлетворенностью жизнью, однако, счастье базируется, в первую очередь, на гедонистических аспектах, иногда минуя смысл и цели жизни. Концепция же эмоционального благополучия, в свою очередь, включает в себя не только аспекты, связанные со счастьем, но и придает большое значение смыслу и цели [12, p. 59], исходя из чего профессия человека должна иметь ценностно-смысловое значение – в противном случае, у личности будет снижаться уровень эмоционального благополучия. В то время как повышение психологического, в т.ч. эмоционального, благополучия сотрудников приводит к росту производительности труда и снижению количества прогулов. Согласно теории «счастливый работник – продуктивный работник», сотрудники с высоким уровнем психологического благополучия демонстрируют более высокую креативность, результативность и эффективность на рабочем месте [9, p. 2].

Материалы и методы исследований

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Эмоциональное благополучие, являющееся неотъемлемым компонентом благополучия психологического, активно содействует «формированию позитивных ценностей и смыслов в профессиональной деятельности, а ценностно-смысловой компонент – достижению психологического благополучия» [2, с. 2] (т.е. счастья), когда человек осознает необходимость приносить пользу, ощущать свой вклад в общее дело и получать удовольствие от работы [11].

Р. Винховен (Ruut Veenhoven) утверждает, что счастье – это положительный эмоциональный опыт, связанный с осмысленностью жизни и субъективной удовлетворенностью жизнью [12, p. 59], в т.ч. с удовлетворенностью профессией и результатами собственного труда. Человек, освоивший и работающий на специальности, которая ему нравится, получает от нее удовольствие, что делает его счастливым, т.е. растет его уровень эмоционального благополучия. При этом счастье от трудовой деятельности на импонируемых специальностях дуально: одни лица могут испытывать удовольствие от того, что у них получается хорошо,

легко и качественно выполнять свои профессиональные обязанности, другие – благодаря тому, что нашли в работе ценностное-смысловое значение. Например, согласно полученным данным когнитивных исследований В. Пищик (Pishchik 2020), у преподавателей с нейтральным и позитивным отношением к профессии разная степень удовлетворенности работой, а именно: у группы преподавателей с нейтральным отношением к профессии наиболее выражены такие ценности, как конформизм, гедонизм, безопасность, а также следующие смыслы: гедонистический, статусный и семейный. У группы же преподавателей с позитивным отношением к профессии преобладают ценности независимости, достижения и безопасности в сочетании с альтруистическим, семейным и когнитивным смыслами, а также самореализацией. Соответственно, что преподаватели вузов с позитивным отношением к своей профессии более альтруистичны в деятельности, а преподаватели с нейтральным отношением к своей профессии – прагматичны [10, p. 69]. Соответственно, «особенно важным в формировании благополучия выступает система смысловых образований личности и их качественных связей, и особое значение приобретает профессиональное самоопределение» [7, с. 105].

При этом лица, имеющие высокий уровень образования или образованности, придают большое значение ценностно-смысловой составляющей их профессиональной деятельности и смотрят на выполнение своих профессиональных обязанностей и достижение трудовых целей сквозь призму экзистенциональных аспектов и мотиваций. Гипотетически, чем больше в специальности ценностно-смыслового значения, тем выше уровень эмоционального благополучия специалиста, т.к., помимо финансового дохода, он получает эмоциональную отдачу (удовлетворение) от выполняемых задач. Более того, при овладении специальностью и занятостью профессиональной деятельностью, которые наполнены большим ценностно-смысловым значением, достигается высокий уровень психоэмоционального здоровья и профессиональной успешности, тогда как отсутствие здоровьесберегающей компетенции у человека формирует ошибочное представление о том, что ценностно-смысловой потенциал ремесла не важен, поэтому отсутствуют знания о целесообразности поиска импонирующей профессии, и, как следствие, быстро происходит профессиональное и эмоциональное выгорание. При этом, при рассмотрении профессиональной успешности, важно подчеркнуть, что по настоящее время не выявлено различий между мужчинами и женщинами. Например, как подчеркивает Л.В. Карапетян (2021), коэффициент Колмогорова-Смирнова (при $p < 0,05$) продемонстрировал наличие только «единичных достоверных различий между уровнями субъективной успешности у женщин и мужчин различных профессий» [3, с. 77].

Ценностно-смысловое отношение к профессии является важным компонентом профессиональной идентичности, «Важными компонентами идентичности, демонстрирующими ее личностное основание, являются ценности и смыслы *специалиста*, которые сопровождают всю профессиональную деятельность» [5, с. 63]. Если специалист регулярно испытывает недовольство своей профессией и/или условиями труда, с течением времени это приведет «к чувству отсутствия собственной самореализации в жизни и обществе» [6, с. 88], потере ценностно-смыслового значения специальности и дистрессу.

Важным фактором нахождения ценностное-смыслового значения в трудовой деятельности выступает как сама профессия, так и темперамент личности – это может быть (по классификации Е.А. Климова) такая сфера деятельности, как «человек-человек» (медиатор, специалист по IT-этике, AI-тренер, карьерный консультант, учитель, медик и др.), «человек-природа» (специалист по углеродному следу, лесничий, инженер по восстановлению экосистем, урбанист-эколог, специалист по климатическим рискам и др.), «человек-техника» (инженер по возобновляемой энергии, программист, оператор дронов, 3д-проектировочник, специалист по ИИ-системам и др.), «человек-знаковая система» (бухгалтер, специалист по Data Science, архитектор данных, аналитик ESG-отчетности и др.). Если человек вынужден заниматься «нелюбимой» профессией, которая не подходит его темпераменту, он будет испытывать острую зависимость от дохода, а эмоциональное истощение и профессиональное выгорание станут способствовать выполнению только формальных показателей – это препятствует карьерному, материальному и психологическому росту. Так, по данным Г.В. Буяновой (2010), «различные профессии требуют от специалиста разных темпераментальных особенностей» [1, с. 86]. Между тем, выбор профессии, соответствующий темпераменту, способствует росту эмоционального благополучия, например, согласно данным Л.В. Карапетян, наиболее высокий уровень счастья в его исследованиях был зафиксирован у сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) и врачей [3, с. 65].

Как подчеркивают А.К. Шрестха и Б. Тамракар (Shrestha, Tamrakar 2026), удовлетворенность работой опосредует связь между ценностно-смысловым аспектом трудовой деятельности и эмоциональным благополучием. При этом ценностно-смысловое значение профессий у сотрудников бывает разное: у одних превалирует гедонистическое благополучие, которое базируется на преобладании положительных эмоций, удовлетворенности работой или жизнью (чаще данный аспект преобладает у людей творческих профессий),

у других – эвдемоническое благополучие, в центре внимания которого позитивное функционирование, самореализация, личностный рост и осмысленность деятельности [11].

Выводы

Ценностно-смысловое значение профессии способствует профессиональному самоопределению и идентичности. Чем ниже уровень данного показателя, тем быстрее происходит профессиональное и эмоциональное выгорание, что влечет за собой проблемы с психическим и физическим здоровьем, по этой причине важно уделять внимание нахождению ценностно-смыслового значения в определенного рода занятости, прежде чем овладевать конкретной профессией и трудоустраиваться на нее.

Список источников

1. Буянова Г.В. Темперамент как фактор выбора профессии // Образование и наука. 2010. № 7. С. 81 – 87.

2. Егоренко Т.А. Психологическое благополучие и ценностно-смысловой компонент системогенеза профессионального становления психолога как субъекта труда на этапе допрофессионального развития // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. № 5. С. 1 – 10.

3. Карапетян Л.В. Эмоционально-личностное благополучие как предиктор субъективной успешности трудящихся // Организационная психология. 2021. № 1. С. 65 – 92.

4. Кетова А.С. Государственная политика здоровьесбережения в Российской Федерации // Экономика и социум. 2018. № 1 (44). С. 385 – 388.

5. Разживина М.И., Яковлева Н.В. Смысложизненные и ценностные ориентации в структуре профессиональной идентичности педагога // Прикладная юридическая психология. 2025. № 3 (72). С. 61 – 69.

6. Струтинский С.В., Коваленко Р.К., Звонарева Н.А. Исследование взаимосвязи между соционическим типом личности оптанта и его склонностью к типу профессий по Е.А. Климову // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. № 6. С. 136 – 157.

7. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2006. № 1-2. С. 104 – 109.

8. Altaee M.A.H., Ismaeel B. (2026) Telework as a driver of employee well-being: Insights from Zain Iraq Telecom. Human Systems Management. https://doi.org/10.1177/01672533261456030.

9. Mishra H., Venkatesan M. Psychological Well-being of Employees, its Precedents and Outcomes: A Literature Review and Proposed Framework // Management and Labour Studies. 2022. № 48 (1). P. 1 – 36. https://doi.org/10.1177/0258042X221117960

10. Pishchik V. Value-semantic bases of ideas about the profession and satisfaction with the profession of higher school teachers // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. № 8 (2). P. 69 – 81. https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2002069P

11. Shrestha A.K., Tamrakar B. (2026) Workplace spirituality and well-being: roles of organizational justice and thriving at work. https://doi.org/10.1108/MD-04-2025-0872

12. Shu F., Xiong J., Lin J., Zhang Y., Luo S. Is the richer, the happier? Moderating roles of personality-related brain connectivity // Well-Being Sciences Review. 2025. № 1 (1). P. 59 – 70. https://doi.org/10.54844/wsr.2024.0551

References

1. Buyanova G.V. Temperament as a Factor in Choosing a Profession. Education and Science. 2010. No. 7. P. 81 – 87.

2. Egorenko T.A. Psychological Well-Being and Value-Semantic Component of the Systemogenesis of the Professional Development of a Psychologist as a Subject of Labor at the Stage of Pre-Professional Development. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. No. 5. P. 1 – 10.

3. Karapetyan L.V. Emotional and Personal Well-Being as a Predictor of Subjective Success of Employees. Organizational Psychology. 2021. No. 1. P. 65 – 92.

4. Ketova A.S. State Policy of Health Preservation in the Russian Federation. Economy and Society. 2018. No. 1 (44). P. 385 – 388.

5. Razhivina M.I., Yakovleva N.V. Life-meaning and value orientations in the structure of a teacher’s professional identity. Applied Legal Psychology. 2025. No. 3 (72). P. 61 – 69.

6. Strutinsky S.V., Kovalenko R.K., Zvonareva N.A. A study of the relationship between the socionic personality type of an optant and his predisposition to the type of professions according to E.A. Klimov. Russian Journal of Education and Psychology. 2021. No. 6. P. 136 – 157.

7. Shamionov R.M. Subjective well-being and value-semantic formations of a person in the professional sphere. News of Saratov University, Nov. Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2006. No. 1-2. P. 104 – 109.

8. Altaee M.A.H., Ismaeel B. (2026) Telework as a driver of employee well-being: Insights from Zain Iraq Telecom. Human Systems Management. https://doi.org/10.1177/01672533261456030.

9. Mishra H., Venkatesan M. Psychological Well-being of Employees, their Precedents and Outcomes: A Literature Review and Proposed Framework. Management and Labor Studies. 2022. No. 48 (1). P. 1 – 36. https://doi.org/10.1177/0258042X221117960

10. Pishchik V. Value-semantic bases of ideas about the profession and satisfaction with the profession of higher school teachers. International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. No. 8 (2). P. 69 – 81. https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2002069P

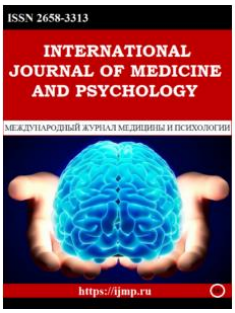
11. Shrestha A.K., Tamrakar B. (2026) Workplace spirituality and well-being: roles of organizational justice and thriving at work. https://doi.org/10.1108/MD-04-2025-0872

12. Shu F., Xiong J., Lin J., Zhang Y., Luo S. Is the richer, the happier? Moderating roles of personality-related brain connectivity. Well-Being Sciences Review. 2025. No. 1 (1). P. 59 – 70. https://doi.org/10.54844/wsr.2024.0551

Информация об авторе

Торрес Гутьеррес Алехандро, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, alejandrotorresus@yahoo.com

© Торрес Гутьеррес Алехандро, 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.99
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-249-257

[1] Хрипунова С.В.,
[1] Орлова Т.А.,
[1] Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Основные аспекты формирования готовности к риску у сотрудников военизированных организаций (на примере подразделений МЧС России)

Аннотация: в современной России проблема формирования готовности к риску у сотрудников военизированных организаций является проблемой государственной важности. Деятельность спасателей протекает в условиях хронического воздействия множественных стресс-факторов, включающих непосредственную угрозу жизни и здоровью, работу в экстремальных условиях, высокую ответственность за принятие решений, необходимость взаимодействия с пострадавшими и их родственниками, а также часто – с последствиями масштабных трагедий. Поэтому первостепенное значение приобретает проблема изучения основных аспектов формирования готовности к риску как интегративной способности, основанной на высоком уровне стрессоустойчивости, развитых личностных ресурсах и удовлетворительном качестве жизни сотрудников военизированных организаций.

Выборка исследования представлена сотрудниками подразделений МЧС России по Волгоградской области в количестве 130 человек (все респонденты – мужчины), возраст – от 22 до 50 лет.

Статистический анализ результатов проводился с использованием Программы SPSS statistics. Для обработки полученных результатов применялся статистический анализ данных:

1. Описательные статистки: для получения необходимых показателей;
2. Коэффициент корреляции Спирмена: для проверки наличия взаимосвязей.

С помощью исследования выявлено, что существует статистически значимая взаимосвязь между качеством жизни, стрессоустойчивостью, самоконтролем, локусом контроля и готовностью к риску у сотрудников подразделений МЧС России, причём характер этой взаимосвязи является дифференцированным: качество жизни демонстрирует отрицательную корреляцию с готовностью к риску (как отражение ресурсного истощения вследствие профессиональной активности), тогда как стрессоустойчивость, самоконтроль и интернальность – положительную (как регуляторно-смысловую основу обоснованного рискованного поведения).

Полученные данные вносят вклад в развитие психологии экстремальной деятельности, верифицируя системную модель детерминации профессиональной готовности к риску, и создают надёжную основу для разработки и внедрения эффективных программ психологического сопровождения, направленных на сохранение психического здоровья, повышение профессиональной надёжности и, в конечном счёте, на более эффективное выполнение сотрудниками МЧС России их благородной миссии по спасению жизни и здоровья людей в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: сотрудники военизированных организаций, профессиональная готовность к риску, стрессоустойчивость, экстремальные условия деятельности, психологическое сопровождение, самоконтроль, локус контроля, качество жизни, ресурс

Для цитирования: Хрипунова С.В., Орлова Т.А. Основные аспекты формирования готовности к риску у сотрудников военизированных организаций (на примере подразделений МЧС России) // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 249 – 257. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-249-257

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Khripunova S.V.,
[1] Orlova T.A.,
[1] Volgograd Institute of Management,
Russian Academy of National Economy and Public Administration

Main aspects of developing readiness for risk among employees of military organizations (using the example of departments of the EMERCOM of Russia)

Abstract: in modern Russia, the problem of fostering a readiness to take risks among employees of paramilitary organizations is a matter of state importance. The work of rescuers takes place under conditions of chronic exposure to multiple stress factors, including an immediate threat to life and health, work in extreme conditions, high responsibility for decision-making, the need to interact with victims and their relatives, and often the consequences of large-scale tragedies. Therefore, the problem of studying the main aspects of developing readiness for risk as an integrative ability based on a high level of stress resistance, well-developed personal resources, and a satisfactory quality of life for employees of paramilitary organizations becomes of paramount importance.

The study sample consisted of 130 employees of Russian Ministry of Emergency Situations units in the Volgograd Region (all respondents were male), aged between 22 and 50 years. Statistical analysis of the results was carried out using the SPSS statistics software. To process the obtained results, the following statistical data analysis methods were used: 1. Descriptive statistics: to obtain the necessary indicators; 2. Spearman's correlation coefficient: to check for the presence of relationships.

The study revealed that there is a statistically significant relationship between the quality of life, stress resistance, self-control, locus of control, and risk tolerance among employees of Russian Ministry of Emergency Situations units, and the nature of this relationship is differentiated: the quality of life shows a negative correlation with risk tolerance (reflecting resource depletion due to professional activity), while stress resistance, self-control, and internality show a positive correlation (serving as the regulatory and semantic basis for justified risky behavior).

The data obtained contribute to the development of the psychology of extreme activities, verifying the systemic model of the determinants of professional readiness to take risks, and create a reliable foundation for the development and implementation of effective psychological support programs aimed at preserving mental health, enhancing professional reliability, and, ultimately, ensuring more effective performance of the noble mission of rescuing people's lives and health in emergency situations by employees of the Russian Ministry of Emergency Situations.

Keywords: employees of paramilitary organizations, professional readiness to take risks, stress resistance, extreme working conditions, psychological support, self-control, locus of control, quality of life, resource

For citation: Khripunova S.V., Orlova T.A. Main aspects of developing readiness for risk among employees of military organizations (using the example of departments of the EMERCOM of Russia). International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 249 – 257. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-249-257

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В современной реальности, характеризующейся возрастанием частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и социального характера, существенно повышаются требования к профессиональной надежности и психологической готовности к риску у сотрудников аварийно-спасательных формирований. МЧС России, как ключевая структура, обеспечивающая безопасность населения и территорий, предъявляет к личному составу исключительно высокие стандарты профессиональной компетентности, физической выносливости и психологической устойчивости [1, 2].

Деятельность спасателей протекает в условиях хронического воздействия множественных стресс-факторов, включающих непосредственную угрозу жизни и здоровью, работу в экстремальных условиях, высокую ответственность за принятие решений, необходимость взаимодействия с пострадавшими и их родственниками, а также часто – с последствиями масштабных трагедий.

В рассматриваемом нами контексте, проблема формирования и поддержания готовности к осознанному профессиональному риску, понимаемой не как безрассудная смелость, а как интегративная способность, основанная на высоком уровне стрессоустойчивости, развитых личностных ресурсах и удовлетворительном качестве жизни, приобретает первостепенное значение. Качество жизни, рассматриваемое в психологии как многомерная конструкция, отражающая степень удовлетворенности человека различными сферами своего существования (физической, психологической, социальной, профессиональной), выступает фундаментальным условием психической устойчивости и профессиональной эффективности. Высокий уровень субъективного качества жизни может выполнять функцию психологического буфера, смягчая воздействие хронического стресса и способствуя более быстрому восстановлению психофизиологических ресурсов.

Стрессоустойчивость, понимаемая как интегративное свойство личности, обеспечивающее сохранение высокой продуктивности деятельности и психофизиологического гомеостаза в условиях воздействия стрессогенных факторов – является ключевым профессионально важным качеством для сотрудников МЧС. Ее формирование и поддержание детерминировано не только врожденными психофизиологическими особенностями, но и совокупностью приобретенных личностных характеристик, таких как развитый самоконтроль, интернальный локус контроля, адекватная самооценка и сформированная система ценностно-смысловых ориентаций. В частности, самоконтроль позволяет регулировать эмоциональные и поведенческие реакции в напряженных ситуациях, а интернальность (склонность приписывать значимые события собственным усилиям и способностям) способствует более активному и ответственному поиску выхода из кризисных обстоятельств, повышая субъективное чувство управляемости ситуацией.

Склонность к риску в рамках профессии спасателя требует особого осмысления. Речь идет не о генерализованной склонности к авантюрным действиям, а о профессионально обусловленной готовности к обоснованному, взвешенному риску в условиях дефицита времени и информации для спасения жизни и здоровья людей. Эта готовность должна быть включена в систему профессиональных компетенций и опираться на прочный фундамент личностной зрелости, стрессоустойчивости и высокого качества жизни, что минимизирует вероятность деструктивных, импульсивных форм рискованного поведения.

Описанные обстоятельства актуализируют потребность выявить характер взаимосвязей между исследуемыми аспектами, такими как качество жизни, уровень стрессоустойчивости, выраженность самоконтроля, локус контроля и склонность к риску у сотрудников подразделений МЧС, что позволяет получить новые данные о психологических факторах, формирующих основу их профессиональной надежности.

Анализ существующих исследований на данную тематику представляет следующую многоаспектную картину. В исследование качества жизни в отечественной психологии внесли свой вклад Д.А. Леонтьев [12] и Е.И. Рассказова [13], адаптировавшие и валидизировавшие методику М. Фриша (QOLI) [14], которая позволяет учесть индивидуальную иерархию ценностей при оценке удовлетворенности различными жизненными сферами.

Феномен стрессоустойчивости является традиционным предметом изучения в психологии стресса и экстремальной психологии. Классические теоретические основания заложены в работах Г. Селье, Р. Лазаруса [11] и С. Фолкман, разработавших трансакционную модель, и С. Хобфолла, предложившего ресурсную теорию стресса. В отечественной науке фундаментальный вклад внесли исследования Л.А. Китаева-Смык [9], посвященные психофизиологии стресса, В.А. Бодрова [4], изучавшего проблему преодоления стресса, и А.Б. Леоновой, разрабатывающей интегративный подход к профессиональному стрессу. Структура и компоненты стрессоустойчивости у представителей опасных профессий, включая пожарных и спасателей, изучались в работах Л.Б. Морозовой и В.А. Куфлиной, Ю.В. Петровой и Н.В. Жигинас [В.М. Синишиной, затрагивая эмоционально-волевую устойчивость, мотивационные, когнитивные, рефлексивно-ценностные и регуляторно-волевые аспекты, а также влияние экстремальных условий на психическое состояние.

Изучение личностных регуляторных характеристик, таких как самоконтроль и локус контроля, также имеет солидную теоретическую базу. Многочисленные исследования подтверждают связь интернального локуса контроля и высокого самоконтроля с успешностью деятельности и адаптацией в различных профессиях. Применительно к экстремальным видам труда их роль как факторов, обуславливающих принятие ответственности и взвешенность решений в условиях неопределенности, отмечается в работах, посвященных психологии безопасности (М.А. Котик [10]) и надежности операторов сложных систем, однако системный

анализ их вклада в формирование именно готовности к профессиональному, а не бытовому риску у спасателей представлен фрагментарно.

Исследования готовности (склонности) к риску в психологии ведутся в нескольких парадигмах: когнитивной (Д. Канеман, А. Тверски), изучающей искажения в оценке вероятностей; личностно-диспозиционной (Г. Шуберт, М.А. Котик [10]), рассматривающей ее как устойчивую характеристику; и деятельностно-ситуационной, акцентирующей роль профессионального контекста.

Материалы и методы исследований

Основу нашего исследования составили фундаментальные положения, разработанные российскими и зарубежными учеными такими как Л.А. Китаева-Смык, В.А. Бодров, А.Б. Леонова, Л. Б. Морозова, В. А. Куфлина, Ю.В. Петрова, Н.В. Жигинас, В.М. Синишина и ряд других.

Исследование проводилось в течение 2025-2026 года на базе пожарных подразделений МЧС России по Волгоградской области. В процессе исследования было опрошено 130 сотрудников МЧС мужского пола, в возрасте от 22 до 50 лет, служащих в пожарных частях МЧС России по Волгоградской области.

В соответствии с целью были определены следующие методики исследования: для оценки качества жизни была использована методика диагностики качества жизни (QOLI) авторства М. Фриша, в адаптации Е.И. Рассказовой и Д.А. Леонтьева. Для оценки уровня стрессоустойчивости, использовалась краткая шкала стрессоустойчивости (КШСУ) авторства Е.В. Распопина. Для оценки склонности к риску, использовался опросник оценки склонности к риску (RSK) авторства Г. Шуберта, в адаптации М.А. Котика. Для оценки уровня самоконтроля, использовался опросник для выявления выраженности самоконтроля, авторства Г.С. Никифорова. Для оценки локуса контроля, использовался опросник Уровень субъективного контроля (УСК), авторства Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда.

Статистический анализ результатов проводился с использованием

Программы SPSS statistics. Для обработки полученных результатов применялся статистический анализ данных:

1. Описательные статистки: для получения необходимых показателей;
2. Коэффициент корреляции Спирмена: для проверки наличия взаимосвязей.

Результаты и обсуждения

По методике диагностики качества жизни (QOLI) авторства М. Фриша, в адаптации Е.И. Рассказовой и Д.А. Леонтьева получены следующие результаты:

1. Подавляющее большинство сотрудников МЧС России имеют высокое качество жизни – 109 респондента (83,8%);
2. Некоторые сотрудники продемонстрировали среднее качество жизни, однако значение не высоко – 21 респондентов, 16,2% соответственно;
3. Низкого качества жизни среди сотрудников МЧС России выявлено не было.

Полученные данные говорят нам о том, что подавляющее большинство сотрудников МЧС России демонстрируют высокий уровень качества жизни, что было подтверждено ответами 83,8% респондентов, в то время как средние показатели были выявлены у 16,2%. При этом важно отметить, что в рамках проведенного исследования не было зафиксировано низких значений по данному параметру, что позволяет сделать вывод о благополучной психологической и социальной адаптации обследованного контингента в контексте оценки их субъективного благополучия.

По краткой шкале стрессоустойчивости (КШСУ) авторства Е.В. Распопина получены следующие результаты:

1. Большинство респондентов – 55 сотрудника (42,3%), имеет средний уровень стрессоустойчивости.
2. Также были получены результаты по высокому уровню стрессоустойчивости – 43 сотрудника МЧС России имеют высокий уровень стрессоустойчивости (что соответствует 33,1%).
3. 32 респондента имеют низкий уровень стрессоустойчивости (что соответствует 24,6%).

Полученные данные говорят нам о том, что в обследованной выборке сотрудников МЧС России доминирует средний уровень стрессоустойчивости, что, тем не менее, не образует гомогенной картины, поскольку совокупная доля лиц с крайними значениями данного признака (высоким и низким) составляет большинство (57,7%), при этом высокий уровень стрессоустойчивости выражен сильнее (33,1%), нежели низкий (24,6%), что позволяет сделать вывод о преобладании в коллективе адаптивных психофизиологических паттернов реагирования на стресс, однако наличие значительной группы с дефицитарными ресурсами

(почти четверть выборки) указывает на актуальность целенаправленных профилактических и коррекционных программ психологического сопровождения.

По опроснику оценки склонности к риску (RSK) авторства Г. Шуберта, в адаптации М.А. Котика получены следующие результаты:

1. Подавляющее большинство сотрудников МЧС России имеет либо средний уровень склонности к риску (41 респондент, 31,5%), либо склонность к риску ниже среднего (39 респондентов, 30%). Суммарно, сотрудники имеющие уровни склонности к риску средний и ниже среднего, составляют целых 61,5%.
2. Среди опрошенных также было выявлено 12 респондентов, имеющих низкий уровень склонности к риску (что составляет 9,2%).
3. Склонность к риску выше среднего имеет 8 сотрудников министерства (6,2%).
4. Было выявлено 30 респондентов с высокой склонностью к риску, что составляет 23,1% от общего количества опрошенных сотрудников.

Полученные данные говорят нам о том, что в профиле склонности к риску у сотрудников МЧС России наблюдается выраженная неоднородность, где, несмотря на преобладание умеренно-осторожных стратегий поведения (средний и ниже среднего уровень в сумме – 61,5%), формируется значительный контингент, демонстрирующий высокую готовность к рискованным действиям (23,1%), что, вероятно, отражает специфику экстремальной профессиональной деятельности, требующей в критических ситуациях быстрых и смелых решений, в то время как консервативная, избегающая риска позиция (низкий уровень – 9,2%) выражена в меньшей степени, что в целом формирует разнонаправленный, но функционально сбалансированный психологический портрет коллектива с точки зрения регуляции поведения в условиях неопределенности.

По опроснику для выявления выраженности самоконтроля, авторства Г.С. Никифорова получены следующие результаты:

1. Высокий уровень самоконтроля выявлен у 70 сотрудников МЧС России, что соответствует 53,9% от общего количества опрошенных.
2. Средний уровень самоконтроля обнаружен у 53 респондентов (40,7%).
3. Низкий уровень самоконтроля был выявлен всего у семи респондентов, что соответствует 5,4%.

Полученные данные говорят нам о том, что у подавляющего большинства сотрудников МЧС России сформирован адекватный и высокий уровень самоконтроля (суммарно 94,6%), что свидетельствует о развитой способности к регуляции собственного поведения и эмоциональных состояний в профессиональной деятельности, при этом минимальная представленность низкого уровня (5,4%) подчеркивает общую психологическую зрелость и адаптированность исследуемой группы.

По опроснику Уровня субъективного контроля (УСК), авторства Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда получены следующие результаты:

1. Большинство сотрудников МЧС России, а именно 76 опрошенных респондентов (68,5%) имеют экстернальный локус контроля.
2. Интернальный локус контроля имеет 54 опрошенных сотрудников (41,5%).

Полученные данные говорят нам о том, что в исследуемой выборке сотрудников МЧС России преобладает экстернальный тип локуса контроля (68,5%), что позволяет предположить тенденцию к внешней атрибуции ответственности за происходящие события, в то время как интернальная позиция, связанная с принятием личной ответственности, характерна для 41,5% респондентов , что требует учёта данного фактора при проектировании программ психологического сопровождения, направленных на усиление личностной ресурсности.

Полученные результаты дали необходимую информацию о психологическом состоянии сотрудников МЧС России и позволяют перейти к статистическому анализу.

При первичном количественном анализе результатов каждой методики, использованной в исследовании, получилось установить следующее:

Таблица 1
Table 1

Методика	Выборка n=130			
	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
Качество жизни	5,15	3,39	-3	9
Стрессоустойчивость	5,43	2,3	1	9
Склонность к риску	-0,05	24,33	-50	48
Уровень самоконтроля	48,15	14,55	3	70
Уровень субъективного контроля	5,06	2,36	1	10

Рассмотрим показатели средних значений:

1. По методике QOLI, среднее значение составляет 5,15, что говорит о преобладании высокого качества жизни среди сотрудников МЧС (при σ = 2,2);
2. По методике КШСУ, среднее значение составляет 5,28, что говорит о средней стрессоустойчивости среди опрошенных респондентов (при σ = 3,4);
3. По методике RSK, среднее значение составило -0,05, что также свидетельствует о среднем уровне склонности к риску среди опрошенных сотрудников (однако σ довольно большое = 24,3);
4. По методике выраженности самоконтроля, среднее значение составляет 48,15, что указывает на средний уровень самоконтроля среди сотрудников МЧС России (σ = 14,55);
5. По методике на выявление уровня субъективного контроля, средний балл 5,06, что указывает на небольшое преобладание интерналов среди сотрудников (σ = 2,36).

Так, мы подтвердили, что показатели всех исследованных сотрудников МЧС России соответствуют норме и не имеют предельных негативных значений по интересующим нас параметрам. Так, большинство сотрудников демонстрируют средние результаты по стрессоустойчивости, склонности к риску и выраженности самоконтроля; также демонстрировались высокие результаты по качеству жизни; по субъективному самоконтролю преобладает интернальный.

С помощью коэффициента корреляции Спирмена установлено, что между показателями существуют взаимосвязи.

Основное направление проведенного корреляционного анализа – выявление взаимосвязей между показателями качества жизни, стрессоустойчивостью, уровнем самоконтроля и локусом контроля у сотрудников подразделений МЧС России.

Значимые взаимосвязи, полученные по результатам корреляционного анализа с помощью коэффициента Спирмена.

Таблица 2
Table 2

Переменные	Качество жизни	стрессоустойчивость	Уровень самоконтроля	Уровень субъективного контроля
Склонность к риску	-,446**	,414**	,304**	,381**

Обнаружены умеренные корреляции между шкалами склонность к риску и качество жизни (r = -0,446), склонность к риску и стрессоустойчивость (r = 0,414), склонность к риску и уровень самоконтроля (r = 0,304), склонность к риску и уровень субъективного контроля (r = 0,381). Полученные корреляции статистически значимые, демонстрируют умеренные связи между изучаемыми переменными. Рассмотрим каждую корреляцию отдельно:

Готовность к риску – качество жизни. Коэффициент корреляции Спирмена ρ=-0,446, уровень значимости p=0,000<0,01. Уровень готовности к риску связан с качеством жизни отрицательной корреляционной связью (чем выше готовность к риску, тем ниже качество жизни).

Готовность к риску – стрессоустойчивость. Коэффициент корреляции Спирмена ρ=0,414, уровень значимости p=0,000<0,01. Уровень стрессоустойчивости связан с готовностью к риску положительной корреляционной связью (чем выше стрессоустойчивость, тем выше уровень готовности к риску).

Готовность к риску – выраженность самоконтроля. Коэффициент корреляции Спирмена ρ=0,304, уровень значимости p=0,000<0,01. Уровень готовности к риску связан с выраженностью самоконтроля положительной корреляционной связью (чем выше готовность к риску, тем выше уровень выраженности самоконтроля).

Готовность к риску – уровень субъективного контроля. Коэффициент корреляции Спирмена ρ=0,381, уровень значимости p=0,000<0,01. Уровень готовности к риску связан с уровнем субъективного контроля положительной корреляционной связью (чем выше готовность к риску, тем выше уровень субъективного контроля (интернальность)).

Совокупность выявленных корреляционных связей рисует психологический портрет профессионально эффективного сотрудника МЧС России: это человек, который, несмотря на объективно более низкое (вследствие высоких нагрузок) субъективное качество жизни, демонстрирует высокий уровень стрессоустойчивости, позволяющий действовать в критических условиях. При этом его рискованные действия не являются импульсивными, а жестко контролируются сознанием (высокий самоконтроль) и опираются на глубокое чувство личной ответственности за исход событий (интернальность). Напротив, снижение уровня данных личностных регуляторов (стрессоустойчивости, самоконтроля, интернальности)

объективно ведет к снижению готовности к риску, что, в контексте профессии спасателя, может означать неосознанное предпочтение пассивной, выжидательной тактики, неприемлемой в ситуации, требующей немедленного героического действия.

Выводы

Полученные результаты исследования позволяют сделать ряд выводов:

Во-первых, установлено, что в целом по выборке фиксируются благополучные психологические показатели: подавляющее большинство респондентов (83,8%) демонстрируют высокое качество жизни, а суммарная доля сотрудников со средним и высоким уровнем самоконтроля достигает 94,6%. Вместе с тем выявлена выраженная гетерогенность в распределении уровней стрессоустойчивости, где средний уровень характерен для 42,3% сотрудников, однако почти четверть выборки (24,6%) обнаруживает низкую стрессоустойчивость, что указывает на наличие группы риска, нуждающейся в адресном психологическом сопровождении. Аналогично, несмотря на преобладание умеренно-осторожных стратегий (61,5% респондентов имеют средний и ниже среднего уровни склонности к риску), значительная часть сотрудников (23,1%) демонстрирует высокую готовность к рискованным действиям, что отражает специфику экстремальной профессиональной деятельности. При этом было установлено преобладание экстернального локуса контроля (68,5%) над интернальным (41,5%).

Во-вторых, с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена доказано существование статистически значимых взаимосвязей между готовностью к риску и исследуемыми переменными, что полностью подтверждает основную гипотезу исследования. Выявлена отрицательная корреляционная связь между готовностью к риску и качеством жизни ($\rho = -0,446$; $p < 0,01$), что интерпретируется в соответствии с ресурсной теорией С. Хобфолла как объективная «плата за профессиональную активность»: сотрудники с высокой готовностью к риску чаще оказываются на переднем крае опасности, сталкиваются с травматическими стимулами и вторичной травматизацией, что закономерно снижает их субъективное благополучие, особенно в сферах физического здоровья и психологической безопасности. При этом отрицательный характер связи не свидетельствует о дисфункциональности, а отражает объективный компенсаторный механизм истощения ресурса.

Положительная корреляция между готовностью к риску и стрессоустойчивостью ($\rho = 0,414$; $p < 0,01$) подтверждает системообразующую роль последней как операциональной базы для реализации рискованных действий. Высокий уровень стрессоустойчивости позволяет трансформировать первичную когнитивную оценку экстремальной ситуации с «угрозы» на «вызов», активируя не защитные механизмы избегания, а проблемно-ориентированные копинг-стратегии, одной из которых и является обоснованный профессиональный риск. Положительная связь готовности к риску с выраженностью самоконтроля ($\rho = 0,304$; $p < 0,01$) принципиально важна для разграничения конструктивного и деструктивного типов риска, свидетельствуя о том, что у сотрудников МЧС речь идёт не об импульсивной, аффектогенной склонности к опасности, а об осознанном, управляемом риске, где самоконтроль выступает не антагонистом, а регуляторным механизмом.

Наконец, положительная корреляция между готовностью к риску и интернальным локусом контроля ($\rho = 0,381$; $p < 0,01$) раскрывает смыслообразующую основу профессиональной мотивации спасателя, формируя активную субъектную позицию, при которой риск воспринимается не как фатальная угроза, а как управляемый параметр профессиональной задачи, требующий личной ответственности и компетентности.

Список источников

1. Акт министерств и ведомств "О квалификационных требованиях к должностям в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы" от 01.12.2016 № 653.

2. Акт министерств и ведомств "О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 23.05.2016 № 141.

3. Бобровская Е.Ф. Стресс и копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман // Психология Познание. 2020. № 7. С. 48 – 52.

4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. Москва: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.

5. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.А. Леонтьева // Вестник Московского университета. 2013. № 2. С. 40 – 56.

6. Гермацкая Е.И. Психологические аспекты профессионально важных качеств пожарных-спасателей // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2020. Т. 4. № 1. С. 96 – 105.

7. Ильин Е.П. Психология воли. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 368 с.
8. Котовская С.В. Особенности проявления профессиональных деформаций личности у специалистов экстремального профиля на разных этапах их профессионального развития // Человеческий капитал. 2021. № 7 (151). С. 140 – 149.
9. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Москва: Наука, 1983. 368 с.
10. Котик М.А. Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1981. 408 с.
11. Одинцова М.А. Психология стресса: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. Москва: Юрайт, 2025. 269 с.
12. Лазарус Р.С. Психология эмоций. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 328 с.
13. Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 86 – 95.
14. Рассказова Е.И. Качество жизни как междисциплинарная проблема: теоретические подходы и диагностика качества жизни в психологии, социологии и медицине // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. № 2. С. 59 – 71.
15. Рассказова Е.И., Неяскина Ю.Ю., Леонтьев Д.А., Ширяева О.С. Диагностика качества жизни в психотерапии: апробация русскоязычной версии методики М. Фриша // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1. С. 8 – 29.
16. Сарычев С.В., Чернышев А.С. Экспериментальное исследование совместной деятельности и группового поведения в различных социальных условиях // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. № 3 (1). С. 49 – 63.

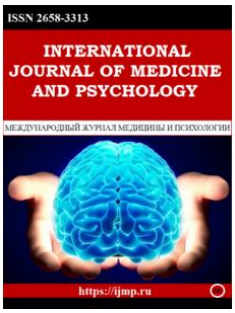
References

1. Act of ministries and departments "On qualification requirements for positions in the federal fire service of the State Fire Service" dated 01.12.2016 No. 653.
2. Act of ministries and departments "On service in the federal fire service of the State Fire Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" dated 23.05.2016 No. 141.
3. Bobrovskaya E.F. Stress and coping test of R. Lazarus and S. Folkman. Psychology of Cognition. 2020. No. 7. P. 48 – 52.
4. Bodrov V.A. Psychological stress: development and overcoming. Moscow: PER SE, 2006. 528 p.
5. Bityutskaya E.V. Cognitive Assessment of a Difficult Life Situation from the Perspective of A.A. Leontiev's Activity-Based Approach. Bulletin of Moscow University. 2013. No. 2. P. 40 – 56.
6. Germatskaya E.I. Psychological Aspects of Professionally Important Qualities of Firefighters-Rescuers. Bulletin of the University of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Belarus. 2020. Vol. 4. No. 1. pp. 96–105.
7. Ilyin E.P. Psychology of Will. St. Petersburg: Piter, 2009. 368 p.
8. Kotovskaya S.V. Features of the Manifestation of Professional Personality Deformations in Extreme Situation Specialists at Different Stages of Their Professional Development. Human Capital. 2021. No. 7 (151). P. 140 – 149.
9. Kitaev-Smyk L.A. Psychology of Stress. Moscow: Nauka, 1983. 368 p.
10. Kotik M.A. Psychology and Safety. Tallinn: Valgus, 1981. 408 p.
11. Odintsova M.A. Psychology of Stress: Textbook and Workshop for Universities. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2025. 269 p.
12. Lazarus R.S. Psychology of Emotions. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2017. 328 p.
13. Leontiev D.A. Quality of Life and Well-Being: Objective, Subjective, and Subjective Aspects. Psychological Journal. 2020. Vol. 41. No. 6. P. 86 – 95.
14. Rasskazova E.I. Quality of life as an interdisciplinary problem: theoretical approaches and diagnostics of quality of life in psychology, sociology and medicine. Theoretical and experimental psychology. 2012. No. 2. P. 59 – 71.
15. Rasskazova E.I., Neyaskina Yu.Yu., Leontiev D.A., Shiryaeva O.S. Diagnostics of quality of life in psychotherapy: approbation of the Russian-language version of M. Frisch’s methodology. Counseling psychology and psychotherapy. 2019. Vol. 27. No. 1. pp. 8 – 29.
16. Sarychev S.V., Chernyshev A.S. Experimental study of joint activities and group behavior in various social conditions. Theoretical and experimental psychology. 2010. No. 3 (1). P. 49 – 63.

Информация об авторах

Хрипунова С.В., кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, domsvh@mail.ru
Орлова Т.А., Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, ambdedova@gmail.com

© Хрипунова С.В., Орлова Т.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9.07:613.2
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-258-265

[1] Зедиярова А.В.,
[1] Кожевникова О.В.,
[1] Удмуртский государственный университет

Роль осознанности в изменении антропометрических показателей и субъективной оценки внешности у участниц программ психологической коррекции веса

Аннотация: введение: в статье представлены результаты эмпирического исследования эффективности программы психологической коррекции веса с акцентом на роль осознанной саморегуляции в динамике антропометрических показателей и субъективной оценки внешности у женщин.

Распространённость ожирения и неудовлетворённости внешностью в современном обществе тесно связана со стрессом и дисфункциональными стратегиями совладания, включая психогенное переедание. Существующие коммерческие подходы к снижению веса зачастую не учитывают психологические детерминанты пищевого поведения, из-за чего устойчивые результаты достигаются редко. Актуальным становится разработка мультидисциплинарных программ, интегрирующих нутрициологические рекомендации и техники развития осознанной саморегуляции.

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие 88 женщин, распределённых в экспериментальную и контрольную группы. Применялись: пятифакторный опросник осознанности; шкала осознанности и внимательности; опросник «Стиль саморегуляции поведения»; методика исследования самоуправления; опросник «Оценочно-содержательная интерпретация внешнего облика»; авторская анкета. Эффективность оценивалась через коэффициент снижения веса/объёма и динамику психологических показателей. Программа в экспериментальной группе включала индивидуальный коучинг, геймификацию и рефлексивные практики; контрольная группа проходила базовую программу без персональных консультаций. Статистическая обработка выполнена с применением U-критерия Манна-Уитни и Т-критерия Вилкоксона.

Результаты исследования. В экспериментальной группе коэффициенты снижения веса и объёмов превысили показатели контрольной группы в 1,5-2,5 раза. Выявлены значимые сдвиги по шкалам осознанности и саморегуляции, а также по параметрам эмоциональной регуляции и рефлексии. В экспериментальной группе зафиксированы выраженные улучшения субъективной оценки внешности. В контрольной группе значимые изменения отмечены лишь по шкалам «Планирование» и «Самомотивация», а позитивные сдвиги в оценке внешности были менее выраженными.

Выводы. Программа с индивидуальным сопровождением способствовала не только более выраженному снижению веса, но и трансформации образа «Я», развитию навыков эмоциональной саморегуляции и рефлексии. В контрольной группе прогресс был ограничен преимущественно организационными аспектами саморегуляции.

Ключевые слова: психологическая коррекция веса, осознанная саморегуляция, осознанность, самоконтроль, коучинг, субъективная оценка внешности, программа осознанного похудения, антропометрические показатели

Для цитирования: Зедиярова А.В., Кожевникова О.В. Роль осознанности в изменении антропометрических показателей и субъективной оценки внешности у участниц программ психологической коррекции веса // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 258 – 265. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-258-265

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Zediyarova A.V.,
[1] Kozhevnikova O.V.,
[1] Udmurt State University

The role of mindfulness in changing anthropometric measures and subjective appearance assessment among female participants of weight management programs

Abstract: introduction: the paper presents the results of an empirical study on the effectiveness of a psychological weight management program, with a focus on the role of mindful self-regulation in the dynamics of anthropometric measures and subjective appearance assessment among women.

The prevalence of obesity and body dissatisfaction in modern society is closely linked to stress and dysfunctional coping strategies, including psychogenic overeating. Existing commercial weight loss approaches often fail to account for the psychological determinants of eating behaviour, which is why sustainable outcomes are rarely achieved. There is a growing need to develop multidisciplinary programs that integrate nutritional recommendations with techniques for fostering mindful self-regulation.

Materials and Methods. The study involved 88 women divided into an experimental group and a control group. The following instruments were used: the Five-Facet Mindfulness Questionnaire; the Mindful Attention Awareness Scale; the Behavioural Self-Regulation Style Questionnaire; the Self-Management Assessment Method; the Evaluative and Content Interpretation of Appearance Questionnaire; and a custom-designed questionnaire. Effectiveness was assessed using the weight/volume reduction coefficient and the dynamics of psychological indicators. The program for the experimental group included individual coaching, gamification, and reflective practices; the control group followed a basic program without personalized consultations. Statistical analysis was performed using the Mann-Whitney U-test and the Wilcoxon T-test.

Results. In the experimental group, the weight and volume reduction coefficients exceeded those of the control group by a factor of 1.5-2.5. Significant shifts were observed in the mindfulness and self-regulation scales, as well as in indicators of emotional regulation and reflection. The experimental group also demonstrated pronounced improvements in subjective appearance assessment. In the control group, significant changes were noted only for the Planning and Self-Motivation scales, and the positive shifts in appearance assessment were less pronounced.

Conclusions. The program with individual support not only led to more substantial weight reduction but also contributed to the transformation of the self-image and to the development of emotional self-regulation and reflection skills. In the control group, progress was largely limited to organizational aspects of self-regulation.

Keywords: psychological weight management, mindful self-regulation, mindfulness, self-control, coaching, subjective appearance assessment, mindful weight loss program, anthropometric measures

For citation: Zediyarova A.V., Kozhevnikova O.V. The role of mindfulness in changing anthropometric measures and subjective appearance assessment among female participants of weight management programs. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 258 – 265. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-258-265

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Современное общество, и в особенности медиасфера, всё активнее навязывает нереалистичные стандарты красоты – в наибольшей степени это затрагивает женщин. Результатом становится недовольство собой и своей внешностью, нарастание стрессовой нагрузки и снижение качества жизни. Среди распространённых способов совладания со стрессом у россиянок – умеренная физическая активность (преимущественно прогулки), общение с близкими и употребление вкусной еды. Последняя опция, в свою очередь, практически всегда становится элементом своеобразного замкнутого круга: рост внешнего давления – пищевая компенсация стрессовой нагрузки – психогенное переедание – появление лишнего веса – неудовлетворённость собственной внешностью – усиление стресса.

Согласно статистике, масштабы ожирения в мире нарастают и тесно связаны с описанными механизмами стресса и пищевого поведения. Прогнозируется, что к 2050 году свыше 60 % взрослого населения пла-

неты будут страдать от заболеваний, обусловленных избыточным весом [9]. Такая ситуация способна либо углублять эмоциональные проблемы вплоть до развития депрессии, либо побуждать к радикальным попыткам коррекции веса. Отсюда – бурное развитие многомиллиардного рынка услуг и товаров для похудения: женщины инвестируют значительные ресурсы в курсы, детокс-программы, БАДы, косметологические и хирургические процедуры, однако нередко не достигают устойчивых результатов. Согласно ВОЗ, при самостоятельных попытках снижения веса на фоне психологических трудностей удержать результат удаётся лишь 5 % людей. Это обусловлено спецификой расстройств пищевого поведения, где центральное место занимает дефицит навыков регуляции негативных эмоций, вызванных внешними стрессорами либо внутренними конфликтами. Исследования фиксируют, что около 80 % лиц с такими нарушениями имеют ожирение, которое в данном контексте выступает формой соматизации: подавленные эмоциональные травмы и неразрешённые противоречия реализуются через физиологические изменения [10].

Таким образом, коррекция избыточного веса представляет собой не только медицинскую, но и психологическую задачу, требующую мультидисциплинарного подхода: сочетания индивидуальной и групповой психотерапии, развития навыков эмоциональной саморегуляции, а также проработки глубинных причин сложившегося пищевого поведения. Зарубежные исследования демонстрируют повышенную эффективность программ, включающих техники повышения осознанности: они обеспечивают более выраженное и устойчивое снижение веса – на 50 % больше потерянных килограммов, а желаемый вес сохраняется на три месяца дольше по сравнению с альтернативными подходами [8]. Разработка научно обоснованных программ психологической поддержки позволит женщинам не только корректировать вес и внешность, но и выстраивать здоровые отношения с пищей, достигая внутренней гармонии. Комплексный анализ проблемы даст возможность сформировать более результативные терапевтические стратегии, ориентированные на трансформацию деструктивных установок и восприятия собственного тела.

Материалы и методы исследований

Целью исследования стало изучение роли осознанной саморегуляции в изменении антропометрических показателей и повышении субъективной оценки внешности участниц программ психологической коррекции веса. Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что программа психологической коррекции веса, включающая помимо специализированного контента коучинговые техники, ориентированные на приобретение навыков осознанной саморегуляции, будет более эффективна как в объективном (снижение веса), так и в субъективном (повышение удовлетворенности собственной внешностью) плане. Для сбора эмпирических данных применялось шесть методик: пятифакторный опросник осознанности (автор: R. Baer, в адаптации Н.М. Юмартовой и Н.В. Гришиной) [7]; шкала оценки осознанности и внимательности (авторы: K.W. Brown, R. Ryan, в адаптации А.М. Голубева и Е.А. Дорошевой) [1]; опросник «Стиль саморегуляции поведения» (авторы: В.И. Моросанова, Н.Г. Кондратюк) [6]; методика исследования самоуправления (авторы: Ю. Куль, А. Фурман, в адаптации О.В. Митиной, Е.И. Рассказовой) [5]; опросник «Оценочно-содержательная интерпретация внешнего облика» (автор: В.А. Лабунская) [4]; авторская анкета для участниц программ психологической коррекции веса. В исследовании в исследовании на добровольной основе приняли участие 88 женщин в возрасте от 22 до 69 лет (средний возраст 43,13, стандартное отклонение – 9,97). В экспериментальной группе (далее – ЭГ), проходившей программу с индивидуальным сопровождением, была 51 участница, в контрольной группе (без персонализированной поддержки, далее – КГ) было 37 участниц.

Было разработано и реализовано две версии программы психологической коррекции лишнего веса. Первая была реализована в экспериментальной группе (ЭГ), вторая – в контрольной (КГ) [2].

1. ***Программа с индивидуальным сопровождением*** реализуется в три этапа: подготовительный, основной и завершающий. На подготовительном этапе участники заполняют анкеты, раскрывающие особенности их образа жизни, состояния здоровья и пищевых привычек, а также проходят первичную антропометрическую оценку (вес, объёмы груди, талии, живота, бёдер) и психологическую диагностику уровня осознанности. На базе собранных данных для каждой участницы формируется персональный гайд с рекомендациями по питанию и меню с учётом КБЖУ. Основной этап длится четыре недели и сочетает групповые и индивидуальные форматы работы. Участницы получают доступ к материалам в общем чате: сбалансированному рациону с рецептами, аудиолекциям по нутрициологии, комплексу упражнений на Rutube, рекомендациям по формированию продуктовой корзины, а также к ежедневной поддержке наставника. В рамках этапа проводятся четыре онлайн-встречи: первая посвящена правилам программы, меню и ведению дневников питания; последующие – коучинговым техникам («Кто ты сейчас», «Колесо стройности», «Линия времени», «Эго-состояния»). Дополнительно предусмотрены четыре индивидуальные консультации с применением

сказкотерапии, техники «Две части», системного семейного подхода и метода «Схемы мышления». Программа включает геймификацию: участницы выбирают двух персонажей («текущую» и «желаемую» версии себя) и формируют набор из пяти полезных привычек, за выполнение которых начисляются баллы. Для учёта прогресса используется трекер привычек. Ежедневно (кроме выходных) участницы фиксируют баллы, ведут дневник питания, отвечают на рефлексивные вопросы («Почему у меня получится?», «Я сегодня молодец, потому что…») и отмечают привлекательные черты своей внешности – отчёты направляются наставнику. Завершающий этап предусматривает сбор обратной связи с помощью анкет (оценка удовлетворённости результатами и теоретическими материалами по 10-балльной шкале) и повторные замеры антропометрических и психологических показателей для оценки динамики.

2. Базовая ***программа без индивидуального сопровождения*** также структурирована по трём блокам. На подготовительном этапе выполняются те же диагностические процедуры (анкетирование, антропометрия, оценка осознанности). Основной блок (четыре недели) предоставляет участницам доступ к тем же материалам (рацион, лекции, упражнения, рекомендации) и ежедневной поддержке в чате, но без персональных консультаций и углублённых коучинговых техник. Завершающий этап идентичен программе с сопровождением: анкетирование и контрольные замеры, а именно: антропометрические показатели / физические параметры (вес, объем груди, объем талии, объем живота, объем бедер); психологические характеристики, ассоциирующие с осознанностью.

Результаты и обсуждения

Для оценки эффективности программы снижения веса использовался коэффициент снижения веса, который рассчитывали следующим образом:

Коэффициент снижения веса / объема = 1 – антропометрический показатель «после» / антропометрический показатель «до»

(отражает долю (процент) снижения веса / уменьшения объема относительно исходного) [3].

Первый замер по всем изучаемым показателям (объективные замеры, анкетирование, комплекс психодиагностических методик) осуществлялся в самом начале реализации обеих версий программы психологической коррекции веса. Все имеющиеся данные были проанализированы с применением U-критерия Манна-Уитни. Установлено, что в начале реализации программы участницы двух групп незначительно различались лишь по трем физическим параметрам: представительницы экспериментальной группы были чуть моложе (средний возраст по всей выборке – 43,13 лет; ЭГ – 40,43; КГ – 46,86; U-критерий = 633,00, p=0,009), чуть больше весили (средний вес по всей выборке – 81,5 кг; ЭГ – 85,65; КГ – 75,76; U-критерий = 697,00, p=0,037) и имели больший обхват бёдер (средний результат по всей выборке – 109,5 см; ЭГ – 111,91; КГ – 106,20; U-критерий = 649,50, p=0,013). Помимо этого, они в меньшей степени оценивали близость к своей цели (желаемый вес в обеих группах – 63 кг; степень близости от 1 до 10: ЭГ – 2,08; КГ – 3,54; U-критерий = 420,0, p=0,002). Значимых различий по изучаемым психологическим характеристикам не обнаружено. Таким образом, в начале прохождения двух версий программы экспериментальная и контрольная группа практически не различались.

Аналогичным образом были проанализированы данные, полученные во ***втором замере***. В табл. 1 приводятся показатели, по которым были выявлены значимые различия на основании анализа с применением U-критерия Манна-Уитни.

Полученные данные наглядно демонстрируют, что в экспериментальной группе коэффициенты снижения веса / объемов от 1,5 до 2,5 раз превышают соответствующие коэффициенты в контрольной группе. Участницы, проходившие программу с индивидуальным сопровождением, в большей степени удовлетворены как ею, так и полученными результатами, демонстрируют более высокую степень уверенности в достижении результата, так как задача потери веса кажется им менее сложной, а в сознании имеется более четкий образ желаемого результата. Помимо этого, появляются значимые различия по четырем психологическим характеристикам, отсутствовавшие ранее: в экспериментальной группе наблюдается более высокий уровень осознанности, сочетающийся с навыком наблюдения, и более высокая самооценка лица. В контрольной группе в большей степени выражен стиль саморегуляции, ориентированный на программирование результатов. Значимых различий по изучаемым психологическим характеристикам не обнаружено. Таким образом, в начале прохождения двух версий программы экспериментальная и контрольная группа практически не различались.

Аналогичным образом были проанализированы данные, полученные во ***втором замере***. В табл. 1 приводятся показатели, по которым были выявлены значимые различия на основании анализа с применением U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 1

Результаты анализа значимых различий по изучаемым показателям в экспериментальной и контрольной группах после реализации программы.

Table 1

Results of the analysis of significant differences in the studied indicators in the experimental and control groups after the implementation of the program.

Показатели	Средние значения		U	p
	ЭГ (n=51)	КГ (n=37)		
Объективные антропометрические показатели				
Коэффициент: вес	0,04	0,02	455,00	0,001
Коэффициент: грудь	0,04	0,02	359,50	0,001
Коэффициент: талия	0,05	0,02	391,50	0,001
Коэффициент: живот	0,05	0,03	475,50	0,001
Коэффициент: бедра	0,03	0,02	544,50	0,001
Субъективная оценка результатов программы				
Степень удовлетворенности пройденной программой	9,61	8,46	492,00	0,007
Степень уверенности в достижении результата	9,24	7,70	405,00	0,001
Удовлетворенность результатом после работы в мини группе	8,95	7,46	491,50	0,016
Самооценка наличия идеального образа тела	9,37	7,78	437,00	0,002
Степень легкости достижения стройности	7,71	5,65	357,00	0,000
Компоненты осознанной саморегуляции				
Осознанность	61,37	55,57	666,50	0,019
Навык наблюдения	29,33	26,92	704,50	0,043
Программирование	5,25	5,97	680,00	0,024
Субъективная оценка внешности				
Оценка лица	47,25	42,51	587,00	0,003

Приведенные данные наглядно демонстрируют, что в экспериментальной группе коэффициенты снижения веса / объемов от 1,5 до 2,5 раз превышают соответствующие коэффициенты в контрольной группе. Участницы, проходившие программу с индивидуальным сопровождением, в большей степени удовлетворены как ею, так и полученными результатами, демонстрируют более высокую степень уверенности в достижении результата, так как задача потери веса кажется им менее сложной, а в сознании имеется более четкий образ желаемого результата. Помимо этого, появляются значимые различия по четырем психологическим характеристикам, отсутствовавшие ранее: в экспериментальной группе наблюдается более высокий уровень осознанности, сочетающийся с навыком наблюдения, и более высокая самооценка лица. В контрольной группе в большей степени выражен стиль саморегуляции, ориентированный на программирование результатов.

Для более детального анализа были проанализированы значимые сдвиги по изучаемым показателям в экспериментальной и контрольной группах с помощью Т-критерия Вилкоксона. Анализ данных, полученных в экспериментальной группе, выявил статистически значимые сдвиги по шкалам «Осознанность» и «Умение действовать с осознанностью» (p=0,001), что подтверждает эффективность программы психологической коррекции веса, ориентированной на развитие осознанного отношения к пищевому поведению. Высокие показатели по данным шкалам ассоциировались с уменьшением автоматизированных действий, своевременным реагированием на физиологические сигналы голода и насыщения, а также с повышенной концентрацией на текущем моменте деятельности. Отмечены также позитивные изменения по шкалам «Навык наблюдения» и «Навык описания опыта» (p=0,002), свидетельствующие о росте способности участниц концентрироваться на собственных ощущениях, мыслях и переживаниях, а также вербализовать их. По шкалам «Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту» и «Нереагирующее отношение к своему опыту» (p = 0,009 и p = 0,017 соответственно) выявлены позитивные сдвиги в самооценке: участницы стали меньше критиковать себя, научились принимать собственные эмоции и реже прибегали к самоосуждению. Рост осознанности оказался тесно связан с заметными улучшениями в сфере саморегуляции:

по шкалам «Общая саморегуляция» (p = 0,001), «Самоопределение» (p = 0,001), «Самомотивация» (p = 0,001) и «Саморелаксация» (p = 0,001). У женщин сформировалось соответствие целей собственным ценностям, укрепились умения поддерживать позитивный настрой, оказывать себе эмоциональную поддержку и управлять всплесками эмоций – всё перечисленное позволяет обрести внутреннюю гармонию и эффективнее контролировать свои действия.

Укрепление навыков саморегуляции также сопровождалось прогрессом по параметрам «Когнитивный самоконтроль» (p = 0,001) и «Общий самоконтроль» (p = 0,036): участницы научились чётче ставить цели, выстраивать план действий, просчитывать возможные последствия и грамотно организовывать свою деятельность. Благодаря этому будет снижаться уровень стресса, а достижение поставленных задач станет более реалистичным. В процессе программы отмечены значимые изменения и по шкалам «Ориентация на действие после неудач» (p = 0,000), «Конгруэнтность собственным чувствам» (p = 0,010), «Интеграция противоречий» (p = 0,029) и «Общая чувствительность к себе» (p = 0,001). Эти результаты указывают на развитие осознанного подхода к управлению поведением: женщины быстрее приходили в себя после неудач, лучше распознавали и регулировали эмоции, умели примирять противоречивые мысли и ощущения – в результате их поступки стали более осмысленными и последовательными.

По завершении программы зафиксированы выраженные позитивные изменения в субъективной оценке внешности: по шкалам «Оценка лица» (p = 0,001), «Оценка тела» (p = 0,001), «Оценка внешнего облика» (p = 0,001), «Оценка поведения» (p = 0,001) и «Отношение к себе» (p = 0,001). Участницы начали выше ценить привлекательность, ухоженность и выразительность своего облика, отмечали позитивные перемены в восприятии собственных жестов, мимики и походки. Перечисленное может свидетельствовать о формировании более благоприятного образа «Я».

Анализ результатов контрольной группы показал заметно меньшее количество статистически значимых изменений по изучаемым параметрам. В частности, достоверные сдвиги наблюдались по шкалам «Планирование» (p = 0,034) и «Самомотивация» (p = 0,016), что характеризует особенности осознанной саморегуляции при прохождении программы коррекции веса без индивидуального сопровождения. Участницы, занимавшиеся самостоятельно, вынуждены были активнее задействовать механизмы самоорганизации: скрупулёзнее планировать шаги, сохранять позитивный настрой и самостоятельно стимулировать себя к выполнению заданий. Это послужило толчком к развитию базовых навыков саморегуляции. При этом зафиксированы и некоторые позитивные изменения – хотя они оказались менее выраженными относительно экспериментальной группы – по показателям субъективной оценки внешности: «Оценка тела» (p = 0,020), «Оценка внешнего облика» (p = 0,018) и «Отношение к себе» (p = 0,001). Женщины из контрольной группы стали выше оценивать свою внешнюю привлекательность – в том числе стиль одежды, причёску, макияж и аксессуары, – а также улучшили отношение к параметрам своего тела (весу, пропорциям и т. д.).

Выводы

Установлено, что программа психологической коррекции веса с включением коучинговых техник, направленных на формирование навыков осознанной саморегуляции (наряду со специализированным контентом), демонстрирует более высокую эффективность – как в объективном плане (снижение веса и объёмов), так и в субъективном (повышение удовлетворённости собственной внешностью). В экспериментальной группе коэффициенты снижения веса и объёмов превышают аналогичные показатели контрольной группы в 1,5-2,5 раза. Участницы, проходившие программу с индивидуальным сопровождением, выражают более высокую удовлетворённость как самой программой, так и достигнутыми результатами. Они демонстрируют повышенную уверенность в достижении целей: задача потери веса воспринимается ими как менее сложная, а образ желаемого результата оказывается более чётким. В экспериментальной группе эффективнее формируются навыки осознанной саморегуляции: в ходе программы отмечается рост способности действовать осознанно, улучшается когнитивный самоконтроль, повышается конгруэнтность собственным чувствам и другие показатели. Параллельно у участниц растёт субъективная оценка собственной внешности – как параметров тела, так и общего внешнего облика. В контрольной группе значимые сдвиги зафиксированы в меньшем числе показателей, а их выраженность оказалась существенно ниже.

Логическим продолжением исследования является изучение факторов, способствующих повышению приверженности участниц поставленным целям. Это позволит предотвратить ситуацию, когда рост удовлетворённости внешностью на начальном этапе программы снижает мотивацию к дальнейшей работе, и поможет закрепить достигнутые результаты, чтобы продолжить формирование устойчивых полезных привычек. Более детальное описание разработанной программы осознанного похудения можно найти на сайте https://stroynaya.online/

Список источников

1. Голубев А.М., Дорошева Е.А. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 46 – 68.
2. Зедиярова А. В. Когнитивная саморегуляция как фактор субъективной оценки внешности участниц программ психологической коррекции веса // Прогрессивная инновация и/или фундаментальная традиционность в образовании и социокультурных практиках: сборник тезисов международной научно-практической конференции (Ижевск, 29 октября – 1 ноября 2024 года). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. С. 188 – 189.
3. Зедиярова А.В. Промежуточные результаты апробации программы психологической коррекции веса // LII итоговая студенческая научная конференция Удмуртского государственного университета: материалы всероссийской конференции (Ижевск, 23-25 апреля 2024 года). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. С. 473 – 475.
4. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: ООО «Феникс», 2009. 352 с.
5. Митина О.В., Рассказова Е.И. Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психологический журнал. 2019. № 2. С. 111 – 127.
6. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155 – 167.
7. Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. № 4. С. 105 – 115.
8. Elfhag K., Rössner S. Who succeeds in maintaining weight loss? A conceptual review of factors associated with weight loss maintenance and weight regain // Obesity Reviews. 2005. Vol. 6. № 1. P. 67 – 85. DOI: 10.1111/j.1467-789X.2005.00170.x.
9. Ng M., Gakidou E., Lo J. et al. Global, regional, and national prevalence of adult overweight and obesity, 1990-2021, with forecasts to 2050: a forecasting study for the Global Burden of Disease Study 2021 // The Lancet. 2025. Vol. 405. P. 813 – 838.
10. WHO Regional Office for Europe. WHO European Regional Obesity Report 2022. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2022. 206 p. ISBN 978-92-890-5773-8

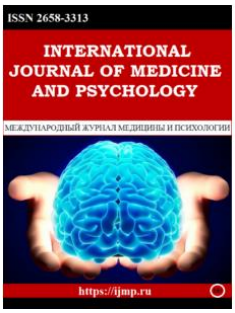
References

1. Golubev A.M., Dorosheva E.A. Features of using the Russian-language version of the five-factor mindfulness questionnaire. Siberian Psychological Journal. 2018. No. 69. P. 46 – 68.
2. Zediyarova A.V. Cognitive self-regulation as a factor in subjective assessment of the appearance of participants in psychological weight correction programs. Progressive innovation and/or fundamental traditionalism in education and socio-cultural practices: collection of abstracts of the international scientific and practical conference (Izhevsk, October 29 – November 1, 2024). Izhevsk: Udmurt State University, 2024. P. 188 – 189.
3. Zediyarova A.V. Interim results of testing a psychological weight correction program. LII final student scientific conference of Udmurt State University: materials of the all-Russian conference (Izhevsk, April 23-25, 2024). Izhevsk: Udmurt State University, 2024. P. 473 – 475.
4. Labunskaya V.A. Not the language of the body, but the language of the soul! Psychology of non-verbal expression of personality. Rostov-on-Don: Phoenix LLC, 2009. 352 p.
5. Mitina O.V., Rasskazova E.I. Self-government research methodology of Yu. Kul and A. Furman: psychometric characteristics of the Russian-language version. Psychological Journal. 2019. No. 2. P. 111 – 127.
6. Morosanova V.I., Kondratyuk N.G. V.I. Morosanova's Questionnaire "Style of Self-Regulation of Behavior – 2020 SSMB". Voprosy Psychologii. 2020. No. 4. P. 155 – 167.
7. Yumartova N.M., Grishina N.V. Mindfulness: Psychological Characteristics and Adaptation of Measurement Instruments. Psychological Journal. 2016. No. 4. P. 105 – 115.
8. Elfhag K., Rössner S. Who succeeds in maintaining weight loss? A conceptual review of factors associated with weight loss maintenance and weight regain. Obesity Reviews. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 67 – 85. DOI: 10.1111/j.1467-789X.2005.00170.x.
9. Ng M., Gakidou E., Lo J. et al. Global, regional, and national prevalence of adult overweight and obesity, 1990-2021, with forecasts to 2050: a forecasting study for the Global Burden of Disease Study 2021. The Lancet. 2025. Vol. 405. P. 813 – 838.
10. WHO Regional Office for Europe. WHO European Regional Obesity Report 2022. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2022. 206 p. ISBN 978-92-890-5773-8

Информация об авторах

Зедиярова А.В., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3162-1814, Удмуртский государственный университет; частнопрактикующий психолог, zedanna79@mail.ru
Кожевникова О.В., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1995-3886; Scopus Author ID: 57204542539, Researcher ID: AAJ-6521-2021, SPIN-код: 9032-7584, Author ID: 231704, Удмуртский государственный университет, oksana-kozhevnikova@.ru

© Зедиярова А.В., Кожевникова О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.922.64
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-266-271

[1] Адамиди О.В.,
[1] Московский психолого-социальный университет

Дисфункциональные родительские убеждения в структуре детско-родительских отношений

Аннотация: в статье представлен теоретико-аналитический обзор проблемы дисфункциональных убеждений родителей как значимого фактора нарушений детско-родительских отношений. Рассматриваются современные отечественные и зарубежные научные подходы к изучению когнитивного компонента родительства, включая культурно-историческую, системную и когнитивно-поведенческую доктрины. Особое внимание уделяется анализу роли родительских убеждений в интерпретации поведения ребенка, формировании эмоциональных реакций родителей и выборе устойчивых стратегий воспитательного взаимодействия. Показано, что ригидные, иррациональные и не соответствующие возрастным возможностям ребенка убеждения родителей способствуют эскалации конфликтов, эмоциональному отчуждению и нарушению адаптивного характера детско-родительских отношений. Анализируются данные эмпирических исследований, подтверждающих связь дисфункциональных убеждений родителей с субъективным восприятием конфликтности взаимодействия, эмоциональным выгоранием родителей и снижением качества семейного функционирования. Делается вывод о необходимости включения работы с когнитивными установками родителей в программы психологической помощи и профилактики нарушений детско-родительских отношений.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, родительские убеждения, дисфункциональные убеждения, когнитивный компонент родительства, воспитательные установки, иррациональные установки, эмоциональное выгорание родителей, семейная дисфункция, психологическое развитие ребенка

Для цитирования: Адамиди О.В. Дисфункциональные родительские убеждения в структуре детско-родительских отношений // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 266 – 271. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-266-271

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Adamidi O.V.,
[1] Moscow Psychological and Social University

Dysfunctional parental beliefs in the structure of child-parent relations

Abstract: the article presents a theoretical and analytical review of dysfunctional parental beliefs as a significant factor in disturbances of parent–child relationships. Contemporary Russian and international scientific approaches to the study of the cognitive component of parenthood are examined, including cultural-historical, systemic, and cognitive-behavioral frameworks. Particular attention is paid to the analysis of the role of parental beliefs in the interpretation of child behavior, the formation of parents' emotional responses, and the selection of stable parenting interaction strategies. It is demonstrated that rigid, irrational parental beliefs that do not correspond to the child's age-related capacities contribute to the escalation of conflicts, emotional alienation, and the disruption of the adaptive nature of parent–child relationships. Empirical research findings confirming the association between dysfunctional parental beliefs, subjective perceptions of interactional conflict, parental emotional burnout, and

decreased quality of family functioning are analyzed. The article concludes that addressing parents' cognitive beliefs should be an essential component of psychological intervention and prevention programs aimed at improving parent-child relationships.

Keywords: parent-child relationships, parental beliefs, dysfunctional beliefs, cognitive component of parenthood, parenting attitudes, irrational beliefs, parental emotional burnout, family dysfunction, child psychological development

For citation: Adamidi O.V. Dysfunctional parental beliefs in the structure of child-parent relations. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 266 – 271. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-266-271

The article was submitted: July 18, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В рамках современной психологической науки проблема детско-родительских отношений рассматривается как многоуровневая система, включающая эмоциональные, поведенческие, ценностные и когнитивные компоненты. Если ранние исследования были сосредоточены преимущественно на стилях воспитания и поведенческих паттернах родителей, то в последние десятилетия фокус смещается в сторону анализа когнитивных оснований родительства – убеждений, установок и представлений родителей о ребенке, его развитии и собственной родительской роли. Данный поворот связан с осознанием того, что именно когнитивные структуры определяют устойчивость воспитательных стратегий и объясняют, почему одни и те же рекомендации оказываются неэффективными без изменения родительского мышления [1].

В отечественной и зарубежной психологии родительские убеждения рассматриваются как специфическая форма социальных и личностных когниций, формирующихся на пересечении индивидуального опыта, межпоколенческих семейных сценариев и культурных норм. По мнению некоторых авторов, родительские убеждения способствуют формированию когнитивного компонента семейной среды, который в свою очередь оказывает влияние не только на когнитивное, но и социальное и эмоциональное развитие ребенка. При этом, родительские убеждения нельзя считать нейтральными, так как именно они создают ту методологическую основу, в рамках которой родитель анализирует поведение ребенка, и на основе данного анализа выбирает те или иные способы взаимодействия [2]. Таким образом, можно согласиться с мнением авторов, что родительские убеждения являются активным регулятором отношений между ребенком и родителе, а не просто фоном воспитания.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили принципы системного, культурно-исторического и когнитивно-поведенческого подходов в психологии. В работе применялся комплекс общенаучных методов познания: теоретический анализ, систематизация, сравнительный анализ и обобщение данных отечественной и зарубежной психологической литературы по проблеме когнитивных оснований родительства.

В качестве основных теоретических ориентиров выступили:

- когнитивная теория личности и рационально-эмоционально-поведенческая терапия (А. Эллис), позволяющая рассмотреть родительские реакции как следствие когнитивной интерпретации событий;
- культурно-историческая концепция развития (Л.С. Выготский и его последователи), дающая основание изучать родительские убеждения как источник смыслов, интериоризируемых ребенком;
- системная семейная психология, рассматривающая дисфункциональные когниции как элемент поддержания гомеостаза семейной системы.

Анализ научной литературы проводился с акцентом на выявление механизмов влияния родительских когнитивных искажений на эмоциональное состояние взрослых и социально-эмоциональное развитие детей, а также на изучение феномена трансгенерационной передачи деструктивных установок.

Результаты и обсуждения

В отечественной научной литературе вопрос дисфункциональных родительских убеждений взаимосвязан с изучением воспитательных установок и родительских отношений. По мнению О.В. Коваль, воспитательные установки родителей имеют прямую взаимосвязь с восприятием ими конфликтности детско-родительских отношений. При этом, по мнению автора, конфликтность, в большинстве случаев, определяется когнитивной интерпретацией поведения ребенка, а не является объективной характеристикой взаимо-

действия. При этом, родители, которые ориентированы на жесткий контроль и нормативные ожидания, зачастую расценивают возрастные формы автономии и детского сопротивления как неуважение к родителю или как нарушение дисциплины, что в свою очередь приводит к усилению субъективного переживания конфликта [3].

Продолжая анализ роли дисфункциональных убеждений родителей в формировании нарушений детско-родительских отношений, необходимо обратиться к более широкому теоретическому контексту, в рамках которого данные убеждения приобретают системное значение. В культурно-исторической парадигме развитие ребенка рассматривается как процесс интериоризации социальных отношений, где взрослый выступает носителем норм, смыслов и способов интерпретации реальности. В этом смысле родительские убеждения становятся не только регулятором поведения самого взрослого, но и источником тех смыслов, которые ребенок усваивает в процессе общения [4]. Если убеждения родителей носят дисфункциональный характер, они трансформируются в устойчивые формы взаимодействия, внутри которых ребенок вынужден адаптироваться к искаженной системе ожиданий и оценок.

С позиции культурно-исторического подхода можно утверждать, что дисфункциональные убеждения родителей создают особую зону социального развития, в которой эмоциональная поддержка и принятие подменяются контролем, оцениванием или обесцениванием. В таких условиях ребенок усваивает не только конкретные правила поведения, но и более глубокие представления о себе как о «проблемном», «недостаточно хорошем» или «опасном для других» субъекте, что в конечном итоге, сказывается на формировании самооценки и образа «Я» [5].

В семейной психологии дисфункциональные убеждения родителей рассматриваются с точки зрения защитной функции, при которой данные убеждения играют роль стабилизатора, даже если с объективной точки зрения наносят вред не только развитию ребенка, но и качеству самих отношений. В качестве примера можно привести отношения, в которых родитель за счет жесткого контроля снижает собственную тревожность и поддерживает иллюзию об управляемости ситуации, а ребенок усиливает сопротивление, тем самым обостряя конфликт [6]. Все это подтверждает вывод о том, что дисфункциональные убеждения родителей встраиваются в цикл семейного взаимодействия: реакции ребенка, которые родители воспринимают как подтверждение своих негативных ожиданий, лишь укрепляют эти убеждения, замыкая порочный круг.

В отечественной науке родительские отношения рассматривается как сложное образование, включающее в себя три взаимосвязанных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые компоненты взаимодействия родителя и ребенка [7].

Table 1

Key components of parent-child interaction [7].

Компонент	Содержание
Когнитивный	Образ ребенка (понимание индивидуальных особенностей, потребностей, интересов, ценностей). Знания о способах взаимодействия и убеждения в приоритетности направлений общения. Адекватность/неадекватность представлений (инфантилизация, инвалидизация).
Эмоциональный	Оценки и суждения о типах родительского отношения. Доминирующий эмоциональный фон (принятие, близость, любовь или отвержение). Родительские чувства (любовь, забота, симпатия, уважение и др.).
Поведенческий	Формы поддержания контакта (частота общения, эмоциональная близость). Способы контроля и дисциплины (требования, запреты, поощрения, наказания). Стратегия воспитания (доминирование, кооперация, потакание, предоставление автономии).

По мнению ученых, наиболее устойчивым, но в тоже время и наименее осознанным является когнитивный компонент. Этот вывод подтверждается гибкостью воспитательных приемов, так как родитель выбирая их (поощрение, наказание, беседу) как инструменты, учитывает возраст, характер, текущее настроение ребенка и контекст ситуации. При этом, данные приемы могут меняться: если в одной обстановке уместна строгость, то в другой необходимо больше поддержки и объяснения.

А вот убеждения родителей работают иначе. Они создают своего рода внутреннюю «матрицу» - устойчивую систему координат. Именно эта матрица фильтрует весь опыт взаимодействия - родитель не просто

реагирует на поступки ребенка, а сначала «прочитывает» их через призму своих убеждений, интерпретирует, ищет причины и подбирает дальнейшие действия [8].

Таким образом, можно говорить о том, что приемы это инструменты, а убеждения – фильтр восприятия. И этот фильтр довольно стабилен, потому что даже если ребенок в разных ситуациях ведет себя похоже, родитель, опираясь на свои убеждения, может видеть в этих поступках разные мотивы и по-разному на них реагировать. А если убеждения со временем меняются (например, под влиянием опыта, новых знаний или диалога со специалистом), то и интерпретация поступков ребенка, и применяемые приемы тоже могут трансформироваться.

Важное значение в рамках дисфункциональных убеждений родителей приобретает проблема несоответствия ожиданий возрастным возможностям ребенка, поэтому зачастую корень конфликтов лежит не в самом поведении ребенка, а в том, как взрослые к этому поведению относятся, то есть в их ожиданиях [9].

В исследованиях, посвященных проблеме подросткового возраста, подчеркивается, что стремление подростка к автономии нередко интерпретируется родителями как утрата контроля, неуважение или угроза семейным ценностям. В результате усиливаются жесткие формы давления, провоцирующие еще более выраженное сопротивление. Таким образом, дисфункциональные убеждения родителей становятся фактором, которые препятствуют развитию детско-родительских отношений в соответствии с изменяющимися возрастными задачами.

Согласно теории А. Эллиса, эмоциональные и поведенческие реакции человека обусловлены не событиями как таковыми, а их когнитивной интерпретацией. Перенос этих положений в сферу родительства позволяет рассматривать поведение ребенка как «пусковой стимул», тогда как решающую роль в формировании родительской реакции играет система убеждений взрослого. В этом смысле дисфункциональные убеждения родителей становятся ключевым звеном в формировании хронически напряженных, конфликтных или отчужденных детско-родительских отношений [10].

Существенный вклад в понимание данной проблемы вносят исследования, посвященные когнитивным искажениям в практике воспитания. Анализируя феномен «ловушек мышления», ряд авторов подчеркивает, что родители нередко приписывают поведению ребенка устойчивые личностные характеристики или негативные намерения, игнорируя ситуативные и возрастные факторы [11]. Подобные когнитивные искажения способствуют формированию негативного образа ребенка в сознании родителя, что, в свою очередь, снижает уровень принятия и эмпатии. В результате взаимодействие приобретает характер борьбы или контроля, а не сотрудничества и поддержки.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о взаимосвязи дисфункциональных убеждений родителей и их эмоционального состояния. В исследовании Я.С. Сунцовой показано, что эмоциональное выгорание матерей статистически связано с выраженностью иррациональных установок в мышлении. Автор подчеркивает, что такие установки, как завышенные требования к себе и ребенку, непереносимость фрустрации и склонность к катастрофизации, не только способствуют формированию чувства хронической усталости и эмоционального истощения, но и усиливают негативное восприятие детского поведения. Это позволяет рассматривать дисфункциональные убеждения как фактор двойного действия: они одновременно ухудшают психологическое состояние родителей и качество детско-родительских отношений [12].

С точки зрения системного подхода, дисфункциональные убеждения родителей могут рассматриваться как элемент семейного сценария, передающегося межпоколенчески. Установки, усвоенные в родительской семье, часто воспроизводятся без критической рефлексии и становятся частью неосознаваемой «нормы» воспитания. В условиях социальной нестабильности и роста требований к родительству эти убеждения могут усиливаться, приобретая еще более жесткий и тревожный характер. Это особенно заметно в ситуациях, связанных с обучением, дисциплиной и использованием цифровых технологий, где неопределенность усиливает стремление родителей к контролю.

Выводы

Таким образом, анализ научных позиций позволяет утверждать, что дисфункциональные убеждения родителей представляют собой значимый теоретический конструкт, объясняющий механизмы возникновения и закрепления нарушений детско-родительских отношений. Они формируют интерпретационную основу родительского поведения, определяют эмоциональную реактивность взрослых и способствуют воспроизводству деструктивных форм взаимодействия. В отличие от ситуативных ошибок воспитания, дисфункциональные убеждения обладают высокой устойчивостью и требуют целенаправленной психологической работы, направленной на их осознание и трансформацию.

Список источников

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Педагогика, 2008. 464 с.
2. Чиякина Н.Г. Исследование детско-родительских отношений и самоидентификации ребенка по материалам методики «Рисунок семьи» // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 266 – 270.
3. Коваль О.В. Воспитательные установки родителей и их представления о конфликтах с детьми младшего подросткового возраста // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 4. С. 78 – 90.
4. Когур Н.Э. Ловушки мышления: когнитивные искажения в практике воспитания // Интерактивная наука. 2023. № 8 (84). С. 45 – 46.
5. Beck A.T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. New York: International Universities Press, 1976. 356 p.
6. Макарова Е.Ю., Матюшина Л.А. Отношения с родителями как фактор выбора стратегии поведения подростков в конфликтных ситуациях // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 7 (111). С. 63 – 72.
7. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. New York: Lyle Stuart, 1962. 384 p.
8. Руднова Н.А., Корниенко Д.С., Гаврилова М.Н., Шведчикова Ю.С. Родительские убеждения как фактор когнитивного и социально-эмоционального развития ребенка // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2024. № 2. С. 134 – 152.
9. Воронова И.О. Особенности эмоциональной сферы подростков // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 110 – 111.
10. Основы психологии семьи и семейного консультирования: учебник для вузов / Под общей ред. Посысоева Н.Н. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 266 с.
11. Солынин Н.Э., Колгушкина М.В. Теоретические представления о структуре детско-родительских отношений // Молодой ученый. 2021. № 6 (348). С. 313 – 315.
12. Сунцова Я.С. Связь эмоционального выгорания матерей с иррациональными установками в мышлении // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29. № 2. С. 212 – 220.

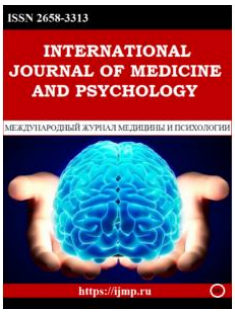
References

1. Bozhovich L.I. Personality and its formation in childhood. Moscow: Pedagogy, 2008. 464 p.
2. Chiyakina N.G. Study of parent-child relationships and child self-identification based on the materials of the "Family Drawing" methodology. Young Scientist. 2023. No. 1 (448). P. 266 – 270.
3. Koval O.V. Parents' educational attitudes and their ideas about conflicts with young adolescents. Psychological Science and Education. 2022. Vol. 27. No. 4. P. 78 – 90.
4. Kogur N.E. Thinking traps: cognitive distortions in educational practice. Interactive Science. 2023. No. 8 (84). P. 45 – 46.
5. Beck A.T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. New York: International Universities Press, 1976. 356 p.
6. Makarova E.Yu., Matyushina L.A. Relationships with parents as a factor in the choice of behavior strategy of adolescents in conflict situations. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. No. 7 (111). P. 63 – 72.
7. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. New York: Lyle Stuart, 1962. 384 p.
8. Rudnova N.A., Kornienko D.S., Gavrilova M.N., Shvedchikova Yu.S. Parental beliefs as a factor in the cognitive and socio-emotional development of the child. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2024. No. 2. P. 134 – 152.
9. Voronova I.O. Features of the emotional sphere of adolescents. Young scientist. 2022. No. 46 (441). P. 110 – 111.
10. Fundamentals of family psychology and family counseling: a textbook for universities. General editor N.N. Posysoev. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2020. 266 p.
11. Solynin N.E., Kolgushkina M.V. Theoretical concepts of the structure of parent-child relationships. Young scientist. 2021. No. 6 (348). P. 313 – 315.
12. Suntsova Ya.S. The Connection between Maternal Emotional Burnout and Irrational Attitudes in Thinking. Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2019. Vol. 29. No. 2. P. 212 – 220.

Информация об авторе

Адамиди О.В., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-1794-6322, Московский психолого-социальный университет

© Адамиди О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 316.62
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-272-276

[1] Яковлева Е.Н.,
[1] Липинская В.А.,
[1] Логинова В.П.,
[1] Филиппенко Я.Е.,
[1] Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета

Психолого-педагогические детерминанты финансового поведения личности

Аннотация: в работе анализируется, как денежные установки и когнитивные искажения влияют на финансовое поведение человека и как это связано с его субъективным благополучием. Автор опирается на зарубежные и российские источники и сводит воедино несколько базовых конструктов поведенческой экономики и психологии денег – денежные сценарии Б. и Т. Клонцев, теорию перспектив Д. Канемана, а также эффект ментального учёта Р. Талера. Эмпирическая часть построена на опросе молодёжи (n = 78, 18-25 лет); использовались Шкала денежных установок (MAS), опросник ценностей Ш. Шварца и Шкала удовлетворённости жизнью (SWLS). Обнаружено, что тип финансовой установки заметно связан с тем, насколько человек доволен жизнью, тревожится ли он из-за денег и склонен ли к импульсивным тратам.

Ключевые слова: финансовые установки, денежные сценарии, когнитивные искажения, поведенческая экономика, субъективное благополучие, финансовое поведение

Для цитирования: Яковлева Е.Н., Липинская В.А., Логинова В.П., Филиппенко Я.Е. Психолого-педагогические детерминанты финансового поведения личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 272 – 276. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-272-276

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Yakovleva E.N.,
[1] Lipinskaya V.A.,
[1] Loginova V.P.,
[1] Filippenko Ya.E.,
[1] Lesosibirsk Pedagogical Institute, a branch of the Siberian Federal University

Psychological and pedagogical determinants of financial behavior of an individual

Abstract: the paper analyzes how money attitudes and cognitive distortions affect a person's financial behavior and how this relates to their subjective well-being. The author draws on both foreign and Russian sources and combines several basic constructs from behavioral economics and the psychology of money, including the money scripts of B. and T. Klotz, the prospect theory of D. Kahneman, and the mental accounting effect of R. Thaler. The empirical part of the study is based on a survey of young people (n = 78, aged 18-25), using the Money Attitude Scale (MAS) and the Schwartz Value Survey. Schwartz and the Satisfaction with Life Scale (SWLS). It has been found that the type of financial attitude is significantly related to how satisfied a person is with life, whether they are anxious about money, and whether they are prone to impulsive spending.

Keywords: financial attitudes, money scenarios, cognitive biases, behavioral economics, subjective well-being, financial behavior

For citation: Yakovleva E.N., Lipinskaya V.A., Loginova V.P., Filippenko Ya.E. Psychological and pedagogical determinants of financial behavior of an individual. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 272 – 276. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-272-276

The article was submitted: July 18, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

То, как человек обращается с деньгами, зависит далеко не только от внешних обстоятельств – заработка, ситуации на рынке труда или доступности кредитов. За финансовыми решениями стоит и внутренняя сторона: убеждения о деньгах, привычки, эмоции, которые они вызывают. Показательно, что рост финансовой грамотности сам по себе далеко не всегда улучшает качество решений. Разрыв между тем, что люди знают, и тем, как они поступают, говорит об одном: одной лишь передачи знаний недостаточно. Чтобы поведение изменилось, приходится работать с более глубокими психологическими механизмами.

За последние двадцать лет в науке оформилось отдельное направление – психология финансового поведения. У его истоков стоят работы Д. Канемана и А. Тверски [6] и Р. Талера [11]; понятийный аппарат для описания иррациональных денежных привычек во многом задали клинические исследования Б. и Т. Клонцев. В российской психологии эта тема пока разработана слабо, и особенно не хватает эмпирических данных, собранных на отечественных выборках.

Цель статьи двоякая: упорядочить психологические факторы, определяющие финансовое поведение, и показать данные пилотного исследования, где проверялась связь между типом денежных установок и благополучием молодёжи. Отсюда три задачи. Первая – разобрать ключевые понятия психологии финансового поведения. Вторая – описать типы деструктивных денежных установок и объяснить, как они складываются. Третья – на выборке студентов проверить, как эти установки связаны с показателями субъективного благополучия.

Материалы и методы исследований

Под финансовой установкой понимают устойчивое сочетание мыслей и чувств, через которое человек относится к деньгам – к тому, копить их, тратить или вкладывать. В такой установке принято выделять три стороны. Когнитивная – это представления о деньгах вообще и о собственных финансовых возможностях. Аффективная – эмоции, которые деньги вызывают: тревога, чувство вины, удовольствие. Поведенческая – привычные способы обращения с деньгами. Такое деление на три компонента повторяет общую структуру социальной установки [3].

Складываются такие установки в основном в детстве и подростковом возрасте, и работают тут три источника. Первый – семья: ребёнок видит, как родители обращаются с деньгами, слышит разговоры о них, замечает реакцию на достаток или нехватку. Второй – культурные нормы, то есть этнические, религиозные и социальные представления о богатстве. Третий – личный эмоциональный опыт, связанный с деньгами. В отличие от финансовых знаний, установки действуют по большей части неосознанно и нередко берут верх над разумными намерениями.

Б. и Т. Клонц ввели понятие «денежных сценариев» (money scripts) – усвоенных при социализации устойчивых убеждений о деньгах. Они описали четыре базовых сценария: избегание денег (money avoidance), поклонение деньгам (money worship), денежный статус (money status) и денежную бдительность (money vigilance). За каждым стоит свой набор предсказуемых финансовых привычек, и по-разному связан он с финансовым благополучием и с уровнем тревоги.

Поведенческая экономика описала целый ряд систематических отступлений от «рациональной» логики – так называемые когнитивные искажения. Применительно к деньгам сильнее всего объясняют поведение три из них.

Неприятие потерь (loss aversion) Д. Канеман и А. Тверски описали в рамках теории перспектив [6]: потеря некоторой суммы субъективно ощущается примерно вдвое сильнее, чем радость от такого же выигрыша. Из-за этой асимметрии люди склонны выбирать чрезмерно осторожные стратегии, отказываться от выгодных, но рискованных вариантов. Сюда же относится «эффект диспозиции» – привычка слишком рано продавать то, что растёт, и цепляться за то, что дешевеет.

Эффект ментального учёта (mental accounting) описал Р. Талер [11]. Суть в том, что человек мысленно раскладывает деньги по субъективным «счетам» – зарплата, премия, выигрыш – и относится к ним по-разному в зависимости от того, откуда, по его ощущению, эти деньги пришли. Например, нежданный бонус

заметно чаще уходит на приятные, необязательные покупки, чем такая же по величине часть обычной зарплаты.

Гиперболическое дисконтирование – это устойчивая переоценка сиюминутной награды в сравнении с отложенной. Именно оно стоит за импульсивными покупками, слабой привычкой откладывать и непродуманным пенсионным планированием. Финансовый стресс усугубляет всё это: постоянная тревога из-за денег отнимает часть когнитивных ресурсов – эффект, который называют «когнитивным налогом бедности».

Опираясь на обзор теории и на данные клинической практики, мы свели воедино типологию деструктивных денежных установок – тех, что вредят и финансовому поведению, и ощущению благополучия.

Установка дефицита («Денег всегда не хватает») держит человека в постоянном ощущении финансовой угрозы независимо от того, сколько он на самом деле зарабатывает. Отсюда лишняя тревога, самоограничения и отказ от вложений. Такую установку связывают с тревожным типом привязанности и с детским опытом нужды [10]. Установка сверхценности денег («Деньги – это счастье и власть») подчиняет заработку буквально всё, а в итоге стабильно соседствует с более низким благополучием, проблемами в семье и выгоранием на работе [5]. Установка безнравственности денег («Богатство аморально») работает как скрытый самосаботаж: достигнув определённого достатка, человек неосознанно сам создаёт условия, которые ведут к финансовым потерям. Установка гедонистической немедленности («Деньги нужно тратить») мешает выработать привычку копить и планировать вдолгую; ей сопутствуют импульсивность и нежелание думать о будущем [7].

Каждую из этих установок можно скорректировать – средствами финансовой терапии, когнитивно-поведенческого консультирования и просветительских программ, которые нацелены на изменение поведения, а не только на передачу знаний.

Результаты и обсуждения

Чтобы проверить теоретические положения на практике, мы опросили студентов (n = 78; 43 девушки и 35 юношей; возраст 18-25 лет, M = 20,4, SD = 1,9). В набор методик вошли адаптированная Шкала денежных установок (Money Attitude Scale, MAS) [9], одномерная версия опросника ценностей Ш. Шварца (PVQ-21) – для оценки ориентации на гедонизм и достижения – и Шкала удовлетворённости жизнью (SWLS) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [2].

По данным MAS у 34 % опрошенных (n = 27) преобладала установка денежного избегания, у 28 % (n = 22) – денежного поклонения, у 24 % (n = 19) – денежного статуса. Денежная бдительность, за которой стоит наиболее здоровое обращение с деньгами, оказалась ведущей лишь у 14 % (n = 10). Иными словами, у большинства участников доминируют потенциально дезадаптивные сценарии, заложенные ещё в семье.

Корреляционный анализ (rs Спирмена) дал следующую картину. Денежное поклонение значимо и отрицательно связано с удовлетворённостью жизнью ($r_s = –0,41$, $p < 0,01$): чем сильнее человек видит в деньгах самоцель, тем ниже его благополучие – и это не зависит от уровня дохода. Денежное избегание положительно связано с финансовой тревожностью ($r_s = 0,53$, $p < 0,001$) и отрицательно – с привычкой откладывать ($r_s = –0,38$, $p < 0,01$). Денежная бдительность, напротив, шла в плюс и с удовлетворённостью жизнью ($r_s = 0,46$, $p < 0,01$), и с планированием расходов ($r_s = 0,51$, $p < 0,001$).

По шкале SWLS группы с разными установками различались статистически значимо (H. Краскела-Уоллиса = 14,7, df = 3, p = 0,002) – то есть тип денежного сценария по-разному сказывается на удовлетворённости жизнью. Это согласуется с зарубежными данными [5] и подтверждает: по типу финансовой установки можно судить и о финансовом поведении молодёжи, и о её субъективном благополучии.

У исследования есть и слабые места. Выборка пилотная и не отражает всю молодёжь. Срез сделан в один момент времени, поэтому о причинах и следствиях говорить нельзя. Наконец, самоотчёты чувствительны к социальной желательности – особенно там, где тема задевает нормы отношения к деньгам. Отсюда и направления дальнейшей работы: лонгитюдные схемы, более широкая выборка и включение объективных показателей финансового поведения.

Выводы

Нами были сделаны следующие выводы по результатам теоретического и эмпирического анализа.

Во-первых, финансовые установки – это устойчивый сплав мыслей и чувств, который формируется прежде всего в семье и заметно влияет на обращение с деньгами независимо от того, насколько человек финансово грамотен и в каких экономических условиях находится.

Во-вторых, три главных механизма иррационального поведения – неприятие потерь, ментальный учёт и гиперболическое дисконтирование – регулярно искажают решения и заметнее проявляются при финансо-

вом стрессе. Без понимания этих механизмов трудно выстроить действенные программы финансового консультирования.

В-третьих, эмпирические данные подтвердили связь между типом установки и благополучием молодёжи: с денежной бдительностью соседствуют самые высокие показатели удовлетворённости жизнью и планирования, а с поклонением деньгам и их избеганием – сниженное благополучие и повышенная тревога.

В-четвёртых, перестройка деструктивных установок средствами финансовой терапии и когнитивно-поведенческого консультирования выглядит перспективным практическим направлением. Программы финансовой грамотности стоит дополнять психологической частью – той, что помогает выявлять и корректировать скрытые денежные сценарии, усвоенные при социализации.

Список источников

1. Алексеева Е.В. Психология финансового поведения: теоретические основания // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 55 – 64.

2. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.

3. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. 400 с.

4. Нестик Т.А. Отношение к деньгам как объект социально-психологического исследования // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 83 – 96.

5. Паршина В.В. Материализм, ценностные ориентации и субъективное благополучие // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 112 – 121.

6. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро. М.: АСТ, 2014. 653 с.

7. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003. 286 с.

8. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2000. 220 с.

9. Сонин В.А. Психосемантика денег // Психологические исследования. 2011. Т. 4. № 17. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 20.03.2025)

10. Стернин И.А., Лукьянова А.В. Эмоции и финансовое поведение: привязанность и тревога // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 311 – 325.

11. Талер Р. Новая поведенческая экономика. М.: Эксмо, 2017. 368 с.

12. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и ценностно-нормативные детерминанты отношения к деньгам // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 30 – 45.

References

1. Alekseeva E.V. Psychology of Financial Behavior: Theoretical Foundations. Psychological Journal. 2018. Vol. 39. No. 4. P. 55 – 64.

2. Leontiev D.A. Test of Life-Meaning Orientations (MLO). Moscow: Smysl, 2000. 18 p.

3. Myasishchev V.N. Psychology of Relationships. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, 2003. 400 p.

4. Nestik T.A. Attitudes towards Money as an Object of Social and Psychological Research. Psychological Journal. 2009. Vol. 30. No. 3. P. 83 – 96.

5. Parshina V.V. Materialism, Value Orientations, and Subjective Well-Being. Issues of Psychology. 2020. No. 1. P. 112 – 121.

6. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow. Moscow: AST, 2014. 653 p.

7. Kornilova T.V. Psychology of Risk and Decision-Making. Moscow: Aspect Press, 2003. 286 p.

8. Poznyakov V.P. Psychological Relationships of Economic Entities. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2000. 220 p.

9. Sonin V.A. Psychosemantics of Money. Psychological Research. 2011. Vol. 4. No. 17. URL: http://psystudy.ru (date of access: 20.03.2025)

10. Sternin I.A., Lukyanova A.V. Emotions and financial behavior: attachment and anxiety. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. 16. No. 2. P. 311 – 325.

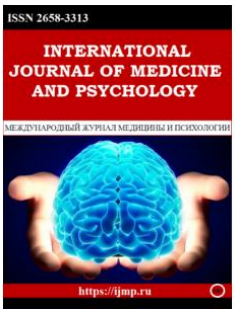
11. Thaler R. New behavioral economics. Moscow: Eksmo, 2017. 368 p.

12. Khaschenko V.A. Subjective economic well-being and value-normative determinants of attitudes toward money. Psychological Journal. 2012. Vol. 33. No. 2. P. 30 – 45.

Информация об авторах

Яковлева Е.Н., кандидат физико-математических наук, доцент, Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета, ya_kovlev@mail.ru
Липинская В.А., Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета
Логинова В.П., Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета
Филиппенко Я.Е., Лесосибирский педагогический институт, филиал Сибирского федерального университета

© Яковлева Е.Н., Липинская В.А., Логинова В.П., Филиппенко Я.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.99
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-277-283

[1, 2] Марин Е.Б.,
[1] Борисюк Г.А.,
[1] Дальневосточный федеральный университет,
[2] Морской государственный университет им. Г.И. Невельского

Психологические характеристики протестной активности поколения Z

Аннотация: в статье обобщаются современные теоретические подходы к изучению психологических механизмов протестной активности поколения Z с учётом цифровой трансформации социальной среды. На основе синтеза теорий поколений, социально-психологических моделей протеста (относительная депривация, модель коллективной активности на основе социальной идентичности, теория межгрупповых эмоций) и исследований цифровой коммуникации выделены ценностные и когнитивные особенности «цифровых аборигенов». Показано, что социальные сети трансформируют классические механизмы эмоционального заражения, идентификации и координации, порождая «логику коннективного действия» и эффект эхо-камер. Обобщаются эмпирические данные о протестной активности российской молодёжи поколения Z на выборках Дальнего Востока и Москвы, на основе которых описываются два сценария протестного поведения – мирный (культура петиций) и радикальный (культура бунта). Новизна работы состоит в интеграции поколенческого подхода, теорий межгрупповых эмоций и концепции коннективного действия применительно к российскому контексту цифровой социализации поколения Z. Статья обобщает имеющуюся информацию по теме и может служить отправной точкой для дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: поколение Z, протестная активность, социальная идентичность, межгрупповые эмоции, цифровая среда, коннективное действие, эхо-камеры, относительная депривация, процедурная справедливость

Для цитирования: Марин Е.Б., Борисюк Г.А. Психологические характеристики протестной активности поколения Z // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 277 – 283. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-277-283

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1, 2] Marin E.B.,
[1] Borisyuk G.A.,
[1] Far Eastern Federal University,
[2] Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy

Psychological characteristics of protest activity of generation Z

Abstract: the article summarizes current theoretical approaches to the study of psychological mechanisms of protest activity of Generation Z, taking into account the digital transformation of the social environment. Synthesizing generation theories, socio-psychological models of protest (relative deprivation, social identity model of collective action, intergroup emotions theory) and studies of digital communication, the value and cognitive characteristics of «digital natives» are identified. It is shown that social networks transform classical mechanisms of emotional contagion, identification, and coordination, generating the «logic of connective action» and echo-chamber effects.

Empirical data on the protest activity of Russian Generation Z youth on samples from the Far East and Moscow are summarized, on the basis of which two scenarios of protest behavior are described – peaceful (petition culture) and radical (rebellion culture). The novelty of the work lies in the integration of generational approach, intergroup emotions theories, and connective action concept with reference to the Russian context of digital socialization of Generation Z. The article synthesizes available information on the topic and can serve as a starting point for further empirical research.

Keywords: Generation Z, protest activity, social identity, intergroup emotions, digital environment, connective action, echo chambers, relative deprivation, procedural justice

For citation: Borisyuk G.A., Marin E.B. Psychological characteristics of protest activity of generation Z. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 277 – 283. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-277-283

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Поколение Z, выросшее в условиях цифровой глобализации, сегодня становится заметным субъектом политической жизни, в том числе протестной. Однако классические социально-психологические модели протеста, разработанные в эпоху доминирования офлайн-коммуникаций, не в полной мере учитывают трансформацию механизмов эмоционального заражения, формирования идентичности и социальной укоренённости под влиянием социальных сетей и мессенджеров. Цифровая среда меняет способы мобилизации: вместо иерархических структур возникают горизонтальные сетевые связи, роль рациональной аргументации уступает место визуальному контенту и эмоциональной упаковке сообщений. Комплексных работ, связывающих поколенческий подход с обновлёнными моделями протестной психологии применительно к российской молодёжи, до сих пор недостаточно.

Цель статьи – интегрировать современный теоретический материал по социально-психологическим характеристикам поколения Z и эмпирические данные по протестной активности молодёжи поколения Z в России. Статья носит обзорный характер и обобщает имеющуюся информацию по теме, не претендуя на создание универсальной модели, применимой во всех страновых контекстах.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в жанре теоретического обзора. Методологической основой работы выступает системный подход к анализу социально-психологической литературы, предполагающий интеграцию нескольких теоретических направлений.

Теория поколений позволяет выделить различия в ценностях и поведении групп, сформированных в разные исторические периоды. Согласно концепции У. Штрауса и Н. Хау, смена поколений подчиняется циклической логике (подъём, пробуждение, спад, кризис), каждому поколению соответствует свой архетип [1]. Для российской действительности важна адаптация В.В. Радаева, который выделяет советские и постсоветские поколения, причём ключевым маркером считает «формативные годы» (17-25 лет) и социально-экономические события, приходящиеся на этот период [2]. Поколение Z, по Радаеву, относится к группе «3С» (смартфоны, социальные сети, спад экономики); его взросление проходило в условиях экономической нестабильности и тотальной цифровизации.

Согласно архетипу Штрауса-Хау, поколение Z – это «художники» (зимний сезон), которым свойственны адаптивность, конформизм, но при этом отличная ориентация в виртуальной среде [3]. В российских исследованиях Е.А. Алексеевой отмечается, что это «юное поколение» быстро развивается, отличается многозадачностью и умением работать с информацией [4].

Для объяснения причин и механизмов протеста используются несколько социально-психологических моделей. Теория относительной депривации (Т.Р. Гарр) трактует протест как следствие расхождения между ценностными ожиданиями (то, что люди считают заслуженным) и ценностными возможностями (реально достижимым) [5]. Гарр выделяет три типа депривации: упадка, аспирационную и прогрессивную; для поколения Z наиболее значима аспирационная депривация – высокие ожидания свободы и справедливости сталкиваются с ограниченными возможностями их реализации, что порождает фрустрацию.

Ключевой современной моделью является модель коллективной активности на основе социальной идентичности (SIMCA), разработанная М. ван Зомереном и соавторами. Согласно ей, коллективное действие

порождается сочетанием трёх факторов: идентичности с группой, оказавшейся в несправедливом положении, группового гнева и веры в коллективную эффективность. Идентичность здесь актуализирует остальные факторы [6]. Важным дополнением служит различение конфликта интересов (инструментальный протест) и конфликта принципов (экспрессивный протест, связанный с ценностями) [7].

Теория межгрупповых эмоций (Д. Смит, Д. Маки) утверждает, что когда социальная идентичность становится значимой, индивиды оценивают ситуации с точки зрения последствий для группы, что вызывает специфические межгрупповые эмоции и поведенческие намерения [8]. Прототипической эмоцией протеста является гнев – стеническая эмоция, мобилизующая энергию. Однако разные эмоции ведут к разным тактикам: гнев, основанный на высокой оценке эффективности, связан с нормативными формами протеста, тогда как презрение и отвращение, возникающие при блокировке легальных каналов, ведут к ненормативным, радикальным действиям [9].

Классические механизмы эмоционального заражения, описанные Г. Лебоном [10] и З. Фрейдом [11], в современной цифровой среде трансформируются, но сохраняют своё значение: анонимность, внушение, коллективное возбуждение усиливаются виральным распространением контента.

В эмпирической базе исследования выявлены ценностные, эмоциональные и когнитивные аспекты протестного сознания и выделены два типа протестной активности российской молодёжи поколения Z [15; 20]. Использован также вторичный анализ данных других авторов по проблематике поколения Z и цифровой социализации [2, 3, 4, 12, 13, 14].

Результаты и обсуждения

Поколение Z – это «цифровые аборигены» (Digital Natives) по определению М. Пренски [12]. Их мышление сформировано постоянным взаимодействием с цифровыми технологиями: у них развиты визуально-пространственные способности, индуктивное открытие, распределённое внимание и быстрая реакция на стимулы. Это формирует «гипертекстовый ум», способный к параллельной, нелинейной обработке информации.

Российские исследования А.П. Глухова и Ю.М. Стаховской фиксируют цифровой разрыв между поколениями: представители поколения Z обладают высокой самооценкой цифровых компетенций, а агентами их социализации выступают сверстники (83,2%) и блогеры (24,9%), а не родители (18,1%) или учителя (12,3%) [13]. Возникает феномен реверсивного наставничества – младшие обучают старших цифровым навыкам, что меняет традиционную иерархию. Одновременно наблюдается платформенная сегрегация – сознательный уход молодёжи на закрытые площадки (Telegram, TikTok) для создания комфортной среды общения «со своими» [13].

Исследование В.С. Собкина и А.В. Федотовой показывает, что социальные сети для подростков являются полифункциональной средой социализации: общение с друзьями (73,0%), поиск новых знакомств (49,3%), развлечение (40,6%), поиск информации (36,2%), обучение (25,5%), саморазвитие (16,0%) [14]. Подростки выделяют свободу самовыражения, возможность говорить на «запретные» темы, анонимность и контроль над коммуникацией [14]. Эти черты переносятся и на сферу политического участия.

Ценностный профиль поколения Z, согласно нашим исследованиям, в протестном контексте характеризуется высокой значимостью «интеллектуальности и честности», а также ценностей процедурной справедливости [20]. При этом радикальные формы протеста воспринимаются как агрессивные и непривлекательные, но не чуждые и не бессмысленные, что создаёт потенциал для их принятия в критических ситуациях [15]. Уровень протестной готовности у дальневосточной молодёжи значимо выше, чем у московских сверстников, что указывает на влияние регионального контекста [16].

Цифровая среда коренным образом изменяет способы протестной мобилизации. Во-первых, аффективное заражение становится виральным. Интернет-мемы, по определению С.А. Шомовой, представляют собой «специфический жанр интернет-коммуникации», отличающийся броскостью и способностью к спонтанному распространению [17]. Мемы выполняют функции формирования образа врага, маркировки «своих» и «чужих» (например, вербальные мемы «ватники», «либерасты»), а также служат символами коллективной идентичности. Так, в ходе протестов в Беларуси (2020) мем «тапки» стал символом сопротивления, а образ «собаки в капюшоне» консолидировал пользователей Telegram [17]. Механизм морального шока (Дж. Джаспер) – возмутительная информация, заставляющая усомниться в справедливости – эффективно распространяется через виральные мемы, служа триггером мобилизации [18].

Во-вторых, логика коннективного действия (У. Лэнс Беннетт, А. Сегерберг) противопоставляется классической логике коллективного действия. Вместо иерархических организаций и общей идеологии действуют персонализированные фреймы (например, «мы – 99%»), которые каждый участник наполняет своим

смыслом и распространяет через свои сети. Координация происходит через хештеги, паблики и мессенджеры без централизованного руководства; сама социальная сеть становится организационной формой политического действия [19]. Примером служит движение «Школа у метро» в Москве (2019), где координация осуществлялась через чаты WhatsApp и Telegram без формальных лидеров. Для поколения Z, чьими основными агентами социализации являются сверстники, такая логика естественна.

В-третьих, социальные сети создают эффект эхо-камер и поляризацию. Пользователи сталкиваются преимущественно с подтверждающими их мнение сообщениями. Это усиливает поляризацию и радикализацию, особенно в протестных сообществах, где альтернативные нарративы практически не проникают. Противостояние версий событий принимает форму «войны нарративов» [17]. Например, дискуссии вокруг пенсионной реформы в России (2018) в разных сегментах соцсетей демонстрировали поляризованные нарративы: в одних сообществах доминировал протестный дискурс, в других – провластный, причём пересечения были минимальны. Алгоритмы социальных сетей, подбирая контент на основе предпочтений, изолируют пользователя от иных точек зрения, углубляя раскол.

Таким образом, социальные сети трансформируют классические механизмы: аффективное заражение становится независимым от физического присутствия; идентичность строится вокруг мемов и персонализированных фреймов, а координация осуществляется через горизонтальные слабые связи. Трансформированные механизмы, встроенные в повседневную рутину поколения Z, формируют специфические сценарии протестного поведения.

Обобщая теоретические подходы и эмпирические данные, можно описать модель некоторых психологических аспектов протестной активности российской молодёжи поколения Z в цифровой среде.

Типология, разработанная нами на выборке молодёжи Дальнего Востока и Москвы, выделяет две протестные культуры: «культуру петиций» (мирный протест) и «культуру бунта» (радикальный протест) [20]. Первая характеризуется активной гражданской позицией, легальными формами участия, ценностями справедливости и безопасности, эмоциями презрения и страха. Вторая – низким интересом к политике, слабой включённостью в легальные институты, доминированием отвращения при подавленном страхе, девальвацией безопасности. При этом мы не исключаем, что в других страновых и региональных контекстах могут существовать иные типы протестной активности, не описанные в данной типологии.

Интеграция с теорией относительной депривации (Гарр) и моделью SIMCA позволяет описать механизм перехода между выделенными типами. Ключевое значение для поколения Z имеет процедурная справедливость – честность и прозрачность принятия решений, отсутствие коррупции, возможность влиять на власть через онлайн-платформы. Когда эти ожидания нарушаются, даже экономически благополучные молодые люди могут выходить на протест.

Таблица 1

Систематизация факторов, определяющих выбор сценария на основе эмпирических данных по российской молодёжи.

Table 1

Systematization of factors influencing scenario choice, based on empirical data from Russian youth samples.

Фактор	Мирный протест (культура петиций)	Радикальный протест (культура бунта)
Доминирующая эмоция	Гнев + презрение	Отвращение (страх подавлен)
Оценка коллективной эффективности	Высокая	Низкая (легальные каналы бесполезны)
Восприятие процедурной справедливости	Нарушена, но есть каналы для диалога	Каналы заблокированы, власть нелегитимна
Ценность безопасности	Сохраняется	Девальвируется
Формы участия	Петиции, санкционированные акции, флешмобы	Несанкционированные акции, блокировки, столкновения
Цифровой контекст	Координация через открытые группы, хештеги	Закрытые чаты, эхо-камеры, мемы-оружие

Механизм перехода от мирного к радикальному сценарию запускается при блокировке легальных каналов и длительной фрустрации, когда отвращение к власти начинает доминировать над страхом, а ценность безопасности уступает место готовности к риску. Цифровая среда выступает модератором: эхо-камеры и платформенная сегрегация укрепляют политизированную идентичность, снижают вероятность столкновения с альтернативными нарративами и тем самым могут затруднять выход из радикализации.

Выводы

1. Поколение Z, как «цифровые аборигены», обладает специфическими психологическими чертами – гипертекстовым мышлением, многозадачностью, ценностью свободы самовыражения и анонимности, ориентацией на горизонтальные сетевые связи. Эти черты формируют особые формы политического участия, в том числе протестного.

2. Классические социально-психологические модели протеста (относительная депривация, SIMCA, теория межгрупповых эмоций) сохраняют объяснительную силу, но требуют учёта цифровой трансформации. Эмоциональное заражение, идентификация и координация теперь происходят через виральный контент, персонализированные фреймы и слабые сетевые связи, что соответствует «логике коннективного действия».

3. На основе эмпирических исследований на выборках российской молодёжи Дальнего Востока и Москвы) [20], описаны два сценария протестной активности поколения Z – мирный (культура петиций) и радикальный (культура бунта). Переход между ними опосредован оценкой легитимности процедур, доминирующими эмоциями и верой в эффективность коллективных действий. Полученные нами эмпирические данные о психологических аспектах молодежного протеста в России в целом соотносятся с социально-психологическими характеристиками поколения Z, данными российскими специалистами [2,4].

Цифровая среда может как облегчать координацию, так и способствовать радикализации через эхокамеры. Это создаёт поле для дальнейших эмпирических исследований.

Ограничения данного обзорного исследования связаны с его теоретическим характером и опорой на ограниченную эмпирическую базу (выборки Дальнего Востока и Москвы). Расширение географии исследований и включение других поколений (Y, Alpha) составит перспективу дальнейших исследований.

Список источников

1. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future from 1584 to 2069. New York: Morrow, 1991. 520 p.

2. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

3. Новикова В.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 4. С. 128 – 143.

4. Алексеева Е.А. Социальные характеристики работников в контексте поколенческой теории и возрастной периодизации // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2. С. 4 – 13.

5. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.

6. Марин Е.Б. Некоторые аспекты изучения протеста в социальной психологии // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2022. № 42. С. 1 – 7.

7. van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 5-6. P. 886 – 905.

8. Smith E.R., Mackie D.M. Intergroup emotions // Handbook of emotions (Eds M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett). 2008. P. 1866 – 1880.

9. Марин Е.Б. Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 5. С. 151 – 163.

10. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 124 с.

11. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. М.: Издательство «Э», 2016. 96 с.

12. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. NCB University Press, 2001. Vol. 9. No. 5. 15 p.

13. Глухов А.П., Стаховская Ю.М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 148 – 155.

14. Собкин В.С., Федотова А.В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 119 – 137.

15. Марин Е.Б. Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 86 – 107.

16. Марин Е.Б., Осмачко Н.В. Динамика протестных настроений студенческой молодежи в региональном контексте: на примере Приморского края // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 20 – 35.

17. Шомова С.А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 250 – 269.

18. Jasper J.M. Emotions, sociology, and protest // Collective Emotions (Eds. M. Salmela). Oxford University Press, 2014. P. 341 – 355.

19. Lance Bennett W., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. P. 739 – 768.

20. Марин Е.Б. Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 255 – 281.

References

1. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future from 1584 to 2069. New York: Morrow, 1991. 520 p.

2. Radaev V.V. Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 224 p.

3. Novikova V.S. Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Generations: A Comparative Analysis. Bulletin of the Maikop State Technological University. 2024. No. 4. P. 128 – 143.

4. Alekseeva E.A. Social Characteristics of Workers in the Context of Generational Theory and Age Periodization. Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2024. No. 2. P. 4 – 13.

5. Garr T.R. Why People Rebel. SPb.: Piter, 2005. 461 p.

6. Marin E.B. Some Aspects of the Study of Protest in Social Psychology. Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2022. No. 42. P. 1 – 7.

7. van Stekelenburg J., Klandermans B. The Social Psychology of Protest. Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 5-6. P. 886 – 905.

8. Smith E.R., Mackie D.M. Intergroup Emotions. Handbook of Emotions (Eds M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett). 2008. P. 1866 – 1880.

9. Marin E.B. Semantics of Protest Consciousness and Forms of Protest Activity of Russian Youth. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2021. No. 5. P. 151 – 163.

10. Lebon G. Psychology of Peoples and the Masses. St. Petersburg: Maket, 1995. 124 p.

11. Freud Z. Psychology of the Masses and Analysis of the Human Self. Moscow: Izdatelstvo "E", 2016. 96 p.

12. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon. NCB University Press, 2001. Vol. 9. No. 5. 15 p.

13. Glukhov A.P., Stakhovskaya Yu.M. The Digital Divide in Focus of Intergenerational Communication. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. No. 59. P. 148 – 155.

14. Sobkin V.S., Fedotova A.V. The Network as a Space for Socialization of a Modern Teenager. Counseling Psychology and Psychotherapy. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 119 – 137.

15. Marin E.B. The Structure of Protest Thinking and the Concept of Social Protest among Young People of Generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. Bulletin of the Institute of Sociology. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 86 – 107.

16. Marin E.B., Osmachko N.V. Dynamics of Protest Moods Among Student Youth in the Regional Context: The Case of Primorsky Krai. Social and Political Sciences. 2020. Vol. 10. No. 5. P. 20 – 35.

17. Shomova S.A. “War of Memes”: New Twists in the Information Confrontation. Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2019. No. 5. P. 250 – 269.

18. Jasper J.M. Emotions, Sociology, and Protest. Collective Emotions (Eds. M. Salmela). Oxford University Press, 2014. P. 341 – 355.

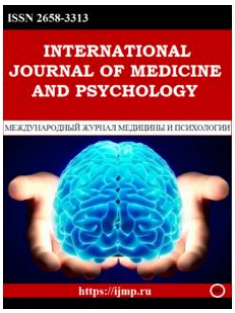
19. Lance Bennett W., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Information, Communication & Society. 2012. P. 739 – 768.

20. Marin E.B. Protest consciousness and protest culture of youth in the Russian Far East. Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 255 – 281.

Информация об авторах

Марин Е.Б., кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет; Морской государственный университет им. Г.И. Невельского, marin.eb@dvfu.ru
Борисюк Г.А., Дальневосточный федеральный университет, borisyuk.ga@dvfu.ru

© Марин Е.Б., Борисюк Г.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.923.2:316.6
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-284-290

[1] Гончарова С.С.,
[1] Ермилова Д.Д.,
[1] Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь

Особенности психологической сепарации от родительской семьи у взрослых сиблингов в зависимости от порядка рождения

Аннотация: статья посвящена особенностям сепарации от родительской семьи у взрослых сиблингов в зависимости от порядка их рождения. Исследование выполнено в рамках четырехкомпонентной модели психологической сепарации Дж. Хоффмана, теории семейных систем М. Боуэна и концепции сиблинговых позиций У. Тоумена. Для сбора эмпирических данных были использованы: «Опросник психологической сепарации» Дж. Хоффмана, в адаптации В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой; «Шкала сиблинговых отношений на протяжении жизни» Х. Риджио, в адаптации О.В. Алмазовой. Выборка исследования включала 120 человек в возрасте от 20 до 25 лет, из них: 30 единственных детей в семье, 30 старших сиблингов, 30 средних сиблингов и 30 младших сиблингов. Установлены статистически значимые различия в уровне конфликтной сепарации от отца в зависимости от порядка рождения: наиболее высокие показатели определены у младших сиблингов, низкие – у средних. Значимые взаимосвязи между показателями психологической сепарации и характеристиками сиблинговых отношений не выявлены, что может указывать на их более сложный и многофакторный характер. Новизна исследования определяется включением единственных детей и средних сиблингов в сравнительный анализ сепарации в период ранней взрослости; в рассмотрении связи сепарации с показателями сиблинговых отношений.

Ключевые слова: психологическая сепарация, родительская семья, порядок рождения, сиблинги, сиблинговые отношения, ранняя взрослость

Для цитирования: Гончарова С.С., Ермилова Д.Д. Особенности психологической сепарации от родительской семьи у взрослых сиблингов в зависимости от порядка рождения // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 284 – 290. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-284-290

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Goncharova S.S.,
[1] Ermilova D.D.,
[1] Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, the Republic of Belarus

Features of psychological separation from the parental family in adult siblings depending on the order of birth

Abstract: the article is devoted to the features of separation from the parental family in adult siblings, depending on their birth order. The study was conducted based on J. Hoffman's four-component model of psychological separation, M. Bowen's family systems theory, and W. Toman's concept of sibling positions. To collect empirical data, the following instruments were used: the Psychological Separation Inventory by J. Hoffman, adapted by V.P. Dzukaeva and T.Yu. Sadovnikova; and the Life-Span Sibling Relationship Scale by H. Riggio,

adapted by O.V. Almazova. The study sample included 120 people aged 20 to 25, including 30 only children, 30 older siblings, 30 middle siblings, and 30 younger siblings. Statistically significant differences in the level of conflictual separation from the father depending on the order of birth were established: the highest rates were determined in younger siblings, the lowest – in middle ones. No significant relationships were found between indicators of psychological separation and characteristics of sibling relationships, which may indicate that they are more complex and multifactorial. The novelty of the study is determined by the inclusion of only children and middle siblings in the comparative analysis of separation during early adulthood; in the consideration of the connection between separation and indicators of sibling relations.

Keywords: psychological separation, family of origin, birth order, siblings, sibling relationships, early adulthood

For citation: Goncharova S.S., Ermilova D.D. Features of psychological separation from the parental family in adult siblings depending on the order of birth. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 284 – 290. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-284-290

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Одним из ключевых нормативных кризисов в жизненном цикле семьи является процесс психологического отделения выросших детей. По своей сути, сепарация сопровождается трансформацией сложившейся системы отношений и паттернов взаимодействия в семье. Проблема психологической сепарации от родительской семьи имеет комплексный характер и признается одной из сложнейших в современной психологической науке и практике. Успешный процесс сепарации является необходимым условием личностного созревания и обретения психологической автономии. Его незавершенность приводит к ряду дезадаптивных последствий: внутриличностным конфликтам, эмоциональной зависимости и неадекватной самооценке, неспособности выстраивать личностные границы [1].

Положение в семейной системе – старший, средний, младший или единственный ребенок – определяет характер становления личности, формирует специфические условия детско-родительских отношений. Обращение к сиблинговой позиции позволяет выявить механизмы сепарации. М. Боуэн отмечал, что многие аспекты взрослой жизни, включая успешность брака и характер дружбы, зависят от опыта, полученного в отношениях с братьями и сестрами [3]. У. Тоумен подчеркивал, что именно горизонтальные связи с сиблингами служат моделью для построения отношений со сверстниками и партнерами: «…сиблинги учат друг друга, как осуществлять тесные взаимоотношения со сверстниками. И в этом ключе межсиблинговые связи в определенном смысле даже важнее отношений с родителями, так как представляют собой опыт «горизонтальных» отношений, в отличие от практически всегда «вертикальных» детско-родительских» [4; 5, с. 32]. Обзорные работы последних лет подтверждают, что сиблинговые отношения выступают значимым контекстом развития социальной компетентности и эмоциональной регуляции на протяжении всего жизненного цикла [6].

Немногочисленные зарубежные исследования, специально изучавшие связь порядка рождения с сепарационным процессом, свидетельствуют о том, что средние дети достигают более продвинутых форм сепарации-индивидуации по сравнению со старшими и младшими, при этом ключевым медиатором выступает ориентация на внесемейное социальное окружение [7]. Эти данные задают дополнительные ориентиры для изучения сепарации в контексте сиблинговых позиций.

Цель проведенного исследования заключалась в выявлении особенностей психологической сепарации от родительской семьи у взрослых сиблингов с разным порядком рождения и определении взаимосвязи показателей сепарации с характеристиками сиблинговых отношений. Теоретическими основаниями исследования выступили:

– четырехкомпонентная модель психологической сепарации Дж. Хоффмана, определяющая структуру процесса отделения от родительской семьи [8];

– теория семейных систем М. Боуэна, раскрывающая механизмы дифференциации «Я» в контексте семейной эмоциональной системы [3];

– концепция сиблинговых позиций У. Тоумена, описывающая характеристики поведения и межличностных паттернов у сиблингов с разным порядком рождения [4].

Материалы и методы исследований

Для достижения цели были использованы следующие методики: «Опросник психологической сепарации» Дж. Хоффмана (адаптация В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой) [9]; «Шкала сиблинговых отношений на протяжении жизни» Х. Риджио (адаптация О.В. Алмазовой) [10].

Гипотезы исследования: 1. Показатели психологической сепарации от родительской семьи различаются у взрослых сиблингов в зависимости от порядка рождения. 2. Существует связь между психологической сепарацией от родительской семьи и характеристиками сиблинговых отношений у взрослых сиблингов в период ранней взрослости.

В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте 20-25 лет (107 женщин и 13 мужчин): 30 единственных детей в семье, 30 старших, 30 средних и 30 младших сиблингов. Пол не рассматривался как самостоятельная переменная, поскольку не входил в структуру проверяемых гипотез. Поэтому выявленный гендерный дисбаланс учитывается как ограничение выборки, но не препятствует интерпретации основных результатов исследования. Дополнительно отметим, что в ряде работ по психологической сепарации в ранней взрослости половые различия фиксируются лишь по отдельным шкалам [11; 12].

Для выявления различий в психологической сепарации от родительской семьи у взрослых сиблингов с разным порядком рождения применялся Н-критерий Крускала-Уоллиса. Для определения взаимосвязи показателей сепарации с характеристиками сиблинговых отношений использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы «SPSS Statistics» v. 23.0.

Результаты и обсуждения

Показатели психологической сепарации от родительской семьи были изучены при помощи «Опросника психологической сепарации» Дж. Хоффмана в адаптации В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой. Опросник позволяет оценить четыре вида психологической сепарации: конфликтную, эмоциональную, аттитюдную и функциональную независимость – отдельно в отношении матери и в отношении отца [9].

В табл. 1 приведены средние значения и стандартные отклонения показателей психологической сепарации по всей выборке (N = 120).

Таблица 1

Описательные статистики показателей психологической сепарации.

Table 1

Descriptive statistics of psychological separation indicators.

Шкала	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)
Конфликтная независимость (мать)	3,58	0,61
Конфликтная независимость (отец)	3,74	0,61
Эмоциональная независимость (мать)	3,60	0,69
Эмоциональная независимость (отец)	3,89	0,75
Аттитюдная независимость (мать)	3,39	0,69
Аттитюдная независимость (отец)	3,69	0,88
Функциональная независимость (мать)	3,89	0,64
Функциональная независимость (отец)	4,35	0,63

Показатели «конфликтной независимости от матери» (M = 3,58; SD = 0,61) и от отца (M = 3,74; SD = 0,61) находятся на уровне выше среднего. Респонденты в целом не испытывают интенсивных негативных аффектов – чувства вины, обиды, тревоги и гнева в повседневном общении с родителями. Психологическое отделение от родителей проходит без острых конфликтов и выраженных кризисов. Относительно небольшое стандартное отклонение указывает на однородность данной тенденции в выборке. Незначительное превышение показателя по шкале «конфликтная независимость от отца» (M = 3,74) дает основания предположить, что фигура отца воспринимается молодыми людьми как менее эмоционально вовлеченная в повседневные конфликты. Отношения с отцом носят более спокойный и дистанцированный характер, что облегчает процесс отделения.

В целом данные табл. 1 показывают достаточно высокий уровень психологической сепарации в ранней взрослости. Наиболее выраженной выступает функциональная независимость, особенно по отношению к отцу, тогда как наименее выраженной остается аттитюдная независимость от матери. Это позволяет говорить о сохранении большей ценностно-мировоззренческой опоры на материнскую фигуру при уже сформированной повседневной самостоятельности респондентов.

Характеристики сиблинговых отношений были изучены при помощи «Шкалы сиблинговых отношений на протяжении жизни» Х. Риджио в адаптации О.В. Алмазовой. В рамках исследования по данной методике внимание уделялось таким аспектам взаимодействия с братом или с сестрой, как поведение (частота и характер контактов), эмоции (чувства по отношению к сиблингу) и доверие (степень открытости и взаимопонимания). Каждый из этих аспектов оценивался отдельно применительно к настоящему времени и к периоду детства. Выборку для изучения сиблинговых отношений составили 90 респондентов (30 старших сиблингов, 30 средних и 30 младших сиблингов).

Анализ шкал сиблинговых отношений показал, что в ранней взрослости наиболее выраженной является эмоциональная близость между братьями и сестрами, тогда как поведенческая активность взаимодействия и уровень доверия имеют умеренную выраженность. В целом отношения со сиблингами можно охарактеризовать как достаточно устойчивые, эмоционально значимые и менее интенсивные в повседневном контакте по сравнению с детско-подростковым периодом.

С целью проверки гипотезы о наличии статистически значимой связи между порядком рождения взрослых сиблингов и показателями их психологической сепарации от родительской семьи был выбран H-критерий Крускала-Уоллиса. Выбор метода обусловлен результатами проверки распределения данных на нормальность с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

В качестве группирующей переменной выступил порядок рождения (единственные дети, старшие, средние и младшие сиблинги). По результатам проверки статистически значимые различия обнаружены по шкале «конфликтная независимость от отца», а по шкале «функциональная независимость от матери» зафиксирована статистическая тенденция.

Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) в компонентах психологической сепарации между группами сиблингов обнаружены по шкале «конфликтная независимость от отца» ($H = 9,652$; $p = 0,022$). По шкале «функциональная независимость от матери» выявлена статистическая тенденция к различиям ($H = 7,368$; $p = 0,061$). Средние ранги по данным шкалам представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние ранги компонентов психологической сепарации респондентов в связи с порядком их рождения.

Table 2

Average ranks of respondents' psychological separation components in relation to their birth order.

Шкала	Сиблинговая позиция	Средний ранг
Конфликтная независимость (от отца)	Единственные	53,65
Конфликтная независимость (от отца)	Старшие	61,02
Конфликтная независимость (от отца)	Средние	50,98
Конфликтная независимость (от отца)	Младшие	76,35
Функциональная независимость (от матери)	Единственные	52,07
Функциональная независимость (от матери)	Старшие	54,02
Функциональная независимость (от матери)	Средние	73,97
Функциональная независимость (от матери)	Младшие	61,95

Анализ различий показал, что наиболее высокий уровень конфликтной независимости от отца характерен для младших сиблингов, а наиболее низкий – для средних. По шкале функциональной независимости от матери более высокие ранги отмечены у средних сиблингов, тогда как более низкие показатели выявлены у единственных и старших детей. Следовательно, порядок рождения связан не с психологической сепарацией в целом, а с отдельными её компонентами.

Статистически значимые различия между группами, выделенными по порядку рождения, были обнаружены только по шкале конфликтной независимости от отца. Наиболее высокий средний ранг по этой шкале зафиксирован у младших сиблингов. Единственные и старшие дети занимают промежуточное положение, а самые низкие показатели отмечены у средних сиблингов. Различия по функциональной независимости от матери выявлены на уровне статистической тенденции: наиболее высокие ранги получены у средних сиблингов, наиболее низкие – у единственных и старших детей. Таким образом, первая гипотеза о связи порядка рождения с психологической сепарацией от родительской семьи получила частичное подтверждение. Эта связь проявляется прежде всего в конфликтной сфере отношений с отцом и в функциональной независимости от матери.

Для проверки второй гипотезы – о связи психологической сепарации от родительской семьи с особенностями сиблинговых отношений – использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ проводился на выборке из 90 респондентов, относящихся к старшим, средним и младшим сиблингам.

При сопоставлении показателей сиблинговых отношений и психологической сепарации статистически значимых корреляций при $p \leq 0,05$ обнаружено не было. Вместе с тем была выявлена слабая отрицательная связь между активностью взаимодействия с сиблингом в настоящее время («поведение НВ») и аттитюдной независимостью от матери ($r = -0,205$; $p = 0,057$). Поскольку значение p превышает принятый уровень статистической значимости, данный результат можно рассматривать только как тенденцию. Она может указывать на то, что более интенсивное взаимодействие с сиблингом сопровождается менее выраженной независимостью собственных ценностей и взглядов от материнских установок. Однако для подтверждения этого предположения необходимы дополнительные исследования.

Выводы

Психологическая сепарация от родительской семьи представляет собой постепенное преобразование детско-родительских отношений, при котором зависимость ребёнка сменяется более зрелой и самостоятельной формой взаимодействия с родителями. В соответствии с четырёхкомпонентной моделью Дж. Хоффмана этот процесс включает снижение конфликтной и эмоциональной зависимости, формирование независимых от родительских установок взглядов, а также развитие самостоятельности в решении повседневных задач.

Результаты исследования частично подтвердили выдвинутые гипотезы. У взрослых сиблингов в возрасте 20-25 лет наиболее выраженной оказалась функциональная независимость, особенно по отношению к отцу. Наименее выражена аттитюдная независимость от матери. В целом показатели сепарации от отца оказались выше соответствующих показателей сепарации от матери.

Статистически значимые различия между группами, выделенными по порядку рождения, были установлены по шкале конфликтной независимости от отца. Самые высокие значения выявлены у младших сиблингов, самые низкие – у средних. По шкале функциональной независимости от матери обнаружена статистическая тенденция: более высокие ранги характерны для средних сиблингов, а более низкие - для единственных и старших детей.

Гипотеза о связи психологической сепарации с особенностями сиблинговых отношений в данной выборке подтверждения не получила. Была обнаружена лишь слабая отрицательная тенденция между активностью взаимодействия с сиблингом в настоящее время и аттитюдной независимостью от матери, не достигшая уровня статистической значимости. Вероятно, связь между рассматриваемыми переменными имеет более сложный и опосредованный характер. Дальнейшее изучение этой темы целесообразно проводить на выборках, более сбалансированных по полу, а также с участием респондентов других возрастных групп. Перспективным направлением может стать анализ нелинейных и опосредованных связей между психологической сепарацией, порядком рождения и характеристиками семейной системы. Полученные результаты показывают, что отношения между этими переменными имеют многокомпонентный характер [2; 11; 15; 16].

Полученные результаты могут быть использованы в практике психологического консультирования молодых людей, испытывающих трудности сепарации от родителей, с учетом их сиблинговой позиции.

Список источников

1. Сысоева Л.В. Т. В. Петренко Проблема сепарации от родителей в русской семье: социокультурный и психологический аспекты // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 3 (60). С. 126 – 134.

2. Манукян В.Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 52 – 64. DOI: 10.17759/pse.2022270305

3. Лукьянченко Н.В., Аликин И.А. Системная семейная психотерапия М. Боуэна: учебно-методическое пособие. Красноярск: РИО СиБУП, 2005. 95 с.

4. Toman W. Family Therapy and Sibling Position. Northvale, N.J.: J. Aronson, 1988. 243 p.

5. Лукьянченко Н.В. Социально-психологические особенности сиблинговых отношений как значимый фактор становления и жизненного пути зрелой личности // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 32 – 40.

6. Булыгина М.В. Сиблинговые отношения и их роль в жизни человека // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 147 – 156. DOI: 10.17759/jmfp.2021100414

7. Ziv I.O. Hermel Birth order effects on the separation process in young adults: An evolutionary and dynamic approach // The American Journal of Psychology. 2011. Vol. 124. № 3. P. 261 – 273. DOI: 10.5406/amerjpsyc.124.3.0261

8. Hoffman J.A. Psychological separation of late adolescents from their parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. Vol. 31. № 2. P. 170 – 178. DOI: 10.1037/0022-0167.31.2.170

9. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями // Психологическая диагностика. 2014. № 3. С. 20 – 61.

10. Алмазова О.В. Привязанность к матери как фактор взаимоотношений взрослых сиблингов: дис. … канд. психол. наук / Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. М., 2015. 256 л.

11. Коренная А.В., Ральникова И.А. Психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте в контексте ценностных и смысловых ориентаций // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Т. 32. № 1. С. 122 – 138. DOI: 10.17759/cpp.2024320107

12. Кригер Е.Э. Половые различия психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 2. URL: https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN223.pdf (дата обращения: 10.07.2026)

13. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов: пер. с англ. А.А. Валеева, Р.А. Валеева. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 448 с.

14. Arnett J.J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2014. 416 p.

15. Литвинова А.В. Психологическая сепарация от родителей как условие развития целеполагания студентов // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 59 – 71. DOI: 10.17759/psyedu.2020120105

16. Гаврилюк Н.П., Цыгулева Д.В., Трубина К.С. Особенности психологической сепарации от родителей в условиях смысложизненного кризиса периода поздней юност // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/101PSMN125.pdf (дата обращения: 08.07.2026)

17. Степаненко Д.С. Психологические аспекты сепарации подростков с различной сиблинговой позицией // Инновационные социально-психологические технологии: материалы II Междунар. науч.-практ. фестиваля, Минск, 17 нояб. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н.Н. Красовская (гл. ред.) и др. Минск: БГУ, 2024. С. 288 – 294.

References

1. Sysoeva L.V., T.V. Petrenko. The Problem of Separation from Parents in the Russian Family: Sociocultural and Psychological Aspects. Personality, Family, and Society: Issues of Pedagogy and Psychology. 2016. No. 3 (60). P. 126 – 134.

2. Manukyan V.R. Growing Up: Separation from Parents, Subjective Adulthood, and Psychological Well-Being. Psychological Science and Education. 2022. Vol. 27. No. 3. P. 52 – 64. DOI: 10.17759/pse.2022270305

3. Lukyanchenko N.V., Alikin I.A. Systemic Family Psychotherapy by M. Bowen: A Study Guide. Krasnoyarsk: RIO SiBUP, 2005. 95 p.

4. Toman W. Family Therapy and Sibling Position. Northvale, N.J.: J. Aronson, 1988. 243 p.

5. Lukyanchenko N.V. Social and Psychological Features of Sibling Relationships as a Significant Factor in the Formation and Life Path of a Mature Personality. Psychological Science and Education. 2010. No. 1. P. 32 – 40.

6. Bulygina M.V. Sibling Relationships and Their Role in Human Life. Modern Foreign Psychology. 2021. Vol. 10. No. 4. P. 147 – 156. DOI: 10.17759/jmfp.2021100414

7. Ziv I.O. Hermel Birth Order Effects on the Separation Process in Young Adults: An Evolutionary and Dynamic Approach. The American Journal of Psychology. 2011. Vol. 124. No. 3. P. 261 – 273. DOI: 10.5406/amerjpsyc.124.3.0261

8. Hoffman J.A. Psychological separation of late adolescents from their parents. Journal of Counseling Psychology. 1984. Vol. 31. No. 2. P. 170 – 178. DOI: 10.1037/0022-0167.31.2.170

9. Dzukaeva V.P., Sadovnikova T.Yu. Experience of using the Russian-language version of the PSI (Psychological Separation Inventory) questionnaire in studying the separation of adult children from their parents. Psychological Diagnostics. 2014. No. 3. P. 20 – 61.

10. Almazova O.V. Attachment to the mother as a factor in relationships between adult siblings: Dis. … Cand. of Psychological Sciences. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, 2015. 256 p.

11. Korennaya A.V., Ralnikova I.A. Psychological separation from parents in adolescence in the context of value and semantic orientations. Counseling psychology and psychotherapy. 2024. Vol. 32. No. 1. P. 122 – 138. DOI: 10.17759/cpp.2024320107

12. Kriger E.E. Gender differences in psychological separation from parents in adolescence. World of science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11. No. 2. URL: https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN223.pdf (date of access: 10.07.2026)

13. Adler A. Raising Children. Interaction of the Gender: translated from English by A.A. Valeeva, R.A. Valeeva. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. 448 p.

14. Arnett J.J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2014. 416 p.

15. Litvinova A.V. Psychological Separation from Parents as a Condition for the Development of Students' Goal-Setting. Psychological and Pedagogical Research. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 59 – 71. DOI: 10.17759/psyedu.2020120105

16. Gavrilyuk N.P., Tsyguleva D.V., Trubina K.S. Features of psychological separation from parents in the context of the meaning-of-life crisis of late adolescence. The world of science. Pedagogy and psychology. 2025. Vol. 13. No. 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/101PSMN125.pdf (date of access: 08.07.2026)

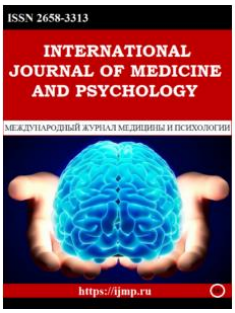
17. Stepanenko D.S. Psychological aspects of separation of adolescents with different sibling positions. Innovative socio-psychological technologies: Proc. II Int. scientific-practical. festival, Minsk, November 17, 2023. Belarusian State University; editorial board: N.N. Krasovskaya (editor-in-chief) and others. Minsk: BSU, 2024. P. 288 – 294.

Информация об авторах

Гончарова С.С., кандидат психологических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь, s.goncharowa@mail.ru

Ермилова Д.Д., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь, ermilovadidi@yandex.by

© Гончарова С.С., Ермилова Д.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-291-297

[1] Довгаленко А.П.,
[1] Международный детский центр «Артек», г. Ялта

Педагогическая профилактика деструктивных форм проявления массового сознания в детской среде

Аннотация: целью данной работы является обоснование необходимости мер педагогической профилактики, основанных на понимании механизмов массового сознания и специфики его проявления в детском коллективе. Объектом исследования выступают деструктивные формы массового сознания в детской и подростковой среде. Проведен анализ теоретических подходов к феномену стадного чувства. Выявлены особенности проявления буллинга и остракизма в детском и подростковом коллективе. Предлагается рассматривать данные феномены не изолированно, а в контексте единой психологической природы – стадного чувства, что позволяет перейти от описания последствий к превентивному воздействию на их предотвращение. Определено, что наиболее уязвимой возрастной группой являются подростки 12-16 лет, у которых стремление соответствовать большинству максимально выражено. Предложены меры педагогической профилактики деструктивных форм проявления массового сознания в детской среде, прежде всего, в школьном коллективе. Перспективы исследования включают дальнейшее эмпирическое исследование эффективности педагогической профилактики деструктивных форм проявления массового сознания в детской среде. Предложенные меры способствуют разработке модели педагогической профилактики и проведению эмпирического исследования в школьном коллективе.

Ключевые слова: массовое сознание, буллинг, остракизм, стигматизация, стадный инстинкт, психология толпы, педагогическая профилактика, деструктивное поведение, школьный коллектив, образовательная среда

Для цитирования: Довгаленко А.П. Педагогическая профилактика деструктивных форм проявления массового сознания в детской среде // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 291 – 297. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-291-297

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Dovgalenko A.P.,
[1] Artek International Children's Center, Yalta

Pedagogical prevention of destructive forms of mass consciousness among children

Abstract: the purpose of this study is to substantiate the need for pedagogical preventive measures based on an understanding of the mechanisms of mass consciousness and the specifics of its manifestation in a children's group. The object of the study is the destructive forms of mass consciousness among children and adolescents. An analysis of theoretical approaches to the phenomenon of herd mentality is conducted. The characteristics of bullying and ostracism in children and adolescents are identified. It is proposed to consider these phenomena not in isolation, but in the context of a single psychological nature – herd mentality, which allows us to move from a description of the consequences to preventive measures. It has been determined that the most vulnerable age group are adolescents aged 12-16, who have a particularly pronounced desire to conform to the majority. Measures for pedagogical pre-

vention of destructive forms of mass consciousness among children, primarily in the school community, are proposed. Prospects for the study include further empirical research on the effectiveness of pedagogical prevention of destructive forms of mass consciousness among children. The proposed measures contribute to the development of a model of pedagogical prevention and the conduct of empirical research in the school community.

Keywords: mass consciousness, bullying, ostracism, stigmatization, herd instinct, crowd psychology, pedagogical prevention, destructive behavior, school community, educational environment

For citation: Dovgalenko A.P. Pedagogical prevention of destructive forms of mass consciousness among children. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 291 – 297. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-291-297

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Индивид от природы наделен не только инстинктом самосохранения и размножения, но и стадным чувством. Тот, кто живет «по законам стада», не допускает мысли, что у другого могут быть собственные предпочтения или личные потребности и убеждения. Для такого человека все вкусы и взгляды делятся лишь на две категории: «правильные» – те, что разделяет он сам и, как ему кажется, большинство «нормальных людей», – и «неправильные». Конфликт с другими для него – это способ поднять собственную значимость и утвердить свой статус. В психологической и социальной науке существует понятие «психология толпы». Мозг ребенка осваивает мир через подражание. На подсознании этот механизм остаётся с нами на всю жизнь. Именно благодаря копированию поведения и эмоциональному слиянию с другими люди присоединяются к толпе, становятся жертвами политической пропаганды или громких рекламных кампаний, меняют свои убеждения вопреки воспитанию и морали. На подсознательном уровне человек с собственным мнением воспринимается как сильная личность, а на фоне собственной умственной слабости и ограниченности он воспринимается как угроза. Когда мнение одного человека сильно расходится с мнением большинства, мозг подсознательно воспринимает это как ошибку. Однако существует и обратный механизм – влияние меньшинства на массу. В животном мире вся популяция может подчиниться одному вожаку. В обществе важно, чтобы влияющий был лидером, обладал харизмой или выражал общие желания. Достаточно, чтобы от двух до пяти процентов людей действовали слаженно и одинаково – тогда остальные, у кого лидерские качества выражены слабее, начнут копировать их поведение. Эффект толпы возникает там, где у человека нет собственных убеждений и жизненных ориентиров. Особую опасность стадный инстинкт представляет из-за своих последствий. Когда пробуждается стадное чувство, моральные и ценностные ориентиры разрушаются, человек чувствует полную безнаказанность. Это объясняется тем, как распределяется ответственность за поступок: если один человек совершает действие, то он отвечает за него полностью; если двое – ответственность делится; если сотни – личная ответственность практически исчезает. Такая безнаказанность приводит к поступкам, недопустимым для индивидуального сознания, прежде всего к деструктивному поведению (воровство, погромы, коллективная травля, избиение другого толпой и т.д.).

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили фундаментальные работы зарубежных и отечественных авторов, в частности:

- З. Фрейда, где раскрываются механизмы эмоционального слияния индивида с толпой и феномен подражания;
- концепции остракизма К.Д. Вильямса, представленная в теории потребностей (в принадлежности, самоуважении, контроле и осмысленном существовании), которая легла в основу анализа психологических последствий социального исключения [9];
- теории аномии Э. Дюркгейма с точки зрения состояния нормативного вакуума в подростковой среде как фактора, провоцирующего деструктивное поведение;
- концепции девиантного поведения Р. Мертона, а также теории стигматизации Г. Беккера и И. Гофмана для анализа механизмов закрепления ролей «жертвы» и «агрессора» в коллективе.

Использовались методы теоретического анализа, синтеза, обобщения и моделирования.

Результаты и обсуждения

Согласно З. Фрейду, стадное чувство может иметь разные формы проявления, например, потребность быть принятым или страх исключения из группы, – так можно объяснить вхождение детей и подростков в субкультуры, сообщества по интересам [1]. С этой точки зрения стадное чувство основано на страхе одиночества и жажде одобрения. Стоит отметить, что толпа представляет собой бесструктурное скопление людей, лишенных общей осознанной цели, но связанных сходством эмоций и общим объектом внимания. По мнению З. Фрейда, дети и подростки наиболее подвержены влиянию толпы ввиду неокрепшей психики, стремления к одобрению со стороны взрослых или более сильных сверстников, в качестве психологической основы выступаю неуверенность в себе, зависть, обида, непринятие себя как личность, неприятие социальных и культурных норм, которые ранее в детстве не воспринимались как обязательность [1]. В этом смысле общие интересы в группе, даже если они противоречат индивидуальном сознанию, начинают выступать в качестве инструмента коллективного мышления, искажения информации и отвержения себя как личности. Особенно зависимы от мнения большинства подростки 12-16 лет. Стремление приспособиться сильнее всего в период взросления, поэтому они сбиваются в «стаи». В результате мысли и поступки подростков на 90% определяются другими. Они предпочитают быть как все, а не иметь четкой позиции.

Стадный инстинкт стоит рассматривать как базовый механизм проявления деструктивных форм массового сознания у детей и подростков. Наиболее распространенными в современном обществе можно считать буллинг и остракизм, проявляющиеся, на наш взгляд, на основе нарушения потребности поддерживать достаточную самооценку и ощущать принадлежность к социальной группе в первом случае и нарушения потребности чувствовать, что тебя признают существующим и стоящим внимания - во втором.

В самом общем виде буллинг, или травля, является формой конфликта. В психологии конфликт трактуется как наиболее резкий метод урегулирования значительных разногласий, возникающих в ходе межличностного общения и выражающихся в противодействии сторон; такой конфликт обычно сопровождается отрицательными переживаниями и выходит за пределы установленных социальных норм и правил [2].

Под буллингом понимается целенаправленное, психологическое или физическое насилие над отдельной личностью, осуществляемое одним человеком или группой, которое носит длительный характер и затрагивает людей различных возрастов [3]. Наиболее широко буллинг распространен именно в образовательной среде, которая формирует модели поведения человека в социуме.

Важным представляется уделять внимание тем формам агрессивного поведения (негативной девиации), которые свойственны детям, подросткам и молодежи и могут в будущем способствовать росту преступлений против личности. Поскольку буллинг – форма деструктивного поведения, важно учитывать социальные и демографические основы и причины его проявления [4].

Буллинг присущ обидчику, однако и жертва, и свидетели также нередко ведут себя нестандартно. Обидчик, совершая импульсивные действия, чаще всего демонстрирует негативное деструктивное поведение [5]. Деструктивность здесь заключается в разрушении внешних структур социального взаимодействия, когда обидчик с помощью словесного или физического давления ставит жертву на низшую позицию в группе. В ситуации травли обидчик, стремясь наказать жертву за неугодное с его точки зрения поведение, часто не осознает, что сам нарушает общественные нормы.

Э. Дюркгейм видел в социальной аномии (размытость социальных правил, норм) отсутствие норм и рассматривал ее как патологию «большого общества», возникающую в условиях кризиса, прежде всего экономического, и ведущую к коллективной разобщенности и распаду социальных структур. В результате индивид может испытывать усталость и отчаяние, что толкает его к отклоняющемуся поведению [4].

По мнению Р. Мертона, при нарушении равновесия между социокультурными нормами и институциональными средствами возникает девиантное поведение у индивидов. В российском обществе нарушение социальной адаптациииспособствует возникновению девиаций и может усугубить буллинг в школах [3; 5].

Школьный коллектив становится площадкой столкновения социокультурных норм, амбиций и потребностей, что неизбежно порождает буллинг и кибербуллинг [2]. Ситуацию усугубляет перегрузка педагогов, вынужденных проводить по 7-8 уроков в день и не имеющих сил для профилактики такого поведения. Подростку трудно понять, что люди не всегда соответствуют ожиданиям, что ведет к навешиванию отрицательных ярлыков. Буллинг сместился на уровень малых групп [1, с. 203], что позволяет формироваться локальным мини-обществам, игнорирующим нормы «большого» общества и традиционные ценности.

Дефект внешности, непризнаваемые черты характера или принадлежность к неуважаемой группе могут стать причинами стигматизации – при обозначении качества, выдающего какое-то постыдное свойство индивида, причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него.

Согласно теории стигматизации (Г. Беккер, И. Гофман), девиантное поведение определяется оценкой общества: пока оно не дает негативных суждений, поведение не считается отклоняющимся [6].

По мнению Гофмана, что стигматизированный индивид колеблется между защитой и нападением, что приводит к неконтролируемому взаимодействию, примером чего является буллинг, где жертва может убегать или атаковать в ответ. Навешивание ярлыков ведет к виктимизации слабых и росту агрессии сильных, о чем говорят западные исследования [2].

С одной стороны, подобное поведение нередко ведет к падению успеваемости, с другой, – к возникновению эмоциональных расстройств и неврозов, а также к росту агрессии и суицидальных мыслей в подростковой среде.

Другой формой проявления деструктивного поведения следует считать остракизм, который наиболее демонстративно проявляется в детской и подростковой среде.

Согласно проведенному анализу научных источников, в современной отечественной психологии явления остракизма как формы игнорирования и социального исключения остаются малоизученными. Обычно социальное исключение исследуется в рамках социологии, политологии или истории, тогда как психология сосредоточена лишь на очевидных формах игнорирования, изоляции или отвержения, таких как буллинг, кибербуллинг и моббинг. В то же время феномен остракизма, который охватывает и игнорирование, и социальное исключение, с психологической точки зрения представляет собой более широкое понятие [7; 8].

К.Д. Вильямс выделяет минимум пять разновидностей остракизма: ролевой, защитный, непреднамеренный, карающий и псевдо-остракизм. Кроме того, будучи неотъемлемой частью социального взаимодействия, остракизм может проявляться в повседневной жизни человека как в хронической форме (например, буллинг), так и быть кратковременным [9].

В соответствии с разработанной К.Д. Вильямсом моделью социальный остракизм выражается в игнорировании, исключении или отвержении члена группы, что приводит к нарушению базовых потребностей: потребности в принадлежности (подрывается ощущение связи с другими людьми, особенно если группа референтна), потребности в самоуважении (человек осознает, что его не ценят и не уважают, что снижает самооценку), потребности в контроле (снижается или исчезает ощущение контроля при взаимодействии) и потребности в осмысленном существовании (остракизм затрагивает глубинные вопросы смысла жизни и ценности своего существования) [3].

Если проблема школьного буллинга сегодня активно обсуждается обществом и принимаются меры по борьбе с такими негативными явлениями среди детей и подростков, то исследования остракизма показывают, что даже случайное игнорирование (например, не полученный ответ на приветствие), краткосрочное пренебрежение (как не переданный мяч в игре) способны нанести серьезную психологическую травму.

Согласно теоретической модели остракизма К.Д. Вильямса у любого человека – как взрослого, так и ребенка – в ситуации остракизма нарушаются одна или несколько базовых потребностей: потребность в принадлежности, самоуважении, контроле и осмысленном существовании.

В ситуации игнорирования или социального исключения дети, независимо от своих личностных особенностей, более склонны к радикальным действиям: они проявляют агрессию, делают категоричные заявления и демонстрируют склонность к деструктивном и девиантному поведению.

По мнению Е.Э. Бойкиной, исследуются как частные аспекты социального остракизма, так и изучаются психологические, педагогические проблемы и их профилактика [6].

В зарубежных работах остракизм связывают с рядом психологических феноменов: во-первых, с исключением, которое может выражаться в одиночестве или изоляции с явной демонстрацией неприязни или без нее (по Дж.М. Твендж); во-вторых, с отвержением, проявляющимся в заявлении человека или группы о нежелании взаимодействовать с определенным субъектом (по М. Лири); в-третьих, с игнорированием, которое заключается в умышленном оставлении без внимания или пренебрежении индивидуально-психологических особенностей личности [6].

Если остракизм переживает несовершеннолетний, ему необходимо своевременно оказать психолого-педагогическую помощь.

На основе проведенного анализа деструктивных форм проявления массового сознания среди детей и подростков целесообразно определить меры педагогической профилактики некоторых форм, в частности, буллинга и остракизма в школьном коллективе (рис. 1).

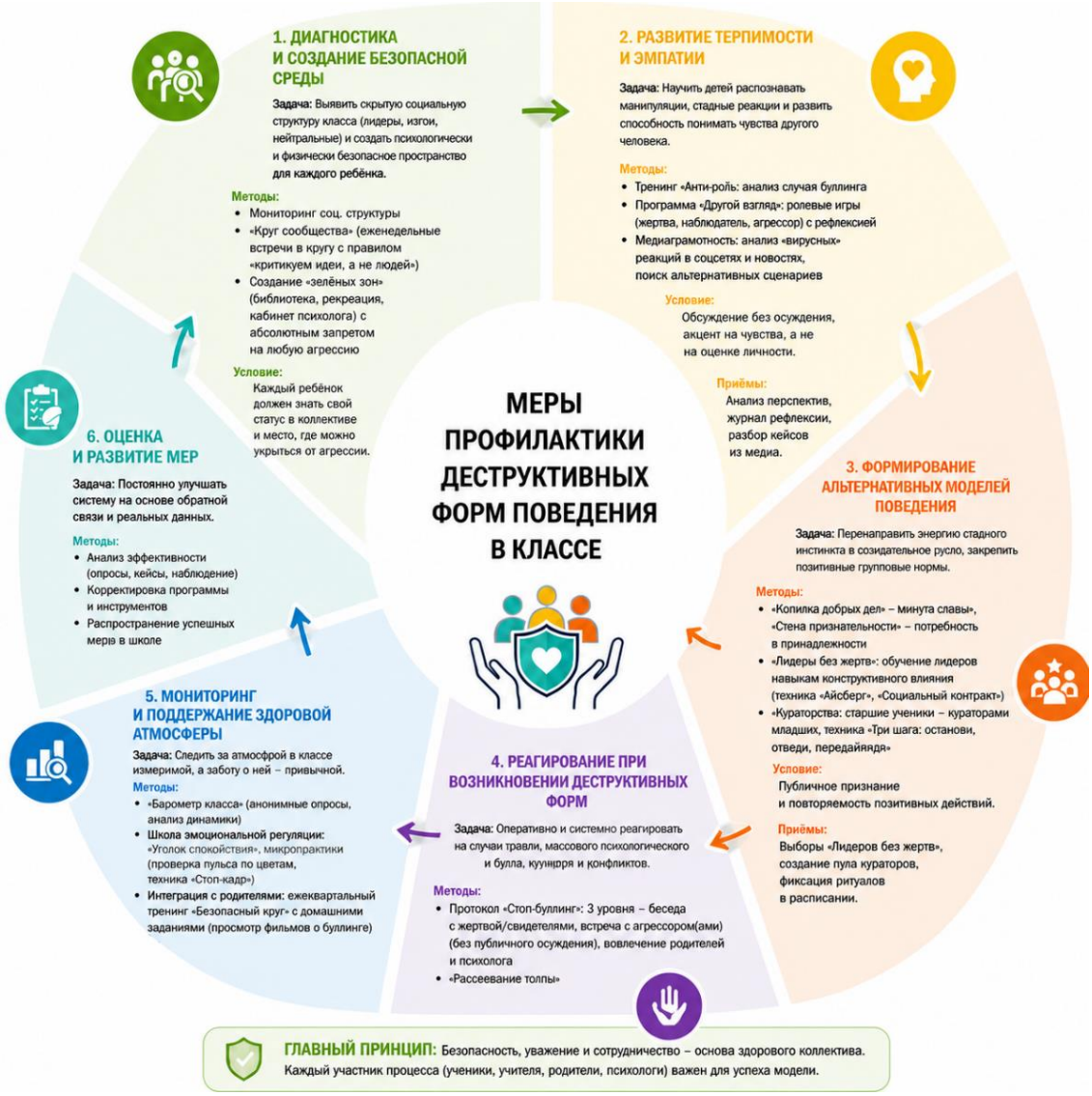

Рис. 1. Меры педагогической профилактики буллинга и остракизма в школьном коллективе.
Fig. 1. Measures for pedagogical prevention of bullying and ostracism in the school community.

На основе систематизации теоретических данных предложены педагогической профилактики, включающие три взаимосвязанных компонента. Целевой компонент предполагает формирование устойчивой системы ценностей и навыков осознанного социального поведения. Содержательный компонент содержит тематические блоки, направленные на развитие эмоционального интеллекта, эмпатии, навыков конструктивного разрешения конфликтов и критического мышления. Организационно-деятельностный компонент предусматривает внедрение интерактивных форм работы (тренинги, ролевые игры, проектная деятельность), а также системную работу с классным коллективом по формированию психологически безопасной среды.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Стадное чувство, с рождения присущее человеку, является базовым психологическим механизмом, запускающим деструктивные формы массового сознания (буллинг, остракизм) в детской и подростковой среде. Данный механизм актуализируется в условиях недостаточной сформированности личности у несовершеннолетних.

2. Наиболее уязвимой группой являются подростки 12-16 лет, у которых стремление соответствовать большинству максимально выражено, а личностные черты находятся в стадии становления. Именно в этот период стадный инстинкт может проявляться наиболее интенсивно.

3. Остракизм и буллинг имеют общую природу, связанную с нарушением базовых экзистенциальных потребностей, однако остракизм представляет собой более широкое и менее изученное явление, требующее отдельного внимания в психолого-педагогической литературе. Социальное исключение способно наносить не менее глубокие психологические травмы, чем прямые формы агрессии. Буллинг тесно связан со стигматизацией индивида и навешиванием ярлыков, при этом жертва способна к защите и нападению.

4. Эффективная профилактика деструктивных форм поведения должна основываться не только на ситуативной помощи, но и на предотвращении случаев проявления такого поведения, включать формирование групповой сплоченности, развитие эмоционального интеллекта, навыков конструктивного разрешения конфликтов и осознанного противодействия массовому влиянию. Традиционные подходы, ориентированные исключительно на коррекцию уже проявленного поведения, являются недостаточными.

5. Представленная модель педагогической профилактики может быть рекомендована для внедрения в образовательные учреждения как основа системной работы по формированию безопасной и психологически комфортной образовательной среды. Однако модель требует дальнейшей эмпирической апробации и учета конкретных условий образовательного учреждения.

Список источников

1. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». 2-е изд. Москва: Академический проект, 2020. 117 с.

2. Вторушина Ю.С., Митрухина С.В., Власова Е.Н., Антонов В.П. Буллинг как особый вид конфликта в детской и подростковой среде // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2022. №4 (42). С. 90 – 99.

3. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 3. С. 62 – 90. URL: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90

4. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Электронный ресурс] // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117, issue 3. P. 497 – 529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497

5. Кривцова С.В., Шапкина А.Н., Малыгина М.П. Школьный буллинг: прояснение понятий // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 1 – 12.

6. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 127 – 140.

7. Костина Л.Н., Костина Е.Ю. От проблемы остракизма в отношении детей и подростков к ее решению // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 294 – 300.

8. Костина Л.Н., Костина Е.Ю. От проблемы остракизма в отношении детей и подростков к ее решению // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 294 – 300.

9. Nezlek J.B. et al. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 432 – 451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351

10. Williams K.D. Ostracism [Электронный ресурс] // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425 – 452.

References

1. Freud Z. Psychology of the Masses and the Analysis of the Human "I". 2nd ed. Moscow: Academichesky Proekt, 2020. 117 p.

2. Vtorushina Yu.S., Mitrukhina S.V., Vlasova E.N., Antonov V.P. Bullying as a Special Type of Conflict in the Children's and Adolescent Environment. Bulletin of Kharkiv State University named after N.F. Katanov. 2022. No. 4 (42). P. 90 – 99.

3. Novikova M.A., Rean A.A., Konovalov I.A. Bullying in Russian Schools: Experience of Diagnosing Prevalence, Age and Gender Characteristics, and Relationship with School Climate. Educational Studies Moscow. 2021. No. 3. P. 62 – 90. URL: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90

4. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Electronic resource]. Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117, issue 3. P. 497 – 529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497

5. Krivtsova S.V., Shapkina A.N., Malygina M.P. School bullying: clarification of concepts. Questions of Psychology. 2019. No. 3. P. 1 – 12.

6. Boykina E.E. Ostracism and Related Phenomena: A Review of Foreign Research. Psychology and Law. 2019. Vol. 9. No. 3. P. 127 – 140.

7. Kostina L.N., Kostina E.Yu. From the Problem of Ostracism in Relation to Children and Adolescents to Its Solution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 5. P. 294 – 300.

8. Kostina L.N., Kostina E.Yu. From the Problem of Ostracism in Relation to Children and Adolescents to Its Solution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 5. P. 294 – 300.

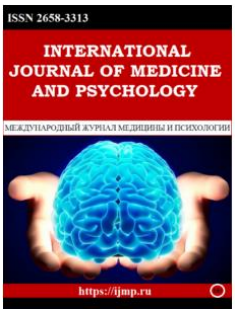
9. Nezlek J.B. et al. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Electronic resource]. The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 432 – 451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351

10. Williams K.D. Ostracism [Electronic resource]. The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425 – 452.

Информация об авторе

Довгаленко А.П., методист методического отдела управления детских лагерей, Международный детский центр «Артек», г. Ялта, adovgalenko@artek.org

© Довгаленко А.П., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9.07:37.015.3:004.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-298-305

[1] Лукашенко Д.В.,
[1] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний

Психологическая диагностика цифровой образовательной среды вуза: когнитивная нагрузка, учебная мотивация и психологическое благополучие обучающихся

Аннотация: исследование направлено на обоснование диагностической схемы оценки цифровой образовательной среды вуза, в которой когнитивная нагрузка, учебная мотивация и психологическое благополучие рассматриваются не как соседние переменные, а как связанные контуры одного процесса учебной деятельности. Задачи работы: уточнить объект психодиагностики цифровых образовательных сред; сопоставить валидизированные отечественные шкалы оценки вузовской цифровой среды с зарубежными подходами к когнитивной нагрузке и самодетерминации; выявить повторяющиеся эмпирические связи по публикациям 2021-2026 годов; показать, какие ошибки интерпретации возникают, если среда сводится к платформе, а благополучие – к отсутствию стресса; предложить этапную схему скрининга, пригодную для психологической службы и методических подразделений; развести трудность учебного предмета и внешнюю нагрузку, порожденную дизайном курса. Методология опирается на культурно-исторический подход, теорию учебной деятельности, теорию когнитивной нагрузки, теорию самодетерминации и концепцию психологической безопасности образовательной среды. Использованы систематический отбор публикаций, контент-анализ диагностических конструктов, вторичный синтез эмпирических результатов и теоретическое моделирование. Установлено, что отношение к цифровой образовательной среде многомерно и не описывается одним индексом комфортности; внешняя когнитивная нагрузка и дефицит связанности повышают стрессонапряженность; принятие среды преподавателем зависит от переживания смысла труда, а не только от владения сервисами; предпочтения формата обучения нельзя читать вне контекста исследования и без учета когнитивных и мотивационных предикторов. Практическая ценность состоит в возможности собирать уже существующие методики в рабочую батарею без конструирования нового опросника и в правилах чтения профиля, отличающих трудность предмета от хаоса среды. Результаты адресованы вузовским психологам, разработчикам электронных курсов, кафедрам педагогики и психологии, системе повышения квалификации преподавателей и могут использоваться при аудите смешанных и онлайн-программ, а также при подготовке локальных регламентов психолого-педагогического сопровождения в цифровой среде.

Ключевые слова: педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред, когнитивная нагрузка, учебная мотивация, психологическое благополучие, психологическая безопасность

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Психологическая диагностика цифровой образовательной среды вуза: когнитивная нагрузка, учебная мотивация и психологическое благополучие обучающихся // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 298 – 305. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-298-305

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Lukashenko D.V.,***
[1] *Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

Psychological diagnostics of the university digital educational environment: cognitive load, learning motivation and students' psychological well-being

Abstract: the study aims to substantiate a diagnostic scheme for assessing the university digital educational environment in which cognitive load, learning motivation and psychological well-being are treated not as adjacent variables but as related circuits of one learning activity. The tasks were: to clarify the object of psychodiagnostics of digital educational environments; to compare validated Russian scales of the university digital environment with international approaches to cognitive load and self-determination; to identify recurring empirical associations in publications of 2021-2026; to show interpretation errors that arise when the environment is reduced to a platform and well-being to the absence of stress; to propose a staged screening scheme for counseling services and instructional units. The methodology draws on the cultural-historical approach, activity theory of learning, cognitive load theory, self-determination theory and the concept of psychological safety of the educational environment. Systematic selection of publications, content analysis of diagnostic constructs, secondary synthesis of empirical findings and theoretical modeling were used. Attitude toward the digital educational environment is multidimensional and is not captured by a single comfort index; extraneous cognitive load and a deficit of relatedness increase stress tension; teachers' acceptance of the environment depends on the sense of meaning in work, not only on tool proficiency. The practical value lies in assembling existing instruments into a working battery without constructing a new questionnaire, and in reading rules that distinguish subject difficulty from environmental chaos. The results are addressed to university psychologists, designers of e-courses, departments of pedagogy and psychology, and faculty development systems.

Keywords: educational psychology; psychodiagnostics of digital educational environments; cognitive load; learning motivation; psychological well-being; psychological safety

For citation: Lukashenko D.V. Psychological diagnostics of the university digital educational environment: cognitive load, learning motivation and students' psychological well-being. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 298 – 305. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-298-305

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Цифровая образовательная среда (ЦОС) в педагогической психологии не совпадает с электронной информационно-образовательной средой как организационно-техническим комплексом. Среда становится образовательной, когда через нее идут целеполагание, ориентировка, исполнение, контроль и оценка. Знак и орудие, если следовать культурно-исторической линии, не прилагаются к готовой психике, а перестраивают действие. В вузовской ЦОС перестраиваются внимание, рабочая память, способы запроса помощи, переживание автономии и компетентности. Отсюда следует простая и часто игнорируемая вещь: частота входов в систему и «современность» сервиса сами по себе еще не диагностический факт.

Разрыв между пользовательской ловкостью и учебной цифровой компетентностью к 2020-м годам описан достаточно жестко. Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова, сравнивая российских подростков с подростками восемнадцати европейских стран, фиксируют: «цифровая компетентность российских подростков составляла от 30% до 50% от максимально возможного уровня индекса цифровой компетентности» [14, с. 18]. И далее: «по уровню цифровой компетентности подростков Россия входит в "тройку" стран с наиболее низкими показателями» [14, с. 19]. На входе в вуз этот разрыв не исчезает. Студент, свободно живущий в мессенджерах, может теряться в длинном учебном тексте, в иерархии дедлайнов и в различении нужного и лишнего. Л.А. Регуш с соавторами показали, что психологические проблемы в реальной и виртуальной среде не копируют друг друга и требуют отдельных процедур измерения [11; 19]. Перенос школьной или чисто очной батареи в ЦОС «как есть» поэтому методически сомнителен.

Отдельный узел – формат обучения. Расхожее мнение, будто студенты после вынужденного дистанта массово требуют возврата в аудиторию, не подтверждается прямыми цифрами. В исследовании А.А. Марголиса, М.Г. Сороковой и А.А. Шведовской на выборке Московского государственного психолого-педагогического университета (N = 761, февраль – март 2022 года) «очный формат (ОФ) выбрали 10,8%

студентов, смешанный формат (СФ) – 39,7%, дистанционный формат (ДФ) – 49,5%» [8, с. 5]. Цифры относятся к ковидному контексту и не могут механически переноситься на 2026 год, но они ломают упрощенную схему «молодежь устала от экрана». Предпочтение дистанта здесь связано, среди прочего, со страхом заболевания и с возрастом, а смешанный формат чаще выбирают респонденты с более высокими показателями логического мышления [8]. Для психодиагностики ЦОС это означает: формат – не организационная мелочь, а переменная, в которой сходятся нагрузка, связанность и безопасность.

Когнитивная нагрузка, учебная мотивация и психологическое благополучие обычно исследуются разными группами. Теория когнитивной нагрузки объясняет, почему плохо собранный цифровой материал переполняет рабочую память [16; 18]. Теория самодетерминации описывает, как среда поддерживает или подрывает автономию, компетентность и связанность [17]. Концепция психологической безопасности образовательной среды, развиваемая И. А. Баевой, задает критерий защищенности и референтности [2]. В реальном семестре три линии не разведены. Перегруженный курс бьет не только по рабочей памяти: падает переживание компетентности, а при молчании преподавателя в чате возникает еще и ощущение незащищенности. Если диагностика держит только один контур, сопровождение получается дырявым.

Цель работы – обосновать диагностическую схему ЦОС вуза, в которой нагрузка, мотивация и благополучие читаются совместно.

Рабочее предположение. Удовлетворенность ЦОС и продуктивность учения в ней держатся на согласованности трех групп показателей: снижении внешней нагрузки при сохранении уместной собственной; поддержке базовых психологических потребностей; обеспечении психологической безопасности, включая предсказуемость требований и границы учебного времени. Рассогласование этих групп делает технически богатую среду стрессогенной.

Новизна связана не с изобретением еще одной шкалы, а с правилом совместного чтения уже существующих. Практический смысл – в этапном скрининге для психологической службы и в аудите конкретных курсов.

Материалы и методы исследований

Работа построена как теоретико-эмпирический аналитический проект. Собственная «полевая» выборка не формировалась: задача состояла в том, чтобы на повторяемости чужих, но проверяемых данных собрать диагностическую логику, а не имитировать первичный опрос.

Отбор публикаций ограничен 2021-2026 годами. Искались работы по педагогической психологии, психодиагностике образовательных сред, когнитивной нагрузке в цифровом обучении, учебной мотивации, психологической безопасности и готовности субъектов к цифровым средствам.

Результаты и обсуждения

Объект диагностики. Пока ЦОС отождествляют с набором сервисов, психодиагностика подменяется IT-аудитом.

AUDEE Scale как раз и измеряет отношение субъекта к среде, а не «качество железа». Шесть субшкал: удовлетворенность учебным процессом и практическая польза; удовлетворенность коммуникативным взаимодействием и мотивация к учению; стрессонапряженность; необходимость поддержки в учебной деятельности; нечестные стратегии; доступность среды [15]. На выборке N = 406 согласованность субшкал по альфе Кронбаха составила 0,72–0,91, конфирматорный анализ дал RMSEA = 0,06 [15]. Среди пунктов есть прямая формулировка «Цифровая образовательная среда повышает стрессовое напряжение» – она относится к субшкале стрессонапряженности и хорошо показывает, что авторы изначально не сводили ЦОС к удобству. Положительные субшкалы связаны с переживанием удовольствия и смысла в учении, отрицательные – с усилием и амотивацией [15]. Позже свойства шкалы уточнялись на преподавательских выборках [12]. Отношение к ЦОС, судя по этим данным, многомерно. Один «индекс цифрового комфорта» маскирует разнонаправленные шкалы: доступ к материалам может оцениваться спокойно при провале коммуникации.

Студент и преподаватель смотрят на одну и ту же среду с разных сторон. Для преподавателя ЦОС – поле профессиональной нагрузки. Н.П. Радчикова, М.А. Одинцова и М.Г. Сорокова на выборке 308 преподавателей российских вузов показали, что «чем сильнее переживание смысла и слабее переживания усилия и пустоты, тем позитивнее относится преподаватель к работе в цифровой среде» [10, с. 325]. Ключевыми оказались также планирование целей, самостоятельность, открытость опыту и доброжелательность [10]. 81% опрошенных предпочитали смешанное обучение [10]. Принятие ЦОС, следовательно, не выводится из факта «умеет нажать кнопку». Е.С. Асмаковец и Е.А. Циркина описывают психологическую готовность обу-

чающегося к ЦОС как сборку мотивационного, когнитивного и регулятивного компонентов, а не как навык навигации [1]. Л.В. Силакова и А.И. Соснило, исследуя готовность участников образовательного процесса к цифровым технологиям, тоже смещают акцент с наличия средств на восприятие и готовность действовать ими [13]. Если диагностика держит только студенческий либо только преподавательский полюс, управленческое «улучшение платформы» легко проходит мимо того, что реально определяет состояние субъектов.

О. В. Ванновская, разбирая воздействие вузовской ЦОС на личность и психику, фиксирует двойственность: расширяется доступ к материалам и гибкость темпа, одновременно растут фрагментация внимания, тревога при сбоях, обеднение живого общения, размывание границ дня [4]. Это рифмуется с данными о том, что виртуальная среда порождает собственную феноменологию проблем, не сводимую к офлайн-списку [11; 19]. Д.В. Лукашенко связывает благополучие студентов в ЦОС с выбором психодиагностических подходов, а не с лозунгом цифровизации [7]. Для практики вывод жесткий: батарея, отлаженная в аудитории, в ЦОС может измерять не то.

Когнитивная нагрузка. J. Sweller исходит из ограниченности рабочей памяти при обработке биологически вторичного материала – а вузовское содержание почти целиком таково [18]. В цифровом курсе к внутренней сложности предмета добавляются навигация, несколько окон, уведомления, необходимость сразу читать, смотреть и фиксировать. A. Skulmowski и K.M. Xu специально предостерегают от однозначной оценки «живых» медиа: «we suggest considering both the positive and negative effects on cognitive load that certain design factors of digital learning can cause» [16, p. 171]. Иммерсивность и интерактивность не благо сами по себе. Элемент, не служащий ориентировке, конкурирует за ресурс рабочей памяти. Измерять «красоту» курса бессмысленно; измеряется соответствие дизайна учебной задаче.

Индивидуальные различия, на которых настаивает Sweller, ломают экспертную оценку «курса вообще» [18]. То, что для новичка внешняя нагрузка, для студента со схемой почти незаметно. Скрининг нагрузки поэтому лучше ставить не на абстрактном материале в начале семестра, а на реальном фрагменте курса – рядом с самооценкой понятности и с качеством ориентировки.

Повторяющийся паттерн вторичного синтеза таков. Курс, где длинный текст, видео, чат, обязательный форум и внешние ссылки даны без иерархии, чаще сопровождается высокими баллами стрессонапряженности и потребности в поддержке [15]. Там, где материал сегментирован, ориентиры выделены, контроль не требует удерживать сразу кучу несведенных элементов, выше удовлетворенность учебным процессом. Классические эффекты расщепленного внимания и избыточности в вузе усиливаются еще и тем, что студент живет сразу в нескольких курсах с несогласованными дедлайнами.

Связь нагрузки и мотивации не линейна. Собственная (germane) нагрузка, идущая на построение схемы, может переживаться как осмысленный труд и поддерживать компетентность. Внешняя – поиск кнопки, противоречивые инструкции, повторная загрузка одного файла в разные системы – бьет по автономии и компетентности сразу. Самоотчет «было трудно» без различения источника педагогически пуст: трудность предмета и трудность среды требуют разного вмешательства.

Цифровые следы (время на платформе, число попыток, возвраты) двусмысленны. Их можно прочесть и как добросовестность, и как растерянность. Без психологической рамки аналитика обучения превращается в скрытый контроль и сама повышает угрозу безопасности. Следы допустимы только рядом с самоотчетом и экспертной оценкой дизайна, не как автоматический рейтинг студента.

Мотивация и формат. Теория самодетерминации дает ясную оптику: внутренняя и автономная мотивация держатся на автономии, компетентности и связанности [17]. T.K.F. Chiu с соавторами показали, что развитие цифровой компетентности педагога зависит не только от набора навыков, но и от того, поддерживает ли организационная среда его базовые потребности [17]. У студента содержание потребностей иное, логика та же.

Автономию в ЦОС часто подменяют круглосуточным доступом. Гибкость без структуры дает прокрастинацию и тревогу. Автономия – это понятные критерии результата и возможность влиять на темп и способ внутри заданного поля, а не отсутствие рамок. Диагностический вопрос не «можно ли зайти ночью», а понятны ли цели, можно ли уточнить требование, есть ли траектория внутри задания.

Компетентность в ЦОС страдает от формализации обратной связи. Автотест быстр и нем. Если единственный сигнал – балл, студент учится охотиться за баллом. Е.И. Исаев и А.А. Марголис, разбирая трудности учения, возвращают связку «диагностика – профилактика – преодоление» и предостерегают против модели, в которой обучение и развитие идут как два независимых процесса [6]. В ЦОС связка рвется особенно легко: система отмечает ошибку быстрее, чем педагог успевает понять ее психологическую природу. «Обучение только тогда хорошо, когда оно идет впереди развития» – формула, которую авторы статьи при-

влекают через Выготского [6, с. 11], в цифровом курсе означает, что фиксация неуспеха без зоны ближайшего действия диагностикой не является.

Связанность в полностью дистантном режиме – самый ломкий компонент. Данные [8] здесь читаются осторожно. Дистант в 2022 году выбирали чаще, но предикторы этого выбора включают страх COVID-19 и более низкие показатели логического мышления относительно группы смешанного формата. Смешанный формат удержал и цифровые удобства, и «живую» связанность. Низкая удовлетворенность коммуникацией в AUDEE – не жалоба на сервис, а маркер дефицита базовой потребности [15]. Образ преподавателя, как показывает И.В. Гужва, для первокурсника остается частью образовательной среды [5]; исчезновение этого образа в рассылке заданий связанность не компенсирует.

Компетентность в смысле Солдатовой и Рассказовой – единство знаний, умений, мотивации и ответственности [14]. Высокая пользовательская ловкость при слабой учебной мотивации превращает ЦОС в канал минимизации усилий. Высокая учебная мотивация при слабой компетентности превращает среду в барьер. Средний балл вовлеченности по потоку оба случая прячет. Нужно профилирование.

А.А. Миронова, М.А. Одинцова и Н.П. Радчикова на студенческой выборке связали удовлетворенность ЦОС с копингом и защитами; репертуар стратегий у девушек и юношей не совпадает [9]. Универсальный «тренинг цифровой грамотности» эту ткань не берет. Одной группе нужна связанность, другой – расширение конструктивного совладания. Скрининг, слепой к копингу, будет лечить не то.

Безопасность и благополучие. И.А. Баева определяет психологическую безопасность образовательной среды как «состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия, удовлетворяющее потребность в личностно-доверительном общении, создающее референтность среды» [2, с. 8]. Психологическая безопасность личности – «психическое состояние, позволяющее сохранять устойчивость в среде с определенными параметрами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями» [2, с. 9]. В 2024-2025 годах эта линия распространена на личностные ресурсы студентов в напряженной социальной ситуации: образовательная среда остается одним из относительно стабильных факторов защищенности [2; 3]. М.Р. Белевцова и Е.Э. Бойкина на выборке студентов психолого-педагогического вуза (N = 99) описали нелинейную динамику безопасности по курсам и связь ее компонентов с академической успеваемостью [20]. Для ЦОС список угроз шире школьного: публичность ошибки в общем чате, непрозрачный автобалл, слежение через аналитику, кибербуллинг учебных чатов, вынужденная видимость дома на видео, круглосуточная достижимость.

Благополучие не равно отсутствию стресса. Напряжение сопутствует трудной задаче. Значим источник и обратимость. Стресс предмета при поддержке может быть развивающим. Стресс непредсказуемой платформы, противоречивых требований и недоступности разъяснения становится хроническим и подрывает и мотивацию, и когнитивную продуктивность [4; 7].

Шкалы стрессонапряженности и потребности в поддержке [9; 15] работают как связка между когнитивным и мотивационным контурами. Внешняя нагрузка поднимает стресс; стресс роняет компетентность и связанность; падение потребностей роняет автономную мотивацию; слабая мотивация делает непереносимой уже умеренную нагрузку. Петля. Разрывать ее можно с разных точек, но сначала нужно видеть, какая точка ведущая.

Диагностическая схема. Три контура. Контур нагрузки. Понятность навигации; избыточность материалов; время на ориентировку до начала выполнения; технические и инструкционные сбои; различение трудности предмета и трудности среды. Самоотчет после модуля, экспертная карта дизайна, следы (возвраты, брошенные попытки) только вместе с самоотчетом. Рост внешней нагрузки при стабильной сложности предмета – повод пересобирать курс, а не «мотивировать» студента [16; 18]. Контур мотивации. Понятность смысла требований; информативность обратной связи и посильность шага; присутствие преподавателя как субъекта, а не как рассылки; соотношение автономной и контролируемой мотивации. Пункты AUDEE по коммуникации, мотивации и учебному процессу [15]; рамка самодетерминации [17]; короткие разборы случаев резкого падения вовлеченности. Высокая «посещаемость» электронного курса при падении связанности – риск отчуждения, не показатель успешной цифровизации [8; 17]. Контур безопасности. Предсказуемость оценивания; защищенность от публичного обесценивания; границы учебного времени; доступность помощи; стрессонапряженность; потребность в поддержке; копинг. Шкала психологической безопасности в адаптации к цифровому контексту [2; 3; 20]; шкалы стресса и поддержки AUDEE [15]; скрининг совладания [9]; при необходимости – различение проблем реальной и виртуальной среды [11]. Высокая потребность в поддержке при низкой референтности – разрыв сопровождения, который новыми цифровыми заданиями не закрывается.

Выводы

Психодиагностика вузовской ЦОС теряет предмет, если измеряет платформу вне системы «субъект – средство – задача – социальный контекст». Удобство интерфейса без эффекта среды для учебной деятельности - недостаточный показатель.

Многомерные шкалы отношения к ЦОС, прежде всего AUDEE, дают рабочее ядро скрининга: учебный процесс, коммуникация и мотивация, стрессонапряженность, потребность в поддержке, нечестные стратегии, доступность. Сведение к одному индексу комфортности методически ошибочно.

Внешняя когнитивная нагрузка, порожденная дизайном и организацией, снижает продуктивность и благополучие; собственная нагрузка, идущая на схему, может поддерживать компетентность. Без этого различения и без учета подготовленности диагностика нагрузки слепа. Мотивация в ЦОС держится на автономии, компетентности и связанности. Предпочтения формата нельзя читать лозунгом: в 2022 году на большой студенческой выборке дистант выбирали чаще очного, а смешанный формат оказался связан с более высокими когнитивными показателями. Дефицит содержательной обратной связи - основной мотивационный риск автоматизированного контроля.

Психологическая безопасность ЦОС включает защищенность и референтность, а также прозрачность алгоритмического оценивания, границы времени, защищенность от публичного обесценивания в сети. Стрессонапряженность и потребность в поддержке замыкают когнитивный и мотивационный контуры в одну петлю. Рабочая схема – согласованность трех контуров, этапный скрининг, аудит конкретных курсов, пересборка ориентировки электронных материалов, подготовка преподавателя не к кнопкам, а к дизайну нагрузки, обратной связи и безопасной коммуникации. Лонгитюд с сопоставлением самоотчета, экспертизы дизайна и этически прозрачных следов, а также дифференциация профилей по компетентности, саморегуляции и копингу остаются следующей, еще не закрытой задачей.

Список источников

1. Асмаковец Е.С., Циркина Е.А. Модель психологической готовности к обучению в цифровой образовательной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30. № 2 (101). С. 189 – 196. DOI: 10.24412/1999-6241-2025-2101-189-196

2. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 5 – 19. DOI: 10.17759/epps.2024010301. URL: https://psyjournals.ru/journals/epps/archive/2024_n3/Baeva (дата обращения: 26.06.2026)

3. Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В., Лактионова Е.Б. Особенности личностных ресурсов психологической безопасности студентов, обучающихся в условиях напряженной социальной среды // Психологическая наука и образование. 2025. Т. 30. № 2. С. 5 – 18.

4. Ванновская О.В. Воздействие цифровой образовательной среды вуза на личность и психику обучающихся // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 82 – 96. DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-82-96

5. Гужва И.В. Психологические особенности восприятия образа преподавателя студентами-первокурсниками // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 160 – 170. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-160

6. Исаев Е.И., Марголис А.А. Трудности в обучении: диагностика, профилактика, преодоление // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 5. С. 7 – 20. DOI: 10.17759/pse.2023280501. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n5/Isaev_Margolis (дата обращения: 26.06.2026)

7. Лукашенко Д.В. Психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде: психодиагностические подходы и педагогические перспективы // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. Т. 8. № 2.

8. Марголис А.А., Сорокова М.Г., Шведовская А.А. Очный, смешанный или онлайн-формат: как предпочитают учиться студенты? // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 5. С. 5 – 20. DOI: 10.17759/pse.2022270501. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2022_n5/Margolis_et_al (дата обращения: 26.06.2026)

9. Миронова А.А., Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Особенности защитного и совладающего поведения студентов в цифровой образовательной среде // Вестник практической психологии образования. 2026. Т. 23. № 1. С. 16 – 28.

10. Радчикова Н.П., Одинцова М.А., Сорокова М.Г. Отношение преподавателей российских вузов к цифровой образовательной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 311 – 330. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330

11. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Психологические проблемы подростков в реальной и виртуальной среде: методика исследования // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19. № 1. С. 84 – 96. DOI: 10.17759/chp.2023190111. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2023_n1/Regush_et_al (дата обращения: 26.06.2026)

12. Сорокова М.Г., Радчикова Н.П., Одинцова М.А. и др. Шкала оценки цифровой образовательной среды университета: проверка психометрических свойств версии для преподавателей // Вестник практической психологии образования. 2023. Т. 20. № 4. С. 9 – 24.

13. Силакова Л.В., Соснило А.И. Исследование готовности участников образовательного процесса к применению цифровых технологий в образовании // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 4. С. 112 – 133. DOI: 10.17759/pse.2023280407. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n4/Silakova_Sosnilo (дата обращения: 26.06.2026)

14. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 3. С. 11 – 30. DOI: 10.17759/sps.2023140302. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2023_n3/Soldatova_Rasskazova (дата обращения: 26.06.2026)

15. Сорокова М.Г., Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Шкала оценки цифровой образовательной среды (ЦОС) университета // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 2. С. 52 – 65. DOI: 10.17759/pse.2021260205. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2021_n2/Sorokova_Odintsova_et_al (дата обращения: 26.06.2026)

16. Skulmowski A.K., Xu M. Understanding cognitive load in digital and online learning: a new perspective on extraneous cognitive load // Educational Psychology Review. 2022. Vol. 34. № 1. P. 171 – 196. DOI: 10.1007/s10648-021-09624-7. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10648-021-09624-7 (дата обращения: 26.06.2026)

17. Chiu T.K., Falloon F.G., Song Y. et al. A self-determination theory approach to teacher digital competence development // Computers & Education. 2024. Vol. 214. Art. 105017. DOI: 10.1016/j.compedu.2024.105017

18. Sweller J. Cognitive load theory and individual differences // Learning and Individual Differences. 2024. Vol. 110. Art. 102423. DOI: 10.1016/j.lindif.2024.102423

19. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Психологические проблемы подростков России периода цифровизации (2010-2020 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 7 – 21. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-7-21

20. Белевцова М.Р., Бойкина Е.Э. Факторы психологической безопасности личности студента психолого-педагогического вуза // Вестник практической психологии образования. 2025. Т. 22. № 3. С. 142 – 155. DOI: 10.17759/bppe.2025220309. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2025_n3/Belevtsova_Boykina (дата обращения: 26.06.2026)

References

1. Asmakovets E.S., Tsirkina E.A. Model of psychological readiness for learning in a digital educational environment. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2025. Vol. 30. No. 2 (101). P. 189 – 196. DOI: 10.24412/1999-6241-2025-2101-189-196

2. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment: formation of the direction and development prospects. Extreme psychology and personal safety. 2024. Vol. 1. No. 3. P. 5 – 19. DOI: 10.17759/epps.2024010301. URL: https://psyjournals.ru/journals/epps/archive/2024_n3/Baeva (date of access: 26.06.2026)

3. Baeva I.A., Gayazova L.A., Kondakova I.V., Laktionova E.B. Features of personal resources of psychological safety of students studying in a tense social environment. Psychological Science and Education. 2025. Vol. 30. No. 2. P. 5 – 18.

4. Vannovskaya O.V. The impact of the digital educational environment of the university on the personality and psyche of students. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences. 2023. No. 3. P. 82 – 96. DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-82-96

5. Guzhva I.V. Psychological Features of Perception of the Image of a Teacher by First-Year Students. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2025. No. 1 (142). P. 160 – 170. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-160

6. Isaev E.I., Margolis A.A. Learning Difficulties: Diagnostics, Prevention, Overcoming. Psychological Science and Education. 2023. Vol. 28. No. 5. P. 7 – 20. DOI: 10.17759/pse.2023280501. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n5/Isaev_Margolis (date of access: 26.06.2026)

7. Lukashenko D.V. Psychological Well-Being of Students in a Digital Educational Environment: Psychodiagnostic Approaches and Pedagogical Prospects. Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2025. Vol. 8. No. 2.

8. Margolis A.A., Sorokova M.G., Shvedovskaya A.A. Face-to-Face, Blended, or Online Format: How Do Students Prefer to Learn? Psychological Science and Education. 2022. Vol. 27. No. 5. P. 5 – 20. DOI: 10.17759/pse.2022270501. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2022_n5/Margolis_et_al (date of access: 26.06.2026)

9. Mironova A.A., Odintsova M.A., Radchikova N.P. Features of students' defensive and coping behavior in the digital educational environment. Bulletin of practical psychology of education. 2026. Vol. 23. No. 1. P. 16 – 28.

10. Radchikova N.P., Odintsova M.A., Sorokova M.G. Attitudes of teachers of Russian universities to the digital educational environment. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. 2023. Vol. 20. No. 2. P. 311 – 330. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330

11. Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.R., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Psychological Problems of Adolescents in Real and Virtual Environments: Research Methodology. Cultural and Historical Psychology. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 84 – 96. DOI: 10.17759/chp.2023190111. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2023_n1/Regush_et_al (date of access: 26.06.2026)

12. Sorokova M.G., Radchikova N.P., Odintsova M.A., et al. A scale for assessing the digital educational environment of a university: testing the psychometric properties of the version for teachers. Bulletin of Practical Psychology of Education. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 9 – 24.

13. Silakova L.V., Sosnilo A.I. A study of the readiness of participants in the educational process to use digital technologies in education. Psychological Science and Education. 2023. Vol. 28. No. 4. P. 112 – 133. DOI: 10.17759/pse.2023280407. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n4/Silakova_Sosnilo (date of access: 26.06.2026)

14. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Digital socialization of Russian adolescents: through the prism of comparison with adolescents in 18 European countrie. Social Psychology and Society. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 11 – 30. DOI: 10.17759/sps.2023140302. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2023_n3/Soldatova_Rasskazova (date of access: 26.06.2026)

15. Sorokova M.G., Odintsova M.A., Radchikova N.P. Digital Educational Environment (DEE) Assessment Scale for a University. Psychological Science and Education. 2021. Vol. 26. No. 2. P. 52 – 65. DOI: 10.17759/pse.2021260205. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2021_n2/Sorokova_Odintsova_et_al (date of access: 26.07.2026)

16. Skulmowski A.K., Xu M. Understanding Cognitive Load in Digital and Online Learning: A New Perspective on Extraneous Cognitive Load. Educational Psychology Review. 2022. Vol. 34. No. 1. P. 171 – 196. DOI: 10.1007/s10648-021-09624-7. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10648-021-09624-7 (date of access: 26.06.2026)

17. Chiu T.K., Falloon F.G., Song Y. et al. A self-determination theory approach to teacher digital competency development. Computers & Education. 2024. Vol. 214. Art. 105017. DOI: 10.1016/j.compedu.2024.105017

18. Sweller J. Cognitive load theory and individual differences. Learning and Individual Differences. 2024. Vol. 110. Art. 102423. DOI: 10.1016/j.lindif.2024.102423

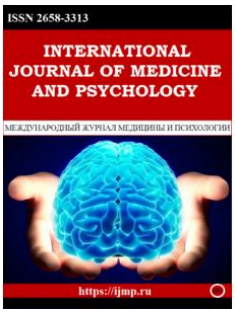
19. Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.R., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Psychological problems of adolescents in Russia during the digitalization period (2010-2020). Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical University. 2022. No. 203. P. 7 – 21. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-7-21

20. Belevtsova M.R., Boykina E.E. Factors of psychological safety of the personality of a student of a psychological and pedagogical university. Bulletin of Practical Psychology of Education. 2025. Vol. 22. No. 3. P. 142 – 155. DOI: 10.17759/bppe.2025220309. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2025_n3/Belevtsova_Boykina (date of access: 26.06.2026)

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, dim-mail-ru@mail.ru

© Лукашенко Д.В., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-306-312

[1] Андреева И.А.,
[1] Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова

Психолого-педагогический подход к подготовке ветеранов и участников СВО к педагогической деятельности

Аннотация: в статье представлен авторский психолого-педагогический подход к профессиональной переподготовке и социальной реадаптации ветеранов и участников специальной военной операции (СВО) для работы в системе образования. Актуальность исследования обусловлена реализацией государственной кадровой политики, направленной на интеграцию защитников Отечества в гражданские профессии. Рассматривается педагогическая деятельность ветерана не просто как трансляция знаний, а как сложный процесс наставничества и трансляции ценностных ориентиров. Предлагаемая модель подготовки базируется на интеграции таких подходов как модульно-компетентностный, андрагогический, рефлексивно-деятельностный, симуляционно-тренинговый подход, аксиологический (ценностный) подход.

Ключевые слова: участники специальной военной операции (СВО), профессиональная переподготовка, педагогическая деятельность, социальная реадаптация, психолого-педагогическое сопровождение, посттравматический рост, профессиональное выгорание, дидактическая компетентность

Для цитирования: Андреева И.А. Психолого-педагогический подход к подготовке ветеранов и участников СВО к педагогической деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 306 – 312. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-306-312

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Andreeva I.A.,
[1] Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov

Psychological and pedagogical approach to the preparation of veterans and participants of the SMO for pedagogical activity

Abstract: the article presents the author's psychological and pedagogical approach to professional retraining and social readaptation of veterans and participants of a special military operation (SMO) to work in the education system. The relevance of the research is due to the implementation of the state personnel policy aimed at integrating defenders of the Fatherland into civilian professions. The pedagogical activity of a veteran is considered not just as a translation of knowledge, but as a complex process of mentoring and translation of value orientations. The proposed training model is based on the integration of such approaches as modular competence, andragogical, reflexive activity, simulation and training approach, axiological (value) approach.

Keywords: participants in a special military operation, professional retraining, pedagogical activity, social readaptation, psychological and pedagogical support, post-traumatic growth, professional burnout, didactic competence

For citation: Andreeva I.A. Psychological and pedagogical approach to the preparation of veterans and participants of the SMO for pedagogical activity. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 306 – 312. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-306-312

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В условиях современных геополитических вызовов и трансформации ценностных ориентиров российского общества существенно возрастает роль патриотического воспитания молодежи. Участники специальной военной операции (СВО), обладающие уникальным жизненным, боевым и гражданским опытом, представляют собой стратегический кадровый ресурс для отечественной системы образования.

Государственная политика Российской Федерации направлена на социальную адаптацию ветеранов и их вовлечение в созидательную деятельность. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным инициированы федеральные проекты («Время героев», региональные программы типа «Брянские герои»), целью которых является подготовка высококвалифицированных руководителей и специалистов из числа участников СВО.

Однако переход от статуса военнослужащего к роли педагога сопряжен со значительными психолого-педагогическими трудностями. Понятие «учитель-свидетель» подразумевает не просто трансляцию знаний о событиях, но и способность выступать живым носителем исторической памяти, транслировать ценности мужества и служения Отечеству через призму личного опыта. Для успешной реализации этой миссии ветерану недостаточно обладать фактическим знанием – необходимо сформировать специфические компетенции: навыки педагогического общения с подрастающим поколением, методы управления групповой динамикой, приемы психологической саморегуляции при актуализации травматического опыта и способы конструктивной переработки тяжелых воспоминаний в воспитательный нарратив. Разработка научно обоснованного психолого-педагогического подхода к формированию этих компетенций является острой практической необходимостью для обеспечения качественной интеграции защитников Отечества в гражданскую жизнь и сохранения преемственности поколений.

К ветеранам боевых действий относят людей, которые участвовали в военных конфликтах, войнах или специальных операциях в составе вооружённых сил либо иных формирований, выполнявших задачи в боевой обстановке [8].

Отдельно я бы выделила психологические особенности этой группы. По статистике, около 50% людей, прошедших войну, сталкиваются с посттравматическим стрессовым расстройством. ПТСР проявляется повторяющимися кошмарами, флешбэками, тревожностью, стремлением избегать всего, что напоминает о пережитых событиях, и требует профессиональной помощи.

У большинства ветеранов можно обнаружить высокий уровень эмоциональной устойчивости и способности действовать в сложных условиях. Деятельность в экстремальной ситуации формирует у них такие навыки как: дисциплинированность, порядок, собранность. Часто они сохраняют повышенную настороженность и осторожность в любых жизненных ситуациях. Один из результатов боевого опыта – это умение быстро принимать решения в ситуации абсолютной неопределенности.

Материалы и методы исследований

Пребывание в ситуации боевых действий формирует у ветеранов стремление достигать поставленных целей и высокий уровень мотивированности. Данные качества могут быть очень полезными для будущего педагога. Однако, стоит больше внимания уделять эмоциональной сфере ветеранов, поскольку им свойственна сдержанность, не желание демонстрировать и проявлять эмоции, особенно те, которые связаны с пережитыми травматическими событиями [7].

Безусловно, переход от жизни в военной ситуации к гражданской очень сложный. Многие ветераны испытывают проблемы в адаптации, в трудоустройстве, социальном взаимодействии, в отношениях с близкими, семьей, друзьями.

Возвращение к мирной жизни нередко сопровождается не только ПТСР, но и тревожностью, депрессивными состояниями и другими психологическими последствиями боевого опыта. После возвращения человек может столкнуться с непониманием со стороны окружающих и даже близких, а это осложняет его вхождение в обычную социальную среду [2].

Нельзя не учитывать и состояние здоровья. Многие ветераны возвращаются с физическими травмами и хроническими заболеваниями, из-за чего им требуется длительное лечение и реабилитация. Для успешной адаптации важны поддержка со стороны близких, общества и специалистов, в том числе психологов и социальных работников. Повышенная настороженность, которая закрепилась в боевых условиях, может сохраняться и в повседневной жизни, влияя на поведение человека и его отношения с окружающими. После участия в боевых действиях многие заново оценивают свои жизненные ориентиры и приоритеты. Это нередко сказывается и на образе жизни, и на дальнейших решениях [3].

Серьёзной проблемой остаётся трудоустройство. У части ветеранов нет опыта работы в гражданской сфере, а имеющиеся навыки не всегда напрямую применимы на рынке труда. По этой причине переобучение ветеранов, в том числе для работы в системе образования, представляется необходимым.

Учитывая основные задачи педагогической деятельности, а именно образовательные, воспитательные и развивающие, стоит отметить специфику именно педагогической деятельности. Педагог – это не только человек, специалист, который принимает участие во всестороннем развитии личности обучающегося, а тот, кто готовит детей к их будущей жизни. Поэтому все подходы связаны с принципом системности в деятельности [10].

Для осуществления успешной адаптации ветеранов СВО к любой гражданской деятельности, а тем более педагогической, в нашей стране созданы инфраструктурные центры. Здесь ветеран может пройти психологическую диагностику, получить профессиональную помощь и поддержку. Основная цель данной работы – это научить ветеранов самостоятельно управлять своим психоэмоциональным состоянием, особенно во время урока, использовать различные психологические техники для купирования острых проявлений.

Данный процесс имеет особую важность, поскольку педагог является примером формирования и развития личности обучающегося. Ветераны СВО как непосредственные участники происходящих в стране событий, могут помочь сформироваться правильной гражданской идентичности, традиционным духовно-нравственным ценностям.

Изучив психолого-педагогическую литературу, мы пришли к выводу о том, что подготовка ветерана СВО к педагогической деятельности требует междисциплинарного подхода. Поэтому мы обращаемся в данном вопросе к трудам в области педагогики взрослых (андрагогики), психологии травмы, педагогической психологии, социальной психологии и военной акмеологии.

Поскольку ветераны боевых действий – это взрослые люди со сформированным мировоззрением, классические школьные методики здесь будут малоэффективными и следует учитывать базовые аспекты фундаментальной андрагогики и психология обучения взрослых. Подготовка ветеранов СВО к педагогической деятельности – это довольно новое направление в отечественной науке, однако, на наш взгляд, следует опираться на богатый опыт отечественных ученых в вопросе психолого-педагогической подготовки взрослых людей.

В связи с этим, обучение будущих педагогов стоит стоить, опираясь на труды таких ученых как:

1. Вершловский Сергей Григорьевич, один из основоположников российской андрагогики. Его исследования проблем образования взрослых людей, меняющих профессию, напрямую применимы к процессу ресоциализации военнослужащих [16].
2. Бодалёв Алексей Александрович – его труды по социальной перцепции, психологии общения и акмеологии являются ключевыми. Для ветерана переход от армейской коммуникации («командир – подчиненный») к педагогической («учитель – ученик») требует перестройки механизмов восприятия другого человека. Работы А. А. Бодалёва помогут разработать методы развития эмпатии и навыков конструктивного диалога [1].
3. Громкова Маргарита Танатиловна – разработчик теории образовательных потребностей взрослых. Ее подход поможет понять внутреннюю мотивацию ветерана, выбирающего путь учителя (потребность в служении, наставничестве, передаче опыта) [5].
4. Харламенкова Наталья Евгеньевна – специалист в области психологии посттравматического роста. Ее работы необходимы для понимания того, как трансформировать боевой стресс в ресурсную позицию мудрого наставника, избегая ретравматизации при рассказах о службе [19].
5. Василюк Фёдор Ефимович – его теория переживания и психотехника сопереживания дадут инструменты для формирования у ветерана способности работать с эмоциональным миром подростков, оставаясь при этом психологически устойчивым [3].
6. Выготский Лев Семёнович и созданная им культурно-историческая теория необходима для понимания механизмов знакового опосредования: как перевести жесткий опыт войны в культурные символы и смыслы, понятные современным школьникам [4].

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают работы учёных, способствующие формированию компетенции «свидетеля», которая подразумевает трансляцию ценностей долга и служения Отечеству.

Автор фундаментальных трудов по системогенезу профессиональной деятельности Владимир Дмитриевич Шадриков. Его методология поможет описать структуру самой профессиональной деятельности «учителя-свидетеля», выделив ключевые функции и операционные компоненты [20].

В трудах современных ученых мы обнаруживаем актуальные разработки по проблемам инклюзии и психологической поддержки семей участников СВО (в том числе упомянутые в государственных программах фонда «Защитники Отечества»), протоколы помощи лицам, возвращающимся из зон боевых конфликтов и многое другое.

Так, в работах Александра Асмолова, известного российского психолога и педагога, который занимается вопросами гуманитарной педагогики и роли учителя в образовательном процессе подчеркивается необходимость эмоционального интеллекта учителя и его влияние на учащихся.

Для успешной реализации роли учителя ветерану необходимо трансформировать свой боевой опыт в педагогические компетенции. Прежде всего, обозначим ключевые компетенции для ветерана СВО в роли учителя-свидетеля:

– Личностные и мировоззренческие (личная устойчивость, патриотическая убежденность, моральный авторитет: жизненный опыт, вызывающий уважение у подростков, эмоциональная грамотность.

– Педагогические и методические (владение предметом, методика преподавания, возрастная психология, умение организовывать учебный процесс).

– Коммуникативные и социальные (навыки медиации, эмпатия и такт, наставничество, эффективная вербальная и невербальная коммуникация, мотивация и вдохновение: умение вдохновить и мотивировать учеников к обучению и развитию, готовность к решению проблем и адаптации к изменениям в образовательном процессе).

– Правовые и этические (соблюдение профессиональной тайны, юридическая грамотность).

– Социальные навыки (работа в команде, умение понимать и улаживать конфликты между учениками, а также между учениками и учителями).

– Инклюзивные практики (умение работать с детьми разных культур, способностей и особенностей, способность подстраивать учебные материалы и методы под потребности разнообразной аудитории) [9; 10; 13; 17].

Ветераны СВО обладают уникальным набором качеств – лидерством, умением работать в команде, высокой ответственностью и стрессоустойчивостью. Однако для перехода от роли командира к роли учителя им требуется освоить специфический инструментарий: дидактику (искусство обучения), способы оценки знаний и методы ненасильственного воспитания. Именно эту связку – жизненную мудрость ветерана и профессиональный язык педагога – можно назвать главной компетентностью современного учителя-свидетеля [8].

Переход участника специальной военной операции из статуса боевого командира или солдата в статус педагога – это сложный процесс ресоциализации. Традиционные методы педагогического образования, рассчитанные на выпускников школ, оказываются неэффективными для взрослых людей с посттравматическим опытом. Формирование необходимых компетенций требует применения специфических методологических подходов, которые учитывают особенности военного мышления и обеспечивают мягкую адаптацию к гражданской образовательной среде.

Результаты и обсуждения

В процессе анализа научной литературы по проблеме нами было обнаружено, что для формирования выше указанных компетенций необходимы определенные методологические подходы. Проведя анализ существующих принципов, нами выделены некоторый из них [5; 6; 9; 13].

1. Модульно-компетентностный подход. В данном случае учебные планы выстраиваются по принципу междисциплинарности и делятся на автономные, но логически связанные блоки. Это позволяет ветерану осваивать профессию поэтапно, видя конкретный практический результат каждого модуля. В структуру входят четыре взаимосвязанных блока: психологический модуль, социально-коммуникативный модуль, нормативно-правовой модуль, профессионально-педагогический модуль.

Ветеран СВО – это человек, являющийся носителем уникального экзистенциального опыта. Основная цель данного подхода состоит в том, чтобы их личная история стала трамплином между детьми и их переживаниями, сомнениями, неуверенностью. Поскольку педагогическая деятельность предполагает постоянное взаимодействие с людьми, открытые публичные выступления и т.д., то стоит особое внимание при под-

готовке ветеранов уделять глубокой психологической проработке личности с целью предотвращения ретравматизации при публичных выступлениях.

2. Андрагогический подход (обучение взрослых). Ветераны СВО, в отличие от детей, ветераны обладают сформированной картиной мира и богатым жизненным опытом. Методика обучения строится на следующих принципах: опора на опыт, так как боевой и управленческий опыт признается ценным ресурсом; проблемно-ориентированное обучение и сжатые сроки интенсива.

3. Рефлексивно-деятельностный подход. Формирование компетенции учителя невозможно без глубокой рефлексии. Ветеран должен осознать, что именно он свидетельствует: силу духа, цену ошибки, важность товарищества или трагедию войны.

4. Симуляционно-тренинговый подход. Данная стратегия опирается на то, что школа – зона повышенной психологической нагрузки. Чтобы первый урок не стал триггером, подготовка проходит в безопасной симулированной среде: отработка в малых группах, тренинги, метод микропреподавания.

5. Аксиологический (ценностный) подход.

В целом, общий принцип формирования личности ветерана СВО к педагогической деятельности может опираться на ряд этапов [3; 5; 11; 16; 17]:

1. Этап диагностики и психологического отбора. Прежде чем допустить ветерана к детям, проводится глубокая оценка его состояния и мотивации.

2. Этап смысловой переработки опыта (нарративная трансформация). Это ядро подготовки «учителя-свидетеля».

3. Этап освоения базовой педагогической компетентности. Ветераны проходят обучение по программам теории и методики преподавания.

4. Этап трансляции ценностей через личный пример.

5. Этап практической стажировки под супервизией.

6. Этап институционального сопровождения.

7. Формирование специфических цифровых и проектных компетенций.

Выводы

Проведя анализ литературы по данной проблеме, нами было выявлены следующие особо важные акценты:

1. Ветеран СВО при грамотном методологическом и психолого-педагогическом подходах превращается в созидательную фигуру наставника, способную формировать гражданскую идентичность подрастающего поколения через живую человеческую историю.

2. Интеграция защитников Отечества в систему воспитания молодежи, позволяет преобразовать их личный подвиг в фундамент национальной идентичности новых поколений.

3. Процесс адаптации ветерана к мирной жизни, а тем более к педагогической деятельности требует комплексного междисциплинарного подхода.

4. Работа над собой, овладение техниками самоконтроля и сохранения аутентичности речи при соблюдении этических норм школьной программы – необходимые составляющие будущей успешной педагогической деятельности.

5. Теоретическая подготовка должна быть подкреплена практическим навыками и супервизией опытных педагогов-наставников.

Финансирование

Исследование проведено в ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (№1025103100018-4-5.3.2) по теме «Подготовка ветеранов и участников СВО к педагогической деятельности по программе «Сохранение исторической памяти» историко-краеведческой направленности в дополнительном образовании школьников»

Список источников

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моек, ун-та, 1982. 200 с.

2. Бонкало Т.И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023. М.: Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 2023. 39 с.

3. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система. СПб.: Питер, 2023. 448 с.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогоика, 1991. 248 с.
5. Громкова М.Т. Андрогогика: теория и практика образования взрослых: учеб. пособие для системы доп. Проф. Образования; учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 495 с.
6. Гурьянчик В.Н., Макеева Т.В. Социально-педагогическое сопровождение ветеранов и участников специальной военной операции в просветительской деятельности с детьми и молодежью (на примере проекта «Педагогическая мастерская») // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 5. С. 610 – 618.
7. Караяни А.Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 655 с.
8. Караяни А.Г. Психология боевого стресса и стресс-менеджмента: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 145 с.
9. Кикнадзе В.Г. К вопросу об участии ветеранов спецоперации в обучении и патриотическом воспитании граждан России // Военная безопасность России: взгляд в будущее: материалы 8-й Международной межведомственной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 3 т. М.: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2023. Т. 2. С. 82 – 89.
10. Метлик И.В. Православие в русской школе: трудный путь возвращения // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 1 (16). С. 7 – 3.
11. Немов Р.С. Психологическое консультирование: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 440 с.
12. Никольский А.В. Психология здоровья. Специфика и пределы адаптивности человека: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 300 с.
13. Барабанщиков А.В., Давыдов В.П., Феденко Н.Ф. Основы военной психологии и педагогики [Для спец. N 2115 «Нач. воен. Обучение и физ. Воспитание»] / Под ред. А.В. Барабанщикова. Москва: Просвещение, 1988. 271 с.
14. Пастернак Н.А., Асмолов А.Г. Психология образования: учебник и практикум для вузов / под ред. А. Г. Асмолова. 3-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 226 с.
15. Петрановская Л.В. Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка. М. : «АСТ», 2015. 113 с.
16. Башарина Л.А., Бродянская Л.В., Вершловский С.Г. и др. Социализация взрослых: учеб. пособие [УПМ]. СПб.: СпецЛит, 2002. 270 с.
17. Старовойтова Ж.А. Развитие педагогических ценностей в процессе профессиональной переподготовки участников СВО // Инновационные процессы в профессиональном образовании и его ценностно-смысловые ориентиры: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Луганск: Луганский государственный педагогический университет; ИП Орехов Д.А., 2024. С. 386 – 389.
18. Федорова М.Н. Психологическая работа в условиях чрезвычайных ситуаций // Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2013. 220 с.
19. Харламенкова Н.Е. Интенсивность посттравматического стресса как отсроченной реакции на травматические события в разные периоды взрослости // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 1. С. 42 – 56.
20. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Издательство «Наука», 1982. 135 с.

References

1. Bodalev A.A. Perception and Understanding of Man by Man. Moscow: Moek Publishing House, University, 1982. 200 p.
2. Bonkalo T.I. Comprehensive Rehabilitation of Participants in the Special Military Operation in Ukraine: Digest January-February 2023. Moscow: State Budgetary Institution of the City of Moscow "Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare", 2023. 39 p.
3. Vasilyuk F.E. Understanding Psychotherapy as a Psychotechnical System. St. Petersburg: Piter, 2023. 448 p.
4. Vygotsky L.S. Pedagogical Psychology. Ed. by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogoika, 1991. 248 p.
5. Gromkova M.T. Androgogy: Theory and Practice of Adult Education: A Textbook for the System of Additional Professional Education; A Textbook for University Students. Moscow: UNITY-DANA, 2012. 495 p.

6. Guryanchik V.N., Makeeva T.V. Social and Pedagogical Support for Veterans and Participants of a Special Military Operation in Educational Activities with Children and Youth (Based on the Pedagogical Workshop Project). Pedagogy. Theory and Practice. 2025. Vol. 10. Issue 5. P. 610 – 618.

7. Karayani A.G. Military Psychology: A Textbook and Workshop for Universities. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Yurait, 2025. 655 p.

8. Karayani A.G. Psychology of Combat Stress and Stress Management: A Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2023. 145 p.

9. Kiknadze V.G. On the Participation of Special Operation Veterans in the Training and Patriotic Education of Russian Citizens. Military Security of Russia: A Look into the Future: Proceedings of the 8th International Interdepartmental Scientific and Practical Conference of Scientific Department No. 10 of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences: in 3 volumes. Moscow: N.E. Bauman Moscow State Technical University (National Research University), 2023. Vol. 2. pp. 82–89.

10. Metlik I.V. Orthodoxy in the Russian School: The Difficult Path of Return. Bulletin of PSTGU IV: Pedagogy. Psychology. 2010. Iss. 1 (16). P. 7 – 3.

11. Nemov R.S. Psychological Counseling: a textbook for universities. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 440 p.

12. Nikolsky A.V. Psychology of Health. Specifics and Limits of Human Adaptability: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 300 p.

13. Barabanshchikov A.V., Davydov V.P., Fedenko N.F. Fundamentals of Military Psychology and Pedagogy [For spec. N 2115 "Head of Military Training and Physical Education"]. Ed. A.V. Barabanshchikov. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 271 p.

14. Pasternak N.A., Asmolov A.G. Psychology of Education: Textbook and Workshop for Universities. edited by A.G. Asmolov. 3rd ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 226 p.

15. Petranovskaya L.V. Secret Support. Attachment in a Child's Life. Moscow: AST, 2015. 113 p.

16. Basharina L.A., Brodyanskaya L.V., Vershlovsky S.G., et al. Socialization of Adults: Textbook [UPM]. St. Petersburg: SpetsLit, 2002. 270 p.

17. Starovoitova Zh.A. Development of Pedagogical Values in the Process of Professional Retraining of Participants of the Secondary Military Education Program. Innovative Processes in Professional Education and Its Value-Semantic Guidelines: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Lugansk: Lugansk State Pedagogical University; IP Orekhov D.A., 2024. P. 386 – 389.

18. Fedorova M.N. Psychological Work in Emergency Situations. Novosibirsk: Siberian University Publishing House, 2013. 220 p.

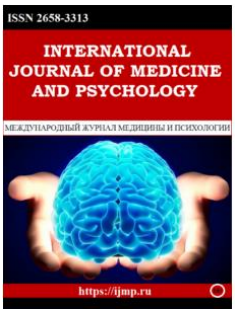
19. Kharlamenkova N.E. Intensity of Post-Traumatic Stress as a Delayed Reaction to Traumatic Events at Different Periods of Adulthood. Man. Community. Management. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 42 – 56.

20. Shadrikov V.D. Problems of systemogenesis of professional activity. Moscow: Nauka Publishing House, 1982. 135 p.

Информация об авторе

Андреева И.А., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова

© Андреева И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 37.015.324
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-313-319

[1] Миниярова В.А.,
[1] Самарский государственный медицинский университет

Актуализация содержания образования как условие мотивации обучающихся

Аннотация: в статье исследуется проблема снижения учебной мотивации школьников в условиях перехода на обновленные Федеральные государственные образовательные стандарты. На основе эмпирических данных, полученных в школах г.Самары (выборка с 5 по 9 класс), анализируется феномен когнитивного диссонанса между знаниевой парадигмой начальной школы и требованиями к понятийному мышлению в средней ступени.

Установлено, что консервативная модель обучения, ориентированная на механическое запоминание знаковых систем, эффективна лишь для 25% учащихся с развитыми видами памяти. Для остальных 75% детей резкий переход к необходимости аналитической деятельности в 5-6 классах становится непреодолимым барьером, провоцируя депривацию познавательного интереса и снижение успеваемости.

Автором обосновывается необходимость актуализации содержания образования – приведения учебного материала в соответствие с психофизиологическими возможностями большинства обучающихся. Доказывается, что преодоление кризиса мотивации возможно через смещение акцента с зубрежки фактов на формирование метапредметных навыков в зоне актуального развития. Предлагается методологическая триада для педагога: алгоритмизация подачи материала, доведение действий до динамического стереотипа и построение ассоциативных связей нейронных сетей. Подчеркивается роль диалогической технологии в обучении и группировки материала по укрупненным дидактическим единицам как инструментов восстановления эмоционального вектора познания.

Ключевые слова: актуализация содержания образования, учебная мотивация, понятийное мышление, когнитивный диссонанс, школьное образование, зона актуального развития

Для цитирования: Миниярова В.А. Актуализация содержания образования как условие мотивации обучающихся // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 313 – 319. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-313-319

Поступила в редакцию: 21 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Miniyarova V.A.,
[1] Samara State Medical University

Updating the content of education as a condition for motivating students

Abstract: the article examines the problem of declining academic motivation among schoolchildren in the context of the transition to the updated Federal State Educational Standards. Based on empirical data obtained from schools in Samara (a sample covering grades 5–9), the phenomenon of cognitive dissonance between the knowledge-based paradigm of primary school and the requirements for conceptual thinking in the secondary stage is analysed.

It has been established that the conservative teaching model, which focuses on the mechanical memorisation of sign systems, is effective only for 25 % of students with well-developed types of memory. For the remaining 75%

of children, the abrupt transition to the need for analytical activity in grades 5-6 becomes an insurmountable barrier, provoking a loss of cognitive interest and a decline in academic performance. The author substantiates the need to update the content of education – to bring the educational material into line with the psychophysiological capabilities of most students. It is proven that overcoming the motivation crisis is possible by shifting the focus from rote memorization of facts to the development of meta-subject skills in the zone of actual development. A methodological triad is proposed for the educator: algorithmization of material presentation, refinement of actions to a dynamic stereotype, and building associative connections in neural networks. The role of dialogic technology in teaching and the grouping of material into enlarged didactic units as tools for restoring the emotional vector of cognition is emphasized.

Keywords: updating the content of education, learning motivation, conceptual thinking, cognitive dissonance, school education, zone of proximal development

For citation: Miniyarova V.A. Updating the content of education as a condition for motivating students. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 313 – 319. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-313-319

The article was submitted: July 21, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В условиях перехода российского образования на обновленные Федеральные государственные образовательные стандарты и реализацию национального проекта «Образование», проблема разрыва между декларируемыми целями школы и реальными когнитивными результатами учащихся приобретает критический характер. Современная экономика знаний требует не просто исполнителей, способных воспроизводить заученный алгоритм, а субъектов с развитым метапредметным мышлением, готовых к решению нестандартных задач в цифровой среде.

Анализируя современное содержание образования, необходимо обратиться к исследованиям Людмилы Аполлоновны Ясюковой, которая подтверждает полученные нами данные по школе №53 г. Самары о том, что только 30 % обучающихся, выходя из школы, могут считаться грамотными и обладающими хорошими мыслительными способностями. Автор считает, что такие выпускники имеют хорошо развитое понятийное мышление, и это позволяет им поступать на технические специальности и в естественно научные вузы. Такой результат достигается за счёт построения образования в школе на пирамиде научных понятий. В начальной школе это достигается путем запоминания знаковых систем: языковой, математической, музыкальной, художественно-изобразительной. Для этого обучающемуся необходимо иметь хорошо развитые все виды памяти: зрительную, слуховую и словесно-логическую [1].

Материалы и методы исследований

Как показали наши исследования в школах №16, №30, №91 г. Самары, только 25% детей обладали хорошо развитыми видами памяти и обучались на «отлично» и «хорошо», как в начальной школе, так и в старших классах; двумя видами памяти обладали 48% обучающихся, что позволяло им обучаться на «хорошо» и «удовлетворительно». У остальных 27% обучающихся исследования показали развитие одного вида памяти, что отразилось на их низкой балльной оценке качества знаний.

Таким образом, прослеживается чёткая взаимосвязь успешности обучения школьников и уровня развития у них различных видов памяти или точнее – способностей к воспроизведению информации. Это – консервативный способ обучения, и он имеет свои положительные результаты, но не способствует развитию мыслительных способностей у обучающихся, поэтому к началу обучения в средних классах отвращает их от желания обучаться. Те, кто за период обучения в начальной школе не научился учиться и в освоении нового материала опирается лишь на память, в средней школе сталкиваются с непреодолимыми трудностями, так как в этом случае для усвоения большого количества информации необходимо включать уже мыслительные операции: анализ, синтез, абстрагирование и т.д. И теперь прежний способ обучения на новом этапе только тормозит понимание собственной задачи учения. Если в начальной школе было достаточно выучить знаковую систему и отчитаться учителю, то теперь обучающемуся нужно научиться решать принципиально новые учебные задачи, оперировать понятиями, анализировать и делать выводы, осуществлять самостоятельную поисковую деятельность в бесконечном информационном поле.

Результаты и обсуждения

Результаты обследования обучающихся с 5 по 9 класс выявили ситуацию, когда 44% обучающихся не понимают объяснений учителя, а 20% делают это с трудом и помощью родителей (к девятому классу до 73%). Это свидельствует о том, что мыслительные стереотипы в виде устойчивых установок к действию изменяются медленно и требуют от пятиклассников перестройки мозговой деятельности. Длительность этой адаптации приводит к снижению успеваемости обучающихся и неоправданному осуждению методов обучения учителей начального звена.

Учебная программа в средней школе требует от обучающихся новых навыков, связанных с мыслительной деятельностью по усвоению содержательного материала (осмысления, понимания), а не с освоением знаковой системы, основанной на запоминании и зубрёжке. Некоторые педагоги, понимая ситуацию переходного периода школьника, постепенно подводят в процессе обучения к развитию мыслительных операций, да и сами функции мозга вызревают постепенно от класса к классу. Однако другая часть учителей медленно адаптируется к обучению пятиклассников (после выпуска старшеклассников это особенно трудно) и пускает в ход негативное оценивание их знаний, что приводит к снижению интереса к учебной деятельности, а потом и к школе, у значительной части обучающихся. Начинается мрачная пора у обучающихся, депрессивная – у родителей и паническая – у педагогов. Педагоги призывают родителей к репетиторству, родители призывают ребёнка «взяться за ум» и активно помогают ему с уроками, а ребёнок берётся за «решебник» и поиск обходных, умственно не затратных способов выполнения заданий. Это коррелирует с данными А.А. Карпович о колоссальном объеме заданий, который кратно превышает министерские нормы, вынуждая школьников использовать решебники и помощь родителей, что сводит смысл самостоятельной работы к нулю [2].

Таковых обучающихся по нашим результатам исследования составляет до 46% в средних классах. Это приводит к тому, что в 5 классах – 12%, а в 6 классах – 25% родителей вынуждены привлекать репетиторов для обучения своих детей. Причин такого обучения много, кроме перечисленных выше, есть главная, заложенная в академической парадигме образования, где лежит идея Л.С. Выготского о необходимости строить обучение на понятийном подходе, так как в нём заключены законы развития природы и общества. Такой подход логичен и возможен, если бы начальная школа не застревала в академической рутине овладения знаковой системой, а проводила бы её в игровой форме с акцентом на творческую деятельность детей на уроках при нерегламентированной и строго контролируемой форме с большим количеством обучающихся (30 школьников). Кроме того, нельзя всех обучать в «зоне ближайшего развития», как рекомендовал Л.С. Выготский, и, как показывают наши исследования, такое обучение возможно для детей с опережающим развитием, а их не более 25%. Поэтому система развивающего обучения (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков и др.) не нашла широкого распространения в повседневной практике обучения. Для большинства обучающихся комфортна зона актуального развития, и актуализация содержания образования совпадает с их зоной актуального развития, что благоприятно действует на учебную мотивацию [3].

Как показал анализ работы с универсальными учебными действиями, в начальной школе большая часть заданий не может быть выполнена учеником самостоятельно, так как находятся в зоне ближайшего развития и без совместной работы учителя или родителей затруднена или невозможна. Как следствие, состояние неуспеха вызывает у обучающегося неуверенность в себе, тревогу, раздражение, гнев на себя и окружающих, делает его беспомощным, что снижает мотивацию к самостоятельному выполнению учебных заданий и обучению. Согласно выводам В.М. Миниярова, когда не срабатывают компоненты содержания образования (информационный, операционнальный, творческий), не справляется с усвоением, формируется деструктивный опыт отношений со школой [4].

Трудности обучения в начальной школе иногда закладываются вследствие стремления внести инновации в содержание образования. Так, например, с переходом на фонетический способ обучения чтению (80-е годы), был нанесён ущерб грамотному владению русским языком, то есть, дети начинают писать так, как слышат. Фонетический разбор до 80-х годов изучался только в вузе, он необходим для изучения русского языка иностранцами или для изучения иностранного языка для говорящих на русском или ином языке.

Русский язык на 70% состоит из слов исключений, поэтому требуется запоминание и чтение большого объёма литературы. Кроме того, чтение не должно быть самоцелью, важно, чтобы обучающийся понимал смысл прочитанного. Чтение на скорость не обучает пониманию текста, превращает выполняемое действие в бессмыслицу и отвращает от чтения. Внешние показатели достижений обучающихся легко учесть, в то время, как обучение и контроль смыслового чтения осуществляется труднее, чем беглое и требуют неформального подхода к оцениванию понимаемого текста. Чтение «про себя» более эффективно, чем беглое вслух. Чтение это – понимание графических знаков. Ребёнок при самостоятельном чтении встречается с

незнакомыми понятиями, и без помощи взрослого он не сможет понять смысл прочитанного. Как пример, учебник «Окружающий мир» для начальных классов насыщен иллюстрациями о прошлых веках, о прошлом времени, в котором никто из живущих ныне не жил. Учебник наполнен большим количеством имён, дат, событий, несуществующих уже географических названий и границ, вся эта информация опять направлена на запоминание. Обучающиеся задаются вопросами: зачем им это надо запоминать, что он с этим будет делать, кому пойдёт рассказывать, если собственные родители этого не помнят, хотя тоже учились в школе. Мозг человека – это не только хранилище информации, это также – инструмент её переработки. Мозг утилитарен, а мозг ребёнка в особенности, поэтому он воспринимает информацию тогда, когда её нужно переработать и воспользоваться «здесь и сейчас». И ту же историю можно изучать с сегодняшнего дня, давая понять обучающемуся понимание того, что именно он является её творцом и постепенно углубляться в глубь веков, по мере возрастающего интереса к жизни и событиям прошлых лет. Такой подход актуализирует содержание образования, т.к. новое знание опирается на опыт прошлого и этим стимулирует мозговые функции.

Каждый учебный предмет формирует свой тип мышления, необходимый для освоения той или иной науки. Математика формирует алгоритмическое мышление, физика требует размышления, шахматы развивают пространственное мышление. Изучение стилей семейного воспитания и социально-психологических типов личности показывает их связь с формированием у детей определённых способов мышления. Так, например, сензитивный, гармоничный и интровертивный типы личности склонны к креативному мышлению; конформный и инфантильный типы личности – к синкретическому мышлению; доминирующий и тревожный социально-психологические типы – к схоластическому способу мышления [5].

Следовательно, способы мышления формируются задолго до прихода ребёнка в школу под влиянием родительско-детских отношений. В силу этого в школе ребёнок сталкивается с предлагаемыми ему типами мышления, освоение которых зависит от программного обеспечения предметов. Таким образом, реализация содержания образования и способы его освоения обучающимися свидетельствуют о том, что существуют проблемы двух аспектов. С одной стороны – коррекция содержания образования на предмет его соответствия возможностям обучающихся, а с другой стороны – поиск новых технологий передачи содержания образования в соответствии с запросом реальной практики. Для этого необходимо решить две группы проблем: 1 – проблемы, связанные с индивидуальными возможностями обучающегося, и 2 – проблемы, связанные с профессиональной деятельностью педагога. Поэтому изложение учебного материала должно строиться на основании его группировки по укрупнённым вопросам. Излагается сначала теоретический материал, далее практический и составляются вопросы, приглашающие к дискуссии. Вопросы позволяют высказывание разных точек зрения и дают повод для размышления [6]. Такой подход повышает мотивацию и вовлечённость обучающихся в решение обсуждаемых проблем за счёт поляризации мнений, позволяющих участникам объединиться или вступить в конструктивную дискуссию с учителями и одноклассниками. Возникает эмоциональный вектор, направленный на развитие познавательной активности, приводящий к повышению познавательного интереса. Однако в содержании отечественного образования, на наш взгляд, не определяются в достаточной мере объём и глубина познания. В учебных дисциплинах не указывается, что необходимо обучающемуся знать на уровне ознакомления с объектами природы, общества и производства, а в какой степени знание должно быть углубленным. Такие различия обозначаются в специализированных учебных заведениях: языковых, математических и т.д. В общеобразовательных школах стёрты границы степени необходимого и достаточного уровня приобретаемых знаний, что может приводить к волюнтаризму со стороны учителей, пытающихся сформировать у обучающегося определённый уровень знаний согласно программным требованиям.

Когда на начальном этапе обучения ставится образовательная цель – обучение знаковой системе, то без использования познавательных процессов усвоить её ребёнку невозможно. В этом случае успешно обучается тот, кто изначально обладает природными задатками в развитии памяти, внимания, восприятия и других познавательных процессов. Особый акцент образовательная система делает на работе памяти, пытаясь посредством неё достичь усвоения знаний обучающимися. Кроме того, рутинный процесс освоения знаков в начальной школе занимает значительную часть времени, тем самым разрушая познавательный интерес к освоению научных знаний. За период обучения в школе познавательный интерес у обучающегося начинает рассыпаться на отдельные виды деятельности, которые лишь у немногих связан с учебной деятельностью (35%). Таким образом, к концу обучения в начальной школе у обучающихся снижается мотивация к учебной деятельности в силу неспособности запоминать увеличивающийся из класса в класс объём информации и перераспределения познавательного интереса на другие виды деятельности. Поэтому получение базового знания проходит с большими дидактическими трудностями для 75% обучающихся.

В педагогике знание рассматривается как понимание, сохранение в памяти, умение воспроизводить и применять их для решения теоретических и практических задач, возникающих в жизни человека. Знание выражено в понятиях, категориях, закономерностях, символах, гипотезах, теориях, концепциях [7].

Если рассматривать знание с позиции его понимания, то необходимо обратиться к современным теориям понимания (Знаков В.В., Карманова Т.М., Минияров В.М. и др.), где этапами понимания являются раскодирование понятия, осмысление его обучающимся и осознание сущности понятий, определяющих границы знания. Для этого необходимо руководствоваться дидактическими принципами поэтапного обучения Л.С. Выготского от интериоризации знания (вхождение в сознание) до экстериоризации, то есть выхода из сознания за счёт мыслительной деятельности обучающегося и его речи. Следовательно, этой учебной процедуре должно быть уделено достаточно большое время, а главное – понимание знания должно сложиться в сознании каждого обучающегося. Вторая составляющая знания – это индивидуальные способности каждого обучающегося по сохранению знания. Вариант хранения знаний в памяти зависит от количества единовременно использованных видов запоминания.

Если говорить о памяти, то нужно отметить, что учёные до настоящего времени не разгадали, как она работает, а педагоги легко её эксплуатируют и выдвигают в виде критерия качества обучения. По-прежнему остаются неизученными вопросы, связанные с развитием памяти, хранением информации в долговременной памяти, с извлечением знания из памяти для решения задач.

Отвечая на первый вопрос, исследователи выдвинули три концепции. Согласно первой концепции, долговременная память тотальна по своему объёму, так как может образовывать бесконечное множество нейронных связей, но сами связи могут быть кратковременными. Это происходит потому, что в течение дня поступает много информации на все рецепторы: на зрительные (до 250 000 картинок), слуховые, тактильные, вкусовые, кинестетические. Но сохраняется лишь та информация, которая связана с эмоциональными переживаниями личности.

Одна из концепций хранения знаний в памяти идёт от Р. Декарта, и её долго использовали в системе образования. Он объяснял запоминание с помощью «животных духов», и, по его мнению, «следы» существуют потому, что поры в мозгу, через которые дух проходил раньше, становятся всё более проходимыми, когда дух проходит через них снова. И дух легче проходит именно через эти поры» [8]. (В современной интерпретации «поры» – это синапсы, а «дух» – это импульсы, т.е. по сути – это рефлекторная теория памяти). То есть, знания можно осваивать и хранить через частое повторение – зазубриванием.

Вторую концепцию предлагает Юрий Иосифович Александров. По его мнению, человек рождается с набором нейронов, которые уже содержат базовые знания, полученные «по наследству» от предыдущих поколений. Этот набор ученый называет первичным ассортиментом. Когда человек начинает учиться, новая информация не записывается в пустые клетки мозга, а встраивается в уже существующие структуры, формируя вторичный ассортимент нейронов. Важно, что создание новой специализации клеток и изменение старой памяти идут параллельно. Таким образом, обучение строит новые связи между нервными клетками поверх уже проложенных маршрутов, благодаря чему мозгу становится проще принимать и сохранять новые данные [9].

Третий подход к пониманию образования и хранения в памяти информации связан с открытием генетических процессов, протекающих на клеточном уровне, что подтверждает рассмотренную выше концепцию памяти [10].

Обучение можно представить как процесс активизации потенциала в нейронной системе мозга. Каждый нейрон запоминает свой элемент действия, осмысливая его последствия. Следовательно, существует алгоритм выполнения действия за счёт последовательной активизации нейронов. Каждый нейрон имеет свою информацию, связанную с другими нейронами, участвующими в последующем действии, что образует нейронную сеть в определённых участках мозга, в зависимости от специализации нейронов [11].

Механизмы фиксации памяти в нервной системе имеют избирательный характер. Согласно концепции П.К Анохина, за закрепление новой информации отвечают строго определенные гены внутри нейрона, активизирующиеся в ответ на ее новизну. Однако нервная ткань функционирует не изолировано. Поскольку эти генетические механизмы тесно сопряжены с работой соседних клеток, первичное восприятие стимула вызывает иррадиацию – распространение возбуждения на обширное поле близлежащих нейронов. В терминах учения А.А. Ухтомского этот начальный этап представляет собой «кризис иррадиации», когда мозг задействует избыточные ресурсы для обработки неизвестного сигнала.

Процесс консолидации навыка запускается при многократном повторении действия. С каждым последующим извлечением опыта зона активации коры головного мозга сужается: возбуждение локализуется, а участие окружающих нейронов редуцируется. Это приводит к формированию устойчивого динамического

стереотипа – жестко зафиксированной нейронной цепи, обеспечивающей выполнение задачи на уровне автоматизма без участия сознания и лишних энергозатрат [12].

Из этих базовых закономерностей функционирования центральной нервной системы вытекают три ключевых следствия для педагогики:

1) Алгоритмизация – обучение должно осуществляться по алгоритму. Эффективное усвоение материала требует строгой пошаговой структуры (алгоритма), которая снижает когнитивную нагрузку на этапе первичной иррадиации.

2) Автоматизация до уровня стереотипа. Обучение должно продолжаться в действиях, доведённых до динамического стереотипа – автоматизма;

3) Ассоциативность как основа интеграции. Многообразные связи нейрона с другими нейронами позволяют иметь ассоциативные связи, что составляет основу наложения нового знания на имеющуюся уже информацию.

Последние исследования деятельности головного мозга человека (Савельев С.В.) показали, что мозг «не хочет» усваивать то, в чём нет сиюминутной необходимости или это не входит в перспективные планы человека. Мозг работает лишь над тем, что ему необходимо решить «здесь и сейчас» [13].

Выводы

Опираясь на данные нейрофизиологических закономерностей функционирования мозга, можно понять важную особенность школьного обучения: предлагаемый учителем содержательный ассортимент знаний строго ограничен государственным стандартом и выбора в нём нет. Ученик лишен выбора познавательной траектории, а учитель ограничен в возможности адаптировать программу под интересы конкретного класса. Это создает базовое противоречие: учебная деятельность часто требует механического освоения, которое изначально не обладает для ребенка ни сиюминутной необходимостью, ни перспективной ценностью. Преодолеть это сопротивление возможно лишь через актуализацию знаний, успех которой зависит от двух переменных:

1. Профессиональное мастерство педагога, способного искусственно смоделировать значимость предмета и вызвать внешнюю мотивацию.
2. Природная когнитивная готовность самих детей к обучению – их врожденная способность к концентрации внимания и восприятия нового материала.

Список источников

1. Ясюкова Л.А. Прогноз и профилактика проблем обучения, социализация и профессиональное самоопределение старшеклассников: в 2-х ч. Санкт-Петербург: ИМАТОН, 2022.

2. Карпович А.А. Основные проблемы современного образования // Научный текст. Минск: БГЭУ, 2023. С. 62 – 68. (Прим.: в оригинале было «62-58», что является типографской ошибкой; исправлено на корректный диапазон страниц).

3. Миняров В.М., Сапунова Т.В. Психолого-педагогические проблемы овладения обучающимися содержанием образования // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 3. С. 203 – 208.

4. Миняров В.М., Миниярова В.А., Ушатова Т.Г. Проблемы формирования мотивации учения у обучающихся общеобразовательных школ // Актуальные вопросы в практической психологии образования. Самара: ООО «Порто-принт», 2022. 148 с.

5. Миняров В.М. Психология семейного воспитания (диагностико-коррекционный аспект): учебное пособие / Московский психолого-социальный институт. Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 256 с.

6. Миняров В.М., Миниярова В.А. Реализация диалогической технологии совместного творческого обучения в вузе // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 4 (5). С. 26 – 36.

7. Харламов И.Ф. Педагогика: учебное пособие. Москва: Гардарики, 1999. С. 140.

8. Декарт Р. Страсти души // Избранные произведения. Москва: Госполитиздат, 1950. С. 603 – 604.

9. Александров Ю.И., Анохин К.В. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование: Фундаментальное руководство. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 548 с.

10. Александров Ю.И. Научение и память: традиционный и системный подходы // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2005. Т. 55. № 6. С. 842 – 860.

11. Савельев С.В. Морфология сознания: в 2 т. Москва: ВЕДИ, 2018. Т. 1. 208 с.

12. Психофизиология: учебник для вузов / под ред. Ю.И. Александрова. 4-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2014. 464 с.

13. Савельев С.В. Происхождение мозга. Москва: ВЕДИ, 2005. Гл. «Энергетический барьер мозга и механизмы лени».

References

1. Yasyukova L.A. Forecasting and Prevention of Learning Problems, Socialization, and Professional Self-Determination of High School Students: in 2 parts. St. Petersburg: IMATON, 2022.

2. Karpovich A.A. Main Problems of Modern Education. Scientific Text. Minsk: BGEU, 2023. P. 62 – 68. (Note: the original was “62-58,” which is a typographical error; corrected to the correct page range).

3. Miniyarov V.M., Sapunova T.V. Psychological and Pedagogical Problems of Students' Mastery of the Content of Education. Pedagogical Education. 2024. Vol. 5. No. 3. P. 203 – 208.

4. Miniyarov V.M., Miniyarova V.A., Ushatova T.G. Problems of Developing Learning Motivation in Students of Comprehensive Schools. Current Issues in Practical Psychology of Education. Samara: OOO Porto-Print, 2022. 148 p.

5. Miniyarov V.M. Psychology of Family Education (Diagnostic and Correctional Aspect): Study Guide.Moscow Psychological and Social Institute. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2000. 256 p.

6. Miniyarov V.M., Miniyarova V.A. Implementation of Dialogic Technology of Joint Creative Learning in a University. Povolzhsky Pedagogical Bulletin. 2014. No. 4 (5). P. 26 – 36.

7. Kharlamov I.F. Pedagogy: Study Guide. Moscow: Gardariki, 1999, p. 140.

8. Descartes R. Passions of the Soul. Selected Works. Moscow: Gospolitizdat, 1950. P. 603 – 604.

9. Aleksandrov Yu.I., Anokhin K.V. Neuron. Signal Processing. Plasticity. Modeling: A Fundamental Guide. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2008. 548 p.

10. Aleksandrov Yu.I. Learning and Memory: Traditional and Systems Approaches. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity. 2005. Vol. 55. No. 6. P. 842 – 860.

11. Savelyev, S.V. “Morphology of Consciousness.” In 2 volumes. Moscow: VEDI, 2018. vol. 1, 208 p.

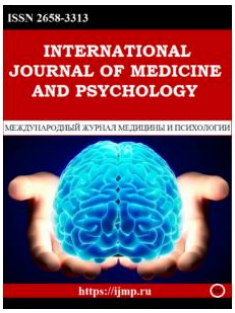
12. Psychophysiology: a textbook for universities. edited by Yu.I. Alexandrov. 4th ed. St. Petersburg: Piter, 2014. 464 p.

13. Saveliev S.V. The Origin of the Brain. Moscow: VEDI, 2005. Chapter "The Energy Barrier of the Brain and the Mechanisms of Laziness."

Информация об авторе

Миниярова В.А., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-6979-9353, Самарский государственный медицинский университет, v.velk@yandex.ru

© Миниярова В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 159.99: 331.101.26:331.105
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-320-323

[1] Мыльников Е.А.,
[1] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Анализ феномена коммуникативных барьеров в деловой среде

Аннотация: в статье рассматриваются коммуникативные барьеры в деловой среде, которые могут снижать эффективность взаимодействия и препятствовать достижению бизнес-целей. Исследование основано на анализе литературных источников, посвященных различным типам барьеров: семантическим, диспозиционным, перцептивно-интерпретационным, статусным и барьерам обстановки. Применен метод качественного анализа для выявления ключевых проблем. Анализ показал, что основными барьерами являются искажения смыслов из-за различий в терминологии, восприятии участников и их организационном статусе. Влияние коммуникативных барьеров на деловую эффективность требует дальнейшего изучения, а также разработки практических методов их преодоления для улучшения взаимодействия в организациях.

Ключевые слова: семантический барьер, деловая коммуникация, барьер, благоприятная корпоративная культура, статусный барьер

Для цитирования: Мыльников Е.А. Анализ феномена коммуникативных барьеров в деловой среде // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 320 – 323. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-320-323

Поступила в редакцию: 21 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Mylnikov E.A.,
[1] A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Analysis of the phenomenon of communication barriers in the business environment

Abstract: this article examines communication barriers in the business environment that can reduce the effectiveness of interactions and hinder the achievement of business goals. The study is based on an analysis of literature on various types of barriers: semantic, dispositional, perceptual-interpretive, status, and contextual barriers. A qualitative analysis was used to identify key issues. The analysis revealed that the main barriers are distortions of meaning due to differences in terminology, participants' perceptions, and their organizational status. The impact of communication barriers on business effectiveness requires further study, as well as the development of practical methods for overcoming them to improve interactions within organizations.

Keywords: semantic barrier, business communication, barrier, favorable corporate culture, status barrier

For citation: Mylnikov E.A. Analysis of the phenomenon of communication barriers in the business environment. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 320 – 323. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-320-323

The article was submitted: July 21, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Общение и коммуникация являются важными компонентами выстраивания стратегии в деловой среде. Деловая коммуникация является многоплановым явлением, объединяющим контакты между людьми в трудовой деятельности, бизнесе [1, с. 214]. Компетентность в вопросах деловой коммуникации обеспечивает эффективную работу всего рабочего коллектива, так как оно позволяет сформировать доброжелательную обстановку среди сотрудников. Кроме того, именно деловая коммуникация выступает важным инструментом достижения выгодной сделки, так как именно она создает пространство для понимания пожеланий и потребностей всех участников переговоров. Вместе с тем, существует ряд барьеров, с которыми сталкиваются организации при выстраивании коммуникативной среды внутри коллектива. Помимо этого, учет специфических факторов на первый взгляд в деловом общении выступает и гарантом выгодной сделки.

Материалы и методы исследований

В качестве методов исследования был применен анализ научных исследований, посвященных изучению коммуникации и коммуникативных барьеров в деловой среде.

Результаты и обсуждения

О.Г. Башарова отмечает, что «коммуникация является обменом различными представлениями, идеями, интересами, настроениями» [2, с. 24]. Нами, в свою очередь, дополняется и уточняется, что как процесс создания и передачи значимых сообщений коммуникация предстает в качестве динамической системы, включающей взаимодействие участников через обмен информацией. Этот процесс направлен на достижение общего понимания и включает такие ключевые элементы, как отправитель, получатель, сообщение, канал передачи и обратную связь. Важным аспектом является контекст, который может быть физическим, социальным или культурным.

Эффективность социальной коммуникации связана с умением участников переговоров верным образом транслировать необходимую информацию, а также правильно понимать поступающие к ним сведения. Общение по своей сути может иметь вербальный и невербальный характер, это требует развития дополнительных навыков декодировки жестов, мимики, интонаций и т.п. Одновременное развитие вербальной и невербальной коммуникации может стать эффективным инструментов развития коммуникативно культуры внутри коллектива [3].

Коммуникативная культура может стать важным источником решения социальных потребностей индивида, которые содержатся в теории А. Маслоу. Безопасность, возможность обрести социальную реализацию и поддержку важны на пути к целям команды. Коммуникация как социальное явление дает возможность не только восполнить индивидуальные потребности членов коллектива, но и объединить усилия для достижения общих целей команды. Через общение сотрудники согласовывают свои роли, решают проблемы, принимают решения и внедряют инновации. Эффективные коммуникации способствуют созданию благоприятной корпоративной культуры, укрепляют моральный дух и усиливают сплоченность коллектива [4].

Представленный выше анализ понятия «коммуникации» является собирательным для корпоративной культуры.

В общем и целом, под словом «коммуникативная культура» понимаются те социальные паттерны, которые являются базисом взаимоотношений в любой компании, организации. К коммуникативной культуре можно отнести не только общепринятые стандарты профессиональной коммуникации, но и личностные характеристики участников этого процесса. Ведь от того, как сотрудники будут выражать свои эмоции, справляться с негативными мыслями, зависит внутренняя стабильность внутри коллектива [5].

Последняя определяет эффективность командной работы, оперативность в принятии руководящих решений, качество взаимодействия работников на всех этапах трудовой деятельности. В процессе формирования здоровой коммуникативной культуры значительную роль играет руководство организации, которым определяются условия обмена конструктивной критикой, возможность использования открытого диалога в процессе преодоления сложных ситуаций, конфликтов. В тех компаниях, в которых в достаточной степени развита коммуникативная культура, минимизируется количество тех ситуаций, когда происходят недопонимания и задержки в передаче важной информации [6].

Кроме того, повышается удовлетворенность сотрудников условиями работы. Для работников любой фирмы важно ощущать собственную вовлеченность в рабочий процесс, сохранение взаимоуважения и доверия в коллективе. Это укрепляет имидж компании, повышая качество внешних контактов с партнерами и

клиентами. Таким образом, безусловно качество коммуникативной культуры играет очень важную роль для любой организации [7, с. 232].

Во многих организациях эффективность деловой коммуникации снижается под давлением барьеров. Нами было отобраны ряд самых важных, на наш взгляд, барьеров, которые возникают в деловой среде. П.В. Якупов выделяет семантический барьер в деловой коммуникации, который возникает из-за того, что участники общения используют одни и те же слова, но вкладывают в них разные значения. Это может быть связано с различиями в профессиональной терминологии, культурных особенностях или индивидуальных особенностях восприятия. Например, одно и то же слово в разных отраслях или странах может иметь разные оттенки смысла, что приводит к недопониманию [8, с. 263].

Одной из главных причин возникновения семантического барьера является несовпадение тезаурусов – словарного запаса и системы понятий у разных участников общения. Если у одного из участников деловой коммуникации возникают трудности в подборе необходимых слов в процессе коммуникации, то это затрудняет диалог между ними.

Одним из участников переговоров могут быть неправильно истолкованы услышанные слова, и это требует развития словарного запаса и лексикона всеми работниками организации, которые проводят внешние переговоры с партнерами. Более того, семантический барьер может быть обусловлен сохранением различий между обоими языками. Толкование смысла сказанного может быть искажено в силу отсутствия словарных аналогов в другом языке. Следовательно, информационный взаимообмен может быть нарушен, что снижает эффективность деловых переговоров.

Следующий барьер связан с внешними факторами и обстановкой, окружающей участников коммуникативного процесса. Акустические помехи, отвлекающая обстановка за окном, нарушения речи, тихий голос становятся проблемами при попытке правильно истолковать услышанную информацию. Температурные условия в помещении – слишком жарко или холодно – могут негативно сказываться на физическом комфорте участников, что также влияет на восприятие информации. Погодные условия, такие как дождь, ветер или низкое атмосферное давление, также могут оказать влияние на эмоциональное состояние и способность участников эффективно воспринимать и передавать информацию.

Экологическая ситуация, например, загрязненный воздух или другие неблагоприятные факторы окружающей среды, может усугублять усталость и снижать концентрацию, что особенно актуально для деловых встреч в крупных городах. Все эти факторы вместе могут серьезно осложнить процесс коммуникации, создавая барьеры обстановки, которые снижают эффективность взаимодействия [9].

С.С. Фролов [10] рассмотрел ряд интересных, на наш взгляд, барьеров, которые возникают в деловой среде. Некоторыми из них выступают перцептивно-интерпретационный барьер, диспозиционный барьер и статусный барьер. Перцептивно-интерпретационный барьер, который возникает при деловых переговорах из-за отсутствия развитой коммуникативной культуры, обусловлен также различиями в культурном восприятии различных явлений. В зависимости от воспитания, социальной среды, в которой формировался человек, формируется система взглядов – именно она способна исказить ту информацию, которая поступает к человеку.

Сложность ситуации заключается в том, что участники диалога могут по-разному видеть один и тот же аспект, а это приводит к недопониманию. Самая большая сложность заключается в предвзятом отношении людей к ценностям и взглядам сидящего напротив него человека. Неприятие может также касаться религиозных, гендерных и этнических различий.

Различия в социальном статусе могут дополнительно усиливать так называемый диспозиционный барьер, когда участники переговоров не понимают потребности друг друга. В компаниях с вертикальной структурой коммуникация может быть затруднена именно из-за статусного барьера, а это ведет, в свою очередь, к снижению эффективности работы внутри коллектива.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования нам удалось проанализировать литературу, в которой рассматривается роль коммуникативной культуры в поддержании здоровой атмосферы внутри организации. Было выявлено, что существует ряд проблем, которые мешают вести переговоры в деловой среде.

Каждый барьер, который был освещен в статье, может стать объектом для отдельных исследований, направленных на выработку новых методов развития коммуникативной культуры в коллективах различных организаций.

Список источников

1. Кравцова В.Ю., Дружинина К.Н., Колесникова М.А., Митина А.Э. Коммуникативные барьеры в деловом общении // Современные тенденции развития общества: образование, коммуникация, психология. Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2020. С. 213 – 216.
2. Башарова О.Г., Тимохина А.В. Способы преодоления коммуникативных барьеров в деловом общении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 24 – 28. DOI: https://doi.org/ 10.23672/b1434-5630-4262-p
3. Денисов А.Ф. Проблемы коммуникативной культуры в компаниях, работающих на российском рынке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2021. Т. 20. №. 1. С. 86 – 107.
4. Жуков Ю.М. Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности: специальность: автореф. дис. … докт. психол. наук. Москва, 2003. 38 с.
5. Петровская Л.А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.
6. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1988. 263 с.
7. Griffin E.A. et al. A First Look at Communication Theory, Em Griffin // Details: Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2009. С. 230 – 265.
8. Якупов П.В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры //Вестник университета. 2016. № 10. С. 261 – 266.
9. Коваленко М.Ю., Коваленко М.А. Теория коммуникации. М.: Юрайт, 2017. 415 с.
10. Фролов С. С. Социология организаций. Москва: Гардарики, 2001. 384 с.

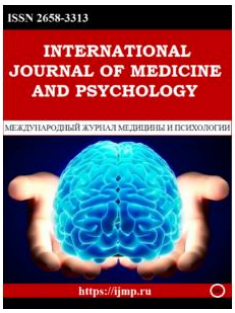
References

1. Kravtsova V.Yu., Druzhinina K.N., Kolesnikova M.A., Mitina A.E. Communicative barriers in business communication. Modern trends in the development of society: education, communication, psychology. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SUPI RANEPA), 2020. P. 213 – 216.
2. Basharova O.G., Timokhina A.V. Ways to overcome communication barriers in business communication. Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 7. P. 24 – 28. DOI: https://doi.org/ 10.23672/b1434-5630-4262-p
3. Denisov A.F. Problems of Communicative Culture in Companies Operating in the Russian Market. Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 86 – 107.
4. Zhukov Yu.M. Training as a Method of Improving Communicative Competence: Specialty: Abstract of a Doctor of Psychology Dissertation. Moscow, 2003. 38 p.
5. Petrovskaya L.A. Communication Competence: Social and Psychological Training. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1989. 216 p.
6. Nalchadzhyan A.A. Social and psychological adaptation of the personality. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the ArmSSR, 1988. 263 p.
7. Griffin E.A. et al. A First Look at Communication Theory, Em Griffin. Details: Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2009. P. 230 – 265.
8. Yakubov P.V. Communication: Definition of the Concept, Types of Communication, and Its Barriers. Vestnik of the University. 2016. No. 10. P. 261 – 266.
9. Kovalenko M.Yu., Kovalenko M.A. Communication Theory. Moscow: Yurait, 2017. 415 p.
10. Frolov S.S. Sociology of Organizations. Moscow: Gardariki, 2001. 384 p.

Информация об авторе

Мыльников Е.А., аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

© Мыльников Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-324-333

[1] Литвиненко Н.В.,
[1] Демерджи Д.М.,
[1] Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Тревожность как психологический феномен: теоретические подходы и современные представления

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ тревожности как психологического феномена и систематизированы современные представления о ее природе и механизмах проявления. Актуально исследования обусловлена многообразием научных подходов к пониманию тревожности, неоднозначностью ее соотношения с тревогой и страхом, а также необходимостью систематизации современных представлений о ее психологический природе. На основе анализа отечественных и зарубежных научных работ рассмотрены основные теоретические подходы к изучению тревожности, раскрыты особенности ее понимания как относительно устойчивой индивидуально-психологической характеристики личности. Показано, что современные представления о тревожности формируются на основе интеграции личностного, когнитивного, регуляторного, психофизиологического и нейробиологического подходов. Установлено, что проявление тревожности связано с особенностями субъективной оценки потенциальной угрозы и неопределенности, эмоционального реагирования, саморегуляции и используемых способов совладания. Обоснована необходимость разграничения тревоги как актуального эмоционального состояния и тревожности как устойчивой склонности к тревожному реагированию. Определено, что психологическое значение тревожности зависит от характера ее включения в процессы адаптации и регуляции деятельности. Дальнейшее исследование проблемы целесообразно сосредоточить на механизмах возникновения и закрепления тревожности, а также на детерминантах перехода от нормативного тревожного реагирования к его дезадаптивным формам. Прикладное значение работы определяется систематизацией актуальных научных данных о тревожности, создающей основу для последующих теоретических и эмпирических исследований.

Ключевые слова: тревожность, тревога, страх, эмоциональная саморегуляция, непереносимость неопределенности, избегающее поведение, тревожное реагирование

Для цитирования: Литвиненко Н.В., Демерджи Д.М. Тревожность как психологический феномен: теоретические подходы и современные представления // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 324 – 333. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-324-333

Поступила в редакцию: 22 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Litvinenko N.V.,
[1] Demerdzhi D.M.,
[1] Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov

Anxiety as a psychological phenomenon: theoretical approaches and modern concepts

Abstract: the article presents a theoretical analysis of anxiety as a psychological phenomenon and systematizes modern ideas about its nature and mechanisms of manifestation. The relevance of the research is обусловлен by the diversity of scientific approaches to understanding anxiety, the ambiguity of its relationship with worry and

fear, as well as the need to systematize modern ideas about its psychological nature. Based on an analysis of domestic and foreign scientific works, the main theoretical approaches to the study of anxiety are examined, and the features of its understanding as a relatively stable individual-psychological characteristic of a person are revealed. It has been shown that modern concepts of anxiety are formed on the basis of an integration of personal, cognitive, regulatory, psychophysiological, and neurobiological approaches. It has been established that the manifestation of anxiety is associated with the characteristics of the subjective assessment of potential threat and uncertainty, emotional response, self-regulation, and the coping strategies used. The necessity of distinguishing between anxiety as an acute emotional state and anxiety as a stable tendency to respond with anxiety has been substantiated. It has been determined that the psychological significance of anxiety depends on the nature of its involvement in the processes of adaptation and activity regulation. Further research into the problem should focus on the mechanisms underlying the emergence and maintenance of anxiety, as well as on the determinants of the transition from a normative anxious response to its maladaptive forms. The practical significance of the work lies in the systematization of current scientific data on anxiety, which provides a foundation for subsequent theoretical and empirical studies.

Keywords: anxiety, worry, fear, emotional self-regulation, intolerance of uncertainty, avoidant behavior, anxious responding

For citation: Litvinenko N.V., Demerdzhi D.M. Anxiety as a psychological phenomenon: theoretical approaches and modern concepts. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 324 – 333. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-324-333

The article was submitted: July 22, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Тревожность представляет собой значимый психологический феномен, связанный с особенностями эмоционального состояния, поведения и взаимодействия личности с окружающей средой. Ее психологическая роль функционально неоднозначна: тревожные переживания способны обеспечивать мобилизацию ресурсов и готовность к реагированию на потенциальную угрозу, однако при чрезмерной выраженности и устойчивости они затрудняют эмоциональную регуляцию, снижают эффективность деятельности и осложняют психологическую адаптацию. Поэтому исследование тревожности существенно как для теоретического понимания механизмов эмоционального реагирования, так и для решения прикладных задач психологической практики.

Недостаточно решенной остается проблема дифференциации тревоги и тревожности, их соотношения с феноменом страха и выявления психологических механизмов, при которых нормативные тревожные переживания приобретают дезадаптивный характер. Существование различных концептуальных трактовок осложняет интеграцию знаний о психологической природе тревожности и делает необходимым их теоретическое обобщение.

Целью настоящей работы является теоретический анализ и систематизация отечественных и зарубежных научных представлений о тревожности как психологическом феномене, ее содержательных характеристиках, формах проявления и психологических механизмах.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению тревожности, ее личностных, когнитивных, регуляторных и психофизиологических аспектов (Р. Мэй [1], А.М. Прихожан [2, 3], Ч.Д. Спилбергер [4], Ю.Л. Ханин [5] и др.). Для анализа научных представлений использовались методы теоретического и сравнительного анализа, систематизации и обобщения научных данных.

Результаты и обсуждения

Центральной проблемой теоретического анализа тревожности является неоднозначность ее содержательного и категориального статуса. Несмотря на длительную историю изучения данного феномена, в психологической литературе сохраняются различия в определении его природы, структуры, механизмов формирования и функционального значения. В современной психологии тревожность понимается как сложное личностное образование, связанное с повышенной чувствительностью к потенциально неблагоприятным

воздействиям и особенностям психической регуляции. Различия в понимании данного феномена определяются спецификой теоретико-методологических подход и сложностью его психологической природы.

Анализ тревожности предполагает ее соотнесение со смежными феноменами – тревогой и страхом. Тревога чаще связывается с переживанием потенциальной или неопределенной опасности, тогда как страх соотносится с более конкретным источником угрозы.

Вместе с тем современные исследования показывают, что жесткое противопоставление страха и тревоги не отражает всей сложности эмоционального реагирования: их физиологические, поведенческие и нейробиологические механизмы частично пересекаются [7]. Поэтому разграничение этих понятий имеет прежде всего аналитическое значение и позволяет точнее определить специфику тревожности как индивидуально-психологической характеристики.

В рамках исторического развития психологических представлений о тревожности первоначально основное внимание исследований было сосредоточено на анализе тревоги как специфического эмоционального переживания. Существенный вклад в ее осмысление внес Р. Мэй, который связывал возникновение тревоги с переживанием угрозы ценностям, имеющим для личности жизненно важное значение и затрагивающим ее отношение к себе и собственному существованию [1]. В рамках данного подхода тревога не сводилась исключительно к патологическому состоянию. Ее возникновение могло выполнять сигнальную функцию, свидетельствуя о субъективной значимости происходящего и необходимости изменения способов взаимодействия личности с ситуацией. Подобная позиция имеет значение для понимания тревожности, поскольку показывает, что склонность к тревожному реагированию формируется и реализуется не вне личностного содержания, а в связи с тем, какие события, отношения и возможные последствия воспринимаются человеком как значимые и угрожающие.

В отечественной психологии одно из наиболее развернутых представлений о тревожности представлено в работах А.М. Прихожан. Автор разграничивает тревогу как ситуативное эмоциональное напряжение и тревожность как устойчивое личностное образование, сохраняющееся в течении достаточно продолжительного времени и обладающее собственной побудительной силой [2]. В рамках данной концепции принципиальным является положение о том, что тревожность не тождественна периодически возникающему эмоционального напряжению. При ее закреплении формируются относительно устойчивые способы восприятия, переживания и поведения, посредством которых реализуется повышенная чувствительность личности к субъективно значимым угрозам.

Согласно подходу А.М. Прихожан, закрепление тревожности может быть обусловлено хроническим неудовлетворением субъективно значимых потребностей и формирующимися вследствие этого внутриличностными противоречиями [2]. Тревожность при этом рассматривается во взаимосвязи с отношением человека к самому себе. Для подросткового возраста особое значение приобретают особенности Я-концепции, переживание собственной ценности, оценка индивидуальных возможностей и соответствия значимым требованиям. Тем самым тревожность предстает как относительно устойчивый эмоционально-личностный способ реагирования, а не как совокупность эпизодически учащающихся тревожных реакций.

В структуре тревожности А.М. Прихожан выделяет когнитивный, эмоциональный и операциональный компоненты, рассматривая эмоциональный компонент как ведущий [2]. Такое понимание расширяет трактовку тревожности за пределы субъективного беспокойства и позволяет анализировать ее одновременно на уровне восприятия и оценки ситуации, эмоциональных реакций и поведенческих проявлений. Данное понимание позволяет рассматривать тревожность как многокомпонентное психологическое образование, в котором переживание потенциальной угрозы связано с относительно устойчивыми способами ее осмысления и регулирования.

Стоит отметить, что тревожность может различаться по способу внешнего проявления. А.М. Прихожан выделяет открытые и скрытые формы тревожности, различающиеся характером переживания, его осознания и выражения в поведении, общении и деятельности [3]. Следовательно, высокий уровень тревожности не обязательно проявляется непосредственно выраженным беспокойством. В отдельных случаях тревожное переживание может компенсироваться или маскироваться посредством определенных моделей поведения. Предложенное положение имеет методологическое значение, поскольку показывает ограниченность оценки тревожности только по внешне наблюдаемой эмоциональной напряженности.

Одним из наиболее значимых этапов в развитии представлений о тревожности стала концепция Ч.Д. Спилбергера, в которой последовательно разграничены тревога как состояние и тревожность как свойство [4]. Ситуативная тревога характеризует изменяющееся во времени эмоциональное состояние, возникающее в конкретных обстоятельствах и сопровождающееся напряжением, беспокойством и физиологической активацией. Личностная тревожность рассматривается как относительно устойчивая предрасположенность

воспринимать определенный спектр ситуаций в качестве угрожающих и отвечать на них повышением ситуативной тревоги.

В отечественной психодиагностической традиции данное разграничение получило широкое распространение благодаря адаптации меттодики Ч.Д. Спилбергера Ю.Л. Ханиным [5]. Концептуальная ценность модели заключается в возможности отделить актуальное эмоциональное состояние человека от устойчивой индивидуальной склонности к его возникновению. Высокая личностная тревожность, таким образом, не означает постоянного пребывания в состоянии тревоги. Она выражается в более высокой вероятности тревожной реакции при столкновении с ситуациями, субъективно оцениваемыми как опасные, неопределенные или значимые для личности.

Значимость такого разграничения сохраняется и в современных отечественных исследованиях. Т.Н. Тихомировой и соавторами проведена адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности STAI-T на масштабной выборке студенческой молодежи [6]. Авторы рассматривают личностную тревожность как предрасположенность к чрезмерному проявлению тревоги в отношении широкого круга событий и восприятию их как потенциально опасных. Полученные данные подтверждают возможность применения русскоязычной версии STAI-T для оценки личностной тревожности у современной студенческой молодежи. Тем самым предложенная Ч.Д. Спилбергером дифференциация тревоги и тревожности остается востребованной в теоретическом и диагностическом отношении, хотя современная психологическая модель тревожности включает значительно более широкий круг характеристик и механизмов.

Тревожность следует анализировать в контексте целостного личностного функционирования, а не как автономную эмоциональную характеристику. Ее выраженность сопряжена с особенностями самовосприятия, поведенческой регуляции, оценкой собственных ресурсов и интерпретацией событий. В исследовании А.И. Слоновой у респондентов с различным уровнем личностной тревожности обнаружены различия в показателях самосознания [8]. Более высокая тревожность сопровождалась тенденциями к ослаблению отдельных аспектов саморегуляции, росту внутренней конфликтности и самообвинения и изменению некоторых параметров самоотношения. Вместе с тем сохранность нормативных значений по ряду характеристик не позволяет описывать высокую тревожность исключительно в дефицитарной парадигме и подтверждает неправомерность ее прямого отождествления с дезадаптацией.

Для личностной тревожности характерна повышенная готовность интерпретировать неоднозначные обстоятельства с позиции возможной угрозы. Поддержание такой установки связано с тем, как человек оценивает вероятность и субъективную значимость негативных последствий, а также собственную способность с ними справиться. В рамках когнитивного и когнитивно-поведенческого подходов особое значение придается селективному вниманию к угрожающей информации, негативному прогнозированию, неприятию неопределенности и устойчивому мысленному сосредоточению на потенциальных рисках. Хотя перечисленные процессы представляют лишь часть механизмов тревожности, они позволяют объяснить сохранение тенденции к тревожной оценке ситуации.

Значительное внимание уделяется феномену непереносимости неопределенности – склонности отрицательно реагировать на обстоятельства, не позволяющие сформировать однозначный прогноз относительно последующего развития событий. При высокой непереносимости неопределенности недостаток информации сам по себе способен приобретать субъективно угрожающее значение. Неизвестность оценивается не как нейтральное отсутствие определенности, а как состояние, которое необходимо устранить или максимально контролировать.

В метааналитическом обзоре А. Сахиб с соавторами, включивший 91 исследование, показал устойчивую взаимосвязь непереносимости неопределенности с особенностями эмоциональной регуляции [9]. Более выраженная непереносимость неопределенности была связана с более частым использованием неадаптивных и с менее частым использованием адаптивных стратегий регуляции эмоций. Наиболее сильная связь среди неадаптивных стратегий была выявлена с когнитивным избеганием. Полученные результаты представляют интерес для понимания тревожности, поскольку демонстрируют, что повышенная чувствительность к неопределенности связана не только с содержанием когнитивной оценки, но и с характером последующей регуляции эмоционального состояния.

Дополнительное значение имеет отношение человека к собственным переживаниям. Р. Бесерра с соавторами показали, что связь непереносимости неопределенности с тревогой частично опосредуется представлениями о контролируемости и функциональности эмоций [10]. Иными словами, тревожное реагирование может усиливаться не только вследствие неопределенности внешней ситуации, но и в тех случаях, когда возникающие эмоциональные реакции сами оцениваются человеком как нежелательные, опасные или

неконтролируемые. Это позволяет рассматривать метакогнитивное отношение к собственным переживаниям как дополнительный фактор устойчивости тревожных реакций.

Тесно связанным с тревожностью когнитивным процессом является беспокойство, ориентированное преимущественно на возможные будущие события. Беспокойство способно субъективно выполнять функцию предварительного анализа и подготовки к потенциальным трудностям. Однако чрезмерная выраженность данного процесса может приводить к длительному удержанию внимания на возможных неблагоприятных сценариях. В результате снижается вероятность окончательного разрешения неопределенности, а тревожное реагирование сохраняется.

Особенно подробно данные механизмы изучаются при генерализованном тревожном расстройстве. Систематический обзор и анализ Э. Уилсон, М. Эбботт и А. Нортон показали, что в ходе психологической терапии снижение непереносимости неопределенности сопровождается уменьшением беспокойства и выраженности тревожной симптоматики [11]. Метааналитическая модель М. Абакари с соавторами указывает на более общий статус непереносимости неопределенности как фактора уязвимости, в то время как беспокойство может частично опосредовать ее связь с тревогой [12]. Вариативность силы выявленных отношений в зависимости от формы тревожных проявлений свидетельствует об ограниченной универсальности данного объяснительного механизма.

Прямой перенос закономерностей, обнаруженных при тревожных расстройствах, на феномен личностной тревожности методологически ограничен. Клиническая тревога не эквивалентна устойчивой склонности личности к тревожному реагированию. Однако исследованные в клиническом и субклиническом контексте когнитивные процессы способны дополнять представления о механизмах тревожности, если их интерпретация не стирает различия между индивидуально-психологической характеристикой и патологической симптоматикой.

Устойчивость тревожных реакций в ряде случаев поддерживается избегающим поведением. Его адаптивное значение очевидно при реальной угрозе, тогда как регулярное избегание объективно безопасных обстоятельств препятствует проверке и последующей коррекции представлений об опасности. Близкую функцию выполняет безопасное поведение, направленное на предупреждение предполагаемой угрозы либо снижение испытываемой тревоги [13]. Приписывание благоприятного результата только этим защитным действиям снижает вероятность пересмотра исходной угрожающей интерпретации.

Избегающее поведение может выполнять как адаптивную, так и дезадаптивную функцию, вследствие чего его отношение к тревожности требует концептуальной оценки. Необходимо учитывать соответствие поведения реальной угрозе, его выраженность, повторяемость и влияние на жизнедеятельность. В этом отношении признаком неблагоприятного функционирования выступает прежде всего устойчивое ограничение активности в ответ на субъективно переживаемую опасность, а не избегание как таковое.

Другим механизмом, способным расширять спектр ситуаций, вызывающих тревожное реагирование, является генерализация усвоенной реакции угрозы. При генерализации эмоциональная реакция распространяется с первоначально опасного стимула на сходные с ним ситуации. В исследовании Л. Фраунфельтер, А.Б.М. Гердес и Г.В. Альперса, основанном на обобщении результатов ранее проведенных исследований, подтверждена связь повышенной генерализации страха с патологическими тревожными проявлениями [14]. Вместе с тем авторы обращают внимание на ограничения имеющихся данных и невозможность однозначно определить направление причинности, поэтому генерализация может рассматриваться как один из потенциальных механизмов устойчивости тревожного реагирования, но не как универсальная причина высокой тревожности.

При анализе психологической природы тревожности принципиально важно учитывать ее функциональную неоднозначность. Склонность к обнаружению потенциальной угрозы сама по себе может иметь адаптивное значение. Чувствительность к возможной опасности позволяет человеку заранее оценивать риски, мобилизовать ресурсы и корректировать собственное поведение. Р. Абенд рассматривает патологические проявления тревоги как возможное чрезмерное или несоответствующее ситуации выражение защитных реакций, которые в нормативном варианте выполняют адаптивную функцию [15]. Данное положение позволяет провести важное различие между тревожностью как индивидуальной характеристикой и ее выраженными дезадаптивными проявлениями.

Разграничение адаптивных и дезатаптивных форм тревожности определяется прежде всего ее функциональными последствиями, а не абсолютной выраженностью. Повышенная чувствительность к потенциальной угрозе сохраняет адаптивное значение, если способствует учету возможных последствий, не препятствует достижению целей и уменьшается после разрешения проблемной ситуации. Напротив, преобладание ожидания негативного исхода, приводящее к снижению результативности деятельности, придает тревож-

ности дезадаптивный характер. Таким образом, ее психологическая функция непосредственно связана с эффективностью саморегуляции.

В исследовании В.В. Селиванова и П.А. Побокина продемонстрирована взаимосвязь тревожности с параметрами саморегуляции [16]. Установлено, что показатели как ситуативной тревоги, так и личностной тревожности связаны с отдельными характеристиками регуляторной системы, в частности с планированием, моделированием условий деятельности и регуляторной гибкостью. Полученные результаты позволяют учитывать при анализе тревожности особенности организации человеком собственной активности: выделение существенных обстоятельств, построение программы действий и ее изменение в зависимости от складывающейся ситуации.

Значение регуляторных возможностей дополнительно раскрывается при рассмотрении совладающего поведения. В работе Ю.А. Маракшиной, В.И. Исматуллиной и М.М. Лобасковой, посвященной стрессу и стратегиям совладания у студенческой молодежи, подчеркивается значимость копинг-стратегий и ресурсов психической устойчивости для понимания особенностей эмоционального реагирования [17]. Характер адаптации к трудной ситуации зависит не только от интенсивности эмоционального напряжения, но и от доступных человеку когнитивных и поведенческих способов реагирования. Применительно к тревожности это означает, что сходная склонность к тревожной оценке ситуации может приводить к различным последствиям в зависимости от возможностей саморегуляции и используемых копинг-стратегий.

Рассмотренные данные позволяют связать характер проявлений личностной тревожности с имеющимися у человека ресурсами саморегуляции. При развитой способности переоценивать ситуацию, планировать действия, управлять эмоциональными реакциями и гибко перестраивать поведение повышенная восприимчивость к угрозе сама по себе не препятствует эффективной деятельности. Напротив, сочетание повышенной тревожности с ограниченным набором способов совладания может способствовать закреплению неэффективных реакций и повышению дезадаптивного значения тревожности.

Отдельное направление современных исследований связано с психофизиологическими коррелятами тревожности. А.И. Рабаданова и Д.У. Черкесова выявили различия в характеристиках синхронизации основных ритмов электроэнцефалограммы у девушек с высоким и низким уровнем тревожности [18]. Полученные результаты свидетельствуют о наличии психофизиологических коррелятов индивидуальных различий в уровне тревожности, однако они не дают оснований сводить тревожность к определенному типу мозговой активности: физиологические показатели характеризуют один из уровней организации феномена и требуют рассмотрения в совокупности с психологическими характеристиками личности.

Также отдельное внимание уделяется изучению генетических факторов, ассоциированных с показателями ситуативной и личностной тревожности. Н. Осман с соавторами выявили ассоциации вариантов гена BDNF с показателями личностной тревожности, а варианта гена AMPD1 – с показателями ситуативной тревоги [19]. Различия в выявленных ассоциациях дополнительно свидетельствуют о том, что ситуативная тревога и личностная тревожность, несмотря на тесную связь, не являются тождественными феноменами. Однако интерпретация подобных данных должна учитывать многофакторный характер формирования тревожности, исключающий возможность ее объяснения воздействием отдельных генетических вариантов.

Нейробиологические исследования подтверждают сложную системную организацию процессов, лежащих в основе тревожного реагирования. В модели Т. Акики с соавторами патологическая тревога рассматривается во взаимосвязи с функционированием нескольких нейронных систем, обеспечивающих обработку актуальной и потенциальной угрозы, когнитивный контроль, вознаграждение и социальные процессы [20]. Тем самым нейробиологические данные скорее поддерживают многофакторное объяснение тревожности, чем представление о существовании единственного определяющего ее биологического механизма.

Следовательно, биологические факторы целесообразно рассматривать как один из уровней формирования индивидуальной предрасположенности. Выраженность тревожности формируется в результате взаимодействия психофизиологических особенностей, личностного опыта, системы значимых отношений, когнитивных способов эмоционально-поведенческой регуляции. Данный подход позволяет избежать как психологического, так и биологического редукционизма.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о распространенности тревожности и ее возможной динамике в современных социальных условиях. Увеличение числа исследований и общественного внимания к тревожным состояниям не дает оснований говорить о последовательном росте тревожных проявлений в популяции. В исследовании Т.А. Болдыревой и О.А. Щербининой динамика показателей тревоги, стресса и депрессивных состояний у студентов не сводилась к последовательному однонаправленному увеличению [21]. Это подтверждает необходимость осторожного отношения к обобщенным утверждениям о постоян-

ном росте тревожных проявлений и учета конкретных социально-исторических условий, особенностей выборки и диагностического инструментария.

Проведенный анализ позволяет систематизировать научные представления о тревожности в рамках нескольких взаимодополняющих направлений:

1. Экзистенциально-феноменологическое направление позволяет раскрыть субъективное содержание тревожного переживания и его связь со значимыми для личности ценностями, неопределенностью и угрозой привычным основаниям существования. Его вклад в понимание тревожности заключается прежде всего в рассмотрении тревоги как содержательно обусловленного личностного переживания, а не исключительно автоматической реакции на внешнюю опасность [1].
2. Отечественное эмоционально-личностное направление рассматривает тревожность как устойчивое и сложноструктурированное личностное образование, обладающее собственной побудительной силой и устойчивыми формами реализации. Существенное значение имеют связь тревожности с системой потребностей и Я-концепцией, а также выделение когнитивного, эмоционального и операционального аспектов ее структуры [2, 3].
3. Личностно-диспозиционное направление разграничивает тревогу как актуальное эмоциональное состояние и личностную тревожность как относительно устойчивую предрасположенность к тревожному реагированию. Принципиальным преимущественном данного подхода является возможность исследовать устойчивые индивидуальные различия без отождествления их с интенсивностью тревоги в конкретный момент [4-6].
4. Когнитивное и когнитивно-поведенческое направление раскрывает процессы, посредством которых склонность к тревожному реагированию может актуализироваться и поддерживаться: оценивание потенциальной угрозы, отношение к неопределенности, беспокойство, негативная интерпретация собственных эмоций, избегание и генерализация реакции угрозы [7, 9-14]. Эти механизмы не тождественны тревожности как личностному образованию, но позволяют объяснить устойчивость определенных форм тревожного реагирования.
5. Регуляторно-адаптационное направление рассматривает выраженность и последствия тревожности во взаимосвязи с процессами саморегуляции и совладания. С этой позиции психологическое значение высокой чувствительности к угрозе определяется тем, насколько человек способен гибко регулировать возникающее напряжение и сохранять продуктивную деятельность [15-17].
6. Психофизиологическое и нейробиологическое направление раскрывает биологические факторы и корреляты индивидуальных различий тревожности. Современные исследования свидетельствуют о сложной и многоуровневой организации соответствующих механизмов и не подтверждают возможность сведения тревожности к единственному физиологическому или генетическому фактору [18-20].

Сравнительный анализ рассмотренных направлений показывает, что различия между ними в значительной степени определяются уровнем изучения феномена. В связи с этим описанные ранее подходы представляются не столько взаимоисключающими, сколько взаимодополняющими.

На основании проведенного теоретического анализа тревожность целесообразно рассматривать как сложное многоуровневое психологическое образование. В ее структуре может быть условно выделено несколько взаимосвязанных компонентов. Когнитивный компонент включает особенности оценки потенциальной угрозы, интерпретации неоднозначных событий, прогнозирования неблагоприятных последствий и отношения к неопределенности. Эмоциональный компонент отражает склонность к возникновению беспокойства, напряжения и субъективного ожидания неблагоприятного исхода. Поведенческо-регуляторный компонент характеризует типичные способы взаимодействия с тревожащими ситуациями, особенности саморегуляции и используемые стратегии совладания. Психофизиологический компонент представлен особенностями активации организма, сопровождающими готовность к реагированию на потенциальную угрозу. Подобное разделение носит аналитический характер. В реальном психологическом функционировании указанные компоненты образуют взаимосвязанную систему.

Принципиальным является определение условий, при которых тревожность становится дезадаптивной. Ее высокая выраженность сама по себе не служит достаточным критерием неблагоприятного функционирования. Оценка должна учитывать продолжительность тревожного реагирования, степень его распространения на различные сферы жизни и влияние на способность к эмоционально-поведенческой саморегуляции. Дезадаптивное значение возрастает, когда субъективная оценка угрозы становится несоразмерной объективным обстоятельствам, а эмоциональное напряжение начинает ограничивать привычную активность и полноценное функционирование человека.

Обобщение теоретических подходов позволяет трактовать тревожность как устойчивую индивидуально психологическую предрасположенность к усиленному тревожному реагированию при субъективном восприятии потенциальной опасности либо неопределенности. Данная предрасположенность реализуется через особенности когнитивной интерпретации ситуации, эмоционального ответа, отношения к себе, психофизиологической активации и регуляции поведения. В этом контексте тревожность необходимо отличать от тревоги, представляющей собой актуально переживаемое эмоциональное состояние.

Современное изучение тревожности характеризуется тенденцией к интеграции различных уровней анализа. Ее проявления рассматриваются в единстве с личностно-смысловыми характеристиками, когнитивной оценкой ситуации и ресурсами саморегуляции, благодаря чему классические психологические концепции могут быть объединены с актуальными представлениями о механизмах формирования и реализации тревожного реагирования.

Выводы

Проведенный теоретический анализ показывает, что неоднородность трактовок тревожности обусловлена как сложностью и многомерностью самого феномена, так и различиями в исследовательских перспективах. Современное понимание не ограничивает тревожность выраженным эмоциональным дискомфортом или высокой частотой тревожных состояний. Она интерпретируется как относительно стабильная склонность к определенному типу реагирования, специфика которого определяется взаимодействием личностных особенностей, субъективной оценки ситуации и имеющихся регуляторных ресурсов.

Системное понимание тревожности предполагает интеграцию различных уровней анализа данного психологического феномена. Это позволяет учитывать не только личностную предрасположенность к тревожному реагированию, но и то, какую роль ее проявления играют в адаптации и организации деятельности.

Дальнейшего изучению требуют условия, при которых тревожность приобретает дезадаптивное значение, а также факторы, которые позволяют сохранить ее адаптивную роль.

Значимым направлением представляется исследование тревожности в динамике с учетом возрастных, личностных и социокультурных условий, что позволит конкретизировать механизмы ее формирования и проявления в различных жизненных ситуациях.

Список источников

1. Мэй Р. Смысл тревоги: пер. с англ. М.И. Завалова, А.Ю. Сибуриной. Москва : Класс, 2001. С. 171 – 178. (Библиотека психологии и психотерапии ; вып. 89). ISBN 5-86375-034-0.

2. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. С. 3-7. (Библиотека педагога-практика). ISBN 5-89502-089-5. ISBN 5-89395-174-3.

3. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2007. С. 84 – 85. (Детскому психологу). ISBN 978-5-469-01499-7.

4. Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R., Vagg P.R., Jacobs G.A. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory (Form Y): Self-Evaluation Questionnaire // Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1983. Vol. IV. P. 4– 5.

5. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. Ленинград: ЛНИИФК, 1976. С. 1 – 18.

6. Тихомирова Т.Н., Павлова А.А., Исматуллина В.И., Малых А.С., Колясников П.В., Малых С.Б. Адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на выборке студентов вузов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. № 4. С. 610 – 632.

7. Daniel-Watanabe L., Fletcher P.C. Are Fear and Anxiety Truly Distinct? // Biological Psychiatry Global Open Science. 2022. Vol. 2. № 4. P. 341 – 349. DOI 10.1016/j.bpsgos.2021.09.006

8. Слонова А. И. Особенности самосознания лиц с высоким уровнем тревожности // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 1. С. 101 – 118. DOI 10.17759/exppsy.2023160106

9. Sahib A., Chen J., Cárdenas D., Calear A.L. Intolerance of uncertainty and emotion regulation: A meta-analytic and systematic review // Clinical Psychology Review. 2023. Vol. 101. Art. 102270. P. 1 – 3. DOI 10.1016/j.cpr.2023.102270

10. Becerra R., Gainey K., Murray K., Preece D.A. Intolerance of uncertainty and anxiety: The role of beliefs about emotions // Journal of Affective Disorders. 2023. Vol. 324. P. 349 – 353. DOI 10.1016/j.jad.2022.12.064

11. Wilson E. J., Abbott M. J., Norton A. R. The impact of psychological treatment on intolerance of uncertainty in generalized anxiety disorder: A systematic review and meta-analysis // Journal of Anxiety Disorders. 2023. Vol. 97. Art. 102729. P. 1 – 3. DOI 10.1016/j.janxdis.2023.102729

12. Akbari M., Sheikhi S., Navab Safiadin M.S., Rahmani M., Forootan R., Asmundson G.J.G. A hierarchical uncertainty framework of anxiety: Preregistered meta-analytic structural model of intolerance of uncertainty and worry across anxiety disorders // Clinical Psychology Review. 2026. Vol. 128. Art. 102773. P. 2 – 4. DOI 10.1016/j.cpr.2026.102773

13. Sharpe L., Todd J., Scott A., Gatzounis R., Menzies R.E., Meulders A. Safety behaviours or safety precautions? The role of subtle avoidance in anxiety disorders in the context of chronic physical illness // Clinical Psychology Review. 2022. Vol. 92. Art. 102126. P. 1 – 10. DOI 10.1016/j.cpr.2022.102126

14. Fraunfelter L.-A., Gerdes A.B.M., Alpers G.W. Fear one, fear them all: A systematic review and meta-analysis of fear generalization in pathological anxiety // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2022. Vol. 139. Art. 104707. P. 1 – 18. DOI 10.1016/j.neubiorev.2022.104707

15. Abend R. Understanding anxiety symptoms as aberrant defensive responding along the threat imminence continuum // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2023. Vol. 152. Art. 105305. P. 1 – 16. DOI 10.1016/j.neubiorev.2023.105305

16. Селиванов В.В., Побокин П.А. Особенности тревожности и саморегуляции психической деятельности в виртуальной среде // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 108 – 117. DOI 10.17759/exppsy.2024170107

17. Маракшина Ю.А., Исматуллина В.И., Лобаскова М.М. Стресс и стратегии совладания у студенческой молодежи: обзор исследований // Клиническая и специальная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 5 – 33. DOI 10.17759/cpse.2024130201

18. Рабаданова А.И., Черкесова Д.У. Особенности синхронизации ритмов ЭЭГ покоя у девушек с высоким и низким уровнем тревожности // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 3. С. 185 – 202. DOI 10.17759/exppsy.2024170313

19. Осман Н., Линд К.В., Бровин А.Н., Васильева Л.Е., Дятлова М.А. Биологические механизмы тревожности: генетические ассоциации генов BDNF и AMPD1 с ситуативной и личностной тревожностью // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 1. С. 33 – 46. DOI 10.17759/jmfp.2024130103

20. Akiki T.J., Jubeir J., Bertrand C., Tozzi L., Williams L.M. Neural circuit basis of pathological anxiety // Nature Reviews Neuroscience. 2025. Vol. 26. № 1. P. 5 – 22. DOI 10.1038/s41583-024-00880-4

21. Болдырева Т.А., Щербинина О.А. Верификация тезиса о нарастании депрессивных и тревожных тенденций в 2010-2020-х годах (на примере когортного и лонгитюдного исследований) // Экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 1. С. 119 – 137. DOI 10.17759/exppsy.2025180108

References

1. May R. The Meaning of Anxiety: trans. from English by M.I. Zavalova, A.Yu. Moscow: Klass, 2001. P. 171 – 178. (Library of Psychology and Psychotherapy; issue 89). ISBN 5-86375-034-0.

2. Prikhozhan A.M. Anxiety in Children and Adolescents: Psychological Nature and Age Dynamics. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO MODEK Publishing House, 2000. P. 3 – 7. (Library of the Practitioner Teacher). ISBN 5-89502-089-5. ISBN 5-89395-174-3.

3. Prikhozhan A.M. Psychology of Anxiety: Preschool and School Age. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2007. P. 84 – 85. (For a child psychologist). ISBN 978-5-469-01499-7.

4. Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R., Vagg P.R., Jacobs G.A. Manual for the State-Trait Anxie-ty Inventory (Form Y): Self-Evaluation Questionnaire. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1983. Vol. IV. P. 4 – 5.

5. Khanin Yu.L. Brief Guide to Using the Reactive and Personality Anxiety Scale by C.D. Spielberger. Leningrad: LNIIFK, 1976. P. 1 – 18.

6. Tikhomirova T.N., Pavlova A.A., Ismatullina V.I., Malykh A.S., Kolyasnikov P.V., Malykh S.B. Adaptation of the Russian-language version of the Personal Anxiety Inventory (STAI-T) on a sample of university students. Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 610 – 632.

7. Daniel-Watanabe L., Fletcher P.C. Are Fear and Anxiety Truly Distinct? Biological Psychiatry Global Open Science. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 341 – 349. DOI 10.1016/j.bpsgos.2021.09.006

8. Slonova A.I. Features of self-awareness of individuals with high levels of anxiety. Experimental Psychology. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 101 – 118. DOI 10.17759/exppsy.2023160106

9. Sahib A., Chen J., Cárdenas D., Calear A.L. Intolerance of uncertainty and emotion regulation: A meta-analytic and systematic review. Clinical Psychology Review. 2023. Vol. 101. Art. 102270. P. 1 – 3. DOI 10.1016/j.cpr.2023.102270

10. Becerra R., Gainey K., Murray K., Preece D.A. Intolerance of uncertainty and anxiety: The role of beliefs about emotions. Journal of Affective Disorders. 2023. Vol. 324. P. 349 – 353. DOI 10.1016/j.jad.2022.12.064

11. Wilson E. J., Abbott M. J., Norton A. R. The impact of psychological treatment on intolerance of uncertainty in generalized anxiety disorder: A systematic review and meta-analysis. Journal of Anxiety Disorders. 2023. Vol. 97. Art. 102729. P. 1 – 3. DOI 10.1016/j.janxdis.2023.102729

12. Akbari M., Sheikhi S., Navab Safiadin M.S., Rahmani M., Forootan R., Asmundson G.J.G. A hierar-chical uncertainty framework of anxiety: Preregistered meta-analytic structural model of intolerance of uncertainty and worry across anxiety disorders. Clinical Psychology Review. 2026. Vol. 128. Art. 102773. P. 2 – 4. DOI 10.1016/j.cpr.2026.102773

13. Sharpe L., Todd J., Scott A., Gatzounis R., Menzies R.E., Meulders A. Safety behaviors or safety precautions? The role of subtle avoidance in anxiety disorders in the context of chronic physical illness. Clinical Psychology Review. 2022. Vol. 92. Art. 102126. P. 1 – 10. DOI 10.1016/j.cpr.2022.102126

14. Fraunfelter L.-A., Gerdes A.B.M., Alpers G.W. Fear one, fear them all: A systematic review and meta-analysis of fear generalization in pathological anxiety. Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2022. Vol. 139. Art. 104707. P. 1 – 18. DOI 10.1016/j.neubiorev.2022.104707

15. Abend R. Understanding anxiety symptoms as aberrant defensive responding along the threat immi-nence continuum. Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2023. Vol. 152. Art. 105305. P. 1 – 16. DOI 10.1016/j.neubiorev.2023.105305

16. Selivanov V.V., Pobokin P.A. Features of anxiety and self-regulation of mental activity in a virtual environment. Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 108 – 117. DOI 10.17759/exppsy.2024170107

17. Marakshina Yu.A., Ismatullina V.I., Lobaskova M.M. Stress and coping strategies in student youth: a research review. Clinical and Special Psychology. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 5 – 33. DOI 10.17759/cpse.2024130201

18. Rabadanova A.I., Cherkesova D.U. Features of synchronization of resting EEG rhythms in girls with high and low levels of anxiety. Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 185 – 202. DOI 10.17759/exppsy.2024170313

19. Osman N., Lind K.V., Brovin A.N., Vasilyeva L.E., Dyatlova M.A. Biological mechanisms of anxiety: genetic associations of the BDNF and AMPD1 genes with situational and personal anxiety. Modern Foreign Psychology. 2024. Vol. 13. No. 1. P. 33 – 46. DOI 10.17759/jmfp.2024130103

20. Akiki T.J., Jubeir J., Bertrand C., Tozzi L., Williams L.M. Neural circuit basis of pathological anxiety. Nature Reviews Neuroscience. 2025. Vol. 26. No. 1. P. 5 – 22. DOI 10.1038/s41583-024-00880-4

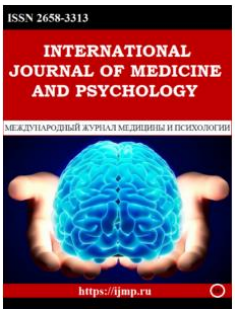
21. Boldyreva T.A., Shcherbinina O.A. Verification of the thesis on the increase in depressive and anxiety tendencies in the 2010-2020s (based on cohort and longitudinal studies). Experimental Psychology. 2025. Vol. 18. No. 1. P. 119 – 137. DOI 10.17759/exppsy.2025180108

Информация об авторах

Литвиненко Н.В., преподаватель, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, SPIN-код: 6512-0110, litvinenko-nata00@mail.ru

Демерджи Д.М., кандидат психологических наук, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, demerdzi@mail.ru

© Литвиненко Н.В., Демерджи Д.М., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 37.015.3
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-334-339

[1] Нуриев Тахир Вугар оглы,
[1] Егорова И.А.,
[1] Таганрогский институт управления и экономики

Эмпирическое исследование ассертивности педагогов и эффективность программы её развития

Аннотация: статья посвящена изучению ассертивности как профессионально значимого личностного качества педагогов дошкольных и общеобразовательных учреждений. Представлены результаты комплексного эмпирического исследования 128 педагогов с использованием семи диагностических методик, выявившего средний и ниже среднего уровни ассертивности у большинства испытуемых, а также её ситуационно-статусную обусловленность. Описана авторская 8-недельная тренинговая программа развития ассертивности, апробированная на группе из 34 педагогов с низкими исходными показателями. Итоговая диагностика зафиксировала значимый прирост среднего балла ассертивности на 23,6 пункта (62,1%). Показана необходимость системной работы по формированию ассертивных компетенций в педагогическом образовании.

Ключевые слова: ассертивность, педагоги, профессиональное поведение, тренинг ассертивности, иерархическая тревожность, манипулятивная уязвимость, педагогическое образование, самоэффективность

Для цитирования: Нуриев Т.В., Егорова И.А. Эмпирическое исследование ассертивности педагогов и эффективность программы её развития // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 334 – 339. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-334-339

Поступила в редакцию: 23 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1]Nuriev Takhir Vugar ogly,
[1]Egorova I.A.,
[1] Taganrog Institute of Management and Economics

Empirical study of teachers' assertiveness and the effectiveness of an assertiveness development programme

Abstract: the article examines assertiveness as a professionally significant personal quality of preschool and general education teachers. It presents the results of a comprehensive empirical study involving 128 teachers conducted with seven diagnostic instruments, revealing that most respondents display average or below-average assertiveness levels, as well as a situational and status-dependent character of this quality. An original eight-week group training programme for assertiveness development, tested on 34 teachers with initially low scores, is described. Post-programme diagnostics recorded a significant mean increase of 23.6 points (62.1%). The need for systemic work on assertiveness competencies within teacher education is demonstrated.

Keywords: assertiveness, teachers, professional behaviour, assertiveness training, hierarchical anxiety, manipulative vulnerability, teacher education, self-efficacy

For citation: Nuriev T.V., Egorova I.A. Empirical study of teachers' assertiveness and the effectiveness of an assertiveness development programme. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 334 – 339. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-334-339

The article was submitted: July 23, 2026; Approved after reviewing: August 20, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что педагогическая деятельность предполагает постоянное взаимодействие с широким кругом субъектов – воспитанниками и учениками, их родителями, коллегами, администрацией. Качество этого взаимодействия во многом определяется способностью педагога открыто и уважительно выражать своё мнение, отстаивать профессиональную позицию, не поддаваясь манипуляциям и не уходя при этом в агрессию. Данное качество в психологической науке обозначается понятием «ассертивность» и рассматривается как интегративная поведенческая компетенция, объединяющая уверенность в себе, самоуважение, умение отказывать без чувства вины и выражать несогласие конструктивно [1].

Несмотря на очевидную профессиональную значимость ассертивности, её развитие в педагогической среде остаётся недостаточно изученным. Отдельные аспекты уверенного профессионального поведения педагогов рассматривались в контексте педагогического стиля [2], коммуникативной компетентности [3], профессионального выгорания [4], однако комплексного эмпирического исследования ассертивности именно педагогов дошкольных и общеобразовательных учреждений с последующей апробацией развивающей программы в отечественной литературе не представлено. Психологическая устойчивость и профессиональное благополучие педагогов в последние годы исследуются достаточно активно [8, 9], а принципы ассертивного, антиманипулятивного поведения апробированы применительно к представителям смежных социономических профессий [5], однако системного переноса этих данных на ассертивность именно педагогов пока не произошло. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Цель исследования – изучить уровень ассертивности педагогов, выявить основные зоны её дефицита и апробировать программу целенаправленного развития данного качества.

Материалы и методы исследований

Исследование проходило на базе дошкольных образовательных организаций и общеобразовательных школ, в нём участвовало 128 педагогов. Ассертивность изучалась при помощи комплекса диагностики из семи методик. Первым был авторский опросник ассертивной личности состоящий из 20 пунктов, шкал «Всегда\Часто\Редко\Никогда; второй методикой выступала «оценка эффективности стиля педагогического общения», состоящая из 12 пунктов пятибалльной шкалы. Профессиональную установку педагогов установили по опросники В.Г Моралова, который позволяет разграничить авторитарную и гуманистическую позиции. Уровень ассертивности в себе оценивали методикой В.Г Ромека состоящий из 30 пунктов, общую и социальную само эффективность оценивали методикой Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека. Применялась также шкала напористости Рэтта [13] и авторский профессионально-ориентированный тест на ассертивность, охватывающий взаимодействие педагога с коллегами, администрацией, родителями и воспитанниками. Подобранный набор методик дал возможность рассмотреть ассертивность сразу на нескольких уровнях: самооценочном, поведенческом, когнитивном, мотивационном, и со стороны профессиональной специфики её проявления у педагогов.

Результаты и обсуждения

Данные, полученные по авторскому опроснику ассертивности (Методика 1), показывают, что у большинства опрошенных педагогов ассертивность находится на среднем либо ниже среднего уровне. Наиболее заметные зоны дефицита выглядят так: более половины респондентов (56,2%) признали, что в той или иной мере подвержены манипуляциям со стороны окружающих, что согласуется с данными о распространённости манипулятивной уязвимости в социономических профессиях [5], почти столько же педагогов (54,7%) склонны избегать публичных ситуаций из опасения оказаться в неловком положении, а доля тех, кто зависит от мнения окружающих, оказалась ещё выше – 57,9%. Отдельно стоит проблема отстаивания собственной позиции в общении с авторитетными людьми.

Методика «Оценка эффективности стиля педагогического общения» (Методика 2) показала, что доля уверенных положительных ответов не превышает 40-45% ни по одной из рассмотренных профессиональных компетенций, а уверенно говорить о владении активными методами обучения и психогигиеническими

приёмами работы с детьми может лишь около трети опрошенных. Это в целом говорит о том, что у большинства педагогов преобладает традиционная, субъект-объектная модель взаимодействия с воспитанниками.

Исходя из опросника В.Г. Моралова, был зафиксирован переход своеобразного профессионального состоянии сознания педагога, а именно то, что больше половины респондентов (55,5%) не считают строгость главным достоинством в педагогической сфере, а 46,1% напротив, оценивают критически инструментальный подход к ребёнку, однако при этом в выборке по прежнему заметны авторитарные установки, а именно: 48,4% педагогов ссылаются на послушание ребенка, 36% считают норму воспитание через наказание, а 34,4% опрошенных педагогов считают нормой постоянный контроль над воспитанниками. Согласно методике В.Г. Ромека, ассертивность у педагогов можно назвать средним, но неоднородным по структуре, высокую тревожность вызывает взаимодействие с вышестоящими лицами, опасение подставить другого человека и трудность в самораскрытии, что согласуется с данными о нелинейной связи тревожности педагогов с их эмоционально-интеллектуальными ресурсами [10]. Около 40% опрошенных педагогов подтвердили, что периодически сомневаются в собственной значимости. Однако есть и обратная сторона, около 71.9% подтвердили, что им есть чем гордиться, а 38.3% педагогов отметили у себя выражение самоуважения к самому себе. Самоэффективность находится на среднем уровне, что подтверждается методикой №5, большинство ответов сосредоточены в диапазоне от 5 до 6 баллов из 10; это соответствует представлениям о самоэффективности как об одном из ключевых предикторов профессиональной устойчивости и психологической безопасности педагога [7]. При этом сами педагоги, уверены в своих силах, когда перед ними ставят их профессиональные задачи, однако они могут заметно теряются, если ситуация выходит за рамки профессиональных задач, на этом фоне у педагогов может возникать прокрастинация и привычка оставлять сложные задачи незавершенными. По методике Рэтта поведенческая ассертивность имеет умеренно сниженный уровень, 53,9% педагогов считают окружающих их людей, более ассертивными чем они сами, а 46% считают, что им трудно отказывать при необходимости из-за страха эмоционального срыва в споре, они желают избегать конфликты. По методике №7 видно отчётливую ситуационно-статусную природу ассертивности педагога: высокий уровень ассертивности проявляется во взаимодействии с воспитанниками, где модель ассертивности варьируется от 45 до 55%, однако во взаимодействие с родителями он несколько ниже и составляет 42-48%, но самым низким значением, а именно 35-40% является общение с коллегами и руководством. Закономерность вполне объяснима: чем выше статусная позиция педагога относительно собеседника, тем свободнее и увереннее он себя чувствует, что согласуется с методологическими подходами к измерению личностно-профессиональной устойчивости учителей через призму стрессогенности иерархических отношений [8].

Если обобщить результаты всего диагностического комплекса, можно выделить три сквозные тенденции. Во-первых, по большинству измеряемых параметров у педагогов преобладает средний либо ниже среднего уровень ассертивности. Во-вторых, ассертивность носит ситуационно-статусный характер: её показатели снижаются по мере перехода от нисходящих коммуникаций к горизонтальным и восходящим. В-третьих, у педагогов сочетаются достаточное самоуважение и профессиональная ответственность с выраженной зависимостью от мнения окружающих и избеганием конфликтов.

Таблица 1

Структура программы развития ассертивности педагогов.

Table 1

Structure of the program for developing assertiveness in teachers.

Блок	Тема	Ключевые методы	Ожидаемый результат
1	Диагностика и постановка целей	Самодиагностика, групповая дискуссия, «Дневник ассертивности»	Осознание личного профиля ассертивности
2	Я-высказывания и открытое самовыражение	Ролевые игры, парные упражнения, видеоанализ	Навык открытого выражения позиции без агрессии
3	Уверенное «нет»	Психодрама, работа с иррациональными убеждениями	Умение отказывать, сохраняя отношения
4	Защита от манипуляций	Разбор кейсов, техника «Осознанной паузы»	Распознавание и нейтрализация манипуляций
5	Публичное взаимодействие	Ораторские упражнения, дыхательные техники, видеозапись	Уверенное поведение на совещаниях

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

6	Иерархическое взаимодействие	Симуляция совещаний, техника «Уважительного несогласия»	Умение отстаивать позицию перед руководством
7	Самоуважение и психологические границы	Арт-терапия, «Дневник достижений», визуализация границ	Устойчивая позитивная самооценка
8	Интеграция навыков	Комплексная ролевая игра, повторная диагностика, рефлексия	Сформированный план ассертивного развития

Анализ эффективности программы

По критериям включения (суммарный балл по авторскому опроснику менее 45 из 80; показатель Шкалы Рэтта ниже медианного значения; наличие выраженных неассертивных паттернов по не менее трём методикам из семи) в программу вошли 34 педагога. Средний балл по авторскому опроснику ассертивности до начала программы составил 38,0 балла, что соответствует уровню «ниже среднего».

До начала программы средний балл участников по авторскому опроснику ассертивности составлял 38,0, что соответствует уровню «ниже среднего». Через восемь недель работы провели повторную диагностику: средний балл вырос до 61,6, то есть прибавил 23,6 балла (62,1%). В начале программы по повышение ассертивности все 34 участника находились в диапазоне "низкого уровня" однако к её завершению, более 94,1%, а именно 30 участников перешли в "средний уровень", а два участника поднялись выше до уровня "выше среднего" на изначально низком уровне, никого не осталось. Сопоставимая по направленности динамика – статистически значимый прирост ассертивности наряду со снижением показателей стресса и тревожности – была получена и в зарубежном рандомизированном контролируемом исследовании тренинговых программ, построенных на близких принципах [13], что подтверждает воспроизводимость эффекта структурированного тренинга ассертивности.

Таблица 2

Ключевые показатели ассертивности до и после программы.

Table 2

Key indicators of assertiveness before and after the program.

Показатель	До программы (% проблемных ответов)	После программы (% проблемных ответов)	Снижение
Подверженность манипуляциям	56,2%	21,8%	−34,4 п.п.
Избегание публичных ситуаций	54,7%	23,5%	−31,2 п.п.
Зависимость от мнения окружающих	57,9%	26,5%	−31,4 п.п.
Трудности с иерархическим взаимодействием	51,6%	22,1%	−29,5 п.п.
Избегающее поведение	52,4%	20,6%	−31,8 п.п.
Трудности с отстаиванием позиции	50,0%	19,1%	−30,9 п.п.
Страх публичного несогласия	54,7%	21,4%	−33,3 п.п.

Согласно "Дневникам ассертивности" и материалам итоговой групповой рефлексии, позволило выделить основные направления программы, в которых участники почувствовали наивысшее изменения. Подобными изменения выступали: снижения чувства вины за отказ и отстаивание личных границ, что позволило увеличить рост активности на рабочих совещаниях, около 70% педагогов отметили, что стали куда чаще высказывать не только своё мнение, но и отстаивать свои личностные границы в профессиональной сфере. Другая группа участников освоило технику "Осознанной паузы", восходящую к тренингу навыков в диалектико-поведенческой терапии [12], против манипулятивного воздействия, на этом фоне отражен рост профессионального самоуважения и улучшение отношений в коллективе. Интересным фактом является, что большинство участников опасались более открытого ассертивного поведения, которое может испортить отношения в коллективе, однако на практике всё получилось, наоборот, за счёт большей честности и лояльности в общении, на этом фоне качество профессионального взаимодействия возросло. Подобную эффективность программы, можно объяснить несколькими факторами. Для начала, сама программ строилась поэтапно: структура каждого блока напрямую соответствовала определённому дефициту, который был выявлен на этапе диагностики, к примеру 3 блок снижал уязвимость к манипуляции, которая была обнаружена у 56.2% педагогов. Пятый же блок помогал преодолеть избегание публичных ситуаций, которое было обнаружено у 54,7%, в блоке №6 была проведена работа с иерархической тревожностью. Следующим эта-

пом выступал профессиональный контекст: в данном случае, ролевые игры и кейсы строились на реальных и не шаблонных педагогических ситуациях, что облегало применение навыком в практике, весьма заметную роль сыграл и принцип постепенного усложнения материала для участников. Следующим и последним этапом выступала систематическая домашняя практика, в которой участники регулярно вели свой "дневник ассертивности"

Полученные данные говорят о том, что дефицит ассертивности носит системный характер в педагогической сфере и фактически воспроизводится как устойчивый, профессиональный паттерн, говоря более открыто, профессиональная подготовка педагога выделяла слишком мало или мало времени на развитие ассертивных компетенций, выстраивая структуру формирования у будущих специалистов на предметных и дидактических умений, оставляя за рамками педагогического образования вопросы о психологической устойчивости самого педагога, которая рассматривается современными исследователями как комплексное, многокомпонентное личностно-профессиональное образование [11].

Основываясь на данных высказываниях, для система педагогического образования имеет смысл в введении программы "Ассертивность в педагогической деятельности" в программах бакалавриата и магистратуры. Объём академических часов составил бы не менее 36 часов, где около 60% аудиторного времени отводилось к практическому применению. Помимо отдельного курса, ассертивные навыки предлагается ввести в дисциплины педагогической психологии, конфликтологи и в курсы профессиональному здоровью педагога. Для повышения квалификации предлагается разработать и лицензировать программу "Педагогика ассертивности" в объеме 72 академических часа, которая состояла бы из 4 модулей: Психологические основы, ассертивность, техника ассертивного поведения, ассертивность в разных профессиональных контекстах. Учитывая тот факт, что образовательные организации разбросаны, лучшим решением будет гибридный формат, а именно дистанционные теоретически блоки и очные тренинговые занятия. Подобное решение согласуется с общей тенденцией целенаправленной интеграции soft skills, включая социальную адаптивность и коммуникативную гибкость, в систему профессиональной подготовки будущих педагогов в высшей школе [6].

Выводы

Исследование ассертивности позволяет сформировать несколько основных выводов: Ассертивность педагогов дошкольных и общеобразовательных учреждений, можно обозначить средним уровнем или ниже среднего, сильнее всего выражен дефицит устойчивости к манипуляции, публичного самовыражения и уверенность при взаимодействии с руководством. В данном случае ассертивность носит ситуационно-статусный характер и повышается в ситуациях, когда педагог занимает более высокую позицию в статусе. Апробированная 8-недельная тренинговая программа продемонстрировала высокую эффективность (прирост среднего балла на 23,6 пункта, или 62,1%), что согласуется как с отечественными данными о результативности тренингов ассертивного и антиманипулятивного поведения [5], так и с зарубежными рандомизированными исследованиями [13]. Устойчивый характер выявленного дефицита указывает на необходимость системной интеграции ассертивных компетенций в программы педагогического образования как одного из направлений формирования soft skills и личностно-профессиональной устойчивости будущих педагогов [6, 11].

Список источников

1. Alberti R., Emmons M. Your Perfect Right: Assertiveness and Equality in Your Life and Relationships. Atascadero: Impact Publishers, 2008. 256 p.

2. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. М.: Флинта, 1998. 200 с.

3. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2004. 384 с.

4. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 336 с.

5. Чусовитин А.В., Уварина Н.В. Формирование антиманипулятивного поведения у сотрудников уголовно-исполнительной системы // Инновационное развитие профессионального образования. 2023. № 4 (40). С. 122 – 128.

6. Воскрекасенко О.А., Гаврилова М.А., Пашин А.А. Социальная адаптивность как soft skills в системе профессиональной подготовки будущих педагогов в высшей школе // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 11 (103). С. 106 – 111.

7. Шмелева Е.А., Кисляков П.А., Кольчугина Н.И., Фан Ч.К. Жизнестойкость и психологическая безопасность педагога в образовательной среде // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 9. С. 143 – 173.

8. Головчин М.А. Формула стресса. Методологические основы измерения личностно-профессиональной устойчивости учителей школ // Образовательная политика. 2022. № 1 (89). С. 82 – 95.

9. Пинегина А.А. Факторы и условия развития профессиональной устойчивости молодого учителя в сверхкрупном городе // Проблемы современного педагогического образования. 2021. Т. 72. № 2. С. 218 – 222.

10. Минюрова С.А., Брель Е.Ю., Кружкова О.В., Воробьева И.В., Матвеева А.И. Нелинейность взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности педагогов // Педагогическое образование в России. 2023. № 3. С. 199 – 207.

11. Горбатенко Ю.И., Ерошенкова Е.И. Профессионально-личностная устойчивость учителя: сущность, структура и содержание // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2025. Т. 11. № 1. С. 68 – 87.

12. Linehan M.M. Skills Training Manual for Treating Borderline Personality Disorder. New York: Guilford Press, 1993. 180 p.

13. ElBarazi A.S., Mohamed F., Mabrok M., Adel A., Abouelkheir A., Ayman R., Mustfa M., Elmosallamy M., Yasser R., Mohamed F. Efficiency of assertiveness training on the stress, anxiety, and depression levels of college students (Randomized control trial) // Journal of Education and Health Promotion. 2024. Vol. 13. P. 203.

References

1. Alberti R., Emmons M. Your Perfect Right: Assertiveness and Equality in Your Life and Relationships. Atascadero: Impact Publishers, 2008. 256 p.

2. Mitina L.M. Psychology of Teacher Professional Development. Moscow: Flinta, 1998. 200 p.

3. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology. Moscow: Logos, 2004. 384 p.

4. Vodopyanova N.E. Burnout Syndrome: Diagnostics and Prevention. St. Petersburg: Piter, 2008. 336 p.

5. Chusovitin A.V., Uvarina N.V. Formation of Anti-Manipulative Behavior in Penal System Employees. Innovative Development of Professional Education. 2023. No. 4 (40). P. 122 – 128.

6. Voskrekasenko O.A., Gavrilova M.A., Pashin A.A. Social adaptability as soft skills in the system of professional training of future teachers in higher education. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 11 (103). P. 106 – 111.

7. Shmeleva E.A., Kislyakov P.A., Kolchugina N.I., Fan Ch.K. Resilience and psychological safety of a teacher in the educational environment. Education and Science. 2022. Vol. 24. No. 9. P. 143 – 173.

8. Golovchin M.A. Stress formula. Methodological foundations for measuring the personal and professional stability of school teachers. Educational policy. 2022. No. 1 (89). P. 82 – 95.

9. Pinegina A.A. Factors and conditions for the development of professional resilience of a young teacher in a super-large city. Problems of modern pedagogical education. 2021. Vol. 72. No. 2. P. 218 – 222.

10. Minyurova S.A., Brel E. Yu., Kruzhkova O.V., Vorobyova I.V., Matveeva A.I. Nonlinearity of the relationship between emotional intelligence and anxiety of teachers. Pedagogical education in Russia. 2023. No. 3. P. 199 – 207.

11. Gorbatenko Yu.I., Eroshenkova E.I. Professional and personal resilience of a teacher: essence, structure and content. Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2025. T. 11. No. 1. P. 68 – 87.

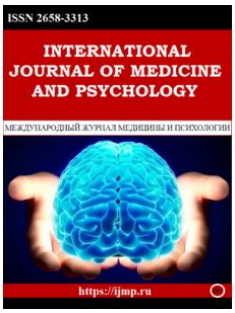
12. Linehan M.M. Skills Training Manual for Treating Borderline Personality Disorder. New York: Guilford Press, 1993. 180 p.

13. ElBarazi A.S., Mohamed F., Mabrok M., Adel A., Abouelkheir A., Ayman R., Mustfa M., Elmosalla-my M., Yasser R., Mohamed F. Efficiency of assertiveness training on the stress, anxiety, and depression levels of college students (Randomized control trial). Journal of Education and Health Promotion. 2024. Vol. 13. P. 203.

Информация об авторах

Нуриев Тахир Вугар оглы, аспирант, Таганрогский институт управления и экономики, e_jaeger18@mail.ru
Егорова И.А., кандидат социологических наук, доцент, Таганрогский институт управления и экономики, i.egorova@tmei.ru

© Нуриев Т.В., Егорова И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9.072.43
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-340-345

[1] Славутская Е.В.,
[2] Владимирова О.Н.,
[1] Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
[2] Чебоксарский кооперативный институт, филиал Российского университета кооперации

Учащаяся молодежь о родителях: связь склонности к отклоняющемуся поведению со стилем семейного воспитания

Аннотация: отклоняющееся поведение подростков и молодежи требует изучения причин этой проблемы. В контексте воспитания в родительской семье исследуются стратегии воспитания, влияющие на возникновение различных девиаций. В статье описываются результаты эксперимента по изучению взаимосвязи склонности к отклоняющемуся поведению у учащейся молодежи со стилем воспитания родителей. В исследовании приняли участие 197 студентов колледжа и института в возрасте 15-18 лет. Использовались: тест «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана), методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орла. Изучение взаимосвязи склонности к девиациям со стилем воспитания родителей (матери и отца) на основе корреляционного анализа позволяет более полно представить отдельные причины возникновения проблем. Выявлено, что шкалы директивности, автономности и непоследовательности, как стили материнского воспитания, имеют взаимосвязь со склонностью к преодолению норм и правил, склонности к агрессии и насилию, к делинквентному поведению опрошенных респондентов. Враждебность в воспитательной линии отца связана со всеми видами девиаций их детей. Директивный стиль матери не имеет взаимосвязи с отклоняющимся поведением у респондентов изучаемой возрастной группы.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, психодиагностика, отклоняющееся поведение, стиль семейного воспитания

Для цитирования: Славутская Е.В., Владимирова О.Н. Учащаяся молодежь о родителях: связь склонности к отклоняющемуся поведению со стилем семейного воспитания // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 340 – 345. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-340-345

Поступила в редакцию: 24 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Slavutskaya E.V.,
[2] Vladimirova O.N.,
[1] Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev,
[2] Cheboksary Cooperative Institute, a branch of the Russian University of Cooperation

Students' views on parents: the relationship between the tendency toward deviant behavior and the parenting style

Abstract: the study of the factors influencing the occurrence of a tendency to deviant behavior in young students is currently relevant. In this context, attention is paid to the role of parenting in the parental family, as well as the methods and styles of parenting themselves. The article describes the results of an experiment to study the relationship between the tendency to deviant behavior in young students and the parenting style of their parents. Meth-

ods of psychodiagnostics were used: the questionnaire "Teenagers about parents" by ADOR (author E. Shafer, modification Z. Matejčík and P. Ržichan), the “Determination of Tendency Toward Deviant Behavior” methodology by A. N. Orl. The study involved 197 college and university students aged 15–18. Examining the relationship between the tendency toward deviant behavior and the parenting style of parents (mother and father) based on correlation analysis makes it possible to more fully understand the individual causes of the phenomena under study. It has been found that the scales of directive, autonomous, and inconsistent parenting in the mother are correlated with a tendency to break norms and rules, a tendency toward aggression and violence, and delinquent behavior among the surveyed respondents. Hostility in the father’s parenting style is associated with all scales measuring the tendency toward deviant behavior in adolescents and young adults. At the same time, this parenting style in the mother is not associated with any type of deviant behavior in the age group under study.

Keywords: student youth, psychodiagnostics, deviant behavior, family upbringing style

For citation: Slavutskaya E.V., Vladimirova O.N. Students’ views on parents: the relationship between the tendency toward deviant behavior and the parenting style. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 340 – 345. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-340-345

The article was submitted: July 24, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Семья является важнейшей средой для становления личности, основным местом психологической поддержки ребенка. Она традиционно формирует ценности человека, отношения, развивает и воспитывает [2, 4, 8, 9].

В отечественных исследованиях проблема детско-родительских отношений в семьях подростков и учащейся молодежи представлена в трудах Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Кохан, А.Я. Варга, В.В. Столина, Г.В. Семьи, Е.В. Славутской, Н.С. Бобровниковой, С.Д. Сажиной, О.А. Оферкиной и др. [1, 2, 4, 5, 9, 11]. Отсутствие или недостаток в семье эмоционального и доверительного контакта могут привести к возникновению различных психологических проблем у детей, подростков и молодежи, в том числе - склонности к отклоняющемуся поведению [3, 8, 10].

Отклоняющееся поведение – это поведение, связанное с нарушением норм и правил, установленных в обществе. Это несоответствие действий индивида распространенным в социуме идеям, ценностям и установкам [2]. А.А. Реан пишет, что «асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться посредством механизма научения и подражания, если такие ценности и нормы являются доминирующими в семье» [7].

В отечественной психологии проблеме отклоняющегося поведения подростков и молодежи посвящены труды Ю.А. Клейберга, В.Д. Менделевича А.А. Реана, В.Ф. Шевчука, М.Х. Жакина, И.В. Эльрих, О.А. Оферкиной, Ю. Хасанова, А.В. Вилковой и др. [3, 6, 7, 10]. Особое внимание уделялось психологическим и возрастным особенностям личности, формированию отклоняющегося поведения, причинам и видам девиаций, методам и формам профилактики и коррекции девиаций [2, 6, 9, 12, 13].

Материалы и методы исследований

Экспериментальная база исследования: АНО ВО ЧКИ РУК, филиал «Российский университет кооперации». В эксперименте приняли участие 197 респондентов – учащаяся молодежь кооперативного техникума и института в возрасте 15-18 лет. Из общего числа опрошенных студентов выявлены 31 человек, как имеющие склонность к разного вида отклоняющемуся поведению. В дальнейшем с этой выборкой была проведена психодиагностика, опросник «Подростки о родителях» (ADOR) для подростков и молодежи 13-18 лет (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана), с целью изучения восприятия респондентами установок родителей, их поведения и стилей воспитания. Кроме пяти стилей воспитания (позитивный интерес, директивность, враждебность, автономность, непоследовательность) рассматривались дополнительные шкалы: фактор критики и фактор близости.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи стилей воспитания и склонности к отклоняющемуся поведению был проведен корреляционный анализ. Для изучения линейной зависимости между двумя изучаемыми величинами был использован параметрический коэффициент *корреляции Пирсона*.

Результаты и обсуждения

Анализ результатов опросника «Подростки о родителях» (ADOR) проводился отдельно по матери и отцу респондентов. При выявлении взаимосвязи склонности к отклоняющемуся поведению и отношения к стилю воспитания матери в представленной выборке, критическая величина коэффициента корреляции Пирсона со значимостью 0,05 составляет 0,29.

В табл. 1 и 2 представлены значимые корреляционные коэффициенты (уровень значимости 0,05), демонстрирующие взаимосвязь отдельных стилей воспитания матери и отца с разными видами склонности к отклоняющемуся поведению.

Таблица 1

Стили воспитания матери и склонность к отклоняющемуся поведению у учащейся молодежи.

Table 1

Maternal parenting styles and the tendency toward deviant behavior in student youth.

Склонность к отклоняющемуся поведению / Стиль воспитания	Шкала установки на социально желательные ответы	Шкала склонности к преодолению норм и правил	Шкала склонности к аддиктивному поведению	Шкала склонности к саморазрушающему и самоповреждающему поведению	Шкала склонности к агрессии и насилию	Шкала волевого контроля эммоциональных реакций	Шкала склонности к делинквентному поведению
Шкала директивности		0,35			0,39		
Шкала автономности		-0,50			-0,30		-0,30
Шкала непоследовательности					0,34		
Фактор критики родителя		0,44			0,55		0,37

Табл. 1 демонстрирует прямую взаимосвязь шкалы директивность со склонностью к преодолению норм и правил (0,35), склонностью к агрессии и насилию (0,39). Чем больше матери контролируют молодых людей, имеющих склонность к девиациям, тем выше у тех склонность к преодолению общественных норм, к агрессии и насилию.

Интересен результат по шкале «автономность матери», чем она более выражена, тем меньше у девиантных респондентов проявляется склонность к преодолению общественных норм, к агрессии, делинквеному поведению. Например, мать оставляет личное пространство и незачем протестовать. Когда молодой человек лишается личного пространства и ему не дают возможности решать первоочередные задачи данного возрастного этапа, возможно проявление агрессивного и насильственного поведения. Склонность к агрессии и насилию также имеет прямую связь со шкалой непоследовательности матери (0,34). Подростки и молодежь часто не понимают, какая реакция может быть у родителя: похвала или осуждение. Внутреннее напряжение может повлечь за собой агрессивное или насильственное поведение.

С фактором критики матери прямо связаны шкалы к преодолению норм и правил (0,44), склонность к делинквентному поведению (0,37), склонностью к агрессии и насилию (0,55). Если подросток часто подвергается критике со стороны матери, осуждению и даже унижению, в его подсознании закрепляется образец данного поведения, что ведет к проявлению агрессии к другим людям.

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа взаимосвязи воспитательных стратегий отца со склонностью к отклоняющемуся поведению респондентов 15-18 лет.

При выявлении взаимосвязи склонности к отклоняющемуся поведению и отношения к стилю воспитания отца в представленной выборке, критическая величина коэффициента корреляции Пирсона со значимостью 0,05 составляет 0,38.

Таблица 2

Стили воспитания отца и склонность к отклоняющемуся поведению у учащейся молодежи.

Table 2

Paternal parenting styles and the tendency toward deviant behavior in young students.

Склонность к отклоняющемуся поведению / Стиль воспитания	Шкала установки на социально желательные ответы	Шкала склонности к преодолению норм и правил	Шкала склонности к аддиктивному поведению	Шкала склонности к саморазрушающему и самоповреждающему поведению	Шкала склонности к агрессии и насилию	Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	Шкала склонности к делинквентному поведению
Фактор враждебности		-0,53	-0,35	-0,52	-0,46	-0,47	-0,61
Фактор непоследовательности							-0,38

Из табл. 2 видно, что существует взаимосвязь всех видов склонности к отклоняющемуся поведению в изучаемой выборке со стилем семейного воспитания отца «враждебность». Следует подчеркнуть, что эта взаимосвязь является обратной для всех шкал. Чем выше фактор враждебности отца по отношению к подростку или юноше (девушке), тем ниже показатели шкал склонности возникновения всех видов отклоняющегося поведения. Возможно, этот результат может объясняться нежеланием походить на отца и его эмоциональным отвержением его стиля воспитания подростками и молодежью со склонностью к отклоняющемуся поведению.

Фактор непоследовательности стиля воспитания отцов имеет обратную корреляционную связь со шкалой склонности к делинквентному (противоправному) поведению (-0,38). Для изучаемой группы молодых людей со склонностью к отклоняющемуся поведению непоследовательность проведения своей воспитательной линии отцами приводит к низким показателям склонности их детей к антиобщественным поступкам и противоправному поведению.

Выводы

Таким образом, при изучении группы учащейся молодежи со склонностью к отклоняющемуся поведению можно отметить, что существует взаимосвязь между стилем воспитания матери и отца (субъективное восприятие воспитательного стиля респондентами) и разными видами склонности к отклоняющемуся поведению респондентов.

При изучении взаимосвязи стиля воспитания матери было выявлено, что шкалы директивности, автономности и непоследовательности в воспитании имеют взаимосвязь со склонностью к преодолению норм и правил, к агрессии и насилию и склонностью к делинквентному поведению. Выявлена обратная взаимосвязь автономности матери со склонностью к отклоняющемуся поведению у изучаемой группы респондентов. Ранее было «установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности» [7].

В целом, можно сделать вывод о том, что учащаяся молодежь со склонностью к девиациям предпочитает, чтобы мать и отец не вмешивались в их жизнь. В этом случае уровень выраженности девиаций может снижаться, что еще раз доказывает роль семьи в развитии отклоняющегося поведения.

Враждебность в воспитании отца взаимосвязана со всеми шкалами склонности к отклоняющемуся поведению подростков и молодежи, в то время как стиль воспитания матери «враждебность» не выявлен как влияющий на возникновение склонности к отклоняющемуся поведению.

Список источников

1. Бобровникова Н.С. Взаимоотношения подростков и родителей как социально-личностный ресурс и основа профилактики буллинга // Мир науки. 2018. № 2. С. 111 – 123.

2. Владимирова О.Н. Отклоняющееся поведение учащейся молодежи как проблема современного профессионального образования // Этнопедагогический ежегодник: сборник научных статей. Том Вып. 12. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 35 – 41.

3. Жакина М.Х., Эльрих И.В. Анализ проблемы нарушения детско-родительских отношений, как причины девиантного поведения подростков // NovaInfo.Ru. 2019. № 104. С. 122 – 123.

4. Иванова Г.Ф., Славутская Е.В. Экспериментальный анализ личностных особенностей и адаптации подростков из замещающих семей // Казанский педагогический журнал. 2021. № 2 (145). С. 226 – 235.

5. Кохан В.В. Проблема изучения детско-родительских отношений в психологии // Психология особых состояний: от теории к практике: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 19 – 21.

6. Оферкина О.А. Социально-психологическая профилактика асоциального поведения подростковых групп: автореф. дис. … канд. психол. наук. Москва, 2013. 25 с.

7. Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 105 – 110.

8. Сажина С.Д. Проблемы семьи и семейного воспитания на современном этапе // Человек. Культура. Образование. 2024. № 4. С. 68 – 88.

9. Семья Г.В., Колесникова У.В. Обзор результатов Стратегической сессии: ключевые аспекты развития системы опеки и попечительства в Российской Федерации до 2036 года // Социальные науки и детство. 2025. Т. 6. № 1. С. 82 – 94. DOI 10.17759/ssc.2025060105

10. Хасанов Ю. Проблема детско-родительских отношений в современной семье // Вестник Института развития образования. 2019. № 3 (27). С. 129 – 135.

11. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999. 656 с.

12. Slavutskaya E., Nikolaev E., Ivanova G., Yusupov I.Gender Characteristics Of Junior Adolesents' Personal Traits // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS): conference proceedings. Vol. 43. Moscow: Future Academy, 2018. P. 522 – 527. DOI 10.15405/epsbs.2018.07.69

13. Slavutskaya E., Slavutskii L. Dynamics Of Personality Development In Pre-Adolescence: Longitudinal Study // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Groznyi, 14-15 june 2019. Vol. 76. Groznyi: Future Academy, 2019. P. 2944 – 2951. DOI 10.15405/epsbs.2019.12.04.396

References

1. Bobrovnikova N.S. Relationships between adolescents and parents as a social and personal resource and the basis for bullying prevention. Mir nauki. 2018. No. 2. P. 111 – 123.

2. Vladimirova O.N. Deviant behavior of young students as a problem of modern vocational education. Ethnopedagogical yearbook: a collection of scientific articles. Vol. 12. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2021. P. 35 – 41.

3. Zhakina M.Kh., Elrikh I.V. Analysis of the problem of disruption of parent-child relationships as a cause of deviant behavior in adolescents. NovaInfo.Ru. 2019. No. 104. P. 122 – 123.

4. Ivanova G.F., Slavutskaya E.V. Experimental Analysis of Personality Traits and Adaptation of Adolescents from Foster Families. Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 2 (145). P. 226 – 235.

5. Kokhan V.V. The Problem of Studying Parent-Child Relationships in Psychology. Psychology of Special States: From Theory to Practice: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2022. P. 19 – 21.

6. Oferkina O.A. Social and Psychological Prevention of Antisocial Behavior in Adolescent Groups: Abstract of a Cand. Sci. (Psychology) Dissertation. Moscow, 2013. 25 p.

7. Rean A.A. Risk factors for deviant behavior: family context. National Psychological Journal. 2015. No. 4 (20). P. 105 – 110.

8. Sazhina S.D. Problems of family and family education at the present stage. Man. Culture. Education. 2024. No. 4. P. 68 – 88.

9. Family G.V., Kolesnikova U.V. Review of the results of the Strategic session: key aspects of the development of the guardianship and trusteeship system in the Russian Federation until 2036. Social Sciences and Childhood. 2025. Vol. 6. No. 1. P. 82 – 94. DOI 10.17759/ssc.2025060105

10. Khasanov Yu. The Problem of Parent-Child Relations in the Modern Family. Bulletin of the Institute for Education Development. 2019. No. 3 (27). P. 129 – 135.

11. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psychology and Psychotherapy of the Family. St. Petersburg: Piter, 1999. 656 p.

12. Slavutskaya E., Nikolaev E., Ivanova G., Yusupov I. Gender Characteristics of Junior Adolesents' Personal Traits. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS): conference proceedings. Vol. 43. Moscow: Future Academy, 2018. P. 522 – 527. DOI 10.15405/epsbs.2018.07.69

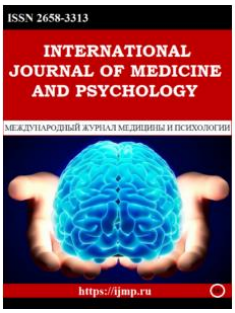
13. Slavutskaya E., Slavutskii L. Dynamics Of Personality Development In Pre-Adolescence: Longitudinal Study. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences: Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Groznyi, 14-15 June 2019. Vol. 76. Groznyi: Future Academy, 2019. P. 2944 – 2951. DOI 10.15405/epsbs.2019.12.04.396

Информация об авторах

Славутская Е.В., доктор психологических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3759-6288, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, slavutskayaev@gmail.com

Владимирова О.Н., педагог-психолог, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-4803-5638, Чебоксарский кооперативный институт, филиал Российского университета кооперации, olechka-121192@mail.ru

© Славутская Е.В., Владимирова О.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9.07
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-346-354

[1] Романова Е.В.,
[1] Туревская Е.И.,
[1] Хвалина Н.А.,
[1] Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Развитие мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков в системе дополнительного образования

Аннотация: в статье рассматривается понятие мотивации и механизмыэффективного её формирования к занятиям легкой атлетикойу подростков в рамках дополнительного образования. Также отмечено особое место легкой атлетики в дополнительном образовании, рассмотрен комплекс функций, который она реализует. В теоретической части произведен анализ научной литературы, посвященной проблеме исследования мотивации и ее развития в процессе занятий спортом. Подтверждено влияние легкой атлетики на совершенствование таких физических качествкак сила, быстрота, выносливость, ловкость и гибкость. Практическая часть представляет собой эмпирическое исследование по разработке и экспериментальному обоснованию программы, направленной на развитие внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой в системе дополнительного образования.Полученные результаты показали достоверные различия в контрольной и экспериментальной группах после реализации экспериментальной программы.У подростков экспериментальной группы отмечается повышение уровня внутренней мотивации и положительная динамика внешней осознанной мотивации.В соответствии с результатами проведенного исследования сделаны соответствующие выводы, а разработанная экспериментальная программаможет быть использована в процессе подготовки легкоатлетов.

Ключевые слова: мотивация, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, подростки, занятия легкой атлетикой, система дополнительного образования

Для цитирования: Романова Е.В., Туревская Е.И., Хвалина Н.А. Развитие мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков в системе дополнительного образования // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 346 – 354. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-346-354

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Romanova E.V.,
[1] Turevskaya E.I.,
[1] Khvalina N.A.,
[1] Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Developing motivation for participating in track and field athletics among teenagers in the system of additional education

Abstract: the article examines the concept of motivation and the mechanisms for its effective formation in adolescents towards athletics within the framework of supplementary education. The special place of athletics in supplementary education is also noted, along with a complex of functions it fulfills.The theoretical part analyzes scientific literature dedicated to the problem of researching motivation and its development during sports activities. The

influence of athletics on the improvement of physical qualities such as strength, speed, endurance, agility and flexibility.The practical part consists of an empirical study focused on developing and experimentally substantiating a program aimed at fostering intrinsic motivation for engaging in athletics within the system of supplementary education. The results obtained showed significant differences between the control and experimental groups after the implementation of the experimental program.Adolescents in the experimental group demonstrated an increase in the level of intrinsic motivation and a positive dynamic in external conscious motivation.Based on the results of the conducted research, corresponding conclusions were drawn, and the developed experimental program can be used in the training process for athletes.

Keywords: motivation, intrinsic motivation, extrinsic motivation, teenagers, track and field activities, supplementary education system

For citation: Romanova E.V., Turevskaya E.I., Khvalina N.A. Developing motivation for participating in track and field athletics among teenagers in the system of additional education. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 346 – 354. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-346-354

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

В контексте дополнительного образования, в том числе занятий лёгкой атлетикой, понимание природы мотивации и механизмов её формирования особенно важно, поскольку участие в таких занятиях не является обязательным, а значит, успех во многом зависит от внутренней заинтересованности подростка. Без должной мотивации даже самые талантливые юные спортсмены могут потерять интерес к тренировкам, пропускать занятия и в конечном итоге отказаться от продолжения занятий лёгкой атлетикой [6, 9, 11].

Мотивация представляет собой совокупность внешних и внутренних факторов, побуждающих человека к деятельности, определяющих её направленность, организацию, активность и устойчивость интереса [5, 13].

Мотивы, которые движут человеком в сфере физического воспитания и спорта, формируются постепенно вместе с развитием личности, накоплением знаний, умений и практического опыта [7].

Подростковый возраст считается одним из наиболее важных периодов в процессе формирования личности человека. Двигательная активность в этом возрасте играет огромную роль в комплексном развитии организма ребёнка. В этом возрасте более интенсивно развиваются физические качества. Особое место в развитии двигательных качеств занимают скоростно-силовые, высокий уровень развития которых имеет большое значение как при овладении рядом сложных профессий, так и при достижении высоких результатов в лёгкой атлетике [1, 4, 11].

Проблемой исследования мотивации и ее развития в процессе занятий спортом занимались: В.Г. Асеев [2], Е.П. Ильин [5], Р.А. Пилоян [9], А.Ц. Пуни [10] и др. Однако, в настоящее время, данный вопрос требует дополнительного рассмотрения.

Мотивация подростков к занятиям лёгкой атлетикой в системе дополнительного образования – это сложный, динамичный процесс, требующий учёта множества факторов. Эффективное развитие мотивации предполагает гармоничное сочетание внешних и внутренних стимулов, опору на возрастные и психологические особенности подростков, создание условий для их самореализации и успеха. Ключевыми условиями являются: предоставление свободы выбора, признание достижений, эмоциональная поддержка, разнообразие занятий, связь спортивной деятельности с жизненными перспективами подростка и формирование позитивного отношения к физической активности как ценности. Грамотно выстроенная система мотивации не только повышает эффективность тренировочного процесса, но и способствует всестороннему развитию личности подростка, воспитанию целеустремлённости, дисциплины и умения преодолевать трудности [3, 12, 14].

Лёгкая атлетика заслуженно занимает особое место в системе дополнительного образования, выступая мощным инструментом физического развития, воспитания личностных качеств и успешной социализации подростков. Её значимость определяется не только спортивным потенциалом, но и широким спектром образовательных возможностей. Основанная на естественных видах двигательной активности (ходьбе, беге, прыжках, метаниях) лёгкая атлетика органично вписывается в потребности растущего организма и отвечает интересам современной молодёжи [14].

В рамках дополнительного образования лёгкая атлетика реализует комплекс взаимосвязанных функций, каждая из которых вносит вклад в развитие личности подростка. Прежде всего, это оздоровительная функция: регулярные тренировки оказывают благотворное влияние на все системы организма. Укрепляется сердечно-сосудистая и дыхательная системы, развивается опорно-двигательный аппарат, оптимизируется обмен веществ. Легкоатлетические упражнения служат эффективной профилактикой гиподинамии, нарушений осанки, плоскостопия и других проблем, характерных для современного подросткового возраста. При этом дозируемые нагрузки позволяют адаптировать тренировочный процесс к уровню физической подготовленности каждого занимающегося, что особенно важно при работе с разнородной группой подростков [14, 15].

По мнению Н.Г. Озолина, образовательная функция лёгкой атлетики проявляется в приобретении комплекса знаний и практических умений. В ходе занятий подростки осваивают технику выполнения различных упражнений, изучают основы физиологии физических нагрузок, знакомятся с правилами гигиены и самоконтроля. Они учатся планировать индивидуальную нагрузку, анализировать свои результаты, корректировать режим тренировок и отдыха. Теоретические занятия (беседы, разбор видеоматериалов, изучение правил соревнований) расширяют кругозор и формируют осознанное отношение к физической культуре как к ценности [8].

Развивающая функция лёгкой атлетики заключается в комплексном совершенствовании физических качеств: силы, быстроты, выносливости, ловкости и гибкости. Занятия способствуют развитию координационных способностей, пространственного восприятия, чувства ритма и темпа. Эти качества оказываются полезными не только в спортивной деятельности, но и в повседневной жизни, учёбе, будущей профессиональной сфере [3].

Грамотная организация процесса развития мотивации к занятиям легкой атлетикой позволяет не просто вызвать первоначальный интерес к спорту, но и закрепить его на долгосрочной основе, превратив регулярные тренировки в осознанную потребность и важную часть жизни подростка [1, 4].

Материалы и методы исследований

Цель исследования заключалась в изучении особенностей мотивациик занятиям легкой атлетикой у подростков, разработке и экспериментальном обосновании программы, направленной на развитие внутренней мотивации к занятиям спортом в системе дополнительного образования.

В исследовании приняли участие школьники в возрасте 12-14 лет, занимающиеся лёгкой атлетикойна базе МБОУ «ЦО № 19» г. Тулы. В экспериментальную группу вошли подростки первой подгруппы в составе 10 человек (7 мальчиков и 3 девочки). Контрольную группу составили учащиеся второй подгруппы в составе 10 человек (6 мальчиков и 4 девочки).

Подростки контрольной группы занимались по примерной программе спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва и училищ олимпийского резерва. Лёгкая атлетика (спринтерский и барьерный бег). В учебно-тренировочном процессе школьников экспериментальной группы была реализована экспериментальная программа, направленная на формирование внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой.

В работе использовался следующий комплекс методов исследования: теоретические (анализ психолого-педагогической литературы), эмпирические (наблюдение; эксперимент в единстве констатирующего, формирующего и контрольного этапов; тестирование), методы обработки данных (количественный и качественный анализ).Достоверность полученных результатов определялось с помощьюt-критерия Стьюдента.

При исследовании особенностей мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков использовались методики для определения: соотношения внутренней и внешней мотивации (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев) [5];мотивов стремления к социальному престижу, достижению цели и соперничеству (М. Кубышкина «МАС») [5];мотивов: эмоционального удовольствия (ЭУ); социального самоутверждения(СС),физического самоутверждения (ФС), социально-эмоционального (СЭ); социально-морального(СМ);достижения успеха в спорте (ДУ);спортивно-познавательного (СП);рационально-волевого(РВ); подготовки к профессиональной деятельности (ПД);гражданско-патриотического(ГП) (А.В. Шаболтас в модификации Е.П. Ильина) [5].

Результаты и обсуждения

По результатам исследования для подростков, занимающихся легкой атлетикой характерен низкий уровень проявления внутренней мотивации, средний, ближе к низкому уровень внешней осознанной мотивации и средний – внешней вынужденной (табл. 1).

Таблица 1

Особенности проявления внешней и внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков, стандартизованные баллы.

Table 1

The characteristics of external and internal motivation for engaging in track and field athletics among adolescents, standardized scores.

№	Виды мотивации	Контрольная группа $\overline{X} \pm \sigma$		Экспериментальная группа $\overline{X} \pm \underline{\sigma}$		ЭГ до и после	
		До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента	t	P
1	Внутренняя	8,5±1,6 (низкий)	8,9±1,1 (низкий)	7,9±1,7 (низкий)	13,8±1,6 (средний)	2,52	<0,05
2	Внешняя осознанная	7,1±1,2 (средний)	7,6±1,4 (средний)	6,2±0,4 (средний)	8,1±0,9 (средний)	1,92	>0,05
3	Внешняя вынужденная	9,8±1,9 (средний)	10,9±2,1 (средний)	10,5±2,1 (средний)	11,9±2,8 (средний)	0,4	>0,05

Следовательно, они занимаются легкой атлетикой не ради самого процесса, не всегда потому что это приносит им удовольствие, развивает их навыки или соответствует их ценностям, а занятия спортом иногда выступают только средством для достижения других целей. Лишь 15% респондентов проявляют интерес к самой спортивно-тренировочной деятельности и, получают удовольствия от процесса и развития навыков.Мотив занятий легкой атлетикой базируется в основном на утилитарной (практической) пользе и внешних условиях. Деятельность совершается не ради процесса или признания, а из-за необходимости соблюдать формальные требования или получить базовый «результат». Действия продиктованы давлением извне – стремлением избежать наказания, чувства вины, стыда.

Мотивы соперничества и достижения цели не являются значимыми, а мотив стремления к социальному престижу имеет среднюю степень развития (табл. 2). То естьзанятия спортом только в некоторых ситуациях обусловлены желанием занять высокий статус, получить одобрение и признание в обществе. У легкоатлетов нет сильного стремления превзойти других в каком-либо аспекте, желания доказать свою значимость. У них недостаточно развито стремление к преодолению трудностей, улучшению личных показателей и мастерства как проявление внутренней потребности в достижениях и саморазвитии.

Таблица 2

Особенности проявления мотивов к занятиям легкой атлетикой у подростков, стандартизованные баллы.

Table 2

The characteristics of the manifestation of motives for engaging in track and field athletics among adolescents, standardized scores.

№	Виды мотивов	Контрольная группа $\overline{X} \pm \sigma$		Экспериментальная группа $\overline{X} \pm \underline{\sigma}$		ЭГ до и после	
		До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента	t	P
1	Стремление к социальному престижу	14,5±1,9 (средний)	14,9±1,2 (средний)	17,9±1,8 (средний)	18,8±1,5 (средний)	0,38	>0,05
2	Стремление к соперничеству	10,4±1,8 (низкий)	10,6±1,5 (низкий)	10,2±1,4 (низкий)	15,1±1,7 (средний)	2,22	<0,05
3	Стремление к достижению цели	8,8±1,5 (низкий)	9,9±1,7 (низкий)	9,4±1,1 (низкий)	14,9±1,9 (средний)	2,5	<0,05

По результатам исследования ведущими мотивами занятий легкой атлетикой у подростков являются социально-эмоциональный мотив и мотив физического самоутверждения; значимыми – рационально-волевой и мотив эмоционального удовольствия. Следовательно, учащиеся приходят на тренировки преимущественно ради неформального общения со сверстниками и стремления к физическому развитию. Спорт воспринимается как средство снятия напряжения и отдыха.

Мотив социального самоутверждения имеет среднюю степень выраженности.При этом у подростков,

занимающихся легкой атлетикой недостаточно выражена личная внутренняя мотивация достижения успеха и успеха своей команды. Они слабо ориентированы на самосовершенствование и высокие результаты, что может снижать эффективность тренировочного процесса. Ярко выраженной нацеленности на выдающиеся спортивные достижения у юных легкоатлетов пока нет. Социально-моральный мотив развит слабо, что отмечает недостаточную сформированность установок на командную честь и морально-этические нормы. У легкоатлетов слабо проявляется стремление к изучению вопросов технической и тактической подготовки, научно обоснованных принципов тренировки (табл. 3).

Таблица 3

Иерархия мотивов к занятиям легкой атлетикой у подростков, стандартизованные баллы.

Table 3

The hierarchy of motives for engaging in track and field athletics among adolescents, standardized scores.

№	Виды мотивов	Контрольная группа $\overline{X} \pm \underline{\sigma}$		ЭГ Ранг		Экспериментальная группа $\overline{X} \pm \underline{\sigma}$	
		До	После	До	После	До	После
1	Эмоционального удовольствия	15,5±1,8 (средний)	16,5±1,7 (средний)	4	6	16,7±1,9 (средний)	15,8±1,5 (средний)
2	Социального самоутверждения	14,1±1,2 (средний)	15,4±1,6 (средний)	5	3	15,2±1,4 (средний)	19,2±1,1 (высокий)
3	Физического самоутверждения	23,8±1,6 (высокий)	24,6±1,4 (высокий)	2	1	22,0±2,1 (высокий)	25,2±1,5 (высокий)
4	Социально-эмоциональ-ный	24,5± 2,2 (высокий)	25,2± 2,0 (высокий)	1	4	23,2± 1,8 (высокий)	18,5± 1,4 (средний)
5	Социально-моральный	10,8± 1,9 (средний, ближе к низкому)	11,2± 1,3 (средний, ближе к низкому)	7	8	12,4± 1,2 (средний, ближе к низкому)	12,9± 1,5 (средний, ближе к низкому)
6	Спортивно-познавательный	9,0± 0,7 (низкий)	10,0± 0,9 (низкий)	8	5	7,8± 0,9 (низкий)	16,4± 1,8 (средний)
7	Рационально-волевой	20,2± 2,3 (высокий, ближе к среднему)	19,4± 2,0 (высокий, ближе к среднему)	3	7	19,8± 1,7 (высокий, ближе к среднему)	14,5±1,6 (средний)
8	Подготовки к профессиональной деятельности	7,1± 1,7 (низкий)	8,5± 1,2 (низкий)	10	9	5,9± 0,7 (низкий)	7,9± 0,8 (низкий)
9	Достижения успеха в спорте	13,2± 1,6 (средний, ближе к низкому)	12,2± 1,5 (средний, ближе к низкому)	6	2	11,9± 1,3 (средний, ближе к низкому)	19,6± 1,2 (высокий)
10	Гражданско-патриотичес-кий	8,3± 0,6 (низкий)	7,4± 0,9 (низкий)	9	10	7,6± 0,9 (низкий)	5,9± 0,7 (низкий)

Мотив эмоционального удовольствия и социального самоутверждения имеют средний уровень развития, а мотив достижения успеха в спорте и социально-моральный – средний, но уже ближе к низкому.

Незначимыми мотивами к занятиям легкой атлетикой у подростков являются: спортивно-познавательный, гражданско-патриотический и мотив подготовки к профессиональной деятельности (табл. 3).

В связи с недостаточным для выполнения эффективной спортивной деятельности уровнем сформированности мотивационной сферы подростков, занимающихся легкой атлетикой в учреждении дополнительного образования, возникает необходимость ее развития с учетом уже имеющихся позитивных.

Мотивация является ключевым фактором успеха в спортивной деятельности. Регулирующая сила мотивов проявляется в их активирующем влиянии, поддерживающем и стимулирующем интеллектуальные, моральные, волевые и физические усилия человека, связанные с достижением цели. Высокий уровень вовлеченности спортсменов помогает удерживать спортивные результаты на пике и избегать преждевременного завершения карьеры. При условии существованиямотивацииформируется более качественный подход к выполнению какого-либо видадеятельностии более качественное овладение им.

Целью экспериментальной программы являлось развитие внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков в учреждении дополнительного образования.

В содержание занятий были включены физические упражнения, игры, направленные на развитие мотивов, в основе которых лежит стремление делать что-либо ради самого процесса, удовольствия от него или личного интереса, а не ради получения внешних наград (денег, похвалы) или избегания наказания.

В ходе тренировочных занятий были использованы подвижные игры с элементами соревнования («Старт после броска», «Вызов», «Снайперы» и др.), эстафеты и игровые задания. Эти средства позволили развивать скоростно-силовые качества, координацию и технику выполнения легкоатлетических упражнений, одновременно поддерживая интерес подростков к занятиям.

Для поддержания вовлечённости участников была внедрена система баллов. Подростки получали баллы за выполнение заданий, дисциплину, прогресс и командную работу. Накопленные баллы обменивались на привилегии: выбор упражнения для следующего занятия, дополнительные тренировки по интересам, участие в показательных выступлениях или мастер-классах.

Для фиксации индивидуальной работы использовался «Дневник достижений» - персональный журнал, в который каждый подросток вносил свои результаты, фиксировал прогресс, отмечал положительные эмоции от занятий и ставил новые цели. Регулярная работа с дневником способствовала развитию рефлексии, осознанию собственного прогресса и формированию внутренней мотивации.

В процессе выполнялись упражнения на визуализацию успеха («Представь себя на пьедестале», «Проиграй в уме идеальный забег»). Эти приёмы помогли сформировать позитивный образ результата и укрепить веру подростков в собственные силы.

Значимым элементом программы стали мастер-классы от приглашённых спортсменов. Они продемонстрировали реальные примеры достижения целей, поделились опытом преодоления трудностей и мотивировали подростков на долгосрочные занятия спортом. После мастер-классов были организованы групповые дискуссии («Что меня мотивирует?», «Как преодолеть трудности на тренировке?»), в ходе которых участники вербализировали и осознавали собственные мотивы.

Для усиления социальной поддержки и создания благоприятного психологического климата в группе использовались следующие факторы: привлечение родителей через родительские собрания и информирование о достижениях ребёнка; создание традиций группы (ритуал начала и окончания тренировки, командные девизы, символика); ведение группового чата для обмена успехами, поддержки и мотивации вне тренировок.

Визуализация прогресса была реализована через: фотодоску «Наши достижения» с фотографиями участников на соревнованиях и тренировках;индивидуальные графики прогресса, отражавшие результаты контрольных тестов на скорость, выносливость и силу;видеосъёмку тренировок с последующим просмотром и обсуждением техники выполнения упражнений и динамики результатов.

Система поощрений включала:еженедельное определение «Звезды недели» – самого активного и мотивированного участника;вручение грамот за личные рекорды и достижения в различных номинациях («Самый упорный», «Лучший прогресс», «Командный игрок», «За волю к победе» и т.д.);предоставление привилегий за активность и прогресс (выбор упражнения, участие в соревнованиях).

Элементы геймификации усилили вовлечённость подростков: была создана таблица лидеров с акцентом на прогрессе каждого участника и без выделения отстающих;внедрены игровые сценарии тренировок (квесты, тематические дни);реализована система накопления баллов, которые можно было обменять на дополнительные возможности в рамках секции.

Интересы и увлечения подростков отличаются изменчивостью: они быстро увлекаются и так же быстро теряют интерес. Чтобы удержать мотивацию, занятия должны быть разнообразными, динамичными, включать элементы игры и соревнования. Например, вместо монотонного бега на длинные дистанции можно проводить интервальные тренировки, челночный бег, эстафеты, игровые задания на скорость и ловкость. Разнообразие упражнений, смена локаций (стадион, лес, спортивный зал), включение элементов других видов спорта (гимнастика, подвижные игры) помогают поддерживать интерес и не дают тренировкам стать рутиной.

Влияние референтной группы – ещё один значимый фактор. Мнение друзей, кумиров (спортсменов, блогеров) играет огромную роль в мотивации подростка. Привлечение успешных спортсменов для мастер-классов, организация совместных мероприятий с другими секциями, просмотр и обсуждение спортивных соревнований могут повысить интерес к лёгкой атлетике. Например, встреча с призёром региональных соревнований по лёгкой атлетике, который поделится своим опытом, расскажет о трудностях и победах, вдохновит подростков на новые достижения.

В подростковом возрасте многие задумываются о будущей профессии. Подчёркивание связи лёгкой атлетики с возможностями в сфере физической культуры и спорта (тренер, инструктор, спортивный менеджер, фитнес-эксперт, специалист по реабилитации) может усилить мотивацию. Рассказы о карьерных перспективах, встречи с выпускниками спортивных школ, экскурсии в спортивные вузы, информация о возможностях получения спортивного разряда и участия в студенческих соревнованиях помогают подростку увидеть долгосрочную ценность занятий.

Комплексное использование различных методов и средств способствует более высокому результату развития мотивации.

После реализации формирующей программы, направленной на развитие внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков экспериментальной группы, произошли положительные изменения в уровне развития мотивации.

По сравнению с первоначальными данными у подростков экспериментальной группы, занимающихся легкой атлетикой произошли качественные изменения в уровне развития внутренней мотивации, которая базируется на личном интересе и потребности в саморазвитии, стремлении узнать новое, с низкого до среднего уровня, на 20% увеличилось количество лиц с высоким уровнем развития внутренней мотивации (табл. 1).

По результатам сравнительного анализа у подростков экспериментальной группы, занимающихся легкой атлетикой, наметилась положительная динамика развития внешней осознанной мотивации в диапазоне средней степени выраженности. Среди респондентов рассматриваемой выборки увеличилось количество лиц со средним и высоким уровнем развития данного вида мотивации.

Мотивы занятий спортом, связанные с осмысленным стремлением человека занять определенное место в социуме, получить признание и реализовать свои амбиции стали для них более значимыми.

У подростков практически не изменились показатели внешней вынужденной мотивации (табл. 1) и мотива стремления к социальному престижу в диапазоне средней степени выраженности (табл. 2).

После реализации экспериментальной программы произошли качественный изменения (с низкого до среднего) в уровне развития мотива стремления к соперничеству. У подростков чаще стало проявляться стремление к соревнованию сдругими, желание одержать верх и превзойти кого-либо.Увеличилось на 20% и10% количество лиц со средней и высокой (соответственно) степенью стремления к борьбе за превосходство (табл. 2).

Кроме мотива стремления к соперничеству более значимым для подростков экспериментальной группы в процессе занятий легкой атлетикой стал мотив стремления к достижению цели. То есть у большинства легкоатлетов (60%) чаще стало появляться желание выполнить задачу максимально эффективно, продемонстрировать свои навыки, талант и получить одобрение или результат. Так же увеличилось количество лиц с высокой степенью развития рассматриваемой переменной (табл. 2).

У легкоатлетов экспериментальной группы произошли положительные изменения в иерархии структуры мотивов к занятиям спортом (табл. 3).

В число ведущих мотивов, наряду с мотивом физического самоутверждения вошли мотив стремления к достижению успеха в спорте и социального самоутверждения. То есть, у подростков чаше стало проявляться стремление к достижению успеха, улучшению личных спортивных результатов, а также стремление проявить себя.

Социально-эмоциональный мотив сохранил свою значимость, но в меньшей степени. Это обусловлено возрастными особенностями (в этом возрасте ведущей деятельностью является интимно-личностное общение). Легкоатлеты стали больше проявлять интерес к изучению вопросов технической и тактической подготовки. У них появилось желание разбираться в вопросах техники, тактики, принципах тренировочного процесса, знать, как правильнее тренироваться.

Уровень развития мотива эмоционального удовольствия и социально-морального не изменился в диапазоне средней степени выраженности, но стал менее значимым (табл. 3).

При этом, рационально-волевой (рекреационный) мотив, связанный сжеланием заниматься спортом для компенсации дефицита двигательной активности стал существенно менее значимым для подростков экспериментальной группы, занимающихся легкой атлетикой. Незначимыми мотивами остались гражданско-патриотический и мотив подготовки к профессиональной деятельности (табл. 3).

Таким образом, разработанная экспериментальная программа, направленная на развитие внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков в учреждении дополнительного образования, показала свою эффективность.

Выводы

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Мотивация является одним из существенных факторов, который побуждает человека заниматься спортом. Мотивация влияет и на то, как часто человек тренируется, и на его результаты на соревнованиях. Формирование внутренней мотивации – одна из ключевых задач тренера в системе дополнительного образования.

2. Целенаправленная работа по формированию мотивации с опорой на возрастные особенности подростков и использование разнообразных методов и средств позволяет существенно повысить вовлечённость юных легкоатлетов в тренировочный процесс, сделать их занятия более осознанными и устойчивыми в долгосрочной перспективе.

3. Развитие устойчивой мотивации к занятиям лёгкой атлетикой у подростков в системе дополнительного образования – это многоаспектный процесс, требующий продуманного сочетания различных средств, методов и способов воздействия: метода положительно подкрепления, проблемного обучения, наглядности, соревновательного стимулирования, систему четкой постановки цели, продуманной системы поощрений, использование физических упражнений и игр.

4. С учетом имеющихся особенностей мотивационной сферы подростков, занимающихся легкой атлетикой в учреждении дополнительного образования, для повышения эффективности спортивной деятельности возникает необходимость развития ее некоторых аспектов. Разработанная экспериментальная программа была направлена на формирование внутренней мотивации к занятиям легкой атлетикой у подростков в учреждении дополнительного образования. В содержание программы входил комплекс средств и методов: упражнения на визуализацию успеха, игровые элементы и эстафеты, система баллов и привилегий, «Дневник достижений», мастер-классы от приглашённых спортсменов, визуализация прогресса (фотодоска, графики, видеосъёмка) и элементы геймификации.

5. Экспериментальная программа подтвердила свою эффективность. У подростков экспериментальной группы отмечается эффект суммирования мотивации, так как одновременно повысился уровень внутренней мотивации и наметилась положительная динамика внешней осознанной мотивации.

6. Практическая значимость исследования состоит в том, что совокупность новых полученных данных о мотивации подростков к занятиям легкой атлетикой в учреждении дополнительного образования и разработанная экспериментальная программа, могут быть использованы в учебно-тренировочном процессе подготовки легкоатлетов.

Список источников

1. Анисимова Е.А., Назаренко Л.Д. Совершенствование мотивационной сферы как фактора повышения спортивного мастерства бегуний на короткие дистанции // ТиПФК: Тренер. 2014. № 4. С. 74 – 76.

2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. Москва, 1976. 158 с.

3. Барчуков И.Б. Теория и методика физического воспитания и спорта. Москва: Кронус, 2017. 366 с.

4. Гаппаров Х.З. Педагогические технологии, применяемые на занятиях по лёгкой атлетике с учётом особенностей боевой подготовки курсантов // Fan-Sportga. 2020. № 7. С. 88 – 93.

5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 512 с.

6. Карякин Р.Е., Мезинов В.Н. Актуализация проблемы формирования у подростков мотивации к спортивным достижениям в системе дополнительного образования // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 1 (215). С. 245 – 249.

7. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Мещеряков С.М. Психолого-педагогическая диагностика сформированности внешней и внутренней мотивации младших школьников при занятии спортом // Обзор педагогических исследований. 2026. Т. 8. № 7. С. 41 – 50.

8. Озолин Н.Г., Воронкин В.И., Примаков Ю.Н. Лёгкая атлетика: учебник для ин-тов физ. культуры. Москва: Альянс, 2017. 671 с.

9. Пилоян Р.А. Мотивация спортивной деятельности. Москва: Физкультура и спорт, 1984. 104 с.

10. Пуни А.Ц. Психологическая подготовка к соревнованию в спорте. Москва: Спорт, 2023. 120 с.

11.Серова Л.К. Мотивация спортивной деятельности. Москва: Спорт: Человек, 2020. 145 с.

12.Сиденко Е.А. Особенности старшего подросткового возраста // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2011. № 2. С. 30 – 31.

13. Суровицкая Ю.Ю., Мадимухаметов М.Н. Понятие о мотивации в психологии // Наука и реальность. 2023. № 1 (13). С. 36 – 40.

14. Щепелев А.А., Каравацкая Н.А. Анализ детских и молодёжных программ по направлению «лёгкая атлетика» в России и за рубежом // Вестник Московскогогосударственного университета культуры и искусств. 2025. № 3 (125). С. 190 – 201.

15. Шрам В.П. Педагогические основы формирования мотивационного компонента физической культуры личности у легкоатлетов 12-15 лет // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 114 – 116.

References

1. Anisimova E.A., Nazarenko L.D. Improving the Motivational Sphere as a Factor in Improving the Athletic Skills of Female Short-Distance Runners. TiPFK: Trainer. 2014. No. 4. P. 74 – 76.

2. Aseev V.G. Motivation of Behavior and Personality Formation. Moscow, 1976. 158 p.

3. Barchukov I.B. Theory and Methodology of Physical Education and Sports. Moscow: Kronus, 2017. 366 p.

4. Gapparov H.Z. Pedagogical Technologies Applied in Track and Field Classes Taking into Account the Peculiarities of Cadets' Combat Training. Fan-Sportga. 2020. No. 7. P. 88 – 93.

5. Ilyin E.P. Motivation and Motives. Saint Petersburg: Piter, 2009. 512 p.

6. Karyakin R.E., Mezinov V.N. Actualization of the Problem of Forming Motivation for Sports Achievements in Adolescents in the System of Supplementary Education. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2023. No. 1 (215). P. 245 – 249.

7. Makarova E.A., Makarova E.L., Meshcheryakov S.M. Psychological and Pedagogical Diagnostics of the Formation of External and Internal Motivation of Primary School Students in Sports. Review of Pedagogical Research. 2026. Vol. 8. No. 7. P. 41 – 50.

8. Ozolin N.G., Voronkin V.I., Primakov Yu.N. Track and Field: Textbook for Physical Culture Institutes. Moscow: Alliance, 2017. 671 p.

9. Piloyan R.A. Motivation of Sports Activity. Moscow: Physical Culture and Sport, 1984. 104 p.

10. Puni A.Ts. Psychological Preparation for Sports Competition. Moscow: Sport, 2023. 120 p.

11. Serova L.K. Motivation of Sports Activity. Moscow: Sport: Chelovek, 2020. 145 p.

12. Sidenko E.A. Characteristics of Late Adolescence. Municipal Education: Innovations and Experiment. 2011. No. 2. P. 30 – 31.

13. Surovitskaya Yu.Yu., Madimukhametov M.N. The Concept of Motivation in Psychology. Science and Reality. 2023. No. 1 (13). P. 36 – 40.

14. Shchepelev A.A., Karavatskaya N.A. Analysis of Children’s and Youth Programs in Track and Field in Russia and Abroad. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2025. No. 3 (125). P. 190 – 201.

15. Shram V.P. Pedagogical Foundations for Forming the Motivational Component of Personal Physical Culture in 12-15-Year-Old Track and Field Athletes. World of Science, Culture, Education. 2019. No. 6 (79). P. 114 – 116.

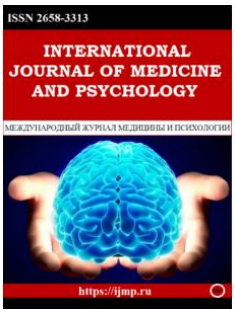
Информация об авторах

Романова Е.В., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0526-7428, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125, romanovaev@tolstovsky.ru

Туревская Е.И., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-4814-960X, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125, turevskayaei@tolstovsky.ru

Хвалина Н.А., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-0715-3679, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125, khvalinana@tolstovsky.ru

© Романова Е.В., Туревская Е.И., Хвалина Н.А., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9:004.738.5
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-355-365

[1] Ольшевская Д.А.,
[1] Киреева Т.И.,
[1] Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Социально-психологические факторы формирования гаджет-зависимости у детей младшего школьного возраста

Аннотация: современное общество сталкивается с многочисленными изменениями, включая влияние цифровых технологий на поведение и психическое здоровье людей. Важным аспектом таких изменений является зависимость от цифровых устройств. Рост доступности цифровых технологий и снижением возраста активных пользователей гаджетами может приводить к формированию поведенческой зависимости, нарушению эмоциональной регуляции и снижению социальной адаптации. В тоже время неконтролируемое использование гаджетов негативно отражается на психическом благополучии младших школьников и их учебной деятельности. Подобная ситуация требует изучения психологических факторов формирования гаджет-зависимости у детей младшего школьного возраста.

Проведенное исследование показало, что более половины выборки относится к группе риска и группе с выраженной интернет-зависимостью.

Дети, отнесенные к группе риска и имеющие интернет-зависимость чаще всего демонстрируют выраженные признаки игровой зависимости, чем дети без интернет-зависимости.

Показатели социального стресса, фрустрации потребности в достижении успеха и страха самовыражения, а также более высокий общий уровень школьной тревожности наблюдаются более отчетливо в группе детей с риском интернет-зависимости. Им свойственна повышенная конфликтность, реакция на фрустрацию, стремление к доминированию. У данной группы детей наблюдаются показатели заниженной, завышенной и низкой самооценки. Формирование гаджет-зависимости у младших школьников связано с некоторыми психологическими характеристиками, такими как конфликтные межличностные отношения, повышенная школьная тревожность, сниженный уровень самооценки, эмоциональная неустойчивость, выраженная реакция на фрустрацию, стремление к уединению.

Ключевые слова: гаджет-зависимость, фаббинг, цифровизация, цифровые устройства, цифровизация образовательной среды, зависимость, формирование зависимости, интернет-зависимость

Для цитирования: Ольшевская Д.А., Киреева Т.И. Социально-психологические факторы формирования гаджет-зависимости у детей младшего школьного возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 355 – 365. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-355-365

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] ***Olshevskaya D.A.,***
[1] ***Kireeva T.I.,***
[1] *Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Socio-psychological factors in the development of gadget addiction among primary school-age children

Abstract: modern society is facing numerous changes, including the impact of digital technologies on people's behavior and mental health. An important aspect of these changes is the dependence on digital devices. The growing availability of digital technologies and the lowering of the age at which people become active users of gadgets can lead to the development of behavioral dependence, disruption of emotional regulation, and reduced social adaptation. At the same time, uncontrolled use of gadgets has a negative impact on the mental well-being of younger schoolchildren and their academic performance. This situation requires studying the psychological factors that contribute to the development of gadget dependence in younger schoolchildren.

The study showed that more than half of the sample belongs to the risk group and the group with pronounced internet addiction.

Children classified as being at risk and having internet addiction most often demonstrate pronounced signs of gaming addiction compared to children without internet addiction.

Indicators of social stress, frustration of the need to achieve success, and fear of self-expression, as well as a higher overall level of school anxiety, are more clearly observed in the group of children at risk of internet addiction. They are characterized by increased conflict, a reaction to frustration, and a desire for dominance. This group of children exhibits indicators of low, high, and low self-esteem. The development of gadget addiction in younger schoolchildren is associated with certain psychological characteristics, such as conflict-ridden interpersonal relationships, increased school anxiety, a reduced level of self-esteem, emotional instability, a pronounced reaction to frustration, and a desire for solitude.

Keywords: gadget addiction, phubbing, digitalization, digital devices, digitalization of the educational environment, addiction, development of addiction, Internet addiction

For citation: Olshevskaya D.A., Kireeva T.I. Socio-psychological factors in the development of gadget addiction among primary school-age children. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 355 – 365. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-355-365

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Зависимость от современных технологий, таких как смартфоны, компьютеры и другие коммуникационные устройства, в последнее время становится одной из самых обсуждаемых проблем современного общества. Исследования показывают, что к этой зависимости склонны в первую очередь дети (И.Б. Бовина, Т.Ю.Больбот, И.Голдберг, Д.Гринфилд, М.Гриффиттс, Н.В. Дворянчиков, Л.Н. Юрьева, К. Янг).

В рамках данного исследования, обратимся к анализу таких понятий, как «гаджет», «гаджет-зависимость», «фаббинг», «цифровизация» и т.д. в отечественной и зарубежной научной литературе.

Гаджет – это компактное цифровое устройство, предназначенное для выполнения различных функций, таких как обработка информации, общение, развлечение и образовательные цели [11]. В литературе термин «гаджет» чаще всего используется для обозначения мобильных телефонов, планшетов, умных часов и других подобных устройств. Благодаря широкому набору функций эти устройства легко встраиваются как в повседневное общение, так и в учебную деятельность [1].

Согласно определению К. Янг, гаджет-зависимость представляет собой болезненную привязанность к цифровым устройствам. Эта одержимость негативно сказывается на качестве жизни, приводит к ухудшению психоэмоционального фона и разрушает социальные связи человека [16].

В современной научной литературе понятие «гаджет-зависимость» применяется для описания состояния, при котором у человека формируется стойкая привязанность к мобильному устройству. Это выражается в том, что он проводит значительную часть времени, с гаджетом и постепенно теряет интерес к другим занятиям [14; 15].

Термин фаббинг появился в научном сообществе в 2012 году. Он описывает ситуацию, когда индивид делает выбор не в пользу живого общения, использует для общения социальные сети и мессенджеры. Предпочитая их личному контакту с окружающими. Подобное поведение разрушает эмоциональные связи и приводит к социальной изоляции [5].

Процесс внедрения цифровых технологий затрагивает все стороны общественной жизни, включая образование, здравоохранение, бизнес и культуру. В сфере образования этот процесс выражается в тотальном проникновении гаджетов, онлайн-ресурсов и специализированных платформ в учебный процесс. Такие изменения оказывают существенное влияние на психологическое состояние обучающихся. Более того, цифровизация выступает катализатором для формирования новых форм зависимого поведения у детей [3; 9].

По мнению В.А. Вербицкого, зависимость от гаджетов порождает значительные трудности в воспитании подрастающего поколения [3].

В условиях современного общества электронные гаджеты всё чаще становятся фактором формирования принципиально нового типа зависимости. Медицинской точки зрения, термин «зависимость» трактуется как совокупность взаимосвязанных симптомов, включающих как психологические, так и физиологические компоненты [10].

Е.Ю. Волчегорская и В.А. Попова предлагают выделить последовательные стадии формирования зависимости от мобильных устройств у детей младшего школьного возраста [11].

Начальная стадия характеризует период лёгкого увлечения, когда ребёнок впервые погружается в мобильные игры, постепенно начинает испытывать интерес и эмоциональное притяжение к данному виду деятельности. Запоминающаяся внешняя форма, а также возможность ее изменения выступают мощными факторами привлекательности. Данное увлечение не носит постоянный характер и не вызывает тревоги.

На стадии увлечённости в динамике виртуальная игра занимает центральное место в иерархии интересов ребёнка. При ограничении доступа к устройству у детей возникает глубокая психологическая потребность, часто связанная с эскапизмом.

Зависимость от гаджетов над остальными видами зачастую заменяет базовые физиологические потребности детей, ограничивает круг общения ребёнка, заменяя виртуальным общением. Азарт становится главным стимулом.

На заключительной стадии формируется привязанность. Несмотря на то, что родители ограничивают ребенка от гаджетов, разорвать полностью психологическую связь с виртуальным миром бывает сложно. Если на начальном этапе не обращать должного внимания на формирование зависимого поведения меры, то процесс освобождения от него возможно примет затяжной характер.

Согласно исследованиям Н.С. Зориной, различные формы зависимости от гаджетов у детей младшего школьного возраста, можно объединить в три типа.

1. Информационная зависимость («информационный вампиризм»). Этот тип характеризуется устойчивым желанием к поиску и потреблению контента в сети. Ребёнок проводит много времени в интернете, что влияет на формирование у него искажённого чувства собственной значимости. При этом живое общение вытесняется виртуальным, и ребёнок теряет связь с реальностью. В цифровой среде, движимые естественной любознательностью, они рискуют столкнуться с деструктивным контентом.

2. Зависимость от виртуального общения. Вовлеченность в социальные сети начинает прогрессивно нарастать, что вызывает сильную тревогу, раздражение и агрессию у детей. Легкость установления контактов и расширении круга общения способствует быстрому формированию психологической привязанности к гаджету, что приводит впоследствии к апатии, скуки и неуверенности в себе. Ключевую роль в преодолении этой проблемы играют родители, которые должны переключать внимание ребёнка на реальное взаимодействие.

3. Компьютерная игромания. При этой форме зависимости виртуальный мир игр становится для ребёнка более значимым, чем реальный. Игры позволяют конструировать альтернативные реальности, реализовывать фантазии и компенсировать жизненные неудачи, примеряя новые роли. Изначально безобидное увлечение со временем перерастает в устойчивую аддикцию. Достижения в игре приносят эмоциональный подъём и чувство самореализации, что заставляет ребёнка снова и снова возвращаться к этому опыту. В итоге вся энергия и внимание концентрируются на игровом процессе, в то время как учёба и реальные обязанности теряют свою актуальность, полностью уступая место виртуальной реальности [8].

Материалы и методы исследований

Цель данного исследования – выявление и анализ социально-психологических факторов, которые способствуют формированию гаджет-зависимости у детей младшего школьного возраста. Исследование

проводилось в период с октября по декабрь 2025 года во внеучебное время. Процедура была организована в несколько последовательных этапов:

1. Составление психодиагностической батареи, отвечающей цели и задачам исследования;
2. Формирование репрезентативной выборки исследования;
3. Проведение эмпирического исследования;
4. Обработка, интерпретация и анализ полученных результатов, формулировка выводов.

Результаты и обсуждения

Эмпирическое исследование проводилось на базе МБОУ СОШ №37 г.о. Самара. Всего приняло участие 63 ребёнка, из них 33 девочки и 30 мальчиков в возрасте 9-10 лет.

Психодианостическую батарею составили следующие методики:

1. Тестирование: тест на выявление интернет-зависимости (К. Янг, в модификации С.А. Кулакова, 2004) [16].
2. Тест на выявление игровой зависимости (Т. Такер, в модификации И.А. Коныгиной, 2005) [12].
3. Тест «Школьная тревожность» (Б. Филлипс, 1987) [2].
4. «Фильм-тест» (Р. Жиль, 1959) [4].
5. Методика «Лесенка» (В.Г. Щур, 1982) [6].

Для проведения статического анализа полученных данных был использован метод математической статистики – коэффициент корреляции Спирмена.

На рис. 1 представлены результаты исследования интернет-зависимости при помощи теста на выявление интернет-зависимости К. Янг, в модификации С.А. Кулакова. Анализируемые шкалы данной методики – интернет-зависимость, риск развития интернет-зависимости, отсутствие интернет-зависимости.

48% респондентов не проявляют признаков интернет-зависимости. Риск формирования интернет-зависимости выявлен у 37% респондентов, что требует внимания со стороны родителей и педагогов. Данная категория демонстрирует важные изменения в поведении и психоэмоциональном состоянии, что позволяет предположить существование потенциальных угроз для их социальной адаптации и эмоционального благополучия.

Наиболее значимые показатели интернет-зависимости выявлены у 17% респондентов.

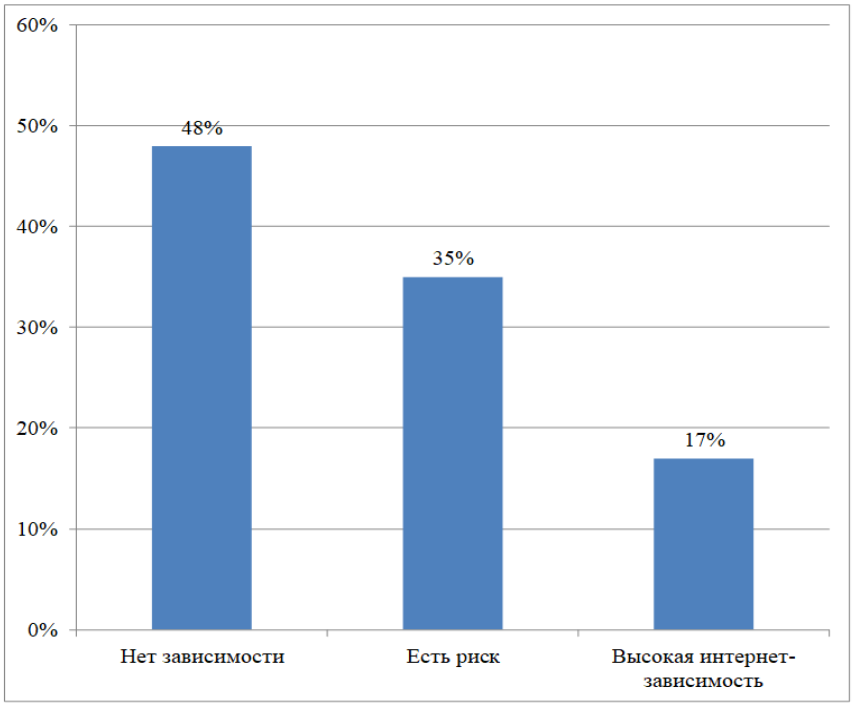

Рис. 1. Результаты исследования интернет-зависимости (%).
Fig. 1. Results of the study on Internet addiction (%).

Для проведения дальнейшего исследования, по итогам теста на интеренет-зависимость, младшие школьники были разделены на две группы. В первую группу вошли младшие школьники с риском и высоким уровнем интернет-зависимостью (32 ребенка). Во вторую группу вошли младшие школьники с отсутствием интернет-зависимости (31 ребенок).

В результате диагностики игровой зависимости с помощью теста на выявление игровой зависимости Т. Такер, в модификации И.А. Коныгиной были получены следующие данные. В первой группе, которая включала детей с более высоким уровнем зависимости, наблюдается высокая концентрация участников с выраженным риском зависимости. 81% обучающихся этой группы продемонстрировали высокий риск развития игровой зависимости, что свидетельствует о необходимости дополнительного внимания к данной категории детей. В то же время, только 19% детей из первой группы продемонстрировали потенциальный риск, что также требует вмешательства, но в меньшей степени.

Во второй группе, состоящей из детей с низким уровнем зависимости, 93% участников находятся в зоне риска, что указывает на потенциальную уязвимость этой группы к игровой зависимости в будущем. Однако только 7% детей в этой группе не продемонстрировали признаков зависимости, что подтверждает, что в целом, большинство школьников из второй группы имеют существующий уровень риска.

На рис. 2 показаны результаты исследования с помощью теста на выявление игровой зависимости. В результате применения критерия Манна-Уитни получили $U_{эмп}$ = 108,5 при уровне значимости p=0,01, значит уровень игровой зависимости в первой группе достоверно выше, чем во второй группе.

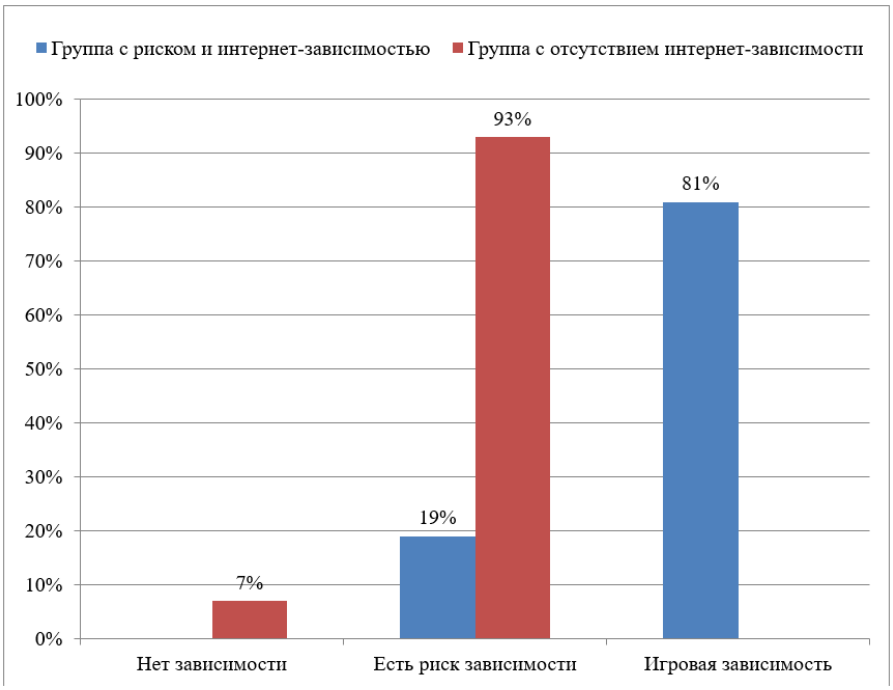

Рис. 2. Результаты исследования с помощью теста на выявление игровой зависимости (%).
Fig. 2. Results of the study using the gambling addiction test (%).

По результатам исследования школьной тревожности (Б.Филлипс) у детей, отнесённых к группе с риском и интернет-зависимостью, в целом отмечаются более высокие средние значения по большинству шкал школьной тревожности по сравнению с группой детей без признаков интернет-зависимости (рис. 3).

Рис. 3. Результаты исследования «Тест школьной тревожности» (ср.зн.).
Fig. 3. Results of the "School Anxiety Test" study (mean values).

Различия между двумя группами младших школьников, выявленные с помощью критерия Манна–Уитни, оказываются статистически значимыми практически по всем шкалам исследования школьной тревожности. Отмечается следующая тенденция: показатели тревожности у детей с риском интернет-зависимости оказываются выше, чем у их сверстников с низким уровнем интернет-вовлечённости.

Существенные отличия между группами регистрируются по шкале «страх самовыражения». Анализ результатов подтверждает разрыва в показателях и свидетельствует о признаках гаджет-зависимости у детей. Они менее инициативны или стесняются высказать своё мнение. Их поведение в ситуациях, связанных с оценкой окружающих, характеризуется повышенным напряжением по сравнению с ровесниками, не имеющими зависимость.

Анализируя полученные результаты были выявлены расхождения между группами по таким параметрам как: переживание социального стресса, фрустрации во взаимодействии с педагогами. В этих же параметрах показатели первой группы преобладают, что свидетельствует о её более высокой чувствительности к требованиям школьной среды. При однородности показателей в обеих группах обнаружены различия, что указывает на значительное разнообразие внутри первой группы и наличие в ней обучающихся с выраженным тревожным компонентом. Кроме того, общий индекс школьной тревожности оказался статистически значимым именно у детей из указанной группы. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что высокая вовлечённость в интернет-среду может коррелировать с выраженной эмоциональной чувствительностью и недостаточной психологической устойчивостью к стрессовым факторам школьной жизни. Дети, с выраженной интернет-зависимостью демонстрируют более острую эмоциональную реакцию на школьные события и требования.

Методика «Фильм-тест» Р. Жиля позволила оценить особенности социальной приспособляемости и личностных отношений младших школьников. Результаты показали, что дети с интернет-зависимостью демонстрируют снижение социальной адаптации. У них отмечаются более низкие показатели привязанности к семье и общительности, а также более высокие – по шкалам конфликтности и стремления к изоляции, что выражается в ослаблении эмоциональной связи с родителями: отношение к матери: 43,8% против 71,7%; к отцу: 29,7% против 64,1%. Возможно, дефицит поддержки в семье заставляет таких детей усиливает желание детей общаться в интернете, чем у ровесников с низкой вовлечённостью в цифровую среду.

Подобные расхождения отмечаются и в контексте взаимодействия с близким социальным окружением. Данные, характеризующие отношения с братьями и сёстрами и родственниками, у детей с интернет-зависимостью значительно ниже (54,5% и 34,9% соответственно) по сравнению со второй группой (77,2% и 66,2%). Это говорит о том, что дети с низкой вовлечённостью в интернет-среду, как правило, лучше интегрированы в поддерживающую семейную систему, что способствует формированию их эмоциональной стабильности.

Более выраженные показатели отмечаются в области межличностных связей со сверстниками. Уровень межличностного взаимодействия детей из первой группы составляет всего 36,9%, тогда как во второй он достигает 74,5%. Показатели общительности демонстрируют ту же картину: 39,1% против 79,7%. Это позволяет сделать вывод, что высокая интернет-зависимость нарушает построение социальных контактов и затрудняет включённость в коллектив сверстников.

Существенные различия отмечаются в восприятии значимого взрослого. Группа с отсутствием интернет-зависимости демонстрирует высокий уровень доверия и принятия педагога (87,4%). В то время как для детей с риском интернет-зависимостью (54,4%) личность педагога наименее значима.

Различия также касаются и когнитивно-познавательной сферы. Отмечается снижение уровня показателей любознательности: (31,5% против 62,2% у второй), что может служить маркером снижения учебной мотивации у детей с признаками гаджет-зависимости.

Группа детей с интернет-зависимостью чаще выбирает агрессивные стратегии поведения, отмечается затруднения самоконтроля в ситуациях межличностного взаимодействия, что подтверждается тенденцией к доминированию (69,7% против 50,8%) и конфликтности (68,5% против 27,2%) в сравнении с группой без интернет-зависимости.

В показателях реакции на фрустрацию достижения успеха показатели первой группы значительно выше (76,9% против 56,7%), что говорит о том, что у детей с высоким уровнем зависимости отмечается более яркая эмоциональная реакция на неудачи и препятствия, что обусловлено их повышенным уровнем тревожности. Стремление к уединению у них выражено сильнее (59,5% против 29,3%), что может быть связано с использованием интернета как способа ухода от сложных социальных взаимодействий.

Таким образом, для детей с риском интернет-зависимости характерны конфликтность, эмоциональная нестабильность и тенденция к социальной изоляции. В противоположность им, дети с низкой или только формирующейся вовлечённостью в гаджет среду, но при этом обладающие эмоциональной стабильностью демонстрируют высокую социальную активность, позитивный настрой к учебной деятельности, доверительные отношения с учителями.

Обработка данных с помощью критерия Манна-Уитни подтверждает значимость этих различий по всем параметрам (при $p \leq 0{,}01$). Таким образом, можно утверждать, что высокий уровень интернет-активности тесно связан с комплексом трудностей в сфере межличностных отношений и эмоционального благополучия.

По результатам исследования самооценки по методике «Лесенка» (В.Г. Щур) выявлены различия в структуре самооценки между группами с риском и интернет-зависимостью и группой детей без признаков интернет-зависимости. Распределение типов самооценки в двух группах существенно различается и эти различия имеют системный характер. Среди детей с риском интернет-зависимости лишь 44 % демонстрируют адекватную самооценку, тогда как во второй группе этот показатель достигает 68%. Такой разрыв позволяет говорить о том, что у большинства детей с низким уровнем интернет-вовлечённости образ «Я» сформирован более гармонично, а представления о собственных возможностях отличаются устойчивостью и внутренней согласованностью.

В группе с риском с интернет-зависимостью преобладают показатели, указывающие на наличие адекватной заниженной самооценки и очень низкой. Тогда как в группе без интернет-зависимости в большей степени представлены адекватные и завышенные оценки собственного «Я» (рис. 4).

Рис. 4. Результаты исследования между группой с риском и интернет-зависимостью и группой без интернет-зависимости.
Fig. 4. Results of the study comparing the group at risk for and with internet addiction and the group without internet addiction.

В результате применения критерия Манна-Уитни получили $U_{эмп}$ = 312,5 при уровне значимости p=0,01, т.е. уровень самооценки во второй группе адекватнее, чем в первой группе.

Полученные результаты были прокоррелированы между собой. Значимые корреляции представлены в табл. 1. Анализ корреляционных связей позволил выявить комплекс психологических характеристик, которые наиболее тесно связаны с риском формирования интернет- и игровой зависимости у младших школьников. Полученные коэффициенты демонстрируют, что зависимое поведение не является изолированным явлением, а отражает более глубокие особенности эмоционального развития, социальных отношений и поведенческой регуляции ребёнка.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа данных.

Table 1

Results of the data correlation analysis.

	Интернет-зависимость	Игровая-зависимость
Переживание социального стресса	0,173	0,321*
Фрустрация потребности в достижении успеха	0,166	0,273*
Страх самовыражения	0,371**	0,481**
Страх ситуации проверки знаний	0,019	0,121
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	0,16	0,254*
Низкая физиологическая сопротивляемость	0,135	0,246
Проблемы и страхи в отношениях с учителем	0,165	0,182
Общая школьная тревожность	0,256*	0,327**
Самооценка	-0,361**	-0,202
Отношение к матери	-0,743**	-0,615**
Отношение к отцу	-0,723**	-0,618**
Отношение к матери и отцу вместе	-0,736**	-0,604**
Отношение к братьям и сёстрам	-0,725**	-0,601**
Отношение к родственникам	-0,736**	-0,624**

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Отношение к другу/подруге	-0,735**	-0,621**
Отношение к учителю	-0,724**	-0,606**
Любознательность	-0,723**	-0,621**
Общительность в группе детей	-0,722**	-0,594**
Стремление к доминированию	0,814**	0,694**
Конфликтность/агрессивность	0,766**	0,646**
Реакция на фрустрацию	0,792**	0,678**
Стремление к уединению	0,742**	0,651**

** корреляция значима на уровне 0,05, ** корреляция значима на уровне 0,01.*
** correlation is significant at the 0.05 level, ** correlation is significant at the 0.01 level.*

Связи между тревожностью и зависимостью проявились неоднозначно. Интернет-зависимость слабо коррелирует с большинством шкал школьной тревожности, однако значимая связь обнаружена со страхом самовыражения ($r = 0,371$, $p < 0,01$) и общим уровнем школьной тревожности ($r = 0,256$, $p < 0,05$). Это указывает на то, что дети, испытывающие трудности в ситуациях публичной демонстрации своих возможностей и склонные к общему эмоциональному напряжению в школе, чаще прибегают к цифровой среде как к способу ухода от переживаний.

В случае игровой зависимости эта взаимосвязь проявляется значительно ярче. Корреляционный анализ выявил тесную связь с страхом самовыражения ($r=0,481$ при $p<0,01$), а также переживанием социального стресса, фрустрацией потребности в успехе и страхом не оправдать ожидания окружающих (все показатели статистически значимы). Следовательно, именно игровая аддикция, в отличие от общей интернет-зависимости, наиболее тесно сопряжена с эмоциональной неустойчивостью и социальными фобиями.

Синтезируя теоретические положения и эмпирические данные, можно заключить, что гаджет-зависимость является мультифакторным явлением, которое определяется влиянием социальных, психологических и эмоциональных условий. Дети, испытывающие дефицит общения в семье, воспитывающиеся в неблагоприятной семейной обстановке, социальной среде, а также сама атмосфера школьной среды, побуждает их искать эмоциональную поддержку в виртуальной мире. Что диктует необходимость разработки программ психопрофилактики и психокоррекции, которые будут направленны на формирования у детей навыков безопасного взаимодействия с цифровой средой.

Выводы

1. 81% детей демонстрируют признаки игровой зависимости (группа риска и выраженная зависимость), в то время как существенная часть выборки (около половины) не подвержена этому явлению.
2. Корреляционный анализ выявил тесную связь с страхом самовыражения ($r=0,481$ при $p<0,01$), а также переживанием социального стресса, фрустрацией потребности в успехе и страхом не оправдать ожидания окружающих
3. Выявлена значимая связь между интернет-зависимостью и страхом самовыражения ($r = 0,371$, $p < 0,01$), а также общим уровнем школьной тревожности ($r = 0,256$, $p < 0,05$).
4. Для детей с риском интернет-зависимости характерны повышенная конфликтность, выраженная реакция на фрустрацию, стремление к доминированию и склонность к уединению; они воспринимают отношения с окружающими как менее благоприятные и менее поддерживающие.
5. У детей с риском интернет-зависимости наблюдаются показатели заниженной, завышенной и низкой самооценки.
6. Формирование гаджет-зависимости у младших школьников связано с рядом психологических характеристик, включающих ослабленные и конфликтные межличностные отношения, повышенную школьную тревожность, сниженный уровень самооценки, эмоциональную неустойчивость, выраженную реакцию на фрустрацию, стремление к уединению.

Список источников

1. Бозаджиев В.Л. Гаджет-аддикции, их виды и психологические характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение, 2021. № 2-3 (14-15). С. 9 – 21.
2. Борисова Н.А., Белобрыкина О.А., Гейдебрехт, Н.А., Штайц Т.К. Школьная тревожность: противоречия диагностики (на примере анализа методики Б. Филлипса) // PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2016. № 2. С. 123 – 165.
3. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы// Homo Cyberus. 2019. № 1. С. 37-51.
4. Гильяшева И.П., Игнатьева Н.Д. Методика исследования межличностных отношений ребенка. Москва: Фолиум, 1994. 64 с.
5. Григорьев Н.Ю., Чвякин В.А. Фаббинг как неопределенное явление в структуре социальной девиантологии // Гуманитарий Юга России, 2021. Т. 10 (48). № 2. С. 27 – 37.
6. Дроздикова-Зарипова А.Р. Шакурова А.Р. Специфика компьютерной зависимости подростков в педагогической практике // Проблемы инновационности, конкурентоспособности и саморазвития личности в условиях модернизации педагогического образования: сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию пед. образования в КФУ / под науч. ред. В.И. Андреева. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. С. 161 – 166.
7. Дудина Н.В. Фаббинг как социальное явление в молодежной среде // Научные труды Республиканского института высшей школы. Вып. 22, Ч. 3. Психологические науки. 2022. С. 135 – 141.
8. Зорина, Н. С. Гаджет-зависимость у детей: понятие и виды проявления // Вестник педагогических наук, 2022. № 6. С. 232 – 234.
9. Исакова И.А. Киберугрозы здоровью школьников в эпоху гаджетизации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2022. № 4. С.112 – 117.
10. Котова С.А. Интернет-зависимость у детей и подростков: риски, диагностика и коррекция. СПб.: ВВМ, 2023. 12 с.
11. Попова В.А., Волчегорская Е.Ю. Исследование зависимости младших школьников от гаджетов // Аллея науки, 2024. № 3 (90). С. 758 – 762.
12. Римский Р.Р. Римская С.А. Альманах психологических тестов. Москва: АСТ Пресс-КНИГА, 1997. 400 с.
13. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: реалии и проблемы // Педагогическое образование в России, 2020. № 4. С. 16 – 26.
14. Тончева К.С., Быкова Н.Л., Сарчук Е.В. Влияние современных гаджетов на здоровье детей школьного возраста: аспекты проблемы // Научное обозрение. Медицинские науки. 2022. № 3.С. 29 – 33.
15. Фединишина Л.А., Собина Л.А. Проблема развития личности из-за зависимости от гаджетов в системе образования // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета, 2024. № 4 (52). С. 36 – 39.
16. Young K.S., Abreu C.N. de. Internet addiction: a handbook and guide to evaluation and treatment. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 2011.314 p.

References

1. Bozadzhiev V.L. Gadget addictions: types and psychological characteristics. Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare, 2021. No. 2-3 (14-15). P. 9 – 21.
2. Borisova N.A., Belobrykina O.A., Geidebrekht N.A., Shtayts T.K. School anxiety: diagnostic contradictions (based on an analysis of B. Phillips's methodology). PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2016. No. 2. P. 123 – 165.
3. Verbitsky A.A. Digital learning: problems, risks, and prospects. Homo Cyberus. 2019. No. 1. P. 37 – 51.
4. Gilyasheva I.P., Ignatyeva N.D. Methodology for studying a child's interpersonal relationships. Moscow: Folium, 1994. 64 p.
5. Grigoryev N.Yu., Chvyakin V.A. Phubbing as an undefined phenomenon in the structure of social deviantology. Humanitarians of the South of Russia, 2021. Vol. 10 (48). No. 2. P. 27 – 37.
6. Drozdikova-Zaripova A.R., Shakurova A.R. Specifics of adolescent computer addiction in pedagogical practice. Problems of innovation, competitiveness, and personal self-development in the context of pedagogical education modernization: Collection of articles from the International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of pedagogical education at KFU. Scientific ed. V.I. Andreeva. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2012. P. 161 – 166.

7. Dudina N.V. Phubbing as a social phenomenon among youth. Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Issue 22, Part 3: Psychological Sciences. 2022. P. 135 – 141.

8. Zorina N.S. Gadget addiction in children: concept and manifestations. Bulletin of Pedagogical Sciences, 2022. No. 6. P. 232 – 234.

9. Isakova I.A. Cyber-threats to schoolchildren's health in the era of gadget proliferation. Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences, 2022. No. 4. P. 112 – 117.

10. Kotova S.A. Internet addiction in children and adolescents: risks, diagnosis, and intervention. St. Petersburg: VVM, 2023. 12 p.

11. Popova V.A., Volchegorskaya E.Yu. Study of gadget addiction among primary school children. Alley of Science, 2024. No. 3 (90). P. 758 – 762.

12. Rimsky R.R., Rimskaya S.A. Almanac of Psychological Tests. Moscow: AST Press-KNIGA, 1997. 400 p.

13. Starichenko B.E. Digitalization of Education: Realities and Challenges. Pedagogical Education in Russia, 2020, No. 4. P. 16 – 26.

14. Toncheva K.S., Bykova N.L., Sarchuk E.V. The Impact of Modern Gadgets on the Health of School-Age Children: Aspects of the Issue. Scientific Review. Medical Sciences. 2022. No. 3. P. 29 – 33.

15. Fedinishina L.A., Sobina L.A. The Issue of Personality Development Due to Gadget Addiction in the Education System. Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 2024. No. 4 (52). P. 36 – 39.

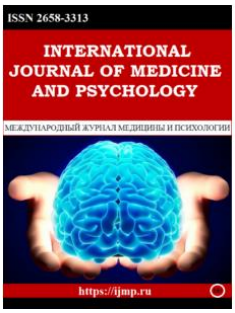
16. Young K.S., Abreu C.N. de. Internet addiction: a handbook and guide to evaluation and treatment. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 2011. 314 p.

Информация об авторах

Ольшевская Д.А., кандидат педагогических наук, ассистент, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Киреева Т.И., кандидат медицинских наук, доцент, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, t.i.kireeva@samsmu.ru

© Ольшевская Д.А., Киреева Т.И., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 37.015.3
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-366-373

[1] Парфентьев М.С.,
[1] Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Социально-психологические факторы самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста

Аннотация: статья посвящена изучению проблемы самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста. Данная проблема обусловлена современными кризисами и повышенной уязвимостью старших подростков, связанной с их эмоциональной нестабильностью и неопределенностью будущего. Представлены данные, полученные в результате эмпирического исследования в 2023-2025 гг. Базой исследования выступило учреждение среднего профессионального образования, осуществляющее подготовку педагогов для системы общего и дополнительного образования. Проведен анализ социально-психологических факторов самоповреждающего поведения старших подростков, обучающихся на факультетах педагогического профиля с разной учебной программой и спецификой обучения. Было установлено, что нарушения межличностного взаимодействия в ближайшем социальном окружении, возрастные особенности восприятия действительности и индивидуально-личностные характеристики составляют основу данного деструктивного поведения. Применение метода факторного анализа позволило систематизировать выявленные детерминанты, подтвердив, что дисгармоничные семейные отношения являются ключевым предиктором аутоагрессивных тенденций, в то время как социальная изоляция и эмоциональный дистресс выступают значимыми сопутствующими факторами. Результаты исследования подтверждают необходимость разработки и внедрения целенаправленных программ психологической и психолого-педагогической профилактики, ориентированных на коррекцию дисфункциональных семейных паттернов, развитие навыков социальной адаптации и эмоциональной регуляции, а также преодоление когнитивных искажений у подростков.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, факторы самоповреждающего поведения, старший подростковый возраст, семейные отношения, социальная изоляция и эмоциональный дистресс, когнитивно-поведенческие и психологические особенности

Для цитирования: Парфентьев М.С. Социально-психологические факторы самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 366 – 373. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-366-373

Поступила в редакцию: 26 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Parfentiev M.S.,
[1] Dorzhi Banzarov Buryat State University

Socio-psychological factors of self-harming behavior among older adolescents

Abstract: this article examines the issue of self-harming behavior among older adolescents. This problem is driven by contemporary crises and the heightened vulnerability of older adolescents, stemming from emotional instability and uncertainty about the future. The study presents data obtained through empirical research conducted between 2023 and 2025 at a secondary vocational education institution that trains educators for the general and

supplementary education systems. An analysis was conducted regarding the socio-psychological factors of self-harming behavior among older adolescents enrolled in pedagogical programs with varying curricula and specific training characteristics. It was found that disruptions in interpersonal interactions within the immediate social environment, age-related perceptions of reality, and individual personality traits form the basis of this destructive behavior. Factor analysis allowed for the systematization of the identified determinants, confirming that disharmonious family relationships are a key predictor of auto-aggressive tendencies, while social isolation and emotional distress serve as significant accompanying factors. The study results underscore the need to develop and implement targeted psychological and psycho-pedagogical prevention programs aimed at correcting dysfunctional family patterns, fostering social adaptation and emotional regulation skills, and addressing cognitive distortions in adolescents.

Keywords: self-destructive behavior, factors of self-destructive behavior, late adolescence, family relationships, social isolation, and emotional distress, cognitive-behavioral and psychological characteristics

For citation: Parfentiev M.S. Socio-psychological factors of self-harming behavior among older adolescents. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 366 – 373. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-366-373

The article was submitted: July 26, 2026; Approved after reviewing: August 23, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Исследования последних десятилетий показывают устойчивый рост случаев самоповреждающего поведения среди подростков, что вызывает серьёзную озабоченность специалистов разных областей (психология, медицина, педагогика). Самоповреждающее поведение действительно представляет собой сложный и многоаспектный феномен, включающий биологические, психологические, социальные и культурные факторы. В условиях современных кризисов проблема стоит особо остро, что не может не сказываться на благополучии семей и психоэмоциональном состоянии растущих детей. Кроме того, в период старшего подросткового возраста эмоциональная нестабильность и несформированность представлений о будущем делают подростков особо уязвимыми перед развитием опасных привычек и паттернов поведения.

Самоповреждающее поведение – дисфункциональное, дезадаптивное поведение, связанное с умышленным причинением ущерба собственному телу посредством различных форм реализации без цели совершения самоубийства, либо поведение, не охватываемое прямым умыслом и волевым контролем, когда в силу индивидуально-личностных особенностей и переживаемых психоэмоциональных состояний снижается способность осознавать характер и опасность направленных на собственное тело действий [2].

Акты самоповреждающего поведения могут происходить бессознательно, являясь следствием глубоких внутренних конфликтов, тяжёлых стрессов или травматического опыта, остающихся вне сферы осознанного восприятия, что приводит к временной потере самоконтроля и возможности оценивать последствия своего поведения [7].

Несмотря на значительный рост числа исследований и весомый вклад Н.А. Польской, А.Г. Амбрумовой и К. Гратс в изучении этого феномена, многие аспекты проблемы самоповреждающего поведения до сих пор остаются малоизученными. Например, довольно мало работ рассматривает социальные и психологические факторы, влияющие на развитие самоповреждающего поведения. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости углубленного анализа факторов самоповреждающего поведения для разработки эффективных мер профилактики и помощи молодым людям, столкнувшимся с данной проблемой.

Материалы и методы исследований

Целью исследования является изучение социально-психологических факторов, определяющих склонность к самоповреждению у студентов старшего подросткового возраста. Основное внимание уделяется таким факторам, как семейные отношения, психотравмирующие события, дезадаптивные личностные черты, возраст, пол, состав семьи, академическая успеваемость, финансовое состояние семьи и этническая принадлежность.

Базой исследования выступило учреждение СПО, осуществляющее подготовку педагогов для системы общего и дополнительного образования. Исследование проводилось в течение двух учебных лет (2023-

2024, 2024-2025). Выборку в исследовании составили 149 человек из числа студентов колледжа, обратившихся по собственной инициативе к педагогу-психологу учреждения с различными запросами. Средний возраст участников исследования – 15,5 лет. В выборке представлены старшие подростки из города Улан-Удэ, районов Республики Бурятия, Забайкальского края, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа, Иркутской области. Большая часть респондентов (56%) из неполных семей, 28% воспитываются в полной семье, 16% – в опекунской. По национальному составу выборка представлена преимущественно русскими (63,2%) и бурятами (29,8%).

Для определения склонности старших подростков к самоповреждающему поведению была использована методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орла. Для определения факторов самоповреждающего поведения был использован биографический метод с применением структурированного интервью и факторный анализ.

Анкета структурированного интервью для старших подростков с выявленным самоповреждающим поведением включала вопросы, направленные на изучение социально-психологических факторов (табл. 1). По форме анкета содержала как открытые, так и закрытые вопросы.

Таблица 1

Направления анализа материалов структурированного интервью со студентами старшего подросткового возраста.

Table 1

Approaches to analyzing structured interview materials with older adolescent students.

№	Направление	Составляющие
1	Социодемографические данные	Пол, возраст, национальность, место проживания.
2	Социальный статус семьи обучающегося	Полная, неполная, опекунская, многодетная.
3	Особенности взаимоотношений в семье	Наличие насилия, злоупотребление алкоголем, игнорирование, гиперопека и др.
4	Наличие психотравмирующих событий	Описание конкретных событий (потеря близких, развод родителей, физическое или сексуальное насилие, катастрофы, серьезные заболевания и др.).
5	Трудности во взаимоотношениях со сверстниками	Травля (буллинг), отсутствие друзей, отвержение в группе сверстников, конфликты, социальная изоляция и др.
6	Учебная успеваемость	Общая успеваемость, успеваемость по отдельным предметам, отношение к учебе, отношения с преподавателями.
7	Периодичность проявления самоповреждающего поведения	Однократно; многократно или эпизодически.
8	Мотивы самоповреждающего поведения	Снятие эмоционального напряжения, наказание себя, привлечение внимания, самоидентификация, попытка почувствовать себя живым (включая случаи неосознанного нанесения).
9	Способ нанесения самоповреждений	Порезы, царапины, ожоги, удары, укусы, выдергивание волос, расчесывание кожи и др.

Результаты и обсуждения

В результате применения методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» было установлено, что из 149 студентов колледжа, обратившихся за консультацией, у 57 человек (38,26%) выявлена склонность к самоповреждающему поведению. В ходе беседы студенты подтвердили факты нанесения себе повреждений с разной периодичностью и различными способами. Самым распространённым способом является нанесение порезов (44 человека или 77,19%).

Полученные данные указывают на значительное распространение феномена самоповреждения среди подростков и подчеркивают важность изучения факторов риска, способствующих развитию указанного деструктивного поведения.

В ходе исследования были выявлены социально-психологические факторы риска, непосредственно обусловливающие развитие самоповреждающего поведения у старших подростков (табл. 2). Кроме того, были исследованы защитные факторы, способствующие его предупреждению и профилактике.

Таблица 2

Выявленные факторы самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста.

Table 2

Identified factors of self-harming behavior among older adolescent students.

Причина	Процент (%)
Психотравмирующая ситуация	3,50
Несформированное понимание смерти, интерес к теме смерти	7
Желание ослабить эмоциональную боль, снятие эмоционального напряжения	21
Привлечение внимания	3,50
Психическое расстройство	3,50
Сложности во взаимоотношениях с противоположным полом	1,80
Учебные трудности, стресс, неуспеваемость	5,30
Переживания чувств обиды, одиночества, отчужденности	19,30
Трудности взаимоотношений со сверстниками, наличие конфликтов со сверстниками	10,50
Конфликты с родителями, дисгармония взаимоотношений в семье	24,60

Для 24,60% респондентов основным фактором самоповреждающего поведения являются конфликты с родителями, дисгармония взаимоотношений в семье, 21% наносит себе повреждения, руководствуясь желанием ослабить эмоциональную боль, снять эмоциональное напряжение. 19,30% через самоповреждения снижают болезненные чувства, такие как обида, одиночество, чувство отчужденности. В меньшей степени были выявлены такие факторы самоповреждающего поведения, как: трудности взаимоотношений со сверстниками, наличие конфликтов со сверстниками (10,50%), несформированное понимание смерти, интерес к теме смерти (7%), учебные трудности, стресс, неуспеваемость (5,30%), наличие психотравмирующей ситуации, психического расстройства, стремление к привлечению внимания (3,50%), сложности во взаимоотношениях с противоположным полом (1,80%).

Стимулом к осознанному нанесению самоповреждений служит необходимость освобождения от сильных, но слабо осознаваемых отрицательных эмоций и внутреннего дискомфорта. Иногда подростками описываются состояния, связанные с невозможностью действовать или чувствовать. Такой вид самоповреждения формирует привычный деструктивный инструмент психологической саморегуляции, позволяя человеку уменьшать интенсивность негативных чувств. Постоянство и систематичность саморазрушительных актов обусловлены длительными нарушениями эмоциональной саморегуляции и глубинными личностными дисфункциями. Самоповреждающее поведение способствует формированию расстройств психоэмоциональной сферы, которые, в свою очередь, повышают вероятность повторного возникновения актов самоповреждения. Между самоповреждением и нарушениями психоэмоциональной сферы существует двусторонняя взаимосвязь: одно явление подкрепляет другое [6].

При самоповреждающем поведении, возникающем вследствие нарушений эмоциональной регуляции, нередко возникает специфическое состояние, проявляющееся в трудности выражения чувств и совершении целенаправленных действий, сопровождаемое ощущением отчужденности от своего тела и искажённым восприятием собственной идентичности («Я»). Данное состояние можно признать одним из самых болезненных и опасных, поскольку человек теряет объективную картину самовосприятия и склонен совершать импульсивные саморазрушающие действия. Такое состояние требует внимательного подхода в диагностике и терапии поскольку здесь присутствует суицидальная тенденция.

Самоповреждающее поведение несовершеннолетних старшего подросткового возраста – это деликатная и социально чувствительная тема, поскольку связано с рядом культурных, этических, правовых и психологических аспектов, затрудняющих открытое обсуждение. Основные причины табуированности включают:

1. Страх осуждения: подростки и молодые люди боятся говорить открыто о своем опыте, боясь столкнуться с негативной реакцией родителей, друзей или преподавателей. Они предпочитают скрывать свое состояние, тем самым усугубляя ситуацию [1].

2. Родители и сами подростки убеждены, что публичное раскрытие факта самоповреждающего поведения негативно скажется на учебной деятельности, профессиональном становлении и дальнейшей социализации старшего подростка.

3. Отсутствие понимания со стороны взрослых: многие взрослые не понимают природу самоповреждающего поведения, считая его недостатком воспитания или осознанным выбором. Отсутствие

знаний ведет к игнорированию проблем подростка с самоповреждающим поведением [8].

4. Стигматизация: люди, практикующие самоповреждение, часто сталкиваются с осуждением и непониманием окружающих. Их поведение нередко воспринимается как проявление слабости, эгоизма или патологии, что способствует формированию негативного отношения и усилению чувства вины и стыда.

5. Негативное восприятие обществом: само слово «самоповреждение» ассоциируется с болезненностью, травмой и опасностью, вызывая негативные эмоции и желание избежать разговора на такую неприятную тему [2].

6. Правовой аспект: педагоги-психологи и администрация образовательных учреждений в силу своих должностных инструкций и алгоритма действий при выявлении случаев самоповреждающего поведения, обязаны сообщать оперативную информацию о произошедших фактах в региональные органы МВД, КДН и ЗП. Вместе с тем, все участники образовательного процесса (родители, обучающиеся с самоповреждающим поведением, администрация образовательного учреждения, педагог-психолог) осознают правовые последствия информирования о таком поведении, что нередко может способствовать скрытому (латентному) течению проблемы [10].

К психологическим факторам риска преимущественно можно отнести:

1. Эмоциональная дисрегуляция: трудности в управлении сильными чувствами, такими как гнев, тревога, разочарование.
2. Проблемы самосознания: низкая самооценка, чувство неполноценности, низкая уверенность в себе, недостаток самопринятия, расстройство половой идентификации.
3. Импульсивность: склонность действовать необдуманно, неспособность контролировать порывистые желания, неспособность предвидеть последствия своих действий.
4. Недостаток развития коммуникативных навыков: затруднение в выражении чувств и потребностей, что приводит к накоплению внутреннего напряжения.
5. Наличие личностного расстройства и (или) низкий уровень жизнестойкости.
6. Безнадёжность – пессимистичный взгляд на будущее, в котором не ожидаешь лучшего, при беспомощности перед неизбежными неблагоприятными событиями, наряду с дефицитом навыков решения и неспособностью опираться на жизненный опыт. Безнадёжность как следствие дисфункциональных эмоциональных связей с родителями и низкого социально-экономического положения семьи (для девочек важнее первые, для мальчиков второе) способствует суицидальному поведению и несуицидальным самоповреждениям [1; 8; 15].
7. Наличие психотравмирующего опыта.

Семейные и социальные факторы риска:

1. Конфликтные отношения в семье: напряженность, ссоры, насилие (в т.ч. психологическое).
2. Аддитивное поведение в семье (алкоголизм, наркомания) и воспитание в семье с эмоциональным пренебрежением.
3. Суициды среди близких родственников и в ближайшем окружении могут быть фактором риска самоповреждающего поведения подростка, так как негативный опыт влияет на формирование суицидальных мыслей и самоповреждающего поведения [3, 5, 6, 8].
4. Формирование толерантного отношения к насилию и жестокости; физическое, эмоциональное или сексуальное насилие, а также доступность интернет-контента, связанного с насилием.
5. Социальная изоляция: отчуждение сверстниками, чувство одиночества, дефицит значимых отношений.
6. Подражательное поведение: влияние окружения, моды, культуры, демонстрирующих образы самоповреждения.
7. Интернет-травля: кибербуллинг, унижение, давление в онлайн-пространстве.

Факторы защиты вполне можно рассматривать как важную составляющую профилактики негативных явлений среди подростков. Термином «факторы защиты» обозначают совокупность социальных условий, психологических особенностей и индивидуальных ресурсов ребенка или подростка, которые помогают противостоять неблагоприятным воздействиям среды, снижая вероятность вовлечения в деструктивное саморазрушающее поведение. Важно, чтобы факторы защиты от самоповреждающего поведения в качественно-количественных показателях превосходили факторы риска, данный факт обеспечит эффективную профилактику аутоагрессивного поведения подростков.

Факторы защиты от самоповреждающего поведения старших подростков включают:

1. Воспитание в полной семье с благоприятным внутрисемейным климатом и доверительными отношениями.

2. Финансовое благополучие семьи.
3. Высокий уровень жизнестойкости и адекватную самооценку личности.
4. Благоприятный круг общения и развитые коммуникативные навыки, поскольку общение со сверстниками — ведущий вид деятельности в старшем подростковом возрасте.
5. Хорошее физическое здоровье и регулярную физическую активность.
6. Высокую вовлеченность в учебную деятельность и активное участие во внеурочных мероприятиях.

Именно превентивные меры и профилактика являются важным звеном факторов защиты, создавая благоприятные условия для гармоничного развития подростка и минимизацию рисков возникновения деструктивного поведения [9].

Таким образом, профилактика включает работу над усилением факторов защиты и жизнестойкости личности.

Для более глубокого понимания взаимосвязи выявленных социально-психологических факторов со склонностью к самоповреждающему поведению был проведен факторный анализ (табл. 3). Проведение факторного анализа позволило сгруппировать выявленные факторы в 3 основных группы: дисгармоничные семейные отношения, социальная изоляция и эмоциональный дистресс и когнитивно-поведенческие особенности.

Таблица 3

Результаты факторного анализа.

Table 3

Results of factor analysis.

Выявленный фактор	Доля объясненной дисперсии (%)	Составляющие фактора
Фактор 1 Дисгармоничные семейные отношения	48,7%	Конфликты с родителями, дисгармония взаимоотношений в семье; желание ослабить эмоциональную боль, снятие эмоционального напряжения; психотравмирующие ситуации.
Фактор 2 Социальная изоляция и эмоциональный дистресс	28,2%	Переживания чувств обиды, одиночества, отчужденности; трудности взаимоотношений со сверстниками, наличие конфликтов со сверстниками; учебные трудности, стресс, неуспеваемость.
Фактор 3 Когнитивно-поведенческие и психологические особенности	15,3%	Несформированное понимание смерти, интерес к теме смерти; привлечение внимания; психическое расстройство; сложности во взаимоотношениях с противоположным полом.
Остаточная дисперсия (необъясненная)	7,8%	-

Наибольший вес в структуре факторов самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста (48,7% объясненной дисперсии) составляют дисгармоничные семейные отношения. Преобладание данного фактора позволяет предположить, что деструктивные паттерны внутрисемейного взаимодействия и связанные с ними аффективные нарушения служат основным триггером для развития самоповреждений у старших подростков. Полученный результат согласуется с результатами эмпирического исследования А.А. Григорьевой. Автором было установлено, что для подростков с риском самоповреждающего поведения основными факторами выступают агрессивное и аутоагрессивное поведение членов семьи, низкий материальный достаток и неполная семья [4].

Второй по значимости является группа факторов «Социальная изоляция и эмоциональный дистресс» (28,2% объясненной дисперсии). В эту группу вошло переживание чувства обиды, одиночества, отчужденности, трудности взаимоотношений со сверстниками, учебные трудности. Н.А. Польской также было подтверждено, что для старших подростков факторами самоповреждающего поведения выступают социальные факторы, алекситимия, низкоадаптивные копинг-стратегии [8].

Третьей по значимости группой факторов выступают когнитивно-поведенческие и психологические особенности (15,3%). К данной группе фактором были отнесены: несформированное понимание смерти, интерес к теме смерти; привлечение внимания; психическое расстройство; сложности во взаимоотношениях с противоположным полом. В подтверждение значимости когнитивно-поведенческих особенностей старших подростков для возникновения риска самоповреждающего поведения можно привести результаты исследования С.В. Давидовского, который установил, что к краткосрочным факторам самоповреждающего и суицидального поведения относится наличие выраженной депрессивной симптоматики, таких черт ха-

рактера, как гипертимность и демонстративность. К долгосрочным факторам автор отнес флегматический тип темперамента, склонность к акцентуации по черте характера «демонстративность» [5].

Выводы

По результатам проведенного анализа к социально-психологическим факторам самоповреждающего поведения студентов старшего подросткового возраста можно отнести: дисгармоничные семейные отношения, социальную изоляцию и эмоциональный дистресс, а также когнитивно-поведенческие и психологические особенности. Именно на эти факторы должны быть направлены системы психологической и психолого-педагогической профилактики, реализуемые в образовательных учреждениях.

Список источников

1. Аракелян К.Н., Шаболтас А.В. Внутрисемейные факторы виктимизации личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Психология». 2015. № 1. С. 50 – 55.

2. Волкова А.П. Психологические и социальные факторы, влияющие на формирование несуицидального самоповреждающего поведения у подростков // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 3 (153). С. 1 – 6.

3. Григорьева А.А. Социально-демографические характеристики подростков с рисками аутоагрессивного поведения // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №4. С. 1 – 10.

4. Григорьева А.А. Социально-психологическая специфика семей подростков с различными видами аутоагрессивного поведения // Известия Саратовского университета. 2020. № 3. С. 302 – 306.

5. Давидовский С.В. Самоповреждающее и суицидальное поведение: краткосрочные и долгосрочные факторы риска суицида: автореф. дис. … докт. медиц. наук. Минск: Белорусский государственный медицинский университет, 2025. 46 с.

6. Давидовский С.В., Игумнов С.А. Современные концепции и особенности проявления самоповреждающего поведения // Научно-практический журнал «Суицидология». 2020. № 3 (40). С. 33 – 43.

7. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Банников Г.С. Самоповреждающее поведение подростков: дефиниции, эпидемиология, факторы риска и защитные факторы // Научно-практический журнал «Суицидология». 2019. № 4 (37). С. 16 – 46.

8. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: диссертация доктора психологических наук. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2017. 423 с.

9. Славутская Е.В., Надеева А.В. Взаимосвязь детско-родительских отношений и личностных особенностей подростков с суицидальным поведением // Международный журнал медицины и психологии. 2026. Т. 9. № 1. С. 336 – 342.

10. Таранова Е.И. Семья как фактор, влияющий на формирование аутоагрессивного, суицидального поведения в подростковом возрасте // Научные ведомости. Серия: Медицина. Фармация. 2011. № 10 (105). С. 44 – 50.

References

1. Arakelyan K.N., Shaboltas A.V. Intrafamilial factors of individual victimization. Bulletin of South Ural State University. Series: "Psychology". 2015. No. 1. P. 50 – 55.

2. Volkova A.P. Psychological and social factors influencing the development of non-suicidal self-injury in adolescents. International Research Journal. 2025. No. 3 (153). P. 1 – 6.

3. Grigoryeva A.A. Socio-demographic characteristics of adolescents at risk for auto-aggressive behavior. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. No. 4. P. 1 – 10.

4. Grigoryeva A.A. Socio-psychological characteristics of families of adolescents with various types of auto-aggressive behavior. Izvestiya of Saratov University. 2020. No. 3. P. 302 – 306.

5. Davidovsky S.V. Self-injurious and suicidal behavior: short-term and long-term suicide risk factors: Author's abstract of Doctoral dissertation (Medicine). Minsk: Belarusian State Medical University, 2025. 46 p.

6. Davidovsky S.V., Igumnov S.A. Modern concepts and manifestations of self-injurious behavior. Scientific and Practical Journal "Suicidology". 2020. No. 3 (40). P. 33 – 43.

7. Lyubov E.B., Zotov P.B., Bannikov G.S. Self-harming behavior in adolescents: definitions, epidemiology, risk factors, and protective factors. Suicidology (Scientific and Practical Journal). 2019. No. 4 (37). P. 16 – 46.

8. Polskaya N.A. Phenomenology and functions of self-harming behavior in normative and disordered mental development: Doctoral dissertation in Psychology. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2017. 423 p.

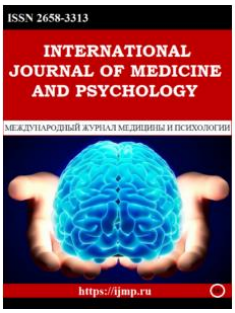
9. Slavutskaya E.V., Nadeeva A.V. The relationship between parent-child relations and personality traits of adolescents with suicidal behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Vol. 9. No. 1. P. 336 – 342.

10. Taranova E.I. The family as a factor influencing the formation of auto-aggressive and suicidal behavior in adolescence. Scientific Bulletin. Series: Medicine. Pharmacy. 2011. No. 10 (105). P. 44 – 50.

Информация об авторе

Парфентьев М.С., аспирант, Институт педагогики и психологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24 «а»; педагог-психолог, Бурятский республиканский педагогический колледж, 670034, Республика Бурятия, город Улан-Удэ, ул. Хоца Намсараева, д. 5, mirtut@bk.ru

© Парфентьев М.С., 2026

Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9:534.7
DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-374-382

[1] Шавыкина К.А.,
[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Нейроакустическая стимуляция и доказательная база применения звука для регуляции когнитивных и эмоциональных состояний

Аннотация: нейроакустическая стимуляция рассмотрена не как единый метод, а как семейство неинвазивных вмешательств, в которых звук выступает управляемым физиологическим сигналом, перестраивающим сенсомоторную временную организацию, вегетативный тонус, слуховую обработку и, при определенных условиях, архитектуру сна. Показано, что доказательная зрелость направлений неодинакова: наиболее устойчивая база накоплена для ритмической слуховой стимуляции и для фазово-ориентированной акустической стимуляции медленноволнового сна, тогда как для бинауральных биений картина смешанная, а для томатис-подобных спектрально-латерализованных программ уровень доказательности пока недостаточен. На примере прикладного протокола «НейроТьюн» раскрыта роль операционализированных программ не только как источника проверяемых гипотез, но и как объекта эмпирической проверки. Приводится ретроспективная серия случаев с явным указанием ее ограничений и представлены результаты контролируемого исследования на реальной выборке: в дизайн вошли активное акустическое плацебо, группа листа ожидания и нейрофизиологические показатели. Числовые данные получены в ходе фактического обследования 60 участников; они демонстрируют статистически значимое преимущество NeuroTune над активным акустическим плацебо по первичному когнитивному показателю и ряду вторичных психофизиологических исходов.

Ключевые слова: нейроакустическая стимуляция, бинауральные биения, ритмическая слуховая стимуляция, акустика сна, эмоциональная регуляция, когнитивные состояния, нейропластичность, метод Томатиса

Для цитирования: Шавыкина К.А. Нейроакустическая стимуляция и доказательная база применения звука для регуляции когнитивных и эмоциональных состояний // International Journal of Medicine and Psychology. 2026. Том 9. № 6. С. 374 – 382. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-374-382

Поступила в редакцию: 28 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

[1] Shavykina K.A.,
[1] Lomonosov Moscow State University

Neuroacoustic stimulation and the evidence base for the use of sound in regulating cognitive and emotional states

Abstract: neuroacoustic stimulation is treated not as a single technique but as a family of non-invasive interventions in which sound acts as a controllable physiological signal that reshapes sensorimotor timing, autonomic tone, auditory processing and, under certain conditions, sleep architecture. The evidential maturity of different directions is uneven: the most robust base has been accumulated for rhythmic auditory stimulation and for phase-targeted acoustic stimulation of slow-wave sleep, whereas for binaural beats the picture remains mixed and for Tomatis-like spectrally lateralised programmes the level of evidence is so far insufficient. Using the applied Neu-

roTune protocol as an example, the role of well-operationalised programmes is discussed not only as a source of testable hypotheses but also as an object of empirical evaluation. A retrospective case series is reported with its limitations stated explicitly, together with the results of a controlled study conducted in a real sample; the design included an active acoustic placebo, a waiting-list group and neurophysiological measures. The numerical data were obtained from actual assessments of 60 participants; they demonstrate statistically significant advantages of NeuroTune over active acoustic placebo on the primary cognitive outcome and on several secondary psychophysiological outcomes.

Keywords: neuroacoustic stimulation, binaural beats, rhythmic auditory stimulation, sleep acoustics, emotional regulation, cognitive states, neuroplasticity, Tomatis method

For citation: Shavykina K.A. Neuroacoustic stimulation and the evidence base for the use of sound in regulating cognitive and emotional states. International Journal of Medicine and Psychology. 2026. 9 (6). P. 374 – 382. DOI: 10.58224/2658-3313-2026-9-6-374-382

The article was submitted: July 28, 2026; Approved after reviewing: August 25, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026

Введение

Со звуком, меняющим состояние, человек сталкивается ежедневно: мерный шум дождя успокаивает, резкий сигнал собирает внимание, знакомая мелодия за несколько тактов возвращает давнее переживание. За обыденностью этих наблюдений стоит научный вопрос о том, в какой мере и какими средствами звук поддается использованию как управляемый инструмент регуляции когнитивных и эмоциональных состояний. Именно этот вопрос, а не отдельные яркие эффекты, и рассматривается в настоящей работе. Под нейроакустической стимуляцией мы понимаем не один метод, а семейство неинвазивных вмешательств, в которых звук выступает не только сенсорным объектом, но и временно организованным физиологическим сигналом, способным перестраивать слуховую обработку, сенсомоторную временную организацию, вегетативный тонус и архитектуру сна. Такое понимание вынуждает различать техники по типу сигнала и предполагаемому механизму, а не сводить их к общему обещанию «воздействия на мозг».

Практическая актуальность темы очевидна: на рынке психофизиотерапии закрепились коммерческие продукты, построенные на эффекте бинауральных биений и близких стимулов, тогда как работ с объективной оценкой их физиологического воздействия заметно меньше [2]. Интерес аудитории опережает накопление проверяемых данных, и задача исследователя состоит в том, чтобы развести правдоподобный механизм и подтвержденный клинический результат. Предметным ориентиром служит прикладной протокол «НейроТьюн», построенный на принципах метода А. Томатиса: в нем заданы сочетание воздушной и костной проводимости, фильтрация частотных диапазонов, нерегулярное чередование каналов, правоухая латерализация и модульная структура прослушивания. Такие программы ценны тем, что позволяют извлечь параметры вмешательства и сформулировать проверяемые гипотезы; в настоящей работе этот переход от гипотезы к проверке реализован на эмпирическом материале: после ретроспективной серии случаев представлены результаты контролируемого исследования с активным акустическим плацебо, группой листа ожидания и объективизированными психофизиологическими исходами.

Материалы и методы исследований

Звук как управляемый стимул: уровни воздействия на функциональные системы

Один и тот же звуковой сигнал действует сразу на нескольких уровнях организации, и смешение этих уровней порождает большую часть терминологической путаницы. На нейрофизиологическом уровне действуют, например, бинауральные биения: при раздельной подаче в правое и левое ухо двух близких по частоте тонов слушатель воспринимает медленную пульсацию как центрально формируемую слуховую иллюзию, связанную с ранними отделами слухового пути [9]. На психофизиологическом и вегетативном уровне эффект реализуется через респираторно-кардиовегетативные каналы: прослушивание тета-частотных биений после нагрузки сопровождалось усилением парасимпатической активации и ослаблением симпатического вклада [7], то есть часть сдвигов может объясняться снижением общего уровня активации, а не осцилляторным механизмом. На уровне ритмического вовлечения ритм выступает внешним временным каркасом, перестраивающим двигательные и отчасти когнитивные сети, на чем строится неврологическая музыкальная терапия и моторная синхронизация [13]. Наконец, на уровне сна короткие импульсы около 0,8 Гц фазово подстраивают медленные осцилляции, а целенаправленная реактивация памяти и аку-

стическое усиление медленных волн улучшают консолидацию, в том числе у пожилых [5; 8; 10]. Таким образом, звук воздействует не на «мозг вообще», а на конкретные функциональные системы, и каждая отзывается на свой класс сигналов по-своему; существование механизма само по себе не подтверждает ни силы, ни специфичности, ни воспроизводимости результата.

Дифференциация подходов и зрелость доказательной базы

Под словом «нейроакустика» уживаются техники с несхожей физикой сигнала, и их полезно развести. Бинауральные биения – центрально формируемая иллюзия, требующая наушников; ее реалистичные мишени – тревога, отдельные аспекты внимания, субъективное расслабление. Моноауральные биения формируются в самом сигнале, и прямое сопоставление показало, что смешивать эти модальности в одном термине некорректно [4]. Ритмическая слуховая стимуляция опирается на сенсомоторную синхронизацию, и именно для моторных исходов накоплены наиболее убедительные данные [13]. Акустическая стимуляция сна стоит особняком: тоны, синхронизированные с фазой медленной волны, усиливают медленные осцилляции, но требуют регистрации электроэнцефалограммы [5; 8; 10]. Отдельную группу образуют спектрально-латерализованные программы томатис-подобного типа, к которым принадлежит «НейроТьюн»; их отличает сборка приемов: фильтрация музыки, контраст тембра и громкости, чередование воздушной и костной проводимости, акцент на правое ухо и аудиовокальная обратная связь. Такая сборка приемов и создает главную трудность оценки. Чем шире круг заявленных показаний, тем меньше оснований доверять программе как целому и тем настоятельнее необходимость разобрать ее на элементы. Работать, следовательно, приходится не с названием протокола, а с перечнем составляющих его воздействий, каждое из которых поддается отдельной проверке в контролируемом сравнении. Именно так мы подходим ниже к NeuroTune – как к вмешательству, реально проведенному, а не описанному.

Чем измеряется зрелость направления? Ответ дают сами накопленные данные, если расположить линии исследований по степени надежности полученного в них результата. Дальше прочих продвинулись ритмические слуховые подсказки для моторной синхронизации [13] и акустическая стимуляция сна [5; 8; 10]. Ступенью ниже стоят узкие протоколы с бинауральными биениями, адресованные тревоге, вниманию и субъективному состоянию [6; 11]; результаты здесь расходятся: систематический обзор четырнадцати работ не подтвердил однозначно гипотезу надежного ритмического вовлечения [6], а при сравнении засыпания под монотонные фонограммы вклад собственно бинауральной компоненты выделить не удалось [2]. Замыкают ряд томатис-подобная линия и слуховая интеграционная терапия – с широкими показаниями и слабо стандартизованными исходами [3; 12; 14; 15]. Выстроенный ряд обнаруживает не случайность, а зависимость: надежность результата растет по мере того, как исход получает строгую операционализацию, а само вмешательство привязывается к текущему состоянию мозга.

Результаты и обсуждения

Наблюдения из практики: серия случаев

Материал прикладной работы с протоколом мы приводим прежде контролируемого исследования, и жанр этого материала следует обозначить точно: ретроспективная серия случаев. Заменить контролируемое испытание она не способна и такой цели не преследует; назначение ее иное – зафиксировать наблюдавшиеся изменения и очертить круг гипотез, подлежавших затем проверке. Охвачены четыре разнородные группы амбулаторной практики. Ни одна из них не набиралась как исследовательская выборка, а потому все приводимое ниже сохраняет статус предварительного наблюдения. Построение курса было модульным: циклы структурированного прослушивания фильтрованных программ с чередованием воздушной и костной проводимости; первый модуль – порядка пятнадцати сеансов.

Десять взрослых, жаловавшихся на снижение памяти и «затуманенность» после коронавирусной инфекции, по завершении модуля сообщали о возвращении ясности мышления; у части из них тональная аудиометрия обнаруживала сближение кривых воздушной и костной проводимости. Семеро детей, родившихся недоношенными, дали положительную динамику пространственной ориентировки, усидчивости и мелкой моторики. Третью группу составили клиенты старше шестидесяти пяти лет с жалобами на снижение слуха и утомляемость. Наиболее содержателен четвертый случай: трое пациентов после инсульта были включены в работу на третьи сутки, и к выписке у них регистрировалось начало восстановления речи, тогда как у пациентов той же палаты со сходной локализацией поражения, получавших неспецифическую стимуляцию, динамика была слабее. Каждое из этих наблюдений уязвимо, и уязвимо по-своему: серия ретроспективна и малочисленна, ослепление отсутствовало, часть исходов держится на самоотчете, а неспецифические факторы от возможного акустического воздействия здесь принципиально неотделимы. Отбросить материал по этой причине? Такой шаг мы полагаем неоправданным. Вопрос состоит в ином – в том, какое место серия

занимает в доказательной иерархии. Место это скромное, но вполне определенное: изменения наблюдались в ситуациях, независимых друг от друга по возрасту, характеру нарушения и условиям работы, и совпадение такого рода, доказательством не являясь, дало достаточное основание для перехода к контролируемому исследованию, результаты которого представлены ниже.

Контролируемое исследование: материалы и методы

Предшествующий анализ не просто подводит к необходимости контролируемой проверки, но и задает ее параметры. Сравнение требуется с активным контролем, а не с бездействием: иначе неспецифическое влияние музыки, отдыха, регулярности процедур и ожидания результата останется неотделимым от собственно акустического эффекта. Исходы должны быть операционализированы строго – иначе улучшение окажется неуловимым для измерения. Оба условия соблюдены в проведенном контролируемом исследовании; ниже последовательно представлены выборка, протокол вмешательства, показатели и результаты.

Отбор участников подчинялся двум встречным требованиям – достаточной однородности жалоб и безопасности процедуры. В анализ вошли данные 60 человек в возрасте от 20 до 45 лет, обратившихся по поводу умственного переутомления, эпизодического снижения концентрации или повышенного эмоционального напряжения; их распределили на три равные группы по 20 человек: NeuroTune, акустическое плацебо и лист ожидания. По возрасту, полу и исходной выраженности показателей группы сопоставимы (табл. 1). Жалоб на утомление для включения было недостаточно: требовались сохранный слух, стабильный режим приема препаратов и отсутствие иных нейроакустических программ в предшествующие три месяца. Не включались лица с эпилепсией и судорожными состояниями, кохлеарным имплантом, выраженным снижением слуха, острым неврологическим или психотическим состоянием, объемными процессами головного мозга, декомпенсированным соматическим заболеванием, выраженной гиперакузией и нестабильным артериальным давлением.

Группа NeuroTune получала 15 сеансов по 45 минут – пять занятий в неделю на протяжении трех недель. Программа включала фильтрованную музыкальную стимуляцию, чередование воздушной и костной проводимости, нерегулярное электронное переключение каналов, изменение спектрального состава сигнала, правоухую латерализацию и динамическое изменение тембра и интенсивности. Группа акустического плацебо слушала те же произведения через внешне идентичное оборудование при совпадающей продолжительности и числе процедур, но без спектральной фильтрации, правоухой латерализации, функционального использования костной проводимости, нерегулярного переключения и целевой динамической обработки; участникам сообщалось, что сравниваются два варианта программы. Группа листа ожидания сохраняла привычный образ жизни и обследовалась в те же точки.

Обследование проводилось до начала курса, после первого сеанса (для STAI-S и RMSSD), через один-три дня после завершения курса и через четыре недели. Первичным показателем было количество ошибок в задаче непрерывного выполнения на устойчивость внимания; вторичными – вариабельность времени реакции, ситуативная тревожность (STAI-S), умственное утомление (MFI-20), RMSSD, амплитуда P300 и индекс межполушарной асимметрии по нейроэнергокартографии (НЭК). Для ошибок, STAI-S, MFI-20 и индекса асимметрии благоприятной считалась отрицательная динамика, для RMSSD и P300 – увеличение значения. Рассчитывались средние и стандартные отклонения, изменения относительно исходного уровня, однофакторный дисперсионный анализ изменений, попарные t-тесты с поправкой Холма, размер эффекта Коэна d и доля объясненной дисперсии η^2; порог значимости – $p < 0,05$.

Таблица 1

Характеристика выборки до начала курса (M ± SD).

Table 1

Sample characteristics prior to the course (M ± SD).

Группа	n	Возраст	Женщины	Ошибки	STAI-S	MFI-20	RMSSD, мс
NeuroTune	20	33,9 ± 6,7	11 (55%)	14,2 ± 2,9	49,9 ± 7,4	64,5 ± 8,6	26,5 ± 7,7
Акустическое плацебо	20	34,4 ± 6,7	15 (75%)	12,9 ± 3,6	46,4 ± 7,8	63,9 ± 7,9	28,8 ± 7,2
Лист ожидания	20	33,9 ± 6,3	14 (70%)	13,9 ± 3,4	46,3 ± 7,4	63,2 ± 9,1	27,0 ± 6,3

Все 60 участников завершили наблюдение и включены в итоговый анализ. Динамика основных показателей по трем точкам измерения приведена в табл. 2, сравнение изменений от исходного уровня до окончания курса – в табл. 3.

Таблица 2

Динамика показателей: исходно / после курса / через 4 недели (M ± SD).

Table 2

Dynamics of parameters: baseline / after the course / at 4 weeks (M ± SD).

Показатель	Группа	Исходно	После курса	Через 4 недели
Ошибки внимания, ед.	NeuroTune	14,2 ± 2,9	9,6 ± 3,4	11,1 ± 3,1
	Плацебо	12,9 ± 3,6	10,6 ± 4,0	11,5 ± 4,1
	Лист ожидания	13,9 ± 3,4	13,8 ± 3,9	14,2 ± 3,6
Вариабельность реакции, мс	NeuroTune	91,8 ± 13,8	72,7 ± 18,9	78,3 ± 18,3
	Плацебо	87,7 ± 11,6	78,2 ± 14,8	82,3 ± 12,8
	Лист ожидания	86,4 ± 18,0	84,4 ± 17,5	86,1 ± 18,5
STAI-S, баллы	NeuroTune	49,9 ± 7,4	41,4 ± 7,9	44,0 ± 7,8
	Плацебо	46,4 ± 7,8	40,7 ± 8,6	43,3 ± 8,6
	Лист ожидания	46,3 ± 7,4	45,4 ± 8,0	46,0 ± 7,3
MFI-20, баллы	NeuroTune	64,5 ± 8,6	51,9 ± 8,8	56,2 ± 9,6
	Плацебо	63,9 ± 7,9	58,4 ± 8,6	61,1 ± 7,5
	Лист ожидания	63,2 ± 9,1	63,2 ± 9,9	62,4 ± 8,7
RMSSD, мс	NeuroTune	26,5 ± 7,7	35,3 ± 8,3	32,3 ± 8,5
	Плацебо	28,8 ± 7,2	33,3 ± 6,9	31,6 ± 6,7
	Лист ожидания	27,0 ± 6,3	28,5 ± 6,9	27,7 ± 6,7
P300, амплитуда, мкВ	NeuroTune	7,4 ± 1,1	9,7 ± 1,6	9,0 ± 1,6
	Плацебо	7,7 ± 1,1	8,6 ± 1,1	8,2 ± 1,1
	Лист ожидания	7,0 ± 1,2	7,2 ± 1,1	6,9 ± 1,2
Индекс асимметрии НЭК	NeuroTune	0,20 ± 0,10	0,13 ± 0,09	0,17 ± 0,10
	Плацебо	0,20 ± 0,10	0,17 ± 0,10	0,19 ± 0,10
	Лист ожидания	0,20 ± 0,09	0,19 ± 0,10	0,20 ± 0,10

Первичный результат. После курса среднее число ошибок в группе NeuroTune уменьшилось на 4,61 ед., в группе плацебо – на 2,25 ед., в группе листа ожидания – на 0,10 ед. Межгрупповой эффект значим ($F = 38,65$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,58$), различие между NeuroTune и акустическим плацебо также значимо ($p < 0,001$; $d = 1,51$). Таким образом, по первичному показателю NeuroTune превосходил эффект обычного прослушивания музыки; через четыре недели число ошибок оставалось ниже исходного уровня, хотя часть улучшения была утрачена.

Вторичные показатели. Вариабельность времени реакции в группе NeuroTune уменьшилась на 19,13 мс против 9,44 мс в плацебо-группе и 2,08 мс на листе ожидания ($F = 23,14$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,45$; NeuroTune – плацебо: $p = 0,003$; $d = 1,08$), что указывает не только на ускорение, но и на повышение стабильности когнитивной деятельности. Ситуативная тревожность (STAI-S) снизилась на 8,57 балла против 5,66 и 0,92 балла ($F = 29,38$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,51$; NeuroTune – плацебо: $p = 0,007$; $d = 0,90$). Заметное снижение в плацебо-группе показывает, что часть эффекта связана с прослушиванием музыки, отдыхом и ожиданием улучшения, тогда как более выраженная динамика в основной группе указывает на дополнительный специфический вклад целевой организации звукового сигнала. Умственное утомление (MFI-20) уменьшилось на 12,57 балла против 5,43 и 0,10 балла ($F = 47,84$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,63$; NeuroTune – плацебо: $p < 0,001$; $d = 1,72$) и стало одним из наиболее выраженных результатов.

Вегетативная регуляция и нейрофизиология. RMSSD в группе NeuroTune вырос на 8,85 мс против 4,56 и 1,52 мс ($F = 32,66$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,53$; NeuroTune – плацебо: $p < 0,001$; $d = 1,32$), что соответствует усилению парасимпатического вклада; прирост в плацебо-группе указывает на самостоятельный релаксирующий эффект музыки и организованного отдыха. Амплитуда P300 увеличилась на 2,28 мкВ против 0,88 и 0,24 мкВ ($F = 36,23$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,56$; $d = 1,57$), что согласуется с повышением эффективности распределения внимания. Индекс асимметрии НЭК снизился на 0,07 против 0,03 и 0,01 ($F = 38,62$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,58$; $d = 1,71$); этот показатель не должен использоваться изолированно и требует сопоставления с электроэнцефалографическими, когнитивными и клиническими данными.

Таблица 3

Сравнение изменений от исходного уровня до окончания курса.

Table 3

Comparison of changes from baseline to the end of the course.

Показатель	Δ NT	Δ плац.	Δ лист	F	η²	p	d
Ошибки внимания, ед.	−4,61	−2,25	−0,10	38,65	0,58	<0,001	1,51
Вариабельность реакции, мс	−19,13	−9,44	−2,08	23,14	0,45	0,003	1,08
STAI-S, баллы	−8,57	−5,66	−0,92	29,38	0,51	0,007	0,90
MFI-20, баллы	−12,57	−5,43	−0,10	47,84	0,63	<0,001	1,72
RMSSD, мс	+8,85	+4,56	+1,52	32,66	0,53	<0,001	1,32
P300, мкВ	+2,28	+0,88	+0,24	36,23	0,56	<0,001	1,57
Индекс асимметрии НЭК	−0,07	−0,03	−0,01	38,62	0,58	<0,001	1,71

Примечание: Δ – среднее изменение показателя; p и d приведены для сравнения NeuroTune с акустическим плацебо; различие NeuroTune с листом ожидания во всех показателях также значимо (p < 0,001).
Note: Δ – mean change in the parameter; p and d values are presented for the comparison of NeuroTune with the acoustic placebo; the difference between NeuroTune and the waiting list is also significant for all parameters (p < 0.001).

Анализ респондеров. Установлены условные критерии положительного ответа: снижение STAI-S не менее чем на 8 баллов, уменьшение числа ошибок внимания не менее чем на 3 и одновременное выполнение обоих критериев (табл. 4). Обоим критериям одновременно удовлетворили 30% участников группы NeuroTune, тогда как в группе плацебо таких оказалось 5%, а на листе ожидания не оказалось вовсе.

Таблица 4

Условные критерии ответа на вмешательство, n (%).

Table 4

Criteria for response to intervention, n (%).

Группа	Снижение STAI-S ≥ 8	Снижение ошибок ≥ 3	Оба критерия
NeuroTune	9/20 (45%)	16/20 (80%)	6/20 (30%)
Акустическое плацебо	5/20 (25%)	5/20 (25%)	1/20 (5%)
Лист ожидания	1/20 (5%)	2/20 (10%)	0/20 (0%)

Безопасность. Серьезных нежелательных явлений не зарегистрировано ни в одной из групп. В группе NeuroTune двое участников отметили кратковременную сонливость, еще двое – легкую головную боль, шестнадцать человек не отметили ничего. В группе акустического плацебо сонливость наблюдалась у троих, головная боль у одного, шестнадцать участников остались без каких-либо явлений; на листе ожидания нежелательные явления не возникали. Все зарегистрированное носило кратковременный характер, медицинского вмешательства не потребовало и ни в одном случае не послужило причиной выбывания.

Первое, что заслуживает внимания в полученных данных, – динамика самого плацебо. Она значима, и списывать ее нельзя: прослушивание музыки, снижение нагрузки, спокойная обстановка, регулярность процедур, ожидание улучшения воздействуют на тревожность, утомление и вегетативные показатели без какой бы то ни было специальной обработки сигнала. Тем самым задана планка, относительно которой только и имеет смысл оценивать основную группу. Планку эту группа NeuroTune превысила – по вниманию, вариабельности реакции, утомлению, RMSSD, P300 и индексу асимметрии; именно превышение, а не абсолютная величина сдвига, и относится нами на счет спектральной обработки, латерализации и сочетания воздушной и костной проводимости. По тревожности превосходство сохранилось, но выражено скромнее. Объяснение мы усматриваем в разной природе исходов: эмоциональное расслабление в значительной мере обеспечивается общими свойствами музыки, тогда как когнитивные и нейрофизиологические показатели отзываются на специальную организацию сигнала.

Приведенные значения получены при фактическом обследовании участников до и после курса и соотнесены с результатами активного акустического плацебо и листа ожидания; статус их, следовательно, эмпирический. Отсюда и формулировка вывода: протокол NeuroTune получает предварительное экспериментальное подтверждение в отношении снижения умственного утомления, устойчивости внимания и нормализации ряда психофизиологических показателей у взрослых без тяжелой неврологической патологии.

Определение «предварительное» мы ставим сознательно – оно означает, что вывод открыт для уточнения и опровержения на большем материале.

Ограничения проведенного исследования удобно разделить по их природе. Одни касаются мощности: 60 участников не дают возможности анализировать подгруппы. Другие относятся к процедуре – полное ослепление недостижимо, поскольку программы различимы на слух, а нейроэнергокартография не может служить единственным объективным подтверждением и требует сопоставления с электроэнцефалографией. Третьи затрагивают сам предмет: вклад отдельных компонентов NeuroTune не определен, последствия более длительных курсов не изучены, выборка ограничена взрослыми без тяжелой патологии. Последняя группа ограничений и задает ближайшую программу работы – сопоставить полный протокол с вариантами без костной проводимости, без правоухой латерализации и без электронного переключения каналов. Пока такое сопоставление не проведено, эффект приходится приписывать протоколу целиком, а не тем или иным его составляющим.

Разговор о безопасности мы ведем не в терминах маркетинговой формулы «натурально и безопасно», а в терминах гигиены слуха. Стандарты безопасного прослушивания ВОЗ и Международного союза электросвязи задают для взрослых недельную дозу 80 дБ(А) в течение 40 часов [16]. Ежедневный режим сессий, на наш взгляд, обязывает держаться заметно ниже этой границы, поскольку риски сосредоточены в трех точках: собственно слуховая нагрузка, усиление дискомфорта при гиперакузии, провокация симптомов у лиц с неврологической нестабильностью. К этому примыкает этический контур – прозрачность предрегистрации, разграничение оздоровительных и медицинских заявлений, особая осторожность в работе с уязвимыми группами. Отдельно назовем условие, нарушаемое чаще прочих: показания не должны расширяться прежде, чем для каждой новой ниши появится собственная доказательная база [14; 15].

Выводы

Во-первых, нейроакустическая стимуляция остается областью перспективной и вместе с тем крайне неоднородной. Говорить о ней корректно можно лишь при условии, что техники различаются по типу сигнала и уровню воздействия; общее же обещание влияния на мозг уравнивает направления обеспеченные и необеспеченные, чем вредит и тем и другим.

Во-вторых, звук способен модулировать состояния, но сила и характер эффекта определяются типом сигнала и контекстом применения. Наиболее устойчивы данные для ритмической стимуляции моторики [13] и фазово-ориентированной акустики сна [5; 8; 10]; для протоколов с бинауральными биениями и для спектрально-латерализованных программ доказательность существенно ниже [6; 12]. Разница здесь, подчеркнем, не количественная, а качественная: речь идет о разных степенях проверенности механизма.

В-третьих, прикладные разработки томатис-подобного типа, к которым принадлежит «НейроТьюн», ценны двояко – как источник проверяемых гипотез и как предмет контролируемой эмпирической оценки. Проведенное сравнение с активным акустическим плацебо и листом ожидания дало структуру результата не ожидаемую, а статистически подтвержденную: динамика внимания, утомления, вегетативной регуляции и нейрофизиологических показателей в группе NeuroTune оказалась более выраженной при контроле вклада неспецифических факторов. Это переводит обсуждение «НейроТьюн» из плоскости правдоподобного механизма в плоскость экспериментально полученных данных и одновременно задает программу дальнейшей проверки компонентов протокола. Специалисту сегодня необходима не вера в «чудо-запись» и не огульное отрицание, а способность отличать механизм от результата и оздоровительное заявление от медицинского; именно это различение превращает работу со звуком из области ожиданий в область знания.

Список источников

1. Бубнова А.Е., Долецкий А.Н., Калачев А.А., Клаучек С.В., Мулик А.Б. Влияние бинауральных биений на нейро- и психофизиологические характеристики человека-оператора // Материалы XVI Международной конференции по нейрокибернетике / отв. ред. В.Н. Кирой. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2012. Т. 1. С. 173 – 176.

2. Шумов Д.Е., Арсеньев Г.Н., Свешников Д.С., Дорохов В.Б. Сравнительный анализ влияния бинауральных биений и сходных видов звуковой стимуляции на процесс засыпания: короткое сообщение // Вестник Московского университета. Серия 16, Биология. 2017. Т. 72. № 1. С. 39 – 43.

3. Corbett B.A.K. Shickman E. Ferrer Brief Report: The Effects of Tomatis Sound Therapy on Language in Children with Autism // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2008. Vol. 38. № 3. P. 562 – 566. DOI: 10.1007/s10803-007-0413-1

4. Engelbregt H.M. Barmentlo D. Keeser O. Pogarell J.B. Deijen Effects of binaural and monaural beat stimulation on attention and EEG // Experimental Brain Research. 2021. Vol. 239. № 9. P. 2781 – 2791. DOI: 10.1007/s00221-021-06155-z

5. Hu X.L.Y., Cheng M.H., Chiu K.A. Paller Promoting memory consolidation during sleep: a meta-analysis of targeted memory reactivation // Psychological Bulletin. 2020. Vol. 146. № 3. P. 218 – 244. DOI: 10.1037/bul0000223

6. Ingendoh R.M., Posny E.S., Heine A. Binaural beats to entrain the brain? A systematic review of the effects of binaural beat stimulation on brain oscillatory activity, and the implications for psychological research and intervention // PLOS ONE. 2023. Vol. 18. № 5. e0286023. DOI: 10.1371/journal.pone.0286023

7. McConnell P.A.B., Froeliger E.L., Garland J.C., Ives G.A. Sforzo Auditory driving of the autonomic nervous system: listening to theta-frequency binaural beats post-exercise increases parasympathetic activation and sympathetic withdrawal // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Art. 1248. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01248

8. Ngo H.-V.V., Claussen J.C., Born J., Molle M. Induction of slow oscillations by rhythmic acoustic stimulation // Journal of Sleep Research. 2013. Vol. 22. № 1. P. 22 – 31. DOI: 10.1111/j.1365-2869.2012.01039.x

9. Oster G. Auditory beats in the brain // Scientific American. 1973. Vol. 229. № 4. P. 94 – 102. DOI: 10.1038/scientificamerican1073-94

10. Papalambros N.A., Santostasi G., Malkani R.G., Braun R., Weintraub S., Paller K.A., Zee P.C. Acoustic enhancement of sleep slow oscillations and concomitant memory improvement in older adults // Frontiers in Human Neuroscience. 2017. Vol. 11. Art. 109. DOI: 10.3389/fnhum.2017.00109

11. Shamsi F.F. Azadinia M. Shaygan Does brain entrainment using binaural auditory beats affect pain perception in acute and chronic pain? A systematic review // BMC Complementary Medicine and Therapies. 2024. Vol. 24. № 1. Art. 34. DOI: 10.1186/s12906-024-04339-y

12. Sinha Y., Silove N., Hayen A., Williams K. Auditory integration training and other sound therapies for autism spectrum disorders (ASD) // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2011. № 12. CD003681. DOI: 10.1002/14651858.CD003681.pub3

13. Wang L.J.-L., Peng W., Xiang Y.-J., Huang A.-L. Chen Effects of rhythmic auditory stimulation on motor function and balance ability in stroke: a systematic review and meta-analysis of clinical randomized controlled studies // Frontiers in Neuroscience. 2022. Vol. 16. Art. 1043575. DOI: 10.3389/fnins.2022.1043575

14. American Academy of Audiology. Position Statement: Auditory Integration Training (AIT) [Электронный ресурс]. 2010. Доступ: https://www.audiology.org/practice-guideline/position-statement-auditory-integration-training-ait/ (дата обращения: 05.07.2026)

15. American Speech-Language-Hearing Association. Auditory Integration Training [Position Statement] [Электронный ресурс]. 2004. DOI: 10.1044/policy.PS2004-00218. Доступ: https://www.asha.org/policy/PS2004-00218/ (дата обращения: 05.07.2026)

16. World Health Organization, International Telecommunication Union. Safe listening devices and systems: a WHO-ITU standard [Электронный ресурс]. Geneva: WHO, 2019. Доступ: https://www.who.int/publications/i/item/9789241515276 (дата обращения: 05.07.2026)

References

1. Bubnova A.E., Doletsky A.N., Kalachev A.A., Klauchek S.V., Mulik A.B. Influence of binaural beats on the neuro- and psychophysiological characteristics of a human operator. Proceedings of the XVI International Conference on Neurocybernetics. Ed. V.N. Kiroy. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2012. Vol. 1. P. 173 – 176.

2. Shumov D.E., Arsenyev G.N., Sveshnikov D.S., Dorokhov V.B. Comparative analysis of the effects of binaural beats and similar types of sound stimulation on the process of falling asleep: a brief report. Moscow University Bulletin. Series 16, Biology. 2017. Vol. 72. No. 1. P. 39 – 43.

3. Corbett B.A., Shickman K., Ferrer E. Brief Report: The Effects of Tomatis Sound Therapy on Language in Children with Autism. Journal of Autism and Developmental Disorders. 2008. Vol. 38. No. 3. P. 562 – 566. DOI: 10.1007/s10803-007-0413-1

4. Engelbregt H.M., Barmentlo D., Keeser O., Pogarell O., Deijen J.B. Effects of binaural and monaural beat stimulation on attention and EEG. Experimental Brain Research. 2021. Vol. 239. No. 9. P. 2781 – 2791. DOI: 10.1007/s00221-021-06155-z

5. Hu X.L.Y., Cheng M.H., Chiu K.A. Paller Promoting memory consolidation during sleep: a meta-analysis of targeted memory reactivation. Psychological Bulletin. 2020. Vol. 146. No. 3. P. 218 – 244. DOI: 10.1037/bul0000223

6. Ingendoh R.M., Posny E.S., Heine A. Binaural beats to entrain the brain? A systematic review of the effects of binaural beat stimulation on brain oscillatory activity, and the implications for psychological re-search and intervention. PLOS ONE. 2023. Vol. 18. No. 5. e0286023. DOI: 10.1371/journal.pone.0286023

7. McConnell P.A.B., Froeliger E.L., Garland J.C., Ives G.A. Sforzo Auditory driving of the autonomic nervous system: listening to theta-frequency binaural beats post-exercise increases parasympathetic activation and sympathetic withdrawal. Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Art. 1248. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01248

8. Ngo H.-V.V., Claussen J.C., Born J., Molle M. Induction of slow oscillations by rhythmic acoustic stimulation. Journal of Sleep Research. 2013. Vol. 22. No. 1. P. 22 – 31. DOI: 10.1111/j.1365-2869.2012.01039.x

9. Oster G. Auditory beats in the brain. Scientific American. 1973. Vol. 229. No. 4. P. 94 – 102. DOI: 10.1038/scientificamerican1073-94

10. Papalambros N.A., Santostasi G., Malkani R.G., Braun R., Weintraub S., Paller K.A., Zee P.C. Acoustic enhancement of sleep slow oscillations and concomitant memory improvement in older adults. Frontiers in Human Neuroscience. 2017. Vol. 11. Art. 109. DOI: 10.3389/fnhum.2017.00109

11. Shamsi F.F. Azadinia M. Shaygan Does brain entrainment using binaural auditory beats affect pain perception in acute and chronic pain? A systematic review. BMC Complementary Medicine and Therapies. 2024. Vol. 24. No. 1. Art. 34. DOI: 10.1186/s12906-024-04339-y

12. Sinha Y., Silove N., Hayen A., Williams K. Auditory integration training and other sound therapies for autism spectrum disorders (ASD). Cochrane Database of Systematic Reviews. 2011. No. 12. CD003681. DOI: 10.1002/14651858.CD003681.pub3

13. Wang L.J.-L., Peng W., Xiang Y.-J., Huang A.-L. Chen Effects of rhythmic auditory stimulation on motor function and balance ability in stroke: a systematic review and meta-analysis of clinical randomized controlled studies. Frontiers in Neuroscience. 2022. Vol. 16. Art. 1043575. DOI: 10.3389/fnins.2022.1043575

14. American Academy of Audiology. Position Statement: Auditory Integration Training (AIT) [Electronic resource]. 2010. Access: https://www.audiology.org/practice-guideline/position-statement-auditory-integration-training-ait/ (date of access: 05.07.2026)

15. American Speech-Language-Hearing Association. Auditory Integration Training [Position Statement] [Electronic resource]. 2004. DOI: 10.1044/policy.PS2004-00218. Access: https://www.asha.org/policy/PS2004-00218/ (date of access: 05.07.2026)

16. World Health Organization, International Telecommunication Union. Safe listening devices and systems: a WHO-ITU standard [Electronic resource]. Geneva: WHO, 2019. Access: https://www.who.int/publications/i/item/9789241515276 (date of access: 05.07.2026)

Информация об авторе

Шавыкина К.А., соискатель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, k.shavykina@bk.ru

© Шавыкина К.А., 2026